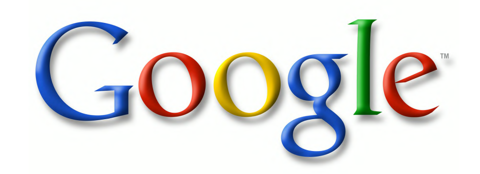
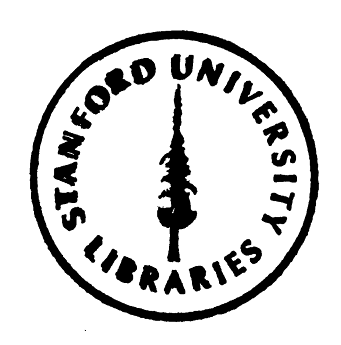
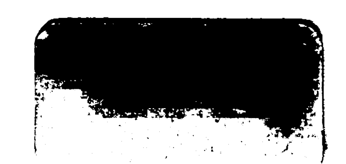

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЧТЕНІЯ

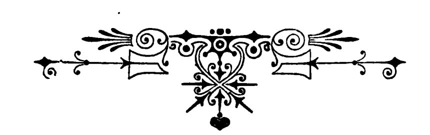
по

ВРАЧЕБНОЙ ИСТОРІИ РОССІИ.

Одно честолюбіе приличное честному человѣку — дѣянія достойныя описанія (исторія) или описаніе дѣлъ достойныхъ чтенія.

Плиній младшій.

Л. Ф. Змѣевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 февраля 1896 года.

Спб. Типографія В. Демакова, Новый пер., 7.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ посвящаетъ вѣрноподданный

Левъ Змѣевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ВСТУПИТЕЛЬНАЯ.

ЧАСТЬ II.

Очеркъ исторіи русскаго врачевства отъ первыхъ временъ до единодержавія Петра I.

Кто, вступая въ жизнь, хочетъ быть сознательно и добросовѣстно дѣйствующимъ на пользу родины лицомъ, тому необходимо знать исторію (своего дѣла), чтобы не бродить ощупью и не ѣсть даромъ общественнаго хлѣба.

Естественно-историческій способъ мышленія, положенный въ основу нашего врачебнаго образованія, пріучилъ васъ, мм. гг., къ точному, почти математическому и строго послѣдовательному изложенію. Не то изложеніе, напр., историческое, гдѣ строгая законченность почти невозможна. Поэтому оно можетъ быть возбудитъ въ васъ иногда не совсѣмъ точную критику мысли. Послѣ сухаго изложенія, которое слушалось съ напряженнымъ вниманіемъ, покажутся, пожалуй, легкими мои простыя рѣчи. Но въ нихъ глубокій смыслъ! Какъ, напр., входя въ театръ среди представленія, вы не получите уже цѣльнаго впечатлѣнія, такъ не зная нашей врачебной исторіи, многое для васъ на всю жизнь останется непонятнымъ. Не говоря уже о потребности духа знать исторію родины. Мнѣ первому въ Россіи посчастливилось начать чтенія по нашей врачебной исторіи въ Академіи и потому уже вы поймете, что они далеки отъ совершенства.

Взглянемъ мелькомъ, какъ писалась исторія (т. е. на исторіеграфію)? Никто и до сихъ поръ не умѣлъ такъ высоко-художественно соединить необыкновенную простоту съ законченностію и драматизмомъ въ своемъ разсказѣ, какъ отецъ исторіи Геродотъ (V в. до Р. Хр.). Зато стройное въ частяхъ и законченное въ цѣломъ изящное изложеніе лишь того, что видѣлъ самъ, ярко выдвигаетъ Ѳукидитъ. Если первый поэтическій разсказчикъ, то второй политическій наставникъ и мудрецъ. Вѣрность сужденія, сила изображенія, высота мысли, образность лицъ не подражаемы. Его пойметъ не каждый. Ксенофонтъ ужъ человѣкъ партіи (спартанецъ), у него нѣтъ широкаго государственнаго взгляда и пластичности образовъ Ѳукидита, зато слогъ безупреченъ. Близокъ къ нему и Плутархъ (50—120 по Р. Хр.). Греческіе историки старались возбуждать любовь къ отечеству и свободѣ.

Напротивъ, римскіе историки давали героевъ. Самую лучшую часть изложенія Тита Ливія (р. 59 по Р. Хр.) составляютъ рѣчи его дѣятелей. Красота и вѣрность картинъ неподражаемы. Саллюстій хотѣлъ быть историкомъ, такъ сказать, разврата (югурт. войны, возмущеніе Катилл.). Близкое къ Ѳукидиту изложеніе его блещетъ необыкновенной краткостію слога. И если Титъ Ливій пѣвецъ римской старины, то Саллюстій мыслитель. Записки о Гальской войнѣ Цезаря всѣмъ извѣстны. Исторія римскаго народа и лѣтописи Корнелія Тацита (въ I в. по Р. Хр.) это сплошная проповѣдь о гибели Рима отъ разврата и властолюбія цезарей. Пламя сдержаннаго гнѣва даетъ яркое освѣщеніе изображаемымъ лицамъ и событіямъ. Его увлекательные разсказы породили много подражателей его слогу и чувствамъ.

Историки IV, V и слѣд. вв., хотя и съ христіанскимъ направленіемъ, служа переходомъ къ средневѣковой исторіи, все-таки представляли, при тогдашнемъ паденіи духа, много уродливаго, пока смѣсь старой философіи и христіанской догматики переродилась въ теплую вѣру и задушевную сердечность монаховъ, составителей хроникъ, какъ Григ.

Турскій (540), Исид. Севильскій (VI в.), преподобный Бода (673), Павелъ діаконъ (730). Впрочемъ до самаго рыцарства исторія была лишь церковная — равенство всѣхъ во имя Христа. Въ то, безграмотное, по историку, время и они считались мудрецами.

Испанскія хроники (основа лѣтописи), какъ образецъ рыцарства, полны боевыхъ тревогъ, борьбы съ магометанствомъ за христіанство. Онѣ развили сознаніе силы, а стало и гордость, вѣрность къ королю. Даже въ слогѣ наивность близкая къ Геродоту. Апала, Пульгаръ, Мендоза. Ихъ сравниваютъ не безъ основанія съ Ливіемъ. Французскіе лѣтописцы того времени трескучи, какъ Фруассаръ (1337). Хроники конца времени возрожденія уже болѣе политическія, чѣмъ церковныя.

Тогда же, какъ извѣстно, началось подражаніе древнимъ. Республиканскія понятія нравились на классической свободной почвѣ Италіи. Классическая исторія, какъ Геродотъ, читалась на площадяхъ, каждый городъ имѣлъ своего историка. Первая Спинелли (какъ и всѣ по латыни). Хронисты временъ возрожденія составляютъ переходъ къ временамъ Новой исторіи.

Тутъ уже историческій взглядъ развивался подъ вліяніемъ идей каждаго вѣка. Явились исторіи съ богословскимъ, юридическимъ и съ философскимъ направленіемъ — для насъ и важнымъ. Вико (1668—1725), Гердеръ (1774), Бокль (1823—1862). Цѣль ихъ — изученіе общихъ законовъ развитія въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ.

Въ нашемъ вѣкѣ явилось направленіе Критическое, требующее строгаго изслѣдованія источниковъ прежде чѣмъ начать разсказъ, въ который вносится лишь достовѣрное, не гонясь за отдѣлкой слога. Поэтически изящнаго изложенія нѣтъ. Это больше матеріалы для исторіи. Основатель этого направленія (1817) Нибуръ (Римская исторія) и Шлоссеръ, пересмотрѣвшій источники всей всемірной исторіи. Имъ слѣдовалъ у насъ С. М. Соловьевъ. Но все это европейскія направленія (кромѣ греческихъ), вытекавшія изъ особенностей духа европейскихъ народовъ, выдающихся чертъ характера и міровоззрѣнія ихъ, особенностей, такъ сказать, историческаго типа развитія ихъ. И какъ таковыя, будучи неблизки славянскому духу и міросозерцанію въ твореніяхъ славянскихъ историковъ, выразились лишь подражательностію смотря по мѣрѣ усвоенія, идей Запада. Или были заурядны, или не раскрывали вполнѣ всѣхъ явленій нашей исторической жизни, не всегда ясно понимали ее, а кладя въ основу европейскіе законы развитія, даже затѣмняли ее, хотя можетъ быть и не намѣренно.

Несравненно увлекательнѣе Художественное направленіе, когда строгое изученіе источниковъ соединяется съ изящной красотой изложенія. Первый изъ новыхъ писалъ такъ Огюстъ Тьерри (1735 † 1856), въ его Исторіи завоеванія Англіи, лѣтописи вносятся цѣликомъ, дѣйствующія лица говорятъ современнымъ имъ языкомъ. За нимъ пошли чуть не всѣ англійскіе историки: Прейскотъ, Вашингтонъ-Ирвингъ, Мотлей и Маколей (1800 † 59). У него лица и событія оживаютъ у васъ на глазахъ. Его Исторія Англіи это верхъ совершенства и вмѣстѣ народная эпопея. У насъ старались писать такъ Карамзинъ, Грановскій, Кудрявцевъ и Костомаровъ.

Единственная у насъ исторія медицины въ Россіи (1813), конечно, не подходитъ ни подъ критическое, ни подъ художественное направленіе. Да и то сказать, держаться, втораго направленія едвали вполнѣ во врачебной наукѣ и возможно, обязательная же критика, прежде чего, по моему, невозможно и художество, у насъ сильно затрудняется недостаткомъ источниковъ для древнихъ и среднихъ временъ. Но по какому бы изъ вышесказанныхъ путей мы ни пошли, будемъ помнить: что если русская врачебная исторія имѣетъ свой смыслъ бытія, то она должна разъяснить прошедшія судьбы ея, причинную ихъ связь, вывести тѣ, такъ сказать, законы необходимости, которымъ она не могла не слѣдовать, отъ коихъ не можетъ отступить и въ будущемъ и къ чему по необходимости они приведутъ ее. Какъ, напр., геологу мало знать, что въ глубинѣ моря отлагается известнякъ мелкими песчинками, ему должна сказать химія отъ чего это? Физикъ скажетъ ему, что ледниковый періодъ или отъ измѣненія теплаго теченія (голфстремъ) или отъ пятенъ на солнцѣ въ періодъ отдѣленія новой планеты зазаствившей такимъ образомъ землю.

Такъ и археологу-историку долженъ сказать врачъ-физіологъ отъ чего то или другое племя (помимо бытовыхъ и другихъ условій), проходя Россію, остановилось въ ней или нѣтъ. То есть почему тотъ или другой организмъ могъ приспособиться или нѣтъ. Напр., азіатъ кочевникъ не могъ остаться въ средней Россіи, потому что переходъ разомъ отъ сухаго степнаго климата къ сырому проходно-лѣсному былъ слишкомъ рѣзокъ, чего организмъ не выдерживалъ. Почему аборигенное въ Россіи финское племя, уступая натиску славянъ, удалилось къ сѣверу, ибо, появившись само въ ледниковый періодъ, организмъ финна не могъ безнаказанно переносить азіатскаго сухаго степнаго климата, какъ рыба вынутая изъ глубинъ морскихъ, раздувается и лопается. Почему славяне сладили съ обоими климатами и потому, естественно, вытѣснили обѣ народности? Потому что продвигаясь изъ Египта-ль чрезъ Итальянскія горы или изъ Сирійскихъ степей чрезъ Кавказскія успѣлъ (самъ какъ горный уроженецъ) освоиться. Организмъ его постояннымъ приспособленіемъ выработалъ переносливость и къ теплу и къ холоду. И теперь арабъ въ своей степи чуть не замерзая валится съ верблюда въ прохладныя ночи далеко до 0°. А переселясь въ умѣренный климатъ, все первое поколѣніе преждевременно вымираетъ, большею частью отъ чахотки.

Историку мыслителю, кромѣ знакомства съ философіей исторіи и съ своимъ дѣломъ, нужно еще пониманіе народной жизни, любовь къ ней, кромѣ полнаго знакомства съ источниками и глубокое пониманіе ихъ въ необходимой зависимости отъ всего окружающаго міра. Всякій мыслящій писатель (поэтъ, историкъ тожъ) черпаетъ изъ жизни помимо предшественниковъ. Поэтому каждаго нужно объяснять изъ свойствъ его народа, событій, времени, такъ какъ, понимая глубоко свое время, онъ черезъ призму его и пишетъ. Даже безпристрастный историкъ не чуждъ того. Слѣдовательно, иноземецъ, не могущій естественно чутко понимать жизнь народа, да еще пришлаго, совсѣмъ не годится въ историки. Примѣръ Ог. Тьерри. Сравните его «Завоеваніе Англіи» и «Французская революція». Двѣ вещи несоизмѣримыя, не смотря на всю яркую художественность изложенія перваго. Наши западные критики, составляя толпу, которой удобнѣе двигаться по привычной колеѣ прогресса, т. е. подражать западу, чѣмъ мыслить самостоятельно, хвалятъ нашихъ писателей (даже Пушкина и Карамзина), пока они не вышли изъ подражательности, а лишь сдѣлались самобытными, стали на свои ноги, наши мудрецы не чувствуютъ даже любопытства и часто негодуютъ.

«Люди устраиваютъ свой образъ жизни сообразно своимъ потребностямъ и способу ихъ удовлетворенія», говоритъ Аристотель. Т. е. ключъ пониманія исторіи общества лежитъ въ экономической его исторіи, а не наоборотъ. «Всѣ науки родились,—говоритъ Ж. Б. Вико,—изъ общественныхъ потребностей и нуждъ народовъ и ходъ идей соотвѣтствуетъ ходу вещей».

Исходя изъ того положенія, что изъ объективныхъ наукъ (субъективными будутъ математика и логика—т. е. психическая математика), лишь химія (изучающая матерію), физика (движеніе) и психологія (изучающая духъ) могутъ быть названы теоретическими, т. е. добытыя ими истины суть міровые законы (напр., въ химіи ученіе о паяхъ въ соединеніяхъ, а въ физикѣ законы тяготѣнія); что всѣ остальныя науки, добывая лишь частные, на извѣстную лишь группу предметовъ распространяющіеся, законы могутъ быть лишь сравнительными; казалось бы и въ нашей наукѣ—исторія врачевства въ Россіи—какъ и въ общей исторіи (какъ частной отрасли науки духа) долженъ быть положенъ въ основу методъ сравнительнаго изученія. Но если онъ допустимъ и дастъ хорошіе успѣхи въ общей исторіи, то въ русской врачебной, хотя и построенной на законахъ, добытыхъ общей русской исторіей, онъ мало обѣщаетъ удачи, потому что нашъ славянскій культурно-историческій типъ на столько отличенъ, даже противуположенъ европейскому, что сравненіе съ нимъ научно безплодно и скорѣе затемнитъ, чѣмъ уяснитъ наше пониманіе, а всѣ явленія общественнаго міра суть явленія національныя и съ этой одной лишь точки зрѣнія и могутъ быть изучаемы. Сравненіе (единственно возможное) могло бы быть плодотворно лишь въ естественной группѣ славянскихъ племенъ межъ собой. Но и здѣсь насъ можетъ ожидать разочарованіе, по той краеугольной разницѣ въ вынесенныхъ изъ жизни

взглядовъ. Возьмемъ для примѣра народный взглядъ на врача. У сербовъ, болгаръ и даже чеховъ врачъ издавна почетная, уважаемая особа. Выйдя изъ народа, онъ съумѣлъ черезъ тысячи лѣтъ пронести этотъ почетъ, хотя стоялъ большею частью далеко не всегда на уровнѣ науки (врачебной), но жилъ всегда съ народомъ, дѣля его невзгоды. Оттого съ возрожденіемъ этихъ племенъ, какъ независимыхъ государствъ, на нашихъ глазахъ врачъ, усвоившій уже современную науку, сталъ, такъ сказать, сразу, впереди народа, не теряя съ нимъ вѣковой связи, покидая часто свою науку для министерскаго, напр., портфеля. У насъ не то. Будучи продуктомъ Петровскихъ реформъ, сложившись почти въ особое врачебное сословіе (цехъ, чего не было у славянъ) по европейскимъ образцамъ и хотя тоже частью изъ народа, но за своей сословностью и оевропеенное образованіемъ утеряло всякую съ народомъ связь. Издревле, конечно, было по другому. Скифскаго врача уважали даже греки за науку, но скандинавскій приливъ въ Новгородъ и греческій въ Кіевъ затѣмнили туземнаго врача, оставивъ прозябать на степени знахаря, но вмѣстѣ съ народомъ. Онъ бы выбился и изъ татарскаго погрома, если бы третье (европейское) теченіе окончательно не смыло его съ почвы. Съ тѣхъ поръ народъ потерялъ въ него вѣру и даже боится его. Сверху же на него смотрятъ, какъ на «необходимое зло» (не мои слова), а интеллигенція, какъ на прислугу. Съ другой стороны христіанство застало насъ въ томъ переходномъ состояніи міровоззрѣній, когда жреческое сословіе не успѣло еще выработаться (врачи же вездѣ были изъ жрецовъ), тѣснѣе сплотиться, слиться съ народомъ. Заговоры, повѣрья, обрядность, обычаи и пр., хотя бы при одномъ лѣченіи, вытекая изъ всего міровоззрѣнія, составляютъ до того полное цѣлое, охватывающее всего человѣка и весь народъ, что отрѣшиться отъ какой-либо одной части народъ никоимъ образомъ не можетъ не перевернувъ вверхъ дномъ всего внутренняго міра. Возможно лишь одно — разомъ отрѣшиться отъ всего стараго. Но что возможно здраво убѣжденному уму одного человѣка, то не подъ силу общественному (состоящему изъ нѣсколькихъ поколѣній) уму. Остается ожидать, пока все отживающее міровоззрѣніе, переживъ, заглохнетъ, при содѣйствіи всепоглощающаго времени. А какъ оно складывалось десятками тысячъ лѣтъ, то едва ли потребуетъ меньше для своего окончательнаго уничтоженія. Тутъ же какъ бы нарочно всѣ заинтересованныя въ дѣлѣ стороны, не вникая въ сущность этого міроваго закона (не вѣдая, что творятъ), поддерживаютъ старыя убѣжденія тѣмъ, что стараются насильно дать новое, забывая, что насиліе не въ духѣ русскаго человѣка. Что же мудренаго, что народъ, не желая поступиться (пассивное противленіе) своимъ внутреннимъ я, не вѣритъ и не идетъ къ оффиціальному врачу и часто не безосновательно. Жалобы на это уклоненіе начались со времени обособленія врачебнаго сословія въ Россіи, естественны и теперь.

Во врачебную исторію входятъ много, почти обособившихся, отдѣльныхъ отраслей: исторія бывающихъ у насъ болѣзней а) всеобщихъ, б) мѣстныхъ, в) повальныхъ и причинность ихъ всѣхъ, — географія болѣзней съ статистикой, а теперь и демографія здороваго и больнаго человѣка; исторія лѣченія этихъ болѣзней, т. е. философскія и народныя воззрѣнія на болѣзнь и постепеннаго усовершенствованія какъ ученія о болѣзняхъ, такъ и методовъ лѣченія и пр. и все это въ зависимости отъ общаго состоянія наукъ въ странѣ; исторія быта самихъ лѣчителей, особенно стараго вѣка, лѣчебныхъ мѣстъ, законовъ врачебныхъ, судебныхъ, полицейскихъ, санитарныхъ и зависимость всего этого отъ политическаго, народнаго и др. развитія страны.

Здѣсь слѣдъ бы сказать о мѣстѣ, названіяхъ, значеніи и достоинствахъ нашихъ историческихъ источниковъ, но этимъ займется особая работа моя, теперь, къ сожалѣнію, еще не оконченная. Могу только предупредить не особенно довѣряться иноземнымъ сказаніямъ о насъ. Они не хотятъ знать о нашемъ врачествѣ. У Гезера въ «Исторіи» (изд. 1890) встрѣчаются Пироговъ, Шимановскій, да какіе то Гейфельдеры, Мандты. Тогда какъ во время полнаго разцвѣта Кильскаго университета, въ срединѣ прошлаго вѣка, тамъ былъ профессоромъ русскій — Полетика.

ЧАСТЬ ВСТУПИТЕЛЬНАЯ.

> Чѣмъ больше будемъ вглядываться со всѣхъ сторонъ въ разнообразныя условія, окружающія изучаемый предметъ, тѣмъ полнѣе освѣтится онъ и тѣмъ яснѣе будетъ вліяніе каждаго изъ нихъ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію собственно русской врачебной исторіи, остановимся на естественныхъ, бытовыхъ и другихъ близкихъ къ нимъ условіяхъ страны.

ГЛАВА I.

Поверхность русской равнины. — Лаврентіевская и Гуронская формаціи. — Силлурійская и Девонская форм. — Камменноугольная. — Пермская. — Заключеніе. — Вторичныя образованія, Тріасъ. — Юра. — Мѣлъ. — Третичныя, Эоценъ. — Міоценъ. — Пліоценъ. Заключеніе. Третичныя по М. Богданову. — Четвертичныя образованія, Ледниковыя — Дилловій. — Аллювій. — Опусканіе Арало-Каспія по М. Богданову.

Часть поверхности земнаго шара, занимаемая европейской Россіей, представляетъ равнину, окаймленную вокругъ по всѣмъ границамъ возвышеніями почвы, до 100 саж., вулканическаго происхожденія. Съ сѣвера возвышенный берегъ океана и Бѣлаго моря, финляндскія горы, морской берегъ Лифляндіи, Курляндіи, Карпаты, Волынскій, Днѣпровскія кряжи, Екатеринославскія высоты, Крымск. Кавказскія горы, Уральскій хребетъ ограничиваютъ русскую равнину, за самымъ малымъ исключеніемъ къ сѣверу отъ Карпатъ и къ югу отъ Урала. Средина всей равнины составляетъ плоскую возвышенность (Алаунская, Москва), до 150 саж., того же вулканическаго поднятія, слѣды котораго, не смотря на разрушеніе выстоящихъ породъ и ихъ размытіе, сохранились въ видѣ назыв. народомъ щ е л і й — высокихъ, прямыхъ, крутыхъ возвышенностей Олонецк. губ. Отъ этой плоской возвышенности поверхность во всѣ стороны идетъ, постоянно понижаясь, до 75 саж., вплоть до пограничной возвышенной каймы, поднимающейся сразу, мѣстами (финскіе, крымскіе) уступами. А какъ на такой равнинѣ напластываніе осадковъ естественно шло равномѣрными слоями, то въ углубленіяхъ предгорій и скопились подпочвенныя воды, образуя болота.

Вся поверхность европейской Россіи отъ временъ мірозданія, какъ извѣстно, была покрыта моремъ, сплошной полосой отъ Ледовитаго океана до Черно-Арало-Каспійскаго. На первобытные гнейсы, граниты (до 15000 саженъ въ Америкѣ) Л а в р е н т ь е в с к о й коры оно осаждало вывѣтренныя и размытыя породы въ видѣ первобытныхъ же Г у р о н с к и х ъ сланцевъ и шиферовъ, покрываемыхъ затѣмъ осадками силлурійскаго океана Вулканическая дѣятельность подняла и вывела изъ моря наружу граниты въ Финляндіи, Олонец., Архангел. губ., Уральск., Кавказск. хребтахъ, въ долинахъ Днѣпра, Буга и Днѣстра. Въ гранитахъ Финляндіи и Урала находятся 2 вида мрамора, рапакави — гнилой мраморъ, изъ него въ ледниковое время образовались валуны и руды. Тѣжъ руды и аморфный черный углеродъ, похожій на каменный уголь, найдемъ и въ гуронскихъ пластахъ тѣхъ же горъ. Въ Европѣ еще попадаются жалкіе остатки организмовъ въ гуронской фор-

нація, а въ Россіи и тѣхъ нѣтъ. Изъ Силлурійскаго океана выстояли Финляндія, Волынс., Кіевс., Екатер. кряжи, да на востокѣ Уральскій хребетъ съ параллельнымъ ему, у Бѣлаго моря, Тиманскимъ кряжемъ. Отложенія этого океана видны по Петербург., Эстлянд. и Лифлянд. губ., по Днѣстру, на Тиманс. кряжѣ и Уральскихъ горахъ. Въ остальныхъ мѣстахъ они закрыты болѣе новыми пластами. Самыя древнія, такъ назыв. кембрійскіе слои синей глины, унгулитоваго песчаника и горючаго сланца; средніе слои песчаники; верхніе — известняки. Общая покатость слоевъ на югъ, а у береговъ уступами (террасами). Близъ г. Холмы, Псков. губ., межъ девонскими пластами, а близъ Вышняго Волочка изъ слоевъ каменнаго угля выступаютъ островами силлурійскіе осадки. Самые мощные изъ нихъ къ сѣверу отъ Днѣпра, утончаясь постепенно на юго-востокъ. Ясна чечевицеобразная форма всего пласта по теченію Днѣпра. Ядро чечевицы известняки (25 саж. толщи), а по краямъ песчаники. Девонское море было меньше Силлурійскаго. На образованныхъ имъ такимъ образомъ берегахъ только и остались силлурійскіе пласты, непокрытые болѣе новыми слоями въ Олонец., Новгород., Петербург., Псковс., Лифл. и Курл. губ. Яркокрасные и свѣтлозеленые известняки девонскаго отложенія тянутся по Витебс., Смоленс., Калужс., Тульс., Орлов., Воронежс., Тамбов. и Рязан. губ. Ихъ три яруса. На мелководьѣ кварцевые песчаники, при опусканіи дна покрывавшіеся глинистыми песчаниками; на глубокихъ мѣстахъ известняки; при поднятіи дна опять отлагались глина и песчаники. Выступившія изъ моря толщи разрушались и снова отлагались на дно (У Радома, Келец. губ., у Тиманск. кряжа, у Печеры, Вычегды и запад. Урала). Какъ на переходныя къ каменно-угольнымъ отложеніямъ смотрятъ геологи на Малевко-Мураевниковскіе известняки, особенно въ Рязан. и Тульск. губ.. Каменно-угольное море еще много меньше Девонскаго. Оно отступило еще болѣе на востокъ, образуя берегомъ линію, идущую изъ-за Бѣлаго моря къ юго-западу, касаясь Архангельска, южнаго берега Онежскаго озера и на уровнѣ Новгорода, повернувшуюся прямо на югъ, а на высотѣ Орла прямо на востокъ почти до Тамбова, потомъ опять къ югу до Новочеркасска. Обходя такимъ образомъ такъ назыв. центральную девонскую ось (125 саженную толщу известняка выступившей суши), море охватывало Орлов., Воронеж., Харьк., Кіев. губ. Здѣсь по берегу слои песка, песчаники, обломки подлежащихъ породъ, идя къ сѣверу, къ центру, смѣнялись мергелями, мѣлуподобнымъ глубоководнымъ каменноугольнымъ известнякомъ. Въ Новгород. же и Тверс. губ., Валдайской возвышенности (145 саж.) надъ пескомъ и песчаниками отлагался известнякъ съ плохимъ каменнымъ углемъ, богатымъ сѣрнымъ колчеданомъ. Еще выше каменноугольные пласты залегали въ песчаникахъ Новгор., Моск., Тульск., Калужск. и Рязанс. губ., какъ побережныхъ того моря — дальше, къ срединѣ его, угля ужъ нѣтъ — такъ какъ водоросли (ляминаріи и фукоиды) лишь по берегамъ представляли роскошную растительность, въ глубинѣ же моря известняки отлагались безъ угля. Въ Донецкой возвышенности, по теченію теперяшняго Калъ-Міуса, Міуса, Донца, рѣки сносили наземный лѣсъ въ заливы (лиманы), гдѣ онъ отлагался межъ водорослей, заносился иломъ, пескомъ, а водоросли уходили дальше. За ними отступали заливы, снова наполняемые сплавленными деревьями, кои снова заносились иломъ и т. д. и т. д., образуя не высокіе (25 саж.) пласты каменнаго угля по Тиманскому кряжу и вдоль всего Уральскаго хребта. Межъ крайними выходами каменнаго угля въ Москвѣ и близъ Урала площадь покрыта пермскими отложеніями и пестрыми рухляками, а подъ ними каменноугольныя породы. Пермское море было почти такой же величины. Западный берегъ его почти прямая линія съ сѣвера на югъ чрезъ Архангельскъ, Кострому, Тамбовъ, выше Новочеркасска и Ставрополя. Восточный берегъ шелъ тоже почти прямой линіею на Пермь, Оренбургъ и восточный берегъ Каспійскаго моря. Отложенія Пермскаго моря—известняки, рухляки съ богатыми мѣдными рудами по уральскимъ склонамъ (Бахлу), на Екатеринославскія возвышенности, мощныя залежи каменной соли у теперяшняго Славянска, Соликамска, Солигалича, Сольвычегодска.

Слѣдовательно въ древнее время, т. е. въ первичныхъ образованіяхъ, кромѣ моря, отступавшаго или наступавшаго, отъ поднятія или опусканія дна его, дѣйствовали и вулканическія силы. Такъ, еще въ девонское время на сѣверѣ Россіи огромные потоки лавы

отъ соприкосновенія (контактъ-метаморфоза) съ осадочными породами образовали стекловидные камни, яхонты, всѣ хрустальныя породы и пр. и пр. Та-же вулканическая дѣятельность продолжалась и въ каменноугольное время, какъ вышесказанныя олонецкія щели.

Въ лаврентьевской и гуронской формаціяхъ, какъ видѣли, нѣтъ остатковъ организмовъ. Въ такомъ огромномъ морѣ могла быть лишь морская живность — мягкотѣлыя, при полномъ отсутствіи наземныхъ животныхъ. Въ силлурійское время это царство мягкотѣлыхъ — головоногихъ (ортоцератиты), плеченогихъ и ракообразныхъ (трилобитовъ) самыхъ характерныхъ для силлура, кораллы, иглокожія. Около Петербурга въ силлурійскихъ известнякахъ нерѣдка длинная прямая раковина двухъ аршинъ. Въ девонское время являются характерныя закрученныя раковины наутилидовъ, гоніотидовъ. Силлурійскія мягкотѣлыя исчезаютъ, замѣняясь безголовыми, но характерны для девона лишь громадныя щитоносныя рыбы. Въ каменноугольныхъ пластахъ множество мелкихъ фораминифера а въ пермскихъ ящеры, особенно на Уральскихъ горахъ. Фукоиды и другія водоросли встрѣчаются въ силлурійское и девонское время; а наземныхъ растеній не знаемъ. Хотя нужно предполагать, что въ девонское время ихъ было не мало, такъ какъ въ каменноугольный періодъ знаемъ богатую и роскошную растительность, покрывающую всѣ материки — громадные древовидные хвощи, папоротники, плауны на землѣ и цѣлые лѣса водорослей въ водѣ океана у берега. Въ пермскихъ слояхъ встрѣчаемъ много меньше растительности, но отпечатки громадныхъ каламитовъ, папоротниковъ отлично сохранили пермскія руды Урала.

Вторичныя образованія:

Тріасовые пестрые мергели или пестрые рухляки залегаютъ прямо на пермской породѣ въ губ. Архангел., Вологод., Тверс., Яросл., Костромс., Нижегород., Казан., Вятс., Пермс., Уфимс., Самар. Оренбургской и узкой полосой съ запада подъ Уральскимъ хребтомъ, уходя въ Киргизскія степи. Это мощныя толщи мергелей, песчаниковъ и глинъ, окрашенныхъ полосами въ красный, желтый и зеленый цвѣта, какъ напр., по среднему и нижнему теченію Камы. Въ Келецкой (у Радома) губ. на нихъ лежатъ островками раковистые известняки и пестрые песчаники, которые въ Астраханс. губ. и въ Киргизск. степи образуютъ горы — Большой и Малый Богдо — состоящія изъ чередующихся пластовъ известняка, глины и песчаника съ окаменѣлостями. Тріасовыя отложенія бѣдны остатками организмовъ. Въ пестрыхъ рухлякахъ попадаются куски ствола гиганскаго древовиднаго хвоща, нѣсколько прѣсноводныхъ мягкотѣлыхъ, рыбьи зубы, да зубы и щитки ящера-лабиринтодона. А въ тріасѣ Польши и горы Богдо встрѣчаются типичныя раковины головоногихъ цератидъ. Юрское море, обнажая болѣе и болѣе сѣверную и даже среднюю Россію идетъ прихотливымъ зигзагомъ. Омывая узкой полосой Тиманс. кряжъ, захвативши Вологод., Костромскую, часть Нижегородс., Симбир., Саратовс. губ. и затопивъ снова Моск., Рязанск., все теченіе р. Дона, Орловс., Курс., Харьк., Кіевс. (что было сушей въ каменноугольное время), Могил. губ., наводняетъ такимъ образомъ западную часть материка и сливается въ Польшѣ съ европейскимъ моремъ. Въ москов. бассейнѣ на сѣверѣ Юрское море отложило чередующіеся пласты глины, песку и мѣстами мергеля, богатаго окаменѣлостями. Слѣдовательно, это внутреннее мелководное средиземное море, потому и пески. А на югѣ и юго-востокѣ глубокое море покрывало всю Арало-Каспійскую котловину, отъ Оренбурга, весь Кавказъ, кромѣ горнаго хребта и Крымской Яйлы (хребетъ) и отложило громадныя толщи известняка. Межъ центральной девонской осью (Днѣпровской гранитной полосы) и межъ Донецкаго кряжа Юрское море, тоже глубокое, на югѣ переходитъ въ Мѣловое, а къ сѣверу, мелѣя, постоянно къ концу юрскаго времени совсѣмъ исчезаетъ. Въ юрскихъ московск. отложеніяхъ, а главнѣе въ глинахъ нижнеюрскихъ пластовъ по берегамъ Донца много остатковъ хвощей, папоротниковъ, плауновъ. Особенно пышны тамъ цикадовыя растенія, пальмообразные стволы (теперь лишь подъ тропиками) и немного хвои. Въ среднихъ юрскихъ пластахъ почти нѣтъ остатковъ, а въ верхнихъ таже богатая растительность и много хвои. Живность представляютъ кораллы, лучистые, мягкотѣлые, много видовъ аммонитовъ (спиральныя раковины головоногихъ) и белемниты. Очень много громадныхъ рыбообразныхъ ящеровъ-ихтіозавровъ (похожихъ на

дельфина) и плезіозавровъ. Къ началу Мѣловаго моря весь сѣверъ Россіи представлялъ сушу, а немного позднѣе и средняя Россія. Мѣлы доходятъ до 54° с. ш. Сѣверная граница Мѣловаго моря шла съ запада на востокъ чрезъ города: Вильно, Могилевъ, Орелъ, Воронежъ, Симбирскъ, круто загибаясь на югъ по теченію Волги много ниже Саратова. Нижнее теченіе Днѣпра, Буга и Дона представляло островъ въ этомъ морѣ. Освободивъ сѣверъ и центръ Россіи, вода какъ бы стекла къ юго западу, образовавъ сплошное море вплоть до сліянія съ Балтійскимъ. А на юго-востокѣ выстояли лишь полоски Крымскаго и Кавказскаго горныхъ хребтовъ. Вся толща мѣловыхъ отложеній состояла изъ песковъ слипшихся, въ видѣ рыхлаго песчанника, изъ мергелей да бѣлаго мѣла. По границѣ моря пески. Въ верхнихъ слояхъ ихъ часто попадаются цѣлые пласты фосфоритовъ, а въ нижнихъ жерновой камень пластами и часто гнѣздами. Фосфоритъ это песокъ, сцѣпленный углекислою известію, которая выщелочилась изъ костяковъ и раковинъ и, вѣроятно, по отмѣлямъ мѣловаго моря, гдѣ обычно селятся многочисленныя колоніи мягкотѣлыхъ. Далѣе къ югу моря на пескахъ былъ мѣлъ, а часто подъ нимъ мѣловой мергель не толстыми слоями. Мѣловые пласты, постоянно утолщаясь къ югу, въ Курской, напр., губерніи достигаютъ 15 саж., въ Крыму (гдѣ ужъ смытъ) и по обоимъ склонамъ Кавказскаго хребта, гдѣ подъ нимъ мергель, пески и сростки. Остатковъ организмовъ въ мѣловыхъ — хотя самъ мѣлъ почти сплошь изъ микроскопическихъ раковинъ діатомей (двустворокъ?) — отложеніяхъ много меньше, такъ какъ мелководные осадки состоятъ, большей частью, изъ песковъ, кои очень плохо сохраняютъ. Въ бѣломъ мѣлѣ и на глубинѣ мало остатковъ, встрѣчаются лишь въ рухлякѣ и фосфоритахъ. Въ самыхъ нижнихъ песчаникахъ у г. Клина найдено нѣсколько видовъ папоротниковъ, хвощи, цикадовыхъ, хвои, губки, коралловъ, мягкотѣлыхъ, особенно устрицовыхъ, немного аммонитовъ, остатковъ ящеровъ, да въ нижнемѣловыхъ песчаникахъ много акулъ.

Третичныя образованія:

Эоценъ. Въ средней и южной Россіи бѣлый мѣлъ прикрытъ толщами песчаниковъ и песчано-глинистыхъ отложеній. Растительность и живность въ нихъ переходныя. Отъ праваго берега Волги широкой полосой (межъ Симбирска и Царицына) тянутся эти отложенія до Днѣпра и за него, теряясь въ олигоценахъ Литвы. Съ сѣвера они ограничиваются древними, мѣловыми, юрскими, каменноугольными и девонскими осадками, а на югѣ скрываются подъ новыми, исключая Донецкаго кряжа. До Чернаго моря эоценовые осадки не доходятъ. Кажется, эоценовое море было мелководнымъ средиземнымъ, судя по микроскопическимъ растительнымъ и животнымъ остаткамъ, которые на востокъ по Волгѣ, Дону и Донцу суть угасающіе мѣловые, а на западѣ, у Днѣпра чисто эоценовые. Вѣроятно послѣ отложенія въ глубокое море мѣла, дно морское поднялось и на него оселъ мелководный эоценъ. Ко времени міоцена эоценовое море уже высохло, т. е. вся сѣверная часть мѣловаго моря вплоть до южной черты острова того моря образуемаго нижнимъ теченіемъ Дона, Днѣпра и Буга, т. е. линіи Херсонъ-Черкаскъ. Въ Крыму и на Кавказѣ осѣли известняки на днѣ глубокаго эоценоваго моря, покрывавшаго большую часть южной Европы до Гималая въ Азіи, въ Китаѣ и Японіи. Эти нумулитовые известняки получились отъ раковинъ корненожекъ и названы по сходству ихъ съ монетой. Олигоценъ, лишь въ Польшѣ, Литвѣ и Курляндіи, состоитъ изъ песчаноглинистыхъ осадковъ, содержащихъ пласты бураго угля и янтаря. Эоценъ и олигоценъ сосеавляютъ нижній ярусъ третичныхъ образованій — эогенъ, а міоценъ и пліоценъ составляютъ верхній ярусъ — неогенъ. Сѣверной границей Міоценоваго моря шла вышесказанная линія Херсонъ-Черкаскъ, приподнимаясь лишь къ западу по теченію Буга и Днѣстра не широкой полосой до Вѣнскаго моря, а на юговостокѣ она доходила до уровня почти Оренбурга, сливаясь съ Арало-Каспійскимъ моремъ. Южный берегъ Чернаго моря уже образовался. Налѣво оно узкой полосой, межъ Балканъ и Карпатъ, сливалось съ Болгарск. и Румынск., а направо сливалось съ міоценомъ Донецкаго кряжа огибая широкой уже полосой Кавказскій хребетъ. Суша Кавказа, въ видѣ острова, доходила почти до Азовскаго моря. Южная половина Крыма тоже уже выстояла островомъ. Хотя этимъ была обязана болѣе вулканической дѣятельности мѣловаго еще время, когда образовались

по южному берегу горы Аюдагъ и Кастель, а по сѣверному склону у Эски-Орты и Сааргирчика, къ юго-востоку отъ Симферополя. На эоценовыхъ пластахъ находимъ мощный слой чернозема, слѣдовательно онъ образовался, въ міоценовое время, изъ перегноя наземныхъ растеній и животныхъ, когда суша уже не покрывалась болѣе водой. Отложенія міоценоваго моря были двухъ родовъ. Граничная линія ихъ на западъ идетъ по Днѣпровскимъ гранитамъ и по Донецкому кряжу на востокъ. Къ сѣверу отъ этой линіи песчаныя солонцевыя мелководныя отложенія и даже изъ прѣсной воды. Вѣроятно здѣсь море современемъ было не сплошное, а малыми озерами, потому и пласты гнѣздами. Къ югу же отъ вышесказанной линіи глубоководные известняки съ раковинами. Это собственно Сарматскій ярусъ, который на югѣ покрывается пліоценовыми пластами, а ниже, на сѣверѣ Таврическихъ горъ, снова является наружу міоценовый сарматскій известнякъ. Въ сѣверной и средней Россіи міоценовыхъ отложеній не было. Пліоценъ на югѣ Россіи неширокой полосой опоясываетъ сѣверный берегъ Чернаго моря, большую часть Крымскихъ степей, да сѣверо-восточный берегъ Азовскаго моря, затѣмъ идетъ широкой полосой къ сѣверо-западу Каспійскаго моря, покрывая Калмыцкія степи отъ Терека до Волги. За Волгой онъ залегаетъ на всей низинѣ до Общаго Сырта на сѣверъ и до Усть-Урта на востокъ, до г. Уральска, а по Волгѣ до Симбирской луки. Пліоценовыя отложенія у Чернаго и Азовскаго морей состоятъ изъ пористыхъ известняковъ и песчано-глинистыхъ отложеній, а въ Прикаспіи лишь изъ послѣднихъ. Дно моря поднималось и въ пліоценовое время, образуя, такимъ образомъ, лиманы, коихъ вода постепенно опрѣснялась.

Растительность третичныхъ образованій—хвои, однодольныя—таже, что и теперь, а хвоя и однодольныя вторичныхъ образованій отступаютъ уже на второй планъ. Растенія третичныя указываютъ на умѣренный климатъ, дубы, клены ландышевыя; но есть и представители тропическихъ теперь странъ, какъ пальмы, фикусы, бромеліи, лавры, мирты; хотя преобладаютъ вѣчно зеленыя древовидныя съ кожистымъ листомъ; т. к. растительность эоценоваго времени болѣе тропична. Живность, мало отличная отъ нынѣ живущей, въ песчаноглинистыхъ пластахъ сравнительно бѣдна, а въ мергеляхъ и известнякахъ богата. Пліоценовыя известняки почти сплошь изъ раковинъ. Мягкотѣлыхъ, особенно пластинчато-жаберныхъ и брюхоногихъ много, плеченогія же и головоногія, прежде обильныя, теперь на заднемъ планѣ. До 50 видовъ костистыхъ рыбъ, чаще въ спондиловидной глинѣ, особенно сомовъ, много акулъ. Пресмыкающихся и птицъ мало, а млекопитающихъ много. Китообразныя, олени, антилопы, кабаны и странная третичная лошадь—гиппаріонъ. Особенно интересны хоботныя. Динотерій, 3 вида мастодона. Заканчивается третичное время значительнымъ охлажденіемъ климата.

Нѣсколько иначе рисуетъ третичное время (періодъ) нашъ ученый зоологъ Мод. Богдановъ. По мнѣнію его, эоценовое море, заливая всю русскую центральную равнину, отъ Волги до Карпатъ, осаждало глины, суглинки и пески съ богатыми остатками водныхъ животныхъ. Остатковъ наземныхъ животныхъ нѣтъ и были ли острова съ сухопутными животными неизвѣстно. Осадки міоценоваго моря — сарматскій ярусъ. Въ пліоценовыхъ пластахъ нигдѣ чернозема. Сначала это соляно-глинистая и песчаная пустыня съ солеными озерами; затѣмъ вѣтры разнося пески пустыни (какъ теперь Арало-Каспійская) образовали песчаныя дюны, какъ напр. Сызранскіе барханы, а на нихъ выросли сосновые боры. Въ пескахъ ничего, кромѣ окаменѣлыхъ стволовъ, потому пески переносные. Постепенно атмосферная вода выщелачиваетъ соли почвы и понемногу является полынная степь, а по мѣрѣ образованія на ней чернозема и ковыльная степь. Такъ шло въ міоцено-пліоценовое время по южнымъ степямъ, а сѣвернѣе дремучій лѣсъ — дубрава (черный лиственный лѣсъ, дубъ, кленъ и пр.). Въ то же время достовѣрно существованіе въ Поволжьѣ верблюда съ головой вдвое болѣе теперешняго, дикой лошади или осла, слѣдовательно была пустыня. На Днѣпрѣ найдено яйцо вдвое болѣе страусоваго. Стало быть и тамъ пустыня въ родѣ Арало-Каспійской. Кромѣ того мастодоны, носороги, элизмотерій со слона ростомъ съ рогомъ на головѣ, гигантскій олень съ саженными лопастными рогами—слѣдовательно лѣсъ. У Азовскаго моря трогонтерій—бобръ вдвое болѣе нынѣшняго. Въ одесскихъ пеще-

рахъ найдены динотерій, мамонтъ, лафіодонъ, лошадь?, каменный козелъ, дикій быкъ, слѣпцы, хомяки, крысы, водяная крыса, зайцы, медвѣди, куница, выдра, крупная — съ барса ростомъ — кошка, гіена, волкъ, лисица и съ ними остатки человѣка. Черноземная суша и не черноземная еще степь тянулась вплоть до Алтая. А съ юга этой полосы шло Сарматское (черно-каспійско-аральское) море. На выщелоченныхъ глинахъ появились (откуда неизвѣстно)? береза, осина, а за ними и лѣсная растительность, частію изъ Европы. Обитатели дубровы прибыли изъ Европы, а обитатели степи изъ Азіи. Такъ олень, аистъ, зеленая ящерка изъ Европы не перешли Днѣпра.

Четвертичныя образованія:

Ледниковое время—диллювій. Охлажденіе климата, начавшееся, какъ видѣли, къ концу пліоценоваго времени, настолько усилилось, что на возвышенностяхъ появились ледники. Въ Россіи они появились на финскихъ и уральскихъ горахъ. Нѣкоторые геологи допускаютъ ледяной покровъ на поверхности всей русской равнины, гдѣ остались валуны. Т. е. отъ Кольскаго полуострова валуны, покрывая всю Финляндію, идутъ на югъ параллельно Тиманскому кряжу къ Нижегор. губ., гдѣ, поворачивая на юго-западъ, достигаютъ Херсон. губ., откуда неправильнымъ искривленіемъ переходятъ въ Европу. Ледяныя массы, тая отъ солнца, падаютъ съ горъ, отрывая захваченные ими граниты (гнилой камень—рапокави) и двигаясь по нимъ, обтираютъ, обтачиваютъ въ шарообразные каменные куски различной величины валуны, которыми въ видѣ бѣлоглазки, — лёса, т. е. мелкихъ валуновъ—изобилуютъ то песчаные, то глинистые рыхлые наносы ледниковаго времени. Животными ледниковаго времени были мамонты, сибирскіе носороги, элазмотерій, 3 вида исполинскихъ быковъ—туръ, зубръ. Мамонты шли за отступавшими (истаивающими) ледниками на сѣверо-западъ до 61° с. ш. уже послѣ образованія ледниковыхъ наносовъ. Со стаиваніемъ ледниковъ и образованіемъ ледниковыхъ наносовъ время ихъ постепенно переходитъ въ Аллювіальное время прѣсноводныхъ наносовъ, когда атмосферная влага, размывая породы, относила ихъ рѣками. Теперь образованіе овраговъ на югѣ Россіи, увеличивая поверхность испаренія, усиливая стокъ и открывая наружу источники, сильно осушаетъ климатъ. Атмосфера тоже своимъ движеніемъ способствуетъ образованію въ побережьяхъ дюнъ и внѣдренію ихъ въ материкъ. Материкъ до сихъ поръ продолжаетъ подниматься. Объемъ времени отъ ледниковаго періода конечно трудно опредѣлить, но если теперь при всѣхъ усовершенствованныхъ средствахъ уничтоженія животныхъ, видъ вымираетъ не скоро, то какой громадный промежутокъ времени долженъ былъ пройти, чтобы вымерло ледниковое животное царство, мамонтъ, туръ и т. п.? Проф. Иностранцевъ насчитываетъ отъ 8 до 9 и болѣе тысячъ лѣтъ. Онъ же относитъ къ концу ледниковаго время и появленіе человѣка въ Россіи у берега Ладолжскаго озера. Хотя на вопросъ, пережилъ ли человѣкъ холода ледниковаго времени и вообще былъ ли во время третичныхъ образованій, я не сумѣю отвѣтить, но достовѣрно лишь то, что человѣкъ былъ современенъ мамонту, носорогу и пр., кости коихъ, даже правильно расколотыя, найдены въ кучахъ съ кремневыми орудіями человѣка каменнаго вѣка.

Одновременно съ образованіемъ на сѣверѣ Россіи ледниковъ, по словамъ М. Богданова, случилось другое міровое событіе на югѣ Россіи—опусканіе материка, составляющаго сѣверный берегъ Арало-Каспійскаго моря. Киргизскія степи покрылись водой. Каспійско-Азовское море протянулось до Казани и Камы, отдѣливъ такимъ образомъ Европу отъ Азіи и вѣроятно соединилось съ Бѣлымъ моремъ, такъ какъ бѣломорскіе обитатели бѣлорыбица, лосось, морской тараканъ появились въ Каспійскомъ морѣ. Съ другой стороны Черное море соединилось съ Балтійскимъ, а то съ Бѣлымъ. Всѣ животныя какъ мамонтъ и др. отступили на югъ Урала и въ черноземную полосу; въ числѣ ихъ и первобытные, непришлые, люди, кажется, такъ называемыя чудскія племена Мордва, Черемисы, Чуваши, Тептяри, Вагуличи и т. п. А когда сказанное пониженіе материка перешло снова въ повышеніе, ледники изчезли, образовалась доисторическая живность, мало отличная отъ теперешней, перешедшая изъ Европы и Азіи. Переходъ этотъ и до сихъ поръ продолжается. На равнинѣ появилась финляндская ель, сибирская ель съ Урала, съ черноземной полосы береза, осина. Типичное населеніе осушеннаго Арало-Каспійскаго моря пришло съ Памира,

Тянь-Шана и Персіи. Степные же и памирскіе оттуда проникли въ Крымъ, а нѣкоторые и на сѣверъ въ черноземную полосу. Въ ледниковое время человѣкъ (днѣпровскій) жилъ въ черноземной полосѣ звѣро и рыболовствомъ. И въ доисторическое время двинулся вмѣстѣ съ животными на сѣверъ (ладожскій лѣсной человѣкъ). Въ то же время на югѣ появилась другая группа людей, полукочевые звѣроловы-пчеловоды (вѣроятно Башкиры, наставившіе по степи каменныхъ бабъ), коневоды и пр. Ихъ главное естественно-историческое значеніе состоитъ въ поддержаніи степи ежегодными палами, давая ей такимъ образомъ возможность обратиться въ черноземную степь, а не въ песчаную пустыню, сохраняя тѣмъ и обитающихъ тамъ животныхъ. Еще въ XI и XII вѣкахъ охотились за турами, еще въ XVI и XVII столѣтіяхъ бобровые гоны составляли значительную доходную статью. Долго лѣсникъ и кочевникъ жили одинокими. Уже въ историческое время съ западныхъ предгорій Карпатъ двинулись въ Россію земледѣльцы и пушные промышленники — славяне. Болѣе 2000 лѣтъ тому назадъ основано Тьмутараканское царство днѣпровскими Роксаланами. Греки знали скифовъ (славянъ) и сарматовъ, арійцевъ родственниковъ Мидянъ. За ними на землѣ Русской появлялись поочередно хозары, печенеги, половцы и наконецъ татары.

ГЛАВА II.

Климатъ. — Циклоны, вѣтры. — Изотеры и пр. — Влага, осадки. — Растительность и животность. — Тундра. — Лѣсъ. — Степь.

Припомнивъ расположеніе русской равнины, окаймленной невысокими горами, съ возвышенностію лишь въ срединѣ, принявъ во вниманіе геологическое наслоеніе земляныхъ пластовъ ровными рядами, приподнятыхъ лишь на окраинахъ, намъ понятно станетъ однообразіе *климата* по всей равнинѣ $+30^{\circ}$—30° отъ 39° до 70° с. ш., умѣряемаго на западѣ Балтійскимъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ, а на югѣ Чернымъ моремъ. Обычное, идя къ сѣверу, охлажденіе климата скорѣе выражается числомъ лѣтнихъ дней, чѣмъ высотой температуры, и уравновѣшивается болѣе холодными зимами степей юга. Южнѣе 60° с. ш. господствующіе вѣтры Ю.З., но проходя съ Антлатическаго океана они уже отдали всю влагу Европѣ и дуютъ къ Уралу уже сухими, потому климатъ пожалуй континентальный. Суровый климатъ восточной Россіи зависитъ отъ холодныхъ вѣтровъ Сѣвернаго океана и Сибири; на югѣ же сухіе азіатскіе вѣтры, отъ того тамъ лѣтомъ жарче, а зимой холоднѣе. Въ сѣверной полосѣ теплые вѣтры да теплое морское теченіе (гольфстримъ), проходя Скандинавскія горы, осаждаютъ тамъ пары дождемъ и являются въ Россію холодными. По частотѣ вѣтры дуютъ З. В. Ю. и С. Но не вѣтры обусловливаютъ у насъ погоду, а причины ихъ, т. е. циклоны (мѣсто самаго низкаго стоянія барометра) и антициклоны (самаго высокаго атмосферн. давленія). Циклоны лѣтомъ идутъ при пасмурномъ небѣ съ вѣтрами и дождями изъ Атлантическаго океана, а зимой умѣряютъ холодъ въ восточной половинѣ русской равнины. Идутъ они противъ часовой стрѣлки, потому измѣняютъ направленіе вѣтровъ. Такъ, въ южной части циклона дуютъ З., въ восточной — Ю., въ сѣверной — В., а въ западной — С. Циклоны движутся большею частію съ Ю.З. на С.В. или съ С.З. на Ю.В. въ январѣ; а въ іюлѣ въ С.З. части Россіи чрезъ Ботаническій заливъ на С.В. и Ю.В.; другой же рядъ іюльскихъ циклоновъ по средней и южной части Россіи межъ 50°—55°; зимой онъ малочисленный. Антициклоны, всегда при ясномъ небѣ, захватываютъ обширныя пространства, лѣтомъ вѣтры жарки, зимой холодны. Внутри антициклопа вѣтры слабые перемѣнчивые, а на границахъ сильнѣе, по направленію часовой стрѣлки; сближаясь же съ циклономъ они дѣлаются ураганами. Изотера (линія одинаковой средней температуры лѣта), идя отъ запада къ востоку, спускается къ югу, т. е. климатъ постепенно къ востоку холоднѣетъ. А изохимена (средняя зимы) еще болѣе уклоняется къ югу, т. е. зима на востокѣ еще суровѣе. Изотера $+4^{\circ}$ идетъ на Ригу, Витебскъ, Орелъ и Саратовъ, а изохимена -4°: Рига, Харьковъ, Новочеркаскъ. Лишь у самаго востока изотера опять поднимается отъ близости защищающихъ горъ. Весна и лѣто у насъ коротки, а зима впятеро длиннѣе европейской. Разница суточной (между наи-

большей и наименьшей) температуры внутри материка много больше, чѣмъ у моря. Наивысшая послѣ полудня, наинизшая зимой, раньше восхода солнца, а лѣтомъ немного позднѣе. Въ западныхъ губерніяхъ наивысшая температура года въ концѣ іюня, а чрезъ $2^1/_2$—$3^1/_2$ мѣсяца уже заморозки. Первый морозный безъ оттепели день на Уралѣ 11 октября, а къ концу ноября по всей Россіи. Самые большіе морозы въ январѣ. Самая большая температура въ Россіи въ Астрахани $+36^1/_2{}^\circ$ и самая меньшая -40° на крайнемъ сѣв.-востокѣ. Почва замерзаетъ въ Финляндіи межъ 15 октября и 15 ноября, а оттаиваетъ 22 мая — 19 іюня. При высокой температурѣ воздухъ, какъ извѣстно, можетъ больше вмѣстить въ себя влажности. Наибольшая и наименьшая величина абсолютной влажности въ воздухѣ совпадаетъ съ наибольшей и наименьшей температурой; а наибольшей относительной влажности, наоборотъ, соотвѣтствуетъ наименьшая температуры. Выпаденіе воздушныхъ осадковъ въ Россіи небольшое, даже противъ западной Европы; преобладаютъ лѣтніе дожди. Распредѣленіе воздушныхъ осадковъ равномѣрно почти по всей равнинѣ, хотя и менѣе европейскаго равномѣрно. Самое большое выпаденіе влаги въ области Москвы, Орла, Риги, а наименьшее — въ Астрахани, Севастополѣ. На западѣ средней и черноземной полосы 500—700 м. годовой осадокъ, въ степной — до 400 м., а на сѣверѣ и того меньше. Количество осадковъ съ С. на Ю. сначала увеличивается до 50°—55° с. ш., затѣмъ быстро уменьшается. Источникъ осадковъ—Атлантическій океанъ. Количество осадковъ поэтому постепенно уменьшается къ востоку Россіи, увеличиваясь отъ апрѣля къ маю, когда и первыя грозы. Въ западной половинѣ нашей равнины межъ 50°—60° с. ш., а въ восточной 54°—56° наибольшая осадковъ падаетъ на іюль, а къ югу на іюнь, гдѣ отъ того въ іюнѣ уже образуются нужныя условія для грозъ, т. е. высокая температура при достаточной сырости отъ испареній съ зеленыхъ хлѣбныхъ полей. Среди лѣта испареніе уменьшается, а температура увеличивается, т. е. менѣе благопріятныя условія для осадка паровъ. Въ степной полосѣ мало снѣга, воздухъ сухъ — тоже мало благопріятствуютъ обильнымъ осадкамъ. Да отъ восточныхъ вѣтровъ въ сентябрѣ и октябрѣ на югѣ Россіи еще уменьшается количество осадковъ, потребность же въ водѣ растеній возрастаетъ съ температурой. Такъ что и при сравнительно обильныхъ осадкахъ въ жару, мѣстность все же страдаетъ отъ засухи. Такой почти однообразный климатъ и почти одинаковое распредѣленіе осадковъ не могло не вліять на долготу зимы, на растительность лѣса, родъ животныхъ, на скотоводство, на сельское хозяйство (самое выгодное между Окой и Волгой) и даже на здоровье обитателей.

Общая черта растительности Европейской Россіи до самаго Урала однообразіе, бѣдность видовъ (3300), очень постепенное ихъ измѣненіе, а не такое рѣзкое, какъ въ Европѣ. Откуда, какъ бы входя чрезъ узкое пространство въ Россію, виды растеній расширяются на сѣверъ и югъ, а при входѣ въ Азію снова расширяются, число же видовъ остается все-таки одно и тоже. Отъ европейской и сибирской растительности нѣтъ рѣзкихъ переходовъ. Тѣмъ не менѣе всю нашу равнину по растеніямъ и животнымъ легко раздѣлить на 4 полосы отъ сѣв. къ югу, не рѣзкими, но ясными переходными чертами.

1) Почти безлѣсная тундра (русская арктическая степь) — равнина. Безлѣсіе зависитъ кромѣ климата, истребленія лѣсовъ и отъ недостатка на равнинѣ стока почвенныхъ водъ, которыя почти не оттаиваютъ, такъ какъ лѣто всего $2^1/_2$ мѣсяца. Попадаются лишь кой-гдѣ хвоя, чахлыя березы, осины, ольха, рябина и то не сѣвернѣе 70° с. ш. въ Финляндіи да Сибири и 67°, 61 у Архангельска и Печеры. Полная неспособность тундряной почвы къ разведенію культурныхъ растеній, самый плохой огородъ, луговъ нѣтъ, трава дерновинками, зато тундра чрезвычайно богата мхами въ восточной части. Тѣ же 280 видовъ растеній, какъ въ горныхъ, напр., въ Альпахъ (альпійскій макъ), на Алтаѣ, Кавказскихъ горахъ, какъ на всей приледовитой полосѣ Америки, Сибири, изъ которой рѣки несутъ поломанный лѣсъ чрезъ полюсъ въ Гренландію. Тундра—сѣверная пустыня. Въ Россіи это и не сплошное болото и не вѣчно мерзлая почва. Сухая почва въ $^1/_2$ арш. рыхлая, мягкая, темно-бураго цвѣта, горящая какъ торфъ. Этотъ перегной можно назвать сухопутнымъ торфомъ, тундрянымъ черноземомъ. Въ него, за безлѣсіемъ, прячется животное и отъ врага и отъ С. да С.В. вѣтровъ, гдѣ они дуютъ такъ

часто. А чуть не рядомъ за вѣтромъ глубокія долинки, промытыя снѣговой водой, поражаютъ обиліемъ жизни—рощицы ивъ, лежачихъ березокъ, выстоящихъ лишь на 2 арш. Тутъ много насѣкомыхъ, коверчикъ цвѣтовъ, птицы и звѣри. Лишь мало травоядныхъ. Домашній сѣверный олень (дикій живетъ лишь въ лѣсахъ), лапландская и черная пеструшка, а на востокѣ Бѣлаго моря—обьская и ошейниковая пеструшка и враги ихъ—песецъ (пасецъ) да бѣлая сова, 2 вида бѣлыхъ куропатей (патокъ), жаворонки, подорожники, пѣночки, шеврица, трясогузка, а въ болотахъ и по берегамъ рѣкъ, озеръ множество видовъ куликовъ, черныя утки, нырокъ, дикія утки, гуси, гагары и гага или гавка. Птицы эти къ берегамъ Бѣлаго моря собираются въ такъ называемые базары. По теплому морскому теченію у берега однажды въ годъ появляется рыбка мойва, за нею поѣдающіе ее киты, треска, пишкуй, сайда, камбала, палтусъ (до 15 пудовъ). зубатка, семга, форель, гольцы, лысуны, бѣлуха, бѣломорскія сельди, навага. Бѣлый медвѣдь. Тундра не измѣнится, такъ какъ тамъ хлѣбопашество невозможно.

2) Лѣсная полоса идетъ на югъ до предѣловъ степи, т. е. до линіи отъ окончанія Уральскихъ горъ поперегъ всей Россіи чрезъ южныя венгерскія степи или отъ впаденія р. Прута къ Житоміру, далѣе чрезъ Курскъ, Тамбовъ, Пензу на Ставрополь волжскій и Уфу. По климату и составу лѣса она дѣлится на 2 полосы: сѣверная хвойная и южная дубовая. Раздѣльная линія ихъ идетъ отъ Пскова на Кострому, Рязань до Уфы. Обѣ онѣ линіей съ сѣвера на югъ отъ Архангельска на Тамбовъ дѣлятся еще на 2 области. Въ западной нѣтъ хвои, далеко на сѣверъ входятъ острымъ клиномъ хлѣба, плодовыя деревья и дубъ. Въ восточной тѣ же сибирскіе, но ниже Казани ихъ нѣтъ, пшеница 57°—50°, плодовыя до 62°, а въ западной гораздо выше. Степной же кустарникъ пробирается далеко на сѣверъ. Половина почти русской равнины занята хвойнымъ лѣсомъ. На сѣверѣ онъ постепенно переходитъ изъ тундры (главныя массы лѣса межъ 63° и 57° с. ш., а на западѣ отъ большой влажности до 52°). Почва влажная тундряная, глина, суглинокъ, супесь, песокъ, гравій съ валунами подъ тонкимъ слоемъ перегноя. Среди богатой явнобрачной растительности по низинкамъ въ болотахъ тайнобрачныя. Обиліе стоячихъ (московскія озера) и текучихъ водъ. Всѣ большія рѣки Россіи своеобразно текутъ отсюда на западъ или востокъ или въ узкомъ ложѣ средь песковъ, то широко разливаясь по равнинѣ. Долины рѣкъ новы, молоды, не выработаны. Обиліе моховыхъ болотъ. Отъ выжиганія на пашню, но главнѣе, отъ лѣсныхъ пожаровъ, часто на сотни верстъ образовывались чистыя пустыни, невозраждавшіяся въ десятки лѣтъ. Отъ того множество звѣрей и птицъ гибло или отступало въ другія мѣста, а отъ хищнической промышленной охоты ихъ осталось и совсѣмъ мало. Историки мало обращаютъ вниманія на то, что изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія причинило здѣсь громадный вредъ. Зато съ обработкою земли. пришли сюда въ историческое время изъ Европы и Азіи новые, прежде не бывшіе, виды. Здѣсь водились: лось, олень, медвѣдь, рысь, куница, бѣлка, соболь, бурундуки, зубры, косули, кабаны, выдры, бобры (исчезнувшіе), зайцы, а волка и лисицы много. Изъ птицъ глухарь, тетеревъ, рябчикъ, бѣлыя куропатки, журавли, цапли, гуси, лебеди, чайки. Пресмыкающихся мало. Рыбы много, кромѣ общерусской, форель, харіусъ, лосось, сиги. При такомъ изобиліи рыбы, птицы и звѣря немудрено, что первый человѣкъ въ Россіи размножился именно здѣсь, у Ладожскаго озера. Животныя Уральской области тѣ же, что въ западной Сибири — бобръ и соболь.

3) Степная полоса. По ней, захватывая часть лѣсной полосы, тянется съ Ю.-З. на С.-В., по изотерѣ и по линіи наибольшей влажности, собственно область чернозема (Волынск., Подольск., Бессарабск., Херсонск., Екатериносл., Кіевск., Полтавск., Харьк., Курск., Тульск., часть Орловск., южные уѣзды Рязанск. и Черниговъ., половина Тамбов., Воронеж. губ., Донская область, Саратовъ, Пензенск., Симбирск., часть Нижегород., сѣв. Самарск., Оренбургск. и Уфим. губерніи). Степную полосу можно дѣлить на 1) предстепіе по изотерѣ +15° и +16°, гдѣ господствуютъ З. и Ю.-З. вѣтры. Тамъ лѣсъ еще есть. 2) Переходная полоска, гдѣ и вѣтры переходные, т. е. борьба между западными и восточными. Южная граница ея Екатеринославъ, Лугань, Уральскъ. И 3) собственно степь съ вѣтрами уже восточными, азіатскимъ климатомъ, до Чернаго, Азовскаго морей, кавказ-

скихъ, крымскихъ предгорій. Жаркое лѣто, суровыя малоснѣжныя зимы, несвоевременный дождь и мало его, поздніе весенніе и ранніе осенніе морозы. Къ востоку все это отъ сухости воздуха усиливается. Вся степь высокая (рѣдко выше 150 саженей) равнина, бѣдная озерами и болотами. По ней текутъ большія рѣки съ широкими поймами (заливными лугами) и обширными многоустными займищами (устьями). Въ этихъ лишь лугахъ и займищахъ и встрѣчаемъ лѣсъ — уремы (хотя въ предстепіи попадается еще довольно сосны), зато они часто болотисты. Сама степь отъ созданія безлѣсна. Плоскіе перевалы межъ рѣчными долинами покрыты травой — ковыльная, а южнѣе полынная степь. Сообразно почвѣ, по сѣверу и западу на черноземѣ ковыль, а въ Оренбург., Астрахан., Ставроп. полынь по глинѣ, солонцамъ и пескамъ. Теперь степь отодвигается къ востоку. Въ поймахъ камышъ, осока, отъ Тамбов. губ. начиная, зрѣютъ пшеница, арбузы, виноградъ, кукуруза. Звѣря много меньше, чѣмъ въ лѣсу, и большей частью съ безцвѣтной шкуркой. Теперь вся степь распахана. Различіе межъ сѣверной дубравной (лиственные лѣса) и южной степью исчезло. Измѣнился составъ животныхъ и даже климатъ. Въ черноземныхъ борахъ живность та же, что и въ сѣверной — бѣлка со врагомъ своимъ куницей, медвѣдь, заяцъ. Птицей степь много бѣднѣе. Лишь въ уремахъ кой-что осталось. Дикая степь до распашки была богата животными, а теперь степной звѣрекъ исчезъ. Приспособились лишь бичи — суслики, кузька, саранча и пр. Ихъ человѣкъ создалъ самъ, безпощаднымъ грабежемъ природы. Рыбы въ этой полосѣ общерусской много, карпъ, сомъ, осетръ, минога и многихъ другихъ, а сига нѣтъ.

4) П р е д с р е д и з е м н а я или к р ы м с к а я, уралокаспійская полоса. Лишь южное побережье Крыма похоже на Италію, но апельсина, агавы, финиковой пальмы нѣтъ. Зрѣетъ лишь виноградъ, табакъ и нѣжные плоды. А на сѣверѣ, лишь чрезъ горы ужъ безотрадная степь. Почти тоже и на Кавказѣ.

Г Л А В А III.

Первобытный человѣкъ. — Погребеніе. — Его растенія, животныя и пр. — Орудія. — Вліяніе природы, пищи, одежды, жилья. — Насѣкомыя. — Охота. — Огонь. — Украшенія, амулеты. — Черепа и національность славянъ по Пёше, Эккеръ и Анат. Богданову. — Чаша кульобская. — Чертомлыцкая. — Приспособляемость переселенцевъ.

Слѣды п е р в о б ы т н а г о ч е л о в ѣ к а на русской равнинѣ, т. е. каменныя, костяныя и глиняныя орудія и издѣлія его съ остатками костей съѣденныхъ имъ животныхъ и птицъ найдены во многихъ мѣстахъ Россіи по песчанымъ берегамъ рѣкъ, на Днѣпрѣ, Окѣ, Нѣманѣ, въ Кіевс., Полтав., Нижегор., Воронеж. и другихъ губерніяхъ. А на южномъ берегу Ладожскаго озера, при копаніи Сясскаго и Свирскаго каналовъ, найдены и кости (12 череповъ) человѣка. Жизнь его тамъ проф. Иностранцевъ относитъ къ концу ледниковаго времени, примѣрно за 8 или за 9 тысячъ лѣтъ. Принимая въ разсчетъ, что животныя и растенія данной мѣстности мало измѣнились, вымерли лишь мамонты, гигантскіе олени, да доисторическіе быки, хотя туръ жилъ еще въ историческое время, а сохраняемый зубръ и теперь живетъ; а напр. животныя и растенія нижняго молласа въ Швейцаріи (толщиной въ 300 саж.) мало отличны отъ таковыхъ верхняго молласа; принимая еще въ разсчетъ и средній слой, съ достовѣрностью можно сказать, что должно было пройти нѣсколько десятковъ тысячелѣтій для образованія такихъ толщъ. Нашъ доисторическій торфяной человѣкъ принадлежалъ къ породѣ длинноголовыхъ и малоголовыхъ, кости мужскаго черепа много толще теперешняго, съ малымъ развитіемъ покатаго лба и особой его моделировкой, большая же часть женскихъ череповъ тонки, короткоголовы и отличны отъ мужскаго, что указываетъ на примѣсь другаго племени, какъ и на раздѣленіе уже труда межъ мужчиной и женщиной. Передніе черепные швы простые, а задніе сложные; берцовая кость саблеобразна, плечевая кость тоже изогнута; кость бедра колонообразна; шероховатая (aspera) линія (по Тихоміру) ея сильно развита, а ямка для круглой связки сильно отодвинута назадъ; всѣ плечевыя кости больше, а бедренныя меньше теперешнихъ. Вообще

костякъ напоминаетъ нынѣ еще живущаго дикаря, на низшей степени его развитія. Возсоздавая по этимъ остаткамъ и условіямъ тогдашняго его быта обликъ ладожскаго человѣка, мы увидимъ его небольшаго ростомъ на короткихъ крѣпкихъ ногахъ съ широкимъ тазомъ и длинными руками, съ замѣчательнымъ развитіемъ мышцъ, особенно на конечностяхъ, продолговатымъ лицомъ, прямочелюстнымъ. Сточенные до десенъ зубы говорятъ за то, что онъ рвалъ твердую и можетъ быть сырую пищу зубами. Малая голова, часто съ выдающимся затылкомъ, невысокій покатый лобъ доказываютъ невысокую мыслительную способность поглощеннаго въ заботы дня человѣка. Вообще онъ похожъ на теперешняго лѣснаго индійца Сѣверной Америки. Такимъ образомъ мы застаемъ нашего ладожскаго человѣка не въ первый моментъ его бытія, когда онъ жилъ звѣрообразно единицами, не зная огня, питался лишь кореньями да раковинами, ловилъ мелкихъ животныхъ, догоняя ихъ, такъ какъ былъ безоруженъ и не одѣтъ. Можетъ быть на Днѣпрѣ и найдутъ когда остатки такого человѣка, тѣмъ болѣе, что въ пещерахъ въ рыхлой почвѣ побережья Днѣпра найдены какъ бы его кухонные остатки костей животныхъ; а въ пещерахъ онъ жилъ прямо защищаясь отъ стужи. Трудно, однако, думать, чтобы нашлись кости скелета его. Такъ какъ живя единицами, не могъ хоронить трупы товарищей когда жилъ и стадами, а трупъ оставался тамъ, гдѣ застала смерть. Даже выносился другими въ поле, какъ и теперь дѣлаютъ наши сибирскіе гиляки, гдѣ съѣдались дикими звѣрями, конечно, безъ остатка. Тѣмъ только и можно объяснить такую рѣдкость нахожденія доисторическихъ человѣческихъ костей. Во всей, напр., Европѣ найдено всего шесть неполныхъ череповъ, да и то все бронзоваго вѣка, лишь одинъ каменнаго вѣка. Антропологи наши мало принимаютъ въ разсчетъ, что самый древній, первичный способъ похоронъ, посадкой трупа на дерево, изъ повѣрія, что души мертвецовъ живутъ на деревьяхъ. Затѣмъ второй способъ — бросаніемъ въ воду — могъ появиться лишь тогда, когда человѣкъ уже вѣрилъ въ загробную жизнь — повѣрье, что души плывутъ въ рай по рѣкѣ. Позднѣйшее историческое сжиганіе трупа тоже мало способствовало сохраненію остатковъ. Хоронить же прямо въ землю стали чуть не въ христіанскія времена. Даже нахожденіе ладожскихъ костяковъ я отношу къ какой-нибудь случайности. Можетъ быть умершіе скоро одинъ за другимъ и чуть не вмѣстѣ брошенные въ воду, они волнами могли быть прибиты въ одномъ мелкомъ заливѣ и затѣмъ занесены. Или умерли отъ какой-либо катастрофы, утонули что-ли, либо отъ эпидеміи, коихъ существованіе тогда отвергать нельзя, и оставлены на мѣстѣ, тогда сухомъ, ушедшими обитателями отъ страха, а впослѣдствіи залитомъ — даже мгновенно, напримѣръ прорывомъ Онежскаго озера, — воды коего, стоя много выше, сразу подняли уровень Ладожскаго озера, тогда не имѣвшаго еще сообщенія съ моремъ.

Вмѣстѣ съ нашимъ длинноголовымъ человѣкомъ найдены растенія: восьмилистникъ, лютикъ, малина, ежевика, костяника, сабельникъ, поручейникъ, вахта, зюзникъ, вероника, щавель, береза, ольха, дубъ, орѣшникъ, ива, касатикъ, камышъ, осока, вейникъ, манникъ, сосна, ель, хвощъ и три вида мховъ. Изъ раковинъ: Planobis corneus, Lymneus palustris, Unio timidus. Насѣкомыя изъ рода Agabus или Hyobius, Dystiscidae, а малыя семейства Carabidae. Рыбы: сомъ, судакъ, бершъ, налимъ, сигъ, окунь, плотва; первые три вида выходцы Каспійскаго моря, а щуки и лосося не было въ остаткахъ, хотя они несомнѣнно тогда существовали; слѣдовательно ихъ не умѣли ловить. Изъ птицъ: беркутъ, бѣлохвостъ, глухарь, полевой тетеревъ, турухтанъ, бѣлая куропатка, сѣрая цапля, лебедь кликунъ, дикіе гуси, утки, гагара, чайка, мартышка, ястребъ-тетеревятникъ, воронъ, тупикъ. Млекопитающія: тюлень, косуля, сѣверный олень, лось, плосколобый быкъ, кабанъ, туръ, бѣлякъ, боберъ, водяная крыса, бурый медвѣдь, соболь, куница, хорекъ, выдра, волкъ, лисица и единственное одомашненное животное — два вида собакъ, похожихъ на современныхъ лягавую и борзую, прародителями коихъ зоологи считаютъ породу обыкновенной шакалки. Судя по растеніямъ и животнымъ, климатъ поладожья мало измѣнился съ тѣхъ поръ, развѣ немного сталъ суровѣе. Такимъ образомъ мы застаемъ нашего ладожскаго человѣка, живущимъ у побережья большаго воднаго бассейна, покрытаго густымъ большею частью лиственнымъ лѣсомъ — дубомъ преимущественно, такъ какъ большая часть указанныхъ звѣрей и птицъ водятся въ дремучихъ лишь лѣсахъ съ болотами. Чело-

вѣкъ же въ этомъ лѣсу находилъ смягченіе суроваго климата, укорачивавшаго весенніе и осенніе морозы и защищавшаго отъ снѣжныхъ бурь да сильныхъ С. и С.-В. вѣтровъ. Вооруженный на такую дичь каменными топоромъ, ножомъ, наконечникомъ стрѣлъ, скребкомъ, для чистки кожъ и дранья древесной коры, копаломъ оббитымъ изъ крѣпкаго камня (такъ какъ у озера не было кремня), а въ эпоху большаго развитія уже шлифованными и полированными (народъ зоветъ громовыми стрѣлами), часто украшенными точками и линіями, изъ камня и даже изъ кремня (слѣд. привезеннаго), снабженный различными крючками, ножами, иглами, шилами и другими орудіями изъ кости, человѣкъ смѣло нападалъ, такъ сказать принималъ врага грудью, какъ и теперь ходитъ на медвѣдя лишь съ рогатиной и топоромъ и ѣлъ побѣжденныхъ животныхъ, птицъ [1]). Птицъ могъ ловить и силками. Считая, что онъ ловилъ рыбу плетеными изъ тростника (сѣтей не зналъ) лишь во время икрометанія, онъ могъ питаться рыбой чуть не круглый годъ, кромѣ осени. Да найдена лодка изъ цѣлаго куска дуба, внутри выдолбленная, при помощи огня, стало быть тогдашній человѣкъ смѣло пускался въ плаваніе. Но эти лѣсъ, вода и суровый климатъ не могли остаться безъ вліянія на его характеръ, развитіе, даже на скелетъ и наружность. Таинственный полный опасности лѣсъ пріучалъ къ осторожности, переносливости, давалъ силу въ одолѣніи врага, звѣря, навѣвалъ страхъ и суевѣріе; бурная водяная стихія развивала отвагу, силу, зрѣніе, наблюдательность и оба содѣйствовали развитію промышленности. Какъ и теперь житель побережья Бѣлаго моря исключительно промышленникъ. Суровый климатъ заковывалъ отъ непогодъ. Но всѣ эти вліянія имѣли, какъ увидимъ, и обратную сторону медали. Соображая такимъ образомъ п и щ у и другія условія, видимъ, что поладожскій человѣкъ, былъ сначала р ы б о л о в ъ, затѣмъ з в ѣ р и н ы й охотникъ, растенія же помимо плодовъ пожалуй служили лишь приправой, такъ какъ зерновыхъ злаковъ не найдено. А какъ вообще охота дѣло счастья, то при случаѣ, конечно, приходилось голодать, рыть коренья, ѣсть древесную кору и потомъ насыщаться разомъ, какъ современный намъ эскимосъ. Человѣкъ вѣроятно ѣлъ пищу сырую, потому что въ горшкахъ, хотя обожженныхъ и окрашенныхъ, его издѣлія и найденъ накипъ; но сдѣланные изъ глины съ примѣсью сначала толченой раковины, потомъ гравія и затѣмъ ужъ кварца, они не выдерживали большаго огня, скорѣе употреблялись вѣроятно для сохраненія холоднаго. Хотя обугленныя кости и говорятъ за умѣнье жарить. О д ѣ в а т ь с я нашъ человѣкъ конечно не могъ иначе, какъ въ звѣриныя шкуры, ибо онѣ только и были подъ руками. Онѣ же помогали ему и въ охотѣ, представляя его животнымъ же. Ходить безъ одежды въ такомъ суровомъ климатѣ онъ не могъ. Да иглы прямо указываютъ свое прямое назначеніе сшивать одежды. Самъ носилъ онъ медвѣдя, лось, быка, а жену одѣвалъ въ соболи, бобры, куницу и пр. Хотя отъ ж и л ь я его не осталось слѣда, но примемъ въ разсчетъ, что ни изо льда, ни изъ дерева строить, по неимѣнію орудій, онъ не могъ, кромѣ лѣтнихъ шалашей изъ вѣтвей; пещеръ вблизи и условій для нихъ не было; оставалась одна яма въ землѣ, которую выкопать было чѣмъ, крытая наложеннымъ хворостомъ и заваленная сухой травой, камышемъ, даже можетъ быть дерномъ. Арабскій географъ, видѣвшій лично русскихъ въ 10 вѣкѣ по Р. Хр., говоритъ, что они строили свои и с ъ п ы въ закрытыхъ ямахъ и будто тамъ было такъ жарко, что можно было ходить раздѣтыми. Это не были бани, ибо привыкшій во всякую погоду къ наружному воздуху человѣкъ чувствовалъ духоту закрытаго пространства и тотчасъ снималъ мѣховыя одежды. Конечно дымъ разложеннаго въ такой землянкѣ костра ѣлъ глаза, производя глазныя болѣзни, но съ другой стороны онъ, разрушая носящіеся въ воздухѣ остатки обмѣна человѣческаго тѣла, дѣйствовалъ какъ санитаръ и служилъ прекраснымъ предохраненіемъ отъ насѣкомыхъ, мучительное вліяніе коихъ на жизнь дикаря, у воды въ особености, такъ мало принимаютъ во вниманіе наши антропологи. Сравнивая количество орудій для домашняго обихода и для охоты, не трудно будетъ признать въ нашемъ доисторическомъ человѣкѣ существо мирнаго характера, въ то время промышлен-

[1]) Каменныя орудія грубой отдѣлки и шлифованныя найдены во многихъ мѣстахъ Россіи, слѣд. человѣкъ пережилъ на русской равнинѣ весь свой доисторическій періодъ, постоянно развиваясь и былъ прародителемъ теперешнихъ обитателей ея.

вика по преимуществу, заботящагося о домашнемъ благоустройствѣ. Найденное на одномъ изъ ладожскихъ костяковъ поврежденіе — coxitis могло легко произойти и отъ вывиха, причиненнаго, скажемъ, на охотѣ, или отъ паденія съ дерева. Охотился сначала онъ конечно простыми пріемами, рыбу глушилъ черезъ ледъ зимой, а лѣтомъ плетеными изъ тростника вершами, и теперь сохранившимися, а большихъ рыбъ на приманку насаженную на костяныя иглы, птицъ во время линьки, т. е. неспособности летать, загонялъ до изнеможенія или ловилъ волосяными силками, а можетъ быть и стрѣлялъ изъ лука. Часть звѣрей то же загонялъ до утомленія и добивалъ, какъ напр. лося, застрявшаго въ снѣгу; или выходилъ одинъ на одинъ на кабана, медвѣдя, а мелочь либо стрѣлялъ, либо ловилъ тоже силками и при помощи собаки. О г о н ь добывалъ человѣкъ тогда вѣроятно треніемъ сухаго дерева и тщательно хранилъ его. Откуда впослѣдствіи и культъ огня. Что нашъ ладожецъ здѣсь жилъ постоянно, а не имѣлъ лишь охотничью стоянку, какъ думаютъ нѣкоторые, доказывается цѣлыми кучами отбросовъ его стола и хозяйства, какъ и у современнаго сибирскаго, напримѣръ, дикаря. Принимая въ разсчетъ, что швейцарскій свайный человѣкъ, живя по отдѣльнымъ озерамъ, большими собраніями, какъ на Баденскомъ озерѣ до 2000 душъ разомъ, оставилъ всего одинъ черепъ, нужно думать, что въ ладожскомъ побережьѣ скоплялось не мало людей. Можетъ быть даже они имѣли нѣкоторое подобіе государственнаго устройства. Еще задолго до историческаго времени потомки этого длинноголоваго человѣка могли образовать значительное, граждански развитое племя новгородцевъ. Не было недостатка въ украшеніяхъ, и конечно въ предразсудкахъ, чѣмъ выяснялась тогдашняя умственная жизнь. Отдѣлка точками, линіями, даже подобіями изображеній животныхъ какъ глиняной посуды, такъ и каменныхъ орудій представляютъ первое; амулеты же—зубы кабана, медвѣдя, носимые на тесьмѣ на шеѣ—кромѣ украшенія, говорятъ за второе. По мнѣнію современныхъ дикарей (да и однихъ ли дикарей?), медвѣжій напримѣръ зубъ предохраняетъ отъ дурнаго глаза; у дѣтей, на коихъ надѣтъ этотъ зубъ, легче рѣжутся зубы, и пр. и пр. Нужно думать, что ладожецъ того времени былъ фетишъ уже. Во всякомъ случаѣ нашъ доисторическій человѣкъ, хотя и на громадномъ промежуткѣ времени все же прародитель курганнаго племени. Судя по черепу, ладожскій длинноголовый человѣкъ не славянинъ, не финнъ, не монголъ думаютъ одни, но и не аріецъ — говоритъ Иностранцевъ, а давнишній, первобытный прототипъ его, добавимъ мы. Аріецъ зналъ уже золото, мѣдь, сѣялъ гречку, а можетъ быть и пшеницу, имѣлъ домашнихъ животныхъ: корову, козу, барана, лошадь, свинью, собаку. Отъ арійцевъ скифы, венеты. Ихъ знали греки за V в. до Р. Хр., славяне же прямые потомки скифовъ, если не сами скифы, измѣнившіе лишь имя. Переходя затѣмъ къ курганному теперь лишь отрываемому племени, найдемъ его длинноголовымъ отъ Олонецкой, Тверской до Кіевской и Курской губ., отъ Москвы до Польши и Галиціи. Найдемъ его же въ курганахъ Кавказа и въ черепахъ каменнаго вѣка. И чѣмъ древнѣе курганъ, тѣмъ примѣсь короткоголоваго къ длинноголовому меньше и меньше. Какъ ни заманчива теорія Пёше о первоначальномъ зарожденіи высокихъ, голубоглазыхъ, бѣлокурыхъ арійцевъ въ Бѣлоруссіи, а не пришлыхъ изъ Азіи; но наше курганное племя (кромѣ ладожскаго) сравнительно неособенно древне, такъ какъ большей частью находимъ бронзу и желѣзо. Самые древніе русскіе черепа длиннѣе другихъ славянскихъ и имѣютъ значительно большій межъ ними процентъ длинноголовыхъ. Отъ Москвы къ С.-В. и Ю.-В. преобладаютъ короткоголовые курганные черепа, т. е. смѣшеніе съ алтайскимъ и позднѣе съ татарскимъ племенемъ, а къ западу длинноголовые. Скифы тоже какъ и древніе черепа длинноголовы и не монголы (теперешнія раскопки). На ихъ мѣстѣ явились славяне, а изъ сихъ русскіе. Слѣдовательно, славяне исконное съ каменнаго вѣка въ Россіи племя. И въ Кіевѣ первоначальное, туземное, каменнаго вѣка племя длинноголовое, а примѣсь къ нему съ В. и З. короткоголовыхъ позднѣе. Въ Новгородѣ самые древніе черепа тоже длинноголовые, а позднѣе въ самомъ городѣ и женскіе черепа короткоголовые, какъ въ Кіевѣ и Москвѣ, но въ Новгородѣ пока длинноголовый славянскій типъ выраженъ слабѣе, такъ какъ славяне заселили сѣверъ позднѣе, чѣмъ югъ. Да и Новгородская губ. была границей, гдѣ сталкивались (финны второстепенное племя, произошло отъ смѣшенія арійцевъ съ алтайцами) съ алтайцами, ранѣе здѣсь поселившимися, и даже

слѣды этой смѣси ясны въ каменный еще вѣкъ у Ладожскаго озера. «Новгородское и Кіевское племя, говоритъ А. П. Богдановъ, каменнаго вѣка лишь длинноголовое», т. е. славяне и потому арійцы, а слѣдовательно, славяне самые молодые арійцы, ибо недалеко ушли отъ своего корня. А какъ славяне жили по всему Балтійскому побережью, заходя далеко на западъ Европы до Даніи и Швеціи; то не лопари или финны первые насельники Европы, а славяне, какъ говоритъ Пёше (т. е. арійцы) и антропологъ Эккеръ. Одни антропологи принимаютъ этотъ длинноголовый типъ за германскій, другіе же справедливо принимаютъ его за славянскій. По моему же (Богд. А.), это одинъ древній типъ, отъ котораго и германцы и шведы и датчане (датскіе остатки первобытнаго торфянаго человѣка современны нашему ладожскому) и русскіе. Это будетъ древній типъ арійца, который олицетворился въ нашемъ длинноголовомъ человѣкѣ. Оттого призванные въ Россію (будто) норманы не оставили въ русскихъ могилахъ слѣдовъ, что тогда это было недалеко ушедшее отъ арійцевъ родственное племя. Курганы приохотской чуди и мерянскіе дали тоже много длинноголовыхъ. Самые чистые великорусскіе черепа суть ярославскіе. Вотъ выводы, къ которымъ пришелъ проф. А. П. Богдановъ, заканчивая свою работу о черепахъ ладожскаго торфянаго человѣка: 1) самый древній въ Россіи типъ длинноголовый; 2) онъ родствененъ съ курганнымъ племенемъ средней Россіи; 3) въ Полтавской и Ярославск. губ. обитатели каменнаго вѣка тоже длинноголовые — этимъ заселеніе Россіи отодвигается далеко въ глубь вѣковъ; 4) начиная отъ Мурома, восточные уѣзды Московской губ., С.-Петербургская губ. уже короткоголовые; 5) славяне-великоруссы не пришлое, а исконное, съ каменнаго вѣка племя на русской равнинѣ.

И языкъ русскій выдѣлился въ самостоятельное нарѣчіе во времена доисторическія со свободнымъ удареніемъ, тогда какъ у поляковъ удареніе на предпослѣднемъ слогѣ. Литовскій языкъ отдѣлился еще за V вѣковъ до Р. Хр. Русскимъ нашъ языкъ сталъ называться съ образованіемъ государства и отличался отъ церковно-славянскаго и всякаго другаго славянскаго языка менѣе, чѣмъ отъ нашего новаго языка. Книжный нашъ языкъ, образуясь подъ вліяніемъ греческаго, тѣмъ самымъ охранялся отъ народной жизни, народный же языкъ жилъ, т. е. измѣнялся. При Боголюбскомъ, съ раздѣленіемъ государства, когда кіевляне потянулись во Владиміръ, на убылое мѣсто насельники, съ покореніемъ юга литовцами, уйдя на югъ, выработали малороссійскій языкъ, а въ мѣстахъ, оставленныхъ ими, скоро выдѣлился бѣлорусскій языкъ. Оба, и малороссійскій и бѣлорусскій, лишь народный говоръ.

Отчего въ словахъ нашей Несторовской (сборной) лѣтописи не видѣть, какъ въ разсказѣ о семидневномъ твореніи міра, разсказа о доисторическомъ существованіи новгородцевъ, кіевлянъ (по Днѣпру, Окѣ, Нѣману), какъ древлянъ и пр.?

Принявши толкованіе, что славяне суть переименованные скифы, укажемъ на добытые раскопками предметы врачебнаго быта. Въ книгѣ «Древности Восфорскаго царства», Спб., 1842, 8°, ч. II, § 25 описанъ и изображенъ сосудъ-кубышка (братина, Забѣлинъ, «Ист. рус. жизни», ч. I, 642. и другими не совсѣмъ удачно названная чашей, вазой, такъ какъ она безъ горлышка), $2^1/_2$ вершка высоты и 2 вершка ширины изъ электрума, т. е. смѣси $^3/_4$ золота и $^1/_4$ серебра, а по Кизерицкому $^{94}/_{96}$ золота. Формой кубышка напоминаетъ колбообразно раздутый средневѣковой (картина Casp. Netscher — алхимикъ) аптекарскій пузырекъ для лѣкарства съ короткимъ расширяющимся горлышкомъ. Кубышка эта была найдена въ могильникѣ кургана горы Кульоба (земля пепла) въ 6 верстахъ отъ теперешней Керчи. Средину склепа занималъ мужской костякъ, накрытый деревяннымъ разрисованнымъ какъ бы колпакомъ, одна сторона котораго была открыта. Противъ нея найденъ, въ обратномъ головой положеніи лежащій на спинѣ, женскій костякъ съ вытянутыми правильно конечностями. На шеѣ обоихъ золотые царскіе обручи, украшенные на концахъ рѣзными изображеніями скачущихъ скифовъ. На животѣ остова женщины найдены три бляхи, можетъ быть отъ пояса, а вблизи вышесказанная кубышка. Положеніе этого костяка и все окружающее говоритъ за спокойную смерть. Въ челюсти мужскаго скелета недостаетъ зуба и кость, кажется, лѣвой ноги повреждена. Нашедшіе сдѣлали заключеніе, что эта могила не скифскаго царя, такъ какъ ихъ хоронили будто

лишь въ одной мѣстности Гаррасъ (у Днѣпровскихъ пороговъ), а греческаго или можетъ быть босфорскаго царя. Курганъ относятъ (Кизерицкій) къ IV вѣку до Р. Хр. По верхней половинѣ кубышки идутъ вокругъ выпуклыя (выбитыя) изображенія въ такомъ порядкѣ. Царь съ обручемъ на головѣ сидитъ на низкомъ камнѣ протянувъ ноги, противъ него сидитъ на колѣняхъ на землѣ фигура скифа въ башлыкѣ съ кожанымъ на лѣвой рукѣ щитомъ и копьемъ. За этой парой скифъ въ башлыкѣ, стоя на одномъ колѣнѣ, черезъ другое, выставленное, натягиваетъ какъ бы лукъ, упертый концомъ въ землю. Далѣе сидитъ на лѣвомъ колѣнѣ, а правое у локтя, скифъ съ разинутымъ ртомъ, какъ бы вцѣпясь правой рукой въ правую же руку другаго, сидящаго на обоихъ колѣнахъ скифа, которою тотъ ощупываетъ зубъ во рту перваго; лѣвая же рука изслѣдователя придерживаетъ голову больнаго. Головы обоихъ, какъ и слѣдующаго раненаго, не покрыты, волосы у всѣхъ распущены и съ подстриженнымъ лбомъ, бороды не длинныя, какъ и у царя. Потомъ на четвертомъ изображеніи сидитъ на землѣ, съ протянутыми ногами, раненый скифъ, правая нога котораго лежитъ почти на ступнѣ ноги сидящаго противъ него знахаря, а лѣвая раненая лежитъ вдоль ноги и, опираясь на ляшку знахаря, такимъ образомъ, поднята. Она увита снизу вверхъ идущими ходами бинта, а можетъ быть просто тесемки, не скатанный конецъ котораго видѣнъ въ правой рукѣ знахаря, въ башлыкѣ (лѣкаря, хирурга) стоящаго на правомъ колѣнѣ съ вытянутою лѣвою ногою для опоры раненому. Одѣты всѣ скифы въ короткіе до полуколѣна кафтаны съ отороченными (или, вѣроятно, то полушубки) и опушенными полами и подоломъ. Кожаные съ бляхами пояса, а штаны вдоль отдѣланы бляхами и звѣздочками до низу. У лѣваго бока всѣхъ фигуръ колчанъ съ лукомъ и стрѣлами. Та же кубышка лицевой стороной, гдѣ видны лишь послѣднія 4 фигуры, дана Иловайскимъ въ «Др. и Нов. Росс.», 1875, февр., 164, безъ всякихъ, впрочемъ, объясненій. Въ изданіи Толстого и Кадомнова, «Скифскія древности», вып. III, на первомъ листкѣ помѣщены тѣ же 4 фигуры, остальныя три въ концѣ книги, при изображеніи вазъ. Онѣ близко напоминаютъ фигуры, помѣщенныя въ «Древн. Восфор. царства», хотя много тщательнѣе исполнены и еще болѣе напоминаютъ русскаго крестьянина. Небольшая разница въ описаніи найденнаго и въ объясненіи его. Могильникъ почему-то названъ царицынымъ, сидящій предъ царемъ скифъ съ кожанымъ щитомъ и копьемъ названъ лазутчикомъ. Но для нашей цѣли эти разногласія въ сущности неважны. Сама кубышка въ Эрмитажѣ, въ отдѣленіи скифскихъ древностей, гдѣ въ трехъ витринахъ всѣ находки той Кульобской могилы. Работа, правда, очень тонкая, но все-таки далека, по изяществу, отъ другихъ, сохранившихся тамъ же, вещей, напр., медальновъ, шейныхъ обручей, особенно рисунковъ на пластинкахъ слоновой кости, чтобы совершенно отвергать мѣстное производство. По словамъ почтеннаго консерватора, г. Кизерицкаго, это афинская работа, гдѣ оригиналами могли служить сами скифы, составлявшіе, какъ извѣстно, полицію города и въ своемъ національномъ костюмѣ. Не лишнее припомнить здѣсь, что и славянъ впослѣдствіи много служило въ Константинополѣ и также въ національномъ костюмѣ. Трудно согласиться, чтобы рисунокъ, т. е. замыселъ этой работы, принадлежалъ не скифу. Иностранецъ, даже жившій въ Пантикапеѣ, не могъ такъ отчетливо схватить всѣ бытовыя особенности и не могъ, конечно, всецѣло отрѣшиться отъ невольной и неизбѣжной примѣси своей національности. Сличая подлинную кубышку со всѣми вышесказанными снимками, видимъ, что всѣ они не совсѣмъ точны. А на кубышкѣ рельефнѣе всего выступаетъ славянскій типъ скифовъ.

Сообразивши рисунки съ описаніемъ, исторіей того времени и раскопками, много уяснившими въ послѣдніе годы, можемъ подвести слѣдующіе для нашей цѣли итоги. 1) Что могила никоимъ образомъ не греческая, ибо греки тогда не хоронили живыхъ женъ съ мужьями, а скифская, т. е. въ данномъ случаѣ славянская (складъ лица, полушубки). И могила властителя или царя скифовъ, судя по шейному обручу и множеству вещей съ изображеніями, напримѣръ, скачущихъ скифовъ (похоронныя скачки) на деревянномъ чехлѣ, на оружіи и пр. Этому нисколько не противорѣчитъ возраженіе, что цари хоронились въ курганахъ у Днѣпровскихъ пороговъ. Тамъ хоронились цари племенъ Антовъ, Роксоланъ и вообще поднѣпровскихъ скифовъ, а близъ Керчи (Корчь, Короча) могла

быть могила либо царя восфорскаго, такъ называемой греками сарматской (тоже арійцы, родственники мидянъ) династіи, либо царя Черныхъ болгаръ. 2) Выше я высказалъ мысль, что работа если и не сдѣлана въ Керчи, то во всякомъ случаѣ скифомъ и притомъ близко стоящимъ ко двору правителя. Потому что всѣ событія, изображенныя рисункомъ, есть олицетвореніе случаевъ (на память) изъ жизни этого самаго царя. Недостатокъ зуба и поврежденіе кости это подтверждаютъ. Даже болѣе того я признаю, что такъ какъ кубышка имѣла чисто врачебное, — т. е. для однихъ лѣкарствъ, что можно прослѣдить вплоть до нашихъ царей, — употребленіе; то и весь рисунокъ долженъ быть объясненъ исключительно врачебными событіями. Такъ въ скифѣ, сидящемъ съ копьемъ противъ царя, я вижу царскаго знахаря-волхва (лѣчителя внутреннихъ болѣзней), дающаго врачебный совѣтъ властителю. Башлыкъ, по словамъ Геродота, былъ принадлежностію этого званія, какъ вѣщаго, вѣдуна. Копье и щитъ ничего не говорятъ, такъ какъ всѣ лица до одного и врачи и больные вооружены колчанами. На войнѣ иначе и быть не могло въ свитѣ царя, къ которой безъ сомнѣнія принадлежали всѣ лица рисунка, судя по длиннымъ волосамъ — признакъ благороднаго происхожденія, — по нашитымъ, напр., на штанахъ серебрянымъ, а можетъ быть и золотымъ бляшкамъ или пуговицамъ. Да и болѣе полное вооруженіе выражало больше уваженія къ особѣ царя. При другихъ лицахъ нѣтъ щита и копья лишь потому, что обѣ ихъ руки заняты. Я даже не имѣю ничего противъ объясненія второй фигуры скифа знахаремъ [хирургомъ, приготовляющимъ врачебный инструментъ, въ данномъ случаѣ пилу (а не лукъ)], такъ какъ видѣлъ (кажется, въ Нюренбергѣ) бронзовую врачебную пилу, именно съ такой ручкой. Въ московскомъ бронзовомъ наборѣ тоже, кажется, пила есть. Слѣдующія четыре фигуры такъ наглядны, что не требуютъ поясненія. Развѣ первая, гдѣ зуборватель безъ башлыка; зато съ выстриженнымъ лбомъ, какъ мнѣ кажется, знакомъ принятія въ сословіе, т. е. ученикъ ремесла, не заслужившій еще башлыка. Да и лицо его очень моложаво. На лицѣ больнаго зубами скифа художественно передана какъ боль, такъ и то невольное схватываніе больнымъ руки врача, вырывающаго зубъ. На образѣ раненаго въ ногу скифа видно (на подлинной кубышкѣ, а не на рисункѣ) не бинтованіе, а перевязываніе тесмой или кушакомъ, что и нынѣ обычно, потому оба конца видны не скатанными. И притомъ перевязка въ лубки, слѣдовательно перелома, къ чему приспособлено положеніе тѣла знахаря, который очень напоминаетъ описаніе Ипократа скифскихъ волхвовъ-лѣчителей, не разъ имъ видѣнныхъ. Теперь еще одно предположеніе, и по моему, главнѣйшее. При индійскихъ похоронахъ, передъ зажиганіемъ костра подъ покойникомъ, жены его большею частію задушивались, какъ и прислуга, конь убивался. Славяне-руссы, по словамъ Ибнъ-Доста, опускали въ могилу ихъ живыми, хотя Ибнъ-Фадландъ упоминаетъ о задушеніи дѣвушекъ, коихъ клали съ мертвымъ. Но въ тайнѣ, вѣроятно изъ сожалѣнія къ слабости женщины для прекращенія лишнихъ мученій, съ ними клали ядъ, отъ котораго онѣ тамъ и умирали. Въ данномъ случаѣ покойная смерть женщины подтверждается правильнымъ положеніемъ костяка, вытянутаго на спинѣ, и порядкомъ окружающихъ предметовъ, сохранившихся даже на мѣстѣ бывшаго живота царицы. Для этой цѣли въ нашей кубышкѣ могъ быть ядъ. Отравленіе въ то время было не рѣдкостію (Сократъ и др.). По сказанію греческаго писателя Прокопія (Забѣл., Ист. рус. жив., ч. I, 412), скифы и славяне употребляли въ сраженіяхъ ядовитыя стрѣлы. Ядъ долженъ былъ здѣсь быть наркотическій, ибо острый металлическій все же причинялъ сильныя муки и потому далъ бы не покойное положеніе костяка и оставилъ бы слѣды на металлѣ сосуда. Не смотря на мнѣніе нѣкоторыхъ, что опій не былъ въ то время извѣстенъ, я именно его и предположилъ въ кубышкѣ, припомнивъ, что Аретей (въ I вѣкѣ), какъ на единственную эйтаназію, указываетъ на опій и опій. Ѳерьякъ же извѣстенъ былъ еще египтянамъ. Благодаря любезности господина консерватора, отскоблившаго мнѣ грана четыре корочки, покрывавшей внутри кубышки дно и стѣнки, мнѣ удалось получить отвѣтъ на мой вопросъ, хотя и отрицательный. О полномъ анализѣ такого количества, конечно, не могло быть и рѣчи. Въ лабораторіяхъ военно-медицинской академіи химическія реакціи на мышьякъ дали мнѣ отрицательный отвѣтъ. Соединяя микроскопическій и физіологическій сравнитель-

ный способъ, я приготовилъ, одинаковымъ образомъ, настой этого порошка и современнаго намъ опія. Подъ микроскопомъ я не нашелъ тѣхъ характерныхъ клѣтокъ опія въ искомомъ веществѣ, а напротивъ онѣ близко подходили къ остаткамъ ткани, найденной мною въ осадкѣ современнаго хорошаго краснаго вина, давшаго отсѣдъ. Затѣмъ настой кубышечной коры и опія были впрыснуты подъ кожу нѣсколькихъ лягушекъ. Получившія опій лягушки дали характерную для морфія картину послѣдовательнаго паралича, кончившагося смертью всѣхъ опытныхъ животныхъ, а отъ повторнаго впрыскиванія настоя изслѣдуемаго порошка не было никакихъ послѣдствій и лягушки выжили отлично.

Къ подобнымъ же находкамъ я отношу извѣстную серебрянную, хранящуюся тоже въ эрмитажѣ вазу, найденную И. Е. Забѣлинымъ (имъ же описанную съ Тр. Мос. Археол. Общ. т. I, 1865, 71 стр) въ Чертомлыкскомъ курганѣ у Днѣпра. Богатства найденныхъ вещей и устройство могильника прямо указываютъ на царственное погребеніе бронзоваго вѣка На этой вазѣ также выбито нѣсколько скифовъ въ различныхъ уходахъ ихъ за лошадьми. Племя принадлежитъ достовѣрно къ арійцамъ. Костюмы совершенно тѣ же, что и на Кульобской кубышкѣ. На поясѣ нѣкоторыхъ скифовъ видны коновальскія орудія, мало отличныя отъ нашихъ современныхъ.

Оба эти сосуда служатъ самымъ раннимъ указаніемъ нашего врачеванія, по крайней мѣрѣ существованія лѣчителей, какъ отдѣльнаго сословія людей, болѣе чѣмъ за 2500 лѣтъ до насъ.

Не касаясь здѣсь вопроса, пришли ли скифы, а слѣдовательно и славяне, съ Памира ли, изъ Мидіи чрезъ Кавказъ, переплыли ли съ южнаго берега Чернаго моря, даже изъ Африки, гдѣ нѣкоторые полагаютъ перваго человѣка; вспомнимъ лишь, что большинство нашихъ историковъ еще считаютъ, какъ и мы не задолго считали, ихъ пришельцами. Мы же позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя на то замѣтки. Даръ приспособленія къ новымъ условіямъ жизни, напр. климату и пр., всего живаго и измѣняемость подъ вліяніемъ этихъ новыхъ условій, не смотря на кажущуюся большую величину, можетъ двигаться лишь въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Должны пройти вѣка прежде, чѣмъ какой-либо видъ животнаго или человѣкъ, хотя и считаемый болѣе къ тому способнымъ, потерявши множество одно за другимъ не дожившихъ своей жизни поколѣній, не дойдетъ до полнаго приспособленія къ новой мѣстности. Недавно доказано, что всякій европеецъ, переселясь ближе къ экватору и году не выживаетъ, не подвергаясь хронической, на мѣстѣ неизлѣчимой, анеміи отъ измѣненія физіологическихъ условій отправленія организма, дыханія, питанія, испаренія вообще обмѣна и нервной дѣятельности. Эта анемія сводитъ его въ могилу много раньше срока. Его дѣти, тамъ рожденныя, тоже чахлы, недолговѣчны и часто безплодны. Даже дѣти отъ смѣшаннаго съ туземцами брака должны поколѣнія два вымирать прежде полной акклиматизаціи. Французы должны смѣнять каждые три года личный составъ арміи въ Индіи. Англичане тоже почти, да и наши кавказскія войска въ 40-хъ годахъ давали очень большой процентъ смертности. Кавказъ нашъ не подъ экваторомъ, а тамъ даже у врачей сложилось убѣжденіе, что поколѣнія два три новыхъ поселенцевъ вымираютъ преждевременно отъ лихорадки. Мнѣ самому приходилось видѣть такую поголовную лихорадку у поселенцевъ, на берегу Чернаго моря, что изъ цѣлой станицы болѣе 3 тысячъ душъ, не находилось людей способныхъ поднять на возъ куль муки, привезеннаго пароходомъ ихъ провіанта и сложеннаго пароходной прислугой на берегу. И такъ говорятъ было по всей линіи новыхъ станицъ, обитатели которыхъ пришли далеко не съ сѣвера, а изъ среднихъ нашихъ губерній, напр. Курской и сосѣднихъ. Возьмемъ обратный случай—поселенія наши изъ среднихъ даже сѣверныхъ губерній на крайнемъ сѣверѣ. Цѣлый монастырь 12, крѣпкихъ средняго возраста и молодыхъ монаховъ, отлично всѣмъ снабженныхъ, въ теченіи одной зимы вымираетъ поголовно отъ цинги, своего рода анеміи. Не говоря уже о множествѣ поморовъ, умиравшихъ и досе умирающихъ отъ той же цинги въ своихъ путешествіяхъ и становищахъ. Я не знаю, чѣмъ кончился опытъ поселенія на Новой Землѣ семьи зырянъ, но только ему, кажется, тамъ плохо живется. Наши вольные переселенцы въ Сибирь, не смотря почти на одинаковый климатъ и одну широту мѣста съ ихъ родиной, даютъ много большую смертность, чѣмъ дома, при плохомъ санитарномъ со-

стоянии. А мало ли природныхъ кавказцевъ, съ пріѣздомъ въ среднюю Россію, начинаютъ страдать лихорадками. Еще нѣтъ точныхъ научныхъ наблюденій о перемѣнахъ въ организмѣ жителей жаркихъ странъ, переѣхавшихъ въ Европу, но и они не остаются, какъ указалъ каждодневный опытъ, безнаказанно и способность размноженія ихъ сокращается чуть не до нуля. Мнѣ случилось наблюдать въ Парижѣ и Петербургѣ нѣсколько паръ, рожденныхъ въ Европѣ молодыхъ, еще межъ 20 и 30 годами, на видъ совершенно здоровыхъ негровъ, не имѣвшихъ въ періодъ моего наблюденія (2—5 лѣтъ), потомства. Хотя нѣкоторыя изъ нихъ отъ смѣшанныхъ браковъ имѣли дѣтей. Здѣсь въ большемъ видѣ происходитъ тоже, что мы всѣ часто наблюдаемъ въ маломъ видѣ. Измѣняя температуру разомъ на 10°—15° градусовъ холоднѣе въ томъ же костюмѣ, получаемъ непремѣнно простуду, а аравійскій пустынный кочевникъ уже при обычной ежедневной вечерней температурѣ, не ниже 0°, дрогнетъ и валится съ верблюда. Предрасположеніе къ простудамъ въ нашихъ широтахъ жителей жаркихъ странъ замѣчательно и общеизвѣстно. Взгляните на историческія послѣдствія великихъ переселеній. Начиная съ грековъ Алекс. Македонскаго, остготовъ въ Италіи, гунновъ Атиллы, всѣ они какъ бы растворились въ массѣ туземцевъ, говоря проще вымерли, оставивъ лишь имена отъ смѣшанныхъ браковъ. Это замѣтили и современники, какъ нашъ лѣтописецъ говоритъ «погибоша яко Обры», а авары были арійцы, какъ вѣроятно и гунны. Считать этихъ послѣднихъ монголами или турками нельзя уже съ тѣхъ поръ, какъ не найдено въ днѣпровскихъ могильникахъ монгольскихъ череповъ, а не оставить слѣдовъ особаго племени они не могли бы. Развѣ какъ норманы? Другое дѣло приспособленіе напр. негровъ въ Америкѣ, гдѣ сухость воздуха близка къ Африкѣ. Европейскіе же переселенцы теряютъ большой процентъ. Одни евреи какъ будто составляютъ исключеніе, мирясь со всякимъ климатомъ, но религія этой живото- и златолюбивой рассы полна гигіеническихъ правилъ и даетъ большое дѣторожденіе (карая безплодность) и малую дѣтскую смертность. Съ другой стороны примемъ во вниманіе, что изъ 400 собранныхъ у меня врачебныхъ заговоровъ, большинство коихъ несомнѣнно древняго происхожденія, лишь тридцать отъ укушенія змѣй. Половина изъ нихъ есть лишь перефразировка, т. е. или мѣстныя разнорѣчія или передѣлка въ христіанскія времена. Да и остальные заговоры отъ гадюки, отъ ужа, отъ козюли и лишь одинъ, не ранѣе желѣзнаго вѣка, отъ мѣдянки. У насъ, какъ извѣстно, лишь на Кавказѣ попадаются сильно ядовитыя змѣи. Нельзя же, чтобы народъ, придя изъ жаркаго климата, гдѣ змѣй множество, не сохранилъ въ языкѣ ни особаго названія ихъ, ни заговоровъ или способа лѣченія отъ укуса ихъ, чего даже въ индійскихъ Ведахъ много.

ГЛАВА IV.

Вліяніе міровыхъ и др. дѣятелей на русской равнинѣ. — Рождаемость. — Климатъ, почва, свѣтъ, теплота, воздухъ. — Вліянія на растенія и животныхъ. — Пища, напитки, жилища, трудъ. — Переживаніе и вырожденіе.

Каждое племя, родившееся въ извѣстной мѣстности, въ теченіи долгихъ вѣковъ оставаясь подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же міровыхъ (косическихъ) условій, вырабатываетъ въ своемъ тѣлѣ извѣстныя свои особенности, въ борьбѣ со внѣшними дѣятелями, создаетъ, такъ сказать, свою физіологію, даже иногда патологическія особенности, но настолько стойкія, что должны пройти почти тѣ же вѣка, при новыхъ условіяхъ, чтобы расса поступилась этими особенностями. Это заставило Вирхова признать нѣкоторые патологическіе типы въ строеніи тѣла почти за нормальные. Возьмемъ для примѣра, что большая рождаемость въ европейской Россіи составляла ея племянную особенность. На моей врачебной памяти она была около 55 на тысячу, когда въ Европѣ не превышало 28. Нуженъ былъ громадный экономическій переворотъ отъ реформъ позапрошлаго царствованія, чтобы понизить ее до 48 на тысячу въ 1880 г., а въ послѣдующее десятилѣтіе тѣ же условія продолжали дѣйствовать, цифра же рождаемости понизилась всего на 1,2, т. е. въ 1890 году 46,8 на тысячу, и чуть пройдутъ года перелома, рождаемость снова зайдетъ

за 50, т. к. приростъ колеблется мало, на $^1/_2{}^0/_0$, небольше. Зато понизилась и смертность. въ 1880 г. давшая 36, въ 1890 г. уже 34,6 на тысячу, когда она въ Венгріи 38. Подобныхъ племенныхъ особенностей нельзя упускать изъ вида, говоря о вліяніи какихъ бы то ни было условій. Я буду, во первыхъ, говорить о времени до царствованія Петра (какъ и вся эта работа), а во вторыхъ, опущу мѣстность крайняго сѣвера, какъ малообитаемую и имѣющую много необычнаго для остальной равнины. Оставимъ пока въ сторонѣ и населеніе городовъ, до Петра I у насъ небольшое. Такъ же скажу вскользь о южной части степи, почти необитаемой до послѣдняго времени. Т. к. проходившее по ней великое переселеніе было лишь временное, да и слѣдовъ не оставило, чтобы говорить о немъ. Хотя нельзя не остановиться на той мысли, что физическія условія пустынной степи и были, можетъ быть, главнѣйшимъ условіемъ, почему эти переселенцы не оставили тамъ ничего стойкаго. Тогда какъ наши побѣдители, татары, потому, можетъ быть, и зацѣпились на 250 лѣтъ, что занимали среднее и нижнее теченіе Волги, мѣстность чуть-ли не лучшую въ Россіи для сельскаго хозяйства. Они продвинулись и до Венгріи, но не засѣли потому же и въ нашихъ степяхъ, гдѣ могли имъ помѣшать политическія условія покореннаго ими народа, какъ на сѣверѣ Россіи, гдѣ къ этимъ политическимъ примѣшались и климатическія условія. Вообще въ исторіи незаслуженно мало обращается вниманія на вліянія міровыхъ дѣятелей.

Отдавъ такимъ образомъ исключительное наше вниманіе обширной ($^4/_5$) полосѣ русской равнины, припомнивъ геологическое напластованіе ее, изучимъ почву и подпочву (что только и важно для жизни тѣла человѣческаго). Такъ какъ наносы ледниковаго времени ограничивались небольшой полосой береговъ, а болѣе въ устьяхъ и притомъ мѣстами были смыты, то въ общей картинѣ оставили мало слѣдовъ, въ видѣ песчано-глинистыхъ тонкихъ слоенъ. Пласты третичнаго времени, какъ мелководнаго моря — глина, песокъ, занимавшаго лишь самую южную часть Россіи, либо покрылись потомъ черноземомъ съ глинистой солончаковой почвой, какъ Новорос., Донс., Волг., или составляютъ южную степь, которая не входитъ въ нашъ обзоръ. Мѣловое глубокое море дало мощную толщу мѣла съ богатымъ содержаніемъ гипса, кой гдѣ гнѣздами, и лишь мѣстами пески и известняки, кои и составляютъ подпочву, покрытую глубокимъ слоемъ чернозема; лишь изрѣдка подпочвой его служатъ рыхлые рухляки тріасоваго времени, гдѣ они остались непокрытыми юрскими глинами. Эти же послѣднія, мѣшаясь мѣстами съ ледниковыми наносами въ суглинкахъ и супесяхъ, составляютъ большинство почвы, съ подпочвой громадныхъ толщей юрскихъ известняковъ, всей нашей лѣсной полосы. Пермскіе рухляки, какъ и каменноугольные известняки, обнажаются лишь ближе къ горамъ Финляндіи и Урала, частію на плоской возвышенности, служа въ большинствѣ подпочвой для новѣйшихъ наносовъ. Болѣе старыя породы рѣдко не закрыты. Въ Спб., Новг., Псков. губ. они подъ легкими наносами. Такъ, нашъ первобытный ладожскій человѣкъ жилъ на синей кембрійской глинѣ, слегка закрытой. Почва Бѣлоруссіи, пинскія болота, богатые торфомъ, имѣютъ подпочвой чистую глину. Лишь въ Подоліи и Волыніи опять черноземъ и супеси на мѣлу и, частію, на глинѣ. Песчаными почвами на глинѣ же богаче нашъ востокъ предуральскій и юго-восточныя степи. Т. обр., сводя въ одно, найдемъ, что почва большинства нашей лѣсной полосы глины, суглинки, супеси, лишь на югѣ черноземъ, подпочва-же почти вся глинистая; а подъ черноземомъ какъ лѣсной, такъ и чисто черноземной полосы, б. ч. мѣлъ, не говоря о степи, гдѣ пески и глины, во множествѣ слоевъ чередуясь, прикрыты лишь на сѣверѣ полосы слегка черноземомъ. Отсюда прямое послѣдствіе застой подпочвенной воды на непропускающей глинѣ и чуть гдѣ ложбинка, низинка, наклонность къ образованію болотъ, которыми, не говоря ужъ про Бѣлоруссія, такъ богата вся наша лѣсная полоса, да и въ черноземной полосѣ ихъ не мало. Все наше множество рѣкъ, идущихъ б. ч. въ глубокихъ долинахъ, богато болотистыми берегами, особенно при многоустныхъ впаденіяхъ ихъ въ море. О предгорныхъ, по окраинѣ всей равнины, болотахъ мы говорили въ самомъ началѣ. Переберите всѣ наши, такъ наз., прямо вредныя для здоровья мѣстности. Прибрежье Ледовитаго океона отъ сырости и холода—родина цинги; литовскія болота родина малярійной анеміи; камышевыя побережья Чернаго и Азовскаго

морей, кавказскія глубокія долины — смертельныя лихорадки; заливные берега Дона, Волги, Кумы, Кубани, болота южной степи. Все это болота да болота, и вездѣ почти подпочва глина.

Приведемъ небольшую статистико-топографическую таблицу по губерніямъ въ круглыхъ числахъ [1]).

Конечно, числа послѣднихъ трехъ столбцовъ не совсѣмъ точны. Нужно много наблюденій прежде чѣмъ онѣ установятся. Эта работа возможна лишь земскимъ врачамъ, стоящимъ близко къ народу. Они же, къ сожалѣнію, увлеклись безплодными говорильнями — съѣздами или никому ненужными изданіями застарѣлыхъ свѣдѣній или безцѣльной казуистикой.

Ряды только что приведентыхъ чиселъ учатъ насъ, что:

Дѣйствительная (абсолютная, несравнительная) высота надъ уровнемъ моря мѣстности или круто возвышающаяся (до 161 саж. у насъ) представляетъ наилучшія условія для человѣческой жизни—здоровья и болѣе легкаго хода повальныхъ болѣзней (эпидеміи).

Напротивъ, низкія мѣста (60 саж.) да еще обдуваемыя близъ лежащимъ моремъ, а въ холмистой мѣстности песчаныя, заливныя долины рѣкъ или въ крутыхъ берегахъ усиливаютъ болѣзненность и смертность. Пологіе песчаные склоны постоянно весной заливаемые особенно увеличиваютъ заболѣваемость.

Когда лѣсу наполовину противъ остальной земли, то рождаемость поднимается много выше средней, а если лѣса будетъ больше половины, то рождаемость начинаетъ падать. Самъ по себѣ лѣсъ не дѣлаетъ условія жизни лучшими и не задерживаетъ повальныхъ болѣзней.

Такъ какъ жизнь человѣка почти исключительно зависитъ отъ качества воды, а эта, въ свою очередь, зависитъ отъ геологическаго состава почвы (чѣмъ условливаются мѣстныя повалки), то главнѣе химическій составъ почвы, т. к. въ одномъ геологическомъ пластѣ бываетъ разный составъ. Присутствіе въ почвѣ сѣрнистыхъ колчедановъ, гипса, магнезіи, соли дѣйствуетъ на здоровье вредно.

Поверхность стоячихъ водъ вредна, а котловины, закрытыя пескомъ, самое худшее.

Сами по себѣ известняки въ почвѣ здоровы, но отъ примѣси магнезіи (доломиты) вредны. Сильно глинистые известняки (мергели) весьма нездоровы, т. к. поддерживаютъ повальныя болѣзни.

И на возвышенныхъ, но замкнутыхъ мѣстностяхъ берега рѣкъ нездоровы.

Склоны къ западу здоровѣе восточныхъ. По послѣднимъ повальныя болѣзни самыя опасныя, хотя и не долго тянутся, зато чрезвычайно сильны, а на западныхъ повалки затягиваются, хоть и легко протекаютъ.

Вотъ пока странный для насъ выводъ, что болота будто не увеличиваютъ смертности, а только учащаютъ хроническія болѣзни.

У берега моря не только болѣзненность, но и рождаемость увеличивается, м. б., оттого, что въ морскомъ воздухѣ много озона. По мѣрѣ удаленія отъ моря рождаемость уменьшается. Направляясь же къ югу, къ Черному морю, она снова поднимается. Съ запада на востокъ она падаетъ. Въ южныхъ возвышенностяхъ рождаемость увеличивается отъ моря, чѣмъ выше, тѣмъ больше, а въ западныхъ высотахъ наоборотъ къ морю.

Всѣ эти соображенія врачамъ далеко не лишни уже потому, напр., что еще Линней замѣтилъ совпаденіе лихорадокъ съ глинистой почвой или подпочвой; что мочевые камни преимущественно на новыхъ известняковыхъ и на мѣловой почвѣ; зобъ любитъ метаморфическія, глинистыя въ окрестности гипсовыхъ залежей; наконецъ, холера предпочитаетъ третичныя, наносныя, рыхлыя, всасывающія почвы и бѣжитъ отъ древнихъ каменныхъ, невсасывающихъ почвъ и высокихъ сухихъ мѣстъ.

Однимъ изъ первыхъ міровыхъ дѣятелей, оказывающимъ свое вліяніе на тѣло человѣка, понятно будетъ свѣтъ. Онъ, повышая энергію тѣла вообще, способствуетъ болѣе правильному ходу отправленій, усиливаетъ обмѣнъ, возбуждая нервную дѣятельность,

[1]) Выше 500 къ тысячи, а ниже отброшено.

Названіе губерній.	Высота надъ моремъ, саженъ.	Поверхность.	Почва.	Квадратныя версты въ тысячахъ.	Десятины въ милліонахъ.	% лѣса кв. верстъ.	% болотъ.	% заболѣванія.	% смертности.	%00 рождаем.
Архангельск.	—	Приморская гористая	Гипсы.	755—	78	4,4	25	—	—	149,8
Астраханск. .	—			207—	Въ одной квадр. верстѣ почти 105 десятинъ тридцатокъ.	—	25	—	—	143,2
Витебская . .	112	Гористая.	Девон. известнякъ	40—		3,2	20	1	1	164,5
Владимірская	78	Ровная.	Гипсы.	43—		3,4	10	0,7	8,4	126,2
Вологодская .	—			354—		9	10	—	—	142
Воронежская.	—			58—		0,9	10	—	—	144,2
Вятская . . .	—			135—		6	10	1,2	3,8	135,5
Донск. войско	170	Гористая.		145—		—	20	—	—	159,8
Житомірск. (Волынск.) .	107	Гористая.		64—		3	20	0,9	21,5	154,5
Казанская . .	85	Волнистая.		56—		3,5	10	—	—	143,3
Калужская . .	110	Ровн. возв.	Камен. уг., мѣлъ, [1] Девон., юрск.	27—		3,3	10	1	6	131,4
Кіевская . . .	115	Гористая.	Бѣл. пески, сѣр. гл.	45—		2	10	1,3	21,3	159,2
Кишиневск. (Бессарабія)	22—0	Приморская овражистая.	Извест. песчаники.	40—		0,6	5	—	—	167,7
Костромская.	—			74—		5,9	10	—	—	131,6
Курская . . .	115	Ровн. возв.	Мѣлъ, юра, бѣлые пески, фосфориты.	41—		0,9	5	1,1	9,1	135,1
Минская . . .	145	Гористая.	Тяжел. гл., пески.	80—		6,8	25	—	—	172,1
Могилевская.	105	Гористая.	Мѣлъ, глины.	42—		3	20	—	—	181,6
Московская .	95	Ровная.		29—		4	10	—	—	112,4
Нижегородск.	70	Волнистая.		49—		3,4	10	—	—	131,2
Новгородская	—		Девонск.	108—		4	25	1,1	9	132,1
Оренбургская	65—130	Гористая.	Мѣлъ подъпеск.,юра. колчед.рудист.глины.	41—		2	10	1,6	4,3	136,2
Пензенская .	110	Ровн. возв.		34—		2,4	5	—	—	138,6
Пермская. . .	—	Очень горист	Пермс., т. е. пестр. мергель и рухляки.	292—		7,4	20	1,2	3,6	144,2
С-Петербург.	20	Болотистая.		47—		3,7	25	2,6	8	104,2
Подольская .	160—70			37—		1,5	5	1	16	161,5
Полтавская .	40--97	Холмистая.	Бѣл., оранж. пески съ прослойк. глины.	44—		0,5	10	1,7	10,7	159,3
Псковская . .	60	Приморская.		39—		3	20	1	2,7	137,7
Рязанская . .	80	Волн. болот.	Ледник., юра, глина, мѣлъ и девонск.	37—		2	10	—	—	143,1
Саратовская .	125	Гористая.		74—		1,3	20	—	—	143,7
Симбирская .	108	Волнистая.		44—		3,2	10	—	—	139,8
Смоленская .	112	Гористая.	Ледн., мѣлъ, колчед. глины, дев., кам. уг.	50—		3,5	20	2	4,3	137,6
Тамбовская .	82	Разнохаракт.		59—		2	5	—	—	157,0
Тверская. . .	100	Волнистая.		57—		3	20	2	3,3	138,5
Тульская. . .	—		Кам.уг., извест., колчед., глины и пески.	27—		1	5	2	4	132,5
Харьковская.	—			48—		1	10	2,5	11	150,3
Херсонская .	—		Пермс., мѣлъ, известнякъ, пески.	63—		—	5	1,5	20,9	153,1
Черниговская	75	Горист. болот.	Мѣлъ, бѣлый песокъ.	46—		1,8	10	—	—	152,2
Ярославская.	78	Ровная.	Юрс. гл., ледн. гл., цвѣтн. гл., мергель.	31—		3,5	10	—	—	126,3
									Средняя . .	144,86

[1]) Мѣлъ состоитъ изъ фосфорнокислыхъ солей и извести.

укрѣпляетъ покровы тѣла, усиливаетъ чувствительность кожи, какъ вообще, органы чувствъ, зрѣнія и пр.; а идя глубже, проникаетъ и поглощается тканями, возбуждая къ работѣ животную протоплазму. Отъ свѣта же гибнетъ бактерія въ два часа, чахоточная палочка въ 5 дней, споры въ недѣлю. Подсчитывая, сколько получаетъ свѣта тѣло обитателя нашей равнины, увидимъ, что немного. Принимая въ соображеніе въ теченіи почти цѣлаго года косое направленіе солнечныхъ лучей, теряющихъ стало много на отраженіе, вспомнимъ, что часто наша весна, особенно же осень, почти сплошь пасмурны, начало лѣта часто облачно, въ теченіи зимы хотя и часты свѣтлые дни, но зато самые дни такъ малы; житель отъ холодовъ прячется по жилищамъ, а выходя на воздухъ, такъ укутываетъ все тѣло теплой одеждой, что для дѣятельности свѣта остается мало мѣста. Недаромъ народная поговорка гласитъ, что зимнее солнце хоть и свѣтитъ да не грѣетъ. Лѣтомъ же, при болѣе отвѣсныхъ лучахъ, почти все свѣтовое напряженіе (энергія) уходитъ на непосильный для человѣка трудъ обработки земли — страда, переиначиваясь, конечно, въ тѣлѣ въ другое (рабочее, механическое) напряженіе. Причемъ, конечно, теряется не малая его часть. При такомъ усиленномъ трудѣ напряженія едва хватаетъ на поддержаніе лишь въ равновѣсіи отправленій въ тѣлѣ; да при сухомъ, часто недостаточномъ, питаніи рабочаго, при усиленномъ еще испареніи, естественно за лѣто тѣло сильно теряетъ въ вѣсѣ. Только и можно объяснить такую выносливость тѣла зимними запасами бѣлка. Также почти не легокъ былъ трудъ нашего доисторическаго звѣро- и рыболова. Да вспомнимъ, что лѣса, встарь дремучіе, еще увеличиваютъ тѣнь. Отъ недостатка свѣта уменьшается напряженіе дыханія, а съ нимъ и скорость кровообращенія, особенно питательнаго сока, понижается обмѣнъ. является наклонность къ застоямъ, и слѣдовательно къ катаррамъ и лимфатическимъ болѣзнямъ. Темнота угнетаетъ всѣ отправленія, даже психику, развивая вялость тѣлесную и духовную.

Втораго міроваго дѣятеля — теплоты у насъ еще меньше, благодаря тому же косому направленію лучей солнца. Температура, правда, у насъ распредѣляется почти по всей однообразной, какъ въ ящикѣ лежащей, равнинѣ равномѣрно, $+30°$ — $30°$; но если возьмемъ нашу впятеро болѣе длинную зиму, чѣмъ въ сосѣдней Европѣ, наше короткое. $2^1/_2$—$3^1/_2$ мѣс., лѣто, наши вовсе не теплыя весну и особенно осень. Припомнимъ довольно большой размахъ колебанія денной температуры (въ лѣсахъ, правда умѣряемой, но насчетъ пониженія наивысшей, и лишь немного насчетъ повышенія наинизшей, вообще, колебанія эти замѣтнѣе внутри материка, чѣмъ у моря), что наивысшая температура дня далеко за полдень, и очень скоро начинаетъ спадать, что изотера, идя съ запада къ востоку, уклоняется къ югу, а изохимена еще болѣе, слѣдовательно, на востокѣ лѣто и особенно зима холоднѣе, когда и на западѣ у насъ наивысшая температура падаетъ лишь на конецъ іюня. Жары у насъ рѣдки, но тяжелы, т. к. при обычномъ у насъ обиліи влаги въ воздухѣ тѣлу тяжелѣе уравновѣшивать поглощеніе лишней теплоты усиленнымъ испареніемъ, потому что влажный и безъ того воздухъ плохо (хоть въ жаръ неспособенъ воспринимать болѣе влаги) ее воспринимаетъ, давая поводъ къ образованію застойнаго тепла, которое поднимаетъ жаръ крови, иногда до лихорадки на югѣ. Кромѣ того, вѣтры не мало способствуютъ уменьшенію тепла. Взятый изъ опыта рядъ господствующихъ, по числу, вѣтровъ З.В Ю.С., по ученію о циклонахъ, обращается въ Ю.С.В.З. съ преобладаніемъ сѣвернаго и восточнаго по силѣ и холоду. При этомъ Ю.З. и Ю., идя съ запада съ Атлантическаго океана и теплаго морскаго теченія, отдаютъ всю влагу Европѣ и Финляндіи и являются у насъ, да и то лишь на западѣ, почти сухими и прохладными. Наши холодные вѣтры служили изрѣдка очистителями воздуха, теплые же нерѣдко приносили, какъ говоритъ исторія, къ намъ западныя заразы. То о какомъ-либо особомъ или вредномъ дѣйствіи нашего умѣреннаго тепла на тѣло не приходится говорить. Развѣ что переходъ дневнаго тепла въ началѣ лѣта въ ночной холодъ, при обычаѣ нашего народа ночевать на воздухѣ и часто въ полѣ, даетъ поводъ къ простуднымъ и катарральнымъ заболѣваніямъ, дѣятельность же главныхъ органовъ легкихъ, печени, почекъ, какъ и нервная, мало измѣняется. Зато зима, давая тоже поводъ къ простуднымъ заболѣваніямъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, содержа въ разрѣженномъ воздухѣ больше кислорода, освѣжаетъ, возбуждаетъ дѣятельность дыханія,

в слѣдовательно кровообращенія, отдѣлительныхъ органовъ, почекъ, сальныхъ железъ въ особенности. Излишнее кутаніе платьемъ и жаръ тѣла лишь предрасполагаютъ къ накожнымъ болѣзнямъ (такъ какъ усиленной смазкой отдѣленія сальныхъ железъ закрываются поры кожи), завися отъ зимнихъ холодовъ, тѣмъ не менѣе будутъ явленіемъ побочнымъ.

Воздухъ, какъ своимъ холодомъ, такъ и примѣсями, имѣетъ большое вліяніе на жителя русской равнины. Холодный и суховатый зимній воздухъ, конечно, учащаетъ острыя заболѣванія дыхательныхъ органовъ, преимущественно въ началѣ зимы. Но ими, какъ, напр. кашель, богата и весна. Несравненно больше вреда приносятъ здоровью примѣси, которыми богатъ, кромѣ зимы, весь остальной годъ. Припомнимъ только обиліе болотъ и подпочвенныхъ на глинѣ застоевъ, дающихъ безконечное множество новооткрытыхъ лихорадочныхъ микроскопическихъ животно-растеній (принадлежность ихъ къ тому или другому царству еще не установлена, но думается, что они скорѣе животныя). Такое же множество всевозможныхъ бактерій (кромѣ чахоточныхъ, составляющихъ принадлежность городовъ), частые туманы (иногда сухіе растительные наблюдаемые на Кавказѣ) въ хвойной полосѣ, да въ деревняхъ обиліе вредныхъ газообразныхъ примѣсей отъ множества гніющихъ кучъ отбросовъ и такое же количество взвѣшенныхъ въ воздухѣ гнилыхъ бактерій, амебъ, споръ, всякихъ плѣсеней да пыльныхъ частицъ и пр. и пр. Намъ станетъ понятна повсемѣстность нашихъ лихорадокъ, злокачественность многихъ изъ нихъ, и каждую весну и часто осенью горячки, огневки, гнетухи и т. п. вплоть до чистыхъ тифовъ включительно. Поймемъ тѣ часто поголовные, особенно у дѣтей, лѣтніе поносы. Хотя всѣ эти примѣси осаждаются влажностію воздуха и дождями, но за тѣмъ, чтобы высохнувъ снова разноситься вѣтромъ. Потому надпочвенный воздухъ, по моему, главная причина, какъ и лѣтнее поѣданіе всякихъ травъ, сѣмянъ ихъ, громадной у насъ дѣтской смертности. Не остается онъ безвреднымъ и для взрослыхъ, при ночевкахъ прямо на землѣ. Пользуюсь здѣсь случаемъ замѣтить, что нынѣшнее увлеченіе врачей бактеріями одностороннe и какъ кажется преходяще. Дѣло не въ нихъ, какъ причинахъ заразныхъ болѣзней, а въ томъ пониженіи силъ тѣла, зависящемъ отъ вырожденія и болѣзней его, т. е. пониженія способности тѣла сопротивляться внѣдренію въ тѣло этихъ бактерій. Бактеріи вѣроятно существовали и въ доисторическія времена. Нѣкоторые древніе врачи и философы ясно предполагали ихъ; но, говоря словами теоріи Мечникова, стало фагоцитовъ было такое обиліе, что они легко пожирали всѣхъ бактерій. Съ другой стороны сами бактеріи, возрождаясь въ нашемъ суровомъ климатѣ, не были такъ злостны, какъ въ болѣе теплыхъ странахъ, чтобы давать такія же опустошенія, какъ, напр., въ Индіи и др. мѣстахъ. Электричество въ воздухѣ, возбуждая, тоже не безъ вліянія на тѣло, но, идя равномѣрно съ тепломъ, а стало и съ сухостью воздуха, рѣдко достигаетъ у насъ значительнаго напряженія, отъ того лишь майскія грозы и вообще бури рѣдки. Лѣсная полоса наша богата озономъ въ воздухѣ и бальзамичностію послѣдняго. Что, возбуждая дѣятельность легкихъ, укрѣпляютъ ихъ и способствуютъ болѣе живому обмѣну веществъ въ тѣлѣ. Въ дѣйствіи воздуха на тѣло имѣетъ большое значеніе его влажность. Она у насъ не особенно велика, 500—700 мм., а къ сѣверу до 400 мм., и довольно равномѣрно, сообразно общему равнинному очертанію страны, распредѣляется. Направляясь къ югу она увеличивается до самой степи, а отъ восточныхъ вѣтровъ уменьшается, наибольшая — Москва, Орелъ, Рига, наименьшая — Астрахань, Севастополь. Идя одномѣрно съ теплотой, наибольшая влажность падаетъ на іюль, получается она б. ч. отъ лѣтнихъ лишь дождей, да испареній отъ посѣянныхъ хлѣбовъ. Тѣмъ не менѣе обиліе плѣсени, скорая ржавчина на желѣзѣ не говорятъ за недостатокъ влажности воздуха. Впрочемъ, на нашей равнинѣ такъ много рѣкъ, озеръ, болотъ, особенно къ сѣверу, богатыя росы, почвенная влага такъ высока, что, помимо наносной атлантической влаги для дождей, Россія можетъ говорить о собственной влагѣ, которой, напр., всецѣло обязаны наши туманы. Отъ того засухи у насъ въ рѣдкость. Недороды же и частыя въ началѣ исторіи голодовки зависѣли скорѣе отъ изсушающихъ въ періодъ развитія хлѣбовъ, восточныхъ (по циклонной теоріи сѣверныхъ) вѣтровъ, или отъ погрѣшностей искусственной обработки земли, когда съ вырубкой лѣсовъ и громаднымъ развитіемъ пашни, тѣнь исчезаетъ, рѣки мелѣютъ,

подпочвы съ размытіемъ овраговъ обнажаются и высыхаютъ. Сравнительное обиліе влаги, кромѣ побочнаго вліянія на доставку, напр., растительной и отъ богатства послѣдней зависящей животной пищи, дѣйствуя на тѣло, облегчаетъ, при извѣстной теплотѣ, отправленіе почти всѣхъ органовъ, теченіе, напр., слизистыхъ болѣзней, но и предрасполагаетъ къ накожнымъ, отчасти простуднымъ, болѣзнямъ, отчасти служитъ носителемъ взвѣшенныхъ въ воздухѣ живыхъ вредныхъ примѣсей, способствуя поступленію ихъ въ органы дыханія. Т. об. климатъ Европейской Россіи дѣйствуетъ на тѣло умѣренно сурово. «А человѣкъ, какъ говорили, рабъ климата» въ борьбѣ съ вѣчными своими врагами — міровыми дѣятелями (стихіями).

Примѣняясь ко всѣмъ вышесказаннымъ дѣятелямъ, живутъ и наши растенія, не вѣтвясь широко и глубоко, (т. к. въ большинствѣ подпочвенной влаги довольно), съ листьями широкими, сочными, не сухіе стебли безъ шиповъ, т. к. ни тѣмъ, ни другимъ нѣтъ надобности въ усиленномъ отраженіи и безъ того косыхъ лучей солнца, нѣтъ надобности въ усиленномъ испареніи подъ палящимъ солнцемъ. Линія, дѣлящая хвои отъ листвен. деревьевъ, идетъ отъ Пскова на Уфу. Плодоводство начинается съ 62° с. ш., на западѣ еще выше, пшеница зрѣетъ 57°—50°. Въ такой растительности и воздухѣ, кишащемъ взвѣшенными въ немъ микроскопическими спорами растеній, бактерій не только производящихъ эпидеміи, но и мѣшающихъ правильному ходу патологическихъ теченій, и пр., разумѣется встрѣчаемъ великое множество насѣкомыхъ, мало вредныхъ однако, за исключеніемъ надоѣдающихъ комарей и миріадъ мошекъ въ лѣсу, болотахъ и на рѣчныхъ уремахъ. Попадающіяся на Кавказѣ фаланги, тарантуллы, змѣи и рѣдки и далеко не такъ ядовиты, какъ въ странахъ жаркихъ. Птицы, питающіяся этими насѣкомыми, и животныя имѣютъ цвѣтные, хоть и неособенно яркіе, покровы, т. к. нѣтъ недостатка въ пищѣ, а лѣсъ имъ хорошая защита и нѣтъ надобности въ отраженіи лучей солнца. Потому-же почти нѣтъ ночныхъ животныхъ и птицъ. Мимекрія (блѣдная окраска шерсти и пера, схожая съ цвѣтомъ камней и т. п.—для защиты) у насъ замѣтна лишь въ безлѣсной тундрѣ, гдѣ пища скудна и очень однообразна, а защиты мало. На нашемъ югѣ встрѣчаются лишь слѣды мимекріи. Но благодаря этимъ удобствамъ питанія и защиты, наши животныя далеко не такъ юрки, сильны, дерзки и выносливы, особенно къ жару. Лося напр. въ снѣгу выше колѣна легко брать руками. Стадо линяющей дикой птицы легко загоняютъ два три мальчишки до изнеможенія и бьютъ палкой. Обитатель тундры—человѣкъ здоровъ, коренастъ, имѣетъ острое зрѣніе, слухъ, выносливъ, какъ житель пустыни, долго голодаетъ безъ дурныхъ послѣдствій, потомъ наѣдается разомъ. Въ равнинѣ же у человѣка, питающагося постоянно, напраженія (энергіи) тѣла меньше, зрѣніе, слухъ и пр. далеко не такъ развиты, нервная система работаетъ слабѣе, а умираетъ онъ такъ же, можно сказать, раньше срока, какъ и житель тундры, но уже отъ другой причины, именно отъ непомѣрно истощающей полугодовой работы, подготовляющей свободное поле міровымъ враждебнымъ дѣятелямъ.

Не менѣе важный, по моему, тоже міровой дѣятель пища. «Человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ», гласитъ другой афоризмъ. Если первые наши люди каменнаго вѣка естественно сначала рыболовы, затѣмъ звѣроловы, ѣвшіе коренья, плоды, частью травы а подчасъ и сочную кору деревъ (эта пища по всему вѣроятію была та самая, что во времена историческія человѣкъ ѣлъ во время голодовокъ, т. к. преданія о старыхъ обычаяхъ живучи. Лѣтописи говорятъ о поѣданіи въ голодъ, травы, кореній, гнилова дерева, мертвячины, насѣкомыхъ и т. п.), то мы не знаемъ, какою цѣною доставалась человѣку эта исключительно животная пища, при суровомъ, мало отличномъ отъ теперешняго климатѣ, т. е. не знаемъ % смертности его. Такъ какъ на растительную его пищу можно смотрѣть, какъ на требующую большихъ усилій пищевыхъ путей. Хотя нѣтъ основанія не допускать иногда повальныхъ и мѣстныхъ болѣзней, лихорадокъ, горячекъ и пр. и пр., т. к. міровыя условія, болота и пр. были почти тѣ же, что и теперь, но будемъ думать, что за малолюдствомъ населенія всѣ эти болѣзни, кромѣ наружныхъ поврежденій, были не сильны, то все-таки не быстрое размноженіе людей и неособенно скорое развитіе нравственно-умственной жизни говоритъ за то, что питаніе было недостаточно, если не по количеству, то по каче-

ству. Какъ и нельзя отвергать, что человѣкъ тогда, убивъ медвѣдя, бобра, куницу, сохраняя ихъ мѣхъ, не съѣдалъ ихъ мяса. Въ такомъ почти постоянномъ холодѣ естественно должна преобладать безазотистая, болѣе развивающая тепла, т. е. растительная пища, чтобы уравновѣсить усиленное физіологическое окисленіе и выдѣленіе тепла. Потребность въ бѣлкахъ также, даже больше, какъ и въ жаркихъ странахъ, сгораніе азотистыхъ слегка усилено, а выдѣленіе углекислоты повышено и человѣкъ въ такомъ холодѣ требуетъ болѣе пищи, чѣмъ въ теплыхъ странахъ. Въ бронзовый вѣкъ и много позднѣе обитатель нашей равнины хотя и приручилъ, положимъ, даже всѣхъ нынѣшнихъ его домашнихъ животныхъ, но настоящимъ кочующимъ быть еще не могъ, т. к. тогдашнія южныя степи, освободясь недавно отъ моря, еще были почти пустыней, сдѣлавшись обитаемой, хотя бы полынной степью, ко временамъ историческимъ. Слѣдовательно, недостатокъ животной пищи отъ охоты, для многочисленныхъ уже тогда обитателей, хорошо пополнялся одомашненными животными, а скопы прирученныхъ козы, коровы могли пополнять потребность въ жирѣ, но все-таки не могли замѣнить растительной пищи. Лишь съ хлѣбопашествомъ они могли быть пополнены. И скифы сѣяли хлѣбъ. Человѣкъ, какъ только замѣтилъ, что случайно брошенныя имъ или сами сѣмена выростали около жилищъ, близъ отбросовъ, да еще давали болѣе пышное цвѣтеніе и большія ростомъ сѣмена—задача хлѣбопашества уже была рѣшена. Кашу ѣлъ человѣкъ вѣроятно при дикомъ состояніи гречихи, какъ и нынѣ многія дикія травы—проса даютъ сносную кашу. Идя затѣмъ ощупью въ приручаніи себѣ злаковъ, онъ опытомъ на себѣ и на животныхъ долженъ былъ опредѣлять безвредность ихъ, прежде одомашниванія. Замѣтивъ окисаніе молока нетрудно было придти къ мысли печенія заквашеннаго толченаго зерна. Остальное уже было лишь подробности въ исполненіи главнаго плана питанія. И нужно думать, что какъ производство этихъ опытовъ пріискиванія и засѣванія этихъ злаковъ, такъ и труда обработки, по крайнѣй мѣрѣ вначалѣ, лежало на женщинѣ. Т. к. впослѣдствіи мущина, занятый охотой иль войной, не имѣлъ на то время. И теперь жительница Ярославской и сосѣднихъ губерній, за уходомъ мужчинъ, пашутъ землю, а донская казачка дѣлаетъ всю полевую работу съ поконвѣку. Характерно, что именно ярославецъ теперь уходитъ изъ деревни, какъ въ первобытныя времена онъ же уходилъ на охоты. Не племянное ли это отличіе, органическая привычка, отъ котораго не можетъ онъ и до сихъ поръ отдѣлаться? Хотя, конечно, поддерживаемая скудостью урожаевъ. Съ теченіемъ вѣковъ, подъ вліяніемъ м. б. и причинъ бытовыхъ, размноженія народа, усовершенствованія земледѣлія, тихаго характера жителя, но главнѣе, конечно, т. сказ., инстинктивнаго физіологическаго стремленія, растительная пища получила перевѣсъ и наконецъ почти вытѣснила животную, ставшую какъ бы роскошью. Изъ растительной пищи тѣло вырабатываетъ тѣ же бѣлки, гораздо больше безазотистыхъ, но съ затратой несравненно большаго напряженія пищеварительнаго канала. Отъ того онъ и составляетъ мѣсто наименьшаго сопротивленія болѣзненнымъ началамъ. Назначеніе растительныхъ приправъ — лукъ и т. п. незамѣнимо. Со временъ историческихъ, кои для насъ начинаются за пять вѣковъ до Р. Х., какъ составъ пищи, такъ и приготовленіе ея, въ деревнѣ, врядъ ли много измѣнились. Слѣдовательно и общіе выводы о питаніи должны быть тѣ же.

Принимая во вниманіе все вышесказанное о дѣятельности міровыхъ началъ, т. е. стихій на человѣка, распредѣленіе постовъ, работу обитателя, мы должны сказать, что мѣстами, хотя ѣдятъ много, питанія недостаточно (отъ какихъ бы то причинъ ни зависѣло), а главное однообразно. Такъ что и теперь приходится въ разъ наѣдаться, хоть и физіологически, какъ первобытному человѣку это приходилось отъ случайностей охоты. Измѣнилось лишь распредѣленіе времени. Обитатель нашей равнины всю осень лишь отъѣдается, т. е. пополняетъ убыли тѣла, сдѣланныя за лѣто. За зиму онъ дѣлаетъ запасы, т. е. накопляетъ въ тѣлѣ запасные бѣлки и частію жиры, чтобы съ полувесны (первую половину онъ поддерживаетъ равновѣсіе съ потерей, впрочемъ, жировъ) начать трату этихъ запасовъ. Т. к. и по физіологич. условіямъ съ апрѣля вѣсъ тѣла начинаетъ уменьшаться, т. е. сумма выдѣленій превосходитъ количество принятаго. Къ концу лѣта у насъ самый развалъ работы — этихъ запасовъ не хватаетъ, усиливается напряженіе

желудка, чтобы выработкой изъ скудной лѣтней пищи поддержать равновѣсіе въ обмѣнѣ. но за трудностію работы, истощающей нервную дѣятельность, за излишнимъ тепломъ, усиленнымъ напряженіемъ желудка, дѣятельность пищеварительнаго канала падаетъ, усвояемость тѣла уменьшается и тѣло живетъ въ счетъ будущихъ доходовъ, т. е. теряетъ въ вѣсѣ, истощается. И нужна вся мощь здоровыхъ силъ молодаго народа и привычки, чтобы не обезсилить совсѣмъ не кончивъ полевыхъ работъ. Отъ того-то нашъ 50-лѣтній крестьянинъ въ большинствѣ уже старикъ, неспособный пахать и косить толкомъ. Оттого повальныя осеннія (и конца лѣта) болѣзни и смертоносны такъ, ибо встрѣчаютъ обезсиленное тѣло, мало способное сопротивляться болѣзнетворнымъ началамъ, такъ что достаточно небольшаго вреднаго дѣятеля и % смертности получается страшный. Припомните. что большинство холерныхъ эпидемій, отразившись на преимущественно ослабленномъ кишечномъ каналѣ, косили въ августѣ и сентябрѣ. Тогда какъ весеннія, вполнѣ заслуживающія свое названіе, повальныя болѣзни, валя поголовно, даютъ незначительную смертность. Зимой русскій крестьянинъ ѣстъ много мучнистыхъ вещ.— пироги, запасной зелени, каши—самой питательной пищи, обильно молока, масла, и часто мяса. Весной постомъ главнѣйшая пища квашеная капуста, кашу много меньше, и уже печеный хлѣбъ преобладаетъ, къ лѣту же остается лишь картофель, немного луку, хлѣбъ и квасъ, ни куска мяса, его замѣняетъ изрѣдка яйцо, да и то, какъ видѣли, плохо усвоевается. Лишь съ поспѣваніемъ огородины пища немного разнообразится. Только осенью новая каша, обильные корнеплоды, молочные скопы, чаще мясо, поминальные пироги, блины, свадебныя выпивки. особенно престольные праздники. Разнообразіемъ приготовленія, прибавкой т. наз. вкусовыхъ, кромѣ лука, столъ бѣднѣе, чѣмъ у сосѣднихъ славянъ. Прибавьте къ этому не совсѣмъ чистоплотное приготовленіе. Говорятъ желудокъ привыкаетъ, но всякому приспособленію есть границы. Распредѣленіе ѣды, какъ оказывается теперь, самое правильное. Особенно умѣстенъ ранній завтракъ, такъ какъ потеря мускульной силы ночнымъ покоемъ не возстановляется и идетъ все на убыль. Наростаніе этой силы начинается именно въ моментъ завтрака, и достигаетъ наибольшей силы къ обѣду, когда новая убыль. для вознагражденія коей является полдникъ, послѣ котораго скоро (въ 6 примѣрно часовъ) новое наростаніе до ужина, за которымъ начинается убыль, идущая до утра. Кстати скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о современности нашихъ постовъ. Установленіе четырехъ постовъ, предъ началомъ или въ началѣ каждаго времени года, приносящаго смѣну пищи, конечно, какъ вывѣденное опытомъ еще въ Египтѣ, въ высшей степени цѣлесообразно, гигіенично, полезно и помимо религіознаго значенія. Но дѣло въ томъ, что они установлены на востокѣ или правильнѣе на югѣ, гдѣ времена года, какъ бы сказать, раньше нашихъ и не совпадаютъ съ обычнымъ трудомъ и питаніемъ, указанными выше. Мартовскій постъ на югѣ, гдѣ огородина уже готова, имѣетъ не ослабляющій, а очистительный характеръ, т. к. распредѣленіе работъ тамъ совсѣмъ иное. Почти таковъ же и іюньскій, на югѣ онъ отлично уравновѣшиваетъ послѣдствія жара, у насъ же по времени усиливаетъ безполезную трату тѣломъ бѣлковыхъ, запасовъ, а роль очистителя приходится играть августовскому посту, декабрьскій же постъ, пожалуй, вполнѣ у насъ по времени, еслибы не затягивалъ возстановленіе ослабленнаго тѣла. Вообще же говоря, постныхъ у насъ 205 дней на 160 скоромныхъ въ году.

Говоря о пищѣ, нельзя пройдти молчаніемъ напитковъ. Наши прѣсныя воды для питья либо слишкомъ холодны, либо слишкомъ известковы, либо мутны отъ быстроты — поводъ къ зобу, мочевымъ камнямъ, — либо физіологически неудовлетворяютъ, хотя и вполнѣ чисты, какъ воды горныхъ рѣкъ, либо болотисты (а еще Иппократъ замѣтилъ, что у пьющихъ болотную воду селезенка тверда, а слѣд. мѣстность (эндемія) лихорадочна), либо вредна какъ рѣчная во время цвѣтенія и поспѣванія плодовъ водяныхъ растеній, либо ее совсѣмъ нѣтъ текучей. Большинство же колодцевой не особенно хороша, до загниванія. Поэтому въ высшей степени цѣлесообразенъ народный квасъ и какъ питательное, и какъ вкусовое обеззараживающее подкисленное питье, особенно полезное въ теплотѣ, при недостаткѣ въ зелени. Квасъ полезенъ даже въ болѣзни. И лишь только иноземный врачъ въ Россіи, естественно рѣшительно не понимающій нашей физіологіи, идущей часто въ раз-

ѣзъ съ западной, могъ воздвигнуть гоненіе на квасъ, къ счастію неимѣвшее доселѣ никакого вліянія на употребленіе его народомъ. Теперь грозитъ ему болѣе опасный врагъ — чай. Такъ же полезны и наши старыя пива, браги, знакомыя чуть ли не человѣку бронзоваго вѣка. Изобрѣтеніе ихъ въ виду кислаго броженія молока, конечно, подмѣченнаго кочевникомъ, разумѣется было нетрудно съ переходомъ къ земледѣлію. Не теряя, какъ и квасъ цѣли питанія, они слегка возбуждали. И употребленіе ихъ во время осенняго возстановленія тѣла въ высшей степени умѣстно. Спиртные напитки, т. е. собственно хлѣбное вино, — такъ какъ виноградняго нашъ рабочій не знаетъ, — какъ средство, задерживающее обмѣнъ и потому предохраняющее отъ конечнаго истощенія при его сильно возбуждающемъ дѣйствіи, а слѣд. усиливающемъ, укрѣпляющемъ работу желудка, и, стало усвоенія, поднимающимъ аппетитъ въ большинствѣ (въ умѣренномъ, конечно, количествѣ) полезно въ нашемъ климатѣ, гдѣ потребность въ безозатистыхъ больше, случаи переутомленія и истощенія чаще. А на склонѣ лѣтъ они положительно нужны, когда расходъ преобладаетъ надъ приходомъ въ обмѣнѣ тѣла и возбужденіе жизненности его буквально необходимо. Конечно, теперь при картофельномъ и еще хуже метилевомъ спиртѣ, скорѣе происходитъ одуреніе, дающее поводъ къ вырожденію, скорѣе вредъ, чѣмъ польза, но въ то время, о которомъ говорю я, къ счастію, они были не извѣстны.

О негигіеничности **жилищъ** нашего селянина можно бы было пожалуй и не говорить до такой степени, она всѣмъ извѣста. Скажемъ лишь нѣсколько разъясняющихъ словъ. Въ историческое время мы застаемъ крестьянина б. ч. уже въ деревянномъ жильѣ съ топкой по черному, т. е. безъ трубы, слѣд. не обитаемомъ лѣтомъ, такъ какъ со Святой до Покрова живутъ по плетневымъ пунькамъ. Зато зимой ко всей семьѣ прибавляются и молодыя животныя. Съ цѣлью, конечно, предохранить ихъ отъ холода, но не безъ задней мысли подогрѣть низы избы. Большинство семьи спитъ на печи или на полатяхъ, почти подъ потолкомъ, а внизу — когда лишь верхи всѣ заняты. Все стремленіе, какъ видите, собрать больше тепла на длинную морозную ночь. Но едва ли можно себѣ представить, не видавъ лично, каковъ воздухъ къ утру въ этомъ помѣщеніи съ земляным поломъ, испускающимъ угольную кислоту, отъ чего и предохраняютъ палати; и все это скопляется именно въ верху, гдѣ спятъ, да еще часто избы отъ холода окладываются снаружи свѣжимъ теплымъ, слѣд. гніющимъ навозомъ. Конечно, это сгубило бы семью, еслибы не слѣдовало тотчасъ за этимъ полнѣйшее просвѣженіе топкой почерному широкоустной печи съ отворенными, конечно, на воздухъ дверями, а семья волей-неволей, расходясь по работамъ, дышетъ чистымъ морознымъ воздухомъ, возстановляя т. об. тѣ потери тѣла, кои пріобрѣтены за ночь. Опять, какъ видите, рѣзкій переходъ отъ одной крайности къ другой. И расходятся изъ теплой избы, особенно дѣти, почти въ тѣхъ же одеждахъ, въ которыхъ спятъ, т. е. въ однѣхъ рубашенкахъ, и остаются часами на воздухѣ. Тоже крайность, значительно поднимающая $^0/_0$ дѣтской смертности. Дымъ, наполняющій всю избу на все время топки, не безъ основанія считаютъ причиной глазныхъ болѣзней. Но надо принять во вниманіе и его обеззараживающее дѣйствіе на ночныя скопленія. Не будь этихъ бытовыхъ злоупотребленій и обилія грязи, съ нашей избой можно бы мириться. Она во всякомъ случаѣ лучше каменныхъ, не говоря о мѣловыхъ, входящихъ все болѣе въ употребленіе. Зато лѣтній сонъ въ плетеныхъ помѣщеніяхъ прямо полезенъ, особенно весной и осенью, когда прямо укрѣпляетъ, молодитъ тѣло, стягивая расширившіеся отъ жары кровеносные сосуды кожи и легкихъ. Но сонъ прямо на землѣ или даже не подъ крышей, вредный обычай, часто допускаемый селяниномъ, излишне вѣрующимъ въ несокрушимую силу своего тѣла. И до поры до времени онъ правъ. Но сосчитайте стариковъ.

Изъ бытовыхъ условій, конечно, первое мѣсто занимаетъ **трудъ**. О немъ одномъ мы и скажемъ, отсылая за остальнымъ въ учебники гигіены. День земледѣльца круглый годъ начинался, со временъ незапамятныхъ, въ 3, много въ 4 часа утра и заканчивался заходомъ солнца, значитъ, въ 10 часовъ вечера онъ уже спалъ. Промежутокъ межъ заходомъ солнца зимой и отходомъ ко сну тоже занятъ работой, съ двухчасовой передышкой въ день на ѣду и сонъ. Зимній день весь занятъ либо молотьбой хлѣба, кромѣ обычнаго ухода за скотомъ, либо добываніемъ топлива и домашними по двору

поправками, либо извозомъ, такъ обычнымъ встарь, слѣд. цѣлый день на воздухѣ. Трудъ, какъ видите, не изнурительный. Много празднествъ — свадьбы и т. п. — при обиліи и разнообразіи ѣды даютъ возможность накоплять силы, какъ видѣли выше, въ запасъ на будущее. Многіе выгадываютъ даже время на кустарные промыслы въ мѣстахъ плохоземельныхъ. Половина весны уходитъ на подготовленіе къ лѣтнимъ работамъ — сбруи, телѣги. сохи и пр. и пр. Съ апрѣля начинается пахота, посѣвъ, затѣмъ сѣнокосъ, уборка хлѣба и тянется безъ перерыва до октября, когда хлѣбъ въ гумнѣ, слѣд. цѣлые полгода работы по 16 час. въ день. Примемъ въ среднемъ, въ обильное землей время до Петра I, на работника 8 — 10 десятинъ, подсчитавъ, увидимъ, что всѣ полгода заняты одной уборкой земли и хлѣба, кромѣ недѣль двухъ до сѣнокоса. Подведемъ итогъ суточному труду земледѣльца. Чтобы выпахать свои полдесятины въ день, онъ долженъ пройти почти двадцать верстъ, часто неся на рукахъ соху съ землей или постоянно ее направляя, при участіи всѣхъ мышцъ тѣла, въ одномъ бѣльѣ, несмотря на холодный весенній вѣтеръ или на лѣтній солнечный припекъ. Еще труднѣе косить, особенно хлѣбъ. Тѣ же полдесятины, хотя проходитъ въ день онъ и меньше, но зато съ такимъ напряженіемъ всѣхъ мышцъ, при размахѣ и отвалѣ тяжелаго хлѣба, что самый сильный, здоровый горожанинъ не вынесетъ и часа этой работы. Отъ того-то нашъ хлѣбопашецъ съ полулѣта ходитъ какъ въ туманѣ, становясь безсловесной машиной. Отдыхаетъ онъ, т. е. снова приводитъ въ равновѣсіе отправленія тѣла лишь къ зимѣ, когда ему его работы, при хорошемъ кормѣ, уже, кажутся игрушкой. Отъ того и нашъ солдатъ изъ хлѣбопашцевъ такъ не вѣроятно выносливъ. Говорятъ, отчего же европейскій земледѣлецъ не истощается такъ и не утомляется такими же работами при тѣхъ же почти условіяхъ? Забываютъ лишь одно, что европеецъ, при его напряженномъ хозяйствѣ, не обрабатываетъ и трехъ десятинъ на работника въ годъ, при несравненно болѣе цѣлесообразномъ питаніи, а о переутомленіи и рѣчи быть не можетъ, да еще и при другомъ совсѣмъ способѣ пользованія землей и машинной работѣ.

Попробуемъ возсоздать типъ нашего здороваго средняго человѣка отъ временъ исторіи до Петра I. Примемъ прежде всего въ разсчетъ, что при нашей племенной особенности—очень большой дѣтской смерти, нашъ взрослый, здоровый есть человѣкъ отборный, ибо все слабое не доживаетъ, слѣдов. много больше чѣмъ средній по крѣпости и силѣ. Человѣкъ, могуче сложенный, ширококостный, болѣе чѣмъ средняго роста, пожалуй мускулистый, въ большинствѣ худощавый, благообразный, съ тихимъ, пріятнымъ, но съ оттѣнкомъ грусти взглядомъ, веселаго по возможности характера, живущій въ плохой гигіенической обстановкѣ, въ большинствѣ на нездоровой почвѣ, при суровомъ климатѣ, недостаткѣ свѣта и тепла, дышащій почасту нечистымъ вреднымъ воздухомъ, при недостаточной или лучше неравномѣрной и несвоевременной пищѣ, часто съ плохой питьевой водой, при каждогоднихъ почти повальныхъ болѣзняхъ, нерѣдкихъ голодовкахъ, человѣкъ этотъ съ 15 до 50 лѣтъ несетъ 6 мѣсяцевъ въ году непосильный трудъ. Не многимъ меньше трудится при тѣхъ же условіяхъ наша миловидная въ молодости, съ тѣми же грустными — какъ русская пѣснь—глазами, при довольствѣ далеко не худая, такъ же крѣпко сложенная и широкая костью женщина; а возьмите ее въ 40 лѣтъ,—она старуха совсѣмъ, безсильная, утомленная частыми родами, безконечнымъ уходомъ, обмываніемъ, обшиваніемъ и пр., отъ пряденія пеньки до сшитой рубашки всей семьѣ, помимо всего домашняго хозяйства и полевыхъ также, какъ у мужчинъ страдныхъ работъ. Мужчина по крайней мѣрѣ въ 50 лѣтъ становится такимъ же калѣкой. Почти $^{3}/_{4}$ такихъ стариковъ и старухъ, страдая удушьемъ, отъ часто перенесенныхъ плевритовъ и воспаленій легкихъ, непремѣнно съ застарѣлымъ ревматизмамъ, и часто съ маточными болѣзнями зимуютъ на печкѣ, чтобы выскочить прямо на воздухъ въ томъ же одѣяніи загнать какую-нибудь овцу. Ни къ какой тяжелой работѣ ни тотъ, ни другая неспособны. Не многимъ, но все-таки лучше такіе старики въ окружностяхъ столицъ. Скажите, гдѣ же тутъ поводъ восторгаться, гдѣ тѣ идиллическія картинки, съ такимъ эфектомъ, вмѣсто правды, нарисованныя о здоровьѣ русскаго народа нашимъ врачебнымъ историкомъ Рихтеромъ? Видите ли «не зная роскоши и живя умѣренно въ благорастворенномъ климатѣ, нашъ народъ не только не

имѣлъ надобности во врачахъ и лѣкарствахъ, но и не имѣлъ понятія о болѣзняхъ». Вымирая цѣлыми городами, волостями, при такой почти невѣроятной смертности дѣтей, добавлю я, взявъ эти извѣстія изъ Рихтера же исторіи. Возьмите хоть слова: боленъ, нездоровъ, скорбенъ, недуженъ, хилъ, хирявъ, немощенъ, убогъ (дальше мы перечислимъ ихъ всѣ до одного). Какая скажите роскошь даже у теперешнего селяка? Кромѣ куренія табаку я не знаю ни одной прибавки къ тому, что было при скифахъ. А до Петра врядъ-ли и эта роскошь существовала. Нѣтъ, нужна была вся мочь молодаго, здороваго, почти круглый годъ на воздухѣ, племени, чтобы не дать % смертности взять перевѣсъ надъ % рождаемости. А вѣдь по рождаемости населеніе должно бы удваиваться чуть не въ 20 лѣтъ. И цѣлое племя, какъ отдѣльный человѣкъ, переживаетъ, т. ск., совокупностію одни и тѣ же возрасты. Въ своемъ дѣтствѣ наше племя по всей вѣроятности много теряло большимъ количествомъ смертей, въ юношескомъ оно крѣпло, чтобы во время мужества свободно переносить то, что губило раньше и будетъ губить роковымъ образомъ въ будущемъ. Какъ вообще племя, такъ и меньшія составляющія его скопленія людей—родъ, а въ немъ—семьи, слѣдуютъ тому же закону переживанія, т. е. родятся, ростутъ, старѣютъ и вымираютъ. Но племя остается въ томъ же количествѣ и даже число лицъ увеличивается, потому что на смѣну вымершимъ родамъ нарождаются новые въ большемъ числѣ. Оттого бываетъ, что одинъ родъ вымираетъ въ то время, когда рядомъ другой лишь размножается. Угасаніе рода происходитъ, разумѣется, на счетъ послѣдовательной потери силъ тѣла отдѣльныхъ лицъ. Съ потерей силъ тѣло также постепенно становится менѣе и менѣе способнымъ противустоять своимъ вѣчнымъ врагамъ міровымъ, внѣшнимъ дѣятелямъ. Дѣдъ былъ совсѣмъ здоровъ, отецъ уже прихварывалъ, сынъ часто болѣлъ, а у внука уже ясные слѣды болѣзней вырожденія — б. ч. уже наслѣдственныхъ, а его потомство уже безплодно.

ГЛАВА V.

Болѣзненность на нашей равнинѣ.—Бактеріи.—Лихорадки.—Горячки.—Проказа, ракъ и пр.—Болѣзни вырожденія и проч. — Болѣзни дыхательныхъ органовъ. — Пищеварительныхъ. — Кровобщенія. — Мочевыхъ. — Накожныя, глазныя, женскія болѣзни. — Душевныя и нервныя. — Уходъ за больнымъ. — Смертность. — Дѣтскія болѣзни и смертность.

Чѣмъ же и какъ болѣлъ житель русской равнины? На первомъ конечно планѣ стоятъ повальныя болѣзни. Причинами всѣхъ ихъ принято теперь считать или бактеріи съ ихъ ядомъ или гематозоа (микроскопич. клѣтки, какъ бы животнаго царства). Чѣмъ въ сущности сливаются въ одно наши два старые отдѣла, болѣзней заразительныхъ—прикосновеніемъ и собственно повальныя — отъ заразъ разносимыхъ воздухомъ; т. к. будетъ ли принесена бактерія изъ Европы вѣтромъ съ Атлантическаго океана или помѣстная (эндемическая) или зародится она въ кучахъ нечистотъ, отбросовъ, какъ бытовыхъ причинъ, главный дѣятель остается тотъ же. Лишь пришлая бактерія болѣе зла и вредна. Отъ наносовъ вѣтромъ съ востока мы хорошо защищены горами, на юго-востокѣ песчаными степями, гдѣ всякая бактерія замираетъ и потому къ намъ индійская, напр., зараза можетъ придти лишь чрезъ Персію или Турцію. Мы уже выше замѣтили, что суть не въ бактеріи, а въ меньшей способности ослабленнаго тѣла сопротивляться ей. Тѣло, какъ государство, состоитъ изъ отдѣльныхъ единицъ — клѣтокъ, извѣстныя скопленія которыхъ, имѣютъ каждое свое особое назначеніе. Какъ въ государствѣ есть воины, какъ въ пчелиномъ роѣ особые стражи, какъ въ семьѣ муравьевъ есть особые, даже видимо отличные, воины, такъ и въ тѣлѣ человѣка особый родъ клѣтокъ—бѣлые кровяные шарики, часто отправляютъ военную службу. Едва лишь замѣчено появленіе, внѣдреніе посторонняго вреднаго дѣятеля, хотя бы и не живаго, эти шарики стремятся со всѣхъ сторонъ и обступаютъ его тысячами, не допуская его соприкосновенія съ тканями тѣла. Заморивъ т. об. въ безвоздушномъ пространствѣ безъ пищи, они пожираютъ, за что и названы фагоцитъ, врага до единаго, избавляя тѣмъ тѣло отъ болѣзни. Но горе, когда число защит-

никовъ ослабленнаго тѣла много меньше числа враждебныхъ клѣтокъ. Они свободно и быстро размножаются, питаясь соками и вездѣ разнося ядъ свой—является болѣзнь. Бактеріи, какъ безхлорофильныя—не зеленыя не могутъ усваивать изъ воздуха угольной кислоты, и не могутъ питаться минералами, обращая ихъ при помощи хлорофилла въ бѣлки, поэтому вѣчно должны питаться чужимъ, готовымъ бѣлкомъ, то есть паразитствовать. Тѣло дѣлаетъ напряженное усиліе до истощенія, съ потрясеніемъ тѣмъ всего государственнаго строя—лихорадки—увеличить скорѣе число защитниковъ, чтобъ очиститься отъ вредныхъ началъ и часто, не успѣвая въ томъ за слабостію, гибнетъ. Такъ и въ перемежающейся лихорадкѣ поступая дыханіемъ въ кровь, и если не уничтожены усиленной дѣятельностію фагоцитовъ, что собственно и производитъ лихорадочный приступъ (параксизмъ), то остатки гематозоовъ (плазмодіи лихорадки) успѣваютъ внѣдриться въ красные кровяные шарики, выѣдаютъ его внутренность, дѣлятся на 2, на 4, на 8 молодыхъ особей, которые, прорвавъ клѣтку, вступаютъ новыми алчными врагами въ кровь, а пока происходитъ выѣданіе и дѣленіе, лихорадка стихаетъ. Новыя усилія тѣла, народивъ спѣшно бѣлыхъ шариковъ, побороть врага, т. е. новый приступъ. И по количеству дней нужныхъ для выдѣленіи новаго поколѣнія плазмодій, которое для каждаго вида розно — является лихорадка чрезъ день, чрезъ два, чрезъ три. И тянется эта своего рода война бѣлой и алой розы, пока введенное лѣкарство не поможетъ выморить врага. (Полагаютъ, что хининъ редуцируясь въ тѣлѣ, уменьшаетъ количество кислорода въ крови и тѣмъ задушаетъ плазмодій). Но гдѣ помѣстныя (эндемическія) лихорадки, гдѣ какъ поступленіе въ воздухъ, такъ и вдыханіе въ тѣло этихъ зародышей не прекращается, тамъ лихорадка, снова возвращаясь, затягивается, ослабляя организмъ до бѣдности кровью (анеміи) съ ея послѣдствіями, доводя до того, что остается единственное вѣрное средство покинуть ту вредную мѣстность, чтобы спасти человѣка. Кромѣ указанныхъ выше кавказскихъ (ріонскихъ, дагестанскихъ, кубанскихъ) пинскихъ, бѣлорусскихъ, по азовскихъ болотистыхъ мѣстъ, у насъ, какъ видѣли, почти вездѣ даны условія для зарожденія этихъ лихорадочныхъ гематозоовъ болотистыми берегами почти всѣхъ рѣкъ, ибо лихорадки почти повсемѣстны, потому что недостаетъ свѣта, электричества, озона (за исключеніемъ хвойныхъ, полныхъ бальзамическаго воздуха лѣсовъ) убивающихъ бактерій. Сухія возвышенныя мѣста, гдѣ воздушной влаги меньше 20°—25°, будто застрахованы отъ лихорадокъ, но не забудемъ, что и туда она можетъ быть занесена вѣтромъ, какъ органическая пыль. Болотныя лихорадки у насъ заходятъ 45°—62° с. ш., б. ч. случайные, если-жъ повальныя, то передъ другой заразой, захватываютъ большія пространства. У насъ наичаще простая, легкая, затѣмъ помѣстная, но рѣдко послабляющая, зато часто тамъ злокачественная. Любопытно, что простыя четырехдневныя лихорадки наступаютъ будто всегда послѣ полудня. Онѣ чаще на сѣверѣ. По времени у насъ чаще весеннія и осеннія лихорадки, особенно послѣ дождей, въ жаркое лѣто, лишь не ниже 15°—16° тепла, по мѣрѣ количества органическаго распада въ почвѣ, на глинистой подпочвѣ, въ наносныхъ равнинахъ.

Наши горячки съ поконъ вѣку знакомы обитателю равнины, такъ что онъ придумалъ имъ множество именъ, не различая, впрочемъ, ихъ строго другъ отъ друга, и смѣшивая съ перемежающейся лихорадкой (которыхъ однѣхъ насчитываетъ 10 разноимянныхъ, какъ увидимъ ниже). И огневка и веснея, и повалуха, и гнетея и пр. и пр. Тамъ мы найдемъ всѣ наши тифы, тифоиды, и возвратную и послабляющую и др., коими такъ богаты наши учебники. Но дѣло въ томъ, что, какъ причина всѣхъ ихъ, разные виды бактерій сродни лихорадочной, по дѣятельности въ тѣлѣ человѣка, только способъ развитія нѣсколько иной, чисто растительный, не имѣетъ тѣхъ промежутковъ во времени межъ поколѣніями, а появляются они послѣдовательно, разновременно и въ раздробь, потому вызываютъ постоянную же дѣятельность тѣла, т. е. лихорадка становится постоянной. А какъ теплота тѣла постоянно же поднята, то ее и зовутъ горячкой, которая выше 90 саж. не поднимается, даже холера. Изъ видовъ горячекъ у насъ пятнистый тифъ нерѣдко помѣстный. Ни одна война, ни одинъ почти голодъ не заканчивался безъ него. Брюшной чаще, будто лишь съ 1830 г.?; возвратный въ Англіи только съ 1842 г.; лишь желтый да съ обморокомъ у насъ не бываетъ. Чѣмъ южнѣе, тѣмъ тифъ

злокачественнѣе. Мнѣ кажется, у насъ тифы съ поконъ вѣку, лишь иначе назывались. Чуму можно разсматривать какъ высшее напряженіе тифовъ или горячекъ, отъ тѣхъ же причинъ. У насъ чума бываетъ лишь завозная, б. ч., съ запада или юга — съ желѣзой и индійская съ кровохарканіемъ. Она будто лишь на влажныхъ почвахъ. Оспа въ Европѣ лишь съ VI в. по Р. X., корь — красуха (скарлатина), лопуха, (лишь въ 1627 г. первая повалка) всѣ б. ч. въ холодное время, заражаютъ соприкосновеніемъ. Оспа дѣйствительно будто излюбливаетъ извѣстныя племена, такъ почти поголовно у нашихъ сѣверныхъ инородцевъ и калмыковъ; у русскихъ распространена, но рѣдко бываетъ такой сильной и смертельной, повальной, какъ у первыхъ. Корь повсемѣстна каждогодно и далеко не злостна. Скарлатина лишь съ дифтеритнымъ исходомъ погубна, у насъ не часто, рѣже оспы. Во всѣхъ нихъ либо уже найдены, либо ищутся, не безнадежно, свои бактеріи. Рожа у насъ лишь простая и больничная; а повальная будто предъ другими сыпными горячками; быстрыя перемѣны погоды, конечно благопріятны для нея; больничная же, какъ спутникъ раненій и другихъ наружныхъ, бываетъ прямо отъ зараженія, но конечно напр., на войнѣ напряженіе ея въ большой зависимости отъ погоды. Сюда же я отношу и болѣзнь отъ съѣданія со ржанымъ хлѣбомъ т. назыв. рожковъ, хотя она ближе къ отравленію. Повальной ее, конечно, назвать нельзя, т. к. существуетъ лишь годомъ, когда отъ сырости въ зернѣ много рожковъ. Холера. Бактерія ея тоже заносный микроорганизмъ, но иногда переживаетъ въ сухомъ видѣ или даже въ тѣлѣ бывшаго ею больнаго и, возобновляясь, даетъ этой повальной болѣзни видъ какъ бы мѣстной. Появясь въ Россіи лишь въ 1823 г., она неизвѣстна была до Петра. Я упоминаю о ней лишь потому, что время появленія ея — конецъ лѣта — оправдываетъ высказанное предположеніе, что оно совпадаетъ, а м. б., сила ея и зависитъ отъ времени наибольшаго ослабенія тѣла. Разъ измѣнилось время появленія (на югѣ, конечно, раньше) на болѣе раннее, измѣнились и припадки, такъ что въ 1892 г. отъ нихъ остался лишь поносъ. Говорятъ что и въ Индіи она появилась лишь съ водвореніемъ англійскихъ войскъ. Гриппъ, инфлуэнца, вѣроятно существовалъ, какъ слизистое воспаленіе дыхательныхъ путей, съ которыми и смѣшивался, такъ что сосѣди наши звали его русской болѣзнію. Характерныя свойства его всѣ отрицательны. Онъ и не помѣстная, тѣмъ не менѣе повальная болѣзнь, не приходитъ всегда съ востока, не возвращается періодически, не совпадаетъ съ холерой, однимъ словомъ не подчиняется будто никакимъ условіямъ, чѣмъ только и отличается отъ слизистыхъ воспаленій. Рѣдко смертеленъ, хотя въ древней Россіи вѣроятно былъ много злѣе и м. б. доходя до кровохарканія обозначался въ лѣтописяхъ въ видѣ легкой чумы. Свинку въ числѣ причинъ дѣтской смертности можно съ достовѣрностью предполагать давней русской болѣзнію. Сюда же я передвигаю и проказу, бывшую въ Россіи повально въ Кіевѣ, въ XII вѣкѣ, а позднѣе лишь помѣстно, на Уралѣ у казаковъ, на Кавказѣ близъ Моздока, въ Крыму, Астрахани, Херсонѣ, Донской землѣ, въ Прибалтійскихъ губ., въ Финляндіи. Словомъ на приподнятыхъ окраинахъ нашей равнины, гдѣ предъ самими горами образовались низинки обратившіяся послѣ въ болота. Пришла изъ Европы. Часто наслѣдственна?

Переходя къ хроническимъ болѣзнямъ, нужно сказать, что сравнительная частота ихъ (завися, м. б., отъ климата) бываетъ отъ того, что причины не такъ сильны, чтобы вызвать напряженное острое заболѣваніе и сообщить слѣдовательно скорое теченіе и скорый исходъ. Притомъ же, отъ суровости ли климата или отъ бытовыхъ условій не соблюденія гигіены, т. ск., продолжительность дѣйствія причинъ, подновляя болѣзнь, способствуютъ затяжному долговременному ходу ея. Самой частой, распространенной и, пожалуй подчасъ, жестокой нужно считать ломоту и простудныя (ревматическія) страданія тканей тѣла. Ни одна у насъ болѣзнь не даетъ такого % заболѣванія, она тянется чуть не цѣлый годъ, существуя, почти постоянно, изъ года въ годъ и ни одна м. б. не оставляетъ столько слѣдовъ. Рѣдкій селякъ не перенесъ десятки разъ простудныхъ болѣзней и рѣдкій пожилой человѣкъ не имѣетъ остатковъ ихъ преимущественно въ видѣ удушья и болѣзней мышцъ, до сведеній и неподвижности суставовъ.

Изъ болѣзней вырожденія самая частая у насъ была куриная слѣпота и сифилисъ,

а теперь золотуха довольно распространена, какъ въ видѣ накожныхъ сыпей, такъ и страданій железъ, особенно у дѣтей и поддерживалась бытовой нечистотой. Чахотка преимущественно городская болѣзнь, древнему обитателю, особенно къ югу, вѣроятно мало извѣстная. Наши степи, напр., самарскія съ ихъ кумысомъ благодѣтельно дѣйствуютъ на легочную чахотку. Интересно, что нашъ кочевникъ, мѣняя кибитку на избу и хлѣбопашество, отъ приближенія къ образованной жизни, по обыкновенію вымираетъ, и именно чахоткой, болѣзнію въ его степяхъ неслыханною. Цинга, изстари извѣстная по преимуществу на сѣверѣ, болѣзнь, будто отъ недостатка свѣжей зелени, а болѣе отъ однообразной пищи зимой и измѣненія физіологіи обмѣна, какъ подъ тропиками анемія. Сосѣди прозвали ее русской болѣзнью, такъ была она обычна нашимъ плохо питающимся, особенно скученнымъ въ крѣпостяхъ, тюрьмахъ и т. п., помѣстнымъ войскамъ и балтійскимъ морякамъ. Въ лѣтописи первое у насъ появленіе отмѣчено въ крѣпости Свіяжской 1552 г. Историки и въ Европѣ считаютъ появленіе ея въ XVI вѣкѣ, но преданія, пѣсни нашихъ сѣверныхъ поморовъ такъ богаты слѣдами этой болѣзни и лихорадки, что ихъ можно отнести прямо къ временамъ заселенія сѣвера, ибо изъ 144 повальныхъ болѣзней лѣтописей, у насъ цинга отмѣчена 31 разъ. Англійская дѣтская болѣзнь, тоже больше городская, хотя сѣвернѣе попадается и въ деревняхъ. Сифилисъ, дурная, французская болѣзнь, хотя она по происхожденію и не такова, но послѣдствія ея всегда вырожденіе. Появленіе ее въ Россіи относятъ къ 1494 г. Хотя въ лѣтописныхъ описаніяхъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ больныхъ — много раньше, да пожалуй, и въ кіевской проказѣ можно заподозрить слѣды ея. До Петра I она не была сильно развита и теченіе ея, м. б., отъ умѣреннаго климата было много благопріятнѣе, чѣмъ на югѣ и западѣ, гдѣ она производила жестокія послѣдовательныя изуродованія и др. тяжелые разрушительные виды. Кстати здѣсь упомяну, что въ Россіи ее лѣчили растворомъ сулемы въ водкѣ далеко раньше того, какъ Сиденгамъ предложилъ употребленіе сулемы отъ нея. Ракъ у насъ издревле извѣстенъ.

Отмѣчу затѣмъ болѣе частыя мѣстныя заболѣванія органовъ и отдѣльныхъ тканей тѣла, не вдаваясь въ подробности. Изъ болѣзней дыхательныхъ органовъ самыя частыя слизистыя и часты воспаленія глотки — жабы, дыхательныхъ трубъ, легкихъ, ихъ оболочекъ, б. ч. отъ рѣзкихъ переходовъ отъ тепла къ холоду, отъ которыхъ не привыкъ беречься нашъ деревенскій житель. Чѣмъ, конечно, болѣзнь въ большинствѣ затягивается и даетъ въ концѣ б. ч. непоправимыя измѣненія въ тканяхъ. (При вскрытіяхъ трудно встрѣтить трупы безъ приращенія легкихъ къ грудной стѣнкѣ). Сѣвернѣе болѣзни эти б. ч. весной и осенью, а на югѣ зимой, являются часто и повально, но это по преимуществу крупозное воспаленіе легкаго, которое, происходя отъ микроба, должно бы помѣстить въ числѣ повальныхъ болѣзней. Крупъ б. ч. смертельная дѣтская болѣзнь, лишь съ 1576 г., и дифтеритъ, хоть и давній, опредѣленъ въ 1583 г. Въ произведеніи ихъ тоже заподозрѣнъ микробъ. Изъ болѣзней пищеварительнаго канала дѣтскія плѣснявки, молочницы, заушницы, часто повальныя, много уносятъ дѣтей; воспаленіе желудка не рѣдкость, особенно слизистое воспаленіе кишекъ, множество всевозможныхъ поносовъ обычны каждую весну и лѣто, часто повальны и смертельны, особенно у дѣтей и помимо т. наз. дѣтской, т. е. неповальной азіатской холеры. Кровавый поносъ наша давняя болѣзнь, хоть и отмѣчена въ лѣтописи лишь 1605 г. Вообще, принявъ во вниманіе вышеговоренныя причины, холодные вѣтры, множество погрѣшностей въ питаніи и бытовую грязь, мы не удивимся, что эти болѣзни, какъ и всѣ возможные застои, завалы и гиморои, выдвигаются на первый планъ послѣ повальныхъ и по смертности. Всѣ европейскіе глисты у насъ не рѣдки. До Вислы широкій лѣнтецъ, а за Вислой обыкновенный цѣпень. Въ невскихъ болотахъ находятъ и струнца. Въ нашемъ народѣ повсемѣстно распространено убѣжденіе въ частомъ появленіи т. наз. волосатика. Очень м. б., что въ началѣ исторіи онъ и былъ частъ, но теперь встрѣчается рѣдко, напр. струнецъ въ Туркестанѣ. Теперь довольно часты печеночные глисты. Воспаленіе печени южнѣе у насъ не рѣдкость. Болѣе же часты т. наз. вторичныя перерожденія. Затверденіе селезенки, какъ слѣдствіе обильныхъ нашихъ лихо-

радокъ, обычно. Болѣзни кровообращенія нерѣдки, при богатствѣ известковыхъ водъ, часты артеріосклерозныя оплотнѣнія и кальцинированіе артерій, а за ними, при частыхъ ломотахъ и при употребленіи спиртныхъ, болѣзни сердца, оболочки его. Нерѣдки аневризмы. Тою же водою, а слѣдов. и растеніями тѣхъ мѣстъ, естественно болѣе богатыми известью, производятся частыя въ средней Россіи каменныя болѣзни, особенно на мѣловой почвѣ или подпочвѣ, размывы которыхъ поступаютъ въ питьевыя воды. Встрѣчается на равнинѣ изрѣдка и зобъ на той же почвенной подкладкѣ, но и онъ по примѣру проказы сильнѣе будто былъ въ древности и давно ужъ изнутри страны отступаетъ къ морю. Страданія мочевыхъ путей, неособенно выдающіяся по числу и силѣ, начиная съ почекъ, помимо вышесказанной каменной болѣзни. Однако, встрѣчаются почти всѣ виды до кровавой мочи отъ глиста haematobium.

Изъ наружныхъ чаще всего, конечно, раненія, ушибы и пр. и пр. Затѣмъ грыжи, какъ чисто бытовое явленіе отъ излишнихъ напряженій при слабосиліи. Въ древности должно быть были еще чаще, такъ что вызывали существованіе особыхъ грыжевыхъ мастеровъ, какъ и доселѣ существующихъ отличныхъ костоправовъ, т. к. переломы и вывихи явленіе обычное. Нерѣдки и искривленія, какъ послѣдствія другихъ запущенныхъ страданій. Женскія болѣзни у насъ во множествѣ отъ недостатка толковой помощи и отъ множества суевѣрныхъ обычаевъ, сопровождающихъ дѣятельность повитухъ. Чрезвычайно часты кровотеченія, раки матки и проч. и проч. Въ каждой почти деревнѣ вы встрѣтите, напр., полный выворотъ, какъ чулка наизнанку, матки и еще сравнительно у молодыхъ женщинъ; все это старитъ такъ нашу селянку, что часто въ 40 лѣтъ она не работница. Небогатыя видами, но на бытовой подкладкѣ, накожныя болѣзни захватываютъ много больныхъ отъ самыхъ простыхъ (отъ близости животныхъ зависящихъ) паршей, клещей, золотушныхъ, ломотныхъ и пр. язвъ до злокачественныхъ. Чрезвычайно распространенныя они уродливо лѣчатся. Не менѣе часты и также удачно лѣчатся знахарками глазныя болѣзни. Отъ того у насъ такъ много слѣпыхъ отъ младенца до старика. Впрочемъ, повальныя слизистыя воспаленія и не часты и не сильны, хотя имѣютъ въ бытовой грязи отличную почву. Неособенно часты, а древле, вѣроятно, еще рѣже, нервныя болѣзни у мущинъ, кромѣ развѣ послѣдствій пьянства. Не то у женщинъ. Кликушество у насъ, вѣроятно, съ бронзоваго вѣка. Нерѣдко въ болотистыхъ мѣстахъ малокровіе даетъ поводъ къ нервнымъ болѣзнямъ еще въ дѣвствѣ, а запущеніе болѣзней часто рождающей женщины поддерживаетъ ихъ. Впрочемъ, особенно сильныхъ тяжелыхъ видовъ немного. Издревле извѣстныя и даже тогда почитаемыя, душевныя болѣзни, не часты, хотя доказываютъ древность у насъ болѣзней вырожденія. Болѣе позднія б. ч. всѣ на подкладкѣ пьянства отцовъ, наслѣдственны.

Вотъ положеніе нашего больного русскаго селяка. Вопервыхъ, онъ, по повѣрью, что болѣзни неслѣдъ поддаваться, чтобы она не одолѣла человѣка, ложится въ постель и принимаетъ мѣры уже тогда, когда не можетъ встать. Если больной горитъ, не ѣстъ, забывается, однимъ словомъ, тяжелое заболѣваніе, въ которомъ подозрѣваютъ уже извѣстную по опыту всѣмъ повальную болѣзнь, то больнаго уединяютъ, выгоняя всѣхъ дѣтей лѣтомъ, и даютъ ему лишь пить, чего и сколько попроситъ. Вообще у насъ больному отказывать грѣхъ. Или помѣщаютъ его въ пунькѣ, даже просто на телегѣ подъ навѣсомъ, гдѣ не людно. И тѣмъ ограничивается весь уходъ. Все это, конечно, коренится въ древнихъ вѣрованіяхъ. Какъ, напр., приносъ здоровыхъ еще дѣтей на поклонъ къ горящему оспенному ребенку (Самый древнѣйшій способъ, т. ск. оспопрививанія). Не вмѣшиваются въ ходъ болѣзни, считая ее живымъ существомъ, коего раздражать не слѣдъ, а позднѣе стали считать наказаніемъ Божіимъ, кое слѣдъ переносить терпѣливо. Незаразнаго и вообще хроническаго больного предоставляютъ самому себѣ, не стѣсняя его, хотя бы и ребенка, ни въ чемъ. Припомните арабскаго географа Ибнъ-Фадланда въ IX в., который, видя самъ, говоритъ, что русскіе славяне больнаго кладутъ въ отдѣльное помѣщеніе и, снабдивъ его одеждой, пищей, питьемъ, запираютъ, не входя, пока онъ не выздоровѣетъ или не умретъ. «Такъ руссы понимали и оберегались отъ заразы». Къ этому возьмите въ дополненіе казачій у насъ обычай, въ чумное или холерное время забивать двери и окна, гдѣ больной, пока не окон-

чится болѣзнь въ селѣ, съ тою лишь разницей, что по желанію кого-либо изъ семьи, и его забиваютъ съ больнымъ до того же срока, подавая лишь имъ необходимое въ одно, желѣзной полосой заколоченное, окно съ улицы, т. к. и дворъ также забивался. Нельзя не связать всѣ эти три указанія въ послѣдовательное цѣлое, доказывающее живучесть древняго глубоко укоренившагося преданія; и древность общиннаго начала, гдѣ гибель одного не должна мѣшать общему благополучію. Кто хоть разъ видѣлъ смерть русскаго селянина, котораго т. ск. заживо погребаютъ, всѣ эти прощанія цѣлой деревни, вытье семьи, всѣ эти причитанія: «Нѣтъ, эго смертное, съ лица видно», «нѣтъ, не пережить тебѣ», при томъ спокойномъ отношеніи отходящаго, незабывающаго часто мелочей въ своемъ предсмертномъ распоряженіи; тотъ согласится со мной, что смерть эта исполнена высокаго драматизма, какъ часто и вся жизнь его.

О древней **смертности** на нашей равнинѣ, конечно, нѣтъ никакихъ данныхъ, но, прочитавъ все вышеописанное, можно съ большой степенью вѣроятія предположить, что она по крайности не была меньше, чѣмъ въ началѣ нашего историческаго времени, когда лѣтописи сохранили хоть какія-нибудь указанія. Съ 980 по 1658 гг. записано 89 повальныхъ болѣзней, при которыхъ часто вымирали, какъ вышеупомянуто, цѣлыми городами, такъ что на каждый 7-й годъ приходилась одна высокосмертная повалка. Если жъ примемъ въ разсчетъ множество почти постоянныхъ войнъ, съ ихъ послѣдствіями — повальными болѣзнями—частыя голодовки, ими же кончавшіяся, ихъ записано въ лѣтописяхъ за тоже время 30; да скотскіе падежи, часто сопутствуемые и моромъ людей; да, вѣроятно, почти столько же пропущенныхъ, какъ болѣзней мѣстныхъ или въ небольшихъ селеніяхъ легко могли быть не замѣченными; то, естественно, цифра смертности будетъ очень велика. Точно не зная количества жителей, конечно, нельзя привести и числа смертей. Для наглядности приведемъ нѣсколько точныхъ позднѣйшихъ цифръ. Въ Россіи смертность съ 1782—1826 г. была 18—24 на 1000, а увеличилась потомъ съ 31 до 35 на 1000. (Во. Ст. Сбор. и ссылка Экка на Янсона). Въ 1880 смертность была $^{36}/_{1000}$ (а съ 1867 г.—35,4 на 1000), и наибольшая въ Московск. промышленномъ округѣ отъ повальныхъ болѣзней умерло $^{85}/_{1000}$. Въ нашихъ городахъ мретъ немного больше, чѣмъ въ деревняхъ, помимо чахотки, которая, слѣдов., одна и поднимаетъ такъ % смертности. Вообще, нужно замѣтить, что смертность увеличивается по мѣрѣ паденія температуры ниже средней для данной мѣстности, т. к. тѣло съ измальства привыкло лишь къ извѣстной дугѣ деннаго и годоваго колебанія тепла.

О **дѣтской смертности**, этой нашей племенной особенности, и о дѣтскихъ болѣзняхъ я нарочно раньше не говорилъ, чтобы сказать о нихъ здѣсь разомъ. Рождаемость у насъ, доходя до $^{48}/_{1000}$(1880 г., а раньше была много больше), является наибольшей по числу на востокѣ и юговостокѣ, а на западѣ и югозападѣ у насъ наибольшій приростъ (до 2%), т. е. сохраняется больше родившихся, такъ что населеніе удвоилось бы въ 58 лѣтъ, а во Франціи — въ 165 лѣтъ. Зато у насъ каждый третій родившійся умираетъ еще ребенкомъ. Дѣтей до 10 лѣтъ вымираетъ до $^{65}/_{100}$ (1867 г. 607 на 1000) всѣхъ умершихъ въ годъ. Гдѣ же причины такой непомѣрной смертности? Съ самаго начала взглянемъ на условія зарожденія. Въ европейской Россіи двѣ наибольшія цифры въ году зарожденія, октябрьская бытовая и апрѣльская міровая (космическая), слѣдовательно, съ рожденіемъ первыхъ среди лѣта, а апрѣльскихъ среди зимы. Первое время неблагопріятно, потому что мать, истощенная работами, плохо питается, на то же время приходится обычная усиленная смертность грудныхъ дѣтей отъ лѣтнихъ поносовъ. А родясь зимой, когда мать питается лучше, младенецъ больше подвергается вліянію внѣшнихъ вредныхъ дѣятелей. Да кромѣ того, онъ зачатъ послѣ семинедѣльнаго поста матери, которая едва успѣваетъ оправиться, какъ лѣтнія работы снова истощаютъ ее. Слѣдовательно, правильное питаніе въ утробѣ сомнительно. Потомъ припомните бытовую обстановку, гигіену младенца, помимо уже множества суевѣрныхъ обычаевъ. Съ перваго дня своей жизни ребенокъ получаетъ грязную, часто закисающую соску, затѣмъ вскорѣ жеваный грязной старухой, часто прямо изо рта въ ротъ, калачъ и т. д. и т. д. Ребенка невыносимо кутаютъ въ грязнѣйшія, часто пропахшія мочей его, тряпки, рѣдко и скверно

коютъ, прямо изъ духоты таскаютъ на холодный воздухъ. А чуть онъ началъ ползать, вся грязь землянаго пола, съ слѣдами его сожителя — теленка, предоставляется въ его распоряженіе и все это онъ тащитъ въ ротъ. Чуть заболѣетъ это несчастное созданіе, его предоставляютъ необузданной фантазіи знахарки, и благо, если та ограничится умываньемъ съ уголька, считая всѣ дѣтскія болѣзни съ глазу. Ни въ какомъ возрастѣ нѣтъ такого множества вредныхъ способовъ домашняго, конечно, на суевѣріи построеннаго лѣченія. Начинается цѣлый рядъ вставленія мыльныхъ свѣчекъ, ношеніе по хлѣвамъ, часто съ мазаніемъ пометомъ, подкладываніе подъ порогъ для перехода овцой и друг., пронятіе чрезъ разщепленную надъ ключемъ березку, съ купаніемъ затѣмъ въ холодной, до+4°, водѣ того ключа, и тьма темъ подобнаго. А хожденіе на поклонъ оспицѣ? Въ дѣтствѣ я былъ и свидѣтелемъ и на себѣ испыталъ многое. Замѣтьте, что отецъ, воспитанникъ университета, удачно лѣчилъ всю округу домашними аптечными средствами, часто пользуясь для того совѣтами врачей. А всетаки нашимъ семейнымъ дѣтскимъ лейбмедикомъ была Давыдьевна, очень недалекаго ума, добрая крестьянка. Если паче чаянія ребенокъ перенесъ всѣ эти мытарства и выжилъ, то, какъ началъ ходить, онъ невозбранно бѣгаетъ на воздухѣ въ одной рубашкѣ во всякую погоду и часто прямо съ печки на морозъ, пока тамъ почти не замерзнетъ, а лѣтомъ поѣдаетъ всѣвозможные цвѣты и растенія до дурмана включительно. На замѣчанія, что это вредно, получите всегдашній отвѣтъ: «И! кому выжить, тотъ не помретъ». И потому-то чуть не со дня рожденія ребенка одолѣваютъ плѣснявки, молочницы, обопрѣлости, золотушныя сыпи, колики живота, часто до родимчика, губительные поносы съ дѣтской лѣтней холерой во главѣ. Затѣмъ цѣлый рядъ дѣтскихъ сыпныхъ горячекъ, корь, скарлатина, рожа, коклюшъ, часто оспа, зубная болѣзнь, жаба, свинка, крупъ, дифтеритъ, капиллярное воспаленіе дыхательныхъ трубъ, англійская, ломотная, каменная болѣзни, грыжи, сухотка, сильнѣйшее воспаленіе глазныхъ оболочекъ, часто до потери зрѣнія, всевозможныя долготекучія сыпи, глисты. Все это при той же кислой соскѣ и пр. запускается и, понятно. даетъ большую смертность. Кромѣ того, всѣ болѣзни, свойственныя взрослымъ, не составляютъ рѣдкости и у дѣтей. А въ настоящее время прибавьте врожденный сифилисъ. Одного этого перечня, думаю, достаточно, чтобы вполнѣ понять причины такой огромной смертности. Она-то и дѣлаетъ то, что наша общая смертность 36 на 1000 уходитъ отъ европейской. напр. отъ англійской—17, и только лишь въ одной Венгріи она больше нашей—38.

ГЛАВА VI.

Народныя воззрѣнія на болѣзнь. — Вступленіе. — Процессъ мышленія первобытнаго человѣка. — Почему человѣкъ вѣрилъ въ слово. — Сравнительное общеславянское званіе болей, частей тѣла. — Названія болѣзней: сумасшествія, нервныхъ, глава, уха, носа, шеи, туловища (колотья), сердца, брюха, таза, мочеполовыхъ, оконечностей, внѣшнихъ поврежденій; горячки, лихорадки, кожныя болѣзни, дѣтскія и болѣзни вырожденія. — Выводы. — Вѣщіе люди. — Народная патологія: лихорадки и повалки.

Чѣмъ же лѣчился отъ всѣхъ этихъ болѣзней обитатель русской равнины? Вѣдь оффиціальной (европейски ученой) медицины для народа не существовало не только до Петра I, но и до нашихъ почти временъ. Вплоть до Михаила Өедоровича врачи были лишь «про Осударя». Алексѣй Михаиловичъ устроилъ врачебную школу для военной службы. Для отвѣта на этотъ вопросъ, сдѣлавъ отступленіе, скажу сначала

О народныхъ воззрѣніяхъ на болѣзнь [1]).

Въ самую раннюю эпоху бытія народъ имѣетъ уже всѣ главнѣйшія нравственныя основы своей національности въ языкѣ и миѳологіи, кои тѣсно связаны съ его поэзіей, правомъ, съ обычаями и нравами. Народъ не помнитъ, когда онъ все это изобрѣлъ. Они

[1]) Въ началѣ заимствовано.

глубоко вошли въ нравственное его бытіе, на нихъ, какъ прошедшемъ, покоится вся настоящая жизнь, все будущее развитіе ея. Поэтому всѣ нравственныя идеи первобытнаго народа составляютъ его священныя преданія, великую родную старину, святой завѣтъ предковъ. Слово — орудіе преданія. Къ нему сходятся всѣ нити родной старины, все чѣмъ крѣпка нравственная жизнь народа. Происхожденіе языка есть первая блистательная попытка творчества. Слово не условный знакъ, а художественный образъ, вызванный ощущеніемъ природы. Состоя въ связи съ вѣрованіемъ, нравственностію, обрядомъ и т. п., первыя произведенія народа носятъ характеръ религіозный и поучительный. Удовлетворяя тѣмъ теоріи, они имѣютъ и практическое значеніе обряда. Эта цѣльность духовной жизни, отразившаяся въ словѣ, наглядно опредѣляется и объясняется самымъ языкомъ, гдѣ одними и тѣми же словами выражено множество понятій, напр., говорить (отъ рек-у) значитъ и дѣлать и думать, пѣть, чародѣйствовать, заклинать, лѣчить, ворожить. Отъ глагола ба (ить) —говорить, происходитъ балій, въ значеніи врача, а потомъ въ смыслѣ колдуна. Въ Азбуковникѣ балій = ворожея, чаровникъ; бальство = ворожба. Отъ корня вѣд (вѣдьма) у сербовъ = лѣченіе, видити = лѣчить, видар = лѣкарь. Тожъ отъ слова вѣщати, віештац — тица = колдунъ-нья, а вѣщетинье (Вологод. губ.) = уже лѣкарство. Врачъ въ Сербіи, Болгаріи получаетъ смыслъ колдуна, предсказателя, какъ у насъ встарь врачевать значило колдовать, и наконецъ лѣкарь (отъ корня лѣк., откуда народное лѣка—въ Воронеж. губ.,—какъ и санскритское меда=лѣкарство) lâchenaere значитъ колдунъ. Въ «Древн. Русск. Стихотв.» докторамъ, т. е. лѣкарямъ приписывается волшебство. «Ты поди то дохтуровъ добывай, волхи то спрашивай». Домострой предостерегаетъ отъ «волхвовъ съ кореньемъ и зеліемъ». По свидѣтельству Кирика, въ XII вѣкѣ матери носили больныхъ дѣтей къ волхвамъ на исцѣленіе. Въ образованіи языка было не личное мнѣніе одного человѣка, а творчество цѣлаго народа, не отдѣлявшаго еще сужденія отъ убѣжденія, слова отъ мысли. Составленіе слова зависѣло отъ повѣрья — гармонія идеи съ формой. Породнивъ душу съ стихіями (языческое преданіе о происхожденіи души на основаніи поклоненія стихіямъ), язычникъ и въ своей душѣ чуялъ тѣ же стихійныя силы, какъ въ вихрѣ, огнѣ, водѣ и облекалъ въ поэтическіе образы своихъ боговъ. Особенные члены тѣла, какъ и душа, имѣли сверхъестественныя силы—въ лицѣ, напр., та сила дѣйствовала чрезъ глазъ; хмурыя брови, производя страхъ, убѣждали въ необыкновенномъ могуществѣ человѣка. «Силою мысли можетъ онъ изъ себя выслать какое то демоническое существо на того, кого ненавидитъ и оно вылетаетъ изъ бровей бабочкой на грудь соннаго врага». Поэтому у славянъ вѣшта=и колдунья и бабочка. Въ Яросл. губ. душичка = бабочка. Брови получаютъ силу отъ глазъ (солнце, фонарь). Какъ лучъ солнца и свѣтитъ и производитъ заразу, такъ и взоръ человѣка (зракъ, зоръ) оказываетъ и благодѣтельную и вредную силу. Народная память особенно богата преданіями о страшной, злой силѣ глазъ, насылающей на человѣка болѣзни. Лишь заговоръ можетъ спасти отъ нея. Какъ брови получаютъ силу отъ глаза, такъ слово передаетъ ее зубамъ, губамъ и языку. Чарующую силу имѣла рука, отдѣленная отъ туловища. Волосы— трава, рука съ пальцами — сучекъ и вѣтки, а ноготь — листъ. «Какъ мертвой рукой обвести», значило очаровать. Ноги—корень, стволъ и потому знахарь вынимаетъ слѣдъ, какъ слѣпокъ и напускаетъ немочь. Отъ грозныхъ силъ стихій еще можно укрыться человѣку, а отъ силъ носимыхъ имъ въ самомъ себѣ некуда укрыться человѣку и потому боялись увидать себя въ водѣ—узнаешь будто часъ своей смерти—а дѣтей и теперь къ зеркалу не подносятъ, тожъ и въ гаданіи на зеркалѣ. Всякое движеніе, трепетаніе глаза, дерганье ноги и пр., какъ таинственное проявленіе какой-то силы, имѣло, какъ и наши сны, значеніе примѣты, какъ предсказаніе добра или худа, отъ котораго помогалъ лишь заговоръ. Потому слово, какъ сильнѣйшее выраженіе той силы, возбуждало благоговѣйный ужасъ и религіозный трепетъ. Изъ частей человѣческаго тѣла творится міръ, душа — вѣтеръ, духъ, дымъ. У духоборцевъ наоборотъ человѣкъ изъ земли, кости отъ камня, жилы отъ корней, кровь изъ воды, волосы изъ травы, мысль отъ вѣтра, благодать изъ облака (стихи о голубиной книгѣ).

Съ другой стороны умъ и мышленіе, познавательныя способности первобытнаго

человѣка тѣ же, что и современнаго, т. е. наблюдая отдѣльные случаи, онъ дѣлаетъ изъ нихъ общіе выводы. Но первобытный умъ быстрѣе, смѣлѣе современнаго строго логичнаго, оттого часты логическія ошибки. Для младенческаго ума достаточно весьма ничтожнаго основанія, чтобы связать двѣ вещи. Оттого онъ склоненъ смѣшивать наблюденіе съ выводомъ. Видя каждодневное появленіе и исчезаніе солнца, заключаетъ, что его утромъ кто-то зажигаетъ, а вечеромъ тушитъ. Человѣкъ видитъ явленіе, дѣлаетъ выводъ, что это дѣйствіе, смѣшиваетъ ихъ и убѣждается, что вездѣ лишь дѣйствіе, а слѣдовательно, вездѣ и свободный, живой, разумный дѣятель. Предметъ поражаетъ младенческій умъ всегда однимъ лишь качествомъ (въ первобытномъ языкѣ всѣ слова суть названія предметовъ по одному качеству) и, встрѣтя тоже качество въ другомъ, быстро сближаетъ два предмета подъ одно понятіе, названіе. Стрѣла, лучъ солнца, вѣтеръ поражаетъ человѣка быстротой и онъ называетъ ихъ словами одного корня стрѣ-ла, стри-богъ, Strahl; здѣсь названіе совмѣщаетъ не одно качество, а цѣлый предметъ и вотъ солнце и вѣтеръ мечутъ стрѣлы. Это будетъ выводъ правильный изъ ложныхъ наблюденій.

Къ нему примыкаетъ заключеніе по сходству (аналогіи) — обычный путь пріобрѣтенія знаній первобытнаго человѣка. Одинъ предметъ сходенъ съ другимъ въ одномъ качествѣ, причинной связи межъ этимъ и инымъ качествомъ не обнаружено, но дѣлается заключеніе, что оба предмета схожи и въ этомъ послѣднемъ. И болѣзнь вредитъ и животное вредитъ человѣку, слѣдовательно болѣзни суть животныя. Размышляя и дѣйствуя, человѣкъ опирается на извѣстныя, хотя имъ и не сознаваемыя, аксіомы; безъ нихъ мышленіе невозможно. Они различны для различныхъ ступеней человѣческаго ума. Каждый предметъ, отражаясь въ умѣ человѣка, оставляетъ въ немъ свой оттискъ. На него ложится оттискъ отъ другаго подобнаго и т. об. цѣлый рядъ. Частности всѣхъ ихъ стираются, напр., дуба, березы, осины, а общій ихъ обликъ, общее понятіе — дерево, остается. Также какъ предметы и рядъ явленій оставляетъ въ умѣ общій оттискъ извѣстнаго ряда явленій. Напр., дѣти, выросши, похожи на отцовъ; предметъ и отраженіе его въ водѣ схожи; чувства человѣка возбуждаютъ въ другомъ человѣкѣ тѣ же чувства. Отсюда, путемъ стиранія частностей, аксіома: слѣдствіе должно походить на свою причину. Процессъ этотъ происходитъ безсознательно отъ колыбели, но это ошибка (хотя на ней висѣла вся философія), т. к. химія доказываетъ, что всякое явленіе должно имѣть свою причину. Трудно объяснить происхожденіе другой аксіомы первобытнаго ума: дѣйствіе на часть предмета есть дѣйствіе на самый предметъ, а на немъ основано много пріемовъ чародѣя, напр., «возьми волосъ человѣка, продень его чрезъ голову жабы... и какъ загніетъ жаба, загніетъ и человѣкъ». Стало быть и логическія основанія человѣческаго ума современемъ измѣняются, отличаясь, какъ древнія, особенностями первобытнаго мышленія; но вся ихъ сила основана лишь на непоколебимой вѣрѣ въ нихъ мыслящаго человѣка, слѣдовательно они суть интеллектуальныя вѣрованія.

Кромѣ особенностей мышленія, отличіе первобытнаго ума человѣка обусловливалось и положительными знаніями. Наблюдая и размышляя, человѣкъ вырабатывалъ отрывочныя свѣдѣнія. Какъ въ первобытномъ языкѣ есть множество словъ обозначающихъ одинъ предметъ, по одному только его извѣстному признаку, также точно возникаетъ множество представленій объ одномъ явленіи, изъ которыхъ каждое есть выраженіе одной стороны явленія. Межъ словами обозначающими одинъ предметъ начинается вытѣсненіе, понемногу одно слоко замѣняетъ всѣ другія, остальныя т. об. умираютъ. Тоже вытѣсненіе происходитъ и межъ представленіями, но какъ они болѣе живучи, то между ними происходитъ другое явленіе—разнообразныхъ сочетаній. Объ одномъ предметѣ возникаетъ одновременно много представленій, часто противуположныхъ, напр., гроза представляется рядомъ темныхъ и свѣтлыхъ картинъ. Даже одно представленіе часто бываетъ съ двойственнымъ качествомъ, напр. змѣй—молнія, то существо доброе, то злое. Съ теченіемъ времени, прежнія представленія переживаются (не умираютъ), на ихъ мѣсто являются новыя, болѣе подходящія къ уровню даннаго вре-

мени (вещественныя, зооморфическія, антропоморфическія послѣдовательно) и вотъ между этими представленіями происходитъ рядъ сочетаній. Или сочетаніе одновременныхъ представленій объ одномъ и томъ же предметѣ—молнія напр. и ключъ, и проводникъ живой воды и быстрая птица, а въ цвѣтѣ папоротника, кромѣ того и цѣлитель, слились всѣ эти представленія. Или сочетаніе преемственныхъ представленій объ одномъ предметѣ, напр. конь—громъ, вѣтеръ (зооморфич.), и также добрый молодецъ (антропоморфич.) и вотъ является сочетаніе добраго молодца на конѣ, изрыгающемъ пламя. Или сочетаніе разныхъ представленій о разныхъ предметахъ, напр. сліяніе образовъ утренней и вечерней зари, молніи, солнцевой матери, Богородицы въ одномъ женскомъ образѣ. Или смѣна представленій о молніи, вѣтрахъ, огнѣ, ночи, днѣ во образѣ птицъ и т. п. Эти сочетанія подлежатъ закону слѣдующихъ психическихъ ассоціацій: двѣ идеи, имѣющія что либо общее, взаимно притягиваются, или представляюся въ сочетаніи либо однимъ и тѣмъ же предметомъ, либо похожи другъ на друга. Отрывочныя знанія первобытнаго человѣка, его представленія о самомъ себѣ и предметахъ внѣшняго міра не м. б. относимы къ мифологіи, т. к. являются у разныхъ народовъ и стало м. б. отнесены къ общности законовъ развитія человѣческаго ума. Эти отрывочныя знанія суть соединительное звено психологіи съ мифологіей. Мало по малу они сложатся въ цѣльные образы, эпизоды, а эти въ одно органическое цѣлое. Это общее міровоззрѣніе и будетъ мифологія.—Судя по себѣ, не умѣя отличить собственнаго я отъ внѣшняго міра, человѣкъ видитъ повсюду жизнь, всякое явленіе представляется ему дѣйствіемъ, а слѣдовательно, есть и дѣятель. Не умѣя представить себѣ иной, кромѣ своей жизни, онъ и въ природѣ видитъ повтореніе своей жизни. Поражаемый величіемъ явленій природы, надѣляетъ предполагаемыхъ дѣятелей сверхъестественной силой. Развивающійся затѣмъ умъ анализируетъ и усматриваетъ нѣсколько общихъ порядковъ явленій. Вмѣсто неопредѣленныхъ, другъ другу чуждыхъ духовъ, живущихъ въ одномъ предметѣ—время всебожія (фетишизма)—являются—во время многобожія (политеизма)—божества цѣлыхъ порядковъ явленій, въ извѣстныхъ другъ къ другу отношеніяхъ. Ядро мифологіи есть религія. Но въ мифическую пору нѣтъ различія между вѣрованіемъ и знаніемъ. Да и вообще, истина субъективна. Что либо для насъ истина, лишь потому, что мы въ это глубоко вѣруемъ. Въ мифологіи—все достояніе ума и сердца человѣка—въ зародышѣ всѣ задатки будущей жизни народа. Всѣ народныя произведенія слагаются подъ вліяніемъ его мифическихъ воззрѣній. Т. об. трудное пониманіе народныхъ произведеній, напр., заговоровъ, зависитъ отъ трудности представить себѣ первобытное міровоззрѣніе. По мѣрѣ развитія одно міровоззрѣніе смѣняется другимъ, т. е. постепенно замѣняясь, или наоборотъ, разомъ, т. е. насиліемъ, напр. введеніемъ христіанства. Переворотъ смѣны дѣйствуетъ скорѣе на взаимную связь, чѣмъ на самые мифы, связь прерывается. Одни повѣрія, оторванныя отъ живаго цѣлаго, замираютъ, другія, часто съ позабытымъ значеніемъ сливаются съ новыми. Въ непонятныхъ уже осколкахъ древняго мифа доискиваются смысла, сочетаютъ другой подобный же предметъ. И эти осколки, путаясь межъ собой и съ новыми, продолжаютъ жить. Отпадетъ что нибудь или приростетъ что либо, такъ и остаются. Народъ не попытается возстановить смыслъ и скоро получается совсѣмъ иной смыслъ. Законъ этой живучести таковъ, явленія народной жизни или продолжаютъ жить своей лишь формальной стороной—обряды, церемоніи—съ исчезновеніемъ внутренняго содержанія; или живутъ, постоянно пріобрѣтая новое содержаніе, а форма при этомъ мало измѣняется, лишь прилаживается.

Особенность первобытнаго языка, въ связи съ первобытной мыслію—это многословіе, богатство однозначныхъ словъ. Слово, во время возникновенія народнаго сознанія, еще не знакъ, пробуждающій въ умѣ соотвѣтствующую мысль, человѣкъ еще не умѣетъ мыслить обособленно отъ предмета, его слово, какъ и мысль тогда—картина. Не умѣя обособить понятіе о зломъ, человѣкъ говорилъ—злой духъ. Но отъ частаго употребленія картина затемняется постепенно и замѣняется знакомъ. Слово и мысль лишь двѣ стороны одного явленія. Первобытное слово—картина предмета, а современное лишь условный знакъ его. Таково-же отношеніе межъ первобытной и современной мыслію—первая, есть нѣмая картина, а вторая, нѣмой знакъ.—Осязательное (въ противуположность обособ-

женному) пониманіе міра внѣшняго сказывается повсюду въ народномъ творчествѣ. Что проявляетъ какую либо дѣятельность, то представляется дѣйствующимъ и по б. ч. дѣйствующимъ существомъ. Для всѣхъ нравственныхъ и физическихъ измѣненій допускается присутствіе осязательнаго (матеріальнаго) начала. Все, что мыслимо, есть собственно и чувственный предметъ. Чувствовать, значитъ осязать, и всѣ представленія чувственныя, слово кажется человѣку осязательнымъ. Оно крѣпко, лѣпко, пристаетъ къ водѣ и пр.

Итакъ, слѣдуетъ отличить въ народномъ творчествѣ, во-первыхъ, матеріалъ народно-психологическій и во-вторыхъ, матеріалъ мифологическій, т. е. сложившійся подъ вліяніемъ мифологическихъ воззрѣній. Въ первобытномъ умѣ видѣли: общія знанія—вѣрованія—логическія, б. ч. безсознательныя, аксіомы суть слѣды безчисленнаго множества воспринятій ума безчисленнаго множества однообразныхъ явленій,—они присущи всему народу; извѣстныя частныя знанія—вѣрованія, основанныя на аксіомахъ, и единичныхъ предметахъ и явленіяхъ—они доступны многимъ; и мифологическія вѣрованія, сложившіяся изъ первыхъ двухъ — еще меньшему числу доступныя. Т. об., общность повѣрій служитъ доказательствомъ, что они не мифическія. Новыя народныя произведенія не возникаютъ вновь, а складываются изъ давно существующаго, такъ какъ міровоззрѣнія смѣняются.

Такъ почему же вѣрилъ человѣкъ въ слово? Потому что для первобытнаго человѣка слово не сотрясеніе лишь воздуха, а предметъ осязательный. Есть повѣріе, что проклятіе носится въ воздухѣ семь лѣтъ. По закону психологическаго совмѣщенія два явленія одновременно и безпосредственно слѣдующихъ одно за другимъ въ пространствѣ или во времени, связываются въ умѣ такъ, что они всѣгда считаются одно причиной другаго. Ничто такъ не близко къ явленію, какъ слово его обозначающее. Человѣкъ же придавалъ слову осязательное (матеріальное) значеніе, тогда ясно, что слово могло казаться причиной явленія. Выдающееся значеніе имѣлъ ложный выводъ изъ одного порядка случаевъ—заблужденіе въ наблюденіи; напр. человѣку, называютъ знакомыхъ ему людей, исполнившихъ обѣты и спасшихся тѣмъ. Уму человѣка свойственно задерживать въ памяти случаи подтверждающіе, упуская изъ вида отрицательные. «Пожелалъ мнѣ и слово его сбылось». Это породило вѣру въ добрые и злые часы. Предметы неодушевленные, даже извѣстныя измѣненія въ предметахъ, напр. различныя болѣзни, кажутся народу живыми, разумными существами, потому упоминаніе ихъ названія можетъ вызвать ихъ самихъ, потому что владѣя именемъ, врагъ владѣетъ лицомъ. Оттого наши мужички и не подписываютъ бумагъ, а жиды не говорятъ слово «холера» и др. «не чисто и къ ночи».

Все сказанное почти отъ начала главы имѣетъ большое отношеніе къ заговорамъ, какъ лѣченію. А не говорить о заговорахъ мы не можемъ. Б. ч. заговоровъ произведенія поэтическія, а всѣ народы вѣщему слову приписывали небесное происхожденіе. Содержаніе заговора заставляетъ думать, что вѣра въ его силу есть вѣра въ слово. Дѣйствіе при заговорѣ имѣетъ второстепенное значеніе, а существенная часть само пожеланіе. Въ концѣ каждаго русскаго заговора стоитъ часть закрѣпляющая. «Слово мое крѣпко». Что это, какъ не вѣра въ слово?

Суевѣрный взглядъ народа на сверхъестественныя силы человѣка вѣщаго, которыми одарены не всѣ, а избранные, знакомые лишь съ колдовствомъ и чародѣйствомъ. Силы эти у него или въ рѣчи. Многія слова, имѣющія значеніе рѣчи, употребляются въ смыслѣ колдовства: рѣчить, вόрѣчье (Иркут.)=заговаривать; у—рѣки (Псков.), у́роки (Вологод., Архан., Оренб.), суро́къ (Смол.), осурочить (Пск.)=сглазить; врёкъ (Пск.)=болѣзнь отъ чужихъ словъ изъ зависти и даже отъ похвалы; уроки взяли говорятъ (Архан.) о болѣзни отъ неизвѣстной причины; огово́ръ (Арх.)=болѣзнь, напущенная волшебствомъ, или отъ слова, сказаннаго въ недобрый часъ; озыкъ (отъ зычать, зыкать=издавать звукъ)=сглаживаніе (Волог.); озѣпъ (отъ зепать=кричать Пск., Пенз.)=болѣзнь съ глазу (Нижегор., Симб.). Во взорѣ: призоръ (Арх., Томс.), отъ призорить (Арх., Рязан. Тамб.)=прельстить, знозить сглазить. Въ мысли: осуда, осудить (Твер.)=сглазить. Прикосновѣніемъ: прикосъ (Архан., Олон.)=сглазить; притка, опритчить=свести съ ума (Тамб.). Зеваніемъ: озёва, озевать (Арх.)=сглазить.

Кто были эти вѣщіе люди, скажемъ потомъ, а теперь перечислимъ извѣстныя народныя названія болѣзней, чтобы сдѣлать изъ нихъ по возможности точные выводы.

Посмотрите, какъ разнообразно русскій человѣкъ выражалъ чувство болѣзненности въ себѣ и въ другихъ. Не говорю здѣсь о, т. ск., первичномъ чувствѣ боли отъ причинъ чисто внѣшнихъ, общепонятныхъ, какъ грызетъ, давитъ, душитъ, ѣстъ, жжетъ, жметъ, жуетъ, колетъ, ломитъ, рветъ, рѣжетъ, сверлитъ, стрѣляетъ, щемитъ и пр. Впрочемъ, и ихъ всѣхъ онъ приписывалъ дѣйствію недобраго духа (стихійной силѣ) болѣзни поселившагося въ немъ, т. к. считалъ болѣзнь существомъ одушевленнымъ и вѣчно прожорливымъ. Оттуда исцѣлить значило сдѣлать цѣлымъ, т. е. возстановить, что было съѣдено духомъ — болѣзнію. И болѣзни, какъ духи, летали съ вѣтромъ и плыли по водѣ, даже напускались, т. е. насылались этимъ путемъ отъ вѣщаго (т. е. знающаго, владѣющаго духами) недобраго человѣка.

Болѣсть*, боляга, болѣзнь-льной, болѣть-вать, забол., разб-ся Пс. [1]), боль — Новг. Орл.; болько—кій (больно) Арх., Новг.; болизень Новг. Бредить, вередить, вянуть. Гилякъ-человѣкъ. Нѣдвижье Пс., Тв., сдвинуться Пс., Тв.; сдохликъ Пс.; здохлица Пс., Тв. Недугъ, нѣдуга Пс., Тв., занедуга, изнедуга-жить-ться Пс., Тв., заневздужиться, разнедужиться Пс., недюжъ. Нездоровъ; незадалось Новг.—Калека-чить-ся (калѣка и пр.), калѣковатый Вл., закалѣчить Тв.; карежиться Пс., Тв.; кве(о)лый Арх., Вол., Орл., Орен., Тамб.; киршень Тв.; оключиться (ослаб.), неключи́мы (болѣз. родильн.) Пс., Тв.; козьи мощи Пс., Тв.; прикохнуть Арх.; покрёхтывать и крутить—мутить и крянуться Пс., Тв.; кукситься; курепиться Спб.; кыркать Пс. Перележать; недалу́гій—лу́жный Пс. Маркуша Пс., Тв., заума́ривать Тв., измереть Арх., заумирать Олон.; зами́рить Тв.; занемогать, изне—гать. Немого, занемога Ниж., Перм., незаможный Перм.; немочь*; можжить Спб.; мозглявый Тв.; мучиться; Ни́тинька Пс., Тв.; заничогнуть Калуж.; запогинуть; износиться; разнужиться Пс.; изнуриться, заныть. Припѣтый Пс., Тв.; проподать. Распасть Арх.; рыхлить, —лый Пенз.—Са́днѣть; свилиться Пс., Тв.; скапутиться Калуж.; скомиться, скомлѣть Симб., Тв.; поскомляться Кост., ско́мнить Арх., скорбѣть; ископытиться Арх.; скри́пать Пс., Тв.; скуго́ра-рить Пс., Тв.; заскуртать и скуртить Каз.; страдать; странствовать. Отерплѣніе; тливый Арх.; томиться; натопорщиться Тв.; истратиться Пс., Тв., труди́ться Вол., Пс., затру́дниться Ряз.; ту́га—жа́ть. Хвиль-лкій-льный Пс., Тв.; хворь-ать-оба-ый Вор., Кур., Пс., Смол., Тул., захво́рокъ-рѣть Пс., Тв.; хилый Пс., хи́ль-лить-льмень Симб., Нижег., хирѣть-врѣть Костр., захирѣться (притворяться) Тв.; хирый-рья-рьюга-яга Пс., Тв.; хлибить-бкій Вол., Нов.; хорь-ба Пс., Тв.; хрѣпать—пота Пс. Тв., хрѣптѣть Вор.; хрядѣть, захр-ь Олон., захрять, хряшки (грудь) болятъ Вор. Неизцѣльный. Зачаврилъ; чахлый-хнуть. Шибздикъ и шиваруха (больная) Пс., Тв. Южать (отъ боли) Вор.

Кромѣ того, во время всебожія (фетишизма), когда вѣрилось, что болѣзни происходятъ отъ дѣйствія добрыхъ и злыхъ духовъ (стихійныя силы), т. е. болѣзнь, какъ внѣшнее существо внѣдряется, человѣкъ о боляхъ говорилъ такъ: Блажеть (сход. съума); убогій,-га,-жество-женецъ Тв., Пс. Взяло Орен.; изнимать (злой духъ) Олон., Тамб. Духовенъ человѣкъ Пс. Жигнула*, (нечистая сила); не́жить.—Лихой (чортъ), лихая болѣсть, лихота,—овать, залишнѣть Пс.; лихорадка; лядѣть (лядъ—чортъ) Мос., Кост.; лядащій, заляди(ѣ)ть-ся Вл., Вол., Тв. Облекнуть Пс.; скудить-ся Вол., Пс., Тв., поскудиться (съ глазу) Орен., прискудить Каз.; подступаетъ и подкатывается подъ сердце (неч. сила) Вор. То́шнить (тошная=нечистая сила), тоскну́ть и тосну́ть Арх.; осо́врить Пс., Тв.; изсохнуть; усувениться Пс., Тв.; иструпѣть Тв., заструпѣть Нов. Сухота (чортъ) тщедущный; охлять Кур.; худѣ(а)ть (худой—чертъ)—поху—ь—изху—ь. Чихири Пс., Тв.

Несравненно меньше словъ употребляетъ русскій человѣкъ для обозначенія обратнаго состоянія, т. е. оздоровленія*. Отгоить Пс., Тв., загоить Курск., загунуть Вор.; отдыхать Пс., Тв.; въ жилье пошелъ; о́живъ,—вь, зажило; на́оживь Пс., Тв.; оклѐматься Сиб.; оклечетить Пс., Тв., кунѣть Тамб., облагаться Кур.; полѣшить Пс.; зализать;

[1]) Пс. значитъ Псков. губ. Также первыми буквами обозначены и всѣ другія губерніи.

поляпить Кур.; обмога Вол.; обмоганіе; поря́нье (здоровье), пори́ть (толстѣть) Волог.; вскривиться Калуж..; вычухаться Вор.; изцѣленіе.

Зато о смерти онъ говоритъ разнообразнѣе. Смерть*, корень мар.; самиратный Смол.; умеръ*; акачуриться (отъ пьянства, яду и холоду) Пс., Тамб., Тв.; побывшиться Костр.; выйдти; ишить-ся Пс., Тв.; помшиться Вят.; околѣть (озябнуть) отъ голода и холода; отошелъ; пропасть; свалиться; скапутиться Смол.; страдовать Влад.; сунуться; угомони(у)ть,—ся Пс., Тв.; успокоиться; часовать и полудновать (доживать послѣднія минуты) Вят. и Оренб.; а мертвецъ: умранъ* Нов.; родитель; жмурикъ; не́жить; навій,—навье Кур., Орл., Тул.; навскій,—вій день или проводы въ Ѳоминъ вторникъ, Мс., Тв.; радуница, мертвецкій великъ день; мбрушки — предсмертные прыщики по тѣлу и лицу Влад. Корста — могила Арх., но въ лѣтописяхъ найдемъ корстъ—гробъ. Труна́, домовина Кур., тоже гробъ.

Переходя къ названію болѣзней и нѣкоторыхъ частей тѣла, припомнимъ, что первобытный человѣкъ говоря еще, такъ сказ., корнями словъ, т. е. односложными звуками, не выработавъ еще всѣхъ частей рѣчи и поражаемый, какъ въ предметахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ, одной лишь какой-либо ихъ стороной или качествомъ, притомъ съ сильно развитой подражательностію (примѣръ, дѣти и теперь) естественно давалъ вещамъ, а слѣдовательно и болѣзнямъ названія, скажемъ, звукоподражательныя. Такъ осипъ, охрипъ, храпъ, хохотъ, хрущь (хрящъ), чохъ, шопотъ, шипъ, урчаніе и многія другія. Всѣ эти названія должно отнести ко временамъ далеко до историческимъ, когда, м. б., ткани горла и языка не настолько еще были развиты, чтобы выговаривать болѣе членораздѣльные и мягкіе звуки. Потомъ человѣкъ началъ называть болѣзни по сходству съ внѣшними предметами и, конечно, чаще съ животными, таковы: жаба, опухоль глоточныхъ железъ, заячья губа,—трегубіе, волчья пасть, свинка и пр. Затѣмъ та же подражательность перешла къ дѣйствіямъ, такъ дубоглотъ (лѣченіе дубовымъ колкомъ опухшихъ глоточныхъ железъ) и мн. др. Далѣе по мѣрѣ совершенствованія (см. стр. 41) наблюденія и умозаключенія, человѣкъ, называя болѣзни, сталъ принимать во вниманіе и причины; такъ волосень—нарывъ на пальцѣ отъ волоса, звячекъ—шишка отъ удара, лежни—пролежни отъ лежанія. Можетъ быть въ подобныхъ названіяхъ принимали участіе люди, болѣе занимающіеся болѣзнями, т. ск., будущіе врачи. Независимо отъ этого умственнаго шло и этическое развитіе народа. Когда человѣкъ созналъ въ себѣ особый не вещественный духъ какъ причину жизни, онъ одухотворилъ и всю природу, и допустилъ вхожденіе этого посторонняго духа въ свое тѣло, какъ причину болѣзни. Смотря по времени народнаго развитія такъ у фетиша, это былъ злой духъ, а съ понятіемъ объ одномъ божествѣ оно стало наказывать болѣзнями. Возьмемъ самую начальную, старую, какъ міръ, архангельскую легенду о созданіи человѣка. Богъ, сотворивши изъ земли тѣло человѣка, пошелъ на небо за душой, а бѣсъ, воспользовавшись отсутствіемъ, истыкалъ все тѣло человѣка. Вложивъ душу, Богъ увидалъ человѣка въ болячкахъ (отъ притыка чорта) и сослалъ болѣзни снаружи внутрь. Мордовская легенда: Богъ, сотворивъ человѣка, помѣстилъ его съ твердой роговой кожей въ раю, ушелъ. Чортъ, подкупивъ стража-собаку, вошелъ въ рай, оплевалъ человѣка—явились язвы. Богъ какъ ни стиралъ ихъ не могъ уничтожить, тогда Богъ, содравъ кожу, вывернулъ ее наизнанку и т. об. всѣ болѣзни оказались внутри. (Дубасова. «Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края». Вып. I, Мос. 1883). Для насъ особенно важна, т. ск., первобытная патологія. Допуская жизненное начало, человѣкъ принималъ болѣзнь за существо внѣ его тѣла. Все это, конечно, не могло не имѣть вліянія на названіе болѣзней. Сюда же отношу, а м. б. и ранѣе, нѣсколько названій, т. ск., потерявшихъ за древностію смыслъ, но б. ч. завѣдомо славянскихъ. Таковы бишиха — рожа, гмырь — столбнякъ, меркорія — помѣшанный, пошова—повальная болѣзнь, равга—заушница, цинга и др. Затѣмъ у временъ уже историческихъ, съ изобрѣтеніемъ письменъ, появился книжный языкъ — у насъ по строю, на половину славяно-греческій—который, какъ извѣстно, удалился отъ живаго языка, застылъ, т. ск., въ старыхъ формахъ, чтобы съ XV вѣка, перемѣнивъ направленіе, начать снова сближаться къ живому языку. Съ Петра начинается поголовное заимствованіе или переводъ чужихъ на-

званій. Съ тѣхъ поръ русскій врачебный языкъ умеръ, перестал совершенствоваться. Доказательства наши, будто русскіе термины прошлаго вѣка. Да и самый врачъ сталъ инороднымъ тѣломъ—струпомъ—въ жизни народа безъ питающихъ корней въ народѣ. Такъ что народъ съ тѣхъ поръ успѣлъ ему дать лишь одно только, но характерное названіе,— пластáрь (отъ пластать — разнимать, свѣжевать тушу). Заимствовалъ и живой языкъ, но перестановкой буквъ прилаживалъ къ осмысленнымъ русскимъ рѣченіямъ, напр., скутанъ вмѣсто истуканъ, свербигусъ—свергибусъ, пескарь—пискаръ, некрутъ—рекрутъ, харпеть (отъ храпъ) вмѣсто карпеть, куманика—каманика, крухмалъ—крахмалъ, самшитъ—самнишь, протазанъ (отъ тазать) вмѣсто партизанъ, хворела—холера и пропасть другихъ.

Въ такомъ бы историкологическомъ порядкѣ мнѣ хотѣлось размѣстить однозначныя названія болѣзней, но при теперешней разработкѣ данныхъ языка это оказалось невозможнымъ. Пришлось ограничиться азбучнымъ порядкомъ, т. к. время происхожденія названія опредѣлить трудно. Возможно лишь одно соображеніе и я имъ воспользуюсь. Извѣстно, что русскій языкъ отъ древнеславянскаго языка отдѣлился первымъ изъ славянскихъ нарѣчій. Затѣмъ я беру для сравненія сербскій, выдѣлившійся много позднѣе (хотя первое переходное названіе нашего племени отъ скифовъ къ славянамъ у древнихъ греческихъ и др. историковъ было — сербы но скоро явились въ источникахъ и Россы. Языкъ славянскій они называли сербскимъ) и развивавшійся вдали отъ Россіи, внѣ взаимнаго вліянія. Другое благопріятное обстоятельство, что сербскій врачебный языкъ до самыхъ послѣднихъ временъ — до Вука Караджича—развивался безъ вмѣшательства оффиціальной, слѣдовательно заимствованной терминологіи. Стало если слово при одинаковомъ значеніи, въ обоихъ языкахъ одинаково (кромѣ ударенія или прибавки гласныхъ) произносится, то оно существовало до раздѣленія нарѣчій въ общемъ языкѣ, т. е. за нѣсколько сотъ, а м. б., и тысячъ лѣтъ до Р. Х. По выводамъ Самоквасова, сдѣланнымъ изъ раскопокъ кургановъ Россіи: послѣ I кимеріянъ жили II скифы (т. е. не раздѣлившіеся еще славяне) отъ VII в. до Р. Х. по I в. послѣ Р. Х.; а послѣ III сарты; IV славяно-руссы съ VI до X в. по Р. Х. Что, конечно, неточно, т. к. роксоланъ знаемъ много раньше. (Др. и Нов. Рос. 1876. №№ 3 и 4). Это, конечно, броситъ яркій свѣтъ на врачебное, да м. б., и на общее развитіе русскаго языка. Поэтому, выдвигая впередъ всѣ подобныя общія обоимъ языкамъ слова, обозначу здѣсь одной звѣздочкой тѣ, кои одинаково произносятся и двумя — съ малымъ измѣненіемъ, сербскому языку присущему. — Мы старались здѣсь собрать по преимуществу всѣ старыя, мѣстныя названія, не особенно заботясь о книжныхъ и современныхъ, б. ч. дѣланныхъ и притомъ не всегда удачно. Кромѣ того не видимъ нужды въ строгой классификаціи.

Тѣло человѣка, состоя изъ костей, мяса и кожи, дѣлится на голову, туловище и отдѣльные члены — руки, ноги. Въ этомъ порядкѣ съ ихъ болѣзнями мы и перечислимъ ихъ.

Тѣло (корень скі—сіять, видѣть)* [1]). Кость*,—тка, (оттуда латин. costa); костякъ; остовъ; пòхрусть (скелетъ) Арх. Тяжъ, сухая жила; пяточный тяжъ Арх. Хрустъ*, хрящъ*. Любовина*, мясо*; мышка*,—шца. Говядина*.

Колодка = костяной кольцеобразный наростъ на суставѣ пальца. Внутренній хомутецъ (spondylitis) Перм. Костоѣда,—ѣдица. Вывихъ**; сплёкъ. Переломъ кости. Засѣка и сухожильный отворотъ это воспаленіе оболочекъ сухихъ жилъ. Двужильный.

Пороки утробнаго развитія: Су́парень (двуполый) Костр. Заячья губа**; трегубка Вор. Волчья пасть. Коковякъ (уродъ) Вл.; шестипалый. Синюха.

Го̀лова (корень: гар — стремиться, выростать вверхъ)*. Черепъ. Волосы (к. вар — покрывать)*; пе́рхоть*; плѣшь; лысина. Темя* (к. так — стѣсать). Маковка*,—кушка. Роднички**. В(з)лиски**, виски. Затылокъ (осн. тыл, к. тан—тянуть)*; потылица*. Лицо (к. рі—лить, лизать)*. Зракъ. Чело (к. кал)*, лобъ (лъбъ древн. славянск.)*. Глаза. Скула, ярмо*; ланита*, щека, ягодка* (верхняя щека) Влад. Носъ. Ротъ. Губы. Борода* (к. вард.

[1]) Сербы тѣло безъ головы зовутъ трупъ (корень тръп—трепать).

ии брад, рости, подниматься); подбородокъ. Ухо (к. ав)*. Мозгъ (кор. мазг — мочить)*. Карачунъ, ударъ (богъ солнца какъ губитель).

Сумасшествіе: Бѣсный (бѣсъ, духъ, мана (к. бас отъ ба — свѣтлѣть); бѣсноватый, —нуемый, бѣшеный (помама), —ниство; дикій и дикопасъ (чортъ) Арх.; дикой, —вать Перм., задиковать по рѣкѣ Камѣ; дурной (чортъ); казиться, каженный Вор., Тул.; лѣшій (отъ лѣш.чортъ) Тв.; лядащій (лядъ—чортъ) Пс., Тв.; маной (чортъ) Вол.; меркарія (ч.) Яр.; Мирикайло (отъ мирячить); Миритлицкая болѣзнь; опритчинный (прикосн. чор.) Тамб.; шальной (ч.) Новг. Ублажной* Арх., блажѣть Вол., блажной (юродивый, блаженный); божевольный, божегнѣвный Кур., Пс.; безумный; изумленный Пер.; помѣшанный; ры—нряхнулся Кур., Вол., Тв.; стюшился Тамб. и даже столбнякъ (Афанасьевъ) помѣшательство. Бѣсово яблоко и бѣшеныя вишни — плоды.

Бредъ (безсвязная рѣчь); мжить Тв.; буторъ Костр.; переколье (бредъ въ горячкѣ) Перм. Привидѣніе: блазнѣть Вол.; кикиморы (шишиморы); манить, —ься (чудится) Вл., Вол.; манья (привидѣніе, тщедушная старуха)—обманъ Ирк.; мара́—призракъ; мерека (ч.), —вать, —щится (призракъ на водѣ) Пск., Тв.; морока, омерекъ (мерячить); рода̀; пристится, срѣтникъ (тѣнь покойника); привиды Пс., Тв. Сонъ*; безсонница**; спячка; навалъ** (кошемаръ, кикиморы, шишиморы); остолбенѣніе (каталепсія). Помѣсячникъ*, лунатикъ, ночеходъ. Обморокъ: шатъ (чор.) и пошáтъ (головокруженіе) Нов., Пс., Тв.; Божье (Бусл. 207); зàверти Вл.; обмирать, обомлѣть, охморъ Вят.; ошунуть Нов.; ошуровать Вол.; пáморокъ. Испугъ, перелякъ, переполохъ, страхъ.

Икáвица* (одерж. бѣсомъ), икотная Ур., — ница Арх., икòтка Арх.; икотная трава; грецъ (игрецъ—чортъ) Кур.; кли(кри)куша Пс.; материца**. Все это истерика женщинъ и ипохондрія мужчинъ. Падучка: Притка (чортъ ткнулъ), лихая болѣсть, черная (ч.) немочь Тамб.; Бòжье Тул., божья немочь, božі bіč, boža moć, велика болест; падáвица*, припадки, припу́докъ Пс., причина, —нный Кур., своё и свой часъ Нов., тайни́къ (родимецъ) Томс., а въ лексиконѣ Гринберга даже головокруженіе.

Столбнякъ**; булычь Вят.; гмырь, гмыра, —ъ и гмуръ Спб. Ударъ, пострѣлъ, прострѣлъ** (кор. стар.—сіять), ушибиха —Параличъ: черная (ч.) болѣзнь, черная немочь Тамб.; boža ruka, Божье*; подвѣй, паралежная болѣзнь; родимецъ Кур. Параличная рѣпа, трава переступень. Пляска свиты Свѣтовида* (Серб. Видовица), шатъ (ч.), дергота, подергуха (отъ стужи?) Пс., Тв. Корчь**, — и младенческая, каркота («бысть на пути имъ каркота, нача имъ корчити руки и ноги» Арханг., лѣтоп. 100), худобище, — бка (ч.) Пер., родимчикъ, —мецъ и черная немочь Афан.; судороги, лихія болѣсти (судор.). Качея (морская болѣзнь) Арх.

Око (кор. ак — видѣть)*, глазъ, буркалы. Глазница. Подглазіе. Глазныя яблоки, клубки Урал. Зрѣніе. Роговица. Водоемы глазные; глазныя воды. Радужница*. Зенница* (к. га съ наст. на — сіять), зирокъ Орл., зорочекъ, зрачекъ, раекъ. Хрусталикъ. Глазное мясышко, глузгъ, лузга, мочка. Вѣжди (кор. віа — видѣть)*, вѣки, мигавка, —лка, —лы Пс., Тв. Брови* (к. бур — трепетать, съ наст. у = бру), шерстка Пс., Тв. Рѣсница. Слёзы (стар. слав. слузь, к. клу — плакать)*. Близорукій, шуленый Вят.; косоглазый**; кривой. Пучеглазый. Слѣпота (кор. клап — крыть)*, тумата Ряз.; куричья, —иная слѣпота*. Цвѣтутъ глаза (гноятся) Пс., Тв. Переломъ — прыщи на внутр. поверх. вѣка, кое выворачиваютъ и стираютъ прыщики хмѣлевымъ листкомъ Влад. Бѣльмо**— наростъ на зрачкѣ (теперь катаракта) Пс., См. Встарь, вѣроятно, бѣльмомъ звали всякое пятно, заслонявшее зрачекъ и помимо помутнѣнія хрусталика. Оловянный глазъ Пс., Тв. Тускъ, отемнѣніе очей, темная вода (очная трава отъ нея), глаза полубенѣли Кур. Ячмень*, жичина, —чевина Пс., жи́тенка и жи́чина Тв.

Ухо* (к. ав). Ужной козелокъ. Раковина. Улитка. Слуховая трубка. Барабанъ (перепонка). Слуховыя косточки. Ушная сѣра. Глухота, куи́мъ (глухонѣмой) Олон. Потоки (течь изъ уха) Ряз. Черви (личинки въ ухѣ).

Носъ*; ноздри (нос-т-рь)*; норки Том., Камч.; хрáпки; переносица, —сье; запахъ. Чихъ, чохъ; сопли, возгри. Насморки Арх.

Уста (к. аус-та)*, ротъ. Губа. Челюсть (к. кар)*, жвало (к. жј)*, пáщека, салазки.

Зубы (к. габ, гамб въ земб—грысть)*: рѣзцы** (серб. секутьни), клыки** (к. кал—колоть), глазные**, кутніе*, коренные жеваки. Жевать*. Десна (к. дакс—угодить)*, лавлáка Олон., лалка* Пс., лалòка Тв. Языкъ (к. даг — лизать?)*; язычекъ* Типунъ**. Уздѣчка. Подъязычная кость. Оскома*, — мина. Слина* (к. сил отъ сар — течь), слюна. Плевать (к. плу — плавать), плювать. Слизь* (кор. клу — плакать съ оконч. г). Гласъ, голосъ. Сипѣть* (к. свап—мутить); сопѣть; храпъ*; хрипъ*.—Ѣсть, ѣда, ѣдево (к. iд—надутся)*, ѣжево, снѣдь (к. сна—прати)*. Ядь. Пить**, пиво*, квасъ (к. квас—варить и киснуть)*. Неѣша — нѣтъ позыва ѣсть. Гладъ*, голодъ.

Шея (к. си — вязать)*, выя; зашеекъ*, завоекъ, загривокъ. Кадыкъ. Дужка, подъязычная кость. Зѣвъ, глотка** (к. слуг—глотать). Желви**, железы**. Горло (к. гар — жрать)*. Гортань. Дыхалы. Жаба**, дубоглотъ (съ кашлемъ и болью горла) Кур. Это названіе очень древнее; произвожу его отъ обычая и теперь сохранившагося лѣченія въ народѣ этой болѣзни расковыриванія опухшей глотки заостренымъ дубовымъ колышкомъ, а бабки почасту у дѣтей и пальцемъ давятъ опухшія до нарыва горловыя железки; какъ дупло больнаго зуба расковыривается вербовымъ колышкомъ противъ луны. Свинка, заушница*, железки**, залога Пс.; залòзка, —зня Пс., См.; рáвга Олон. Привязная кила (подчелюстная жаба) Перм. Изгага*, изжога.

Тулово, —вище. Станъ*. Грудь (к. гард — тежить серб.), грудная клѣтка. Грудина, —дная кость, переложница Пс., Тв.; средогрудіе. Подвилочная (низъ грудины) кость Тв.; ложечка (к. слуг — глотать)*, подложечка Перм. Ключица*, Вымя*, груди*. Ребро* (к. рабг — обхватить); подреберня. Бокъ*. Подмышка**. Пазуха*. Спина**. Хребетъ* (хорбатъ—горбатъ), хрящевица (позвоночный столбъ вѣсь) Тв., загорбокъ. Вырь, позвонокъ. Лопатка*, крыльца на ней. Плеч(щ)е* (к. плак — плести), рамено (к. ар — ухватить)*, рамо.—Грудобрюшина*—шная преграда.—Плютчи*, дыхало* (к. плу отъ пру — плавать, скакать, летать), легкія, ливеръ. Дыхальцы, дыхательныя трубки. Сердце*. Тукъ*, жиръ; толстый** (к. тарп — насыщать).

Колотье** (к. кьл—колоть), стрѣлъ** (к. стар—стрѣлять—льба), пострѣлъ (ч.), стрѣла Арх., Кост., болятокъ и порòтье Тамб.— Усови (оч. древ.) — колотье или колики б. ч. въ бокахъ (усóвъ—нѣчто маленькое Арх., Олон., Сар., а Сербск. усовъ—отвердѣлая железа); сусови — колики живота Перм.; банно усòище-а (ревматизмъ). — Кашель* (к. кас—кашлять), каркота Арх., кыркать,—рхать,—ршить Пс., Тв.; колюхи (съ колотьемъ) Пс., перхота, хрепòта Пс., Тв., чахлять Пс., Тв. Откашливаемое: мокрота, охарчина Нов., охорки Тул., хракъ*, храхотина*.—Зàсипъ*, удýшье (к. свип—мучить)—сухой кашель Пс. Тв., змора (польск.), задохлецъ Нижег., задушина**, одушина Пс., задышка, одышка (одышная трава—scabiosa), одышлина Пс., Тв.; зажога—запалъ отъ быстраго бѣга; пýхтанье — тяжелое дыханіе Пс., Тв. — Утопленникъ**.

Сердце (к. кард и скард—скакать)*. Стропильца сердца (trabeculae). Ушки*. Сорочка. Боевая жила*; обратная жила; воротная* жила. Кровь (к. кру—ранить)*, руда; кровянки (сукровица) Пс. Хлопанье*, біеніе, трепетаніе сердца. Синюха — незарослое отверстіе межъ стѣнокъ сердца. Кровотеченіе*; рудометъ; ключи открылись (носовое, женское) Пс., Тв. Кровавикъ — камень для остановки кровотеченія.

Брюхо (оч. древ.), животъ* (к. жив—жить), кезево и кижма Нижег. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи — Пермск. губ. — народъ зоветъ животомъ область половыхъ частей, а выше — брюхо. Подбрюшина, подпупіе, подчревіе. Пупокъ* (к. пап — набрякнуть, надутся). Нѣдро (серб. сиськи)*. — Желудокъ* (к. жел.), утроба* (осн. тра къ к. ан... отр... оба), чрево* (к. кру—ранить), брюхòвина, а 3-й желудокъ жвачныхъ книга*; кавадья Арх.—Поджелудница, надживотникъ Пс. Тв.—Требуха*, черева, кишки; тонкія кишки: желчная (12-перстная), тощая*, подвздошная, слѣпая*, червеобразная; толстыя: ободочная, прямая—заднепроходная.—Сальникъ**.—Брыжжи,—жейка, брюшина.

Блевота,—тина (ср. плювать отъ к. плу)**, рвота,—тина, лихота Пер., Сиб., муть Сиб., моргогина Пс., Тв., нýда,—дить Кур., См., сбрудить Пс., Тв., тошнота, чáхать, чéхать и чúхать Пс., Тв. Отрыжка.—Животъ надорвать. Распучило и рѣзь ж. Пс., Тв.; колики (съ рѣзью) и урòчный Тамб. Завитокъ (кишекъ).—Соняшница—болѣзнь?

брюха.—Чечуй, почечуй (геморрой); чечуйная трава. Водянка*, водяной трудъ, водный отокъ, отёкъ Пс., опухъ Вл., отекистый; затёка (опух. лица) Тв.; набой* и надавъ* (отеки).—Грыжа** (к. гар и гарг—жрать): бѣлая или хомутъ—ецъ; гр. въ лунѣ (въ исты черева сволокло); грыжа, напускаемая колдунами опухоль, иначе кила* (к. ку—отекать, ст. слав. кыла); грызь, грыза Тв., килачъ (съ килой) Сиб. Грыжа волоковая (волоченіе въ ногахъ и жилахъ) Перм. Грыжа разсыпная (бродячій ревматизмъ) Перм. Былъ ли у насъ свой килорѣзъ, не знаю, а у сербовъ былъ килар, — рица, какъ и ранар, травар, лѣкар. Грызью* звали нутрянку грыжу и всякую почти затяжную внутреннюю боль (ср. ломота). Впрочемъ, часто эти названія смѣшивались и въ книгахъ, не только у народа.

Печень* (к. пек—печь), печенка. Желчь**, жолчь (к. гар—зеленится), загоза Арх. Желчникъ—ж. пузырь. Желтуха**, желтая лихорадка, желтая болѣзнь, желтяница; жо́лница Вят.

Селезенка* (отъ слизь), слезина.

Почка* (к. пек—печь, какъ и печень; чехи даже зовутъ почку печенкой), бубрегъ* (др. слав. боубрѣхъ; Гринвальда лекс. — будрегъ?). У сербовъ бубрежац—птичій желудокъ, а у насъ кой-гдѣ бубрегомъ зовутъ и́сты, т. е. мошонку. Турки, занявъ у славянъ это слово, произносятъ бейбрекъ. Каменная болѣзнь одна изъ самыхъ древнихъ у насъ. Зернышки и камешки высасывались знахарками изъ мочеваго канала еще чуть не въ первобытныя времена.

Тазъ. Пахи, вздохи, подвздохи,—дошная кость. Лонная кость, лобокъ. Чресла (др. слав.). Поясница, кре(хре*)стецъ. Вихрецъ, копчикъ. Мочевой пузырь и каналъ. Моча. Матка. Прямая кишка и выходъ. Межнина**, промежность, мѣстечко такъ Смол.. Паховикъ-нарывъ.

Задница (мягкія ч. ч.), дупа Пс., жопа (болгар. попе), пепёки Тв., рѣпицы, татаны́ Арх., хлѣбница, я́годицы. Отверстіе: гузно*, жомъ*, задній проходъ*, бабушка, кезево и кезюкъ Нижег., огузенница Пс., Тв., коптѣлка Пс., сипъ Вор., старуха Тв., шикалка Пс. Испражнятся, жилится Арх., на низъ ходить Пс., Тв., отложить Пс., для себя ходить, на дворъ* ходить, срать. Вѣтры пускать, пердо́къ Калуж., бздѣть, пшикать, шикать Пс. Калъ, говно, дерьмо, дрисня.

Запоръ*, гуляньица нѣтъ Вор., завара, закладъ Пс., Тв., кожилится Вол., козьмать,—макъ,—мило Пс., костится Пс., надво́рья нѣтъ Яр., на́туга Пс., Тв., не́пропусть Пс., Тв., по́дерня Пс., Тв., скрѣпа,—плина Пс., Тв. Поносъ, дристня*, бѣгать часто на дворъ, недѐржина Пс., жидитъ Пс., лопани́ца Пс., Тв., мытъ Новг., полоскать Пс., Тв., понесу́ха, понизо́вка Ряз., проносъ Пс., Тв., свисте́нь,—туха, по́свистень, просвистель Пс., Тв., слабитъ, смокоту́нья Кост., трескату́ха Пс., Тв., Сиб., цѣдило Пс., Тв., черевни Влад., чистикъ, утроба, — бушка Ряз., Симб. Кровавый поносъ, красная грыжа, натужной поносъ, череву́ха Вл., Яр.

Мужскія половыя части. Лоно, снасть, причинное мѣсто Тамб. Тайный удъ*, стволъ**, плоть, посикъ Сиб., по́тка,—тикъ Пс., пуздра* Сиб., пупырь Орен., пупокъ и пырка и хѣръ Пс., Тв., чирка Симб., членъ и мн. др. Головка, зарубка, плѣшь; крайняя плоть. Луно, исты** (иногда бубрегъ), мошо́нка*, шулятникъ*, (к. скіу — отпадать) Пс., Тв., мудо* (ст. слав. мада, иногда въ смыслѣ члена) Арх., шулы, — шулята* Пс., Тв., коки Пс., Тв., ядра, яйца. Семя*. Залупа; незалупа; удавка. Станиха; нестаниха (связыв. членъ наговорнымъ снуркомъ). Воду пускать*, ссать, сцать, сцивинье, сцуль, засцыха Пс., Тв., сѣкать, сикать, писать, мочится, козла доить, плаву́та,—ву́ша, плыва, опрудится,—донится,—ружится, опудится и упудится Пс., Тв., прунда, обурится Пс., Тв., фурить, рыбу ловить. Запоръ, запруда мочи; кровавая моча.

Женскія половыя части. Лоно, ложесна (др. слав. отъ глаг. влагать), мошёна* Пс., Тв., мѣховуша** Сиб., рунья*, волосянка, курочка*, лобокъ, кудла,—дра, петля Вор., пушъ, руно, чупчикъ Вор., шура,—рка Пс., Тв., ярунья. — Потошникъ,—чка, похотникъ. — Большія* створки, б. края, б. губы; малыя губы, сережки*. Цѣлка* (пленка). Рукавъ (к. рак), вкладина матки, влагалище, предматочникъ. Матка*, золотникъ Вл.,

Вор., Кур., Мос. Выпаденіе, опущеніе и завалъ матки. — Яичникъ*, сѣмянникъ. — Временное*, на себѣ имѣть*, на себѣ носить*, мѣсячное*, ключи открылись Пс., Тв., краски, очищеніе, платяное,—тное Влад., уливы Вл. (послѣд. и не мѣсяч.); красная грыжа (кровотеченіе маточное), а бѣлая грыжа—бѣли Перм. Банно перелоище (бѣли?) Перм.

Нерóда**, безчадіе, безплодна, неплодкà. Чадородіе.— Зачадокъ*,—чатіе, зародъ,—дышь Пс., заявышь, плодъ.— Ворсистая оболочка.—Недоносокъ*, помётокъ**, выкидышь, отбросышь, откидень Пс., Тв., выпоротокъ, розливень (6 нед.) Пс. — Послѣдъ. Блона* (болонь—мягкое закорье, а болона—наростъ на деревѣ), (серб.—ложе), закипъ, пирогъ.— Пуповина, поводокъ Вл.— Заносъ, заносище Вл., клубъ.—Пара(о)жа — первый калъ новорожденнаго (арестанты зовутъ парашей кадушку для ихъ испражненій).

Беременная*, носитъ*, прихоти беременныхъ, бремената, брюхата, бережая Вят., на взносѣ, на сносяхъ Вол., поноски (нач.) Вол., Пс., въ тягости Вор., Кост., Сиб., тяжелая, чреватая.—Гàмозы (утробное движеніе ребенка), шевéлки Вл.—Кизюля—уродъ беременная Олон.—Роженица: роженка,—жоха Пс., Тв., Сиб., аржéница Вор., Тамб.— Родиха Пс. и роженка Нов. — родильница. — Труды* (родовыя сокращ. матки), боли, муки, перехваты, пóтуги, схватки, туга, хватки.—Породи́ла* (к. род.), обрешетилась и обрушилась Пс., Тв., опро,—разпро и проруха Пс., Тв., опростилась Пс., Тв., разбилась Нижег., раскуталась Кост., распросталась Олон., распузилась Тул., разрѣшилась, разроди́лась, родилá, разрушилась Пс., Тв., разсыпалась Перм., раструсилась Кур., растряслась Ирк.; Избережи́лась (скинула) Вят.—Близнецы,—нята, двойни, двоешки, троешки (и больше говорятъ ощенилась).— Вымя*, сиська (к. сук — течь, сосать)*, перси*, груди (к. гард—висѣть)*, титьки. Сосокъ—сецъ, чирка Сиб. Сосить (кормить) Птб.— Молоко*, сырь (послѣродовое молоко) Сиб.—Бабить**, бабничать, убабить (сродное повязкѣ, наузы), повивать, повой,—никъ—вивальщикъ, пупница*, баба повитуха.—Повойсвиваніе.—Грудника,—ица. Родильная горячка, огница. Родимчикъ рожeницъ. Бѣли**.

Удъ** (к. дакс—угодить), членъ. Соуставъ, суставъ. Рука* (к. рак—править, др. слав. рака). Плечевая кость. Ло(а)кать* (к. ар—схватить съ пристав. ка), локтевая кость. Лучъ, запястіе. Завить—часть руки межъ локтемъ и кистью Орен. Пясть* (к. пак—связать), кисть; кулакъ, горсть. Пядь,—день. Длань* (к. дал отъ дар—цѣпать), ладонь. Десница, шуйца. Перстъ*, палецъ* (к. пар—выростать): большой, указательный*, средній*, безименный, мезинецъ*—ушной. Козопокъ—верх. ч. сустава пальца Ирк.; козунóкъ—сгибъ сустава пальца Арх. Ноготь*.—Нога* (к. наг—гресть). Бедро* (к. бад—вязать), стегно* (к. страг—покрывать), лядвея, ляшка, голяшка?). Вертлюгъ, вертель. Колѣно* (к. кар—торчать). Колѣнная чашка*, надколѣнникъ *. Голень* (к. го др. слав. голѣ). Берцо, путовая кость, цѣвка*, дудка, трубка. Лытка*, икра**, лягошка Сиб. Глѣзна*, лодыжка, мыщелокъ, щиколодка—лка. Стопа*, плю(е)сна, ступня, лопасть Забайк., босва (кисть ноги), бóсовь Сиб. Пята,—тка. Подошва.—Колѣка* (к. скарк—искривлять), испритченный Арх., изуроченный; Богаль*, небого, небожчикъ, убогій*, ubożatko; безвѣчный,—чье, изувѣченъ, увѣчье Пс.; коляга Вл.; кривуля,—уня,—уха; сколябить, сколѣчить Пс., Тв. Хромой: кульгать,—лявый См., культя (остатокъ члена),—вый. Кривоногъ, косолапъ. Горбатъ* (осн. грб, к. гар—гнутся). Сухорукъ*. Кривошея*. Корноухій*. Искривленіе. Корчажки (руки и ноги сведены) Кур. Сведеніе.

Наружныя поврежденія. Саднить*, ссадина, осаднить.—Ознобли́ны (зной* и знобъ едва ли не одного корня? ган—сіять, горѣть, измѣн. въ гна); дрощь Пс.; озноби; передрожъ (знобъ); прóзнобь Пс., Тв.; отморозить.—Ожоги, папёхи Смол.—Рана* (к. ар—ударить), нáкожница Пс., Тв., царапина. Близнà,—ни=рубецъ; суворина—знакъ отъ раны Арх. Болячка, раззуда, струпъ* (сотрупъ—сухарь), чешуя на ранѣ. Дикое мясо**. Омертвеніе, ложевни Нов., т. е. пролежни.—Пухвица* (к. пу съ прист. с—дуть, а м. б. отъ пухъ?), опухъ, пухлина, крымза (одутловатый), опухшій Кур.; набрякнуть; навалъ (желвакъ) Пс.; належни (опух. желваки) Пс., Тв.; растащило (распух) Пс.; желвуй (ст. слав. желвь) Олон.; задýбы (опух) Олон. Навья (злой духъ) кость—подкожный жирный шарикъ Тв.—Вередъ* (к. вард—сѣчь) и чирей*,—якъ (араб. цирихат—рана, смрадъ), баеная нечисть (наговоръ), нѣмецъ и баринъ Урал., болетопъ, квёлый, квилить,—лкій

(веред) Арх., Вол., Орен., Орл., метище Вят., хрущъ Пс., Тв., ципунъ Пс., Тв. (ср. типунъ), чистякъ Пс., Тв. Огникъ, углевикъ (глубокій вередъ). Отъ удара: валёкъ Нов., вахлакъ, вахлыкъ Вол., выль, звячекъ Тв., шишка.—Гной* (к. гни отъ кни—гнить или отъ кван—смердѣть) (сукровица, матерія, пасока), кнотъ (др. слав.), му́сыка Тв., пажа Олон., пересадъ (съ сукров.) Кур.—Волдырь (пузырь); трава волдырникъ; мокруша,—рякъ Пс., Тв., нагноишь Пс., Тв., прыщъ*, скалябина Мос., засклупина Тв. Заусенье,—ница Пс., усеница,—нка,—нокъ Пс., Тв., усикъ; занеготье Пс.—Волосень* Пенз., Тамб., волосатикъ, ногтоѣда отъ волоса — исключительно русская болѣзнь.—Ногтоѣда*,—дина (к. наг—гребсти), нокоть* (и ногт. и чор.) Вол., Вят., заногтица*, занёгтица Пс., поднёгтица, ноготица Пс., Тв., ногтевица. Заноза.—Нарывъ: наядрился (созрѣлъ) и обруселъ (окрѣпъ) Пс., Тв., присосался (нардѣлъ) Пс.; болятокъ,—лячка Кост., Пенз.; суровикъ (темный, потому что чрезъ него бабка протягиваетъ суровую нитку) Вл. Нырокъ—холодный нарывъ вѣроятно надъ костоѣдой; нырить, норить Смол.—Язва* (др. слав.); болячка? Гринбергъ; ядна—искусственная язва, рана Сиб.

Горячка (к. гар—горѣть) Перм., огневица*,—ница, огневая съ пятнами (тифъ), палячка Ряз., жегавица; веснуха,—ушка,—шина Пс., веснянка; листопадная (осен.) Сиб.; гноевица (гнилая). Повертуха—легкая горяч. Ирк. Огнева,—вка,-вица, и огница (болячки, прыщи, сыпь на губахъ) Ирк., Олон., Камч.—Повальная (зараза—контагій и міазма—прилипчивая) болѣзнь: моръ* (к. мар—умирать), повалъ, па(о)ша́(ѳ)ва* (Серб. пошалина, прошалина) Нов., Олон., Пс., Тв., пошатки Вл.; Божья, Вол.; бо̀ли, боля́,—ля́мъ Пс., лежка Новг., моровая язва вѣтроносная, помиру́ха, мо́ра,—уха Пс., Тв., поморщина (оч. смертн.) Кур., повѣтріе (отъ испорч. возд.), повитѐрье Олон., погибь и пона́духа,—ду́ха Пс., Тв.—Свирѣпица, черная, хворѣла (холера), халява, нечисть Пс., Тв.—Чума* (Джюма?) моръ*, черная* смерть (черн=чортъ); boža ruka, zmora, morana, mŭra. (Чумъ—жилище оленевода).

Лихорадки (перемеж.). У Сербовъ стараго названія нѣтъ, а современныя б. ч. переводныя. Народъ у насъ часто не раздѣлялъ понятіе горячки и лихорадки, но зналъ и приступъ и перемежки. Онъ думалъ, что лихорадки на зиму, запертыя въ снѣжныхъ горахъ, выпускались съ таяніемъ снѣга голодными и тотчасъ бросались на неосторожныхъ; потому-то съ 25 февр. можно наспать подвечеръ весеннюю лихорадку. Народъ, оживотворяя лихорадки, насчитывалъ ихъ: Безымянная, в) блѣвота, е) блѣдная (чортъ), болячка Забайк.; Варагу́ша Кур., Нов., Орл., ворогу́ша (ворог—чортъ) Вл., ворогу́ха Тв., весву́ха Олон., вечерняя, з) вѣшняя, внутре̇нняя, к) водяная, воздыханіе, временная; 11) Гледея, 6) глухея, 4) гнѣтея,—ница, гнетуница Вят., гнутная, гня(е)ту́ха,—чка Кур., говоруха, горькуша; 5) грудея; Давуница, денная, дит(у)юха Калуж, добруха См., Тв., дрехлея, дрожуха, дутиха; 9) Желтая, жильная; 6) Зѣвота, знобуха Арх., знобица, зябуха; Камаха Ряз., киснея, комо̀ха Сиб., Тв., комоха̀ Каз., кому́ха Вят., Ирк., Орен., Перм., коркота, костяная, костоломка, 10) корчея, крикуша, кума Кост., кума̀ха Кур., кумо̀ха Вл., Вор., Мос., Ряз., Тв., Тул., кумоха̀ Вл., Вол., Кост., Сар., кумуха̀ Орл., Яр.; ж) Легкая, легчея, лепчея, 3) ледея, летучка, и) листопадная, лиходѣйка (лихой—ч.) Вор., лихоимка Пс., Птб., лихоманка, 7) ломея, лютая-лютица; Мозговая, мученица, матуха; м.) и 12) Невея, нев(ы)сыпуха, низовая Перм., ночная; Огневая, — вка, 2) огнея, огни; Палячка, паралѣя, плѣтная, поганка Вор., поденка, двуденка и пр.; подруга,—дряга,—рягуха Вол., Вят., полуденница, полуночница, потайная, г) потягота, продрожъ (отъ простуды) Арх., пропасница, 8) пухлея—дутиха; л) Синяя, скороходка, д) сонная, студеная, а) сухея, сухотка Тв., сухота; Тетка, те(я)тюха См., тѣнная, тирюха Орл., томленная, тре(я)сея Орен., трясавица, трясса, трясца Кур., трясуниха,—нья,—ничка Пс., Сиб., Тв., 1) трясуха,—чка Орен., потрясиха Пс. Утѣха, утренняя; Холмея, хрипуша; Черная, чахота; Щепота. Цифрами отмѣчены 12 лихорадокъ, изгоняемыхъ молитвами св. Сисанія (Афанас.), а буквами означенъ одинъ изъ варіантовъ того же заговора. Сюда же отношу я Суровецъ—непросыпъ головной, глазной, пупной.

Кожа*,—жица, шкура. Потъ; потная скважина.—Бишиха (не отъ басиха—лѣкарка?), рожа (по Серб. мочев. пуз. бешика), бышиха Грюнб., пожарица. — Крапивная лихорадка,

красуха,—снуха Пс.—Корь, кориха Вол., кȯрюха (ха́),—рюшка Пс., Тв., гвоздюха Арх., лоптуха (родъ кори),—тушникъ (больной ею) Пс., Тв., черемнуха (родъ кори) Пс., Тв.; по Гринб. красуха, краснушка, лопуха и даже скарлатина — все корь; осо́пки — сыпь отъ краснухи Орен.—Лопуха (снѣгъ хлопьями)—вѣтряная и водяная оспа Яросл.— Лоптушка—пузырчатая корь Нов.—Летучій огонь (prurigo) Перм.—Оспа (к. свап—сыпь, ст. слав. съпа, сып)*. Будто птица (злой духъ) ходитъ и клювомъ пятнаетъ шадринками, т. е. рябинками: Bogine. Богинье; бабу́шки (рябины),—шникъ (оспенникъ) Пс., Нов., воспа (не оттуда-ли и воспаленіе), — пица, госпица, ма́тка (сливная оспа) Влад., оспица Олон., своробъ Арх., Перм., цыпуха Каз., шадра́,—ина,—нка Арх., шадровитый Вол., Нов., шадра́—бодра́ (рябинки) Пс., щадра,—ивый,—овитый,—рина Арх., Нижег., Нов.—Накожныя сыпи: взваръ (въ жаркое время) Астр.; вымѣтки, сворогъ Олон. Цыпки, гуси Пс.—сыпи на ногахъ, пискалка Тв. Прыщи* (отъ притка ч., к. прус—отъ пру—отечь). Лишаи* (чор., к. рік — гребсти), гнойные струпья на головѣ. Обручи колѣнные (psoriasis carpi) оч. стар. слав. Волчанка**. Проказа* (др. слав. казити—терять отъ каз, кез) (проказникъ чортъ, лядъ Пс. Тв.), huba и Серб. бубина (а губина—разварная каша и губь—бѣла́ Пс.). Здѣсь гу́ба отъ губить, а не губа́, что около рта. — Накожныя пятна: веснушки, ластовинье и рябиный,—ой Яр., Томс.; загаръ, ма́режи*—кровавыя пятна на лицѣ Новг., родимыя пятна, матежи*, маточныя пятна, мышье* пятно (съ волоскомъ), мышка.— Зудячка, почесуха, свербежъ. Васца* (Серб. вашца отъ ваш—вошь, оч. др. слав.)—зудъ пятокъ и ладоней; засѣка. Прѣль, — лость по Гринб. стертая кожа intertrigo. — Бородавка* и трава бородавникъ отъ нея съ краснымъ сокомъ—alabia majus, ку́ковина Пс. Родинка. Мозоль, курій глазъ*, болозни Нов., Олон. — Угарь* (к. гар — горѣть), угры*, поршни на лицѣ Тв., сугоръ,—ри(ы),—ревитый Арх., угорь.

Дѣтскія болѣзни. Озевище (нач. крикомъ) Вят.; криксы (лѣч. загов.) Кур. Кочерги́—щетинки (угорьки) Перм. Молочница, насосы Тв. Овечья одышка (водянка). Промганица? Пс., Тв. Прѣль (см. кожн.). Тайникъ (родимчикъ) Томс.

Ломота**, ломъ простудный въ костяхъ или рѣзь въ животѣ съ вѣтрами—грыжа, а грызь (нутрянка) рукъ, ногъ, внутренностей и каждой части тѣла; на́душина (съ насморк. простуда) Арх.; брушать, ломать, стрѣлять Орл.; потрясиха, по Сахарову, ревматизмъ. Костоломъ. — Подагра, камчугъ — ломъ въ костяхъ съ шишками на сочлененіяхъ (Бельчугъ—кольцо, емчугъ—селитра, капчугъ—табачный кисетъ Новг.).—Утинъ** (а по Серб. ушинути—слѣдъ вѣдьмы)—это поясничная или спинная боль (вывихъ поясничныхъ позвонковъ?, черная немочь и падучая болѣзнь по Академ. Словарю). Народъ лѣчитъ ее, рубя топоромъ вѣникъ на поясницѣ больнаго, лежащаго на порогѣ, конечно съ причитаніями.—Чёморъ (ч.) Нижег., че́моръ и чо́моръ боль въ поясницѣ съ головокруженіемъ и коликами въ животѣ Нижег.

Болѣзни вырожденія. Ракъ*, живая* рана; Živina (Серб. бубина, жива рана, живина, Болгар. живеница,— влица будетъ золотуха, проказа), кровавикъ, мозговикъ, а любовина—мясной наростъ.—Золотуха, красуха, огника,—ца (сыпь лица) Вор., сукорать Новг., хрыпунъ (зол—ный) Новг., цвѣтуха Новг. Заплиса—золотушная трава.— Чахотка, сушица* плушчья, сухота,—тка, горлёнка (горл. чахот.) Пс. Отъ чахотки даютъ въ Сибири сушеный соболій по́сикъ (дѣтор. членъ).—Англійская болѣзнь—обмѣнка (подмѣнное чертово дитё). Любопытна и не лишена исторической подкладки легенда объ этой подмѣнѣ. У жителей нашего глубокаго сѣвера сохранилось будто преданіе, что въ горахъ живутъ невидимые люди — духи, въ такихъ же поселеніяхъ, и со всѣми людскими обычаями. Будто они даже, дѣлаясь на время видимыми, женятся на обыкновенныхъ женщинахъ и вступаютъ въ другія житейскія отношенія, даютъ богатство, покупаютъ души и пр. и пр. Не геродотовскіе ли это жители Біурміи, что жили подъ землей? Вотъ эти-то невидимые люди и мѣняли своихъ больныхъ дѣтей на здоровыхъ обыкновенныхъ людей.— Цынга (Шпицберг.) Арх., цинга.

Отравы. Бѣшенство* собачье (ч.), стёклизна* (отъ стекать) водобоязнь (подъ языкомъ червякъ); boža moc; шалъ Сиб.—Злая корча отъ черныхъ рожковъ** во ржѣ; змѣебой—Aristolochia.—Змѣиный пострѣлъ, сибирская язва, сибирка, пятначка Перм.—Ядъ*

(к. ід—надутся. Припомнимъ до сихъ поръ не пережитое народомъ мнѣніе, что всѣ отравленные непремѣнно раздуваются. Примѣры см. въ лѣтописяхъ), адъ Кіев., бѣль Арх., окормъ Ратн. Уст., отрава (отъ тръ—трава), помора, помáра Кост., Кур., протрава Нижег., опьянъ, чемéръ (ч. ядъ и болѣзнь отъ него) Пенз. — Любострастная болѣзнь; опорный домъ (бардель) Вл.; миртина Ряз., вранца Сиб., пранца,—цоватый,—витый (сыпь) Смол., хранецъ Вор.,—нцеватый Кур., перелой (истеч. сѣмя? Акад. Слов.) и перелойная трава; насадить нечисть прилипчивую Пс., Тв.; чепучинная болѣзнь и чепучинный корень Астр.; чижи въ задн. проходѣ; сидѣть въ травахъ (пить отвары) Вор. — Болотяница (б—никъ—чор.)—змѣя мѣдяница Пс.

Чужеядныя. Вшивая* болѣзнь. Плащица*. Клещъ. Глиста* лѣнта, — ецъ (taenia). Два—плоская глиста Каз. 1852, плющатка (плоская глиста) Перм.; цѣпень; мозговикъ — пузырный глистъ. Краста*, короста. Чесотка, свербежъ*. Парши, шолуди (tinea). Черви, т. е. личинки насѣкомыхъ.

Болѣзни скота: Валёжъ См. и падежина Вол. (падежъ). Лихой у лошадей (ч.) и лихновьце (ч.). Ноготь (ч.)—затверденіе вѣка и слезотеченіе у лошади Томс. Перелогъ — скотья болѣзнь съ судорогами. Подсѣдины—язвы ногъ коровы Сиб. Стрѣлицы—болѣзнь коровъ. Черне и черный (нечистый духъ) скотья чума, морная корова, черный шутъ. Ящуръ* (др. сл. іаштеръ) болѣзнь копытъ.

Итакъ изъ приведенныхъ 440 названій частей тѣла 160 одинаковыхъ и въ русскомъ и въ сербскомъ языкахъ, а 280 созданы послѣ, т. е. чисто русскія безъ общеславянской примѣси. Нужно, однако, принять во вниманіе видимую неполноту источниковъ, да могли и утеряться. Что касается 600 названій болѣзней (въ круглыхъ цифрахъ), изъ нихъ 360 названій позднѣйшихъ, т. е. разныхъ, а 120 одинаковыхъ въ обоихъ языкахъ. Но если мы прибавимъ къ этому числу 110 названій болѣзней, приписываемыхъ бѣсу (чего нѣтъ въ сербскихъ источникахъ) и 10 какъ наказаніе Божіе, да припомнимъ, что большинство позднѣйшихъ (изъ 360) названій однозначны, то перевѣсъ едвали не будетъ на сторонѣ древнихъ названій болѣзней. Однѣхъ лихорадокъ, происхожденіе которыхъ русскіе, какъ и болгаре, приписываютъ злой силѣ, больше 80.

Но кромѣ злыхъ духовъ, русскій надѣлялъ и человѣка той же духовной (доброй и злой одновременно—индійское начало) силой, сначала какъ присущей душѣ, а потомъ, какъ знаніе, умѣніе управлять той внѣшней (природной) силой, напускать, отгонять отъ больнаго. Прежде, какъ мы видѣли, онъ допускалъ ее и въ себѣ самомъ, т. е. въ каждомъ, затѣмъ предоставилъ ее лишь особо одареннымъ, потомъ думалъ, что ее можно пріобрѣсть ученіемъ. Эта постепенность не зависѣла отъ внѣшней смѣны воззрѣній, какъ думаютъ, а была, т. ск., роковымъ закономъ, вещественнаго развитія, наростанія мозга. Тамъ, гдѣ идея воспринята отъ сосѣда неподготовленнымъ мозгомъ, тамъ всегда остается пробѣлъ, пропасть и последующее развитіе, замедляясь, никогда не будетъ стойко, теряя логическую послѣдовательность, дѣлаясь шаткимъ. Нужно съизнова пережить сначала отъ корней, но и это возможно лишь въ разумѣ, духѣ, а вещество всегда будетъ спотыкаться о тотъ пробѣлъ, т. к. старое развитіе прервано и стало, а новое не имѣетъ корней.

Примемъ въ разсчетъ, что у первобытнаго человѣка, на самой низшей ступени естественно должна была появиться надобность прежде всего въ помощи акушерской, затѣмъ въ помощи отъ внѣшнихъ поврежденій, т. е. раненій, ушибовъ, переломовъ, вывиховъ. Человѣкъ далеко въ доисторическія времена выдѣлилъ изъ своей среды особыхъ людей для того (хоть какихъ нибудь спеціалистовъ)—умѣлыхъ; или даже просто болѣе смышленые и болѣе смѣлые брались за эту помощь, по необходимости, за неимѣніемъ лучшихъ; тогда знанія (хоть слабыя) были болѣе общи (популярны), т. к. и теперь любой умный мужикъ зашьетъ рану въ брюхѣ коровы, вложивъ кишки на мѣсто или любая старуха рискнетъ связать хоть кушакомъ переломъ ноги. Стало быть человѣкъ рано отличилъ особый родъ внѣшнихъ помогателей и по доступности пониманія ихъ дѣйствій никогда не смотрѣлъ враждебно на нихъ, какъ и на позднѣйшихъ костоправовъ, рудометовъ, повитухъ и т. п. рукодѣятелей. Съ развитіемъ лишь религіозныхъ воззрѣній, получа хоть какое-нибудь представленіе о сущности болѣзней, какъ страданій внутреннихъ, человѣкъ сообразно

своимъ пониманіямъ искалъ помощниковъ отъ этихъ золъ уже не во внѣшнихъ рукодѣятеляхъ, а у вѣщихъ людей, повелѣвавшихъ стихіями. Затѣмъ по ходу того же религіознаго воззрѣнія онъ перешелъ къ знахарю, нестолько одаренному, но научившемуся у другихъ. Т. обр. выдѣлился слой лѣчителей внутреннихъ болѣзней особо отъ наружныхъ. Но знахари рано начали, кромѣ заговоровъ, прибѣгать и къ лѣкарствамъ, хотя тоже наговоренными, замѣняя ими воду, служившую для заклинаній. Съ своей стороны и рукодѣятели стали прибѣгать къ травамъ, мазямъ и т. п. въ своемъ дѣлѣ, а также, м. б., для усиленія вліянія стали тоже сопровождать свои намазыванія оговорами и обрядами. Такъ что со временъ историческихъ въ Россіи оба эти слоя, идя другъ къ другу, почти слились въ лѣкарѣ. Хотя разныя клички, остановленныя на естественномъ ходѣ къ вымиранію у насъ христіанствомъ, такъ и остались въ народѣ обрывками старины глубокой. Лѣкарей въ древности тоже считали колдунами. Итакъ у насъ знахарь знаетъ травы и лѣченіе; вѣдьма знаніе направленное б. ч. на зло, а волхвъ уже повелѣваетъ стихіями.

Народъ нашъ на Уралѣ—да и во многихъ другихъ мѣстахъ—зоветъ знахарей русскими лѣкарями въ отличіе отъ ученыхъ врачей, считая, конечно, послѣднихъ учеными на заморскій ладъ и правительство Алексѣя Михаиловича отдѣляло русскихъ своихъ лѣкарей, ставя ихъ ниже иноземцевъ.

Народъ звалъ своихъ одаренныхъ людей: балій (лицедѣй смѣшныхъ игоръ. Азбуковникъ), колдунъ, ворожбитъ; бальство; баальство-льникъ-ница, обаваніе-вати-ться-вникъ (чародѣй), обоянный-явати-ятель (чародѣй), обайщикъ—обманщикъ. Припомнимъ вѣру въ слово первобытнаго человѣка. Баба (загов.), бабкать, бабчить—лѣчить, повивальная бабка въ Ряз. зовется диданька (отъ дидъ ладо, а дидко—чортъ). Баситься (лѣчиться, Ряз., басиха (заговорщица, лѣкарка) Тамб. Бахарь* (сказочникъ) лѣкарь, —рка Ряз. Вѣдунъ,—нья, вѣдьма,—макъ Кур., См., вѣжливецъ (колдунъ хранитель свадьбъ) Перм., вѣщетель (знахарь) Пс., вѣщунъ—предсказатель Сиб., вѣдьма—гадальщикъ, — ца. По сербски видар — лѣкарь, а вѣштица — колдунья. Волхвовать, волхитъ-тка (большой колдунъ) Вол., Сиб., волшебство, — шебникъ Пс., Тв. Ворожба (ворогъ—чортъ), — жить (колд., знах.) Кур., Орл., на́ворожба (загов.), ворожбитъ Пс., гадальщикъ,— ца (ворож.), вырéй,—ить (ворож.) Тв., клятбовать (заклинать) Кур., пувкать (ворож.) Арх., ха́мостить Тоб. Чародѣй, — ство (к. крі перест. въ чар). Волшебникъ, виды его: вархомо́лъ Тв., заклинатель, ка́вникъ Ряз., колдунъ-нья-довать-вство Пс. и колдунова (т. е. отъ него) трава. Отъ Коло-Ладо (солнце и жена солнца Овсень—Лёли), какъ и коляды, колодовать—приносить жертву. Кудесникъ, наузникъ (кол. отъ глаза оберег.) Тв., окудникъ (колдунъ) Арх., обмулить (околдовать) Ряз., портежникъ,—рчельникъ Арх., Пс., шептунъ,—тать (колд.), наговаривать, заговаривать Калуж., Нов. Знахарь—рка (какъ будто меньшей силы человѣкъ, лишь выучившійся), знахаль Пс., знахарить (колд.) Пс., Тв., знахарица и знаткой Арх., знальщина (собраніе знахарей) Пс., Тв. Оборотень (кого обернули въ животное, б. ч. въ волка—остатокъ египетскаго ученія о переселеніи душъ). Затѣмъ почти современные преемники вѣщихъ людей, почти лишенные сверхъестественной силы, но знатоки силъ растеній и пр.: Врачъ-чба-чеваніе, коренщикъ (колд.) Каз., тра́вникъ (и отравитель). Лѣкарь, лѣчецъ,—читель (б. ч. наружныхъ болѣзней); пластáрь Перм. Костоправъ. Рудометъ. Цѣлитель-льба. Изъ этого краткаго перечня видно, какъ смѣшивались понятія этихъ, т. ск., должностей, пока, съ развитіемъ, теряя постепенно мощь повелѣвать силами природы, они обращались при помощи лишь наученія въ скромнаго смертнаго—травника, рудомета и пр. Хотя Фаминцынъ и говоритъ, что знахари древности душили жертвенное животное (что дѣлали потомъ старцы а позднѣе князь), т. е. были какъ-бы жрецами.

Эти вѣщіе люди дѣйствовали, какъ видѣли выше, либо при помощи слова, вѣря въ его сверхъестественную силу. Рѣчить значило заговаривать. Оттуда врёкъ Пс., Тв., во́рѣчье Ирк.; нашептывать и бабить, ворожить Тамб.; оговоръ — рить Арх., Новг.; урѣки-кать-кнуть Пс., Тамб., у́рѣки Арх., Орен., нарёкомъ Пс., Тв., урѣчье Пс., Тв., урокъ Забойк., ухаить (изурочить) Вят., сурокъ, — чить Смол. При помощи глаза худой человѣкъ глазилъ, сглаживалъ Вор., Кур. (вѣроятно и по всей Россіи); переглядывать—

нулъ Пс., Тв.; призоръ Арх., опризорить,-ться,-рливый Арх.; занарокомъ (худой глазъ) Тв., сусáмить (сглаз.) Смол. Зѣваніемъ: озѣвъ (и окоримъ) запрещается еще ратнымъ уставомъ царя Василія (Шуйскаго), озѣва — вать Арх., озѣпать и озяпить Нижег., Симб., Тул., бзыкъ,—чить Вол. Въ мысляхъ: бсудъ—дить и осýдъ—дить, пересудъ, усудить, всѣ Пс., Тв. Прикосновеніемъ: оприкосить Арх., Олон., прѝтка Забайк., прытка Мос., попритчиться отъ уроковъ Ирк. Наконецъ самая обычная—порча Арх., Забайк., Пс., доводъ Вол., да и по всей Руси, часто уже при помощи травъ—озелить См.—и др. вещественныхъ, но наговоренныхъ и т. п. предметовъ; портежъ Арх., Пс., отъ порчи предохраняютъ лишь наузы, т. е. заговорные узелки, повязки Тв. Хитка, когда болѣзнь произошла отъ чьей либо хитрости, а притки случайная Пери.

Вглядываясь внимательнѣе въ тѣ $^4/_7$ названій частей тѣла и удовъ, которыя существовали еще до отдѣленія русскаго языка отъ общеславянскаго, замѣтимъ, 1) что они охватываютъ почти всю область главнѣйшихъ наружныхъ и внутреннихъ частей, доступныхъ взору и пониманію обыкновеннаго (не спеціалиста) человѣка, нужныя ему для обихода. Позднѣйшія названія б. ч. однозначны или шли за болѣе развивающимся знаніемъ, т. е. наименованія частей, прежде незамѣченныхъ. 2) Б. ч. названій односложны, а отправленія звукоподражательны, такъ глав, тул, ок, уст, ух, нос, груд, пуз, рук, ног, пяд, длан, плюсн, мозг, плущ, срдц, печ, поч, жвал, зуб, жлч, слиз, дах, храп, сип, бзд и пр. Не забудетъ при этомъ, что тогда р и л были знаки смягченія, какъ теперь ъ и ь и едва-ли произносились отдѣльно, а лишь оттѣняли сосѣднюю букву, тогда какъ ъ и ь были гласными. Односложность и близость къ корнямъ, съ умягченіемъ лишь гласныхъ, говоритъ не только за доисторическое, но и прямо за первобытное ихъ происхожденіе, когда человѣкъ довольствовался для своей рѣчи небольшимъ количествомъ звуковъ, частію потому, что ткани, участвующія въ образованіи словъ, не были подготовлены, т. е. грубо еще развиты, а частію потому, что въ умѣ еще не народилось понятій, которыя бы вызывали стремленія къ выработкѣ отдѣльныхъ маленькихъ мышцъ и нервовъ для новаго болѣе тонкаго приспособленія. 3) Заимствованы эти названія отъ сосѣдей, въ то давнее время, быть не могли уже потому, что если сосѣдъ былъ на той же степени развитія, то у него нечего заимствовать, а если болѣе развитъ, то взятое слово, какъ болѣе обработанное, не могло усвоиться, какъ за недостаткомъ въ мозгу частицъ для пониманія, такъ и въ языкѣ для произношенія. Будетъ лишь простое подражаніе, какъ говорящія птицы, безъ всякаго осмысленія. И теперь даже, чуть не 10.000 лѣтъ спустя, напр., жирфуксы, беджюты мнѣ приходилось слышать съ предсѣдательскихъ креселъ. 4) Принимали ли участіе въ образованіи этихъ словъ люди, т. ск., науки, хотя бы и тогдашней, т. е. люди и сословіе, занимавшееся врачевствомъ, хотя бы и не исключительно? Или м. б. они выбирали изъ множества однозначныхъ словъ, какъ обыкновенно всякій новый предметъ или явленіе каждый называлъ по своему, но современемъ большинство ихъ вымирало, оставалось же или измѣнялось одно, много два для одного предмета. Своимъ вліяніемъ и примѣромъ, напр., жрецы могли, т. ск., узаконить то или другое слово. Не думаю. По крайней мѣрѣ въ названіяхъ односложныхъ, къ корню близкихъ, звукоподражательныхъ нельзя допустить подобнаго вліянія жреца, иначе была бы въ названіяхъ хоть какая-нибудь систематичность, идейность, взаимная послѣдовательность, которую мы замѣчаемъ во времена позднѣйшія, когда врачебныя знанія александрійцевъ, а м. б. и древнихъ египтянъ, грековъ дошли до нашихъ предковъ. Египетскіе корабли знали дорогу въ Крымъ и къ устью Днѣпра, а Геродотъ описываетъ скифскихъ врачей, да и самъ Ипократъ бывалъ въ той сторонѣ. Но все-таки нельзя отвергать вліянія этихъ спеціалистовъ на анатомическія знанія народа, а не на названія и даже чрезъ нихъ заимствованій отъ сосѣднихъ народовъ. Греки знали скифскихъ врачей за отличныхъ діагностовъ, таковы: Аборисъ, Токсорисъ. Послѣдній былъ въ Аѳинахъ при Солонѣ. Но вѣдь медицина была и раньше Ипократа, онъ только основалъ научную. Въ Россіи же уже, конечно, она была раньше ея исторіи. 5) Естественно, что и названія болѣзней переживали времена фетишизма, зооморфиза и антропоморфизма, хоть частію. Какъ равно и переживали бытъ охотничій, скотоводный — кочевой, земледѣлія, осѣдлости и, наконецъ, государственности.

Послѣдствія быта особенно ясны въ лѣкарствахъ. Современемъ, съ развитіемъ этихъ знаній, м. б. по этимъ даннымъ и удастся точнѣе опредѣлить время названія болѣзней. Но и сама, т. ск., патологія народная тогда естественно была сообразна той или другой степени умственной зрѣлости и религіозныхъ воззрѣній. Т. к. тогда вѣра не отдѣлялась отъ знаній. У фетиша каждая болѣзнь, какъ и каждая вещь, имѣла своего особаго духа, но уже у сербовъ оспа—бóгине, т. е. ступенью выше, т. е. временъ не всебожія, а многобожія, наши же лихорадки суть выраженія антропоморфизма. Со временъ христіанства, конечно, единобожіе выдвинуло наказаніе Божіе какъ причину болѣзни, но остатка язычества во множествѣ сохранило какъ этіологическій моментъ и чорта, въ которомъ слились всѣ духи древности. Конечно, не осталась безъ вліянія на воззрѣнія на болѣзнь и самая мѣстность, занимаемая народомъ, ея климатъ. Оттого у насъ, съ движеніемъ на сѣверъ въ болотистой почвѣ, съ распашкой земель множество названій (50) лихорадокъ, каждая будто отъ особаго духа или лучше отъ того или другаго воплощенія единаго злаго духа—дьявола. Болгары тоже не бѣдны названіями лихорадокъ. Отъ нихъ и апокрифъ о 12 лихорадкахъ, св. Сисаніемъ изгоняемыхъ. Но мнѣ кажетъ, наши архангельскія легенды едва ли не древнѣе этого апокрифа. Наоборотъ, у сербовъ слабо развита демонологія лихорадки. У чеховъ тоже много заговоровъ отъ лихорадокъ. Даже въ различіи народныхъ врачебныхъ пріемовъ, во взглядахъ на причину болѣзни, помимо религіозныхъ воззрѣній, сообразныхъ степени культуры, большую роль играютъ топографическія условія, напр., въ Имеретіи въ самое жаркое лѣто теплые чулки не снимаются и позднѣе 7 часовъ вечера никто ни пойдетъ, ни поѣдетъ черезъ воду. У насъ, напр., въ Минской губ., совсѣмъ нѣтъ бань, хотя бѣлоруссъ мало отличенъ отъ мало- и великорусса. Это вѣковой выводъ народной мудрости. Проказа тоже будто любитъ горныя мѣстности, появляясь въ Астрахани, Крыму, на Кавказѣ, у Балтійскаго побережья, но вспомнивъ постоянное, изъ центра русской равнины, пониженіе почвы къ окружности, гдѣ опять разомъ подъемъ, найдемъ именно предъ этимъ подъемомъ естественно застой влаги въ почвѣ, т. е. болота, гдѣ и зарождается проказная палочка — бактерія, какъ и лихорадочный вибріонъ. Ну, а развить и поддержать множество суевѣрій, примѣтъ, боязнь вездѣ духовъ было, конечно, дѣломъ спеціалистовъ, будь то жрецъ или знахарь, для поддержанія своего вліянія и выгодъ. Потому всѣ повѣрья о болѣзняхъ очень древни, сохраняются неизмѣнно и передаются знахарями лишь одному, безъ позднѣйшихъ видоизмѣненій, т. к. вся суть въ буквальности со временъ мифа. Вообще русская мифологія бѣдна, слѣдовъ идолопоклонства почти нѣтъ, даже значеніе вѣры въ смыслѣ языческомъ наши предки едва ли хорошо понимали. Напр., чураться, чунится по ихъ значило молится, или бодай (богъ дай)—провались. Хотя суленки (обѣщанія духу, напр., за излѣченіе) и лѣстовки (пироги съ макомъ и медомъ) — слѣды жертвоприношеній. Зато демонологія наша, сравнительно съ другими славянами, очень развита, что говоритъ за ея болѣе позднѣе развитіе. Еще во времена своего дикаго быта русскій пережилъ фетишизмъ [1]), обожаніе всѣхъ веществъ, т. с. к, всебожія, поклоненія самой природѣ и будто (по Фаминцыну и др., начин. съ Нестора) тогда уже признавалъ Сварога (небо)—жича и Дажъ-бога его сына (солнца, огня) и имъ современныхъ родъ и роженицы (звѣзды) и русалки, берегыни, упыри. Во время пастушескаго быта, одухотворяя силы природы — бога, кланялись солнцу въ горахъ на камняхъ— политеизмъ, зооморфизмъ. Въ то же время культъ Велеса и Волоса—покровителя животныхъ, естественно первенствовалъ. Во времена земледѣльческаго быта, осѣдлости, семейственности кланялись Перуну, знали мелкихъ боговъ, русалокъ и т. п., приносили жертвы—антропоморфизмъ и тоже политеизмъ. Въ этомъ періодѣ и застала исторія б. ч. славянъ. У Балтійскихъ славянъ началъ было развиваться и 4-й бытъ—завоевательный, гражданско-государственный (у. Венетовъ, Ванновъ). Оттого ихъ Свѣтовидъ (русскій Сварожичъ) уже истуканъ и притомъ треглавый и въ храмѣ окруженъ жрецами съ гаданіями и обрядами. 6) Древнѣйшія названія какъ анатомическихъ частей тѣла,

[1]) Нашъ ладожскій доисторическій человѣкъ носилъ медвѣжій зубъ, какъ амулетъ, на шеѣ.

такъ и болѣзней немного имѣютъ синонимовъ, зато позднѣйшія очень ими богаты, напр., названія половыхъ частей, родовой актъ, хотя они и мало схожи съ сербскими. Изъ болѣзней богаты синонимами душевныя, нервныя (колотье), ломы (грызи: запоры и поносы, лихорадки, какъ самыя частыя по нашей мѣстности), наружныя поврежденія, накожныя (сыпи). И все-таки, какъ видѣли, чуть не половина ихъ доисторическихъ, хотя общеславянскихъ и пятая часть. Вообще, вся синонимія у русскихъ богаче сербской и друг. славянскихъ народовъ, что я объясняю нашимъ постепеннымъ движеніемъ къ сѣверо-востоку и невольнымъ соприкосновеніемъ съ инородцами, гдѣ въ лѣсахъ могли быть воззрѣнія болѣе стойки. Кромѣ того, переселеніе нашего правящаго лишь слоя отъ Кіева ко Владиміру уже въ историческія времена было для народныхъ идей и знаній въ нѣкоторомъ смыслѣ шагомъ назадъ, какъ удаленіе отъ центра (Средиземное море) цивилизаціи и потому не могло не обогатить какъ нашу демонологію, такъ и попятить вообще воззрѣнія народа. Хотя съ другой стороны въ этомъ невольномъ почти движеніи нельзя не видѣть благодѣтельнаго удаленія отъ обезнароживающаго космополитизма Кіева, заразившагося имъ (какъ мы отъ запада) отъ Греціи.

Хотя изъ самыхъ названій болѣзней до нѣкоторой степени видна уже, т. ск., народная патологія, т. е. взглядъ народа на болѣзнь и причины ея, но взглянемъ на нихъ поближе. Замѣчу только, что взявши въ общемъ, эти воззрѣнія такъ живучи, что, не говоря про народъ, гдѣ они мало измѣнились съ древнѣйшихъ временъ (что несовсѣмъ точно приписывается необразованію, неразвитію, такъ какъ они болѣе составляютъ народную особность, неотдѣлимую часть общаго міровоззрѣнія), но и у такъ называемой интеллигенціи и въ особенности въ высшихъ слояхъ они невольно, хотя и безсознательно, проглядываютъ. Такъ что иной разъ можно усумниться, гдѣ болѣе правильный взглядъ на медицину (гомеопат. и все подоб.). Пересмотрите нашихъ романистовъ, писателей-неврачей о домашней, напр. медицинѣ, даже церковныхъ поученій, конечно, гдѣ они касаются лишь тѣла, или лучше писателей-моралистовъ, едвали вы несогласитесь со мной. По народному міровоззрѣнію болѣзни суть помощницы, спутницы смерти, а повальныя считались за самую смерть. Стихійное значеніе особенно ясно въ преданіяхъ о недугахъ (какъ смерть обѣщалась юношѣ предупредить его о своемъ приходѣ и послала ему болѣзнь). Въ названіяхъ болѣзней ясна мысль о карающемъ божествѣ, слѣдовательно, первая причина болѣзней — гнѣвъ Божій. Но тѣ же названія, какъ видѣли, говорятъ, что нѣкогда болѣзни считались прямо злыми духами, или ихъ дѣломъ. Еще въ апокрифѣ созданія человѣка, чортъ въ отсутствіи Бога истыкалъ тѣло болѣзнями, т. ск., наружными поврежденіями, такъ что Богъ долженъ былъ вогнать болѣзни внутрь, чтобы не создать что-то безобразное. Или отвѣтъ старцу бѣса, покрытаго блуднымъ гноемъ, какъ онъ обмывается въ водѣ, которую изготовляютъ для питья. Слѣдовательно, цѣль враждебнаго бѣса произвести болѣзнь человѣка, касаясь его, — язвы, вереда, сыпи и пр. Или дьяволъ залѣзъ внутрь человѣка, мучитъ его, пожирая внутренности. Всѣ индо-европейскіе народы съ глубокой древности вѣрили этому, какъ и тому, что колдуны силою чаръ насылали всякія болѣзни. Несторъ говоритъ: «нападе на Святополка бѣсъ». И теперь народъ думаетъ, что всѣ калѣки, хворые разслабленные изурочены, испорчены колдунами оговоромъ или съ мысли, съ зависти, съ глазу, или просто напущено, какъ тоска, икота, падучка, кликушество, грызь, сухотка, колотье. Вѣря въ подобныя напуски легко представляли себѣ болѣзни живыми, одушевленными. И теперешнія бранныя слова, когда-то были дѣйствительнымъ призывомъ злаго духа на врага. Нечистая сила смерти и недуговъ въ народномъ преданіи рисуется вѣчно голодной, прожорливой. Съ жадностью бросаясь на людей, питается ихъ кровью и мясомъ. Оттого цѣлить, т. е. опять сдѣлать цѣлымъ, что съѣдено. По лѣтописцу, у моровой язвы зубы многоядные и смертоносное жало. Болѣзнь ѣстъ, грызетъ — грыжа. У сербовъ «губа (проказа) ѣстъ а живина (ракъ) грызетъ». Оспа — бѣсъ въ образѣ птицы съ клювомъ желѣзнымъ ходитъ и пятнаетъ людей шадринками (рябинка), питаясь мертвымъ тѣломъ. Извѣстенъ обычай приносить ребятъ къ младенцу въ оспѣ на поклонъ — это древній способъ вакцинаціи. Пришедшій говоритъ: «Оспица, прости, прости Африкановна, чѣмъ я предъ тобою согрубилъ, чѣмъ провинился!» И

будто «Богъ прощаетъ», т. е. ребенокъ выздоравливаетъ. Кромѣ того, болѣзни не слѣдуетъ поддаваться, т. е. не ложиться, чтобы она не одолѣла человѣка. Злые духи, въ древнемъ языческомъ значеніи, были существа стихійныя, демоны темныхъ тучъ, опустошительныхъ грозъ, вихрей, вьюгъ, они то сушили землю (удерживая дождь), то заливали ее, лишая тѣмъ человѣка пищи. Къ тѣмъ же стихійнымъ демонамъ народъ причислялъ и болѣзни, какъ порожденіе тѣхъ же естественныхъ причинъ: простуда, сырость, томительный зной, вредныя испаренія, разносимыя буйными вѣтрами, и какъ обычные спутники неурожаевъ, слѣдующія всегда за ними моровыя повѣтрія. Вѣтроносная заразительная язва — моръ. Обморокъ—мгла, туманъ и болѣзненный припадокъ. Болѣзни напускаются по вѣтру или по водѣ. Самая частая икота и стрѣляніе происходятъ отъ выдуванія изъ рога, трубъ, вѣтра съ моря въ видѣ стрѣлъ. А воду заражали, какъ мы говорили, бѣсы, купаясь въ ней. Вода этихъ источниковъ сначала означала дождевыя тучи, живительную влагу коихъ изсушали злые демоны, потомъ видѣли въ нихъ обычные омуты и болота, заражающіе испареніями въ жаркія мѣсяцы (Петенкофера пониженіе почвенной влаги). Витова болѣзнь, названа потому, что уподоблена пляскѣ грозныхъ духовъ, сопутствующихъ Свѣтовиду въ его бурномъ шествіи по межпланетнымъ пространствамъ. Бѣлоруссъ не ступитъ на мѣсто, гдѣ стояло ведро съ водой, гдѣ волкъ зарѣзалъ козла, заколотъ пѣтухъ, гдѣ валялась лошадь, а то получитъ чесотку, лишаи и проч. Ведро указываетъ на сосуды, изъ коихъ грозовые духи заливали землю дождемъ, а пѣтухъ, козелъ, конь, собака, лошадь суть животныя превращенія этихъ духовъ. — Ощущеніе, производимою болью, человѣкъ уподоблялъ ударамъ остраго оружія духовъ: ломъ, колотье, рѣзь, стрѣльба (молнія). Убійственные взоры Вія предаютъ все гибели, лишь бы поднять его брови и рѣсницы, т. е. взглядъ молніи разитъ смертію, а брови и рѣсницы метафоры облаковъ. Волосень, по мнѣнію народа, зависитъ отъ червя волосатика, а чехи убѣждены, что у каждаго человѣка внутри свой червь, отъ него и зависитъ болѣзнь; такъ бѣшенство отъ червя подъ языкомъ, особые черви точатъ сердце, другіе пьютъ кровь, иные пожираютъ съѣденную человѣкомъ пищу. Все это преданія глубокой древности — еще Атарведы. Червь этотъ молнія. Такимъ образомъ, славянскія названія болѣзней ясно говорятъ, что въ древности болѣзни считались злыми духами. Воображеніе снабдило ихъ бичемъ, стрѣлами, коими они и причиняли всѣ тѣлесныя страданія. Припомнимъ, какъ сатана «истыкалъ» тѣло перваго человѣка и тѣмъ напустилъ болѣзнь на весь родъ человѣческій. И теперь услышите, «чтобъ те притка (отъ глагола приткнуть) ударила, попятнило, пострѣлило». И теперь говоримъ: стрѣляетъ (болитъ), параличъ разбилъ, ударъ хватилъ а сибирскую язву зовемъ змѣиный пострѣлъ; стрѣлицы во Псковѣ коровья болѣзнь. Царь Алексѣй Михайловичъ пишетъ: «дьяка нашего пострѣлило». Ребенокъ мечется, кричитъ — ему клали подъ подушку мальчику лучекъ и стрѣлы, а дѣвочкѣ пряслицу, приговаривая: «Щикотиха, будиха, вотъ тебѣ, играй, а младенца не буди». Наши же русалки, какъ извѣстно, защекотываютъ до смерти. Какъ всѣ облачныя (водяныя) дѣвы, русалки выпрядали туманные покровы для заволакиванія неба. Такимъ образомъ, пряслица и лукъ указываютъ стихійное происхожденіе духа этой болѣзни. Чешка захворавъ лихорадкой, обѣгаетъ три раза прудъ, бросая за первымъ разомъ хлѣбъ, за вторымъ — веретено, за третьимъ — горсть прядева. Занятая такимъ образомъ лихорадка не приходитъ въ обычное время мучить больную. Отсюда у насъ лѣчатъ больнаго ниткой, которую нужно сжечь, а пепелъ выпить съ водой. Сербскія Виллы сродни тоже мифическимъ пряхамъ; онѣ мечутъ смертоносныя стрѣлы, отравляютъ источники, напускаютъ тажкія болѣзни, отнимаютъ разумъ. Лужицкая полудница ходитъ по полямъ, допрашивая женщинъ, какъ обрабатывать ленъ, и кто не умѣетъ, той смерть. У насъ полудновать — доживать послѣднія минуты: «у Добрыни едва душа въ тѣлѣ полуднуетъ». Въ Архангельскѣ знаютъ 12 сестеръ полунощницъ—маръ; онѣ ночью заставляютъ кричать отъ боли. Игрецъ въ кликушѣ — нечистый духъ играетъ больною. «Бѣсъ тобою (волхвомъ) играетъ», чортъ шутитъ, а дьявола, домоваго, лѣшаго зовутъ шутомъ. Чортъ заставляетъ кликушу, блажную, указывать испортившаго ея — родъ предвидѣнія. Отсюда въ языкѣ блажѣ(и)ть значитъ сходить съума, блажной — хворый, а блаженны

значитъ юродивый, слабоумный. Какъ видите, смѣшаны понятія тупоумія и духовнаго предвидѣнія. Помѣшательство, безумный бредъ суть проказы того же лѣшаго. Кого онъ обойдетъ (овѣетъ вихремъ), тотъ каженникъ (искаженный), теряетъ смыслъ и память. У Бѣлоруссовъ надъ кѣмъ пролетѣлъ «лядащикъ», тотъ сойдетъ съ ума. Вмѣстѣ съ русалками въ источникѣ жили олицетворенныя болѣзни, и вотъ идутъ въ лѣсъ совершать цѣлебные обряды подъ деревомъ (ива, верба) надъ водой. Наши развѣшиваютъ на деревьяхъ полотенца, холстину, нитки въ даръ русалкамъ, больные купаются, и оставляютъ рубашки или надъ головой больнаго завязываютъ вѣтви двухъ березокъ, причитая: «коли ты (болѣзнь) покинешь отпущу, а не покинешь сама сгинешь». Или раскалывая стволъ молодой березки, протаскиваютъ въ эту разсѣлину больнаго ребенка, конечно, съ приговорами, купаютъ тутъ же младенца и бѣльемъ его обвязываютъ расколъ. Сростется значитъ выздоровѣетъ. Возвращаясь назадъ, не оглядываться и не отвѣчать на зовъ, а то болѣзнь опять узнаетъ по лицу и вернется. Вѣдьма, по преданію, ѣздитъ ночью на людяхъ, обращая ихъ въ коней. Вылетающая изъ нея въ видѣ бабочки душа (вѣщица) налегаетъ на спящихъ страшною тяжестью. Злой духъ болѣзни и смерти — мора или мара (мурава, змора, а чешск. моура, — вѣдьма и мотылекъ) носитъ свою голову подъ мышкой, блуждаетъ ночью подъ окнами, произнося имена хозяевъ, кто отзовется — непремѣнно умретъ. Припомните сказаніе нашей лѣтописи подъ 1092 годомъ: «Предивно бысть въ Полотьскѣ»... и проч., будто бѣсы разъѣзжали на коняхъ, и кто выглядывалъ въ окно, умиралъ. Мора же садится на соннаго человѣка и душитъ его, а у женщинъ и коровъ высасываетъ молоко. Болгарская мура — это душа мертваго, некрещеннаго младенца, прилетающая давить сонныхъ. На нихъ похожи наши кикиморы (кошемары) и марухи. То безпокойные домовые карлики, прядущіе волну, и самъ дѣдъ домовой давитъ сонныхъ. У насъ по ночамъ человѣкъ будто страдаетъ во снѣ разными болѣзнями, и если разбудить его раньше, чѣмъ кончатся муки, то онъ захвораетъ тою болѣзнею, которою былъ угнетенъ во снѣ. Теперь наука въ этихъ смертностныхъ дѣвахъ признала души усопшихъ. Въ этомъ вѣрованіи основа лингвистической связи въ слѣдующихъ реченіяхъ: всякіе покойники суть родители; родъ — духъ (Дан. Заточникъ); родà въ Саратовѣ — видъ, образъ, а въ Тулѣ — привидѣніе, призракъ; родимецъ = параличъ. Вотъ живое свидѣтельство, что у насъ души покойниковъ роднились съ тѣми стихійными духами, стрѣлы которыхъ производятъ параличный ударъ.

О лихорадкахъ, болѣзняхъ наиболѣе частыхъ въ Россіи. Прежде всего, лихой одинъ изъ синонимовъ злаго духа. Лихо радѣть, лихо дѣять, лихо мануть, (манья это привидѣніе, во образѣ тщедушной старухи)—обманывать. Лихорадки (12 или меньше крылатыхъ сестеръ) суть злыя, безобразныя, чахлыя, голодныя, иногда слѣпыя и безрукія дѣвы; живутъ онѣ въ мрачныхъ подземельяхъ ада. Старшая повелѣваетъ, посылая ихъ на землю мучить людей «тѣло жечь и знобить и бѣлыя кости крушить». Морозъ 2 января выгоняетъ ихъ вмѣстѣ съ нечистою силою изъ ада и лихорадки ищутъ себѣ пристанища по теплымъ избамъ, гдѣ нападаютъ на «виноватыхъ», потому то старухи и обмываютъ притолки наговорной водой. Повѣрье, конечно, поддерживается множествомъ простудъ и ознобленій въ такое время года. О весеннихъ болѣзняхъ думаютъ, что онѣ зимой заперты въ снѣговыхъ горахъ (адъ) до начала оттепелей, и когда солнце сгонитъ снѣгъ, онѣ разбѣгаются, вслѣдъ за вешними испареніями, по свѣту тощія, заморенныя, бросаясь на неосторожныхъ. Съ 25 февраля потому будто и опасно спать послѣ обѣда, что можно наспать лихорадку. Подобно смерти и владыкѣ демоновъ (сатанѣ); лихорадки заключены въ цѣпяхъ въ подземныхъ вертепахъ, вылетаютъ же лишь, когда эти цѣпи сняты, т. е. весной. Старшая прикована 12-ю цѣпями и держитъ въ правой рукѣ, какъ и смерть, косу (Калуж. губ.). У юго-западныхъ славянъ три сестры—куги спущены съ цѣпи и теперь будто бродятъ по свѣту. Лихорадки, сбросивъ цѣпи, стремятся на землю и вселяясь въ людей, начинаютъ ихъ трясти, разслаблять суставы и ломать кости. Измучивъ одного, бросаются на другаго, а по дорогѣ цѣлуютъ избранныя жертвы, которыя тотчасъ и заболѣваютъ. Обмечетъ губы, значитъ поцѣловала лихорадка. По другимъ повѣрьямъ, лихорадка, прилетая ночью, зоветъ по именамъ и кто отзовется заболѣетъ. Или обращаясь

соринкой, мухой, падаетъ въ пищу и съ ней входитъ внутрь. Если догадаться бросить соринку или муху эту въ печь, то лихорадка сгоритъ; если же вложить ихъ въ яичную скорлупу и повѣсить въ трубѣ, лихорадка будетъ страшно мучиться. Въ Тулѣ говорятъ, что шесть сестеръ лихорадокъ уже погибло такъ. Народъ чтобы не раздражать демоническую дѣву, не называетъ ее настоящимъ именемъ, а ласково: кумаха, добруха, тетка, тятюха, подруга, дитюха. Сербы даже моровую язву зовутъ кумой. Перерывъ лихорадки объясняютъ тѣмъ что, имѣя много больныхъ, она не успѣваетъ всѣхъ посѣщать и потому является черезъ день, черезъ два. Или она отдыхаетъ, сама спитъ, потому въ Малороссіи и зовутъ каждодневную лихорадку «невсыпуха-трясца». Отсюда и обычай переводить лихорадку на другаго, обманывать ее, надписывая на двери (русскіе и чехи), что больнаго дома нѣтъ, или рядятся въ чужое платье, или вымазываютъ лицо чернымъ (въ Сибири). Въ заговорѣ, обращенномъ къ св. Сисанію, чтимомъ и теперь, узнаемъ слѣдующихъ 12 лихорадокъ: 1) трясуха, 2) огнея, 3) ледея, 4) гнетея, 5) грудея, 6) глухея, 7) ломея, 8) пухнея (дутиха), 9) желтая, 10) корчея, 11) глядѣя, 12) невѣя (мертвячка). А по другимъ: 1) сухая, 2) зѣвота, 3) блевота, 4) потягота, 5) сонная, 6) блѣдная, 7) легкая, 8) вешняя, 9) листопадная (осенняя), 10) водянка, 11) синяя (старинный эпитетъ огня и молніи), 12) невѣя. Все это будто указываетъ на связь болѣзни съ тѣнями усопшихъ. Лихорадкамъ народъ давалъ болѣе широкое значеніе, нежели въ медицинѣ, относя къ ней и горячку и сухотку и разлитіе желчи, а въ древности лихорадка прилагалась ко всякой болѣзни. Не совсѣмъ это точно, потому и въ медицинѣ было время, когда насчитывалось много лихорадокъ и простудныхъ и желудочныхъ и такихъ и сякихъ. Что, конечно, занято не отъ народа, а чуть ли не наоборотъ. А лихорадочное состояніе, сопровождающее почти каждую внутреннюю болѣзнь, да и наружныя поврежденія—т. наз. травматическая, и теперь признаются наукой, но онѣ лишь обобщены, напр. лихорадки, которыми начинаются воспалительныя болѣзни, и пр., такъ какъ лихорадочное движеніе обобщено въ напряженіе всего тѣла, а не есть самостоятельная отдѣльная болѣзнь. Горячки на пути къ тому же. Уже въ XVII вѣкѣ въ иконописникѣ изображены 12 лихорадокъ—трясавицъ въ видѣ женщинъ, часто не одѣтыхъ, съ крыльями летучей мыши (символъ ночи). Различались онѣ цвѣтами: бѣлая, желтая, красная, синяя, зеленая (лѣсная) и т. д. Часто фигуры были благообразны. Наверху въ облакахъ ангелы и одинъ изъ нихъ направляетъ копье въ нихъ, гоня лихорадокъ въ отверстую пропасть. А на пригоркѣ, колѣнопреклоненный св. Сисаній.

Повальныя болѣзни считались, какъ говорили мы, за самую смерть. Оттуда и названія—черная смерть, черная немочь. Или по причинѣ ихъ звали повѣтріемъ. Когда туманныя испаренія и гнетучая духота зноя отравляютъ воздухъ—является зараза (отъ разить какимъ-либо острымъ орудіемъ). Ее представляютъ себѣ въ образѣ женщины—сербская куге и мòрија, чума (джума), язва, свирѣпица, морà (поэтическій образъ женскаго рода отъ моръ—у рус., чех. и поляк.). Зависяя отъ воздушныхъ и климатическихъ условій, моровая язва признавалась существомъ стихійнымъ, идущимъ съ вихремъ и вооруженнымъ огненными молніеносными стрѣлами. Припомнимъ здѣсь, что всѣ лѣтописныя наши сказанія, описывая начало чумнаго заболѣванія, говорятъ: «первое стрѣльнуло подъ лопатку». Мора носится, какъ синеватый паръ въ видѣ облака. Кроаты гиргу (чуму) представляютъ злой фуріей, легкой, какъ молнія. У болгаръ она вѣчно озлобленная черная жена, посылающая на людей огненныя ядовитыя стрѣлы. По чешскимъ сказаніямъ, создавъ ее, Господь, сказалъ: «иди и мори, а чторы ты не боялась, нà лукъ и стрѣлы». Болгары видятъ въ ней существо родственное съ облачными дѣвами и зовутъ: чума-самодива или юда-самовила, которыя бываютъ и добрыми и злыми. Подходя къ городу, чума точитъ свои стрѣлы и кто изъ города выйдетъ или входитъ, въ того стрѣляетъ, а потомъ уже входитъ сама въ городъ. Оттого-то первыми заболѣваютъ всегда пріѣзжіе или странники. Чума, какъ вѣдьма, обращается въ кошку, лошадь, корову, птицу, клубкомъ пряжи; гдѣ она показалась, собаки воютъ, вороны и совы, садясь на кровли, предвѣщаютъ бѣду крикомъ. Чехи и малороссы видѣли, какъ чума кошкой царапается въ окно, кто, увидя, впуститъ ее, тотъ скоро умретъ. Южные славяне вѣрятъ, что во время чумы пѣтухи хрипнутъ, со-

аки теряютъ способность лаять, лишь ворча и визжа бросаются на чуму, чуя острымъ ѣніемъ и чутьемъ ее какъ нечистаго духа и смерть. Громовые раскаты уподоблялись ѣтушьему крику и колокольному звону. Вслѣдствіе этого, вѣрили, что возгласъ пѣтуха огоняетъ нечистую силу, а звонъ разгоняетъ тучи и устрашаетъ бѣсовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ и крики и звонъ суть цѣлебныя силы отъ лома, холеры, падучки и вообще отъ всякаго оѣтрія. Въ завываніи грозовой бури арійцы слышали лай небесныхъ псовъ, сопутвующихъ богу громовъ (потомъ Георгію побѣдоносцу) въ дикой охотѣ. Собака воетъ, начитъ видитъ смерть. Отсюда повѣрье, что чума, боясь собакъ и пѣтуховъ, лишаетъ ихъ олоса и вырываетъ у послѣднихъ хвостъ. Такъ что гдѣ зараза, тамъ тихо: ни пѣтухъ не рикнетъ, ни собака не залаетъ. Туда то и посылаютъ заговоры лихорадокъ, т. е. въ арство оцѣпенѣнія, тучъ, холоднаго дыханія мертвой зимы, иначе въ вертепы сѣвернаго да. Болгары говорятъ, что въ древности кошка была старшей сестрой чумы и часто ее ла, а теперь прячется отъ нея по печкамъ. Чехи лѣчатъ отъ сухотки дѣтей купаніемъ ъ ключевой водѣ вмѣстѣ съ кошкой и собакой. Всѣ славяно-литовцы видѣли чуму костивой, огромнаго (на ходуляхъ?) роста бабой съ распущенными косами въ бѣломъ. Она удто махаетъ на всѣ четыре стороны краснымъ (окровавленнымъ) платкомъ и ѣдетъ повозкѣ или на шеѣ человѣка. Куда махнетъ платкомъ, тамъ все вымираетъ. Лужицая смертница и чешска смертна жена въ бѣлой или черной одеждѣ (у чеховъ даже въ ляпѣ съ бѣлымъ перомъ), куда ни пойдутъ—тамъ покойникъ. Сербская куге «жива ена, завіешана біелом марамом», на козьихъ ногахъ, пускаетъ въ избу свой злокачеенный духъ и тамъ вся семья вымретъ; она тоже ѣздитъ на человѣческихъ плечахъ и тъ ее или не чувствуетъ, или она очень тяжела. По преданіямъ, духи многихъ болѣзй ѣздятъ на своей жертвѣ и въ сказкѣ разсказывается, какъ Богъ осудилъ солдата сить на плечахъ голодную смерть. Въ Литвѣ чуму зовутъ моровой дѣвой, она просовыетъ въ окно руку, съ краснымъ платкомъ, коимъ и намахиваетъ заразу. Существуетъ зсказъ, какъ казакъ отрубилъ ей въ это время руку, и тѣмъ спасъ село отъ смертсти. Литовцы смерть и чуму роднятъ съ облачной женой—Лаумой. Если она рядится зеленое, будетъ урожай, въ красное—война или убійство, въ черное—голодъ и смерть. поляковъ моровая дѣва разъѣзжаетъ на двухколескѣ, а Лужицкая въ невидимой косницѣ, въ 12 часовъ ночи, слышенъ грохотъ, а не видно никого (сравни сказаніе о бывемъ въ Полоцкѣ «дивно бысть») и гдѣ остановится, тамъ кто либо умретъ. Поѣздъ мы въ Подоліи, при неистовомъ шумѣ, гамѣ и завываніи бури, зовутъ «гбминъ». Одинъ усинъ развелъ въ лѣсу костеръ, какъ вдругъ на него вихремъ налетѣлъ поѣздъ чумы на сокой черной колесницѣ съ дудками, бубенцами, трубами и все окружающее, даже топоръ о, обратилось въ привидѣніе, участвуя въ общей пляскѣ. Онъ упалъ безъ чувствъ, и на тра лишь очнулся вѣсь изорванный, съ изломаннымъ топоромъ. Это поэтическое изоаженіе опустошительной, все уничтожающей бури, вѣяніе которой несетъ язву. Дудки бубенцы метафора воющихъ вѣтровъ. Смерть, по преданію, сама музыкантъ. Сербскія ти (3) живутъ за моремъ, пока Богъ не укажетъ кого уморить. Тогда переплывъ рѣку, отравляютъ не убранную посуду. Колесница чумы иногда замѣнялась лодкой, на торой злобная дѣва увозила души мертвыхъ, переѣзжая р. Саву (у хорватъ). Мифичее представленіе распространяется и на холеру. На Руси видѣли ее злобной старухой искаженнымъ страданіемъ лицомъ. У малороссовъ она ходила въ красныхъ сапогахъ водѣ, все вздыхая, а ночью, бѣгая, кричала: «була бида, буде лыхо»! Гдѣ она ночуетъ, уцѣлѣетъ ни одинъ. Другіе говорятъ, три сестры холеры пріѣзжаютъ изъ за моря, бѣлыхъ саванахъ. Однажды мужикъ подвезъ на базаръ двухъ сестеръ холеръ, въ ихъ ахъ были кости. Одна пошла въ Харьковъ, а другая въ Курскъ. Эти 3 сестры не съ дни ли 3 греческимъ паркамъ? Болгаре говорятъ, что чума и повальная оспа, являясь ночамъ, читаютъ по книгѣ, кто умретъ и кто выздоровѣетъ. Отъ холеры, какъ и отъ ровьей чумы, помогаетъ обрядъ опахиванія, коему научила сама чума своего подводчика—ѣжать хату три раза нагишемъ и у входа закопать желѣзо. Въ Томской губерніи сиская язва похожа на мохнатаго человѣка съ копытцами на ногахъ, что живетъ въ рахъ и выходитъ лишь на заклинаніе: «язвите! пятнайте»!

Разбирая подробнѣе позднѣйшія названія болѣзней, временъ христіанства, когда слѣдовательно, мифическій элементъ отсутствовалъ — такъ какъ по Буслаеву уже въ XI вѣкѣ русская поэзія вышла изъ мифическихъ основъ и замѣнилась историческими — мы встрѣчаемъ въ тѣхъ названіяхъ, въ созданіи коихъ не участвовалъ специалистъ, или еще остатки прежняго міросозерцанія, напр. три сестры Хворелы, какъ окрестилъ нашъ простолюдинъ холеру; или за причины взяты тѣ физическія и вообще природныя явленія, кои все-таки вытекали изъ прежняго пониманія силъ природы; или отъ сравненія на что похожи, какъ древнѣйшія звукоподражательныя. Не умѣя отличить одной болѣзни отъ другой, кромѣ формъ рѣзкихъ, онъ не давалъ имъ имя, а чувствуя въ себѣ душу, онъ надѣлялъ ею и всѣ предметы, потомъ сталъ отдѣлять лѣшихъ отъ водяныхъ и пр., обобщая же ихъ съ силами природы, приписывая общей стихіи — огню, водѣ и пр., а христіанство принесло чертей взамѣнъ духа. Кромѣ того, явилось много названій не болѣзней собственно, а частныхъ ея проявленій, выдающихся припадковъ, напр. свинка, железка и много другихъ. Т. к. на осмысленіе цѣльныхъ взглядовъ на болѣзнь не хватало ума, оторваннаго отъ старыхъ основъ. Но все-таки они живы и мѣтки, какъ напр. пластарь— лѣкарь. Въ названіяхъ, самими врачами или б. ч. переводчиками данныхъ, много заимствованій отъ сосѣдей, переведенныхъ по смыслу, либо переиначенныхъ, а съ XVII в. много уже дѣланныхъ и искусственно, слѣдовательно не живыхъ, какъ напр. многія изъ анатомическихъ терминовъ первыхъ по времени, будучи по слогосложенію будто русскими, они для русскаго уха звучатъ какъ чужіе, не говоря ничего смыслу.

ГЛАВА VII.

Врачеваніе. — Заговоры: отъ кровотетенія, укуса змѣи, лихорадокъ, уроковъ, зубной боли.— Историческій ходъ идеи лѣченія. — Заговоры: отъ грыжъ, колотья, утина, усовей, древнихъ нервныхъ болѣзней, волоса, ногтя и пр., коросты и золотухи, жабы, дѣтскихъ и женскихъ болѣзней, глазныхъ бол. и заговоры при собираніи травъ.

Врачеваніе.

Чѣмъ же лѣчились и отчасти какъ наши предки и недавніе и древнѣйшіе доисторическіе? Прежде отвѣта на этотъ вопросъ, позволю себѣ внести нѣкоторый свѣтъ въ ту неизмѣримую путаницу въ пониманіи, какъ современной публики, такъ и б. ч. врачей, названія «народная медицина». Подъ именемъ ея я разумѣю лишь средства, т. е. корни и травы, взятые изъ природы самимъ народомъ и тѣ пріемы лѣченія и рукодѣйствія, которые выработалъ самъ народъ безъ помощи умѣлыхъ людей (специалистовъ), конечно во времена далеко доисторическія, такъ какъ книжныя заимствованія въ русскомъ врачевствѣ, начиная съ Айюр-Веды, были съ незапамятныхъ временъ. На зарѣ исторіи Александрія слала намъ свои лѣкарства, а м. б. и врачей, греки тоже, персы слали врачей, вносившихъ арабскую медицину, еще м. б. раньше господствовавшую близъ Кіева. Новгородъ могъ заимствовать отъ Норманъ. И всѣ эти внесенія были не изъ народныхъ средствъ, а брались изъ книгъ. Не говоря про Поляковъ, кои сами заимствовали изъ тѣхъ же источниковъ. Откинувъ изъ нашей яко-бы народной фармакологіи всѣ эти заимствованія, останется ничтожное количество травокъ и очень мало пріемовъ, основа которыхъ будетъ лежать въ тогдашнемъ міровоззрѣніи первобытнаго обитателя. Все же внѣ этихъ основъ будетъ не народная, а «домашняя медицина», которою собственно и можно назвать все, что писано во всемъ множествѣ нашихъ народныхъ книгъ, и въ нашихъ лѣчебникахъ, такъ какъ подкладка всѣхъ послѣднихъ—раннія европейскія передѣлки, начиная съ таковыхъ Салернской школы. Не говорю, конечно, о заговорахъ, составляющихъ почти всю суть нашего народнаго врачевства, и то конечно не позднѣйшихъ. Такой переборки нашихъ народныхъ средствъ еще не начато, да и едва ли кто до нея додумался, т. к. древняя наша медицина, да и вообще исторія ея не во вкусахъ современнаго врача. Позднѣйшія же, историческія народныя изобрѣтенія сомнительны, если

не прямо взяты священниками, фельдшерами, помѣщиками изъ книгъ. Умолчу, конечно, про неврачебный нашъ людъ, такъ много писавшій въ видахъ филантропіи о народной медицинѣ. Не вѣдятъ бо, что творятъ. Слѣдя съ молодости за появленіемъ новыхъ такихъ будто народныхъ средствъ, я насчиталъ ихъ, конечно, не по книгамъ, а въ деревнѣ, за 50 лѣтъ всего семь и лучшее изъ нихъ—анисовое масло, которое какъ и остальныя шесть чуть не 1000 лѣтъ употребляются въ аптекѣ. Если же дать себѣ трудъ провѣрить т. наз., даже въ диссертаціяхъ, народныя травки, то окажется, что подъ однимъ именемъ вы встрѣтите растенія часто даже не одного рода, не только вида, въ разныхъ мѣстахъ. Или одна трава, смотря по мѣсту, носитъ множество, по б. ч. въ учебникахъ неизвѣстныхъ, названій.

Л ѣ ч е н і е. Конечно, нельзя отвергать, что человѣкъ чуть ли не въ дикомъ состояніи могъ выработать нѣкоторые пріемы, напр. засыпать землей, золой раненія хотя бы съ цѣлію остановки кровотеченія или высасываніе яда изъ раны, вылизываніе изъ глаза, или прикладываніе свѣжихъ листьевъ къ болящей ранѣ. Но не забудемъ, что и теперь дикарь равнодушенъ къ болямъ, а тогда у человѣка не было еще такого множества чувствительныхъ нервовъ, слѣд. онъ, какъ теперь младенецъ, былъ мало чувствителенъ къ боли. Говорятъ (Буслаевъ), что человѣкъ могъ тогда перенять отъ животныхъ понятія о цѣлебности нѣкоторыхъ растеній, напр. собакъ. Едва ли такъ. Это наблюденіе онъ могъ сдѣлать лишь послѣ прирученія кошки, собаки; но много раньше этого онъ былъ уже травояднымъ, ѣлъ мягкую подкорную часть дерева, копалъ и ѣлъ множество корней. Кромѣ того, онъ могъ лишь замѣтить фактъ поѣданія не травоядными иногда извѣстныхъ травъ, но сужденія объ ихъ цѣлебности, хотя бы тогдашній человѣкъ и былъ способенъ къ такому отвлеченному мышленію, было бы чистѣйшей выдумкой, предположеніемъ лишь, какъ и теперь; ибо лѣкарственное дѣйствіе растеній не очевидное для каждаго и явленіе могло быть понятно лишь много позднѣе знающему врачевство наблюдателю въ пору уже высокаго умственнаго развитія. Какъ первобытные народы думаютъ, что всѣ свои изобрѣтенія получили отъ боговъ и непремѣнно къ тому дѣлу приставленныхъ, такъ мы сваливаемъ всѣ первоначальныя заимствованія у природы или плоды думы, на народъ. Конечно, онъ участвовалъ въ этомъ, но лишь почти т. ск. молча, т. е. принятіемъ ко всеобщему руководству и сохраненіемъ въ обычаяхъ изобрѣтеній—людей умѣлыхъ—единицъ, или забываніемъ вычеркивалъ ихъ изъ жизни. Но изобрѣтеніе, находки принадлежали единицамъ. Какъ и теперь васъ чуть не въ каждомъ селѣ для разъясненія всего, что выходитъ изъ обычнаго круга понятія крестьянина, пошлютъ къ т. наз. умственному человѣку села, такъ и во всѣ времена существовали такія исключительныя личности. Они не вызывались обстоятельствами, а были т. ск. самородками и часто съ неширокимъ кругомъ своихъ знаній, но могли создавать полезное при случаѣ, т. ск. невзначай, когда необходимость возбуждала мозговую дѣятельность. А какъ знанія накопляются преемственно, то такія личности, конечно, часть своихъ знаній получали отъ старшихъ и, въ свою очередь, передавали ихъ младшимъ, пока наконецъ условія быта и зародившаяся надобность не обратила ихъ знаніе въ ремесло. Также правдоподобно и передаваемое за истину однимъ врачебнымъ историкомъ сказаніе, что клистиръ мы научились ставить у птицы ибиса. Наблюдательный жрецъ могъ это замѣтить, но такимъ ли путемъ оно вошло въ науку—мы не знаемъ. А покойный Г. И. Сокольскій не безъ основанія говорилъ, что «науку составляетъ не то, что люди думаютъ, а то, что они знаютъ и до чего они дошли».

Лѣкарства вообще звали: Ве(и)щетинье Олон. губ.; ворожба Сиб.; зелье Смол.; коренье,—решки; лѣко,—ка Кур., Вор.; пòсобь—сòбины Вол., Арх.; сдоба Вят.; снадобье; сподòба Вят.; трава** (кор. тръ).—Какъ на особыя необычныя лѣкарства укажу: Бѣлужій камень, бѣшеное (бѣсово) яблоко — euphorbia; бѣшеная вишня — atropa belladona; горушица — горчица; лисій сахаръ—сулема Сиб.; перелойная травка — parnassia palustris; попутникъ, будто воскрешающій; пьянишникъ, опьянъ (не опійный ли препаратъ?); сонное зелье, чечуйникъ. Виды употребленія лѣкарствъ: водица (наливка), водка (настой); задникъ (свѣчка); масть; мальханъ—отъ араб. мерхемъ въ говорѣ мельхемъ, но и это названіе появилось уже въ Московской Руси и едва ли было въ ходу межъ народомъ; прашекъ, примочка. Ѣдна́ было скорѣе способъ лѣченія отъ ломоты и паралича: на больное мѣсто клали

зажженный трутъ и потомъ заживляли рыбьимъ жиромъ, какъ окуръ травами или сидѣть въ травахъ отъ венерической болѣзни (Вор. губ.) значило пить настой въ теплѣ. Наши предки употребляли для лѣченія и заволоки** и кровососные рожки* и пьявицъ*. Были у нашихъ предковъ и богадѣльня (Бога — деля) и убогій домъ, было божедомское (въ смыслѣ больничнаго) имущество. Больницы же едва ли были, если не считать больницы, построенной, по сказанію норвежской саги, дочерью князя Игоря, Ольгой, гдѣ уходъ за больными порученъ былъ женщинамъ. Слово больница стало встрѣчаться въ XVII вѣкѣ, да и то не въ народѣ. Еще попадается въ церковныхъ книгахъ слова цѣлебница, врачебница въ этомъ смыслѣ, безъ указанія гдѣ. Врачилище же — плохой переводъ врачебной школы. Оно и понятно, общественное мнѣніе не дерзало больнаго, и безъ того уже наказаннаго Богомъ, лишать послѣдняго блага — семейной обстановки; да и родовой быть на столько былъ крѣпокъ, что и семья и представитель рода сочли бы себя обиженными не только за родича, но и за раба, этимъ лишеніемъ ихъ права ухода. Одни, слѣдовательно, изгои, церковные люди, да совсѣмъ неимущіе могли попадать въ учрежденія, если таковыя были, замѣнявшія больницы. То были богадѣльни, монастыри съ ихъ банными строеніями. Бани же почему-то и теперь, напр. во Владим. губ., зовутся Якольницами. Названіе за давностію лѣтъ утерявшее смыслъ. Подъ именемъ лѣкарни понималась аптека. Т. к. до Ивана Грознаго слово аптека—карь не встрѣчается. Поэтому почтенный Буслаевъ едва ли правъ, относя къ VII вѣку литовскую сказку «Плотникъ, Перкунъ и Чортъ», заканчивающуюся грубой насмѣшкой надъ аптекарями, которые будто продаютъ чортовъ пометъ подъ видомъ лѣкарства (Ист. рус. народ. словес. 336). За больными на дому у нашихъ предковъ ухаживали «подавалки» Пс., Тв. губ. Бѣдность содержанія всего вышесказаннаго прямо говоритъ за то, что не въ этихъ лѣкарствахъ была главная суть. И дѣйствительно, въ заговорахъ мы встрѣчаемъ богатый запасъ народнаго лѣченія.

Первобытное народное врачевство состояло въ произношеніи молитвъ и заклятій, въ призывѣ боговъ исцѣлителей, въ изгнаніи демоновъ и въ совершеніи различныхъ символическихъ и жертвенныхъ обрядовъ (?). Все это было дѣломъ исключительно религіознымъ. Древнѣйшія имена лѣкарей означали жертвоприносителя, заклинателя, колдуна. Врачебное искусство ограничивалось знаніемъ заговоровъ (?). Всякій заговоръ составленъ мѣрнымъ языкомъ, всякій имѣетъ вступленіе, содержаніе и заключеніе. Языкъ заговоровъ измѣнялся (жилъ) издревле, какъ и языкъ сказки. Заговоры, созданные во времена христіанства, когда уже народомъ забытъ смыслъ языческаго мифа, легко отличаются по несообразности содержанія съ словомъ. З а г о в о р ъ есть выраженное словами пожеланіе, съ извѣстнымъ обрядомъ или безъ него, — пожеланіе, которое непремѣнно должно исполниться. Это, пожалуй, и не молитва, такъ какъ во многихъ заговорахъ нѣтъ божества, но въ заговорѣ можно отличить вѣру въ возможность навязать свою волю божеству, человѣку, предмету и пр., и вѣру въ человѣческое слово, какъ могучее средство навязать кому-либо или чему-либо свою волю. Эти оба вѣрованія присущи уму человѣка на извѣстной степени его развитія — во времена (фетишизма) всебожія. И въ начинающихъ уже складываться религіяхъ мы найдемъ эту вѣру въ возможность навязать свою волю. Въ это время и могли появиться заговоры. Чѣмъ же обусловливалась эта вѣра? Кажется, взглядомъ первобытнаго человѣка на причину, которую онъ отвлекаетъ отъ явленія; съ другой стороны ему достаточно частаго слѣдованія другъ за другомъ двухъ явленій, чтобы первое изъ нихъ принять за причину втораго. Отсюда уже одинъ шагъ къ убѣжденію, что, произведя произвольно причину, мы получимъ ея слѣдствія. Такая вѣра — и далеко не на первой степени развитія — въ видѣ возможности возвыситься надъ законами природы, овладѣть ею, породила въ средніе вѣка астрологію и алхимію. О вѣрѣ въ слово мы говорили уже. Обращаясь къ заговору въ частности, встрѣчаемъ непремѣнно имя заговариваемаго, цвѣтъ шерсти животнаго, такъ какъ, владѣя именемъ, врагъ владѣетъ лицомъ. Во многихъ заговорахъ нѣтъ обращенія къ существу; они состоятъ лишь изъ сравненія желаемаго съ чѣмъ-либо подобнымъ. Желая, напримѣръ, произвести небесное явленіе, человѣкъ дѣлаетъ подобное на землѣ — similia similibus curantur. Первобытный человѣкъ былъ убѣжденъ, что не только существующее на самомъ дѣлѣ, но и существующее

лишь на словахъ должно произвести другое подобное на дѣлѣ. «Какъ земля сыплется» и при этомъ самъ сыпалъ землю. Вся вѣра въ силу заговора, конечно, основывается на вѣрѣ въ слово. Дѣйствіе при заговорѣ, по крайней мѣрѣ въ началѣ ихъ созданія, имѣло второстепенное значеніе, а вся сутъ само пожеланіе. Въ концѣ почти каждаго нашего заговора встрѣтимъ такъ-наз. замокъ — «слово мое крѣпко». Сила заговора первобытнаго человѣка опиралась на вѣру въ слово, а позднѣйшаго человѣка, потерявшаго эту вѣру, опирается на буквальность (формализмъ), на точное произнесеніе и соблюденіе обряда. Это первое и послѣднее слово заговора, а звеньями этой цѣпи были попытки осмыслить утерянное народомъ значеніе, напримѣръ, въ замкѣ — «не я говорю, выговариваетъ сама Матушка»... и пр. Власть и сила знахаря уже подкрѣпляется властью и силой высшей, когда прежде знахарь почти диктовалъ свою волю божеству. Когда жрецъ произносилъ самъ заговоры, онъ просто выгонялъ именемъ Бога болѣзнь, а младшій ему сталъ добавлять: «слово мое крѣпко». Когда же сталъ заклинать простой смертный, теряющій уже вѣру въ слово, т. е. въ свою силу какъ не жрецъ, а особенно женщина уже стала добавлять; «не я говорю, а говоритъ тотъ-то». Занадобился уже ключь и замокъ. Часто заговаривая, совершается извѣстное дѣйствіе, но есть заговоры (обряды) и безъ словъ. Теперь кромѣ заговоровъ, сила коихъ основана на вѣрѣ въ слово, есть уже заговоры, коихъ сила основана на извѣстномъ дѣйствіи, но они уже болѣе чары, чѣмъ заговоры. Теперь уже во многихъ заговорахъ дѣйствіе составляетъ сущность, неотдѣлимую отъ него. Но есть болѣе общія, такъ ск. приросты, напр., сдуваніе и сплевываніе — оба они, м. б., указываютъ на то что болѣзнь именно такимъ образомъ и произошла, и потому требуетъ такого же лѣченія. Оттуда, м. б., и наше высасываніе.

Одинъ объяснитель заговоровъ говоритъ, объ обычномъ началѣ б. ч. заговоровъ: «Встану я, рабъ Божій, благословясь» и пр. и пр. Вѣроятно, совѣтъ знахаря встарь совершаемый буквально, а теперь, конечно, не исполняемый, но уже успѣвшій слиться съ заговоромъ, какъ часть съ цѣлымъ. Позволю себѣ не согласиться съ этимъ, уже потому, что и въ устахъ знахаря эти слова такимъ толкованіемъ нисколько не объясняются. Не ближе-ли будетъ къ цѣли, предположить, какъ это хорошо выясняется при болѣе глубокомъ изученіи всѣхъ заговоровъ въ ихъ общей совокупности, что эти слова въ раннее время вѣры въ слово всегда говорилъ самъ жрецъ. Откинувъ всѣ приспособленія къ христіанскому смыслу и всѣ позднѣйшія измѣненія отъ утери народомъ смысла, мы получимъ, набирая, т. ск., по слову изъ каждаго заговора, примѣрно такой, т. ск., идеальный, первобытный текстъ этого вступленія: «Стану я (имя рекъ) на восходъ солнца лицомъ на заходъ хребтомъ (заговоръ 140, у Майкова), умоюсь утренней росой (зарей) и пойду изъ избы въ двери, изъ дверей во дворъ, изъ двора въ ворота, изъ воротъ въ чисто поле (метаф. земли), въ восточную сторону или подъ утреннюю зарю, подъ частыя звѣзды, подъ свѣтелъ мѣсяцъ, подъ ясное солнце, къ синему морю, на томъ морѣ островъ (Буянъ, или плаваетъ бѣлый гоголь), на томъ островѣ лежитъ бѣлъ горючь камень златырь, а на немъ стоитъ самъ матеръ человѣкъ тугимъ желѣзнымъ лукомъ подпирается, калеными стрѣлами обтыканъ и пр. Или на томъ камнѣ дубъ (три дуба, три кита, три кедра, три орла, три сестры) ни нагъ, ни одѣтъ, на немъ птица съ желѣзнымъ клювомъ и желѣзными когтями. Или подъ дубомъ лежитъ черное баранье руно, а подъ чернымъ руномъ змѣя мѣдяница, всѣмъ змѣямъ царица — Елица». Если припомнимъ культъ первобытнаго (скифскаго) русскаго человѣка, обоготворявшаго природу. Если возьмемъ въ разсчетъ, напримѣръ, Заонѣжскія повѣрья и теперь живущія, по которымъ земля кромѣ людей населена несмѣтнымъ множествомъ б. ч. невидимыхъ существъ—духовъ, однако, не благихъ. Это не діаволы, человѣконенавистники нашей религіи, а бывшіе языческіе геніи, по природѣ близкіе къ человѣку, лишь сильнѣе его — это домовики (умершіе родители), лѣсные старики, водяники, водяныя женщины и т. п. Во всѣхъ нихъ и до сихъ поръ вѣритъ народъ. Религія развѣнчала ихъ изъ боговъ, но не лишила власти, потому, вѣроятно, что культъ ихъ былъ не общественный, а семейный. Это повѣрье важно для врача, потому что изъ него вытекаетъ народное воззрѣніе на англійскую болѣзнь. Дѣти съ кривыми ногами, видите-ли, рождены тѣми духами, ко-

торые, укравши здоровыхъ людскихъ дѣтей одного возраста съ своими, замѣнили ихъ своими кривоногими. По всѣмъ этимъ станціямъ, по которымъ идетъ заговорщикъ, жили, какъ извѣстно, особые духи: домовой подъ печкой (семейный жертвенникъ), подъ порогомъ свой, на дворѣ свой, подъ воротною вереей тоже, и всѣ, для защиты уважающихъ ихъ. Теперь мы недалеко отъ предположенія, что жрецъ, взывая къ Божеству съ надеждой на исполненіе своей воли, выставлялъ, въ видѣ права на то, какъ бы свои заслуги, что онъ со всѣми, какъ семейными духами, такъ и общегосударственными богами—планетами и пр., живетъ въ ладахъ, т. е. уважаетъ ихъ всѣхъ, отъ мала до велика, поэтому взываетъ къ ихъ общей совмѣстной помощи. Т. обр., это начало заговора становится какъ бы символомъ всей вѣры тогдашняго человѣка. Оттуда самое произнесеніе заговора было нѣкотораго рода торжественнымъ служеніемъ божеству. Ставъ на эту точку зрѣнія, будетъ понятнымъ смыслъ заговора, и многое въ нихъ объясняется. Заговоръ, слѣдовательно, исповѣданіе вѣры, какъ сказка — житейская философія, пословица—нравственный законъ, всѣ изложенныя поэтическимъ языкомъ—метафорами или, пожалуй, мифами.

Переходя къ частному разбору заговора во врачебномъ лишь смыслѣ и оставивъ всѣ другія его стороны, замѣчу, что прежде всего человѣкъ естественно встрѣтился съ наружными поврежденіями, кои лѣчилъ, какъ отъ видимой причины, механически, но кровотеченіе было выше его силъ и потому заговоры отъ крови должны были явиться первыми по времени. Тѣмъ болѣе, что у всѣхъ почти народовъ первыми лѣчителями были представители ихъ (кажется, врачъ и жрецъ отъ одного корня чар) вѣрованій и міровоззрѣнія. Затѣмъ человѣкъ, перебирая растенія для пищи, узналъ ядовитыя изъ нихъ, какъ встрѣтился и съ ядовитыми звѣрями; потомъ уже знакомство съ болѣзнями и на первомъ планѣ зубныя боли, какъ болѣе частыя, общія, въ понятіяхъ же о лихорадкахъ человѣкъ совмѣстилъ уже, т. ск., всю свою патологію. Въ этомъ порядкѣ, который подтверждается и древностію заговоровъ, я и буду разсматривать заговоры, дѣля ихъ въ такой постепенности. Сначала заговоры съ обращеніемъ къ однимъ силамъ природы, потомъ, съ примѣсью христіанскихъ началъ, когда силы природы замѣнены христіанскими именами лишь механически. Затѣмъ заговоры—сравненія. Хотя бы ихъ слѣдовало поставить въ началѣ, такъ какъ они явились еще во время несложившихся религіозныхъ языческихъ понятій въ полное цѣлое, но въ большинствѣ изъ нихъ явилось позднѣе обращеніе къ зарѣ и проч., или, можетъ быть, они лучше исчезли изъ памяти народной, не сохраняемые религіозными представителями. Въ концѣ же заговоры — лучше молитвы — почти безъ примѣси язычества. — Въ моемъ распоряженіи было 428 врачебныхъ заговора, взятыхъ, за исключеніемъ сходныхъ и варіантоиъ у Майкова, Рыбникова, Ефимовскаго, Тихонравова, Сахарова, Щурова, Калачева, Буслаева, Афанасьева, Пѣтухова [1]), Уваровскаго лѣчебника № 231 и нѣсколько собранныхъ мной. По числу они распредѣлены такъ: отъ кровотеченія—62; укушенія змѣей — 31; лихорадокъ — 46; зубовъ — 60; уроковъ, призоровъ и пр.—70; грызи, простуды — 20; нервныхъ — 25; болѣзней и новрежденій кожи — 30; дѣтскихъ и женскихъ болѣзней — 18; глазныхъ — 9. Собирая травы — 1.

Отъ кровотеченія заговоры. На первомъ мѣстѣ, конечно, стоитъ древнѣйшій, м. б., изъ всѣхъ нашихъ заговоровъ, по крайности врачебныхъ, дышащій поэзіей сѣдой старины—это отъ кровотеченія. «Зъбасалися, сцѣпалися два высоты вмѣсто;—стыкася, сростися тѣло съ тѣломъ, кость съ костью, жила съ жилой. Запекись та рана у N (имрекъ) въ 3 дни, въ 3 часы, не болй, не свербй, безъ крови, безъ раны, (Савваитовъ, Буслаевъ, Майковъ 168). Вставка же: «запечаталъ самъ Христосъ во всякомъ человѣкѣ печать», конечно, позднѣйшая, т. к. Буслаевъ по сравненію съ нѣмецкой относитъ ее ранѣе, чѣмъ къ VIII в. Хотя не отвергаю, что м. б. «запечаталъ самъ матеръ человѣкъ», но тогда эти слова были бы замковыя и помѣщались бы непремѣнно въ концѣ всего заговора. Подтвержденіемъ моихъ словъ служитъ заговоръ отъ кровотеченія

[1]) Онъ говоритъ, что у Пыскорскаго священника Андрія Акинфіевича Попова много собрано ваговоровъ и приводитъ изъ нихъ два.

(Сахар. 27), гдѣ идетъ старецъ, всѣмъ старцамъ старецъ и несетъ печать. Высокоуважаемый профессоръ Буслаевъ озаглавилъ его отъ «ушиба и вывиха», что несовсѣмъ точно, т. к. ни при томъ, ни при другомъ ни запекаться, ни сростаться нечему. Этотъ заговоръ представляетъ чистый типъ сравненія. Затѣмъ въ 12 заговорахъ на островѣ Буянѣ стоитъ дубъ (избушка, свѣтлица, церковь, береза вверхъ кореньями), подъ тѣмъ дубомъ сидятъ три (двѣ, позднѣе одна и даже въ одномъ заговорѣ 9) дѣвицы, въ иглы булатныя вдѣваютъ льняныя нитки (позднѣе одна льняная, другая шелковая, когда славянамъ сталъ знакомъ шелкъ) и зашиваютъ раны. Даже выходили дѣвицы и за $^3/_9$ земель изъ-за $^3/_9$ людей и выносили иглу съ ниткой. Во всѣхъ 12 еще нѣтъ собственно обращенія къ дѣвицамъ за помощью, а просто слова: «ты нитка не рвись (или порвись) руда уймись» служатъ какъ бы замкомъ, т. к. лишь въ двухъ заговорахъ встрѣчаемъ «слово мое крѣпко». Въ одномъ заговорѣ, гдѣ 9 дѣвицъ съ шилами и молотками куютъ бѣлъ горючъ камень (алатырь), «какъ изъ камня нѣтъ крови (въ друг., какъ изъ камня нѣтъ яйца, а отъ утки нѣтъ молока), такъ бы и у N кровь не шла бы». Впрочемъ, и здѣсь въ концѣ «ты черный воронъ воротись, а кровь уймись». Все это позднѣйшія, поэтическія уподобленія. Приведемъ одинъ заговоръ (Майк. 152) цѣликомъ. «На морѣ на океанѣ, на островѣ на Буянѣ на камнѣ сидитъ баба, у бабы 3 дочери, одна съ огнемъ, другая съ полымемъ, а третья руду заговариваетъ. Матушка Пресвятая Б-ца своими духами обдуваетъ. Какъ царь Аддей крѣпокъ, такъ и заговоръ мой крѣпокъ». Затѣмъ въ слѣдующихъ 2 заговорахъ на островѣ Буянѣ уже церковь Климента Папы Римскаго (сосланнаго въ Крымъ и тамъ убитаго) и въ ней св. дѣвица Анастасія разными иглами и шелковой нитью зашиваетъ рану кровавую и ранѣ болѣть и крови идти заповѣдаетъ и ни чѣмъ не прикасается. — Въ 10 слѣдующихъ, переходныхъ, заговорахъ уже не дѣвица, а пресвятая Богородица. Даже въ первомъ (Майк. 144) прямо говорится: «Не дѣвица сіе есть, а Мать Пресв. Б-ца». Она сидитъ на золотомъ престолѣ (въ одномъ съ двумя сестрицами, въ другомъ 3 сестрицы самому Христу дочери, даже въ одномъ малороссійскомъ «ишла пречиста одна зъ Кіева, друга з Чернигова, а третя з Нижина»), прядетъ шелкову кудельку и зашиваетъ золотой иголкой кровавую рану. Замковыя слова почти тѣ же, но въ послѣднихъ заговорахъ уже молебное обращеніе — «зашей рану» и уже, разумѣется, много другихъ примѣсей позднѣйшихъ. Внѣ всякаго сомнѣнія, что эти дѣвицы суть метафоры зари,—подъ вліяніемъ сосѣднихъ греческихъ 3-хъ паркъ, дѣвы, плетущія облака, тучи и пр. Потому такъ настойчиво русскій заговоръ къ утренней и вечерней зарямъ, какъ увидимъ ниже, присоединяетъ 3-ю полуночную. Переходомъ ко второму типу заговоровъ отъ кровотеченія служитъ слѣдующій, напоминающій загадку: «Два брата камень сѣкутъ, двѣ сестры въ окно глядятъ, двѣ свекрови въ воротахъ стоятъ. Ты свекровь воротись, сестра отвернись, братъ смирись, а кровь запрись. Братъ бѣжитъ, сестра кричитъ, свекровь ворчитъ. Будь слово мое крѣпко по сейчасъ, по сію минуту». Чрезвычайно образное уподобленіе тучи, грома и дождя. Слѣдующіе 5 заговоровъ какъ бы объясняютъ его. Въ нихъ на Алатырѣ камнѣ два орла, два брата родные (уподобл. тучѣ) сѣкутся рубятся и межъ нихъ ни руды ни крови. Или 3 ворона-братенька (зоревыя тучи) несутъ ключи замки золотые запираютъ родники и раны кровавые. Или воронъ несетъ чрезъ синё море золотую иглу съ шелковой нитью. Заключеніе у всѣхъ ихъ сравненіе—«такъ бы и у N крови не хаживать, тѣлу не баливать». Характеренъ въ въ одномъ (Сахар. 27) замокъ: «Пухъ земля, одна семья. Будь по моему». — Въ слѣдующей дюжинѣ заговоровъ уже ѣдетъ человѣкъ старъ (или кузнецъ на морѣ, или океанскій царь или св. Петръ) на карей лошади. «Конь бѣжитъ карь, и ты кровь некань». Или «шовъ красный панъ (Іоаннъ Креститель) несъ воды жбанъ, вода разлилась, кровь унялась». Или «шли три лѣки (знахари, лѣкаря) черезъ 3 рѣки, лозу рубали, рожу сажали, рожа не принялась, а кровь унялась. Де сонце всходитъ, тамъ кровь занимаетца, де сонце заходитъ, тамъ кровь запикаетца» (тѣ же 3 зари). Или «шла баба по рѣчкѣ, вела бычка (или собаку) на ниточкѣ, нитка порвалась, кровь унялась, собака пропала кровь стала». Два заговора сравниваютъ съ мертвымъ тѣломъ «какъ у него кровь не течетъ, такъ бы и у N не текла». Два-три заговора—афоризма: «кровь булатъ, мать руда,

тѣло древо». — Остальные затѣмъ съ чисто христіанскимъ направленіемъ, б. ч. самого Христа, или Михаила Архангела, утеряли старый языческій смыслъ. — И въ этихъ 4 группахъ безъ труда отличимъ тотъ смыслъ символа, о которомъ говорили въ началѣ — поклоненіе природѣ. Также ясно выступаетъ постепенность перехода отъ приказа къ сравненію, отъ него къ пожеланію и, наконецъ, къ просьбѣ, переходящей въ молитвословіе. Что касается сопровождающихъ эти заговоры дѣйствій, сначала какъ символовъ, а потомъ какъ основы будущей лѣчебной силы, то въ этой группѣ, по сравненію съ другими, ихъ еще очень мало, всего въ 9 заговорахъ и то въ концѣ, слѣдовательно самыхъ позднѣйшихъ, когда заговоръ сталъ принимать христіанскій обликъ. Но постепенность ихъ ужъ и теперь ясна: 1) дунуть на рану читая заговоръ; 2) дуютъ и плюютъ разъ; 3) тоже трижды, прикасаясь къ ранѣ и кладя мѣдь на нее, чтобы не пухло; 4) обводятъ рану указательнымъ перстомъ три раза; 5) придавить рану пальцемъ дуя и плюя трижды; 6) пригрызать кровь, т. е. читая заговоръ отъ маточнаго кровотеченія, въ концѣ укусить руку и потомъ дочитывать замокъ заговора; 7) стиснуть свѣжую рану пальцами правой руки вдоль порѣза, дуя на нее, и наконецъ, 8) перекрестить рану ножомъ. Общее замѣчаніе. По мѣрѣ утери языческаго элемента, дѣйствія становятся цѣлесообразнѣе, замѣняя символизмъ (прикосновеніе—отъ прикосъ) полезнымъ дѣйствіемъ (сжатіе краевъ раны—что и теперь въ ходу при малыхъ порѣзахъ). О времени появленія этихъ заговоровъ можно лишь вообще принимать, и то приблизительно, исключая перваго и нѣсколько съ дѣйствующимъ старымъ человѣкомъ, которые можно относить, пожалуй, къ бронзовому вѣку. Малая часть остальныхъ много позднѣе пастушескаго быта, даже осѣдлости, однимъ словомъ лишь за сотню, другую лѣтъ до Рожд. Хр. Большинство же близко ко времени христіанства, во время слова о полку Игор., даже въ московскомъ періодѣ русской исторіи. Въ позднѣйшемъ происхожденіи можно сомнѣваться. При царяхъ они лишь прилаживались къ христіанскимъ идеямъ и записывались. Отъ малороссійскихъ заговоровъ вѣетъ новизной, когда понятіе о чортѣ искоренило совсѣмъ вѣрованіе въ родственныхъ духовъ. Черное море часто вмѣсто синяго и нѣтъ отношенія къ причинѣ—огню и водѣ. — Замѣчательно, что въ заговорахъ для остановки кровотеченія почти не встрѣчаются уроки, прикосы, призоры, такъ обычные въ другихъ болѣзняхъ. Что, по моему, также говоритъ за ихъ древность и за то, что, видя физическую причину, первобытный человѣкъ подчинялся ей молча, покорялся неизбѣжному злу. Такъ отъ чумы человѣческой я не знаю ни одного заговора. Знакъ, что человѣкъ сталъ втупикъ предъ такимъ громаднымъ зломъ. Съ другой стороны не будетъ ли это доказательствомъ, что чума явилась сравнительно недавно. А между прочимъ отъ холеры есть заговоръ, конечно, современный намъ.

О т ъ у к у ш е н і я з м ѣ е й. Изъ 31 заг. первые 10 суть видоизмѣненія одного, типъ котораго таковъ: На морѣ океанѣ, на островѣ на Буянѣ (рѣкѣ Орданѣ) стоитъ дубъ (береза, верба), ни нагъ, ни одѣтъ, подъ нимъ липовый (ракитовый) кустъ (борона), подъ нимъ черное баранье руно, а подъ нимъ сидѣла (свила въ немъ гнѣздо, лежала) змѣя, золотая голова (коропія, шкуропея, аспидница, медяница, даже Македоница) Гарафена (сударыня Хевря, царица Елица, Елыня, царь ханъ, царица ханица, лягоще, гадина-младина. Или 3 змѣи сестры Шереса, Росица, Шересперь, Марея, Наталея и мѣдяница, Марія, Марина, Ирина, Катерина, Куфія, Навія, Палія). Наглядное уподобленіе черной тучи и грома. Заговорщикъ обращается къ ней (имена тѣ же, что и зорь): «Зачѣмъ ты (или дѣти твои) укусила? Вынь свое жало или уйми своихъ 12, $^{3}/_{9}$12, сестрицъ — перечисляя ихъ: подколодная и пр. и пр. до 13; или собери всѣхъ подчиненныхъ у ȝ s, найди, кто укусилъ (Одинъ малорусскій заг. съ ироніей перечисляетъ въ числѣ подчиненныхъ змѣй все свое казачье начальство), а не вынешь, напущу на тебя громовую тучу, (застрѣлю тебя каленой стрѣлой, отрѣжу жало, или пожалуюсь царю Давиду, тому человѣку, что въ нідилю возы маже и дрова рубае, Николаю Солунскому) они тебя вобьетъ въ землю на $^{3}/_{9}$ саженъ». Въ первыхъ двухъ заг.: «Если не вынешь, то не пуститъ тебя пѣнь и колода и ракитовъ (липовъ) кустъ»,—слѣдовательно еще мирная угроза. Въ нѣкоторыхъ вмѣсто руна золотое гнѣздо, золотая кровать и на ней змѣя зо-

лютая голова или дѣвица змѣина сестрица или сестрицы (имена смотри выше). Затѣмъ въ переходныхъ къ христіанству обращеніе къ Б-цѣ—2, къ Георгію съ 300 желѣзными мужами на желѣзныхъ коняхъ, къ Михайлу-Рыхайлу и къ самому Христу—3, съ просьбой стрѣлять въ укушенную скотину, выгоняя ять изъ костей, моздей (мозга) жилъ и суставовъ. Есть и въ этой группѣ точно по времени опредѣленный заговоръ—это копія съ сербскаго апокрифа 1423 г., но то уже молитва. Въ предпослѣднихъ трехъ загов. безъ всякаго вступленія: «выходила изъ загоры, изъ бѣлокаменной пещеры широкоперая змѣя, выносила 3 клещи желѣзныя, вынимала жало отъ чернаго гада, отъ пестраго, отъ. .» и пр. Или: «У тебя лютая змѣя лютица домъ въ пещерѣ, а у N въ деревнѣ, тебѣ до дому далеко, а N до неба высоко. Каленый уголь тебѣ въ зубы, а тѣло N неболи». Или: «У тебя во рту капли воды нѣтъ, а у меня море во рту». Дунь и плюнь. Всѣ эти три близки къ заговорамъ—сравненіямъ, по отсутствію вступленія и замка, по своей афористичности. Вообще, во всѣхъ заговорахъ отъ укушенія змѣй отсутствуетъ обычное вступленіе—стану и пойду изъ избы въ дверь и пр., какъ равно и т. наз. замка—слово мое крѣпко,—кромѣ двухъ первыхъ, тоже никакого нѣтъ. Не нужно ли искать причины этого отсутствія въ томъ, что дѣло идетъ не о духѣ, а о живомъ животномъ, т. ск. причинѣ видимой. Ни уроковъ, ни призоровъ и т. п. нѣтъ. Это скорѣе заклинаніе. Или не искать ли причины въ глубокой древности заговора, когда міровоззрѣніе не сложилось еще, жрецовъ было мало. За то же говорило бы и то, что въ Россіи сильно ядовитыхъ змѣй мало, оттого м. б. б. ч. заговоровъ нашихъ и относятся къ животнымъ. А м. б. они и заимствованы, какъ сказанные апокрифы. Послѣдній заговоръ такъ поэтиченъ, что приведу его цѣликомъ: «Вӧдъ гадюки. Ой чы не въ того лукоморья зелена лоза! Зелену лозу вѣтеръ сушитъ, вѣтеръ сушитъ, листы разноситъ: одинъ листочокъ у море впавъ; другій листочокъ до серденька припавъ; третёму листочку рану лѣчити, рану кёровати!» По складу рѣчи и по отсутствію всякаго упоминанія о змѣѣ и ея укуса, скорѣе можно этотъ заговоръ приравнять къ заговору отъ раны VIII вѣка: Зъбасилися, сцѣпалися два высоты вмѣсто»... Тѣмъ болѣе, въ Норвежской его редакціи Христосъ прикладываетъ къ ранѣ листокъ. Смыслъ всѣхъ почти заговоровъ отъ укушеній такъ же ясно, какъ и въ загов. отъ кровотеченія, говоритъ о поклоненіи силамъ природы. Дѣйствій, произнося эти заговоры, уже значительно больше, чѣмъ при кровотеченіяхъ—на 31 загов. уже въ 15. Сначала говорить заговоръ, наступя ногою на первый порогъ; 2) дунь и плюнь, а у Ефим. (загов. 52) и рукою на отливъ мацать (?) (не выдавливать ли сокъ или мазать мочей?); 3) очертить ослюненымъ пальцемъ укушенное мѣсто; 4) наговорной водой мазать укушенное мѣсто и давать пить, а если больной далеко, то сказанный апокрифъ совѣтуетъ напоить ею и намазать тожъ мѣсто у того, кто принесъ вѣсть объ укушеніи; или обрызгать наговоренной водой съ солью; 5) водить желѣзомъ по укушенному мѣсту; 6) укусъ трутъ наговореннымъ хлѣбомъ или осиновой корой (3 заг.), потомъ обмываютъ (1 заг.) водой изъ росы, собранной въ ночь подъ Ивана купалу (слѣдов. громовникъ); 7) обводя ранку безымяннымъ пальцемъ, мажутъ ее жиромъ или прикладываютъ творогъ (какъ высасывающее). Т. к. у насъ извѣстенъ въ народѣ и этотъ пріемъ—высасывать ядъ; 8) прикладывать къ ранѣ траву поддорожникъ, читая заговоръ. Здѣсь тоже не трудно замѣтить переходъ отъ дѣйствій чисто символическихъ (порогъ, дуновеніе и пр.) къ болѣе цѣлесообразнымъ, хотя еще символамъ (треніе именно осиновой корой) и наконецъ лѣкарства (поддорожникъ, творогъ, масло).

Заговоры отъ лихорадокъ. Ихъ всѣхъ 44, помимо 2 отъ горячекъ. О тѣхъ ни слова, т. к. найдемъ повтореніе ихъ въ загов. отъ лихорадокъ. Здѣсь, противъ обычая, начну заговорами съ обращеніемъ не къ природѣ, а къ святой христіанской церкви, потому что число ихъ сильно преобладаетъ, имѣя общую фабулу—лихорадки Иродовы дочери и число ихъ въ большинствѣ 12 (въ 14 загов. перечислены имена). Первообразомъ всѣхъ какъ бы служило выписанное Калайдовичемъ у Іоанна Екзарха Болгарскаго, занятые, по словамъ Сахарова, у Павликіанъ «вопросы къ Богородицѣ нѣкоего попа о недузе наз. трасовица». Изъ 3-хъ имѣющихся у насъ экземпляровъ Майк. (103 изъ 7 варіант.), Тихонр. (II, 351) и Пѣтухова (Пр. Р. Вр. 85⁹/₆₀, 12) приведу вы-

держки изъ послѣдняго, какъ болѣе связнаго, хотя м. б. и позднѣйшаго по обдѣлкѣ: «Ст. я бл. пойду перекр., пойду въ чисто поле на восточ. сторону (чего у Майк. и Тих. нѣтъ) на св. море-ок., у того Чернаго моря стоитъ столбъ, а на немъ стоитъ праведный Сысой (и М. и Т. мученикъ Сизаній вышелъ изъ моря) зритъ въ море; море возмутися, вода изыде до облакъ; идутъ изъ моря окаянныхъ 12 женъ простоволосыхъ и безпоясыхъ, виденіемъ діавола. — Что есть вы за жены? — Мы есть, угодницы и племянницы сатаны (у М. и Т. нѣтъ), царя Ирода дочери пришли кости ломать, мучить и пр. и пр. — И помолися Сысой: Г-ди пришли съ неба 3 ангеловъ и архангеловъ (имена) и 4 евангелистовъ (имена). И прислалъ Г. — И вопроси женъ, какъ ваши имена? — 1-я рече, «мнѣ есть Томленая» (затѣмъ каждая говоритъ какими муками она мучитъ людей). Св. Сысой проклялъ ее (какъ и каждую) и запретилъ ходить въ міръ; 2-я Ломота, 3 — Коркота (корчея); 4 — Лютая лютица, 5 — Пухота, 6 — Сухота, 7 — Воздыханіе, 8 — Щепота, 9 — Чахота, 10 — Желтея, 11 — Огненная, 12 — Трясавица. И дали имъ св. Сысой и евангелисты по 300 ударовъ. И молятся жены: «небейте насъ 3 пруты желѣзны и отпустите насъ къ отцу нашему сатанѣ. Егда заслышимъ кто упомянетъ имена ваши, бѣжимъ отъ того и всего рода его за $^3/_9$ поприщь». Въ остальныхъ 25 загов. этого типа разные русскіе святые замѣняютъ св. Сысоя. Что, мнѣ кажется, указываетъ на время появленія если не самаго заговора, то варіанта его, т. к. естественно призывались болѣе извѣстные мѣстные или только что канонизированные святые, какъ напр. Никола Можайскій, Зосима Соловецкій, Артемій Веркольскій, Сергій Троицкій, Тихонъ Задонскій, Пафнутій, Георгій Побѣдоносецъ. Во многихъ загов. вступленіе развито полнѣе, упомянуты всѣ инстанціи (на горахъ Сунящихъ, Ѳаворѣ, Синайск., Аѳонск., подъ дубомъ Мокрецкимъ, Мавританскимъ—рикійск.), даже съ прикрасами, напр. «умоюсь ни бѣло ни черно прѣснымъ молокомъ (припомнимъ: стоитъ дубъ ни нагъ ни одѣтъ), утрусь ни сухо ни мокро маковымъ цвѣтомъ». Заговаривающій прямо проситъ святаго прогнать 12 Иродовыхъ дочекъ а въ заключеніи самъ гонитъ ихъ въ болота трясти камыши, въ лѣса, гнилыя колоды и въ желтые пески, въ Черное море или стращаетъ тѣмъ, что святые будутъ бить желѣзными прутьями, сѣчь головы и пр. Въ 6 загов. 12 женъ не названы Ирода дочерьми, а въ нѣкоторыхъ не упомянуто число ихъ. Въ двухъ (Колыч. 56) названы по именамъ 7 дочерей а въ 3-мъ лишь число ихъ 7: Лилія, Харторія, Зыгрея, Невея, Тухія, Нежія, Жиднея и старшая имъ Трясавица, или (Щур. 163): Лилія, Нивія, Христина, Ежея, Хулія, Мидія, Невунія-огненная, какъ въ другомъ загов. кромѣ 12 названа 13-я мать ихъ Соломея. Въ двухъ указано число лихорадокъ 77. Аврамъ посылалъ Самсона выгнить ихъ въ камыши. Зная, что славяне изстари считали парами, сороками, что излюбленное народное число въ сказкахъ, напр. $^3/_9$, мнѣ кажется съ большой вѣроятностію можно предположить, что числа 7 и какъ кратное его 77 указываютъ на заимствованіе у другихъ народовъ, тѣмъ болѣе, что въ перечисленныхъ только 7 именахъ Лилія и Харторія не славянскія, хотя Навье и Нежить русскія — смерть; Тухія м. б. испорченная Пухнея, а Жиднея сопоставляется съ заг. (Ефим. 35), гдѣ при распятіи Христа жидъ трясся. Изъ тѣхъ шести заговоровъ, въ которыхъ 12 кумухъ не названы Иродовыми дочерями, лишь въ вышесказанномъ апокрифѣ Тихонр. да Майк. 104, гдѣ лихорадокъ изгоняютъ святые Сисаній, Зиновей и Филипъ, а въ остальныхъ обращаются прямо къ зарѣ (Афан.) или вмѣсто ее къ Богородицѣ (Майк. 115), или къ самимъ лихорадкамъ (М. 111), предлагая имъ 12 пирожковъ на перекресткѣ, и поэтическое обращеніе къ землѣ (Сах. Дн. кн. VII), разсыпая яшневую крупу на 4 стороны на томъ мѣстѣ, гдѣ влѣзла кумуха: «Прости сторона мать сыра земля вотъ тебѣ крупица на кашицу, вотъ и тебѣ кумаха». Заговоры естественно много болѣе древніе Сысоевскихъ, хотя вѣроятно и не того времени, когда жрецъ диктовалъ свою волю божеству. Въ нихъ ясна не утрата вѣры въ слово, а наивно дѣтское обращеніе къ природѣ, когда инстинктивно чувствовалась человѣкомъ близкая съ ней связь. Что, по моему, говоритъ за первобытную ихъ древность, когда божество еще не олицетворялось и не дробилось, а кумухи были свои же родичи покойника,—души тѣхъ покойниковъ, которыхъ погребали, сажая на деревья близъ его жилища. Во всякомъ случаѣ число 12 древлеславянское

раньше апокрифическихъ Иродовыхъ дочерей. Его же мы встрѣчаемъ и въ загов. отъ укушенія змѣей, отъ кровотеченій и встрѣтимъ позднѣе въ загов. отъ уроковъ, призоровъ и пр. Слѣдовательно, исключительно къ однѣмъ 12 лихорадкамъ его относить нельзя. Въ такомъ случаѣ какой же смыслъ его? Изъ болѣе подробнаго знакомства съ именами лихорадокъ ниже мы замѣтимъ наклонность связывать ихъ съ временами года, какъ мѣсячное время съ фазами луны.—«Чтобы зубная боль не возвращалась ни на вѣтху мѣсяцу ни на молодику, ни на полномъ ни на перекроѣ и изошлыхъ дняхъ» (Мак. 62). Самое естественное, по моему, предположеніе, что число 12 представляетъ 12 солнечныхъ мѣсяцевъ года, а часто прибавляемый 13-й есть лишній лунный мѣсяцъ. Но толкованіе это говоритъ, какъ и многое увидимъ впередъ, что заговоры составлены не массой, не обычнымъ людомъ — хотя въ древности образованіе или лучше знанія были распредѣлены несравненно равномѣрнѣе, чѣмъ теперь —, а составлены, говорю я, исключительными личностями, соотвѣтствующими современнымъ ученымъ. Людъ могъ создать лишь поэтическое малословное безформенное обращеніе, въ родѣ напр. такого: «Прости мать сыра земля въ чемъ я передъ тобою согрѣшилъ» или вышеупомянутые «листочокъ, что въ море упавъ, да къ серденьку припавъ, а 3-му листочку рану лѣчить». Болѣе новые охристіаненые заговоры дѣло рукъ грамотѣя, раскольничьяго начетчика или даже духовенства, м. б. монастырскаго, хорошо знакомаго съ писаніемъ. На этотъ мѣсячный характеръ числа 12 есть указанія и въ именахъ лихорадокъ: такъ вешняя (мартъ), листопадная, хотя полнаго списка и не сохранилось, за утерей народомъ смысла многихъ словъ.—Названія, имена лихорадокъ имѣютъ болѣе глубокій для насъ врачей смыслъ, о чемъ скажемъ немного ниже. Изъ остальныхъ заговоровъ отъ лихорадокъ, гдѣ нѣтъ ни числа лихорадокъ, ни именъ ихъ, одинъ принадлежитъ м. б. къ древнѣйшимъ въ родѣ сравненія безъ всякаго обращенія и вступленія: «За дубовымъ столомъ стоитъ трясавица на палицѣ. Ты трясавица невертись, а ты притолка не свихнись ..... ино быть вамъ отъ меня въ большой неволѣ». Послѣ такого т. ск. устрашенія, слѣдуютъ задобриванія. Кромѣ вышесказанныхъ (т. к. ихъ 12 и 77) двухъ загов. съ приношеніемъ лихорадкѣ яшной крупы или 12 пирожковъ, купаютъ больнаго въ отварѣ липоваго цвѣта, а рубаху пускаютъ по рѣкѣ говоря: «на тебѣ ворогу́ша (одно изъ именъ лихорадки), а отъ меня откачнись». Или рѣжутъ яйцо на 77 частей, по числу лихорадокъ, и бросаютъ ихъ имъ въ рѣку черезъ голову съ просьбой оставить больнаго. Или вмѣсто яйца пшено, говоря: «васъ 77, нате вамъ всѣмъ». Или наговоря липовую кору: «отстань отъ меня и плыви по рѣкѣ». Или навязавъ 9 узловъ на веревкѣ, бьютъ ею больнаго, приговаривая: «100 возовъ тебѣ ягнячаго сѣна». Или окуривъ больнаго стружками отъ верхняго обруча съ ведра, надѣваютъ обручъ на шею, поятъ и вытираютъ съ молитвой лицо больнаго виномъ съ золой того обруча, говоря безъ перерыва духа трижды: «Тетка бабка». — Затѣмъ кромѣ трехъ вышеназначенныхъ заговоровъ съ обращеніемъ къ зарѣ (т. к. тамъ число 12) и одного къ матери сырой землѣ, есть одинъ, гдѣ вмѣсто зари, сопровождая атрибутами язычества, просятъ болѣзнь загнать лихоманку за $^3/_9$ земель. — Или 2 заговора стращаютъ сатану-трясовицу, что молитвами святыхъ его загонятъ въ огненную рѣку или пещь. Два заговора съ писаніями Христа къ Петру и Авгарю, а третій съ «Отче нашъ»—ихъ носить на шеѣ, а послѣдній на 3 день сжечь и съ молитвой выпить. Наконецъ, два не заговора, а скорѣе лѣкарства, хотя и съ молитвой. Въ одномъ три дня ѣсть съ молитвой кусокъ корочки съ надписью «Абракадабра», или 3 хлѣбныхъ шарика, въ которыхъ закатаны живыя вши. — Есть даже заговоръ (Тих. 4, III, 80), гдѣ стараются обмануть лихорадку, какъ у чеховъ, увѣряя ее, что больнаго дома нѣтъ. Разумѣется, по характеру заговоровъ б. ч. христіанскаго направленія нельзя и ожидать много языческихъ атрибутовъ въ нихъ. Поэтому обыкновенное прежде «стану я и пойду» и пр. въ полномъ объемѣ встрѣчается въ 5 лишь заговор., да сокращенное въ 3, какъ равно обычное «слово мое крѣпко» заключаетъ только одинъ загов., да однажды ключъ и замокъ. — И въ дѣйствіяхъ, сопровождающихъ заговариваніе, тожъ иной характеръ, хотя дутье въ лицо (1 разъ), смахиваніе и сплевываніе (3) съ выходомъ на зарю еще есть. Затѣмъ бросаніе—лучше пущаніе — по рѣкѣ или ѣды или в-въ наговариваемыхъ (5); умываніе наговорной непочатой водой

или брызганіе. Потомъ завязываніе 9 узловъ (1) — старое языческое—и окуриваніе съ питьемъ же воды. Замѣтьте, какъ окуриваніе, наговоръ, такъ и купаніе—только липы. Наконецъ, хлѣбныя корки и шарики чуть не современныя намъ лѣкарства, хотя «абракадабра» могла быть и съ XVII вѣка. Ношеніе же записокъ молитвъ на крестѣ (3), пепелъ которыхъ пьютъ потомъ и на яблокѣ символическихъ буквъ т̃, в̄, р̄, х̄, нота никосвосъ, которое больной съѣдаетъ, все это относится скорѣе къ молитвамъ, а символическія сопровождаются и не славянскими названіями лихорадокъ. Особенно характерно въ заговорахъ отъ лихорадокъ это вездѣ вода и только вода, и пьютъ, и купаются, и брызгаютъ и наговариваютъ, и пускаютъ все же на воду, и лихорадокъ прогоняютъ въ болота, въ студенцы, святые проклинаютъ ихъ, говоря: «будь ты водяница (русалка)», даже стращаютъ сатану огненной тоже рѣкой. Бьютъ желѣзными прутьями, дубцами лишь въ нѣсколькихъ заговорахъ-молитвахъ. Относительно времени составленія нужно думать, что всѣ они не первобытныхъ временъ, кромѣ 3 къ зарѣ, да и тѣ не стары. Развѣ обращеніе къ матери сырой землѣ подревнѣе.

Взглянемъ теперь на названія лихорадокъ. Изъ 44 заговоровъ отъ лихорадокъ имена встрѣтимъ лишь въ 14, а изъ нихъ только въ 5 встрѣчаемъ иностранныя (б. ч. греческія) названія. Я ихъ считаю болѣе древними, чѣмъ наши русскіе. Во первыхъ, потому, что въ основѣ ихъ старое халдейское число семь, а въ заговорахъ съ 12 назв. послѣднія пять или больше именъ добавлены нашими составителями, славянскими именами. Во вторыхъ, они съ нѣкоторою особенностію, напр., съ названіями по мѣстностямъ—лидійская, мидійская, синайская лихорадка. Что это не простой переводъ русскихъ назв. нашихъ грекофиловъ, ясно изъ того, что переведены лишь нѣсколько именъ въ каждомъ заговорѣ, чего переводчикъ конечно бы не допустилъ, желая увеличить непонятными словами силу довѣрія въ простомъ людѣ, уже помимо того, что вѣрующій избѣгалъ самомалѣйшаго измѣненія. Тѣмъ не меньше я убѣжденъ, что заговоры эти созданы не въ Греціи. Не знаю существовали-ли у грековъ народные заговоры, хотя и не отвергаю, что жрецы въ храмахъ заклинали ихъ, на что какъ будто и указываетъ одно назв. лих.—Тухія (тухейон—храмъ генія покровителя), но въ такомъ случаѣ это такая сѣдая старина, что мѣрять ее можно лишь тысячелѣтіями. Да для нашихъ крымскихъ скифовъ и не было надобности заимствовать въ Греціи, т. к. они отлично владѣя греческимъ языкомъ (въ Афинахъ предпочитались скифскіе педагоги), имѣли матеріалъ—крымскія лихорадки—прямо въ рукахъ. Къ тому же Крымъ служилъ издревле большой дорогой изъ центральной Азіи въ Грецію, по которой не разъ проникала и чума. Если же припомнимъ, что греческіе ученые врачи аттестовали еще во времена Солона скифскихъ знахарей, пріѣзжавшихъ въ Афины, отличными практиками и особенно превосходными діагностами, то не будетъ удивительнымъ созданіе греческихъ именъ въ Босфорскомъ царствѣ сарматовъ, хотя въ основѣ ихъ и лежало, м. б., заимствованное ученіе о болѣзняхъ, извѣстное разумѣется скифскимъ врачамъ. Не нужно при этомъ упускать изъ вида, что въ теченіи вѣковъ названія лихорадокъ естественно измѣнялись, т. ск., стирались, почти до утери смысла. Вотъ эти имена: Апуша (апуос—негніющій), Вефея (вехіос—хриплость), Гуца, Дофелея, Ивуя (ивый—крикъ, евитос—кипяченый), Комлея (компалагео—несу пустыя рѣчи), Котея (котео—согрѣваюсь), Лидія (въ подлин. Лилія, я же читаю болѣе вѣроятно Лидія, въ виду назв. лихор. по мѣстностямъ—лидійская, мидійская, синайская), Мидія (хотя мідіон—позднѣе медіон—назв. лѣкарственнаго растенія), Месарь (мессар—жнецъ, а месаркіон—позднѣе мезентеріон—брюхо), Невунія (наша невія, навія—смерть), Омуга (омег—ядовитое растеніе), Переанда (погубляющая), Рафея (рафа—шовъ), Рунша (руно—копье, дротикъ), Синая (синайская), Тухія (тухеіон—храмъ генія покровителя), Хартарія (бумажная, а м. б., отъ хорта-пса, сопровождающаго Георгія Побѣдон. въ его небесной охотѣ, т. е. громъ со стрѣлами, солнце, огонь), Христина (конечно испорченная Хартарія, ибо это было до Рож. Хр.), Хампой (хамфои—крокодилъ), Хулія, Черокетъ (не испорченное-ли черная), Шамая. Кромѣ вышесказанной особенности—названія лихорадокъ по мѣстностямъ (лидійская, мидійская), которыя, впрочемъ, въ Крыму, лежащемъ на большой дорогѣ, могли быть извѣстны даже лучше, чѣмъ въ самой Греціи, не-

обильной лихорадками, а Синая могло быть измѣненіе переписчикомъ нашей синей. Какъ видимъ характеръ, названій мало отличенъ отъ нашихъ. Тѣ же хрипуша, крикуша, говоруха, полячка, вешняя, нутряная, лютая, колючая, ломея. Только крокодильная, бумажная встрѣчаются въ нашихъ въ видѣ болотной, а храмовая имѣетъ въ нашихъ названіяхъ замѣстителей въ Дидо и Ладо, коими и пополненъ, до числа 12, заговоръ. Гуца, Дофелея, Хулія, Черокетъ, Шамая я не могъ найти значенія, какъ и Вазья дорька—очевидно испорченныя или забытыя слова. Въ расположеніи названій по отдѣльнымъ заговорамъ нѣтъ никакой послѣдовательности, такъ что наши добавленія (трясавица, зыгрѣя и т. п.) не могутъ быть выдѣлены прямо по характеру. Положимъ, и въ нашихъ теперешнихъ заговорахъ въ частности тоже нѣтъ большой опредѣленности. То либо выдающіеся припадки той или другой болѣзней, либо обозначеніе по времени и мѣсту въ тѣлѣ (Майк. 115, Давуница, временная, нутрянка, жильная, костяная, мозговая, денная, ночная, полуденная, полуночная, утрянняя, вечерняя, а въ др. вешняя, листопадная, т. е. осенняя), либо названіе самой болѣзни (корчея, паралея, рожа, сухота, чахота и пр.). Да еще замѣтьте многіе заговоры несомнѣнно сколки съ одного преобладающаго, именно Павликіанскаго. Но взятые вмѣстѣ заговоры въ своемъ общемъ представляютъ совсѣмъ иное значеніе. При первомъ взглядѣ эти названія представляются почти безцѣльнымъ наборомъ словъ (припадковъ), но при болѣе настойчивомъ изученіи изъ за каждаго названія выглядитъ особая болѣзнь, а вмѣстѣ это составитъ всю патологія древняго человѣка—богатый матеріалъ для историка. Изъ котораго я пока выведу, хотя и предполагавшееся прежде, положеніе, что народъ (правильнѣе знахарь) подъ именемъ лихорадки съ первобытныхъ временъ понималъ не перемежающуюся только лихорадку, которой сначала могъ и не знать, а всѣ болѣзни, сопровождаемыя лихорадочными движеніями, по преимуществу повальныя болѣзни, изъ коихъ тифоиды, чума, оспа и др. знакомы были еще Гипократу, т. е. почти за 500 л. до Р. Х.; да нѣсколько нервныхъ и органическихъ болѣзней, которыхъ нельзя было объяснить всеобщей причиной—грызью, хотя и есть лихорадка грызуша. Такъ что нужно думать, что подъ лихорадками понимались всѣ острыя т. наз. теперь внутреннія болѣзни—отъ сумашествія до летучаго ревматизма. Въ этомъ смыслѣ названія лихорадокъ и представляютъ высокое значеніе для историка этнографа. Но страннѣе всего, что мы не имѣемъ почти никакого слѣда заговоровъ отъ издревле извѣстныхъ болѣзней—чумы и оспы. Незнакомства скифа съ этими болѣзнями допустить нельзя, въ виду того, что первыя извѣстныя въ исторіи чумныя эпидеміи шли изъ Азіи въ Грецію чрезъ Крымъ, а оспа на столько была извѣстна въ народѣ, что выработался даже свой особый (слѣдовательно хорошо замѣтили и наблюдали ея предохранительное дѣйствіе) способъ ея привитія, нигдѣ кажется болѣе неизвѣстный—втираніемъ отдѣленія оспинъ особенно въ носовую полость и много раньше, чѣмъ врачи додумались до привитія ея, какъ предохраненія. Мнѣ думается, что народъ и знахари такъ ясно видѣли простое зараженіе отъ соприкосновенія въ этихъ болѣзняхъ, что здравый смыслъ не допускалъ тутъ вмѣшательства духовнаго начала. Или м. б. скорая смертность такъ поражала воображеніе, что человѣкъ терялся. Хотя назв. лихорадки—Черная—и намекаетъ м. б. на чуму, но то единственный примѣръ. Позднѣе правда (во времена олицетворенія) человѣкъ и представлялъ себѣ птицу съ желѣзнымъ клювомъ, которымъ она дѣлала оспинки на тѣлѣ больнаго, а чума, по понятіямъ народа, носила чисто стихійный характеръ во многихъ олицетвореніяхъ, какъ и другія повѣтрія [1]). Какая психологическая причина лежитъ въ основѣ отсутствія заговоровъ отъ чумы и оспы, для меня пока вопросъ открытый. А м. б. со временемъ и найдутся. Трудно допустить, чтобъ чума разумѣлась подъ именемъ огницы (карбункулъ-огникъ), т. к. въ древности язвы отъ оспы, какъ и самая оспа, называлась иногда—священный огонь (ergotismus).

Заговоры отъ уроковъ, призоровъ и пр. Ихъ имѣется 70. Конечно въ нихъ нельзя ожидать много чисто врачебнаго значенія, т. к. взглядъ народа на причины

[1]) (Въ моровую, т. наз. Кипріанову язву, 251 по Р. Х., Григорій Писскій заклиналъ призракъ чумы, являвшійся предъ домомъ, гдѣ будетъ смерть отъ нея).

ихъ довольно уже выяснен выше, но самое число ихъ говоритъ за то что они были въ большомъ ходу. Взглянемъ сначала на 34 заговора собственно отъ уроковъ (урёковъ), призоровъ и т. п., затѣмъ послѣдуютъ 5 отъ сглаживанія, за ними 16 малороссійскихъ, носящихъ особый характеръ, остальные 15 будутъ уже отъ всѣхъ болѣзней разомъ каждый и б. ч. скорѣе молитвы, какъ позднѣйшаго происхожденія. Сначала съ полнымъ обычнымъ вступленіемъ (въ 8 заг.) «на морѣ на океанѣ» и пр.—даже въ одномъ: «въ свѣтломъ небѣ океанъ море, въ томъ морѣ на островѣ 3 горючихъ камня, на нихъ золотой столбъ» и пр.—обращеніе къ стихіямъ (3) грому, водѣ, огню (2), зорямъ (3 жены Аксиньи въ переходныхъ къ олицетворенію загов.), къ растеніямъ (2) съ настояніемъ въ сравнительной формѣ (13), или съ угрозами (2) уничтожить уроки и колдуновъ, замыкая (12) крѣпкимъ, лѣпкимъ (6) словомъ. Затѣмъ съ сокращен. вступл. (10) является матеръ (5) человѣкъ (мужъ) иногда синь (золотъ, серебр.) съ синимъ (золот., серебр.) лукомъ и всѣмъ прочимъ. Его просятъ отстрѣливать уроки и т. п. Постепенно его мѣсто занимаютъ въ переходныхъ (11) загов., Илья, Георгіи Побѣд., Мих. Арх., даже Енохъ и др. Никола, черный попъ, вымахиваетъ уроки рукавицей и наконецъ самъ Христосъ съ тѣмъ же лукомъ, копьемъ, мечемъ выстрѣливаютъ, выбиваютъ, колятъ уроки и злыхъ людей, строятъ стѣнь (тынъ), проводятъ огненныя рѣки и пр. Богородица выметаетъ уроки помеломъ; пока не переходятъ совсѣмъ (5) въ молитвы. Просятъ и щуку съ желѣзными зубами, булатнымъ (2) хвостомъ. Мугая птицу или черную птицу (2) желѣзн. клювомъ и когтями (даже $^3/_9$ такихъ птицъ), выклевать, выцарапать изъ больнаго призоры и пр. и прогнать ихъ въ Мугай стѣпь въ пустыню, въ огненную рѣку, бросить ихъ на медвѣдя для доставленія туда же, наконецъ совѣтъ положить всѣ притки и хитки въ собачью кость, а ту бросить въ море на съѣденіе щуки, чтобы они не возвращались «ни на молоду, ни на полну, ни на перекроѣ (ущербъ), ни на вѣтху (мѣсяца)». Вотъ въ подлинникѣ нѣсколько такихъ заговоровъ. «Батюшка (Майк. 239) ты царь огонь, всѣми ты царями царь, всѣми ты огнями огонь, буть ты кротокъ, будь ты милостивъ. Какъ ты жарокъ и пылокъ, какъ ты жгешь и палишь въ чистомъ полѣ травы и муравы, чашши и трушшобы, у сыраго дуба подземныя коренья, 77 кореней, 77 отраслей, также я молюсь и корюсь тебѣ ка, батюшка царь огонь жги и спали съ N всяки скорби и болѣзни уроки и призоры, страхи, переполохи, нутрены? родимсы, костяны родимсы и суставчаты, одуваны и заболонны, трясучи и ломучи съ ретиваго сердца, съ горячей крови, съ бѣлаго легкаго, съ черныя печени, съ 77 суставовъ и съ 77 жилъ и съ становой и съ перстовой и съ бѣлаго лица и съ ясныхъ очей и съ черныхъ бровей, со всего человѣческа стану». Основа, какъ видите, древня, но языкъ новъ. Почти дословенъ съ этимъ и загов. (Колыч. II, 51), гдѣ вмѣсто огня матушка вода какъ смываетъ берега, такъ бы смыла хитки и притки. Тоже сибирскій заговоръ. Или вотъ небольшой заговоръ отъ скорой доспѣшки (Сах. 59). «Сяду я, пойду из двора во дворъ изъ вор. въ ворота, во чисто поле, въ чистомъ полѣ три дороги. Я пойду въ правую дорогу къ колоню (не испорч. ли посолонь?) во восточную сторону къ океанъ морю. Въ ок. морѣ есть Алатырь камень, на томъ камнѣ стоитъ (самъ матеръ) человѣкъ, онъ стрѣляетъ (изъ лука) по чисту полю и убиваетъ всякія боли. Прошу я N не стрѣлять по чисту полю, а стрѣлять N отъ скорой болѣзни, отъ доспѣшки, отъ осудища, отъ чернаго волоса, отъ бѣлаго волоса, отъ русаго волоса, отъ темнаго волоса и отъ всякаго нечистаго взгляда. Зайду я N въ домъ къ красной дѣвицѣ, у ней топится (теплется) свѣча восковая за темьяномъ, за ладономъ, за кутьей. Попрошу я красной дѣвицы здоровья отъ доспѣшки отъ вешней, полувешней, отъ лѣтней, полулѣтней, отъ осенней, полуосенней, отъ зимней, полузимней, отъ земляной доспѣшки, водяной доспѣшки, отъ стрѣчника и поперечника».—Здѣсь очевидна новая приставка о красной дѣвицѣ—зарѣ—съ кутьей къ древнему матерому мужу. Хотя м. б. она сдѣлана и до времянъ христіанства, но языкъ поновленъ и своеобычно строенъ (или лучше мѣренъ), какъ и во всѣхъ старыхъ заговорахъ.—Во всѣхъ почти заг. отъ уроковъ видимъ ясно выраженными три существенныя части: 1) рядъ болѣзней происходящихъ отъ уроковъ и пр.; 2) рядъ лицъ, производящихъ болѣзни (или т. ск. причинъ б-ней), отъ которыхъ и произносятся заг., какъ и отъ самыхъ болѣзней, и 3) рядъ мѣстностей—т. е. частей тѣла—откуда и просятъ из-

гнать болѣзни. 1 и 3, особено послѣдній, имѣютъ значеніе для врача историка, а 2-й лишь этнографическое.—Народъ считаетъ виноватыми въ его болѣзняхъ: колдуна—нью, еретика—цу, вѣдуна—нью, волхуна, упирцу, блядуна—нью, клевѣтника—ицу, дѣвку самокрутку, дѣвку косатую, бабу волосатую, чернеца—цу, красную дѣвицу, попа, дьяка и дьякона, грамотника всякаго роду русскаго и нерусскаго—70 языковъ, женскаго пола, мужеска пола, дѣвичьяго пола, мальчишьяго, младенческаго, женатаго, неженатаго, двоеженца, троеженца, двузубаго и трезубаго, одноглазаго и разноглазаго, черноволосаго, бѣло-рыже-русо-темно-каре-черемноволосаго, слѣпаго, криваго, слухаго, стрѣшнаго, попершнаго, чистаго, нечистаго, всякаго злаго, лихаго человѣка, отъ злой крови, отъ злой думы, отцовой думы, материной, братней думы, нечистой совѣсти; отъ того кто пытается (испортить) въ окно, въ вискирь, на жерновѣ, у печи, у стрѣхи, подматицій, въ трубѣ, въ сѣняхъ, у двѣри, у воротъ, воротной пяты, подъ замкомъ, подъ задвижкой, на питьѣ, на ѣжѣ, во пиру въ бесѣдѣ и всякой смертной потѣхи. Изъ этого перечня видите, какъ не красна была жизнь древняго русскаго человѣка, когда приходилось подозрѣвать всѣхъ и все, даже воду, землю, вѣтры и вихори.—Что же дѣлало такое множество враговъ древняго человѣка съ нимъ? Они производили уроки (правил. уреки отъ рек — говорить)—чища и призоры (сглаза), озѣпы (отъ зѣвать), позѣвоты, осудыща, пересуды, прикосы, хитки (хитростію) и притки (отъ тыкать)—чища и приткина мать, страхи и переполохи, баенныя нечисти, худобища и меречища, родимыя и напущенныя, щепоту ломоту, икоту—ищу, натужищу, грыжныя и разсыпныя недужища, пострѣлы, нутрян. родимцы, костяные и суставчаты, желтучій, гнетучій, жомуючій, потуготные, позѣвотные, щепотные родимцы, лихія болѣзти (судор.), скорая болѣзнь—доспѣшка, вѣтренные переломы, чахоту, сухоту, ушибиха, грыжницы, красную грыжу (metrorrhagia), бѣлую грыжу (бѣли), черну грыжу, костяную и жильную грыжи, пупную и мудную, внутренній хомутецъ (spondycitis), верховой хомутецъ, килю, подвязную килу (angina submaxillaris), жаба—ища, опухъ, вередъ, чирей, огненный чирей, головную, постельную (т. е. въ лежку), очную, зубную, сердечную, вешнюю, нежитовую, всеразную, огненную, студеную, привиденную, всеименованную, обычную, ужасную немочи, всякую душевную и тѣлесную боли, 12 недуговъ, 12 лихоманокъ, 12 супостатовъ, 12 уразовъ, 12 смертей; повѣтришшо, вѣтроносное язво, неутолимое червіе, падежи. Отъ питія, отъ овощи, нощн. спанья, помысла дня, грѣха вотча и матерна, своего соблазна, отъ юности, возраста, свершенства силъ, сна, лѣности, слѣпоты.—Заговоры съ глазу представлены въ нашемъ собраніи очень неполно, и такъ общеизвѣстны, что кромѣ дѣйствій сопровождающихъ заговоръ, или лучше молитву, нечего о нихъ сказать. Въ чашку съ непочатой соленой водой—щепоть четверговой соли—ножомъ сдѣлавъ крестъ, бросаютъ прямо изъ печи горящихъ угольковъ разной формы (Божій, урошливый и приточный). Этой водой взбрызгиваютъ нечаянно трижды, 3 раза даютъ ее глотать, умываютъ лицо, грудь ли ноги, руки, брызжутъ черезъ 5 пальцевъ, и обтираютъ задомъ рубашки больнаго, завернувъ въ него обрызганную руку. Конечно дуютъ, плюютъ и шепчутъ. Современныя бабки, утерявшія смыслъ слова щепота, замѣнили и слили его со словомъ шепотъ, причисляя часто сей послѣдній къ болѣзнямъ или припадкамъ ихъ. По тому, какой изъ брошенныхъ въ воду углей тонетъ и зѣваетъ притомъ знахарка или нѣтъ, дѣлаютъ заключеніе о причинѣ болѣзни.—Всѣ 16 малороссійскихъ заговоровъ отличаются нѣкоторыми особенностями, пожалуй лишь по формѣ. Почти всѣ они безъ всякихъ языческихъ или молитвен. вступленій, всѣ безъ замка и крѣпкаго слова, также почти всѣ безъ обращенія (кромѣ 3 къ водѣ и 1 къ Богор.). Б. ч. прямо въ особенной формѣ, кою нужно отнести къ сравненію и часто не безъ ироніи, такъ свойственной малороссіянину. Напр. «дай мини настилько помочи, якъ попамъ въ Великъ день добычи». Или (Еф. 96), во и. от. и с. На морѣ на ок. на червонимъ каминю сидѣли два брата (черныхъ ворона русск. заговор.) снидали, обидали, медъ, вино пили. А ты черте говно!» Это, не забудьте, озаглавлено молитва. Много афористическихъ двухъ-трехсловій, какъ бы пословицъ, теряющихъ совсѣмъ форму заговоровъ. Напр. «Соль тоби панна зъ лихими очами». Или «урокы на сорокы, а помыслы на коромыслы» и только плевокъ указываетъ на изгнаніе «въ луга на очерети, болота, за море, де пивень не спива» и пр. — даже говорить

лѣниваго хохла. «На пса уроки, на котя помысли» или просто «цураха поганымъ очамъ!» Самая молитвенность выражена въ особой формѣ: «Ишовъ (Еф. 75) св. Петро и Павло за пречистой Богородицей високихъ горъ ворочаты, внизъ воды спускаты, съ N уроковъ, примовокъ знимаТы чоловичихъ, жоночихъ, паробочихъ, дивочихъ, дитячихъ, витряныхъ, водяныхъ, подуманныхъ, погаданныхъ, а з очей карыхъ, з очей синихъ, з очей красныхъ, з очей билыхъ. Вы зори зоряници, Божи помошнйци, я рѣчью, а ви помочю!..» Часты, какъ обращеніе, къ водѣ Ульянѣ, обмыванія, съ углями даже—бросая $^3/_9$ ихъ навзничь—сравненія съ нею: «какъ ты вода очищаешь луга, берега, такъ очисти и N отъ призора» и пр.,—даже уроки гонятся къ водѣ или въ воду, часто стращая, напр. «Дубе, дубе не лыне! Я тоби зъимъ з гилями зовсимъ. Гамъ! гамъ! гамъ!..». Особны и вступленія мирно политическаго характера съ стихійной (позднѣе съ нечистой) силой. «Добры день! У тебя дѣвка, у меня порабокъ посватаймось». Или «У моря калина (Еф. 74) подъ калиной дивчина, вона не знала ни шити, ни прясти, ни золотомъ гантуваты (въ противоположность зорямъ-пряхамъ русскихъ заговоровъ); тилько вмила и знала уроки и презоры выкликаты и визываты, на лѣса посылаты:—Уроки-урочища! чоловичи, жоночи, дитячи вамъ у N не стояты, жовтыхъ костій ни ломаты, чорвоной крови не пити серця в ёго ни нутыти, билаго тила ни сушити; вамъ ити на мха, на темны луга, на густи очерета, на сухы лиса»! Въ послѣднихъ двухъ заговорахъ менѣе чѣмъ въ другихъ проглядываетъ стихійное начало, а по моему, и во всѣхъ ихъ таже старая общеславянская основа, лишь внѣшняя отдѣлка иная, какъ болѣе новая. Замѣтимъ при этомъ, что тѣ афористическія замовки заимствованы изъ сборника Голембіовскаго, а съ болѣе стихійной подкладкой записаны въ нашихъ юговосточныхъ губерніяхъ. Напр., записанныя въ Мелитопольск. уѣздѣ (Еф. 73): «Иду межъ міръ муромъ мурованная, зорями одягненная, мисяцемъ пидперезанная, пречистая моя тварь, шобъ мэнэ рабѣ Б. N вись міръ бувъ радъ. Я до васъ иду съ перцемъ да зъ пасхою, а ви до мэнэ з щирымъ серьцемъ та зъ ласкою, шобъ ви ни здумалы, ни згадалы лихова слова казать и подумать». — Въ остальныхъ 16 загов. отъ уроковъ, б. ч. отъ всѣхъ болѣзней, мы также ясно замѣтимъ послѣдовательность отъ обращенія къ стихіямъ (4) (земля, зоря, 3 красн. дѣвицы, мѣсяцъ, царь дубъ, птица), переходные заг. (4) съ обращ. къ Ильѣ, Егорію—еще замѣстителю Перуна съ громомъ и молніей, потомъ уже молитвы (4) ко всѣмъ образамъ Б-цы, Мих. Арх.; болѣзни ссылаются въ грязи, пески, болота, куда птица не залетаетъ, и добрый молодецъ не заѣзжаетъ.—Обычныхъ вступленій въ этомъ отдѣлѣ уже лишь 2, замыкаются загов. тоже лишь 2 раза, а крѣпкимъ словомъ даже одинъ разъ, хотя еще сравненій вмѣсто просьбъ 6 и застращиваній 2. Все-таки, по крайности по внѣшности, загов. теряютъ стихійный характеръ, зато выступаютъ рукодѣйствія или лучше посредники межъ словомъ и лѣкарствомъ. Такъ наговор. вода, соль, горящій уголь, (какъ раньше) золу, ножъ, даже крестъ съ горящей восковой свѣчей, и этой водой брызгаютъ, умываютъ, поятъ, окачиваютъ, парятъ въ банѣ. Наговоры на вино, пиво, кремень, огниво, рѣдьку, уксусъ и этимъ въ банѣ ожигаютъ, трутъ (масломъ) и поятъ. Чертятъ кругъ около больнаго безъимяннымъ пальцемъ, сосновымъ сучкомъ, мертвымъ мыломъ (въ заговор. съ сравненіемъ), громовой стрѣлой и потомъ амулетъ — найди кость, ударенную копьемъ, и носи при себѣ; наконецъ спи-трава. Ясенъ, какъ видите, переходъ отъ наивнаго, т. ск., чистаго обожанія стихій ко временамъ, когда развивающаяся жизнь охватила человѣка множествомъ своихъ повѣрій и пожалуй ясны слѣды отупѣнія большинства за счетъ единицъ—знахарей. Приведу нѣсколько загов. или выдержекъ болѣе или менѣе характерныхъ. (Майк. 238) «Земля ты мати не пей крови, не губи дщи! Желѣзо, братъ мой, выйми изъ тѣла болѣзнь, отъ сердца щепоту». Загов. конечно не старый, не смотря на стихійн. характеръ. Т. ск. старые рубли новаго чекана хотя и тѣмъ же штемпелемъ. (Сахар.) «Соль солена, зола горька, уголь черенъ. Нашепчите, наговорите мою воду въ мисѣ для сбрызгиванія. Ты соль услади, ты зола огорчи, ты уголь очерни. Моя соль крѣпка, моя зола горька, мой уголь черенъ. Кто выпьетъ мою воду — отпадутъ всѣ недуги; кто съѣстъ мою соль — откачнутся всѣ болѣсти; кто полижетъ мою золу — отбѣгутъ всѣ лихія болѣсти; кто сотретъ зубами мой уголь — отлетятъ отъ него узороки со всѣми призороками». А вотъ сербскій первообразъ (серб. рук. XIV в.) нашихъ молитвъ

Іоанна Златоуста отъ всѣхъ удъ (Тихон. II, 357, 358, Майк. 235 и др.)... «Отрини всѣ болѣсти от человѣка сего, от глави, от власи, от врьха, от темени, от очи, от вуст., от езика и подезика, от грьтани, от руце, от прьсти, от срдца, от жилы, от телеса вьсего, от вьсех сьставех члновних, от вьнутрь, от езу, от гласа, от юности, от вьсакаго тела N...». Въ нашихъ подражаніяхъ (357, 58, 235 и др.) это перечисленіе мѣстъ болѣзней разрослось въ полную т. ск. анатомію, чѣмъ, по моему, и выдѣляется весь этотъ отдѣлъ. Наши заговариватели отгоняютъ или просятъ отогнать всѣ болѣзни отъ души, бѣла тѣла, буйной гловы смятеніе, моздей (мозгу), верха, темяни, власъ, бѣлаго лица, чела, ясныхъ очей, рѣсницъ, черныхъ бровей, вѣкъ, горючихъ слезъ, ушей, носа, бѣлыхъ зубъ, губъ, устъ, языка, подъязычья, гортани, глаголанія, гласа, шеи, ключей, персей, пазухи, боку, ребра, пупа, хребта, въ спинѣ и крылахъ отягченія, плещу, локтя, рукъ, длани, перстовъ ручныхъ, ногтей, отъ предѣлъ естественныхъ, лона, лядвей, бедру, колѣнъ, стегну, голени, лыстовъ, глезну, ступни, пяти перстовъ ножныхъ, 77(73) суставовъ, 77 жилъ съ поджилками, становой, подколѣнной, подпятной, перстовой, отъ костей, 77 ($^3/_9$ моздей), мозговыхъ костей, съ ретиваго сердца, горячей крови, бѣлаго легкаго, перепоны, черной печени, селезенки, селезени (вѣроятно по сходству цвѣта съ самцемъ утки или отъ слизи), утробы-ища, желудка-ища, разслабленія входа, исхода, въ нутри притѣсненія, въ буйной главѣ туги и смятенія, со всего человѣческаго стану, внѣ уду и внутрь уду. Эту т. ск. анатомическую особенность всего ряда заговоровъ отъ уроковъ и пр. и всѣхъ болѣзней я объясняю немощію народной патологіи понять сущность болѣзни, почему м. б. они частію и приписывались воздѣйствію чужой злой воли. Кромѣ того, въ этомъ рядѣ заговоровъ уже ясно сказывается понятіе о хроническихъ заболѣваніяхъ. Замѣчу, попутно, что какъ въ отдѣлѣ лихорадокъ замѣтно подражаніе (если не полное заимствованіе) болгарскому первообразу, такъ здѣсь подраженіе сербскому. Большинство же русскихъ первообразовъ чисто стихійнаго характера. Переходныя формы съ замѣной олицетвореній именами святыхъ едва-ли не дѣло нашихъ старообрядовъ по преимуществу, лишь частію грамотеевъ, какъ чистыя молитвы м. б. дѣло рукъ и низшаго духовенства. Во всякомъ случаѣ отсутствіе т. ск. внѣшней отдѣлки, большинство переходныхъ формъ и молитвъ заставляетъ предполагать сравнительно позднее происхожденіе цѣлаго этого ряда заговоровъ отъ уроковъ.

З а г о в о р ы о т ъ з у б н о й б о л и. Ихъ 60, что также говоритъ за ихъ излюбленность народомъ, тѣмъ болѣе, что собственно типовъ ихъ всего 5 — 6. По внѣшности они подходятъ къ предъидущимъ, напр. полное вступленіе лишь въ одномъ изъ 59, а неполныхъ 9, замокъ и крѣпкое слово лишь въ 6 и то въ смягченной временемъ редакціи. Обращеній къ стихіямъ хотя большинство, но въ своеобразномъ сравнительномъ видѣ (50), въ коемъ стихіи отходятъ какъ бы на задній планъ. Обращ. къ зарѣ 4 (да въ переходн. формѣ—3 сестры Лазаря, 3 святыхъ=5), къ лунѣ (28) б. ч. сравненія, къ старой матерой старухѣ (паркѣ или судьбѣ), наконецъ къ печкѣ. Этотъ послѣдній такъ своеобразенъ, что приведу его цѣликомъ, хотя собственно это заговоръ не отъ зубовъ, а отъ всѣхъ болѣзней, не смотря на заголовокъ и употребленіе. «Ахти мати (Колыч. II, 52) бѣлая печь (наговариваютъ у печнаго чела)! Не знаешь ты ни скорби, ни болѣзни, ни щипоты, ни ломоты; такъ бы и N не зналъ бы ни хитки, ни притки, ни уроковъ, ни призоровъ, ни щипоты, ни ломоты при утренней зарѣ Марьѣ, при вечерней Маремьянѣ, при полуночной Аграфенѣ». Стало русскіе въ мифич. времена считали печь жертвенникомъ, звали матерью и уважали. «Сказалъ бы словечко, да печь въ хатѣ». Прямо къ мѣсяцу всего 2 — 3 обращенія. Напр. «Мѣсяцъ ты мѣсяцъ, серебряные рожки, златыя твои ножки. Сойди ты мѣсяцъ, сними мою зубную скорбь. Унеси боль подъ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча. Вотъ зубъ, вотъ два, вотъ 3: всѣ твои, возми мою скорбь. Мѣсяцъ ты мѣсяцъ, сокрой отъ меня зубную скорбь». И въ этомъ, казалось, чисто стихійномъ обращеніи къ мѣсяцу, какъ извѣстному и по всей Россіи чтимому зубному врачу (славу котораго потомъ перенялъ св. Антипій), уже звучитъ нотка обмѣна — особаго рода сравненія. Переходныхъ заговоровъ 16 и всего 3 молитвы, устрашеніи, этой древней формы, лишь 4. Остальные всѣ суть чистыя сравненія, и притомъ большинство (28)

въ такой излюбленной формѣ: «Мѣсяцъ (Пѣтух., Прот. Об., 138) ты мѣсяцъ молодой, ты ходишь по всѣмъ царствамъ,по всѣмъ мытарствамъ (на томъ свѣтѣ бываешь); много ты видишь людей живыхъ и мертвыхъ. У кого не болятъ зубы?—У мертваго не болятъ.—Такъ же бы и у N не болѣли зубы». — Это первый типъ зубныхъ заговоровъ. Въ нихъ мѣсяцъ зовется и княземъ и Адамомъ и Арх. Михаиломъ. св. Антоніемъ (3). Съ появленіемъ переходныхъ формъ, т. е. съ обращеніемъ къ святымъ (всегда по 3 въ заговорѣ) Макару, Антонію и Марку, къ Антонію. Іоанну Богослову и Тихону, Аврааму, Исааку и Антипію (3) (не олицетв. ли 3 сестеръ-зорь?); все тотъ же вопросъ предлагается и имъ—не болятъ ли у мертвыхъ зубы. Въ первомъ изъ нихъ своеобразно сравненіе: «Ты Макаръ и я Макаръ. ты Антоній и я Антоній и пр. у васъ (или у мертвыхъ) не болятъ зубы и у меня не будутъ болѣть». Тотъ же вопросъ предлагается 3 сестрамъ Лазаря и самому Лазарю (4), какъ видѣвшему на томъ свѣтѣ или тутъ въ церкви лежащихъ мертвыхъ или 33 мертв. на островѣ на Буянѣ. Петру и Павлу, Каину и Авелю (4). По числу загов. (больше 40), какъ видите, самый излюбленный типъ. Ко второму типу я отношу тоже сравнительные заговоры (8). Примѣръ: «Мѣсяцъ (Ефим. 12) у небѣ, мертвецъ въ гробу, камень у морѣ. Якъ ти три браты до купы сберутся и будутъ бенкетъ робити (припомните подобное же собраніе въ загов. отъ уроковъ), тоди у мене зубы будутъ болѣти». Какъ въ числѣ, такъ и въ олицетвореніи этихъ братовъ конечно есть варіаціи. Вмѣсто 3 ихъ бываетъ пять — и заяцъ въ полѣ и медвѣдь въ лѣсу и щука въ морѣ и камень въ полѣ и червь въ дубу и 3 мѣсяца: одинъ въ небѣ, другой въ морѣ, 3-й на землѣ. Но число 3 (3 зори) преобладаетъ. Въ особый третій типъ я отдѣляю нѣсколько заговор. съ характеромъ обмѣна... «идетъ ко мнѣ навстрѣчу заяцъ (старая баба, волкъ, мѣсяцъ и пр.); нà тебѣ мои зубы (больные), отдай мнѣ свои (здоровые)». Сюда же относится и общеизвѣстная поговорка при выпаденіи дѣтскаго зуба: «Мышка, мышка, на тебѣ мой зубъ (причемъ забрасываютъ его черезъ голову на чердакъ), а мнѣ дай крѣпкій». Есть заговоръ съ характеромъ трехъ кабалистическихъ словъ: «Ангелъ, Авгулъ, Аминь» или «Фалуила, Іулуила, Адалима». Малословіе ихъ вознаграждается вполнѣ дѣйствіемъ — втираніемъ сильныхъ болеутоляющихъ въ зубъ или расковыриваніе зуба до крови сучкомъ, послѣ чего боль конечно унимается. Или, на островѣ Буянѣ стоитъ 3 дерева: Петрій, Хитрій и Кипарисъ, подъ нимъ лежитъ заецъ, которому и передается зубная боль. Замѣтьте, все 3 и 3. Или идетъ т. ск. торговля или обѣщаніе, часто съ прещеніемъ. Найдя мертвую баранью кость щеки или челюсть, просятъ ее взять себѣ зубную боль, за что обѣщаютъ избавить ее отъ мокроты и въ случаѣ удачи прячутъ ее подъ потолокъ. Наконецъ «Матушка-крапивушка, возми ты черьвя изъ моего больнаго зуба, а не возмешь, я тебя выкушу». На этомъ основано народное повѣріе, что всякая зубная боль отъ точащаго зубъ червя. котораго выкуриваетъ знахарка бѣленой и всегда покажетъ его больному.—Не смотря однако на преимущественное обращеніе къ мѣсяцу, зорямъ, на древній характеръ сравненія, весь отдѣлъ зубныхъ заговоровъ не можетъ похвалиться древностію, первобытностію. Это хорошо чувствуется помимо языка и отдѣлки и въ той болѣе цѣлесообразной, даже лѣкарственной дѣятельности болѣе новой и полезной.—Въ общемъ это дѣйствіе, сопровождающее загов., дѣлаетъ тѣ же переходы какъ и въ предъидущихъ загов., но здѣсь болѣе чѣмъ тамъ; здѣсь меньше первобытныхъ стихійныхъ символическихъ; приближаясь значительно больше къ лѣкарственной. Мы видимъ наговоръ у печки постоянно каждый новородившійся мѣсяцъ, плеваніе черезъ плечо, бросаніе черезъ голову на воду, на воскъ, перецъ, чеснокъ, но воскомъ уже затыкаютъ дупло больнаго зуба, чеснокъ (по сходству рожковъ его съ рожками луны) и перецъ и рѣдька уже лѣкарства, раздражающія слизистую оболочку, дѣйствуютъ отвлекая боль; хотя чеснокъ прикладывается кромѣ зуба и къ жилѣ той руки, на сторонѣ которой больной зубъ. Не забудемъ и символич. значенія именно 3-хъ перчинокъ и чесночинокъ. Наговорное вино и соль дѣйствуютъ въ томъ же родѣ. О бараньей кости щеки какъ символическомъ лѣченіи мы уже говорили. Далѣе, при заговорѣ давятъ на зубъ указательнымъ перстомъ — дѣйствіе тоже болеутоляющее; а иногда палецъ предварительно намазывается знахаремъ тайно болеутоляющимъ в-вомъ и задавивъ имъ, на глазахъ больнаго, крота, трутъ тѣмъ пальцемъ десны около больнаго зуба и боль конечно стихаетъ. Наговариваютъ

на осиновый или еловый колышекъ и расковыриваютъ до-крови ими зубы или заставляютъ щепочку отъ дерева, непремѣнно переставленной на новое мѣсто избы, сжать больнымъ зубомъ, причемъ часто вскрывается нарывчикъ десны, послѣ чего въ обоихъ случаяхъ уменьшается напоръ на нервъ больнаго мѣста, нервъ успокаивается и боль стихаетъ. Также дѣйствуетъ грызеніе рябины, говоря: «Рябина, рябина, если не уймешь боль, то я те загрызу»; вѣры въ слово тутъ конечно нѣтъ и слѣда. Тожъ и въ 12 часовъ ночи грызть больнымъ зубомъ камень церковной паперти. О выкуриваніи червячковъ крапивой мы уже говорили. Теперь бабки для того употребляютъ бѣлену, крапива же особенно пригодна для этого фокуса потому, что пестики ея цвѣтка очень напоминаютъ червячка.

Этотъ случай особенно ярко рисуетъ исторію лѣченія вообще. Во времена вѣры въ слово заговоры-прикизы ни чѣмъ не сопровождались. Съ паденіемъ той вѣры въ слово начали примѣшиваться символическія дѣйствія — паденіе заговора — кромѣ замыканія крѣпкимъ словомъ. Затѣмъ выдвигаются будущія лѣкарства и непремѣнно символическія (чеснокъ по сходству съ мѣсяцемъ, сало, кровь, калъ животн., кора дерева и пр., спи трава и множество другихъ). И хотя они еще полны тѣмъ же мифомъ, но исканіе напр. травъ и кореньевъ уже переходъ отъ заговоровъ. Постепенно они уступаютъ мѣсто чисто лѣкарствамъ (испытаннымъ); по мѣрѣ накопленія ихъ слова заговора рѣдѣютъ, оставляя лишь проформа, на время нѣсколько характерныхъ словъ (напр. вступленіе), б. ч. утерявшихъ, за переживаніемъ, настоящій смыслъ (потому м. б. и чтимыхъ народомъ). Наконецъ всѣ слова заговора испаряются и передъ вами чисто народное лѣкарство или лѣченіе, сопровождаемое, лишь въ силу давней привычки, молитвой. Заговоры переходнаго времени отъ болѣзней суть апокрифическія молитвы. Напр. отъ осѣчки мучен. Никону, — лихорадки Сисанію, — зубовъ Антонію.

13 Заговоровъ отъ грыжей. Изъ нихъ одинъ (Рыбн. 16), впрочемъ, есть дословное повтореніе другаго (Майк. 123), только стихами. Отъ нихъ снова повѣяло стариной. Обращеніе къ стихіямъ — 3, сравненій — 2, къ самой болѣзни повелительное или просительное — 3, переходныхъ со всѣми однако стихійными атрибутами — 5, чистой молитвы ни одной. По внѣшности полныхъ вступленій — 3, не полныхъ — 3 на 13 загов., крѣпкое слово. — Старѣйшій по времени вѣроятно слѣд. заг. «Въ чистомъ полѣ стоитъ сырой дубъ, и въ томъ сыромъ дубѣ желѣзный мужъ и того желѣзнаго мужа не можно напоить и накормить ни хлѣбомъ ни солью, ни какими овощми, а накормить его изъ жива человѣка съ сердца грыжею, изъ грудей гр., изъ пупа грыжею. Къ томужъ въ синемъ морѣ Окіянѣ бѣлый камень и отъ того бѣлаго камня выходитъ красная дѣвица, подходитъ къ N, вынимаетъ у него съ сердца...... грыжи, покладаетъ на шелковую ленту и сноситъ къ сырому дубу къ желѣзному мужу и тотъ поѣдаетъ ихъ пожираетъ и тѣмъ желѣзный мужъ сытъ бываетъ». Затѣмъ просятъ золотую щуку выгрызть у N всякія грыжи, предлагая грыжѣ спуститься къ поясу и выйти мочей и шулятами на дресвянъ камень, гдѣ поживъ 3 денныхъ часа, она должна уйти на пустое темное мѣсто, гдѣ люди неходятъ, птицы... и пр., за быстрыя рѣки и пр. — Потомъ самъ Христосъ съ громомъ и молніей и громовыми стрѣлами отбиваетъ отъ N, ожигаетъ, отстрѣливаетъ уроки, винокосы, грыжи и пр. и гонитъ ихъ къ старому атаману (сатанѣ?) подъ пяту, заканчивая сравненіемъ: «какъ самый злой лихой человѣкъ не можетъ своей крови пить, своего мозга сосать, черева изъ своей утробы вынуть, измѣрить морской глубины, земной широты, небесной высоты, такъ бы и N никто не могъ ни конемъ необъѣхать ни дьявольскимъ множествомъ и пр. и пр. Также на калиновомъ мосту чрезъ огненную рѣку старъ матеръ мужъ можетъ съ золотого блюда серебрянымъ перышкомъ у N 70 жильныхъ, 70 костяныхъ, 70 суставныхъ грыжъ съѣсть. Или бабушка Соломея заговариваетъ и выгоняетъ грыжъ изъ избы въ двери, изъ дверей въ ворота и пр... «грызите сѣръ камень въ чистомъ полѣ». Или «грыза ты боровая грыза грызи пенья коренья и въ чистомъ полѣ разгуляйся» (при этомъ 3 раза кусаютъ больное мѣсто, какъ бы стращая). Или приглашается грыжа выйдти изъ N въ чисто поле, гдѣ готовы столы дубовы, скатерти браны, яства медовы, куда грыжу въ гости звали. Затѣмъ

чистыя сравненія: «Какъ у гоголя морскаго (рака, пѣтуха, мертвеца) нѣтъ ни синей ни красной опухоли ни хомута (все внутр. грыжа); какъ старой нянькѣ дѣтей не носить (быть беременной) такъ бы и у N грыжъ не было». Или св. Антоній зубоЛѣчитель съ Кузьмой и Даміяномъ спрашиваютъ мертвое Адамово тѣло не слышитъ ли оно, какъ по немъ ходятъ такія-то и такія грыжи, — такъ бы и у N. Тожъ самое и въ стихахъ (Рыбн. 16). Наконецъ, самый распространенный способъ лѣченія, отъ котораго вѣроятно отпали уже всѣ слова заговора. Заставляютъ мальчика кусать колѣно больнаго, спрашивая — «Что грызешь? — Грызь грызу. — Грызи да гораздо». — Дѣйствій, сопровождающихъ заговариваніе, мало: разъ сплевываетъ бабушка Соломея; разъ наговоръ на теплую воду обданную на деревѣ, — это гдѣ предлагаютъ грыжѣ выйти мочей —; разъ трутъ вѣникомъ въ банѣ и бросаютъ его въ поле на западъ; 2 раза кусаютъ больное мѣсто. Какъ видите, сюда еще не дошли лѣкарства, и самые заговоры сохранились б. ч. лишь въ Сибири и Архангельской губерніи. — Кромѣ названія грыжъ, перечисленныхъ въ предъидущемъ рядѣ загов. отъ уроковъ и пр., здѣсь встрѣчаемъ еще вѣтряную, подпупную, сосцовую, подгрудную, мокрую, заноготную, подкожную, напущенную, отцову, матерну (наслѣдственную), суставную, костяную, ушную, глазную и зубную. Разбирая всѣ названія грыжъ сначала напрашивается выводъ, что подъ грыжами, въ нашемъ теперешнемъ смыслѣ, древній человѣкъ понималъ свои опухоли и собственно выпаденія — бѣлый хомутъ; грызью же звалъ всѣ внутреннія хроническія боли. Но при болѣе подробномъ изученіи встрѣчаешь смѣшенія какъ въ названіяхъ, такъ и въ пониманіи. Вѣроятно, сами составители уже не различали толкомъ, не понимали выжитый, забытый смыслъ древнихъ названій. Благо слова грызь и грыжа одного корня. Такъ «грызь прогрызла и спустилась въ исты» и ушная грызь. Очевидно смѣшеніе понятій, хоть можно допустить, что составители и не раздѣляли ихъ, а звали всѣ грызью или грыжей, когда уже прогрызло и вышло наружу. За послѣднее пожалуй и этимологія. Да полно не были ли въ древности слова болѣзнь и грызь однозначны (синонимы)?

От ъ колотья, стрѣлянія всего 3 загора. Знахарь (Майк., 28) обводитъ брускомъ больное мѣсто и будто рѣжетъ его ножомъ, говоря: «сѣку пересѣкаю, рублю перерубаю колотье родимое и пр. Какъ брусокъ исчезаетъ отъ булату отъ укладу, отъ булалату отъ желѣза, такъ исчезни, изсохни родимое колотье въ бѣломъ тѣлѣ, черномъ мясѣ и пр.». Обмывъ ножъ, поитъ этой водой больнаго. Или вызывается стрѣла не отвѣтру, на укладъ, на масло, на желѣзо. Или бабка крѣпкимъ заговоромъ выгоняя колотье, перечисляетъ мѣста, гдѣ колотье не смѣетъ ходить. Малое число этихъ заговоровъ объясняется частію тѣмъ, что о колотьѣ часто говорится въ общихъ заговорахъ, а частію и тѣмъ, что съ колотіемъ какъ бы сливаются утинъ и усоище, заговоры отъ которыхъ (тоже однако не многочисленные) и теперь въ большомъ ходу.

3 заговора отъ утина (хроническія ревматическія боли, сосредоточившіяся въ глубокихъ поздвонковыхъ мышцахъ поясницы). Изутинившійся ложится брюхомъ на порогъ, лицомъ вонъ изъ избы, а самый младшій въ семьѣ, или самый старшій кладетъ на поясницу ему голикъ (старый вѣникъ) прутьями въ сѣни и слегка ударяетъ по немъ топоромъ (колотушкой въ др. загов.) трижды. Больной спрашиваетъ: «Что сѣчешь? — Утинъ сѣку. — Сѣки да гораздо, чтобы въ вѣкъ не было». Припомнивъ недавно указанный способъ лѣченія грыжи укусомъ, мы легко примемъ ихъ общность и то что народъ роднилъ утинъ съ грыжей. Оттого м. б. мы имѣемъ собственно одинъ заговоръ отъ утина, т. к. другой есть повтореніе его, а третій общій многимъ болѣзнымъ: «Прости мать сыра земля, прости въ чемъ я согрѣшилъ».

Оть усовей (еще бродящія, не осѣвшія ревматическія боли часто съ лихорадкой) заговоръ — усоишно. «Есть море золото, на золотомъ морѣ золото дерево, на золотомъ деревѣ золоты птицы — носы желѣзные, когти желѣзные, дерутъ волочатъ усовей, отъ N, на мхи на болота; есть море злато, на золотомъ морѣ бѣлъ камень, на бѣлъ камнѣ красна дѣвица съ желѣзной палицей, она треплетъ, обороняетъ, отлучаетъ отъ N усови на мхи, на болота; есть море злато, на золотомъ морѣ золотой корабль, на немъ ѣдетъ 36 царей и 70 царицъ — помогаютъ N отъ усовей; есть море, на золотомъ кораблѣ ѣдетъ св.

Николае—отворяетъ морскую глубину, поднимаетъ желѣзныя врата и залучаетъ отъ N усовей аду въ челюсти». Такимъ образомъ изъ самой сути этихъ заговоровъ видно, что и древній врачъ и народъ роднили послѣднія три группы причинъ болѣзней, какъ и мы до послѣднихъ временъ всѣ эти боли, часто мучительныя, крестили общимъ именемъ ревматизма, считая одну причину—простуду. Лишь т. ск. надняхъ часть ихъ мы уступили невритамъ до нуклеарныхъ параличей включительно.

Заговоры отъ нервныхъ (по теперешнему) болѣзней. Ихъ отъ икавки—3, падучки—2, переляку (испугу)—4, родимца—2, подвѣя (параличъ)—2, плоцкой немочи—2, пьянства—9, сумашествія—1. Отъ икавки заговоры, или лучше присказки, неимѣютъ никакого врачебнаго значенія. «Икавка де була?—У Кіевѣ.—Что ѣла?—Кобылину.—Де дѣ(ва)ла?—Покинула.—Покинь и мене». Сказать 3 раза, не переводя духа. Отъ черной немочи (падучки): «Летитъ птица за моремъ, бѣжитъ заяцъ за лѣсомъ, бѣжитъ земля въ свою мать землю, желѣзо въ свою мать руду и ты бы черная немочь бѣжала въ свою мать тартарары, во тьму кромѣшную и бѣжала бы не ворочаючись. А буде ты моимъ рѣчамъ покорища не дашь вѣлю тебя птицѣ за море унесть, звѣрю . . . и пр. Замкну свои словеса словомъ великимъ . . . по сей день, по сей часъ, по всю жизнь». Или, воткнувъ въ банѣ въ полокъ ножъ: «Булатный ножъ подрѣжь черную болѣзнь въ ретивомъ серцѣ, въ мозгахъ, костяхъ и жилахъ». Во всѣхъ заговорахъ отъ испугу винятъ чорта и потому топятъ свинецъ и капаютъ въ воду. Фигура должна представлять испугавшаго. Отъ родимца: «На морѣ на окіянѣ, посреди моря бѣлаго, стоитъ мѣдный столбъ отъ земли до неба и въ немъ закладена мѣдная мѣдяница, змѣя болѣсти и хворости. Посылаю туда N и заповѣдую ему моимъ заповѣднымъ словомъ закласть родимецъ въ тотъ мѣдный столбъ . . . по сей часъ, по всю жизнь». Или положи кого хватитъ родимецъ или оморокъ въ избѣ на перерубѣ, опояшь 3 поясами, умой св. водой, прочитай надъ нимъ молитву и разбей палкой горшокъ надъ его головой. Отъ подвѣю (паралича). Онъ будто отъ подвѣванія вихоря (по славянскимъ понятіямъ чортъ). Его выкачиваютъ яицемъ, выливаютъ водой, выговариваютъ: «Препавъ (Еф. 90) (подвѣй) ночной, повночный, полудневый, сходовый, нудяной, сердешный, з работы, з сухоты, з яденія, з питя, з гуляня, з буяня, з поклыку, з помыслу, з погляду, з хмары, з витру и з сонця. Иди на сухой лѣсъ . . .» 3 раза плюнуть. Заговоры отъ запоя или похмѣлья не имѣя врачебнаго значенія, какъ болѣе поздніе, мало сохранили стихійнаго характера, хоть и есть межъ ними съ обращеніемъ къ звѣздамъ, мѣсяцу и солнцу. Развѣ замѣтимъ общее имъ наговариваніе противныхъ вещей, червей изъ винной бочки, живую щуку, настоянную въ водкѣ, когда слизь, данная ею, разлагаясь, запахнетъ. Всѣмъ этимъ поятъ больнаго съ цѣлію возбудить отвращеніе къ вину. Отговоръ сумасшедшаго—скорѣе молитва—выдается развѣ перечисленіемъ мѣстъ (частей тѣла), откуда изгоняется всякая скорбь. Заканчивается онъ такъ: . . . «съ головы въ тулово, съ тулова въ ноги, съ ногъ въ подошвы, съ подошвы въ сыру землю, на темныя лѣса, за синіе море».—Какъ видите, и здѣсь древній человѣкъ, не одолѣвъ мыслію причинность или сущность болѣзни, роднитъ непонятное, приписывая все злому существу (чорту во времена христіанства). Оттуда безцвѣтность и шаткость заговора, какъ бы на угадъ, ничего опредѣленнаго, ничего яркаго. Читая, вы чувствуете будто простой наборъ словъ. Даже чортъ обвиняется будто нехотя, а о стихіяхъ уже ни слова почти. Видно, что въ области этихъ болѣзней человѣкъ бродилъ ощупью.

Заговоры отъ волоса (5), отъ ногтя (7), отъ чирья (4), бородавокъ (1) и ожога (2).—Всѣ заговоры отъ волоса (кромѣ одного, который относится и къ другимъ болѣзнямъ, гдѣ золотой человѣкъ на золотомъ мосту, золотой стрѣлой выстрѣливаетъ болѣзнь) вызываютъ волосъ (нарывъ на пальцѣ) на ржаный колосъ, обливая обернутый 12-ю пустыми колосьями палецъ горячей водой. Конечно, при этомъ заговаривая. Послѣ чего будто вышедшій волосъ находятъ межъ колосьями. Даже думаютъ, что самецъ имѣетъ видъ волоса, а самка—сплетшихся тонкихъ кореньевъ. Эти взгляды на причину болѣзни, какъ на естественную, а не духовную и даже не стихійную, заставляютъ предполагать, не знакома ли была нашимъ предкамъ и теперь въ Ташкентѣ (а раньше струнецъ попадался близъ Питера) находимая глиста—волосецъ.

Тѣмъ болѣе, что слова заговора не имѣютъ почти никакого, изъ выше извѣстныхъ заговорныхъ, смысла: «волосъ ты волосъ выди на ржаный колосъ». Съ тѣмъ вмѣстѣ это указываетъ на сравнительно недавнее—историческое — время созданія заговора и едва ли говоритъ, какъ думаютъ, за принесеніе народомъ заговора, какъ и змѣя-мѣдяница, изъ теплыхъ странъ. Вообще думается, что заговоры тоже жили, т. е. измѣнялись, наслаивались и едва ли многіе изъ нихъ сохранились у насъ въ первобытной чистотѣ. Вѣрованіе въ волосъ можно встрѣтить и теперь, какъ мнѣ приходилось въ деревняхъ вынимать этотъ волосъ, но оно затѣмняется обычаемъ лѣчить начинающуюся ногтоѣду тугимъ обматываніемъ пальца женскимъ или конскимъ волосомъ, который и запухаетъ такъ, что приходится вытаскивать его изъ нарыва. Это часто дѣлается и умышленно. Дѣйствія, сопровождающія заговоръ, ужъ носятъ слѣды цѣлесообразности: обливанія горячей водой или золянымъ щелокомъ на колосья или на черемуховыя стружки или обливаніе теплымъ наговореннымъ масломъ. Все это утишаетъ боль и способствуетъ созрѣванію нарыва. Не забыты, конечно, и дунь и плюнь трижды. Заговоры отъ нокття (ногтоѣда), несмотря на то, что имѣютъ тотже анатомическій характеръ болѣзни, имѣютъ совсѣмъ другой, б. ч. стихійный характеръ. Почти всѣ съ древнимъ вступленіемъ, хотя бы и начинались молитвой, нѣкоторые съ ключемъ, замкомъ и крѣпкимъ словомъ. Б. ч. просятъ самого Христа или Мих. Арх., Геор. Побѣдон., Фрола и Лавра истрѣлить всѣ 25 (или 12) ноктей. Не забудемъ, что подъ ноктемъ въ началѣ нашей исторіи разумѣли иногда чорта. Вотъ одинъ (Майк. 197) изъ характерныхъ заговоровъ. Послѣ молитвы—«пойду изъ двора въ ворота... и пр. въ чисто поле подъ красное солнышко, подъ свѣтелъ мѣсяцъ, подъ утреннюю зорю, пойду въ сырыя горы по синему морю и въ ледяную лужу, изъ нея течетъ ледяной змѣй и пожираетъ онъ чисто серебро, красно золото. Гой еси змѣй не пожирай... а поди ты къ моей скотинушкѣ въ правую ноздрю пожрати всѣ полтретьятцать (25) ноктей: ноздревой, хвостовой, стрѣчный, постижный, личной, глазной, ушной, шейный, спинной (пашной, подплечный, лыточной), ножной, потяговый, одышный, дрожной, нутряной, сердечный, костяной, суставной, жильной, битковой, болонной, пузной, ребрастый (закожурный, закопытный) и пожри ты змѣй всю полтретьятцать ноктей и поди ты змѣй скрозь землю со всѣми ноктями и со всѣми болѣстями; и кои я слова прошелъ и говорены и не говорены и всѣ будте исполнены». Въ другихъ вызываютъ нокття на столы, скатерти, меды и пр. (ср. раньше), или перегоняютъ изъ одной части тѣла въ другую и, наконецъ, въ копыто, а изъ него въ землю на $^3/_9$ саженей печатныхъ. Одинъ заговоръ прямо обращается къ ноктю, какъ къ чорту злому, лихому, нечистому духу. Есть и сравненія: «какъ сковорода въ печи запѣкается, или какъ этотъ сучекъ не поднимается».—Лишь одинъ заговоръ сопровождается символическимъ дѣйствіемъ. Знахарка, поставивъ больнаго поддерево, обводитъ трижды пальцемъ сучекъ, затѣмъ 3 же раза больное мѣсто. Другая особенность загов. отъ нокття—въ названіи ихъ,—заставляетъ заподозрить не замѣняетъ ли «нокоть» у животныхъ «грызь» у людей, т. к во всѣхъ извѣстныхъ намъ скотскихъ загов. не встрѣчаемъ ни разу слова грыжа или грызь, а анатомическій характеръ названій въ обоихъ т. ск. аналогиченъ. Тѣмъ болѣе, что во многихъ загов. собственно о ногтоѣдѣ, судя по смыслу, и рѣчи нѣтъ. Не невозможна и ошибка записывателя, смѣшавшаго отжившее слово нокоть съ ногтемъ. Какъ теперь русскій интеллигентъ, да и врачи и не подозрѣваютъ, что простонародье подъ именемъ живота подразумѣетъ самый низъ его, т. е. половыя части. Отъ вереда (чирья, болетона) всего 3 собственно заговора—сравненія: «какъ на шалгѣ (непокрытый травой бугоръ) трава не растетъ; какъ сохнетъ и высыхаетъ сукъ; какъ отъ камня плоду». Сохранились еще вступленія. Наговоръ на сливки, коими мажутъ, либо среднимъ пальцемъ обводится сучекъ и чирей или углемъ самый вередъ, давя на его верхушку, потомъ его бросаютъ за плечо. Дѣйствія, какъ видите, не потерявшія своего символизма, хотя чирей и вередъ у народа значатъ одного и того же нечистаго духа. Сюда же я отнесъ слѣдующій (Майк. 136) заговоръ отъ подкожнаго нарыва (?)—навьей кости, хотя это собственно не нарывъ и не желвакъ даже.

а жировая подкожная опухоль въ видѣ шарика. Нужно подстеречь, когда два человѣка будутъ ѣхать верхомъ на одной лошади, и сказать: «Васъ двое, возмите въ себѣ третью—навью кость». Навье, какъ припомните — мертвецъ и злой духъ. Здѣсь же и заговоръ отъ суровца (Рыбн. 18), т. к. въ народѣ суровцомъ зовется водянисто кровяный нарывъ, который лѣчится суровой ниткой, продѣвая ее иголкой чрезъ основаніе нарыва. Оставленные концы нити служатъ т. об. дренажемъ. Хотя по содержанію это скорѣе заговоръ будто отъ какой общей хронической болѣзни. Впрочемъ, и въ предъидущемъ заговорѣ отъ нокотя есть тѣ же намёки. Послѣ обычнаго полнаго вступленія... «на синемъ морѣ синёй камень, на немъ сидитъ Богородица. Выня и выложи изъ N суровецъ не просыпъ головной, глазной, пупной, изъ сахарныхъ устъ, изъ горячей печени, сердечный и подсердечный, закожный, нутровой, пузырный, истовый, костовный и мозговой, жильный и суставной, изъ 70 суставовъ, изъ 70 жилъ подпятныхъ, съ головы да въ тулову, изъ тулова въ ноги, изъ ногъ въ подошвы, изъ подошвы въ сыру землю, за темные лѣса, за сухіе острова, гдѣ птица не залѣтаетъ, гдѣ звѣрь не забѣгаетъ, добрые люди не загуляютъ и воронъ кости не заноситъ». Отъ бородавокъ, какъ извѣстно, завязываются на ниткѣ узлы, обводя бородавку, по числу ихъ, считая наоборотъ, такъ первый узелъ зовутъ пятымъ (если 5 бородав.), 2-й—4-мъ и т. д. Нитка затѣмъ закапывается подъ стрѣхой. Когда она сгніетъ, всѣ бородавки сойдутъ. Чрезвычайно древній заговоръ (хотя слова его уже отпали), когда еще человѣкъ вѣрилъ въ подобія дѣйствій. Но желтый сокъ травы молочая — уже чисто лѣкарство — во многихъ мѣстахъ заставилъ забыть этотъ заговоръ. Отъ ожегъ тотъ же символическій наборъ словъ: «Сожжено это мѣсто не огнемъ, а золой», дунь и плюнь (Майк. 192), или «гдѣ былъ огонь, будь (камень) песокъ (М. 193)», или «свѣтъ до зари а заря до свѣту, а ожегъ до словъ».

Заг. отъ коросты (2), золотухи (4), бишихи (рожи), летучаго огня (prurigo) и веснушекъ (по 1 заг.). Отъ коросты (шелудей) круто насоленый хлѣбъ бросаютъ на рѣку: «плыви куда хочешь, тебѣ добрый путь, а мнѣ здоровье»—остатки вѣрованія, что всѣ болѣзни отъ воды. А теперь мы развѣ не винимъ воду во всѣхъ заразныхъ болѣзняхъ? Отъ золотухи всѣ 4 заговора обращены къ зарямъ, которыхъ и просятъ выгнать или сами гонятъ, при помощи зари (Заря зарница, красная дѣвица или 3 рѣки Варвара, Настасья, Прасковья, или красная, бѣлая, черная) въ болота и пр... «золотуху-красуху, пересудную, передумную, переговорную, полунощную, буйную-буйнавицу, желтую-желтавицу, синюю-синявицу, красную-красавицу и разсыпчатую изъ буйной головы, ясныхъ очей... какъ конь воды не спиваетъ, травы не съѣдаетъ, околѣлъ, онѣмѣлъ—такъ бы у N... и пр... Какъ чистыя звѣзды съ неба сыпются, т. бы и у N выкатилась золотуха»... Наговариваютъ масло, которымъ и мажутъ больныя мѣста. Отъ бишихи окуриваютъ больнаго ремезинымъ гнѣздомъ и молитвой гонятъ на гнилыя колоды, на дикія воды и пр. Отъ летучаго огня первенецъ въ семьѣ искрами съ кремня прижигаетъ больное мѣсто со словами: «какъ летятъ искры съ огнива, такъ сходи огонь съ рыла». Затѣмъ мажутъ коровьимъ масломъ. Отъ веснушекъ (ластовинья), увидавъ впервые ласточку, нужно сказать: «Ластовка на тоби веснянки, дай менѣ бѣлянки» и умыться. Вѣроятно, одновременность появленія веснушекъ и ласточекъ сблизилъ человѣкъ въ причинную связь.

Заговоры отъ жабы-дубоглота (7). Въ нихъ (3 заг.) на островѣ Алатѣ суховерхое дерево, панемъ (Май. 98) сидятъ птицы (орелъ) желѣзные носы и когти, они щиплятъ и теребятъ жабу мокрую и сухую и подъ щеками и подъ жабрами», при этомъ тычутъ среднимъ пальнемъ или треля (8) веретенами жабу въ горлѣ 3 раза, говоря: «ступай (на сухое дерево) на дубъ». Или знахарка колетъ въ горлѣ вилочкой изъ веника, говоря (Майк. 101): «пришла жаба добромъ, обую жабу въ березовыя лапти, въ ременныя оборы и брошу жабу подъ березовый кустъ, чтобы не щемило, пить, ѣсть не мѣшало». Или при боли въ глоткѣ, обращаясь къ лѣсу, говорятъ: «Дубъ (Майк. 100), дубъ (или зари утрен. и вечерн.) возьми свой дубоглотъ и глотъ и мокрую жабу и сухой дубоглотъ отъ N, а не возьмешь, онъ (дубоглотъ) тебя съ вѣтвями и съ кореньями проглотитъ». Или, при обращеніи къ

*

зарямъ: «я сосну, березу съ корнемъ съѣмъ» и глотая воздухъ, говоритъ: «Гамъ! гамъ! гамъ!» Наконецъ, «какъ (Кол. II, 52) у мертваго мертвеца бѣло тѣло не болитъ... такъ бы и у N... Будьте мои слова крѣпки, лѣпки, клейче клею, сольнѣй соли, вострѣе самосѣку, крѣпче булату. Тѣмъ моимъ словамъ губы и зубы—ключъ и замокъ». Въ этомъ небольшомъ (всего 7) собраніи можно видѣть всѣ роды заговоровъ, и чисто стихійныя и временъ олицетворенія и стращаніе и сравненіе. Всѣ они сопровождаются довольно цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ—вскрыть нарывъ—не теряющемъ, впрочемъ, и своего символическаго значенія—колоть стрѣлой (громовой). Но несмотря на свою видимую древность, на нихъ замѣтны слѣды отпаденія слова, вступленія почти нѣтъ, замокъ лишь въ одномъ, переходная форма (лишь въ 2) кажетъ сторонней приставкой, не связанной ничѣмъ съ самимъ заговоромъ. Теперь знахарка, коля пальцемъ или дубовымъ колышкомъ опухоль въ горлѣ ребенка, почти безъ словъ обходится. Слова дубоглотъ она и не знаетъ. О немъ, впрочемъ, мы говорили выше, перечисляя болѣзни. Не былъ ли дубоглотъ однимъ изъ тѣхъ сказочныхъ русскихъ богатырей, что горы бросали за облака? Заимствованія изъ греческаго мифа у насъ несомнѣнны.

Заговоры отъ дѣтскихъ (18) и женскихъ (4) болѣзней. Первые 4 не заговоры, а скорѣе поговорки, пожеланія, при обмываніи и правленіи ребенка, въ родѣ «рости большой» и пр., сопровождаются молитвами съ упоминаніемъ бабушки Соломеи, что Христа парила. Замѣчательно впрочемъ выправленіе — это скорѣе судебно-медицинскій осмотръ рекрута, всѣ ли члены его въ порядкѣ (Майк. 54). Слова при отнятіи отъ груди напоминаютъ уже заговоръ. Поднося ребенка къ столу, уставленному яствами, и какъ бы ударяя дитя березовымъ прутикомъ, говорятъ, смотря въ окно чрезъ голову ребенка: «Какъ лѣсъ не тоскуетъ по дереву, т. бы и дитя не тосковало по грудямъ». Чистое сравненіе. Слѣдуютъ 8 заг. отъ безсонницы, полуночницы, крика и неизвѣстныхъ болѣзней, сопровождаемыхъ крикомъ. Мальчику подъ подушку кладутъ лучекъ съ стрѣлой (Аѳан. 868, 284), а дѣвочкѣ пряслицу (игрушку), причитая: «Щекотуха (русалка) — будиха! вотъ тебѣ лучекъ (пряслица) играй, а младенца не буди». Особенно развитъ такой загов. у чеховъ. Къ ней же другой заг. (М. 61) обращается, поднявъ ребенка до матицы, со словами: «Полуношница, Анна Ивановна, по ночамъ не ходи, N не буди... Днемъ играй пестомъ со ступицей, а ночью матицей». Затѣмъ 3 заг. (одинъ со вступленіемъ и замкомъ) съ обращеніемъ къ зарямъ (Марья, Маремьяна, Дарья, Марья, зоря Вопска, з. Крикса), чтобы онѣ взяли криксы и плаксы изъ бѣлаго тѣла и пр. и отнесли ихъ... куда птица не залетаетъ. Въ одномъ (М. 56) къ зорямъ прибавлены «Мать сыра земля — Палагея и сине море — Елена». Ребенка несутъ на зарѣ въ поле или утромъ и вечеромъ подъ куриный насѣстъ. Этотъ послѣдній служитъ переходомъ къ новому ряду (3 заг.), гдѣ зорь замѣняютъ куры. Почему куры, а не другія животныя, пока рѣшить трудно, потому что т. ск. законы олицетворенія еще не установлены. Хотя нельзя не сблизить здѣсь простонародное повѣрье, что съ первымъ крикомъ пѣтуха исчезаетъ ночной духъ, а пѣтухъ метафора грома. Одинъ малороссійскій (Еф. 7) загов. гласитъ, вынесши ребенка на видъ дубоваго и березоваго лѣса, скажи: «Дубе, дубе ты черный у тебя дубочки-сыночки, а у бѣлой березы дочки. Тебе дубъ и береза шумѣть да густи, а N спать да рости». Всѣ эти заг. никакими дѣйствіями не сопровождаются. Отъ стѣни (дѣтской сухотки) знахарь (Сах.) несетъ въ лѣсъ, гдѣ, найдя раздвоенное дерево, кладетъ ребенка головой въ этотъ раздвой на 3 дня (?), а рубашку вѣшаетъ на дерево. Вынувши ребенка носятъ кругомъ дерева и несутъ домой купать и на печку. Если заснетъ, то выздоровѣетъ. Въ дѣтствѣ я видѣлъ это лѣченіе немного проще. Стоящая у ручья березка расщеплялась вдоль; въ этотъ расщепъ продѣвался ребенокъ, конечно съ приговоромъ, 3 раза; купался въ холодномъ ручьѣ, а расщепъ завязывался бѣльемъ ребенка. Примѣчали, если расщепъ сростется, это сулило выздоровленіе ребенку. Отъ овечьей одышки (Сах. Дн. VII кн.) больнаго водянкой ребенка кладутъ, 28 февр., подъ порогъ избы и гонятъ чрезъ него, съ приговоромъ, овецъ въ избу и потомъ назадъ. Овцы должны унести болѣзнь. Припомню здѣсь, что овцу же обычно кладутъ и подъ колыбель ребенка въ оспѣ, — чтобы лучше высыпала оспа. По моему, это одинъ изъ первобытныхъ способовъ привитія предохранит.

оспы въ родѣ уже указаннаго выше втиранія въ ноздри оспеннаго гноя, только пережившій древнее повѣрье, потерявъ смыслъ, сохранилъ лишь форму—класть овцу—съ ново додуманной цѣлью. А м. б. овца имѣетъ и какое-нибудь символическое значеніе въ русскомъ олицетвореніи. Что очень вѣроятно, какъ куры въ дѣтской безсонницѣ. Привожу цѣликомъ лѣченіе отъ плѣснявки (бѣлой плевы во рту), какъ плодъ фантазіи малоросса (Еф. 89). Мать мажетъ больное мѣсто мокротами своихъ половыхъ частей, говоря: «Тѣмъ родила, тѣмъ и вӧдходыла». Видъ водмѣны (англійская болѣзнь). Я уже говорилъ выше о повѣрьѣ, допускающемъ существованіе цѣлыхъ селеній невидимыхъ существъ, живущихъ по человѣчески, ѣдящихъ и рождающихъ. Вотъ эта-то невидимая жительница горъ и подмѣняетъ свое больное дитя на здоровое человѣческое. Чтобы заставить укравшую дитя возвратить ребенка, ее уродца сѣкутъ вѣникомъ на кучѣ сора, приговаривая: «На тоби твое, отдай минѣ мое». Заговоръ записанъ въ горной Галиціи, но и у насъ въ Заонѣжьѣ до сихъ поръ это повѣрье есть. Отъ женскихъ болѣзней 4 заг. Изъ нихъ два при затрудненныхъ родахъ. Съ полувступленіемъ говорятъ на воду, прося Богородицу золотыми ключами отпереть мясныя вороты и выпустить младенца (Майк. 49), и поятъ роженицу этой водой или молитвой на бумажкѣ священникъ (Тих. II, 355) обматываетъ голову роженицы, гдѣ послѣдняя фраза: «выйди младенецъ, Христосъ тя зоветъ!» Послѣ родовъ выправляя въ банѣ родильницу, бабка проситъ, золотникъ (матку) отыскать и стать на свое старое мѣсто, чтобы родимые члены у родильницы не болѣли, не щемили, не окаменѣли и внизъ не опускались. Сахаровъ приводитъ жестокое лѣченіе отъ соняшницы, какой-то брюшной болѣни (не эклямпсія ли?). Знахарь ставитъ на животъ больной миску съ водой (3 штофа), потомъ жгутомъ горящей пеньки обматываетъ вокругъ больной и горящій конецъ пеньки опускаетъ въ кружку съ водой, что ставитъ въ миску, нашептывая. Послѣ даетъ пить эту воду. Естественно послѣ такого лѣченія м. б. и было отвлеченіе отъ внутреннихъ частей. Вѣроятно сильна была болѣзнь, если допускалось такое средство. И до сихъ поръ при сильныхъ обморокахъ капаютъ на грудь горящимъ сургучемъ.

Заговоры отъ глазныхъ болѣзней: отъ бѣльма (3), ячменя (4), куриной слѣпоты (1). Всѣ заг. отъ бѣльма (М. 82, Еф. 28, 29) имѣютъ одну общую основу: шелъ (ѣхалъ на вороныхъ, на бѣломъ конѣ) св. Георгій черезъ желѣзный мостъ, за нимъ 3 пса (хорта); бѣлый песъ бѣльмо слизнулъ, сѣрый тожъ и черный (червонный) тожъ. Ясно олицетвореніе громовержца, солнца, мѣсяца и земли. А Еф. 28 у Егорія колеса даже раскатились по синему морю, по чистому полю (по свѣтлому небу). Съ однимъ заговор. соединено и дѣйствіе. Собираютъ на Юрьевъ день росу и ею мажутъ больной глазъ. Конечно, не совсѣмъ цѣлесообразно, но древній врачъ едва-ли различалъ бѣльмо, какъ помутнѣніе хрусталика, отъ пятенъ на роговицѣ. Можно думать, что въ этой росѣ жрецы растворяли тайно и болѣе дѣйствительныя средства, какъ наркотическія при зубной боли. Отъ ячменя, конечно, всякому извѣстенъ широко распространенный межъ няньками загов.: «Ячмень, ячмень на тебѣ кукишь, что хочешь, то купишь, купи себѣ топорокъ, руби себя поперекъ». Или, помазавъ слюной ячмень, говор. (Майк. 83): «Солнце на западъ, день на исходъ, сучекъ глазной на изводъ, самъ пропадетъ, какъ чело (устье печи) почернѣетъ. Ключь и замокъ словамъ моимъ». А вотъ досужее воображеніе малоросса (Еф. 30): Одинъ каже: «Ячменецъ» — «Брешешь» отвѣчаетъ больной. Первый плюетъ. Итакъ трижды. Отъ куриной слѣпоты больной (Сах. II, 54) наклоняется надъ бочкой съ дегтемъ и шепчетъ: «Деготь, деготь, возьми отъ меня куриную слѣпоту, а мнѣ дай свѣтлые глазушки». Затѣмъ садится на перекресткѣ и будто чего ищетъ. Если проходящій спроситъ: «Чего?» — «Что найду тебѣ отдамъ!» отвѣчаетъ больной, утирая глаза рукой, махаетъ ею на проходящаго. Послѣднее объясняется повѣріемъ, что куриная слѣпота хорошо соскабливается съ куринаго глаза пленкой, затѣмъ сушится и пускается по вѣтру. Въ этомъ искаженіи (т. к. куриная слѣпота, какъ нервная слабость, ничѣмъ снаружи не выражается) нельзя не видѣть народнаго убѣжденія въ заразительности многихъ глазныхъ болѣзней, какъ напр. такъ злокачественныхъ и по числу больныхъ и по исходамъ воспаленій, часто повальныхъ повѣтрій.

Пять заговоровъ при собираніи цѣлебныхъ травъ конечно

не имѣютъ для врача значенія, не смотря на ихъ очевидную древность, цѣльность высказаннаго міровоззрѣнія, поэтичность и т. ск. наивность обращенія къ небу, къ землѣ. Выпишу лишь у Сахарова чародѣйный травникъ. Впрочемъ, съ тѣми же загов. отыскиваютъ и теперь простые цѣлебные корни и пр.; наши п о м я с ы (травники Аптекарскаго приказа) безъ сомнѣнія ихъ знали хорошо. А тороватый малороссъ (Еф. 98) даже кладетъ въ ямку, откуда выкопалъ корень, хлѣбъ, соль и мѣдный грошъ. Послѣ обычнаго вступленія... «пойду я во чисто поле, подъ красно солнце, подъ свѣтелъ мѣсяцъ, подъ чистыя звѣзды, подъ полетныя облака... стану во чистомъ полѣ на ровномъ мѣстѣ, что на томъ на престолѣ Господь, облаками облачусь, на голову положу вѣнецъ, солнце красное, подпоятусь свѣтлыми зорями, обтычусь чистыми звѣздами, что вострыми стрѣлами. (Небо отецъ, а земля мать). Небо ты небо! Ты небо видишь, ты небо слышишь. Праведное солнце, благослови корни копати, цвѣты рвати, травы собирати». Сахаровъ приводитъ: 1) трава «колюка» поможетъ охотникамъ бить птицъ—собираютъ въ Петровскую вечернюю росу; 2) Адамова голова (трава) собир. въ Ивановъ день и хранится до Великаго четверга, когда ею обматываютъ всю охотницкую снасть, чтобы стрѣлять безъ промаху; 3) прикрышъ трава собирается отъ Успенія до Покрова для свадебныхъ отговоровъ, кладется подъ порогъ и невѣста должна его перепрыгнуть; 4) сонъ-трава собирается въ маѣ при желто-голубомъ цвѣтеніи. Кладя подъ подушку, увидишь пророческій сонъ (не изъ Египта ли заимствовано, какъ и лѣченіе нѣкоторыхъ глазныхъ болѣзней); 5) качедыжникъ — папоротникъ цвѣтетъ за часъ до разсвѣта подъ Ивановъ день, даетъ могущество, богатство и чуть ли не безсмертіе; 6) тарличь-трава, подъ Ивановъ день на Лысой, подъ Кіевомъ, горѣ, имѣетъ силу превращать въ другой образъ, лишь намажь выжатымъ сокомъ подъ мышками; 7) разрывъ трава, прыгунъ, скакунъ — передъ ней всѣ препятствія исчезаютъ, замки спадаютъ, стѣны раздвигаются, земля разступается; 8) плакунъ трава въ Ивановъ день— покоряетъ нечистую силу; 9) нечуй вѣтеръ—останавливаетъ вѣтеръ, собирается по берегамъ подъ новый годъ въ полночь и непремѣнно слѣпыми отъ рожденія, т. к. они, наступая на траву, бросаемую чертями, чуютъ колотья въ глазахъ. Сахаровъ думаетъ, что всѣ травники и лѣчебники занесены къ намъ изъ Бѣлорусіи и Польши, какъ равно и всѣ чары (на вѣтеръ, на слѣдъ, на калѣкъ и пр.) заимствованы а не русскаго происхожденія. Съ чѣмъ едва ли можно согласится.

Попробуемъ сдѣлать, т. ск. частные выводы изъ пересмотра главнѣйшихъ основъ отдѣльныхъ нашихъ заговоровъ. Но прежде маленькое отступленіе. Древній заговоръ по содержанію есть отдѣльное цѣлое. Всѣ его части, т. ск. одновременны и логически неразрывно связаны. Всякое наслоеніе или отпаденіе, а тѣмъ болѣе вставка сейчасъ чувствуются. Но заговоры жили и, какъ всѣ виды словесности, переживали, сообразно законамъ и исторіи развитія ума и міровоззрѣнія народа, потому какъ и наслоенія естественно оставили свои слѣды. Но и эти рѣзко отличимы отъ позднѣйшихъ вставокъ, когда для составителя уже утерянъ древній смыслъ. Примѣръ афористическіе заговоры или скорѣе поговорки малороссовъ. Но эти наслойки не должны касаться главныхъ основъ заговора, иначе останется одинъ наборъ словъ, часто лишенный смысла. Переходные напр. виды заговоровъ, замѣнили стихіи христіанскими святыми, но стихійныхъ атрибутовъ не коснулись, т. к., передѣлыватель умственнымъ чутьемъ понималъ, что лишилъ бы ихъ смысла, а молитвами, все-таки бы ихъ не сдѣлалъ; для молитвъ требуются другія основы. Напр., нѣкоторые заговоры обращаются ко Христу: «такъ какъ ты самъ страдалъ и терпѣлъ, такъ избавь и меня отъ страданья». Какъ видите, даже логики нѣтъ. По этимъ наслойкамъ современемъ, при достаточномъ изученіи законовъ древней словесности въ связи съ заговорами, можно будетъ опредѣлять возрастъ, т. е. время составленія заговора. А теперь это можно лишь приблизительно, руководясь побочными обстоятельствами. Напр., теперь трудно рѣшить, какіе заговоры старше: заговоры ли сравненія или съ обращеніями къ стихіямъ? Въ исторіи считаютъ обожаніе стихій первой ступенью человѣческаго міровоззрѣнія. Но, по закону развитія ума, трудно допустить переходъ отъ болѣе сложнаго къ простѣйшему. Мнѣ хочется думать, что сравненія были раньше, не смотря на то, что ихъ мало сохранилось въ чистомъ видѣ и что въ этомъ отдѣлѣ наибольшее число

занятаго (плагіатовъ) или, какъ сказано выше, новыхъ чеканокъ старымъ штемпелемъ. Умственно философское построеніе сравнительныхъ заговоровъ много проще, когда человѣкъ отъ всебожія только началъ переходить къ многобожію, обобщая т. об. свое міровоззрѣніе въ нѣсколько болѣе общихъ (но числомъ меньше) отдѣловъ, создавая т. об. зачатки религіи. Если мое мнѣніе вѣроятно, тогда бы ясенъ сталъ постепенный переходъ въ заговорахъ отъ приказа къ сравненію, отъ него къ обращенію къ стихіямъ, не оставляя сравнительной формы, къ пожеланію и наконецъ къ просьбѣ. Переходная форма, изъ которой къ молитвѣ, уже время упадка заговора, какъ народной словесности.—Какъ одинъ заговоръ есть цѣлое по внутренней сути, такъ и отдѣльныя группы ихъ, напр. отъ одной болѣзни, представляютъ болѣе или менѣе обособленное цѣлое, на сколько по крайней мѣрѣ это выходитъ изъ нашего сопоставленія. Отъ кровотеченій половина заговоровъ стихійнаго свойства, но еще нѣтъ прямаго обращенія къ зарямъ (оно лишь въ концѣ въ переходныхъ съ просьбой зашить) и лишь сравнительнаго вида, затѣмъ чистыя сравненія. И тѣ и другія вращаются около зашиванія. Заговоры древни. Дѣйствій сопровождающихъ мало, лишь въ концѣ и цѣлесообразныя, слѣдовательно новыя. Общій обликъ слѣдовательно обращ. къ зарямъ. Отъ укуса змѣй и пр. Обращ. къ грому, стрѣламъ, лишь немного къ зарямъ, сравненій и внѣшней формы почти нѣтъ. Дѣйствій много больше и позднѣйшія со смысломъ. Отъ лихорадокъ больше половины общаго намъ съ Болгарами типа Павликіанъ въ олицетворенномъ переходномъ видѣ св. Сысоя, желѣзными прутьями прогоняющаго лихорадокъ (тоже олицетворен. съ именами, изъ-за коихъ видно стремленіе распредѣть ихъ по времени года), подъ названіемъ коихъ понимались всѣ извѣстныя тогда повальныя и часть острыхъ внутреннихъ болѣзней, сопровождаемыхъ лихорадочными движеніями. Часть заговоровъ отъ лихорадки вступаетъ въ сдѣлки, либо задабриваетъ кормомъ (считая, какъ видѣли раньше, ихъ вѣчно голодными—общее намъ съ чехами), либо стращаетъ огненной рѣкой. Преобладаютъ вода какъ стихія, липа. Ясно одухотвореніе болѣзней. Дѣйствія лишь символическія. Во всѣхъ трехъ только названныхъ порядкахъ (отъ крови, змѣй и лихорад.) заговоровъ мы мало имѣемъ дѣла съ злобнымъ духомъ, хотя множество именъ лихорадокъ въ народѣ однозначны съ чортомъ. Но это позднѣе, когда сатана христіанской религіи вытѣснилъ лѣшаго, домовика и пр. замѣстителей духа покойныхъ родственниковъ. Отъ уроковъ и пр. и пр. Половина изъ 70 заг., что прямо отъ напущеній, уже чисто духовнаго склада, винятъ колдуна съ его замѣстителемъ чортомъ и пр. (перечисляяя, ихъ подробно), призываются силы природы (б. ч. огонь, громъ) для помощи отъ напускателей. Сравненій меньше. Внѣшность заговоровъ здѣсь мало пострадала. 16 малороссійскихъ заговъ —афоризмы—сравненія. Преобладаетъ вода, безъ всякой конечно, языческой внѣшности. Въ 16 заг. отъ всѣхъ болѣзней сравненія и обращеніе къ стихіямъ преобладаютъ, но безъ всякой внѣшности, много переходныхъ и молитвъ. Дѣйствій немного, но уже въ переходныхъ близки къ лѣкарствамъ. Особенность всего отдѣла, кромѣ перечисленія лицъ, вредящихъ и всевозможныхъ причиняемыхъ ими болѣзней, это полная, т. ск., анатомія частей тѣла, откуда просятъ изгнать болѣзни. Отъ зубной боли множество обращеній къ стихіямъ, съ участіемъ напр. мѣсяца, чуть не $^{2}/_{3}$ загов., много и къ зарямъ (и олицетв. и переходн.), но стихіи почти затѣнены сравненіемъ, и въ большинствѣ есть задабриваніе, мѣна съ мертвецомъ. Внѣшней древней отдѣлки мало. Заговоры не стары. Б. ч. дѣйствій, сопровождающихъ загов., целѣсообразны—много уже лѣкарствъ. Злаго духа въ противоположность съ предъидущимъ и слѣда нѣтъ. Отъ грыжей — складъ древній стихійный (желѣзный мужъ, громъ) съ полнымъ вступленіемъ, сравненій мало, грызутъ грыжу, гдѣ конечно слова отпали. Дѣйствій очень мало, лѣкарствъ совсѣмъ нѣтъ. Подъ грызями всѣ хроническія болѣзни внутреннихъ органовъ. Впрочемъ, есть уже и смѣшенія. Отъ колотья, утина и усовей – видна общая причина, которую, какъ олицетвореніе болѣзни, сѣкутъ и рубятъ и стрѣлами грозятъ. Отъ нервныхъ болѣзней (икавка и пр.) виноватъ, конечно б. ч. чортъ, рѣжутъ, а родимца въ мѣдный столбъ. Внѣшности никакой. Общая черта неосмысленность и шаткость. Въ наружныхъ болѣзняхъ: волосъ вызывается, цѣлесообразно дѣйствуя, на колосъ; при ноктѣ къ стихіямъ безъ всякихъ дѣйствій; при ве-

реде—сравненіе, отъ бородавокъ узлы — древніе наузы, — тоже сравненіе. Въ золотухѣ обращаются къ зарямъ, бишиху гонятъ, летучій огонь искрой (молніей) выжигаютъ, веснушками мѣняются съ ласточками. Дѣйствія цѣлесообразны, но внѣшность загов. сильно пострадала. Отъ жабы—желѣзныя когти, клювы, какъ стихіи, веретена, какъ сравненія, но вездѣ дубъ—дубоглотъ. Дѣйствія цѣлесообразны. Въ дѣтскихъ болѣзняхъ щекотуха, зори, куры, овцы, безъ всякихъ почти дѣйствій. Развѣ символическое пропусканіе сквозь березу. Въ глазныхъ болѣзняхъ собаки Георгія (громъ, солнце) слизываютъ бѣльма, ячмнь рубятъ, куриную слѣпоту передаютъ. Знаніе заразности глазныхъ болѣзней.

Убѣдившись т. об. въ нѣкоторой обособленности отдѣльныхъ группъ заговоровъ, сдѣлайте еще шагъ въ обобщеніи, вглядываясь во всѣ заговоры какъ общее и васъ поразитъ удивительная стройность (особенно выкинувъ малороссійскіе и молитвы) и цѣльность. Это будетъ весь законченный какъ бы культъ. И какъ таковой, конечно, могъ быть выработанъ въ одну лишь опредѣленную эпоху жизни народа и ни позднѣе не могъ продолжаться, ни ранѣе явиться, т. к. въ тѣ поры міровоззрѣнія были иныя. Тѣмъ менѣе могла быть доступна такая стройная отдѣлка народу (простонародію. какъ у насъ понимаютъ); а могли, внѣ всякаго сомнѣнія, быть созданы лишь цѣлымъ рядомъ спеціалистовъ, пожалуй ученыхъ, пожалуй сословіемъ жрецовъ, вѣроятно, съ ихъ помощниками—будущими знахарями. Что заставляетъ отодвинуть созданіе заговоровъ еще въ глубь вѣковъ. Позднѣйшія наддѣлки, подражанія составляютъ лишь кажущееся исключеніе. Но не только одни врачебные, но и всѣ заговоры вмѣстѣ, со включеніемъ въ близкой съ ними связи стоящихъ повѣрій и т. п., естественно составляли часть того общаго міровоззрѣнія, которое имѣлъ тогда народъ. Созданные первобытно въ формѣ, вѣроятно, сравненія, приказа, заговоры у насъ лишь съ занесеніемъ къ намъ варягами идолопоклонства, слѣдовъ котораго, какъ говорили раньше, у насъ почти нѣтъ (оттого въ нашихъ заговорахъ и нѣтъ, какъ въ Литовскихъ, перкуна и пр.), могли принять внѣшнюю отдѣлку въ видѣ вступленія, замка, ключа и даже крѣпкаго слова, т. к. наивное отношеніе къ природѣ уже пошатнулось отъ сосѣдства иноплеменниковъ и принудительнаго воздѣйствія ихъ религій, прервавшей естественный ходъ развитія міровоззрѣнія; слѣдуя тѣмъ же путемъ, какъ и развитіе ума (да еще при внѣшнемъ толчкѣ) и переживая. Съ потерей вѣры въ слово въ заговорахъ началось постепенное отпаденіе словъ, конечно, начиная съ вступленія, замка и пр. Зато дѣйствіе, сопровождающее заговариваніе, постоянно наростало, переходя изъ символическаго въ полезное, употребляя болѣе и болѣе толковыя средства, а потомъ лѣкарства. Теряя постепенно слова, заговоръ принималъ форму афоризма, послѣ чего оставалось одно т. наз. народное лѣкарство или лѣченіе. Такимъ путемъ, м. б., много древнихъ заговоровъ утеряны. Даже въ переходныхъ заговорахъ, сохранившихъ, повидимому, стихійное начало нетронутымъ, замѣтенъ тотъ же процессъ, вплоть до молитвы, при помощи вносокъ лицами уже инаго міровоззрѣнія, не понимавшими, конечно, пережившаго смысла, и при помощи подражаній, тотчасъ же, конечно, отличимыхъ, какъ новость. Шепотъ, конечно, уже во времена христіанства замѣнилъ громкое заговариваніе. Много способствовало переходной формѣ и то наивное стремленіе къ вѣрованіямъ обожателя природы, доказывая съ тѣмъ вмѣстѣ, что къ заговорамъ первобытный человѣкъ привыкъ относиться какъ къ молитвѣ. Высказано мнѣніе, что всѣ наши заговоры заимствованы. Едва-ли?, хотя подготовительныхъ работъ для точнаго рѣшенія этого вопроса еще нѣтъ. Одинаковые, какъ видѣли выше, съ чешскими, сербскими и болгарскими, заговоры лишь обіци намъ съ ними, какъ всеславянскіе, бывъ созданы до раздѣленія на отдѣльные народы. Привнесеніе къ намъ варягами, хотя тоже славянами, но м. б. ими заимствованы отъ содружинниковъ скандинавовъ, ни отвергать. ни принять въ настоящее время нѣтъ данныхъ. Заимствованій съ востока или отъ финскихъ племенъ нельзя принять по большой разницѣ міровоззрѣнія. Вообще думается, что если допустимо заимствованіе, то заимствованіе цѣлаго ихъ цикла, а не единицъ и во всякомъ случаѣ много раньше раздѣленія на отдѣльные народы. Въ моей молодости я записалъ извѣстный заговоръ: «Збасалися сцѣпалися два высота вмѣсто», но совсѣмъ въ русской редакціи;

«Сходилися, сливалися двѣ горы, такъ сойдутся, такъ сростутся двѣ коры, двѣ кости, безъ боли и крови», и больше ничего. Теперь, не смотря на годовые поиски, не могъ найти, откуда я выписалъ это.

Значеніе заговоровъ для врачебнаго историка ясно уже изъ подробнаго пересмотра ихъ. Мы видѣли, какъ помимо названій болѣзней, нѣкоторыхъ взглядовъ на нее, анатомическихъ названій частей тѣла, какъ постепенно съ отживаніемъ заговора наростала, собственно врачебная дѣятельность, отъ сдуванія, плевка, слизыванія, узловъ (передаваемыя въ семьѣ), теряя символичность, приближалась къ лѣкарствамъ, хотя сначало необходимы были магич. травы, жиры и органы животныхъ (лишь сорокъ лѣтъ назадъ нѣмец. врачи лѣчили органами животныхъ. Мою мать въ тифѣ дерптецъ лѣчилъ прикладываніемъ разрубленныхъ живыхъ голубей) — при кочевомъ бытѣ, лѣкарственныя травы, корни осѣдлаго быта, но еще символическіе; и какъ съ потерей словъ заговора являлось народное лѣкарство. Коротко сказать, сначала жрецъ приказывалъ только Богу, т. е. лѣчилъ однимъ словомъ. Потомъ, теряя вѣру въ него, стали сдувать, сплевывать. Потомъ обводятъ пальцемъ, ножемъ (громовая стрѣла), прижимаютъ рукой, сбрызгиваютъ, умываютъ, прижигаютъ искрой. Затѣмъ наговоръ на воду, кору, траву даже на мазь. Наконецъ, трава и мазь употребляются безъ заговору, думая, что духъ (демонъ) травы изгоняетъ духа болѣзни. Т. е. русскій человѣкъ прежде опытнаго знанія лѣкарства выбиралъ его по тому символу, который трава изображала въ отношеніи къ сказанной силѣ природы. Еще при Алексѣѣ Михайловичѣ лѣкарь долженъ былъ, давая лѣкарство, даже внутрь, причитать. Самое исканіе корней, травъ есть уже переходъ отъ заговора. Но важнѣе вопросъ, рѣшаемый нашими изслѣдованіями отрицательно, что какъ заговоры, такъ и средства при нихъ не созданы народомъ, а лицами, потогдашнему, спеціальными. Слѣдовательно, о народной медицинѣ можно говорить лишь сравнительно съ другими народностями, а собственно простонароднаго (т. е. созданнаго народомъ) врачевства у насъ нѣтъ. Если же говорить о чемъ либо подобнымъ, то будетъ д о м а ш н я я, уже вся изъ книгъ или рукописей взятая м е д и ц и н а. Хотя изъ древняго обычая выставлять больныхъ по дорогамъ для опроса совѣтовъ ясно, что почти всякій, кто зналъ какое-либо средство, предлагалъ его (м. б. и семьями, какъ заговоры), т. к. мы уже сказали, что общее развитіе въ древности было много равномѣрнѣе распредѣлено. Оттого, м. б., и теперь каждый спѣшитъ дать совѣтъ больному, который потому и любитъ мѣнять лѣкарства и врача. Остается рѣшить, кто дѣлалъ эту замѣну символическихъ лѣкарствъ опытными. Народъ самъ (т. е. единицами) едва-ли могъ быть такимъ тонкимъ наблюдателемъ, за что говорятъ вѣка. А тѣ же, жрецамъ подобные, знахари.

Здѣсь бы слѣдовало подробное изученіе и домашнихъ (въ популярныхъ книгахъ, собственно въ народѣ употребляемыхъ) лѣкарствъ, но совладѣть съ этимъ одному не подъ силу. Тѣмъ болѣе, что пересмотръ значительной части ихъ не измѣнилъ бы уже высказанныхъ убѣжденій, что почти все изъ книгъ или досужій недоносокъ мысли полуграмотнаго человѣка. О домашней же медицинѣ, боясь гусей раздразнить, помолчимъ до поры, когда обопремся на цифры и факты. Теперь лишь скажемъ, что олицетворяя, считая болѣзнь живою, человѣкъ смотрѣлъ и на лѣкарство какъ на живое, слѣдовательно: 1) для каждаго человѣка разное въ каждой болѣзни; 2) для каждой болѣзни свое и 3) отъ каждаго припадка, а не отъ всей болѣзни.

Г Л А В А VIII.

Врачебники на Руси. — Ихъ исторія. — Ихъ составъ. — Выводы.

До сихъ поръ между образованными людьми вообще и врачами въ особенности существуетъ не совсѣмъ правильный взглядъ на русскіе лѣчебники, какъ на что-то стоящее внѣ всякой науки, какъ на самостоятельное твореніе необузданной фантазіи простаго

необразованнаго русскаго народа, о которыхъ даже говорить въ серьезномъ обществѣ неприлично, какъ о какой-нибудь гомеопатіи. Это недоразумѣніе зависитъ прямо отъ малаго знакомства общества съ предметомъ. По моему, напротивъ, основательное знакомство съ нашей древней врачебной письменностію настоятельно необходимо для пониманія исторіи нашего врачебнаго образованія и быта, въ то или другое время, чтобы причинно связать то, что было съ тѣмъ, что есть и что иначе быть не могло. Понятно намъ станетъ, почему, напр., воспитанное на всемъ чужомъ наше отживавшее врачебное сословіе, когда-то дѣятельное (врачи эмпирики), не могло возродиться въ самомъ себѣ и усвоить новую науку, не имѣло силъ противиться ходу чужаго въ наукѣ, предпочло т. ск. вымереть до одного, оставивъ поле дѣятельности оффиціальному, новому врачевству, которое т. об. теряло послѣдніе корни въ народѣ, стало оторваннымъ, внутренне слабымъ и даже мало понимающимъ народное стремленіе, народныя нужды. Сдѣлалось чужимъ, почти инороднымъ тѣломъ въ организмѣ.

Изучая русскіе рукописные лѣчебники, я издалъ о нихъ книгу «Русскіе Врачебники», Спб., 1896, 8°, 268 стр. Предлагаемое здѣсь есть сжатый очеркъ изъ той книги, на №№ рукописей въ которой мы и будемъ ссылаться при надобности.

Исторія врачебной рукописной словесности необширна. По всему вѣроятію въ дотатарское время у насъ были рукописные врачебники а м. б. отъ самаго начала письменности, вынесенные еще изъ общеславянскаго источника, до раздѣленія славянъ на особыя народности. Т. к. кромѣ пришлой арабской или греческой болѣе или менѣе, по времени, научной медицины у насъ цѣлыя мѣстности славились тогда врачами, напр., Рязань въ XI вѣкѣ, не говоря про Кіевъ, какъ столицу. Заимствованы ли они были и отъ кого, это другой вопросъ. О самостоятельныхъ, кажется, едва ли можно говорить. Но дѣло въ томъ, что ни одного изъ нихъ не сохранилось и за давностію и по исключительно практическому тогда наученію. Какъ теперь коновальское ученіе, видимо съ поконъ вѣковъ существующее въ нѣкоторыхъ, богатыхъ лошадьми, мѣстностяхъ. Первые слѣды упоминаній о врачевствѣ мы встрѣчаемъ еще въ Изборникѣ Святослава 1073 г. Затѣмъ въ современныхъ ему тогдашнихъ колядникахъ, громникахъ, молніянникахъ и т. п. Все конечно переводное. Есть намеки и въ древнихъ сербскихъ, болгарскихъ рукописяхъ XIII—XIV вѣка. Съ XV в. у насъ начали появляться свои болѣе систематическіе переводы, напр., Ученіе «Галиново на Ѵпократа» (о тѣлѣ и душѣ человѣка), сохранившееся въ одномъ Кирило-Бѣлозерскомъ сборникѣ XV в. Уже довольно порядочный отрывокъ. Первымъ по времени у насъ переводнымъ врачебникомъ, принадлежащимъ къ отдѣлу лѣчебниковъ, я считаю т. наз. «Лѣчебникъ Строгоновскихъ лѣкарствъ» (№ 2 наш. кн.). Переводъ, кажется, съ англійскаго языка, сдѣланъ по заказу (какъ Благопрохл. Верт. по заказу митрополита Даніила, а польск. лѣчебникъ по заказу воеводы Бутурлина) Строгонова однимъ изъ служащихъ у него, Кайбышевымъ (вѣроятно врачъ). Подлинника не сохранилось, но нужно думать, что въ теченіе времени отъ первыхъ Строгановыхъ, м. б. со время Василія Темнаго, лѣчебникъ постепенно дополнялся другими заимствованіями и получилъ видъ сборника, какъ и большинство нашихъ врачебниковъ. Строгановы издавна заботясь о врачевствѣ въ своихъ восточныхъ поселеніяхъ, имѣли тамъ даже иноземныхъ врачей за-долго до появленія ихъ въ Москвѣ при дворѣ. Лѣтопись при Грозномъ даже называетъ Строганова самого врачемъ по поводу приставленія имъ мушки больному любимцу царя — Годунову. Какъ имя переводчика, такъ и нѣсколько выдержекъ изъ этой книги сохранилось въ нѣкоторыхъ изъ старыхъ нашихъ лѣчебниковъ. Лишь по сверженіи татарскаго ига, когда Россія стала оживать, видимъ первыхъ европейскихъ врачей при дворѣ Ивана III (хотя отвергать врачей при дворахъ прежнихъ государей своихъ туземныхъ врачей было бы неосновательно), а при Василіи Ивановичѣ начатъ переводомъ первый извѣстный намъ и хорошо доселѣ сохранившійся въ спискахъ XVII вѣка, Травникъ, т. наз. «Благопрохладный Вертоградъ» (рукоп. 3-я нашей книги) нѣкіимъ нѣмцемъ Любчаниномъ (вѣроятно чехъ). Къ тому же времени или немного позднѣе, при царѣ Грозномъ, въ блестящую эпоху его царствованія, я не безъ основанія отношу переводъ Аристотелевыхъ проблемъ (сводъ тогдашней анатоміи, физіологіи, №№ 150—63 наш. кн.). По всему

вѣроятію и книга Іеронима Брауншвейгскаго «О пропущеніи водъ изъ травъ» (№№ 67—70 наш. кн.) переведена немного позднѣе. А м. б. и переводъ «Афоризмовъ Ипократа» (№ 165 наш. кн.) начатъ тогда же. О каждой изъ нихъ въ своемъ мѣстѣ подъ годомъ будемъ говорить позднѣе. Во вторую половину царствованія Грознаго и потомъ обстоятельства мало благопріятствовали такимъ работамъ. Впрочемъ, въ 1587 г. появился Станчевскаго переводъ т. наз. Бутурлинскаго Травника (нашъ № 9) съ польскаго краковскаго перевода. Но это передѣлка Благопрохладнаго Вертограда, которая существовала почти у каждаго народа своя. Вообще Благопр. Верт. былъ сводомъ общей тогдашней всесвѣтной научной медицины по древнимъ источникамъ; существовалъ онъ, какъ видно, не одинъ вѣкъ и на всѣхъ языкахъ. Но съ появленіемъ новой научной медицины въ XVI в. онъ къ тому времени, устарѣвъ, отодвигался на задній планъ, оставаясь въ рукахъ т. наз. врачей эмпириковъ. Невозможность же основывать практическое врачевство на данныхъ едва зачавшейся новой науки ставила въ необходимость еще долго потомъ придерживаться стараго Благопр. Верт. и породила множество передѣлокъ, сокращеній его, прилаживаемыхъ къ уровню пониманія невысоко еще образованнаго врача. Въ смутное затѣмъ время, да и во все почти царствованіе Михаила Ѳеодоровича, пока еще оставались слѣды смуты, конечно было не до врачебной словесности. Лишь съ Алексѣемъ Михайловичемъ начинается пышный ея разцвѣтъ. Особенно съ вызовомъ кіевскихъ монаховъ, образовавшихъ почти ученое общество и съ учрежденіемъ врачебной школы, аптекъ для частной продажи, служилаго врачебнаго сословія уже на новыхъ европейскихъ началахъ. Но по стеченію обстоятельствъ, одномѣрно съ ходомъ нашего общаго образованія и врачебное дѣло не избѣгло общаго тогда столкновенія у насъ старогреческаго направленія въ развитіи съ ново-латинскимъ, схоластическимъ. Хотя это послѣднее, бывъ заимствовано съ Запада, само тамъ уже отстало отъ жизни, а потому и у насъ проводило устарѣвшее міровоззрѣніе, знаніе и источники ихъ—устарѣвшія книги. Оттого наша врачебная словесность не особенно отставала отъ общей, т. ск. гражданской (т. к. духовная была далеко впереди) словесности того времени. Тогда какъ раньше, напр., въ Кіевскій, особенно во Владимірскій періодъ она неизмѣримо была ниже общей и не имѣла ничего самостоятельнаго.

По составу все написанное у насъ по врачевству само собою распадается на четыре самостоятельныхъ отдѣла при простомъ сопоставленіи: 1) Травники съ болѣе или менѣе научной теоретической подкладкой, составленные по древнимъ философамъ. Ихъ было у меня въ рукахъ 66 и значатся въ моей книгѣ подъ именемъ Вертоградовъ. Въ этомъ отдѣлѣ, болѣе чѣмъ гдѣ, выясняется тотъ ходъ переживанія коимъ шла наша врачебная словесность, постоянно сокращаясь и измѣняясь. Въ этой работѣ измельчанія, помимо самихъ иноземныхъ подлинниковъ, принимали большое участіе и наши туземныя силы и довели сокращенія до четвертаго порядка, съ постояннымъ пониженіемъ научности, ради практичности и общедоступности содержанія. Самымъ типичнымъ и какъ видно уважаемымъ современниками, представителемъ этого отдѣла былъ общеизвѣстный «Прохладный Вертоградъ». Но и въ немъ, какъ въ сокращеніи 3-ей рукописи нашей книги, еще мало чисто практическихъ врачебныхъ пріемовъ, т. е. приготовленія снадобей, размѣра ихъ дачъ и т. п. 2) Отдѣлъ—Приготовленіе изъ травъ водъ и вообще всѣхъ лѣкарствъ. Ихъ 23 рукописи. Тутъ наоборотъ въ первый рядъ выступаютъ, позднѣе впрочемъ (въ концѣ XVII в.), добавленія, привнесенія новаго современнаго, какъ бы недовольствуясь скудными старыми данными. При этомъ, однако, не забывалось и общее всѣмъ отдѣламъ стремленіе къ сокращенію, опростенію съ потерей научности. Въ этомъ отдѣлѣ по преимуществу выступали наши туземныя уже врачебныя силы, тогда какъ въ Вертоградахъ, и въ 4 отдѣлѣ замѣтно водительство духовенства. Имѣемъ нѣсколько именъ подъ самостоятельными почти работами конца XVII вѣка — аптекаря Гурчина, лѣкаря Венедиктова и др., съ самостоятельными научными привнесеніями. Въ 3) отдѣлѣ — Лѣчебникахъ, которыхъ 59, уже ни капли духовнаго вліянія. Да и новые (тогда лишь оффиціально служебные) врачи едва-ли принимали замѣтное участіе въ составленіи и особенно въ сокращеніяхъ и пониженіи научности лѣчебниковъ. А они, напр., въ простонародныхъ

травникахъ, дошли до послѣднихъ столбовъ опростенія, съ потерей, мѣстами, всякаго смысла, до служенія лишь мамонѣ. Работниками, въ этомъ отдѣлѣ по всему вѣроятію, были т. наз. врачи эмпирики, начетчики, грамотеи, м. б., старообрядцы, знахари и развѣ самое низшее духовенство. Т. к. всѣ они, слѣдя за вѣкомъ, какъ бы избѣгали всякаго соприкосновенія съ новостями науки, довольствуясь искаженіями древнихъ и такими обильными заимствованіями, что сдѣлали весь отдѣлъ такою смѣсью, что въ ней не разобраться, добиваясь лишь одной практичности въ ущербъ всему прочему. Теоріи не осталось ни слова, описанія припадковъ болѣзней, дѣйствія лѣкарствъ и т. п., особенно въ концѣ XVII вѣка, почти не осталось. Одни лишь названія, часто испорченныя, болѣзней и средствъ противъ нихъ. О приготовленіи, смѣшеніи и размѣрѣ дачъ послѣднихъ говорится, впрочемъ, много подробнѣе, особенно у старыхъ переводчиковъ, напр., у Кайбышева. Въ этомъ отдѣлѣ легче всего прослѣдить излюбленный способъ составленія нашихъ лѣчебниковъ. Возьметъ грамотей нѣсколько первообразовъ или старыхъ лѣчебниковъ, отмѣтитъ на поляхъ каждаго, что ему понравилось—«надо, не надо», возьметъ столько листовъ бумаги, сколько задумано (отмѣчено) имъ болѣзней и начинаетъ работу. Т. е. выписываетъ изъ каждой книги по очереди подъ одной болѣзнію что ему «надо»; затѣмъ переходитъ къ другой и т. д. до конца. При этомъ немилосердно перевираетъ названія болѣзней и лѣкарствъ, дополняя непонятное собственными, никакого отношенія къ наукѣ не имѣющими, домыслами. Представьте же себѣ, когда составитель обложится, для своей работы, уже такой же фабрикаціи книгами? Тѣмъ не менѣе національный складъ, обрусѣніе содержанія (тверской ковшикъ, трава, что растетъ въ Москвѣ рѣкѣ, русскія рыбы, старые, завѣщанные заговорами, врачебные пріемы) именно въ этомъ отдѣлѣ и замѣтнѣе, указывая на излюбленность этого отдѣла русскимъ грамотникомъ по преимуществу. А м. б., и по степени общественнаго тогда развитія. Въ этомъ отдѣлѣ можно указать на одинъ дѣйствительно старинный «древнеэллинскій» лѣчебникъ, конечно, въ позднѣйшемъ спискѣ; но множество пропусковъ, прибавокъ, перевираній переписчиковъ, какъ слѣды времени, настолько исказили его, что становится трудно сказать, дошелъ ли онъ къ намъ до татаръ изъ Греціи или позднѣе заимствованъ чрезъ Европу. Остальное въ отдѣлѣ почти все не ранѣе, пожалуй, конца XVII вѣка. 4) Въ послѣднемъ, созданномъ мною искусственно, отдѣлѣ—смѣси (30 рукописей) прежде всего поставлены древніе классики какъ цѣльными переводами, такъ и отдѣльными отрывками, разбросанными по разнымъ, часто не врачебнымъ, сборникамъ. Тутъ Галенъ, Аристотетель, Ипократъ и др. Во всѣхъ нихъ ярче всего выставляется, т. ск. отсутствіе жизни. Т. е. ни малѣйшихъ измѣненій, прибавокъ, передѣлокъ, сокращеній. Какъ переведены въ XVI вѣкѣ, такъ и остались. Оттого неискаженный языкъ перевода замѣчательно чистъ и легко читается, понимается. Больше десяти, бывшихъ у меня въ рукахъ, напр., проблемъ Аристотеля, не носятъ почти никакихъ слѣдовъ измѣненій. Видно, что созданный, по всему вѣроятію, высшимъ духовенствомъ или учеными монахами, весь этотъ отдѣлъ и вращался по преимуществу межъ развитымъ людомъ, удовлетворяя любознательности, а не служа для каждодневной потребы жизни. Потому онъ и не спускался въ низшіе практическіе кружки.

Отсылая къ самой книгѣ для болѣе подробнаго знакомства съ лѣчебниками или въ погодный историческій разсказъ, мы здѣсь сообщимъ лишь вкратцѣ выводы, къ которымъ привело насъ изученіе почти 200 нашихъ древнихъ врачебныхъ рукописей.

Древнѣйшимъ названіемъ нашихъ врачебниковъ нужно считать «Зельникъ» (никоимъ образомъ не зелейникъ, такъ какъ зелейная напр. казна означала порохъ). Слово «зелье» встарь совмѣщало въ себѣ понятіе не одного растенія; напр. сѣра, камфора, ртуть назывались также зельями. Позднѣе, когда вошло въ употребленіе слово «травникъ», какъ болѣе новое и обособленное понятіе лишь растенія, «зельемъ» стали, въ срединѣ XVII в., называть сложное составное средство, напр. составъ зелья отъ лихого, куда входили и ртуть, и воскъ, и даже ничего растительнаго не имѣющія смѣси. Когда въ травники стали включаться составы изъ животнаго и другихъ царствъ, то наиболѣе чистые изъ нихъ, т. е. состоящіе изъ однихъ растеній, старались обозначить словомъ «цвѣтникъ». оттуда «вертоградъ», какъ (реторическое) украшеніе, такъ какъ къ тому времени начи-

налось уже искусственное разведеніе цѣлебныхъ травъ въ садахъ. Травники же, принимая въ себя все болѣе разностороннихъ врачебныхъ понятій, силою вещей стали лѣчебниками. Естественнымъ противовѣсомъ этому получужому слову у стариковъ явились цѣлебники, врачебники, даже цѣльники. Латинская часть (см. ниже), которая и ввела слово лѣчебникъ, дала ему перевѣсъ. А зельникъ, какъ древнее, стало устарѣвшимъ. Цвѣтникъ и вертоградъ заимствованы изъ общей, духовной словесности и потому во врачествѣ не имѣли постоянно опредѣленнаго значенія. Впрочемъ позднѣе цвѣтниками назывались книги смѣшаннаго — не одного врачебнаго — содержанія.

По внѣшности наши врачебники въ преобладающемъ количествѣ суть сборники; и не тѣ лишь виды, что̀ названы такими у нашихъ библіографовъ, какъ рукописи 10—16. Такогожъ почти состава и всѣ Вертограды, считаемые отдѣльнымъ, самостоятельнымъ цѣлымъ, какъ и множество лѣчебниковъ. Эта сборность прямо указываетъ на нихъ, какъ на плодъ не самостоятельнаго, а средневѣковаго составительскаго лишь труда, каково было и большинство тогдашней европейской врачебной словесности. Кромѣ того у насъ изстари накопилось нѣсколько отдѣльныхъ небольшихъ переводовъ, считаемыхъ не безполезными, часто не прямо врачебныхъ, но ихъ будто жаль было бросить. Позднѣе съ появленіемъ новаго ученія явилось сознательное стремленіе заполнить пробѣлы излюбленныхъ книгъ, напр. «Прохладнаго вертограда», статьями болѣе новаго аптечнаго приготовленія.

Всѣ сохранившіяся врачебныя рукописи сравнительно не стары. Кромѣ врачебныхъ замѣтокъ въ каледарникахъ и т. п., да небольшого перевода Галена XV-го вѣка, всѣ почти списки XVII в. и притомъ большинство конца его. Правда, имѣются указанія на существованіе нѣсколькихъ XVI в.; да предположить можно о не сохранившихся, но бывшихъ. Это соотвѣтствуетъ ходу нашего общаго образованія. Хотя, конечно, духовная, напр., словесность шла много впереди и по качеству, и по количеству, и по времени. Отъ свѣтской же несамостоятельная врачебная мало отставала и т. об. соотвѣтствовала потребности знаній образованнаго тогда люда, а послѣ и народа—практическою своей стороной. По числу и смыслу ошибокъ можно вѣрно заключить, что первичные списки, за самыми малыми исключеніями, до насъ не дошли, а сохранились лишь въ послѣднихъ, самыхъ сокращенныхъ, т. ск. уже опростѣвшихъ спискахъ.

Всѣ наши врачебныя рукописи суть перводы съ иностраннаго и, м. б., потому не носятъ имени сочинителя. Малое число сдѣланныхъ завѣдомо русскими представляютъ лишь заимствованія либо съ иноземныхъ образцовъ, или съ болѣе раннихъ русскихъ списковъ.

Во всѣхъ трехъ (кромѣ смѣси), намѣченныхъ нами рядахъ, по которымъ мы размѣстили наши врачебныя рукописи по составу содержанія, ясны слѣды не застоя и косности, какъ въ классическихъ переводахъ, а постояннаго движенія, жизни или лучше сказать—переживанія. Части, почему-либо казавшіяся по времени устарѣвшими, замѣнялись болѣе новыми. Подмѣтили мы и общій законъ этого переживанія—постепенное сокращеніе, опростѣніе съ потерей научности и съ приближеніемъ къ общедоступности и не-врачамъ. Мы видѣли какъ эти греческія, старославянскія и старолатинскія современно-научныя работы (трактаты—каковыми признавались и самими сочинителями и собраніемъ высшей врачебной власти временъ Алексѣя Михайловича и нами теперь безпристрастными зрителями былого, словомъ всѣми кромѣ историка Рихтера) XVI вѣка, проходя постепенно различныя степени передѣлокъ, обращались въ болѣе краткіе учебники, мѣстами даже съ обновленіемъ содержанія. Мы видѣли постепенное, наприм., напластованіе отъ 10 до 16 рукописи. Замѣтили, какъ эти учебники, доходя путемъ разноса, до простого люда времени около Петра I-го, начали снова сокращаться и дополняться нѣмецкими и новолатинскими придатками, но все же естественнымъ ходомъ дошли, напр., въ лѣчебникахъ и особенно въ простыхъ травникахъ, до крайнихъ предѣловъ потери всякой научности. Пережили до того, что не осталось почти ни слова стараго первообраза. Мы нашли по возможности и причину этого, т. ск. законнаго отмиранія, въ новой наукѣ, которая по мѣрѣ развитія вытѣсняла старую, а та, т. об., постепенно отживала вмѣстѣ съ ея старинными предста-

вителями, по мѣрѣ ихъ вымиранія. Указали и образчики составительства, захваченные въ мигъ своего зарожденія. Нашли доказательства подобія въ ходѣ нашего врачебновѣдѣнія съ ходомъ общей русской словесности, гдѣ изъ спора старогреческаго классическаго направленія съ латинскимъ схоластическимъ, вводившимъ къ намъ за новость уже устарѣлые на западѣ образцы міровоззрѣній; и какъ изъ этого столкновенія неожиданно явилось третье новонаучное европейское направленіе. При немъ во врачествѣ мы перенесли нашу заимствовательную способность на европейскую врачебную науку, занимая широкою рукою, сплошь и рядомъ, и подходящее и неподходящее, безъ строгаго разбора, чѣмъ отодвинули, отставши т. обр. опять, время самостоятельной работы. Такъ что еще въ семидесятыхъ годахъ нашего вѣка мы, по слову одного талантливаго нашего работника, продолжали «работать на нѣмецкую науку», считая себѣ въ честь появиться въ нѣмецкихъ журналахъ. Ни одна страна не богата такъ переводами съ иностраннаго. Эти три времени (періода) грекославянское, латинское и европейско-нѣмецкое почти совпадали съ XVI, XVII и XVIII вѣками, не мѣшая впрочемъ старымъ направленіямъ доживать свой вѣкъ: что дѣлало возможнымъ появленіе напр. лѣчебниковъ въ родѣ Бухана въ началѣ XIX вѣка, и дало поводъ, при усиленной постоянной поддержкѣ и образованнаго люда и правительства, развиться въ широкихъ размѣрахъ такъ называемой домашней медицинѣ «въ отсутствіи врача». Это застарѣлое общественное мнѣніе не отжило совсѣмъ еще и теперь, даже частію и у высшихъ представителей нашего умственнаго развитія. Слѣды дѣленія на эти три вѣка можемъ прослѣдить и въ нашихъ врачебникахъ по грамотности, образности языка, даже въ ошибкахъ и суевѣріяхъ, не только въ зависимости отъ того или другого школьно-научнаго направленія. Были у насъ свои Галенисты, свои алхимисты, свои западники, не было лишь славянистовъ, зато не мало было и такихъ, кои «не вѣдятъ бо что творятъ». Въ твореніяхъ XVI вѣка языкъ чище, ученѣе, образнѣе; ошибокъ несравненно меньше, суевѣрій почти нѣтъ; то и другое значительно возрасло въ XVII в. (особенно къ концу вѣка). Грамотность понизилась, даже письмо испортилось, не говоря о научности содержанія, языкъ сталъ переполняться всевозможными «измами». Ясно обозначилось, еще до Петра I-го, тяготѣніе къ иноземщинѣ, хотя по большей части со стороны иноземцевъ «польской и другихъ породъ». Такимъ образомъ связь съ общимъ можно сказать образованіемъ не прерывалась. Скоропись XVIII в. почти читать нельзя. Научность стала исчезать, безграмотность стала общей, суевѣрія дошли до крайнихъ предѣловъ разума и нравственной разнузданности; книги сократились до-нельзя, особенно травники.

Обыкновенно у насъ думаютъ, что врачество принесено къ намъ греческимъ духовенствомъ. Хотя мы до Р. Хр. имѣли своихъ, уважаемыхъ и въ Греціи, скиѳскихъ врачей. Но въ Греціи была медицина храмовая, одной стороной близкая къ нашей домашней, и медицина гиппократовская, т. е. научная. Современная намъ врачебная исторія считаетъ ихъ другъ отъ друга независимыми, совсѣмъ разными по источникамъ и какъ бы враждебными. Говорятъ, что греческіе монахи, прямые наслѣдники первой, внесли ее къ намъ. Помимо голословности этого мнѣнія, вспомнимъ, что храмовая медицина кромѣ гигіены лѣчила лишь снами да заклинаніями и проч., не имѣя писанныхъ правилъ, другая же стремилась у насъ къ выводамъ, стало быть къ научности, а не къ опростѣнію. Ничего подобнаго снамъ въ нашихъ врачебникахъ нѣтъ, а болѣе вѣроятно, что *греческіе учители* наши сами учились у гиппократиковъ. Стало быть, *могли привести къ намъ* вмѣстѣ съ греческими учеными врачами *лишь научное врачество*. Споръ же св. Агапита съ армяниномъ напоминаетъ лишь наши совѣщанія (консиліумы), гдѣ вопросъ не о началахъ, а о подробностяхъ.

При всемъ этомъ, занятомъ по содержанію, чужомъ до того, что казалось бы нѣтъ совсѣмъ мѣста своему, во многомъ (не прямо переводномъ, а составномъ) ясно сказываются чисто *свои особенности*, черты, помимо названій, языка, даже бытъ. Все это представляетъ нетронутое собраніе отмѣтокъ для изученія историка. Кромѣ того это — указаніе на то, чего требовала тогдашняя жизнь, чего хотѣли составители отъ науки, какъ пробовали, хотя часто и неудачно, отвѣтить на тотъ или другой вопросъ вѣка. Естественно все сказанное не носило слѣдовъ строгой, современной намъ опредѣ-

ленности, было кратко, мѣстами не ясно, но во всякомъ случаѣ представляетъ много любопытнаго. Самое содержаніе, хотя бы и заимствованное, въ своей совокупности прямо указывало на врачебныя воззрѣнія какъ представителей у насъ науки, такъ и люда вообще въ то или другое время. Особенно хорошо выясняется взаимное сходство, связь или лучше зависимость, преемство собственнаго творчества въ травникахъ отъ народныхъ міровоззрѣній, выраженныхъ въ древнихъ заговорахъ. Самое переживаніе содержанія уже ясно говоритъ о мѣстной работѣ, часто почти независимой отъ иноземныхъ подлинниковъ, которые, какъ мы видѣли, тоже переживали.

Этимъ однако я не хочу сказать, чтобы нашъ народъ, какъ таковой, былъ хотя крошечку повиненъ въ созданіи ну хоть травниковъ. Народное эпическое творчество (собственно множества людей—одинъ подмѣтитъ, скажетъ, другой увлечется—поправитъ, прибавитъ и т. д.) возможно въ пѣснѣ, частію въ сказкѣ или пословицѣ, но уже для «Слова о полку Игоревѣ», для «пѣсенъ» Кольцова, Никитина нужна подготовка, исключительность творца, что немыслимо во всякомъ, въ чередовомъ изъ толпы. Ихъ созданія, безспорно, по духу народны, но только потому, что творецъ, живя межъ народа, хорошо понималъ его, а самъ онъ ужъ далеко перешагнулъ уровень толпы, не одной лишь воспріимчивостію, внѣшнимъ обликомъ творимаго. Чѣмъ геніальнѣе, тѣмъ художественнѣе, тѣмъ искуснѣе, а стало быть и творецъ болѣе подготовленъ. Притомъ же это возможно съ содержаніемъ мысли, впечатлительности, вдохновенія, а не съ сухимъ, точнымъ, м. ск. грубоватымъ, содержаніемъ естествовѣдѣнія и мышленія чисто философскаго. Здѣсь въ мигъ увлеченія по вдохновенію творить нельзя, а нужна большая, отчасти строгая, подготовка. Врачебное содержаніе заговоровъ ясно показываетъ, до какого пустомыслія безъ подготовки можетъ дойти идеологія, не опираясь на знаніе, наблюденіе и проч., и переродиться въ астролого-мистическія бредни. Къ тому же все содержаніе взято съ греческаго и латинскаго, что конечно недоступно толпѣ и теперь.

Кто же, гдѣ и когда производилъ или лучше переводилъ и частію составлялъ наши врачебники? Для отвѣта сначала рѣшимъ, для кого они назначались, стало быть о ихъ общемъ научномъ значеніи, а кстати и кто владѣлъ ими.

Въ I части нашего труда — о Вертоградахъ — треть рукописей съ владѣльческими надписями. Изъ нихъ 7 принадлежали черному духовенству (патріарху Никону, митрополиту Даніилу, архіерею Порфирію, епископу Сибирскому, архимандриту Досиѳею, Филагрію и одинъ іеромонаху), 4 священникамъ. То есть ровно половина духовенству, а другая половина складывалась изъ 5 баръ (XVII в. 1 Лихачевъ), 3 гвардейскихъ (1 морск.) офицерскихъ чиновъ, 2 посадскихъ и 1 крестьянина. Не подписанныхъ не можемъ распредѣлить въ такомъ же порядкѣ, помня, что черное духовенство всегда, свѣтское, какъ и баре часто, врачи (собственно учащіеся), горожане рѣдко надписывали, а переписчики, или точнѣе торговцы, почти никогда. Вообще можно заключить, что большинство было на сторонѣ городскихъ обывателей. Деревнѣ же доставалось мало, исключая священниковъ. А принявъ въ расчетъ научность содержанія, видимъ, что болѣе цѣнное создавалось по указанію высшаго духовенства. Очень можетъ быть и не ими самими лично, но конечно съ меньшимъ количествомъ суевѣрій. Нѣсколько иное отношеніе въ другихъ частяхъ. О водахъ и о приготовленіи лѣкарствъ на 23 рук. всего 3 надписи владѣльцевъ—клейменщика, купца и барина. Именно когда эта врачебная словесность стала у насъ служить цѣлямъ домашняго лишь лѣченія, перейдя—въ сокращенномъ видѣ — въ руки люда попростѣе, ибо уже существовала новая наука. Всего двѣ рукописи—о пропущеніи водъ—представители стараго научнаго направленія начала XVII в., а можетъ быть даже XVI вѣка. Остальное все конца XVII в., хотя въ нихъ много русскаго творчества. Какъ видно, этотъ отдѣлъ мало уважался духовенствомъ, такъ какъ приготовленіе лѣкарствъ становится болѣе сложнымъ, требуя особыхъ (спеціальныхъ) знаній. Или лучше весь отдѣлъ, за вмѣшательствомъ современной свѣтской науки, ушелъ изъ рукъ духовенства. Оттого такъ мало надписей владѣльцевъ. Хотя и здѣсь слѣды его дѣятельности остались въ послѣсловіи древнѣйшихъ рукописей—«не корите отцы и братія составившаго и наше смиреніе».—Въ III части о цѣльбѣ на 59 рук. всего 10 съ надписью владѣльцев, и то

лишь одна—горожанина XVII в. Конечно, все это не исключаетъ возможности болѣе ранняго ихъ существованія и безъ надписей. Владѣльцы б. ч. средній городской людъ, ни одного духовнаго или знатнаго свѣтскаго, какъ равно ни одного крестьянина. Развѣ допустимъ, что переводъ 96 р. посвященный Демидову былъ его собственность. Духовенство не могло стремиться владѣть ими, скажемъ, ради суевѣрій въ нихъ и невысокаго научнаго значенія, хотя напр. 90 р. составлена Гурчинымъ. Достойно замѣчанія позднее появленіе лѣчебниковъ (травника одна рукопись XVII в.) и замѣтное распространеніе ихъ въ среднемъ, а не въ высшемъ кругу. Учебниками они едвали могли быть. — Въ IV части любопытны переводы классиковъ и притомъ ранніе, Галена напр. XV в., Аристотеля тоже внѣ всякаго сомнѣнія были въ XVI в. На 37 рук. 5 надписей владѣльцевъ. Надо принять въ разсчетъ, что въ этомъ отдѣлѣ календари, сборники, греческія рукописи. Все же по большей части владѣльцы горожане и между ними патріахъ Адріанъ. Вѣроятно этотъ отдѣлъ не порывалъ преемственной связи съ XVI в., когда началась наша врачебная словесность. Владѣльцами, конечно, были люди болѣе образованные и болѣе состоятельные, болѣе подходящіе къ научному уровню этихъ книгъ.

Мѣстомъ созданія до 2-й трети XVIII в. нашихъ врачебниковъ, конечно, нужно считать исключительно Москву. Лишь позднѣе стали являться въ Петербургѣ и другихъ городахъ.

По времени доселѣ сохранившаяся словесность зачалась съ 30-хъ годовъ XVI в., возродилась въ половинѣ XVII и особенно развилась къ концу этого вѣка. Въ XVIII в. едва шла до появленія печатныхъ врачебныхъ книгъ. Впрочемъ переписка не прекратилась и въ XIX в., но уже тутъ, мнѣ кажется, больше для удовлетворенія любителей, собирателей. Лишь травники могли находить сбытъ въ народѣ.

Вспомнимъ кстати здѣсь въ общихъ чертахъ о научности нашей древлеписанной врачебной словесности. Первые переводы календарныхъ свѣдѣній въ родѣ Изборника Святослава 1073 г. вплоть до XV вѣка — мало научны. Что переводы классиковъ съ XV в. до XVII вѣка вполнѣ по времени научны, конечно, никто не усумнится. Вертограды и приготовленіе водъ таковыми признаны Аптекарскимъ Приказомъ XVII в. — «очень полѣзными для наученія» — и мы не обинуясь подтверждаемъ тоже. Врачебники XVII в., хотя уже начавшіе сокращаться, служили учебниками. Но къ концу вѣка все болѣе и болѣе уходили отъ науки, отчасти вслѣдствіе сокращеній и передѣлокъ, такъ сказать опростѣнія, частію же отъ появленія новой науки. Попытки освѣжить ихъ ею удавались лишь въ слабѣйшемъ въ наукѣ отдѣлѣ — въ приготовленіи лѣкарствъ. Въ XVIII в. уже полное отживаніе старыхъ началъ, переставшихъ быть нужными, за наростаніемъ новыхъ. Тогда наши травники, созидаемые торговлей будто для народа, потеряли и слѣды науки, а пожалуй и смысла. Въ общемъ стало, что русскіе врачебники писаны для наученія, и лишь въ XVIII вѣкѣ для самолѣченія. Но для народа всѣ они остались чуждыми, какъ въ то время когда ихъ привезли греки, были чужды, какъ навязанное, а не свое родное.

Кто же были дѣятели въ этомъ историческомъ переживаніи хотя бы и запоздавшей у насъ ходомъ науки? Переводчиками первыхъ нашихъ врачебниковъ, кромѣ русскаго Кайбышева, нужно считать западныхъ славянъ, одинъ — Станчевскій извѣстенъ. Конечно при помощи грамотнаго и сильнаго покровителя — духовенства, правившаго языкъ, а м. б. и заказывавшаго переводы. Въ XVII в. могли быть сначала монахи, такъ какъ врачи еще не владѣли языками. По крайности кіевскіе ученые старцы оставили въ срединѣ вѣка широкій по себѣ слѣдъ толковыми переводами. Къ концу вѣка взялись и другіе. Въ XVIII в. стали извѣстны имена переводчиковъ изъ дьяковъ, книжниковъ (отъ нихъ и множество грубыхъ ошибокъ въ названіяхъ), врачей, а, м. б. отчасти и монаховъ; такъ какъ большинство книжниковъ, часть врачей и дьяки были по преимуществу изъ духовнаго сословія. Переписчиками же были часто монахи изъ благочестія, книжники за деньги, а ученики нужды ради — запастись учебникомъ. Составителями могли быть вначалѣ болѣе образованное, думаю высшее монашество, часть смышленыхъ переписчиковъ. Къ концу XVII в. взялись врачи, потомъ по ихъ примѣру книжники и рынокъ тотчасъ сказался въ заурядности работъ, сокращеніяхъ до-нельзя, въ смѣшеніи

и проч. Хотя сокращать начали первые врачи — сами иноземцы — для своей потребы (конспекты). Потомъ каждый составитель считалъ то своей обязанностію. И дошли до 2-хъ, 3-хъ и 4-хъ сокращеній, до тарабарщины. Пока аптекаря не начали пополнять, а книжники хватать отвсюду обрывки. Къ концу XVIII в. составители мирно переодѣлись въ издателей печатныхъ лѣчебниковъ, принявъ по наслѣдству торговлю. Они тогда м. уже б. изъ отставныхъ учителей, врачей. Народъ, какъ мы не разъ показывали, совсѣмъ не участвовалъ въ составительствѣ. Развѣ травниковъ, да и то вѣроятнѣе всего пономари и имъ подобные. Ходъ составительской работы мы не разъ указывали со слѣдами его. Съ пониженіемъ же научности составителей подъ вліяніемъ астрологіи появились западныя суевѣрія, впослѣдствіи примкнувшія къ домашнимъ заговорамъ. Разносителями, какъ видѣли, были вначалѣ сами врачи, потомъ площадные книжники и ихъ наслѣдники — издатели, когда созданное Петромъ дворянство получило къ лѣчебникамъ вкусъ или вѣрнѣе то было западное обезьянство. Деревенскій знахарь едва ли тутъ былъ при чемъ. Нѣкоторые думали и даже говорили о движеніи и развитіи нашего знахарства. Исторія же показываетъ наоборотъ, что оно постепенно опускалось, а не шло впередъ. Знахарь, бывшій жрецъ, прибавивъ къ своимъ заговорамъ травки, сталъ врачомъ. Тѣснимый судьбами и христіанствомъ, онъ, бросивъ науку, загрубѣлъ и сдѣлался знахаремъ. Еще астрологомистическія бредни прошлаго вѣка подновили, такъ сказать, знахаря, придавъ ему особый недревній оттѣнокъ; но потомъ онъ вернулся опять къ своему первообразу дошлаго человѣка, котораго М. П. Погодинъ встрѣчалъ въ лицѣ умственнаго человѣка въ каждой деревнѣ, знавшаго все, а ужъ кстати лѣчившаго и заговорами и травками; если же на бѣду онъ былъ грамотенъ, то и снадобьемъ по лѣчебнику. Говоря проще, у насъ не знахарь дѣлалъ лѣчебникъ, а лѣчебникъ дѣлалъ знахаря. Добылъ, прочиталъ, и знаетъ. Впрочемъ лѣчебникъ остался исключительно принадлежностію городскаго лѣчителя, въ деревняхъ же порой священникъ запасался имъ, обязанный вмѣстѣ съ душой лѣчить и тѣло.

В. М. Флоринскій думаетъ, что наши врачебники нужно печатать. Я не раздѣляю этого мнѣнія и вотъ почему. Что касается ихъ врачебнаго содержанія, т. е. описанія болѣзней и средствъ противъ нихъ, то со мною, думаю, согласятся, что современному врачу тамъ нечему учиться. Историческое его для насъ значеніе не важно, такъ какъ оно переводное и скорѣе относится къ общей врачебной исторіи, для нашей же исторіи или лучше врачебной словесности въ высшей степени любопытны развѣ древнія русскія названія растеній и т. п. Эта часть ждетъ заботливыхъ рукъ подготовленнаго изслѣдователя, такъ какъ помимо ошибокъ переписчиковъ, ихъ т. ск. подлаживанія къ русскому смыслу непонятныхъ словъ, слишкомъ вольныхъ домысловъ, есть множество разногласій, многоименности и проч., и проч. Но и это изслѣдованіе важнѣе для ботаника, чѣмъ для врача. Не врачъ же или иноземевъ не одолѣетъ труда. Мы издревле имѣли свои, теперь устарѣвшіе, т. наз. термины врачебные, т. е. названія частей напр. тѣла — какъ мехирь, болѣзней какъ бишиха (теперь рожа), кнотъ (гной), нырокъ (холодный нарывъ) и проч.; а м. б. и ихъ заимствовали, подлежитъ еще доказательству. Что касается собственно языка, видимъ что вначалѣ онъ былъ чисто церковно-славянскій, нелишенный своего рода образности, когда языкъ не сталъ еще совсѣмъ книжнымъ и почти не разнился отъ народнаго, потомъ онъ испортился во врачебникахъ до неузнаваемости, въ концѣ XVII в. занялъ даже иноземное построеніе реченій. Много найдется отжившихъ словъ, старинныхъ грамматическихъ оборотовъ. И здѣсь, конечно, болѣе любопытнаго для словесниковъ. Для насъ важнѣе нѣкоторыя бытовыя указанія нашего сословія. Все это со включеніемъ и того, что найдетъ выгоднѣе меня обставленный мой продолжатель — сличитель, безъ сомнѣнія очень любопытно и поучительно, говорю; но ради того печатать почти всѣ 100 отжившихъ врачебниковъ едва ли стоитъ. Такъ какъ, напр., въ лѣчебникахъ нѣтъ ни одного на столько образнаго (типичнаго) представителя, изданіе котораго замѣнило бы множество, какъ это довольно удачно исполнилъ самъ же В. М. Флоринскій своимъ Прохладнымъ вертоградомъ и народнымъ Травникомъ.

Конечно если бы Анненкову была извѣстна хоть половина изложеннаго въ нашей

книгѣ, его почтенный трудъ выглядѣлъ бы совсѣмъ иначе, не говоря уже о Дерикерахъ и подобныхъ, строившихъ свои измышленія съ его книгой въ рукахъ.

Прим. къ стр. 21, которая была уже напечатана, когда сдѣлался мнѣ извѣстенъ докладъ мексиканскаго доктора Бѣлова на послѣднемъ съѣздѣ нѣмецкихъ натуралистовъ въ Нюренбергѣ: «Образованіе видовъ измѣненіемъ климата; законъ экваторіальнаго саморегулированія организма въ отношеніи акклиматизаціи, измѣненій въ старыхъ, образованія видовъ». Хотя сказанное нами нисколько этимъ докладомъ не ослабляется, но было бы полнѣе. По Бѣлову, средняя температура человѣческаго тѣла на экваторѣ выше странъ умѣренныхъ—до 38° С. Число дыханій увеличивается до 30; пульсъ учащается до 80 въ минуту; удѣльный вѣсъ мочи повышается до 1036; красныя кровяныя тѣльца уменьшаются съ 7,7 мм. до 5,9 мм.; число ихъ изъ 5 милліоновъ дѣлается—4.700,000. Кромѣ измѣненія самыхъ клѣтокъ тканей, мнѣ кажется, здѣсь не принятъ въ разсчетъ цѣлый рядъ другихъ, еще не изученныхъ измѣненій, помимо совсѣмъ другой картины болѣзненности.

ЧАСТЬ II.

Очеркъ исторіи русскаго врачевства отъ первыхъ временъ до единодержавія Петра I.

Земля да слышитъ устъ глаголы.
Какъ дождь я словомъ потеку
И снидутъ, какъ роса къ цвѣтку,
Мои вѣщанія на долы.
Тредьяковскій.

Русская врачебная исторія м. б. естественно раздѣлена на Древнюю, пожалуй доисторическую, скифскую, вполнѣ самобытную, частію въ основахъ, м. б., и заимствованную отъ египтянъ, индійцевъ. Среднюю съ началомъ нашей исторіи, болѣе, конечно, со временъ христіанства у насъ; и какъ оно, врачевство было заимствовано у сосѣдей, б. ч. грековъ, арабовъ, въ концѣ же и въ Европѣ; хотя старое самобытное врачевство лишь постепенно замирало. Новую, когда со временъ царей Романовыхъ у насъ появились правительственныя врачебныя учрежденія. Тутъ ничего самостоятельнаго, все заимствовано лишь у одного запада, благо тамъ была ужъ новая наука. Хотѣлось бы прибавить и Новѣйшую самостоятельно русскую; но это въ далекомъ будущемъ. И судя по всѣмъ признакамъ, успѣхи ея не будутъ особенно велики, т. к. народъ, какъ при Владимірѣ красномъ солнышкѣ, такъ и теперь не любитъ лѣчиться, по крайности у врачей ученыхъ.

Сознавая неполноту и промахи моей работы, я, конечно, приму съ благодарностію всякія поправки и указанія, но ради Бога, не такое пустословіе, какимъ приняла печать моихъ «Русскихъ врачей писателей».

Глава 1. Доисторическое время.

Оставимъ общей исторіи доказывать, пришли-ли скифы и славяне въ Россію когда и откуда. Съ Памира-ли чрезъ Мидію и Кавказъ, изъ Африки-ли чрезъ Средиземное море, Италію, или какимъ другимъ путемъ. Знаемъ твердо только то, что югъ Россіи, отъ Дона до Дуная, еще за 2

за 3 тысячи лѣтъ до Р. Х. былъ занятъ скифами. Финикіяне знали и ту большую торговую дорогу — единственную тогда — изъ Индіи чрезъ Кавказъ или Каспійское море, по сѣверному берегу Чернаго моря въ тогдашній центръ міра, т. е. въ государства по берегамъ Средиземнаго моря. Знали финикіяне и то, что египетскіе корабли не были рѣдкостью у сѣверныхъ береговъ Чернаго моря; что иноземныя колоніи внѣдрялись съ юга въ Россіи до самаго нынѣшняго Курска еще за VII в. до Р. Х. Геродотъ, за V в. до Р. Х., знаетъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря скифовъ хлѣбопашцевъ арійскаго племени и славянъ будто ихъ данниковъ, даже описываетъ ихъ бани-шалаши изъ прутьевъ, накрытые войлоками, гдѣ на раскаленные камни лили воду и сыпали конопляное сѣмя, въ дыму котораго ревѣли (Herod. IV, 73—75). Нашъ первоучитель Андрей первозванный впослѣдствіи добавилъ лишь, что «біютъ себя лозами». Задолго до Р. Хр. знаемъ у Керченскаго пролива Босфорское полуварварварское царство (не черные-ли болгаре — тамъ и наша Тьмутаракань, колыбель россалановъ). Демосфенъ говоритъ, что поднѣпровскіе скифы до Могилева и по Бугу мѣняли въ Ольвіополѣ до 86,000 кулей своего хлѣба въ зернѣ каждый годъ, а по берегамъ Азовскаго моря торговали пенькой. По берегамъ же Волги болгаре (Ибнъ Фадляндъ X в.) потомъ сѣяли пшеницу, ячмень. Остальная Россія была будто дремучіе лѣса. Недавнія раскопки указали слѣды народовъ еще каменнаго вѣка почти во всей средней Россіи, на Ладожскомъ озерѣ, по Днѣпру, по среднему теченію Оки, Волги и др. У такъ широко раскинувшагося народа хлѣбопашца, сложившагося даже въ царства, не могло не быть хотя нѣкоторой цивилизаціи, своихъ міровоззрѣній, а слѣдовательно и врачебныхъ понятій. И дѣйствительно скифы, а слѣд. и данники ихъ славяне имѣли и то и другое и третье. Вотъ какъ рисуетъ намъ исторія, по греческимъ источникамъ, скифовъ со временъ ихъ номадства. То были кочевники хлѣбопашцы, жившіе въ подвижныхъ колымагахъ-шатрахъ. Длинные волосы означали благородное происхожденіе. Управлялись царями, наслѣдовали впрочемъ и царицы. Часто царь былъ и жрецомъ. Въ нравахъ и обычаяхъ скифы очень были сходны съ славянами, коихъ были прародителями (Bergman. Colmar, 1858, 8°, 74). Бытъ ихъ родовой, побратимство и родовая месть. Недвижимой собственности не знали, пашню дѣлили каждый годъ, любили пить медъ и вино. Обожали небо, землю, дивовъ (зооморфич. стихій), Пархуна. Храмовъ не имѣли, вѣрили въ будущую жизнь, въ покровительство умершихъ родственниковъ и потому хоронили ихъ, вѣшая на деревѣ — въ честь небу, потомъ жгли — въ честь огня-солнца, т. к.

считали своимъ прародителемъ 3-го сына солнца. Съ царями хоронили и слугъ, а позднѣе и женъ (Чертомлыкскіе могильники у Днѣпра скифскихъ царей, чисто арійскаго племени). Впослѣдствіи стали хоронить въ землю — въ честь землѣ (Аріа). Наровнѣ съ дивами (добр. духами) признавали и злыхъ божествъ. Но инаго происхожденія тѣхъ и другихъ (Соловьевъ въ Арх. Колыч.), какъ отъ душъ умершихъ родственниковъ, не знали. Допускали священную проституцію, хотя нецѣломудренный жрецъ (онъ же и врачъ) сожигался. Оттого, м. б., они и были впослѣдствіи скопцами. Даже сложилось преданіе, что Венера наказала ихъ лишивъ способности къ физической любви, а Геродотъ (l. c. Bergman) прямо называетъ скифскмхъ волхвовъ-врачей импотентами. Скифскіе Агатурсы были поэтами, жрецами, врачами и посланниками. Они же и гадали посредствомъ палочекъ — рунъ, что послѣ у славянъ связывалось съ глаголическими письменами. Аѳиняне, у которыхъ вся полиція состояла изъ скифовъ въ національныхъ костюмахъ, предпочитали скифскихъ педагоговъ всѣмъ прочимъ, а скифскихъ врачей считали знатоками своего дѣла, особенно цѣнили (Гезеръ Ист. Мед.) ихъ какъ превосходныхъ прогностовъ. Жрецы-врачи Абарисъ, Анахарсисъ и Томсарисъ бывали въ Аѳинахъ. Послѣдній при Солонѣ. А м. б., кой-чему и учились (если не дальше—въ Александріи) тамъ, добавлю я, т. к. греческая примѣсь въ именахъ ихъ ясна. Не изъ одной же страсти къ путешествіямъ отецъ нашъ Ипократъ посѣтилъ скифскіе берега Чернаго моря. Свѣдѣнія о скифскихъ врачахъ подтверждаетъ и золотой кубокъ, найденный въ Кульобскомъ могильникѣ близъ Керчи (Короча др.), о которомъ мы выше сообщили свои изслѣдованія, а въ Чертомлыкскомъ приднѣпровскомъ курганѣ (Забѣлинъ) найдено не мало коновальскихъ инструментовъ и чаша съ рисункомъ ихъ. Т. об. мы можемъ предположить за достовѣрное, что врачебныя знанія у скифовъ въ Россіи были въ рукахъ, какъ вначалѣ и у другихъ народовъ, жрецовъ, т. к. первичныя лѣкарства были молитва, заклятіе, заговоръ, но уже изъ нихъ стало выдѣляться особое полуспеціальное сословіе лѣчителей — волхвы, младшіе жрецы. Слѣдовательно не народомъ собственно создавалось наше врачевство. Источникомъ этихъ знаній было тоже по всему вѣроятію, заимствованіе у сосѣдей арабовъ (т. к. историки проводятъ скифовъ съ Памира въ Европу чрезъ Персію — тогда арабское царство), у грековъ, у египтянъ. Объ отношеніи тогдашняго врачебнаго сословія къ народу, о бытѣ его и пр., теперь, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Припомнимъ здѣсь кстати, что по чешскимъ преданіямъ сестра ихъ царицы Любуши — Кази занималась изученіемъ врачевства.

Но вотъ около Р. Хр. господство скифовъ на южно-россійскихъ степяхъ смѣняется сарматскимъ. Тоже арійцы родственны мидянамъ и скифамъ. И сначала, разумѣется, въ Босфорскомъ царствѣ видимъ сарматскую династію. Скифы исчезаютъ изъ исторіи. Объ отношеніи къ нимъ славянъ мало знаемъ, какъ и о врачебныхъ у нихъ знаніяхъ. Хотя Кульобская кубышка найдена въ могильникѣ сарматскаго царя. За сарматами явились гунны и будто подчинили себѣ славянъ. Къ III вѣку относится извѣстіе позднѣйшаго арабскаго историка (621 г.) о возникновеніи на берегахъ Чернаго моря межъ Днѣпромъ и Дунаемъ сильнаго военнаго союза славянскихъ царствъ. Описаніе греческаго посланника къ Атиллѣ столицы его съ избами въ 3 окна, съ дѣвичьими хороводами, пѣснями, очень напоминаетъ русскую деревню, а военныя игры почти снимки съ рисунковъ Кульобской гробницы. И гунны, отбывъ свою историческую службу, т. е. разрушивъ въ IV в. по Р. Хр. готское по низовьямъ Днѣпра и много другихъ царствъ, оттѣснивъ на западъ нѣмцевъ и часть славянъ, тоже исчезаютъ въ исторіи безслѣдно. Въ это будто время часть славянъ— руссы, потѣснясь на сѣверъ и востокъ, заняли области Кіевскія, Новгородскія, Псковскія, а потомъ Владимірскія, подчинивъ себѣ извѣчныхъ здѣшнихъ насельниковъ (тоже славянскаго племени), понастроили исключительно города по водпому, вѣроятно давно имъ извѣстному, пути, т. е. западной Двинѣ и Днѣпру съ притоками. Деревни и распашки земли ютились вблизи подъ защитой городовъ. Славяне, внося свое извѣчное вѣчевое устройство съ наслѣдственнымъ княземъ во главѣ, дѣлили забранныя земли на 3 части. Одну изъ нихъ оставляли прежнимъ насельникамъ, другую давали дружинѣ съ княземъ, а третья составляла принадлежность государства. Отсюда и сословное дѣленіе. Но богатство водныхъ путей изъ Балтійскаго моря въ Черное Днѣпромъ и Дономъ, въ Каспійское Волгой, естественно должно было выдвинуть роль торговца, какъ посредника въ обмѣнѣ и носителя знаній. И онъ тогда фактически былъ тотъ же дружинникъ, а крупные гости заводили свои дружины для охраны своихъ каравановъ. Б. ч. дружинникъ былъ человѣкъ пришлый, часто иноземный воинъ, обязанный самъ себя лѣчить и потому знаніемъ, какъ лѣчить раны, запасался дома, привнося т. обр. изъ разныхъ странъ врачебные взгляды и пріемы. Съ другой стороны скифскіе дружинники, служа въ Греціи въ войскахъ естественно научились тамъ лѣчить себя на войнѣ. Такой взглядъ на дѣло лѣченія воиновъ сохранился въ Россіи вплоть до Романовыхъ.

За гуннами слѣдовали авары (теперь на Кавказѣ провинція Аварія) и тоже покорили славянъ, создали свое царство. Но въ VII в. по Р. Хр.

«погибоша аки обры» въ нынѣшней Волынской губерніи. Ихъ царство разрушилъ какой-то славянскій царь Само. Существованіе славяно-руссовъ въ VI в. признаетъ даже нашъ притязательный Шлецеръ (Ист. 1802, IV, 71). Іорнандъ (Илов. II, II, 302) говоритъ, что въ VI в. славянамъ ихъ лѣса замѣняли города, а въ IX в. у славянъ уже нѣсколько тысячъ городовъ, но населеніе большинства ихъ ничтожно, т. к. жители б. ч. тѣ же смерды, пахавшіе землю. Ибнъ Фадландъ, арабскій писатель, описывая виденное имъ погребеніе руссовъ, торговавшихъ въ Камской Болгаріи рабами, говоритъ, что въ лодку на костеръ вмѣстѣ съ покойникомъ вводили и вызвавшуюся на то дѣвушку, гдѣ убивали ее. Ибо женщина лишь такимъ путемъ могла попасть въ рай—зеленый садъ. Затѣмъ день и ночь пьютъ пьяный напитокъ. Мы знаемъ, что все имущество умершаго дѣлилось на 3 части. Одна наслѣдникамъ, другая на похороны, а третья на поминки. Оттуда и тризна. Оттуда и пьянство при погребеніи. Заболѣвшаго, продолжаетъ Ибнъ Фадландъ, отдѣляютъ въ особую палатку и, оставивъ ему ѣду и питье, наглухо запираютъ, не сообщаясь уже съ нимъ до его смерти или полнаго выздоровленія. По другимъ же разсказамъ, посѣщаютъ больныхъ часто (Забѣл. Рус. жизнь ч. I, 463). Намъ, современникамъ, мѣръ, принятыхъ ветлянскими казаками, на томъ же берегу Волги противъ зачумленныхъ, коихъ забивали наглухо въ ихъ избахъ, подавая лишь ѣду въ окна, будетъ понятно это кажущееся историку противорѣчіе. Народъ еще тогда зналъ и оберегалъ себя отъ заразныхъ болѣзней. Намъ же врачамъ, хорошо извѣстенъ народный обычай навѣщать больныхъ, часто граничащій съ надоѣдливостію, чтобы пожалѣть больнаго, непремѣнно предложить свое лѣкарство или увѣрить его, что по лицу видать, что болѣзнь его смертная. Арабскіе географы IX в. Ибнъ-Достъ и Масуди говорятъ, что у славянъ врачи (переводъ Хвольсона, а у Гаркави—знахари) волхвы лѣчатъ жертвами, даже человѣческими, удушая ихъ. Что съ мертвымъ погребались въ могилѣ живая любимая жена, скотъ и все имущество (ib. 457). Мухаддези, въ X вѣкѣ, пишетъ (Гаркави Сказ. Мусул. писат. 283), что руссы (тогда новгородцы и лишь впослѣдствіи кіевляне) живутъ на нездоровомъ мокромъ островѣ, окруженномъ озеромъ, ихъ 100,000, климатъ нездоровъ. Если ко всему этому добавимъ сказаніе греческаго бытописателя Прокопія въ VI вѣкѣ (Забѣл. ib. 412. Арх. же Болыч. приписываетъ эту замѣтку Имп. Маврикію), что славяне ходили въ бой безъ латъ, даже безъ рубашекъ, въ однихъ штанахъ, били врага такими ядовитыми стрѣлами, что если раненый не принималъ тотчасъ же ѳерьяка или не лѣчился у искуснаго врача—часто вырѣзали всю рану—

то непремѣнно умиралъ; то будемъ имѣть все, что знали про насъ сосѣди въ доисторическія наши времена во врачебномъ отношеніи. Развѣ еще сказаніе одной норвежской саги о томъ, какъ дочь князя Игоря Ольга устроила больницу, поручивъ уходъ за больными въ ней женщинамъ (Бусл. Русск. народн. поэз. т. I, 250—336). Не забудемъ при этомъ, что нашъ предокъ изъ временъ фетишизма вынесъ амулеты какъ лѣкарство, затѣмъ заклятія волховъ, а изъ временъ охотничьяго и кочеваго быта лѣкарства животнаго царства, сало, сердце, печень, мозгъ, кровь и т. п. тѣхъ же животныхъ и лишь подвигаясь въ лѣса сѣвера встрѣтилъ у аборигеновъ ихъ уже готовый подборъ растительныхъ средствъ. И вся эта смѣсь проходила черезъ знакомыя уже съ египетской и др. наукой руки жрецовъ-врачей. Способъ передаванія врачебныхъ знаній былъ естественно практическій — частные ученики у частныхъ, изрѣдка иностранныхъ ходячихъ спеціалистовъ, учителей. Еще норвежскія саги говорятъ объ ученіи рунамъ цѣлительной и вѣтвей лѣкарственныхъ.

Теперь представляется пытливому уму неизбѣжный вопросъ: куда дѣвались физически исчезнувшіе изъ исторіи скифы гунны и др.? Вытѣсненные съ юга Россіи готы, часть славянъ, угры съ печенѣгами и узами (сарматы въ Литвѣ) продолжали жить на новыхъ мѣстахъ, хотя и подъ новыми именами. Стало скифы либо уничтожены поголовно, что немыслимо по числу. Вымереть такое большое племя и въ такой короткій срокъ тоже не могло. Или слились они до неузнаваемости съ аборигенами славянами. Но подобныя сліянія исторія знаетъ лишь на почвѣ одноплеменности. Поэтому болѣе нежели вѣроятна мысль нѣкоторыхъ историковъ, къ коей мы всецѣло присоединяемся, что скифы и славяне лишь разныя по времени имена одного и того же извѣчнаго по Днѣпру, Ильменю, верхней Волгѣ народа. Тогда ходъ исторіи значительно просвѣтляется. Всѣ же эти массы великаго переселенія до готовъ и татаръ включительно были лишь временными насельниками Русской земли, оставившіе по себѣ мало слѣдовъ. А у народа, съумѣвшаго отстоять въ теченіи долгаго ряда вѣковъ свою самостоятельность естественно и міровоззрѣніе и основы врачебныхъ взглядовъ остались тѣ же. Въ наше время почтенный Д. Н. Иловайскій съ большой степенью вѣроятія и гунновъ причисляетъ къ скифославянамъ. Все это намъ, ищущимъ корня нашего врачевства, очень важно. Свѣривъ обычаи, міровоззрѣніе тѣхъ и другихъ на пространствѣ вѣковъ, мы получаемъ несомнѣнно преемственный постепенный ходъ врачевства у насъ отъ Абарисовъ, Тамсарисовъ вплоть до христіанства, которое прервало у славянъ естественный ходъ религіознаго развитія. Именно въ то

время, когда фетишизмъ началъ переходить въ политеизмъ, т е. по Ог. Конту въ высшемъ пунктѣ развитія фетишизма — поклоненіи солнцу, звѣздамъ и пр., когда представленіе приближается къ отвлеченной идеѣ, по отдаленности самыхъ предметовъ обожанія. Что конечно неминуемо отразилось во всѣхъ отрасляхъ развитія духа и также несомнѣнно и краеугольно на основахъ врачебнаго дѣла, поставивъ вмѣсто прежняго, частью промысловаго его характера во главу благотворительность (церковную) и притомъ общественную. Хотя государственное значеніе медицина могла пріобрѣсть лишь много позднѣе. Но какъ христіанство не скоро вытѣсняло старый міръ воззрѣній, то долго послѣ мы встрѣчаемъ въ Кіевѣ прямыхъ научныхъ потомковъ Тамсарисовъ доморощенныхъ врачей въ лицѣ Армянина врача, Петра сиріанина и др., не оставившихъ имя въ исторіи. Вымираніе же жрецовъ и волхвовъ лишило народныхъ лѣчителей волхвовъ-знахарей освѣжающаго вліянія жрецовъ учителей, остановивъ ихъ развитіе и замкнувъ знанія ихъ въ старой формѣ на многіе вѣка. Такъ что когда государство видя, что, новая христіанская основа врачебнаго дѣла плохо привилась въ рукахъ церкви (отъ того же противоборства, хотя и пассивнаго, язычества), принуждено было взять дѣло въ свои руки, т. е. дать врачевству государственное значеніе — завести свои школы, тогда межъ новымъ и старымъ знаніемъ оказалась такая пропасть, что новое знаніе, не вѣдая историческаго хода дѣла, признало за старымъ лишь качество народнаго врачевства, будто самимъ народомъ изобрѣтеннаго. Т. обр. создался мифъ и теперь живущій — народная медицина. Народное творчество, народная поэзія тутъ не при чемъ. Самъ народъ до сихъ поръ отличаетъ своего стараго лѣкаря знахаря отъ офиціальнаго ученаго врача, не по смыслу знанія, а по политической, т. ск., служебной роли послѣдняго.

Глава 2. Новгородско-кіевское время.

Переходя ко временамъ исторіи писанной, почти совпавшей у насъ съ принятіемъ христіанства, мы, руководясь основнымъ характеромъ, взглянемъ, по примѣру общихъ историковъ, отдѣльно на періоды Кіево-Днѣпровскій, Владимірскій и Московскій. Московскій историкъ Ключевскій совершенно справедливо выдѣляетъ еще періодъ Новгородскій, но для насъ, врачей по однообразію мотивовъ онъ сливается съ Кіевскимъ. Когда волны великаго переселенія отодвинули славянъ съ юга и смыли съ Днѣпра готское царство, тамъ образовались издавна русскіе бродники (впослѣдствіи казаки), т. к. постоянно напиравшіе съ востока варвары мѣшали проч-

ному поселенію. Эти дружины къ IX вѣку сосредоточились на Кіевскихъ горахъ и запѣли свою вѣковую героическую пѣснь, подчиняя себѣ сосѣдей, въ своемъ исконномъ славянскомъ стремленіи съ Карпатъ какъ изъ центра на сѣверо-востокъ; слагая тѣмъ самымъ сильное государство, которое, скоро окрѣпнувъ, дало себя знать морскими походами подъ Константинополь, опустошеніемъ по каспійскихъ береговъ Персіи и Кавказа, вписавъ т. обр. мечемъ свое имя во всемірную исторію. Межъ тѣмъ новогородцы, владѣя другимъ большимъ воднымъ путемъ изъ Европы, отъ славянъ по южному берегу Балтійскаго моря и на островѣ Рюгенѣ сидящихъ, въ Индію, по озерамъ и рѣкамъ Окѣ и Волгѣ, исключительно занимались передаточной торговлей съ болгарами, хозарами и почасту грабежемъ, не имѣя надобности въ деревняхъ и селахъ, по свойству почвы, не дававшей урожаевъ хлѣба. Какъ свой продуктъ они вывозили лишь рабовъ. По Ключевскому, Русь Новгородская, городовая, вѣчевая, торговая, разбойничья. Соприковновеніе съ такими разнообразными народностями, да еще имѣя дружину б. ч. иноземную, конечно, не осталось безъ вліянія на врачебныя воззрѣнія общества и лѣчителей въ частности, тогда сопровождавшихъ какъ хирурги купцовъ дружинниковъ. И вліяніе это было преимущественно арабское, какъ господствующее у волжскихъ сосѣдей. Конечно, нельзя отвергать вліянія и финскихъ волхвовъ. Изъ сѣверной Европы, тогда такой же варварской, мало было что заимствовать, развѣ самихъ лѣкарей, т. е. хирурговъ и какъ учителей. Внутренняя медицина была б. ч. въ рукахъ женщинъ и волхвовъ. Лѣкарства легко доставлялись по Волгѣ, могло быть и по Днѣпру, кромѣ того, имѣлась богатая лѣсная, частью финская фармація. Европа давала вначалѣ мало, т. к. наоборотъ Новгородъ привозилъ туда азіатскія лѣкарства. О врачебномъ сословіи собственно Новгородскомъ и объ отношеніяхъ его къ обществу мало знаемъ. Но уже тамъ ясно сказывалась исконная нелюбовь русскаго народа лѣчиться и лѣчить. Источники, заставляя предполагать знахарей волхвовъ, б. ч. финновъ, говорятъ о мази употребляемой послѣ торговой казни и раненій на судебныхъ поединкахъ. Они упоминаютъ о платѣ врачу за лѣченіе ранъ, побоевъ, нанесенныхъ въ дракахъ; а сожиганіе умершихъ предъ погребеніемъ въ землю — хотя Ибнъ-Фадландъ и могъ видѣть погребеніе въ болгарахъ именно новогородскаго купца — въ то время едва-ли сохранилось въ Новгородѣ. На сѣверѣ же долго и упорно хранились остатки язычества подъ вліяніемъ финскихъ волхвовъ (Богумилы въ Новгородѣ и суздальскій мятежъ, 1024, вырѣзываніе изъ-за плечъ хлѣба и пр.; но это не вы-

думка волхва, а старый обычай собиранія на поминки). Позднѣйшія раскопки тоже не нашли слѣдовъ сожиганія, хотя у родимичей, вятичей, сѣверянъ и драговичей оно было въ ходу и много позднѣе. Описывая предсмертный походъ Святослава Игоревича въ Дунайской Болгаріи, греческіе историки говорятъ о сожиганіи славянами убитыхъ и съ ихъ женами, какъ общій обычай. Крещенаго Миндовга въ 1253 лѣтописи обвиняютъ въ сожиганіи. Однако, несомнѣнно существовали на югѣ и другіе способы похоронъ въ землю, въ могилахъ-комнатахъ съ живой любимой женой. А раскопки говорятъ и за смѣшанный способъ, т. е. обгорѣлыя кости хоронили въ земляныхъ насыпныхъ курганахъ. О Псковѣ (Плесковѣ), какъ жившемъ одной жизнью съ Новгородомъ, я не говорю ни слова, да и вообще многое, о чемъ упомяну въ кіевскомъ періодѣ, относится съ мелкими отличіями и къ этимъ обоимъ городамъ.

Русь Днѣпровская, торговопромышленная, рабовладѣльческая, волостно-городово-княжеская VII—XII вѣка. Она занимала приблизительно слѣдующія нынѣшнія губерніи: Новгород., Псков., Твер., Витеб., часть Моск., Минск., Могилев., Смол., Черниг., Орлов., час. Курс., Волынс., Подол., Кіевскую. Князь дружинникъ. Дружина въ то героическое время, владѣя рабами, не занималась еще хлѣбопашествомъ, ибо не имѣла земель, кромѣ огнищанъ (теперь мѣщанъ) ито послѣ (огнище 100—150 шаговъ), а торговала какъ купцы. Мы знаемъ, что кромѣ Константинополя въ IX в. русскіе торговали на истокахъ Дуная въ Регенсбургѣ и будто на низовьяхъ Тигра и Ефрата. Не на верховьяхъ-ли? Что легко допустимо. (Стало культура русская много старше польской. А, позднѣе греческое вліяніе вплоть до XIII в.). Свободные владѣльцы земель — смерды (людины) и холопы (челядь). Церкви, сначала не владѣя землей, тоже не пахали. Жизнь исключительно городская, промышленная. Духовная и домашняя обстановка, обычаи, постройки, одежда, пища во всѣхъ сословіяхъ были одни и тѣ же, различаясь лишь цѣнностію, хотя чистота и опрятность частію отъ простора, частію отъ языческихъ остатковъ были значительно болѣе развиты, чѣмъ въ послѣдующемъ Владимірскомъ періодѣ. Г. Кіевъ въ цвѣтущее время могъ имѣть до 100,000 жителей, Новгородъ, Смоленскъ близъ того, а удѣльные не менѣе 5—10,000. Такъ Смоленскъ лежалъ на узлѣ 3 рѣчныхъ системъ. Удѣльный князь его имѣлъ до 8,000 гривенъ дохода, а быкъ стоилъ гривну. Не забудемъ, что въ то время Россія жила общей жизнію со всей Европой. Кромѣ торговли, общія войны, дипломатическія сношенія, даже родственныя связи нашихъ князей съ государями Чехіи, Польши, Скандинавіи, Греціи, Франціи, Англіи, Венгріи были за обычай. Слѣдовательно врачи,

лѣкарства и врачебныя знанія могли бы вливаться широкой струей, отовсюду, какъ и другія знанія; особенно техническія, богословскія дѣйствительно вливались. Многіе князья не только были современно образованны—книжники, сами были писателями и владѣли многими языками (напр. Ярославъ Великій семью), составляли списанныя и переводныя библіотеки, покровительствовали знаніямъ, выдвигали лицъ начитанныхъ. А между прочимъ врачевство оставило лишь слѣды въ исторіи. Положимъ, въ тогдашней Европѣ нечего было заимствовать врачамъ, наука тамъ еще дремала, да и въ Греціи стояла невысоко, такъ что ко двору часто вызывали персидскихъ врачей (Четьи-Минеи 15 іюня). Ни Ольга, ѣздившая въ Константинополь, ни греческая царевна Анна, невѣста Владиміра I-го, ни потомъ епис. Ефремъ—скопецъ съ Афона не привозили ни съ собой, ни вызывали потомъ греческихъ врачей. Это м. б. объяснено лишь, кромѣ упомянутой уже мной основной чертой русскаго человѣка—нелюбовью лѣчиться, еще и тѣмъ, что въ странѣ было достаточно своихъ извѣчныхъ врачей. Городское, тогда сильно преобладавшее (холопскихъ селъ очень мало Илов. II), населеніе, подъ вліяніемъ христіанства, теряло вѣру въ волхва, начавшаго за сокращеніемъ спроса вымирать. Въ сѣверной еще почти языческой глуши въ деревнѣ онъ еще вліялъ, но потребность въ немъ какъ лѣчителѣ ограничивалась малолюдностью деревни. Кромѣ того здоровый климатъ юга давалъ просторъ лишь хирургу, необходимому спутнику частыхъ тогдашнихъ войнъ и обычныхъ въ деревенской жизни поврежденій. Правда, врачебныя знанія, за вымираніемъ ученаго знахаря (т. к. жреческое сословіе у славяноруссовъ и всегда было слабо развито) могли издавна популяризироваться настолько, что въ каждой деревнѣ, въ каждой небольшой дружинѣ м. б. полузнатоки. Но и у нихъ нельзя отвергать преемственнаго наученія, конечно дома. Даже упоминаемые исторіей врачи — Иванъ Смера — половчанинъ, нѣкій искусный врачъ армянинъ, Петръ сиріанинъ (1106), безымянные врачи кн. Георг. Сем-ча (1130), завѣдомо всѣ знакомые съ современной тогда наукой, по моему, были мѣстнаго какъ происхожденія такъ и наученія, по крайности вначалѣ. Не могъ армянинъ прибыть уже ученымъ гдѣ либо по незнанію языка, по отдаленности и неимѣнію никакихъ сношеній Россіи съ Арменіею. Хотя печерская легенда и заканчивается сказаніемъ, что посрамленный смертіею св. Агапита, коему армянинъ предсказалъ смерть черезъ 3 дня, а онъ умеръ черезъ 3 мѣсяца, какъ самъ говорилъ, армянинъ такъ былъ пораженъ, что принялъ православіе и постригся въ печерскіе монахи. (Армяне переселились изъ Ани — столица Арменіи близъ теперешняго Александро-

поля — въ Крымъ лишь въ 1299 г., по словамъ католикоса, сказ. 1895 г.). Да и не могъ онъ сказать тогда «это растеніе не изъ нашихъ», т. е. русскихъ. Онъ могъ быть лишь сыномъ поселившагося въ Россіи торговца или дружинника и научившись въ Россіи врачевству (отсюда и древнескифскій талантъ прогноста и большая практика), какъ видно, закончилъ ученіе внѣ Россіи. Иванъ Смера, врачъ Владиміра, еще язычника, м. б. лишь сыномъ близкаго князю человѣка, какъ придворный а м. б. даже воспитанникомъ князя заграницей врачебному дѣлу, начавъ его, разумѣется, въ Россіи. Какъ половчанинъ—Петръ сиріанинъ, «лѣчецъ вельми хитеръ» небогатаго удѣльнаго князя Николая Святоши, не могъ быть вызванъ готовымъ ученымъ врачемъ по недостатку средствъ безудѣльнаго князя и, бывъ иноплеменникомъ, не могъ такъ привязаться къ князю, чтобы уйти съ нимъ въ монастырь. Сиріаниномъ онъ звался, вѣроятно, по мѣсту своего окончательнаго врачебнаго воспитанія. Да долженъ онъ былъ уже потому родиться въ Россіи, что недовѣріе къ иноземнымъ врачамъ даже князей, царей до самаго послѣдняго времени проходитъ красной чертой чрезъ всю исторію Россіи. Объ остальныхъ врачахъ лѣтописи ни слова, но это не значитъ, что ихъ не было, т. к. лѣтопись молчитъ и о болѣзняхъ (кромѣ повальныхъ) люда вообще, а что онѣ были, въ томъ, конечно, никто не сомнѣвается. Наши монахи врачи безмездные (не было ни одного грека), хотя побывали на Афонѣ, гдѣ видѣли монастырскія больницы и могли научиться лѣчить, были всѣ русскіе. Пименъ постникъ, Козьма, Пантелеймонъ, Антоній, Даміанъ дѣтскій врачъ, Агапитъ, Алимпій (1074—1090). Антоній и Агапитъ лѣчили зеліями, масломъ мазали, Алимпій же, какъ 1-й рус. живописецъ, лѣчилъ «вапой», т. е. смѣсью извести съ масломъ. Достойно памяти, что лѣчилъ онъ этимъ въ Кіевѣ проказу и то, что всѣ указанные врачи и монахи, кромѣ Смеры, были современники. Впрочемъ, врачебно-образовательный цензъ врачей монаховъ не могъ быть великъ, иначе мы имѣли бы болѣе обстоятельныя описанія, напр., повальныхъ болѣзней и болѣе подробныя, болѣе частыя упоминанія по врачебной части въ лѣтописяхъ, созданныхъ всецѣло монахами (Кіевская Силиверста, что считалась Несторовской, Лаврентіевская — для Суздальскаго времени, Новгородская—для Новгорода, Ипатьевская — для Червонной Руси, позднѣйшая послѣ татаръ—для Москвы) по монастырямъ или монахами же при соборныхъ кафедрахъ, гдѣ могли быть погодныя отмѣтки по пасхаліямъ. Монастыри были списывателями, частію переводчиками и хранителями рукописей по всей вѣроятности и врачебныхъ. До насъ дошелъ Изборникъ Святослава Всеволод. 1073 г., списанный съ болгар-

скаго перевода, гдѣ на 251 листѣ имѣемъ краткую діэтетику, т. е. росписаніе «по римскимъ мѣсяцамъ» когда что ѣсть и пить. Стало, могли быть и другія врачебныя рукописи заимствованы нами съ славяно-болгарскихъ переводовъ, какъ съ греческаго — афонскихъ, такъ еще болѣе съ сирійскаго — несторіанскихъ и съ арабскаго, какъ многіе древнѣйшіе заговоры заняты изъ того же источника. Остались слѣды существованія тогда у насъ т. назыв. Мефодіевскаго лѣчебника. Онъ же, вѣроятно, могъ быть переводомъ съ сирійскаго на греческій афонскаго монаха Кирилы — ученія Бенъ Исаака «о пульсѣ, кровопусканіи и пр.», дошедшимъ до насъ въ массѣ позднѣйшихъ сборниковъ. Сюда съ нѣкоторымъ правомъ м. б. отнесены тѣ изъ нашихъ древнѣйшихъ лѣчебниковъ, кои богаты суевѣрными примѣтами, лѣкарствами и пр., т. к. ни одно изъ славянск. племенъ не было, до самыхъ нашихъ дней, такъ преисполнено вѣдьмъ, волхнованій, какъ болгарское. А часто встрѣчаемые въ нашей греческой іерархіи болгаре могли служить проводниками своей богатой т. наз. отреченной литературы. Книжное просвѣщеніе въ дотатарское время не было принадлежностію одного духовнаго сословія, говоритъ Иловайскій (II, 423); хотя книги и списывались по монастырямъ, но школы были при епископскихъ соборахъ; переводныя и заимствованныя свѣтскія рукописи съ греческаго, персидскаго, арабскаго, индійскаго (въ сборникахъ) по б. ч. изъ славянскихъ земель Болгаріи, Сербіи, однако съ русскими приписками и передѣлками. Часто же русскія лишь подражательны. Монастыри не учили какъ на Западѣ врачевству, какъ спеціальности, и потому не могли вліять, т. ск., на личный составъ лѣчителей. Развѣ лишь практически въ своихъ больницахъ для своихъ же надобностей преемственно. Но побочное вліяніе церкви своими учрежденіями, больницами, богадѣльнями несомнѣнно пропагандировало какъ врачебныя знанія, такъ и идеи больничнаго призрѣнія, хотя и не вначалѣ, когда клиръ былъ греческій, чужой, т. е. безъ вліянія на массы, что однако, къ слову сказать, мало удавалось чуть не до нашихъ дней. Т. к. по древле языческимъ взглядамъ, во первыхъ, было грѣхомъ лишать больнаго домашняго ухода, а во вторыхъ, было обидой для рода, будто небрегущаго своего родича. Несомнѣнно однако нашъ русскій высшій клиръ, развивая потомъ въ себѣ врачебныя знанія (сообразно идеалу начала христіанства, когда каждый христіанинъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и врачъ,—Архангела Мисаила считали врачемъ—т. к. еще въ языческія времена—времена общаго или какъ потомъ звали гуманитарнаго образованія — врачебныя знанія входили въ общій курсъ всякаго ученаго) становился его сторонникомъ и всѣми мѣрами — собира-

ніемъ и новыми переводами врачебныхъ рукописей—поощрялъ его, помня слова святаго писанія: «Болящій зелья да ястъ». Хотя съ другой стороны монастыри, преслѣдуя высокій аскетизмъ, учили «измождай плоть свою», «небреги о жизни», а обычай и государство развивали въ воинствѣ— «жизнь копейка». Съ тѣмъ вмѣстѣ съ самаго принятія христіанства клиръ съ 1-го митрополита грека громитъ волхвованіе и бабъ вѣдуній. (Тогда женщина и въ семьѣ и въ обществѣ—по развитію и въ правахъ—раба мужа, отца, стояла очень низко, ибо нравственность особенно семейная есть побѣда лишь цивилизаціи). Первый изъ русскихъ былъ митрополитъ Иларіонъ при Ярославѣ I-мъ, тоже и др. многіе. Тѣмъ не менѣе чрезъ всѣ лѣтописи проходятъ слѣды суевѣрій даже у самихъ авторовъ ихъ (дѣтищъ въ Сѣтомлѣ 1064, Всеславъ его же роди мати отъ волхвованія) и часто непониманіе ихъ смысла, особенно у иноплеменниковъ (1024 Суздальск. волхвы).

Т. об. по городамъ врачъ-волхвъ понемногу обращался въ лѣчителя, хирурга, а въ деревняхъ рядомъ съ знахаремъ выдѣляется яснѣе и лѣчитель и б. ч. лѣчительница—повивальная бабка, лѣкарка, т. к. наиболѣе частыя заболѣванія родильныя, дѣтскія, женскія были всецѣло въ рукахъ женщины; конечно, плохой тогда представительницы науки. Хотя практической преемственной передачи повивальныхъ знаній, по крайности отъ матери къ дочери, вполнѣ отвергать нельзя. Способъ обученія врачевству, конечно, остался древній, практическій — у матери, или на года, за условную плату, или отъ отца къ сыну. Способъ сохранившійся доселѣ въ коновальскомъ дѣлѣ на Руси, коего въ теченіи вѣковъ правительство не имѣло надобности ни измѣнять, ни регламентировать. Тамъ сохранилась во всей чистотѣ преемственная отъ учителя къ помощнику и ученику передача теоретическо-практическихъ знаній, и даже право свободной самостоятельной практики послѣ нѣкотораго, т. ск., экзамена предъ лицомъ сѣхъ учителей. Хирургическія познанія, конечно, были на первомъ планѣ, а женскія и дѣтскія на послѣднемъ. Арабское вліяніе во врачевствѣ еще сильно.

Отношеніе врачебнаго сословія къ церкви и государству, бывъ у язычниковъ совершенно свободнымъ, ни отъ кого независимымъ ремесломъ, въ Кіево-Днѣпровское время оставалось такимъ же. Послѣ принятія христіанства Владиміръ I, отдавши десятую часть на дѣла благотворенія церкви, подчинилъ ей судомъ, а слѣдовательно и попеченіемъ всѣхъ безпомощныхъ членовъ общества, больныхъ, выздоровѣвшихъ (прощеныхъ), а съ ними и врачей съ больницами (Уст. кн. Владим.). Впро-

чемъ, въ позднѣйшихъ такихъ узаконеніяхъ (Уст. вел. кн. Всевол.) слово «лѣчецъ» межъ людьми подчиненными церкви уже пропущено. Это наводитъ на мысль, что тогдашніе врачи практики едвали были подчинены лично церкви, т. к. въ церковныхъ источникахъ найдутся указанія, что къ вѣдѣнію церкви относились въ числѣ прочихъ бабы вдовицы (повивальныя бабки), на обязанности коихъ главнѣйшимъ образомъ было слѣдить, чтобы всѣ новорожденные были крещены и лѣчьцы слѣдившіе, чтобы всѣ умирающіе были напутствованы, и лишь кромѣ того они были обязаны служить въ больницахъ, учреждаемыхъ церковью. Слѣдовательно, лишь эти служащіе церкви, за извѣстное, конечно, содержаніе отъ нея и подчинялись ей. Врачи же напр. княжескіе, или ходившіе съ войсками естественно были внѣ всякаго вліянія церкви. Да, вѣроятно, и всѣ остальные. Т. к. судя (завѣдуя) врачей, она т. об. должна была бы принять на себя попеченіе о ихъ воспитаніи и дальнѣйшей участи. Чего на дѣлѣ не было. Слѣдовательно тогдашніе врачи не составляли никакого отдѣльнаго, цѣльнаго, замкнутаго сословія, оставаясь какъ бы межъ закономъ. Что, вѣроятно, зависѣло отъ малаго числа ихъ (не стоило и закона писать) и отъ взгляда общества на нихъ, какъ на свободныхъ промышленниковъ. Къ тому же, какъ знаемъ позднѣе, б. ч. врачей были т. наз. изгои, т. е. лица, непринадлежавшія ни къ какому тяглу, захребетники, ни къ чему необязанные, залишніе для церкви дѣти клира и т. п. Поэтому никакихъ податей и налоговъ за свою врачебную дѣятельность не платили. Одно можно положительно сказать, что они никогда не принадлежали къ дружинному сословію, кромѣ, конечно, княжескихъ. Но и тѣ уравнивались съ тіунами, ключниками, т. е. съ старшими княжьими холопами. Какъ и теперь до недавняго времени дворянское общество не считало врачей своими сочленами, а ниже; и потому когда, подъ вліяніемъ масонскихъ идей, наши дворяне ѣздили заграницу изучать медицину при Екатеринѣ II и Александра I; то, вернувшись, они не только не практиковали, но часто старались скрывать свои докторскіе дипломы и свои знанія.

Къ суду церковному скорѣе относились, дѣйствія, къ коимъ врачъ такъ или иначе относился, какъ экспертъ. Такъ по Уставу Вл. I судъ церковный «Правило законьно о церковныхъ людехъ (особо отъ Русск. Правды изъ кормчей книги), церковъ судитъ: «пошибеніе . . вѣдьство, чародѣяніе, волхвованіе, зелейничество и урѣканіе (ими)... или два друга имети ся бити, единаго жена другаго имѣтъ за лоно и раздавитъ . . .» По Уставу Ярослава (почти тожъ отъ слова до слова), подтвержденному 1017 г. . . «церковное богатство нищихъ богатство . . . деля сиротъ и старости и немощи

и въ недугъ впадшихъ нищихъ». Тамъ же читаемъ: «Аже женѣ лихи недугъ болитъ или слѣпота или долгая болѣзнь про то ее не пустити (т. е. не развести). Тако же и женѣ нельзе пустити мужа». Тожъ и въ уставѣ вел. кн. Вас. Дмитр. 11 нояб. 1403 г.: «старъ бысть сій сверстокъ изъ великаго и стараго Номоканона (кормчей кн.) на Москвѣ . . .» «А сими винами разлучити мужа съ женой . . . а се 2 вина аще мужъ застанетъ жену съ любодѣемъ . . . а се 3 вина аще подумаетъ жена на своего мужа зеліемъ . . .». Тѣ же вины и въ греческомъ Судебникѣ, а о проказѣ какъ поводу къ разводу здѣсь ни слова. Оттого то и сомнительна повальная проказа въ Кіевѣ, указанная Рихтеромъ подъ 1462 г., взятая имъ будто изъ Троицкой пергаменной рукописи, которая сгорѣла въ 1812 г. По Уставу вел. кн. Ярол. Вл-ча Правда Руськая (еще въ договорѣ Олега съ греками упоминается Руській Законъ) « . . . Оже ударитъ мечемъ и не потнетъ на смерть, то 3 гривны продажи, а самому гривна за рану, оже лѣчебное . . . а потнетъ на смерть то вира» . . . Тамъ же и мази отъ ожогъ при испытаніи огнемъ и пр. По Лонгобарскимъ законамъ (658 г. по Р. Хр.) нанесшій кому либо рану, кромѣ прислуживанія, вносилъ и плату врачу «какую ученые присудятъ». Тамъ же установлена плата ученика учителю за обученіе врачевству. Въ уставѣ Влад. Мономаха упоминается «аще жена имѣтъ за лоно», за рану «...точію не дѣланія его да дастъ и цѣльбу» . . . «Приложивый ся дѣвицѣ преждевременно 13 лѣтъ да продастся» . . . «аще въ недугъ впадетъ прокаженъ да разлучится жена отъ мужа». Сравнивъ всѣ эти постановленія закона съ статьями греческаго закона, судебника (ошибочно назыв.) царя Константина (онъ былъ позднѣе) въ Продолж. Софійск. Лѣт. 73—80 и др., увидимъ, что всѣ они оттуда заимствованы, лишь съ незначительными смягчающими измѣненіями. Такъ «Прикоснувыйся дѣвицѣ раньше 13 лѣтъ отрокъ да продастся». Поводы къ разводу тѣ же и 3 недугъ прокаженъ. За не смертный ударъ — «точію не дѣланія его дастъ цѣльбу . . . Аще уразитъ жену не празднy сущу и изыдетъ отъ нея младенецъ не обличенъ, то дастъ..., аще обличенъ будетъ, то дастъ душу за душу, око въ око мѣсто. Аще жена сдавитъ за лоно... да отсѣкутъ ея руку». Послѣднее, т. е. хватаніе за лоно, не было никогда ни прежде, ни послѣ, въ обычаѣ у насъ и не совпадало съ языческимъ міровоззрѣніемъ, хотя даже духовенство считало женщину «бѣсовской купницей зла».

Врачебныя учрежденія, вызываемыя узаконеніемъ Владиміра I у насъ не могли, конечно, скоро явиться. Хотя нельзя отвергать существованія, напр., упоминаемой въ норвежской сагѣ, больницы Ольги. Могло быть что

либо вродѣ больницъ въ монастыряхъ позднѣе. Первую богадѣльню (1070) при Кіево-Печерскомъ монастырѣ устроилъ Ѳеодосій, первый устроитель общежитія въ монастырѣ. На нее онъ далъ 10-ю часть всѣхъ монастырскихъ доходовъ. Но въ ней могли призрѣваться лишь хроники-калѣки. Ефремъ скопецъ, ключникъ велик. кн., монахъ Печерскаго монастыря, сдѣлавшись епископомъ переяславскимъ (близъ Кіева), построилъ... «и строеніе и врачеве и больницы всѣмъ приходящимъ безмѣздно врачеваніе, такожде и въ Милитинѣ своемъ градѣ устрои и по инымъ своимъ градомъ митропольскимъ... сего же не бысть прежде въ Руси» (Никон. лѣт. I, 192). А въ болѣе ранней, Лаврент., говорится лишь о строеніи банномъ въ Переяславлѣ, чего прежде не было на Руси (Лавр. спис. 89, подъ 1089 г.). Допустимъ, что въ старшихъ лѣтописяхъ это простой пропускъ извѣстій о первыхъ не монастырскихъ больницахъ, но замѣтимъ притомъ, что они были лишь для приходящихъ, а постоянныхъ, какъ видно, не было еще тогда. Это первое «строеніе банное» на Руси объяснялось историками разно. Такъ Карамзинъ считалъ его общей купелью—крестильней, Иловайскій назыв. термы, общія бани. Тогда теряется въ этомъ извѣстіи всякій врачебный смыслъ (такъ смотрѣлъ на дѣло и Рихтеръ), чего, однако, нѣкоторые не допускаютъ. Если же вѣрно сказаніе Никон. и др. лѣтописей, то врачебное значеніе этихъ бань несомнѣнно. Ефремъ, жившій именно въ студійскомъ цареградскомъ монастырѣ, откуда и въ печерской перешелъ обычай ухаживанія за больными, конечно, видѣлъ многія монастырскія больницы и теплыя минеральныя константинопольскія и адріанопольскія воды, а на Афонѣ больницу близъ церкви и теплыя ванны. Съ нихъ-то онъ и снялъ копію въ Переяславлѣ, видя огромное ихъ значеніе въ лѣченіи частыхъ въ Россіи накожныхъ болѣзней. То не были простыя общія бани, въ коихъ и надобности большой не было, т. к. русскіе издавна имѣли ихъ. Да и строить бани близъ церкви едва-ли было удобно. Слова же Рихтера о больницахъ съ кроватями и о грекахъ врачахъ въ нихъ—простой недомыселъ. Впрочемъ, я не отвергаю присутствія въ монастырскихъ больницахъ монаховъ-врачей изъ болгаръ, о которыхъ, впрочемъ, историкъ печерскій не сохранилъ намъ никакихъ свѣдѣній, какъ и вообще иноплеменные монахи были за рѣдкость въ русскихъ монастыряхъ.

Какія именно болѣзни лѣчились въ этихъ больницахъ, не сохранила намъ исторія. А м. б. и были отмѣтки, погибшія потомъ. По всему вѣроятію, то были хроники, судя по амбулянтному способу лѣченія, изъ острыхъ развѣ однѣ глазныя. Вѣроятно острое воспаленіе соединительной оболочки. Остальные лѣчились на дому. Лѣтописи упоминаютъ лишь о

нѣкоторыхъ княжескихъ болѣзняхъ почти вскользь, такъ что теперь о нихъ трудно и судить. Такъ подъ 988 говорится о глазной болѣзни Влад. I подъ Корсунемъ. О хронической язвѣ на головѣ Всеслава Полоцкаго, носимой имъ будто всю жизнь, оттого будто онъ былъ кровожаденъ. То могло быть или липома или незаростаніе родничка, соединенное съ мозговой грыжей. Причиной язвы, конечно, волхвы, т. к. и «рожденъ то онъ былъ отъ волхвованія», добавляетъ лѣтописецъ (1044). Подъ 1065 говорится объ отравленіи Ростислава Тьмутараканскаго ядомъ (вѣроятно алколоидъ) въ винѣ, причемъ отравитель предсказалъ будто и день смерти. Въ 1076 году умеръ отъ рѣзанія желвей (железъ) Святославъ Яр—чъ. Важно лишь въ смыслѣ указанія смѣлости, ловкости и знанія тогдашнихъ хирурговъ, т. к. естественно смерть послѣдовала, вопреки лѣтописи, отъ angina, вызвавшей эти железы, а не отъ палліативнаго вскрытія ихъ. Въ 1154 съ Владиміромъ Галицкимъ сдѣлался послѣ нравственнаго потрясенія параличъ (ударъ). Замѣтимъ, что князя тотчасъ положили его врачи въ укропъ, т. е. въ горячую ванну. Пріемъ тогда чисто научный. Къ частымъ причинамъ смерти можно отнести большое пьянство. Лѣтопись сохранила имена даже двухъ князей, умершихъ оттого. Больше никакихъ указаній. Впрочемъ, во введеніи къ этому труду я не безъ основанія подробно говорилъ о болѣзняхъ, кои тогда могли быть.

О повальныхъ болѣзняхъ, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе повсемѣстныхъ, лѣтописи говорятъ чаще, но такъ же туманно, такъ что о характерѣ ихъ приходится судить больше по обстоятельствамъ побочнымъ. Большинство ихъ за то время было либо отъ голода, либо въ войскахъ. Такъ 1) уже въ 867 г. большой голодъ и моръ въ Кіевѣ; 2) смертность въ войскахъ Святослава I въ Бѣлобережьѣ 971 г., въ годъ его убіенія; 3) неизвѣстный моръ скотовъ, звѣрей и людей въ 978 годъ засухи; 4) конный падежъ въ новгородскихъ войскахъ Влад. Ярос—ча въ 1042 г.; 5) въ 1060 г. «изомроша вси Торки» по р. Роси южнѣе Кіева; 6) моръ въ Друцкѣ, Полоцкѣ и потомъ въ Кіевѣ; въ лѣтописяхъ это три отдѣльныя болѣзни match разнаго времени. Кромѣ того я пропускаю болѣзненность и смертность сопровождавшія нѣсколько мѣстныхъ о общихъ голодовъ, какъ равно и частые падежи скота; 7) Въ 1115 г. опять «у новгородскихъ воевъ Мстислава изомроша вси кони» на походѣ въ Чудь, какъ и въ 1042 г. Исключивъ болѣзненность со смертностью отъ голода — голодный тифъ и тоже въ войскахъ на походѣ — военный тифъ и оба, въ высшей степени вѣроятности, пятнистые тифы, т. к. и въ военныхъ тогдашнихъ морахъ большое участіе принималъ голодъ, будемъ имѣть

лишь моры подъ №№ 3 и 6. Впрочемъ, я не настаиваю на томъ, что болѣзнь отъ голода и на походахъ была именно тифъ, въ современномъ намъ понятіи, и сопровождалась именно тѣми же припадками, т. к. въ тогдашней наукѣ и не существовало еще болѣзни—тифъ. Но даже принявъ въ соображеніе вѣковую измѣнчивость, какъ формъ болѣзней и отчасти ихъ причинности, а стало и теченія, мы, во всякомъ случаѣ, должны будемъ остановиться на какой либо тифообразной горячкѣ. О болѣзни подъ № 3 мы можемъ говорить лишь гадательно... «Много пакости бываху человѣкомъ и скотомъ и звѣремъ лѣснымъ и польнымъ (Никон. I, 62)». Не было ли то, что теперь знаемъ подъ именемъ сибирской язвы, въ ея первичномъ еще повальномъ ходѣ? А если нѣтъ, то остается мѣстная сильная малярія? даже, м. б., того же тифознаго характера, т. к. о смертности ни слова, слѣдовательно она не была велика. Болѣзнь въ Полоцкѣ иного характера. «Предивно бысть въ Полотьсцѣ мечты (тѣнь мертвеца) быша въ нощи, тутняше и стоняше по улицамъ, яко человѣцы рыщуще бѣси; и аще кто вылазяще изъ истбы или, хотя видити, окно отворяюще абіе уязвленъ бываше невидимо отъ бѣсовъ язвою и съ того умираху;... посемъ же нача и въ день являтися... и тако уязвляху люди Полотскія и ихъ область»... О кіевской болѣзни читаемъ: «Въ сиже времена въ Кіевѣ мнози человѣцы умираху различными недуги, яко... продаху 7000 корстъ (гробъ) отъ Филипова дне до мясопуста (Рихтеръ по Кенигсбер, списку читаетъ: въ 1090 г., въ двѣ недѣли, 7000 человѣкъ)». Описатель юстиніановской чумы (525—600 г.) не врачъ говоритъ: она начиналась такъ—кто встрѣчалъ духа въ видѣ мужчины и тотъ духъ кого ударитъ или прикоснется, тотъ падалъ больнымъ и скоро умиралъ (Baas 192). Если отбросимъ тутнящихъ и стонящяхъ по ночамъ бѣсовъ и примемъ въ соображеніе, что болѣзнь пришла въ Полоцкъ изъ Дрьютска, т. е. изъ бывшей Древлянской области, лежащей по верховьямъ богатыхъ лѣсными болотами, большими озерами (дно недавняго моря), побережьямъ притоковъ р. Припети въ т. наз. Полѣсьѣ, къ сѣверу отъ Кіева; то передъ нами картина полнаго хода повальной (чрезъ прикосновеніе не заразительной) болѣзни несомнѣнно міазматическаго характера. Начавшись въ холодную весну или начало лѣта въ лѣсныхъ болотахъ, въ концѣ лѣта (отворялись окна) добралась до сосѣдняго Полоцка, а къ концу осени (14 ноября) дошла по теченію Друти до Днѣпра и Кіева, гдѣ, какъ при всякомъ скопленіи множества народа, и разыгралась; м. б., что къ ней присоединились и др., какъ, напр., огневая горячка. Но все-таки смертность не доходила до указанныхъ Рихтеромъ размѣровъ, т. к. отъ 14 ноября до масляницы при

самомъ короткомъ мясоѣдѣ около 3 мѣсяцевъ, а не 2 недѣли. За насъ Лавр., Патріар. и Никон. лѣтописи. Путемъ исключенія мы можемъ дойти до того, что это, по всей вѣроятности, была, ставшая въ Европѣ извѣстною за русскую болѣзнь, — инфлюенца, или гриппъ въ первоначальной жестокой формѣ.

Какимъ образомъ относились къ повальнымъ болѣзнямъ общество, государство и сами лѣчители, теперь конечно рѣшать невозможно за недостаткомъ какихъ бы то ни было историческихъ источниковъ. Можно лишь предполагать, что общество, еще твердо вѣря въ происхожденіе болѣзни отъ злости умершихъ, какъ и говорили современники про полочанъ, или отъ божества солнца, въ отношеніи къ болѣзни бездѣйствовало, подчиняясь року. Замѣчательно, что про дѣятельность волхвовъ, знахарей, колдуновъ и пр. при повальныхъ болѣзняхъ не сохранилось даже никакого преданія. Какъ видно, въ такія времена народъ сознательно обѣгалъ ихъ. Ученые лѣчители могли предложить лишь мѣры предохраненія, а въ древнѣйшія языческія времена амулеты. Государство по малочисленности населенія и разбросанности его на большія пространства не могло чего-либо предпринять, за отсутствіемъ нужныхъ на то санитарныхъ органовъ. Церковь молилась, отпущала грѣхи и хоронила.

О лѣкарствахъ того времени приходится сказать почти то же, что въ доисторическое время. Кромѣ заговоровъ изъ мѣстныхъ преобладали средства животнаго царства, а зелія б. ч. привозныя, т. к. сообщенія и сношенія увеличились, но греческія и александрійскія преобладали, т. к. русскіе торговцы проникали и туда а м. б. и арабскія по Черному морю, персидскія по Каспію продолжали прибывать. Но все это больше для врачей болѣе научныхъ.

О тогдашнихъ міровоззрѣніяхъ и понятіи общества о болѣзняхъ въ связи съ религіей и бытомъ мы говорили раньше. Съ принятіемъ христіанства, за какія-нибудь сто съ небольшимъ лѣтъ, они не успѣли еще сильно измѣниться. Что однако не могло не отразиться на т. ск. врачебной нашей цивилизаціи и неособенно помогать развитію молодыхъ врачебныхъ учрежденій. Отчужденіе отъ больницъ впослѣдствіи даже перешло въ инстинктивный страхъ къ нимъ. Оттого эти учрежденія лишь прозябали, не оставивъ почти никакихъ слѣдовъ въ исторіи или, какъ позднѣе, (времена Грознаго) бывъ узаконены такъ и остались на бумагѣ лишь. Т. об. чуть не до нашихъ дней общество рѣшительно не учавствовало въ попыткахъ государства и церкви развить и поставить эти учрежденія даже на основахъ благотворительности, до безплатности пользованія ими.

Выше мы упоминали о иноземномъ вліяніи на наше врачевство странъ, съ коими имѣли сношенія. Кромѣ Европы съ нами сосѣдили литва, финны, болгары, хозары, печенѣги и половцы. Литовцы, хотя и немного позднѣе насъ вышли на поле исторіи, но тѣ же арійцы, сарматы, ушедшіе въ болотистые лѣса сѣвера отъ давленія гунновъ, гдѣ въ тѣни, вдали отъ міра, продолжало развиваться ихъ міровоззрѣніе, не прерываемое христіанствомъ. Языкъ ихъ еще ближе къ первообразу, т. е. санскриту. Вообще въ ихъ обычаяхъ, вѣрованіяхъ много общаго съ нашими предками: та же любовь къ коню, такія же точно погребенія на кострѣ, потомъ въ могильникѣ, тѣ же тризны—еще въ 1253 кн. Миндовъ бывшій христіанинъ. Значительно сословно развитые, но не замкнутые жрецы (криве-кривейто) и помощники ихъ войделоты-тки прямо имѣли обязанность лѣчить. Они м. б. и семейные. Часть войделотокъ дѣвственницъ (1109) поддерживала вѣчный огонь, а замужнія б. ч. и были собственно лѣкарки, чародѣйки, вѣдуньи, знахарки. Отъ нихъ могли мы заимствовать, если не имѣли раньше въ своихъ обычаяхъ, развѣ часть заговоровъ и часть ихъ лѣсныхъ лѣкарствъ отъ малярій. Литовская сказка о плотникѣ, Перкунѣ и чортѣ, заканчивается насмѣшкой надъ аптекарями, продающими чортово кало за лѣкарство. Многіе изъ литовскихъ князей сами славились какъ лѣчители. Это историческое сближеніе прямо объясняетъ намъ, почему и у насъ женщина-вѣдунья, знахарка преобладала въ деревняхъ, и до нашихъ временъ даже въ дѣлѣ хирургіи, не говоря уже о женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ, куда мужчина и не вмѣшивался съ поконъ вѣковъ. Мужчина знахарь былъ болѣе наученъ и, дѣйствуя б. ч. въ городахъ, естественно скоро сталъ заимствовать знанія писанныя, т. е. учился. Не то у финновъ, колдуновъ-ковачей преимущественно, работы которыхъ, напр. мечи, считались въ сагахъ заколдованными. Хотя ихъ искусство принадлежало болѣе къ мѣдному вѣку. Угрюмое т. ск. міровоззрѣніе финскаго племени, гдѣ исключительно дѣйствуетъ злой духъ, не могло не отразиться и на врачебныхъ взглядахъ народа, выработавъ дѣятеля исключительно волхва съ наговорнымъ зельемъ. Мы уже сказали выше, что наши предки не могли не воспользоваться богатой финской, особенно мордовской фармакологіей и отъ Колывани, Риги, Юрьева до Перьми и болгаръ. У болгаръ въ эпоху сплачиванія ихъ славянскими выходцами, едва ли мы нашли бы что занять, но съ принятіемъ магометанства арабское вліяніе межъ ними и врачевство не могли не отразиться и у насъ, частію даже лично, т. е. чрезъ бродячихъ врачей учителей. Хотя арабское вліяніе издавна не было въ рѣдкость чрезъ хозаръ даже черкесъ, но съ оттѣнкомъ сосѣдей персовъ и Хивы, т. к. въ

хозарскомъ царствѣ была $^1/_3$ славянъ. Печенѣги и половцы могли дѣлиться лишь врачевствомъ, выросшимъ на арабской основѣ. Нѣмецкій орденъ (съ 1188 г.), занявшій финскія земли отъ Рижскаго залива до русской границы, уже съ раннихъ поръ заявилъ свою враждебность, не пропуская къ намъ лѣкарствъ и врачей, которыхъ впрочемъ у него самого мало было.

Глава 3. Владиміро-Суздальское время.

До сихъ поръ говорили б. ч. о томъ, что могло быть, а теперь, кажется, можно говорить и о томъ что въ самомъ дѣлѣ было. Кромѣ, конечно, времени татарскаго ига, когда почти не про что говорить.

Русь Владимірская удѣльно княжеская, вольноземледѣльческая. Теперешнія губерніи: Спб.-кая, Новг., Вологод., Псков., Яросл. Костром., Витеб., Москов., Владимір., Нижегородская. Князь уже вотчинникъ, а слѣдовательно и дружина, пріобрѣтая земли, осѣдала, становясь болѣе земской. Число огнищанъ подъ именемъ, кажется, дворянъ значительно увеличивается, а стало и холопскія селенія растутъ. Церковь тоже владѣетъ и пашетъ землю, но вольнымъ трудомъ, какъ и смердъ на поляхъ ли князя, церковныхъ или частію на собственныхъ и городскихъ, но вполнѣ сохранивъ общинное владѣніе землей, т. к. по условіямъ времени и качеству земли (хуже Кіевской) смердъ—теперь крестьянинъ—не былъ крѣпокъ землѣ, т. е. еще бродилъ. Какъ и дружинникъ еще не вполнѣ осѣлъ; хотя князья начали раздавать имъ и населенныя земли, т. е. уступали имъ свое право получать доходы, пока дружинникъ оставался на службѣ князя. Земледѣліе на первомъ планѣ, промышленность уступаетъ ему, т. к. безопасность позволяетъ развиваться первому, а второе занимало меньше рукъ, оставшихся въ землѣ кіевлянъ, а здѣсь лишь насаждается. Т. к. князь здѣсь и города рубитъ и людей «нарубаетъ», т. е. призываетъ въ лѣса Мери, Мордвы и т. п., т. ск. поглощая ихъ постепенно. По исконному ли стремленію славянъ на сѣверовостокъ въ затишье, отъ удѣльныхъ ли бурь, вызываемыхъ стремленіемъ удѣловъ обособиться, съ вырабатываемой тогда системой политическаго равновѣсія ихъ или отъ вѣчно военной тревоги отъ сосѣдей кочевниковъ на югѣ, заграждавшихъ Грецію, къ тому же взятой крестоносцами — это дѣло общей исторіи. Намъ важно лишь то, что охристіанившійся (въ понятіяхъ и суевѣріяхъ все еще язычникъ) переселенецъ здѣсь снова пришелъ въ соприкосновеніе съ грубымъ, хотя и не воинственнымъ язычествомъ. Положимъ, въ концѣ пришлецъ и одолѣлъ, но не могъ не принять кой чего изъ мѣстныхъ суевѣрій, обы-

чаевъ, и врачебныхъ, хотя домашнихъ пріемовъ, лѣкарствъ же — зелій, какъ говорили выше, несомнѣнно много занялъ уже потому, что тогдашній врачъ лѣчилъ своими лѣкарствами. Городское населеніе, дѣлясь на сотни, все еще преобладало, хоть и много меньше, но оно ничѣмъ не отличается въ это время отъ сельскаго; оба принесли свои вѣчевые порядки изъ Кіевской Руси. Торговля процвѣтала б. ч. съ рѣчнымъ судоходствомъ, а сухопутные небольшіе волоки усиливали лишь заработокъ. Усиленное здѣсь земледѣліе уменьшило древнѣйшее скотоводство по отсутствію степей, а еще древнѣйшее рыболовство развивалось; умѣли дѣлать икру, цѣнили осетра, рыбу вялили какъ и мясо. Оттуда въ Старой Руссѣ прасолы—какъ особый видъ купца соленымъ товаромъ. Но все это въ небольшомъ, какъ и прежде, размѣрѣ для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ, мало для вывоза или запаса. Оттуда частыя мѣстныя голодовки. Народъ со стриженой головой и бородой ѣлъ мясо, дичь, домашнюю птицу, еще не бросилъ медвѣжатину, бѣлку, пилъ пиво, много меду, ѣздилъ верхомъ, жилъ въ деревянныхъ, по деревнямъ, курныхъ жилищахъ. Всѣ способы хозяйства, деревянная утварь, инструменты, даже одежда все тѣ же, что и теперь. Имѣлись почти всякіе (не иноземцы) мастера. Новгородскіе плотники, владимірскіе каменщики, кіевскіе сѣдельники, вообще сбруйщики доходили до изящества въ рѣзбѣ по дереву, въ каменныхъ узорочьяхъ. А изящная наша серебряная работа цѣнилась и у сосѣдей. Наши живописцы тоже, оставаясь въ церковномъ дѣлѣ по духу греческими, прославились въ своеобразныхъ, по русской мысли, миніатюрахъ и узорочьѣ. Свои зодчіе и ваятели извѣстны уже въ 1119 г., оружейники еще раньше. И всего этого на столько много, что отъ татаръ, забравшихъ почти всѣхъ мастеровъ, щадя всякихъ полезныхъ ремесленниковъ, впослѣдствіи множество бѣжало назадъ. Въ книжномъ дѣлѣ, особенно у горожанъ, мы доросли до «Слова о полку Игоревѣ».

Княжескіе дворы дѣлались средоточіемъ лучшаго изъ всего этого. Кому же придетъ въ голову отвергать врача, научно по времени образованнаго, при каждомъ удѣльномъ князѣ, помимо лѣтописныхъ указаній, не говоря о великихъ, т. е. старшихъ въ родѣ князьяхъ. И врачей именно русскихъ, также какъ и пѣвцы княжескіе и всякіе художники. Только дѣло въ томъ, что научный врачебный цензъ сверху по мѣстнымъ условіямъ долженъ былъ понизиться, а въ татарщину даже совсѣмъ упасть и численно. Кромѣ того, еще на югѣ мы, благодаря половцамъ и др. причинамъ, стали по маленьку отставать отъ европейскихъ сосѣдей, а здѣсь и подавно. Зато снизу въ деревняхъ врачъ поднялся уже потому, что число научныхъ зна-

чительно уменьшилось. Условій для образованія врачебнаго сословія было еще меньше. И здѣсь были бродячіе врачи. Обученіе и способъ его — у мастера на года, какъ равно и источники, т. е. лѣчебники, все было то же. Но съ обращеніемъ князя, дворянъ и церкви исключительно къ земледѣлію, стало къ осѣдлости и отъ другихъ историческихъ вышесказанныхъ причинъ, потребность во врачѣ, не хирургѣ увеличилась. Для удовлетворенія ея, помимо увеличенія вольнаго ученичества, могли (говорю пока могли) сказаться еще тогда два новыя явленія, развившіяся вполнѣ лишь много позднѣе—въ царскомъ періодѣ. Это холопы врачи, отдаваемые на выучку какъ для княжьихъ селъ, а пожалуй и для войскъ, такъ же крупными землевладѣльцами, да по всему вѣроятію и церковью какъ собственницей земельной. Другое явленіе это необходимость популяризаціи врачебныхъ знаній. Мелкіе земельные собственники чувствовали надобность сами подучиваться врачевству, для замѣны недоступнаго посредствомъ врача, что впослѣдствіи (въ XVI и XVII вв.) пышно развилось, пріучивъ крестьянина прежде всего относиться со всякими болѣзнями къ своему помѣщику. Въ то же время оно положило начало, т. наз., домашнему врачевству, не мифическому, конечно, а по книгамъ, народному лѣченію. Оба явленія подобны такимъ же бывшимъ въ Римѣ. Церковь могла дѣлать тоже въ видахъ своего принципа благотворительности, отнимая тѣмъ у врачевства характеръ промышленности. Принадлежа по б. ч., какъ и въ Кіевской Руси, къ нетяглымъ людямъ, изъ которыхъ были и всѣ почти переселенцы здѣсь, врачи, конечно, всѣ грамотные, ни во внѣшности, ни въ образѣ жизни, ни въ обычаяхъ, ничѣмъ не отличались отъ тогдашняго общества. Т. ск. политическое положеніе ихъ въ обществѣ не могло быть высоко, потому что они были не изъ привилегированнаго, ни изъ богатаго сословія, а изъ тяглыхъ черныхъ сотенъ и даже холопы врачи. Тѣмъ не менѣе матеріальное ихъ положеніе было недурно, хотя по всему вѣроятію за свою дѣятельность вознагражденіе, лѣча своими лѣкарствами, они получали натурой, и б. ч. по договору. Вѣроятно пользовались они порядочнымъ довѣріемъ, т. к. многіе изъ нихъ могли выписывать лѣкарства, а стало заняться прибыльной торговлей — зельями, мальханами, мастями и другими заморскими снадобьями.

Отношеніе врачей къ государству, закону, церкви и обществу при новыхъ условіяхъ времени могли лишь потерять и тотъ слабый видъ законности, или лучше опредѣленности, который установился въ Кіевской Руси. Напр. врачи были внѣ всякой зависимости отъ церкви. Лѣтописи и другіе источники не сохранили намъ ничего, даже изъ того, что бывало въ

Кіевской Руси. Кромѣ того въ XII в. церковь, ставъ землевладѣлицей, лишилась погодной десятины изъ виръ. и др. доходовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ сократилась и благотворительная лѣчебная дѣятельность, хоть пока и на время. Тогда начала сокращаться и подсудность церкви. Съ другой стороны высшій клиръ и частію монастыри продолжали свою покровительствующую миссію какъ больному, такъ и врачебному знанію. Даже сами занимались или лучше учились врачевству. Таковы митрополиты Өеогностъ, Алексѣй, вылѣчившій ханшу Тайдулу отъ глазной болѣзни. Государство не мѣшало никому ни учиться, ни заниматься врачевствомъ и только; а общество относилось какъ къ ученому ремесленнику-торговцу. Хотя напр. Андр. Боголюбскій, по примѣру Владиміра, приказывалъ развозить больнымъ брашно и питіе по домамъ и вообще заботился о немощныхъ и убогихъ (1160); а Петръ Юрьевичъ, князь Муромскій (съ 1203), ѣздилъ въ Рязань, тогда славную врачами, лѣчиться.

О лѣкарствахъ того времени можно лишь вообще сказать, что на сколько привозъ ихъ изъ Египта, Сиріи, Греціи и Европы уменьшился (отъ парализующаго вліянія нѣмцевъ на новгородскую торговлю), настолько онъ увеличился мѣстной флорой и привозомъ изъ Азіи, т. к. мы стали ближе и къ болгарамъ и къ Хивѣ съ Персіей, рѣкой Волгой. Маркъ Поль, венеціанецъ 1272, въ своемъ описаніи говоритъ о ревенѣ въ Россіи. Но животное сало, мозги, сердце, печень, даже человѣчій жиръ все же преобладали. Въ Новгородѣ и вѣроятно въ другихъ городахъ въ зелейномъ ряду можно было достать всѣ тогда нужныя лѣкарства отъ сулемы до камфоры, а пожалуй и опія. Самыя названія приготовленныхъ лѣкарствъ— мальханы и пр., прямо говорятъ, что они взяты изъ книгъ и притомъ заимствованныхъ и въ крайнемъ лишь случаѣ переведены съ названій иноземныхъ. Слѣдовательно народъ, будто изобрѣтшій ихъ, тутъ ровно не при чемъ.

Немного сохранили намъ лѣтописи объ отдѣльныхъ случаяхъ болѣзней князей за это время. «1174 г. представися Святославъ Юрьевичъ въ Суздалѣ братъ великаго князя Андрея. Отъ рожденія (отъ юныя версты по Никон. лѣт. и до смерти) бысть ему болѣсть зла (злая хороба по Густин. лѣт.) ею же и блаженства сподобися». Нужно думать, что то были припадочныя корчи, которыя кой-гдѣ у народа звались злой болѣстью. Въ 1190 году, говоря о раненіи Галицкаго кн. Владиміра, извѣстіе (Илов. II) добавляетъ, что венгры приложили къ ранѣ зелье, отъ котораго раненый вскорѣ умеръ. То могъ быть, еще не забытый, стрѣльный ядъ—алколоидъ. Подъ 1206 г. отмѣчено:... «лежа въ немощи 7 лѣтъ, представися

вел. княгиня Всеволожская Марія». Безъ сомнѣнія параличъ. Въ 1228 «Кирилъ Ростовскій, оставивъ епископію, приде въ Суздаль къ св. Дмитрію (мужской монастырь близъ Кремля) въ свою келію хотѣ лѣчити свою немочь яже бѣ ему внутрь; бяше же ему лице измѣнилось, аки почернѣло отъ недуга, устнѣ отолстѣли и носъ». То могла быть узловатая слоновая проказа. Это извѣстіе намекаетъ на существованіе монастырской въ Суздалѣ больницы или извѣстнаго въ городѣ спеціалиста врача, т. к. Ростовъ былъ и больше и старше Суздаля. Въ 1232 году архіеп. новгородскій Антоній (извѣстный греческій путешественникъ—Добрыня) «онѣмѣ, бысть же... онѣмевъ не глаголя лѣтъ 6 и 7 мѣсяц до смерти». Въ 1254 г. отмѣчено: король галицкій Данило «бѣ бо очима напрасно боля» едва видѣлъ на самомъ близкомъ разстояніи. Могло быть поврежденіе нервныхъ центровъ — темная вода, т. к. бѣльмо тогда было хорошо извѣстно и не врачамъ. Приведемъ изъ Густинской лѣт. нѣсколько случаевъ уродствъ въ разное время. Такъ подъ 1269 г.: «Недалече отъ Кракова пани Вербяловская Малгорота единемъ рожденіемъ породи дѣтей живыхъ 36. А въ Калишу родился телецъ со седмію ногъ тельчихъ и двома песіеми главами едина по обычаю на переди, а другая меньшая надъ опашію». Въ 1275 г. родился въ Краковѣ дѣтище со зубами, иже глаголаше, абіе, егдаже окрещено бысть, испадоша ему зубы и преста глаголати; второе же дѣтище родися, иже по 6 мѣсяцъ яснымъ языкомъ глаголаше и пророчествоваше нашествіе отъ татаръ, приложише и се яко оно имать пострадати отъ татаръ, еже и собыстся. Въ 1336 една пани уродила разомъ дѣтей 12, 11 померли за разъ, а единъ выховался и былъ потомъ бискупъ. Въ 1494 въ Краковѣ роди жена мертвое дѣтище иже бѣ ему въ хребтѣ змій живый, кусая тѣло сего дѣтища; такожъ подъ Краковымъ на селѣ Черномъ породи жена дитя и зъ шіею заячею и ушима. Въ 1499 въ Краковѣ роди една жидовка тельца съ двома главами; една бяше по обычаю напредѣ, а другая назади, а хвостъ бяше посреди хребта, ногъ имяше седьмъ на правомъ боку, а на лѣвомъ не единоя; лежащь на долзе на позоръ людямъ». Далѣе приведу болѣзни по времени впрочемъ принадлежащія къ слѣдующему періоду, ради цѣльности впечатлѣнія. Въ 1287 «Володимеру (Василькович) же князю (Волынск. † 1289) больну сущу . . . рана неисцѣлимая . . . лежащу въ болѣсти 4 лѣта, болѣзнь же сице скажемъ: нача ему гнити исподняя устна, перваго лѣта мало, втораго, третьяго больмо нача гнити . . . Исходящу же четвертому лѣту и наставше зимѣ и нача больми немочи, и опада ему все мясо съ бороды и зубы исподнія выгниша вси и челюсть бородна перегни и бысть видѣти гортань; и не вкушая по семь недѣль ничего же».

Въ старыхъ лѣчебникахъ болѣзнь звалась «чуцамина». Это м. б. либо волчанка въ первобытной жестокой формѣ, но никакъ ни ракъ напр. или другая злокачественная болѣзнь, уже по своей продолжительности. Можно пожалуй допускать, что то была болѣзнь впослѣдствіи названная французской, хотя она научно и стала извѣстна въ Россіи лишь въ концѣ XV вѣка. За нее говоритъ и гніеніе костей. Да кромѣ того быстро сдѣлавшееся въ Россіи извѣстнымъ лѣченіе ее сулемой, много раньше, чѣмъ въ Европѣ, заставляетъ предполагать существованіе и раньше какой либо подобной болѣзни. Лишь крайне осторожно можно говорить здѣсь о проказѣ вообще, почти никогда не трогавшей ни костей, ни мышцъ. Въ томъ же году «бысть мятежъ (въ Новгородѣ) на Семена Мих—ча... и Семенъ прибѣжа къ владычицѣ... въ св. Софію... заутра снидошася на любовь. Симеонъ же разболѣся и представися по малѣхъ днѣхъ». Стало нервность была и въ то время сильно развита.

Повально-заразительныя болѣзни конечно и тогда были не въ рѣдкость. Голодъ со смертностію отмѣчены въ лѣтописяхъ подъ 1162, 1171, 1173, 1188, 1212, 1214 и 1251 годами; а падежъ скота въ 1204, 1264, 1282, 1284, 1291 и въ 1298 годахъ, по преимуществу въ сѣверозападной Россіи. На людяхъ же въ 1153 г. у Юрія Долгорукаго въ походѣ въ Вятичи въ конехъ у воевъ его былъ такой моръ «якоже и не бывалъ... не точію въ конехъ, но и въ воинствѣ». Могла быть сибирка, а вѣроятнѣе военный тифъ или даже цинга при плохомъ тогда продовольствіи войскъ, какъ увидимъ ниже. Въ 1158 «моръ бысть многъ въ людехъ и конь мъностъво... и скотъ помре рогатый». Въ 1187 была болѣсть сильна (во Владимірѣ) въ людяхъ, не бяше бо ни единаго двора безъ больныхъ, а во иномъ дворѣ не бяше кому и воды дати, но вся боли лежаху». Тоже въ Новгородѣ и Бѣлоруссіи. Весенняя тифообразная огневка. Въ 1229—30 году сильный трехлѣтній голодъ съ очень большой смертностію почти по всей Россіи; кромѣ Кіева, особенно въ Новгородѣ и Смоленскѣ. Въ послѣднемъ моръ Рихтеръ (I, 138) называетъ чумой, отъ которой умерло 32,000 человѣкъ. Едвали то была собственно чума, уже потому, что ограничилась однимъ городомъ, а о заносѣ ея откуда либо нѣтъ и намека, тѣмъ болѣе съ востока, въ Европѣ же въ то и ближайшее время не было ничего подобнаго. По моему, первой достовѣрной чумной повалкой нужно считать въ Россіи черную смерть. Мѣстной же чумы въ Россіи (т. е. здѣсь зародившейся) никогда не бывало. Уже тѣхъ временъ писатели, арабы и европейскіе ученые, начинаютъ говорить о повальныхъ горячкахъ, часто сопутствовавшихъ чумѣ и совершенно отъ нея независящихъ. Такой тифупо-

добной горячкой и былъ смоленскій тогда моръ, на голодной подкладкѣ. Таковъ же былъ моръ и во Псковѣ въ 1237, о которомъ говоритъ Рихтеръ (I, 138 и 190), если только это не ошибка въ годѣ, т. к. о немъ ни одна лѣтопись ни слова. М. б. поводомъ къ нему было въ 1237 первое жестокое избіеніе людей почти всей сѣверной Россіи татарами зимой, а по веснѣ, конечно, могли быть, отъ гніенія труповъ, и повальныя болѣзни. Хотя впрочемъ до Пскова татары не доходили. Далѣе подъ 1341 годомъ дословно тоже описаніе мора въ Пск. I и II лѣтописяхъ. Рихтеръ легко могъ спутать славянскія цифры сентябрскаго года. Въ 1265 былъ моръ на людяхъ во Псковѣ, Пск. л. I, 181, а по Густин. 343, и «великъ моръ во скотѣхъ». Этотъ предварительный падежъ даетъ поводъ считать моръ на людяхъ схожимъ съ военнымъ тифомъ, а м. б. и маляріиной горячкой. Въ зиму 1278 во Владимірѣ Суздал. «мнози человѣцы умираху различными недугы». Могли быть повальное воспаленіе легкихъ или сыпныя горячки, по всему вѣроятію не эпидемич. характера. 1281, когда татары осаждали города Подоліи, Волыніи и Польши «въ городѣ изомре въ остою безчисленное множество, друзіи же изомроша въ селѣхъ вышедши изъ городовъ по отшествіи агарянъ . . . Тое же зимы и въ Ляхахъ бысть моръ великъ: изомре ихъ безчисленное множество». Послѣ вторичнаго татарскаго погрома конечно голодъ и тифъ.

О больницахъ и другихъ подобныхъ учрежденіяхъ того времени мало знаемъ, такъ они мало оставили слѣдовъ въ исторіи. Если вообще эти учрежденія и пересажены съ юга, то какъ новые, конечно, отставали числомъ, а м. б. и качествомъ отъ кіевскихъ, а татарскій погромъ окончательно смылъ ихъ. Возрожденіе ихъ могло быть лишь въ московское время.

Вообще татарское иго сильно отозвалось и во врачебномъ дѣлѣ, измѣнивъ, если не самыя основы его, то многое переиначило. Численность врачей, за уводомъ большинства въ плѣнъ, какъ не имѣвшихъ возможности платить обременительной дани, сильно сократилась, чуть не до ноля. Заботы о насаживаніи врачебныхъ знаній со стороны церкви, дворянъ и даже самихъ князей по необходимости прекратились. Всѣ почти рукописныя руководства, тетрадки, лѣчебники сгорѣли. Притокъ даже бродячихъ научныхъ врачей изъ Болгаръ прекратился. Обученіе если не совсѣмъ прекратилось, то чахло въ застоѣ. Примемъ въ соображеніе прекращеніе всякаго духовно-житейскаго и научнаго развитія народа, его загрубѣніе. Съ другой стороны плѣнные подпали вліянію монгольской цивилизаціи, сдѣлавшись рабами, конечно, занимали многое и изъ ихнихъ врачебныхъ

знаній, напр. лѣкарствъ по необходимости и, конечно, слѣдовалъ тотъ же застой. У монголовъ была такая масса суевѣрій, что они отразились и на ученыхъ несторіанахъ, поселившихся межъ ними. Хотя они и могли бы знаніемъ древней медицины освѣжить нашихъ врачей, но всеобщая грубость и отупѣніе, отсталость развивались очень быстро, а счастливцы, убѣжавшіе изъ плѣна, встрѣчали дома тоже огрубѣніе. Такъ что возрождавшееся въ московское время врачевство должно было по необходимости обратиться къ другому источнику знаній, къ Европѣ, гдѣ послѣ крестовыхъ походовъ зашевелилась мысль, въ чемъ Россія не могла участвовать и чѣмъ отчуждена на постоянную отсталость во всѣхъ отрасляхъ знаній. Гнетъ татаръ на Польшу и Литву былъ не такъ силенъ. Тамъ могли еще поспѣвать за возрождавшейся Европой. Поэтому намъ, загороженнымъ нѣмцами, пришлось заимствовать сначала у Литвы и Польши даже медицинскія знанія съ ихъ переводовъ. Нужно было отдать всѣ силы страны на укрѣпленіе государства и освобожденіе. Тутъ, конечно, не до врачевства. Но волна этого зарождавшагося и обновлявшагося знанія, благодаря усиліямъ братолюбивыхъ проповѣдниковъ креста, сосѣднихъ нѣмцевъ, нескоро до насъ докатилась по ихнему морю.

Т. об. русское врачевство достигло, въ доисторическія времена на берегахъ Азовскаго моря, высокаго развитія при сосѣдствѣ Греціи, несторіанской Сиріи (Южный берегъ Чернаго моря еще при Игорѣ былъ переполненъ славянскими поселеніями. Пѣтуховъ даже указываетъ колоніи славянъ-энетовъ на берегахъ Ефрата, называвшихся Россами. Энеты-славяне Пѣтухова могли легко, переселясь на Адріатику, обратиться въ Венетовъ Фаминцына, кои потѣснились къ Балтійскому морю подъ именемъ славянъ-вендовъ, состоявшихъ изъ бодричей и вагровъ, впослѣдствіи варяговъ, у коихъ, по Нестору—«одинъ языкъ со славяны») и Александріи египетской. Не составляя замкнутаго сословія, свободное отъ налоговъ врачевство передавалось ученикамъ по частному уговору, б. ч. въ жреческомъ кругу. м. б. по примѣру Египта и Греціи, но до школъ и храмовъ не доходило. Въ послѣдующія затѣмъ тяжкія времена переселеній врачевство, конечно, упадало, сохраняя лишь основы его. Но разъ сѣли на мѣсто, образовали государство, свое домашнее научно преемственное врачевство возродилось, при вышесказанномъ сосѣдствѣ. Не отвергаю переселенія иноземныхъ научныхъ врачей къ намъ въ то время и того, что городскіе врачи были научно выше. Не забудемъ впрочемъ, что селъ и деревень было мало. Только врачебное, т. ск., сословіе все сплошь лѣчило, сначала учившись, хотя м. б. и сопровождало лѣченіе

заговорами да заклятіями, особенно у людей попроще, какъ было послѣ въ Литвѣ. Иными словами знахарство еще не выдѣлялось, какъ послѣ. Христіанство, взявъ лѣченіе подъ свое покровительство, враждебно отнеслось къ колдовству, чарованію, и представителямъ его. Тогда врачевство разомъ, т. ск., разстроилось. Высшее научное должно было бросить заговоры, а съ ними и практику межъ, держащимися еще крѣпко язычества, массами. Лѣчители же массъ въ силу этого отодвинулись, начали отставать научно и подъ вліяніемъ жизни понемногу стали придвигаться къ знахарству, особенно впослѣдствіи, подъ вліяніемъ ратующаго христіанства а потомъ татарскаго ига, но все же не покинуло преемственной передачи знаній. Третье врачевство явилось чисто христіанское, т. е. монастырско-духовное. Скоро оно стало, какъ бы, соперничать съ т. наз. свѣтскимъ научнымъ врачевствомъ (Агапитъ и армянинъ). Но это монастырское врачевство по историческимъ причинамъ не достигло самостоятельности, какъ на западѣ, но продолжало вліять разлагающимъ образомъ, конечно, при наличности другихъ условій, на раздвоеніе свѣтскихъ лѣчителей и на умаленіе обоихъ. Во владимірское время, какъ видимъ, научность высшаго свѣтскаго врачевства падала, а низшее съ развитіемъ деревни, завладѣвъ хирургіей, слегка поднималось и сохранило еще обычай учиться. Лишь въ московское время оно упало до знахарства неученаго (да и то остались б. ч. лишь иноплеменные финскіе знахари) и окончательно отдѣлилось отъ врача, который постепенно, заимствуя и учась, съ освобожденіемъ отъ монгольскаго ига, отчасти у другихъ учителей, (т. к. бродячіе греки, персіане не переводились на Руси и долго послѣ охотно брали на выучку желающихъ. Не забудемъ, что въ средніе вѣка во всей Европѣ учителя и ученики сплошь были бродячіе, какъ и врачи практики) сохранилъ свою самостоятельность въ видѣ лѣкаря, по преимуществу хирурга, травщика, зелейщика (будущаго аптекаря) и вмѣстѣ врача. Хотя при царяхъ наши «площадные лѣкаря» («Площадные врачи» И. Т. Спасскій Др. Здр. 1834, 1; Илов., IV, 75, послѣ убіенія Лжедмитрія они собирали жиръ съ труповъ, валявшихся на красной площади, какъ и въ осаду Кремля въ 1612 г.), о которыхъ намъ лѣтописи сохранили извѣстіе, совмѣщали въ себѣ всѣ эти три рода знаній. Потому м. б. когда въ Европѣ, чуть не до нашихъ дней, врачи строго отдѣлялись отъ хирурговъ и первые презирали послѣднихъ наравнѣ съ шарлатанами, на Руси раньше всѣхъ, еще въ первой царя Алексѣя школѣ, всѣ 3 вѣтви врачебныхъ знаній уже слились вмѣстѣ, по старому обычаю. Хотя нѣмцы, тогдашніе наши учители, и старались въ администраціи и жизни провести этотъ раздѣлъ, но къ счастью неуспѣшно.

Если были площадные дьяки, коихъ писанія, документы и пр. считались законными, какъ теперь у частныхъ нотаріусовъ; если были площадные писцы съ своими рукописями; если были площадные попы, т. е. безприходные; и всѣ они предлагали на торгу свои услуги обывателю, отчего же, скажите, не быть площаднымъ врачамъ? И притомъ, какъ всѣ предъидущіе, предварительно ученые каждый своему дѣлу? Этому званію «площадныхъ» никоимъ образомъ не слѣдуетъ придавать того значенія, какое понимали наши учителя иноземцы, приравнивая ихъ, по обычаямъ своей родины, къ своимъ шарлатанамъ. Сопровождать помпой свою дѣятельность у русскаго человѣка, особенно врача, извѣчно не въ обычаѣ. Да и площади наши, какъ мѣсто лишь торга, т. е. дѣла, были единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было предложить обывателю свои знанія, облегчая ему путь добыванія врача и сокращая время розыска. Если позднѣе появлялись у насъ кой-какіе представители шарлатанства, въ видѣ торговцевъ каплями и пр., то это были исключительно иноземцы. Ихъ даже окрестили общимъ именемъ «венгерца». Да! Вообще, кажется, медицина не есть задача славянскаго племени, если не примемъ въ разсчетъ положенія Н. А. Данилевскаго, что для Россіи, едва заканчивающей свой періодъ созиданія государства, не настало еще время самостоятельной науки. Отчего же врачъ нашъ оставилъ такъ мало слѣда въ лѣтописяхъ и другихъ источникахъ? Частію лѣтописи, какъ произведенія монаховъ, хотя бы и руководимыхъ высшимъ сословіемъ, неособенно сочувственно, а скорѣе враждебно могли, какъ представители противуположной христіанской идеи, отнестись ко врачу, все еще отзывавшемуся народнымъ язычествомъ. Но это не объясняетъ многаго.

Начнемъ издали. Никто конечно не станетъ спорить, если я скажу, что русскій народъ не любитъ лѣчиться и добавлю извѣчно не любилъ. Еще менѣе подлежитъ спору, что народный взглядъ на причину, сущность болѣзни и лѣченіе чрезвычайно стойки и сохранились вѣка безъ всякихъ измѣненій. До сихъ поръ смотрятъ на болѣзнь какъ на что-то совнѣ вошедшее въ тѣло и потому больной долженъ всѣми силами бороться съ болѣзнію, поддаваясь лишь въ крайнемъ случаѣ, т. е. ложиться, когда уже совсѣмъ обезсилѣетъ. Еще наружныя средства, туда сюда, народъ употребляетъ при грозной необходимости, а внутреннихъ избѣгаетъ всякими способами. Это подтвердитъ вся наша исторія. Тому не мало причинъ. Не рѣдки наблюденія язычника, что многія болѣзни проходятъ сами собою, особенно у народа свѣжаго, вѣчно на воздухѣ. Оттуда пренебреженіе къ болѣзни и русское авось. Вѣра въ судьбу, т. е. въ волю Божію, съуко-

торой не стать спорить, т. к. болѣзнь наказаніе Божіе. Оттого напр., въ повальныхъ болѣзняхъ полная бездѣятельность врачебная; лишь даютъ больному все, чего бы онъ ни пожелалъ (убѣдясь, м. б. кромѣ того, наглядно во всей немочи лѣчителя что-либо сдѣлать съ болѣзнію). Или, помѣщая заразнаго больнаго въ особую избу, прерываютъ съ нимъ всякія сношенія, какъ съ наказаннымъ Богомъ (Ибн-Фадландъ). А если припомнимъ легенду сотворенія человѣка, по которой чортъ въ отсутствіи Бога истыкалъ все новосозданное тѣло, отчего оно все покрылось болячками, такъ что вернувшемуся съ душой Богу пришлось всѣ эти болячки вогнать внутрь человѣка; тогда поймемъ податливость нашего простолюдина къ наружнымъ лѣкарствамъ. Т. ск. чортомъ причиненныя наружныя болѣзни лѣчить не грѣхъ. И боязнь зелья, какъ отравы, даже противный вкусъ большинства лѣкарствъ все это возбуждало отвращеніе отъ лѣченія. Да еще при языческой идеѣ, что храбрый воинъ долженъ, не дорожа жизнію, не бояться смерти и, пренебрегая болью, стойко переносить всѣ страданія молча. Позднѣе христіанство, гоня языческихъ знахарей и волхвовъ, учило измождать плоть, избѣгая лѣченія, а паче зелейнаго волхвованія. Когда же христіанство восторжествовало, пожалуй, было уже и неловко обращаться къ лѣченію, т. е. знахарю. Въ основѣ же всего сказаннаго все-таки лежитъ исконная, племенная нелюбовь лѣчиться. Тогда какъ у другихъ напр. сосѣднихъ намъ (Мордва) и даже сродственныхъ (Литва) племенъ любовь къ лѣченію ясно выражена, а напр. у евреевъ она развита ужъ черезъ-чуръ — до болѣзненности (вѣчный жидъ).

Отсюда самъ собою вытекаетъ другой болѣе важный вопросъ. Откуда у насъ чрезъ всю почти исторію не только всесословный недостатокъ уваженія или же порой враждебность къ личности врача? Присущимъ извѣчно это явленіе едва-ли могло быть. Припомнимъ высокую оцѣнку даже сосѣдей грековъ скифскихъ врачей-скопцовъ. Исторія говоритъ, что у всѣхъ славянскихъ племенъ изстари врачи, какъ остатки жрецовъ, уважались по преимуществу. У сродственной Литвы даже князья были «великими лѣчьцами и знатоками зелій». Особенно если принять въ разсчетъ сравнительно толковое знакомство съ основами врачебныхъ истинъ, причинностію, ходомъ и частію сущностію болѣзней не только высшимъ сословіемъ, но и народомъ собственно, что доказывается какъ т. ск. аналогомъ, терминологіею внутреннихъ частей тѣла, такъ и названіями болѣзней, б. ч. близкими къ сути. Что въ свою очередь говоритъ за то, что толковыхъ врачей встарь было много, т. к. самъ народъ не могъ создавать этихъ названій. Это то всеобщее знакомство съ врачебнымъ дѣломъ

еще въ кіевской Руси и дало поводъ многимъ нашимъ историкамъ предположить главъ семей за первыхъ врачебныхъ дѣятелей доисторическаго времени. Что конечно недопустимо уже потому, что какъ въ древнихъ нашихъ источникахъ, такъ и до сихъ поръ, почти уже инстинктивно, сохранившимся отвращеніемъ не только главъ семей, но и всѣхъ мужчинъ поголовно къ болѣзнямъ и вообще къ здоровью въ семьѣ. Стало было время, когда врачи россаланскаго племени стояли высоко. М. б. то были вмѣстѣ и жрецы. Политическія-ли превратности судьбы племени, постоянная необходимость передвигаться, внутренняя-ли смѣна народнаго быта и взглядовъ и постоянное пониженіе кредита жреца, заимствованія у встрѣчныхъ народовъ, при возрастаніи княжеской власти, а вѣроятно все это вмѣстѣ такъ вліяло, что къ началу русской исторіи врачи вовсе не выдавались какъ сословіе. Съ принятіемъ христіанства, естественно, пало и послѣднее вниманіе къ врачу, м. б. закоренѣлому язычнику. Появились пришлые иноземные врачи, пришлось своимъ сдѣлаться бродячими, т. к. естественно, появилась бѣдность съ ея послѣдствіями, т. е. съ пониженіемъ знаній и нравственнаго, т. ск., сословнаго строя. Сословіе стало пополняться лишь изгоями, а м. б. и плѣнными врачами-холопами. Внутренняя сословная связь шаталась, могли появится раздоры, шарлатанство (хотя собственно врачебное шарлатанство въ Россіи никогда не доходило до такого безобразія, какъ въ сосѣдней Европѣ, а если что и было, то было привознымъ искусствомъ). Естественно измѣнился не къ лучшему и взглядъ люда на врача. У простаго народа прежнее уваженіе замѣняется лишь страхомъ передъ своимъ врачемъ-знахаремъ, боязнь зелья какъ отравы. Къ врачу стали обращаться лишь исключительно въ наружныхъ поврежденіяхъ — по вышесказанной легендѣ — лишь въ чортовыхъ болѣзняхъ, т. к. Божія т. е. внутреннія отходили въ область монаха и пришлаго врача. (Не въ этой ли легендѣ кроется и та всеобщая рознь и взаимное почти презрѣніе старинного врача къ хирургу? А м. б. это позднѣйшій вымыселъ въ сознаніи народномъ лишь закрѣпилъ событія, уже совершившіяся. Но мы уже знаемъ, что въ Россіи эта рознь никогда не достигала большаго развитія, не смотря даже на попытки оффиціальной пришлой медицины). Не безъ вліянія осталось на этотъ взглядъ на врача и сложившееся, еще во время борьбы противъ христіанства, убѣжденіе, что какъ священникъ грекъ, такъ и врачъ (б. ч. бродячій), не неся тяготы общественной, выглядѣли нахлѣбниками, живущими, т. ск., за счетъ общественный. Убѣжденіе, прибавимъ по личнымъ моимъ наблюденіямъ, чрезвычайно стойко сохранившееся чуть не до нашихъ дней. У человѣка тор-

говаго сложился взглядъ на врача какъ на человѣка, изъ котораго за деньги можно сдѣлать все. Древній то языческій или позднѣйшій заимствованный или выработавшійся подъ вліяніемъ капитала, какъ силы, взглядъ, я въ настоящее время пока рѣшить не берусь; но взглядъ живучъ. Высшіе представители со временъ дружины если не презирали врачей и врачевство, какъ римляне (вообще нельзя не замѣтить этой аналогіи нашего врачевства съ римскимъ. И тамъ и тутъ врача и лѣченіе не любили, врачи б. ч. холопы или отпущенники, учатся у мастера за деньги, сословія не составляютъ а Плиній говоритъ, что посвящать себя занятію врачебному недостойно не только патрицію, но и римлянину вообще. Великій Катонъ, выдающійся учитель Целзій, замѣтные врачебные писатели сами не врачи. Невольна аналогія и съ венетами Фаминцина), то смотрѣли на него какъ на низшаго и во всякомъ случаѣ не принимали въ свою среду, а потомъ даже почти создали холоповъ врачей. И этотъ взглядъ проходитъ почти чрезъ всю нашу исторію. Давно ли чуть не буквально каждый помѣщикъ лѣчитъ самъ, а врача какъ и дьякона въ гостиную не пускаетъ и, несказанно радуясь, бросается на появившуюся гомеопатію, чтобы избѣжать соприкосновенія со врачемъ. Или когда, какъ говорили выше, наше дворянство стало заграницей учиться медицинѣ. Ни одинъ изъ вернувшихся докторовъ не только не служилъ, т. к. боялись, что заставятъ брить бороду полковому командиру, но даже и не лѣчилъ, убоявшись закона объ обязательномъ явленіи къ больному. Многіе выдающіеся русскіе писатели, дѣти лѣкарей, едва только выдвигались въ высшій кругъ интеллигенціи, какъ спѣшили изобразить нашего врача съ одной лишь отрицательной стороны или, что еще хуже, бросались въ гомеопатію. Церковь тоже нехорошо смотрѣла на врача хотя и стремилась замѣнить его, конечно, лучшимъ. Коротко: барство считало врача за лакея. Купечество — за деньги врачъ все — стало хуже лакея. Народъ со своимъ знахаремъ противъ медицины, а когда Петръ I изъ лѣкаря сдѣлалъ чиновника, ища иноземнаго, то и противъ врача. Т. об. понемногу нашъ врачъ, по моему незаслуженно, становится пасынкомъ исторіи. И надолго, пока реформы Петра окончательно не вычеркнули его совсѣмъ изъ нея. Когда же необходимость заставила государство искусственно создавать заново врачебное сословіе, оно, бывъ замѣшано на иноземныхъ дрожжахъ, уже не имѣло никакихъ корней въ народѣ и до сихъ поръ оставалось ему совершенно чуждымъ.

Нельзя здѣсь не остановится на драматизмѣ судьбы, на историческомъ возмездіи. Духовенство въ былое время своимъ ученіемъ болѣе

всего способствовало исчезанію народнаго врача. И вотъ тоже духовное сословіе въ эпоху искусственнаго созданія врачебнаго сословія даетъ главный личный составъ для новосозданнаго врачебнаго сословія.

Глава 4. Московская княжеская Русь.

Кромѣ вышесказанныхъ теперешнихъ губерній въ московское время прибавились: Калуж., Тульс., Рязанс., Тамб., Сибирс. а цари прибавили: Пензенск., Курск., Воронеж., Саратов., Донск., Арханг., Казан., Астрахан.

Первая половина этого времени, конечно, такъ же грустна была для врачевства, какъ и сначала татарскаго порабощенія, почти до Куликовской битвы. Разница лишь въ томъ, что центромъ, стягивающимъ вокругъ себя, сдѣлалась Москва. И по новости мѣста ей самой пришлось обзаводиться всѣмъ снова. Князь былъ тотъ же вотчинникъ, хотя и носитель уже новой идеи, государственной; сословія тѣже, хотя и подвинулись ближе къ опредѣленности и стойкости; народъ, хотя и сѣлъ на одномъ мѣстѣ, но все-таки былъ слишкомъ подвиженъ, а часто и сгоняемъ съ мѣста; лишь служилое сословіе осѣло почти крѣпко. Не забудемъ, что въ то время Литва ютила кругомъ себя западную Русь, какъ Москва сѣверовосточную. Церкви было не до врачевства, хотя въ одномъ рукописномъ сборникѣ Кирило-бѣлозерскаго монастыря и сохраняется переводъ Галена о составѣ человѣческомъ. Врачи же лично, какъ и во Владимиро-Суздальское время были внѣ вліянія церкви. Въ обрусѣвшей тогда православной Литвѣ, еще не порвавшей связи съ язычествомъ, когда главный жрецъ Криве-Кривейто, перешедшій и въ покоренную Гедиминомъ Вильну, былъ въ тоже время и во главѣ врачевства; осталось глубокое уваженіе къ врачевству, такъ что братья Ягелла Скиргелло и Свидригайло, бывъ сами вел. князьями литовскими, лѣчили; особенно первый былъ великій лѣчецъ и знатокъ травъ. Онъ послѣдніе годы былъ княземъ кіевскимъ, гдѣ могъ оставить слѣды этого знанія и въ Печерской лаврѣ, гдѣ погребенъ какъ православный въ 1395 г. (Илов. II, 181, Карамз. и др.). Вспомнимъ литовскую сказку объ аптекаряхъ (Буслаевъ къ VII в.) и поговорку «аптекаря лѣчатъ, а хворые кричатъ». Но вскорѣ потомъ Литва подпадаетъ подъ нравственное иго Польши и потому, если была ближе къ европейскому образованію, зато совсѣмъ отдѣлилась отъ матерой Руси и стала полячиться, принимая католическую вѣру. Въ то же время ясно обозначились велико, мало и бѣлорусскіе какъ говоры такъ и обычаи. Т. об.

судьба сама указывала Москвѣ новыя пути заимствованія, т. е. Литва, Ливонія (отъ нея, какъ увидимъ, мало добыли) и Орда, въ которой стекались массы плѣнныхъ мастеровъ, отъ кафскаго итальянца до чеха и пр. Съ тѣмъ вмѣстѣ торговые пути измѣнились. Днѣпровскій съ Греціей покинутъ, донской ожилъ, волжскій очень усилился, но лишь до золотоордынскаго Сарая. Врачевство и врачи оставались по старому, по б. ч. въ городахъ, гдѣ торговали лѣкарствами, обучаясь у мастеровъ; хотя торговля лѣкарствами росла, а народъ особенно въ Псковѣ и Новгородѣ продолжалъ подъ Купалу рвать волшебныя травы, коренья. Въ то же время, съ паденіемъ Сербіи, Болгаріи, а позднѣе и Греціи, ихъ интеллигентныя силы потянулись въ Италію, чтобы возродить тамъ науки и искусства. Между прочимъ много пришло и къ намъ, особенно славянъ и много принесено ими освѣжающаго, научныхъ рукописей и т. п. Все это послѣ Куликовской битвы быстро подѣйствовало на возрожденіе и у насъ всего уничтоженнаго татарами. М. б. еще въ то время стали у насъ появляться врачи-иноземцы, б. ч. невысокаго научнаго ценза, греки, болгары, даже нѣмцы. Впрочемъ, ни у нѣмцевъ, ни у болгаръ не было тогда, какъ и у насъ, врачебныхъ школъ, а у грековъ лишь упоминаются. А изъ богатой врачами Литвы безъ сомнѣнія переходили многіе, какъ съ боярами, такъ и лично, тѣснимые католицизмомъ. Къ тому же съ Дмитріемъ Донскимъ явно уже началось освобожденіе отъ татаръ, яснѣе проглядывало стремленіе къ созданію государства. Во имя котораго удѣлы присоединялись къ Москвѣ или образуя небольшое число великихъ княженій. Власть старшихъ князей усилилась, средства увеличились, научность усилилась, хотя и не доросли еще до старокіевскихъ. Во вторую половину этого времени, послѣ Куликовской битвы почуявъ свободу, хотя и многое двинулось впередъ въ жизни, бытѣ, промыслахъ, въ сословности, словесности, особенно духовной, но до врачевства эта волна едва ли докатилась, пришлось заимствовать сначала у татаръ. Такъ къ древнему способу лѣченія ранъ по преимуществу водкой (еще апостолъ Павелъ въ Посланіи къ Тимофею упоминаетъ вино, какъ лѣкарство), болѣзней банею, прибавился кумысъ въ грудныхъ болѣзняхъ. Отъ Европы мы еще не брали, потому что у сосѣдей мало чего было и взять. Къ тому же, боясь татаръ, иноземные къ намъ врачи спѣшили очень умѣренно, да и не пропускали ихъ къ намъ. Такъ что и въ общемъ смыслѣ нѣмцы, сносясь часто и постоянно съ Новгородомъ, Псковомъ, Полоцкомъ и др., не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ. У царей и бояръ лѣчители простые, дома выученные, часто холопы, по монастырямъ монахи, а въ народѣ преданіе

такъ было стойко, составляя часть міровозрѣнія на причины болѣзни, что лѣчители могли лишь измѣнять, поновлять лѣкарства.

Врачи учились еще у мастеровъ по тѣмъ же рукодствамъ, болѣе разумѣется практикой, хотя есть основанія предполагать, что и тогда ужъ занесены кой-какіе лѣчебники (Календарники XIV в., Галена переводъ въ рук. XV в.), а м. б. сохранились и древніе греческіе, обратясь какъ-бы въ преданіе, къ коему прибавилось чрезъ татаръ, кромѣ ихняго и арабское вліяніе, т. к. сношенія на низовьяхъ Волги особенно оживились за закрытіемъ Днѣпровскаго пути. Въ бытѣ, отношеніяхъ къ государству и т. п. мало измѣнилось; сословія даже площаднаго еще не выработалось; лѣчили, т. ск., между дѣломъ. Законы о врачахъ молчатъ, какъ и лѣтописи, упомянувъ лишь о поимкѣ, послѣ побѣды на Важѣ, какого-то бывшаго русскаго попа Александра съ мѣшкомъ лихихъ зелій. Вообще о врачахъ мало встрѣчаемъ извѣстій, но возьмемъ въ разсчетъ, что все-то врачевство въ государствѣ казалось такой еще мелкой отраслію, что не стоило и говорить о немъ.

Лѣкарства были тѣ же, но больше привозныхъ азіатскихъ, т. к. Болгарія пала, а съ ослабленіемъ и смутами въ Ордѣ привозъ и ихъ уменьшился.

Учрежденій для больныхъ что-то не видно, хотя монастырство особенно росло въ это время. Впрочемъ въ одной лѣтописи 1417 г. читаемъ: «Яко же бо и во единой болницѣ мнози на одрѣ лежатъ».. (Новгор. IV, 119). Стало больницы бывали. Да въ Троицкомъ монастырѣ еще при Сергіи выбирались монахи для ухода за больными.

Болѣзненность, безсомнѣнія, росла, раненія, убои съ послѣдствіями ихъ отъ нерѣдкихъ битвъ, конечно, участились; повальныя болѣзни на почвѣ общаго истощенія, голодовокъ, скрыванія зимой по лѣсамъ, умножились какъ никогда, ни прежде, ни послѣ. Такъ 1) въ 1308—1309 гг. «былъ голодъ, падежъ и моръ на люди, ибо мыши поядоша жито всякое». 2) Въ древней троицкой, т. наз. семинарской рукописи № 17, «Исторія Государства Россійскаго» есть извѣстіе, которое по времени и языку едва ли не позднѣе ея. «Въ той украйнѣ небо велми тихо есть, а больше въ той сторонѣ, откудова Донъ вышелъ; понеже бо тамъ лихова повѣтрія ни слыхать, ни видать». Въ той же рукописи л. 54 читаемъ: «Понеже зѣло нужни суть служивымъ запасы, такожде муку овсяную (толокно) въ сумкахъ съ собою возятъ, которой муки ложки двѣ или три на блюдо положитъ и водою размѣситъ. Когда же лукъ или чеснокъ имѣютъ, и уже ни о какихъ явствахъ не радѣютъ». 3) 1318 моръ

на люди въ Твери. 4) 1321 моръ на люди и кони, а въ Новгородѣ лишь на люди. 5) 1341 «хлѣбъ дешевъ, а скотъ рогатый помре. Въ то розратье моръ на людехъ во Псковѣ и Изборскѣ... не бе гдѣ погребать, все могилье вскопано по всѣмъ церквамъ,.. семеро или осмеро въ единъ гробъ» (осада нѣмцевъ). 6) Въ 1345—46 гг. пошли слухи о сильномъ морѣ въ Азіи, на теперешнемъ Кавказѣ, и устьяхъ Дона. 7) Въ 1348 и нача слыти моръ на людехъ въ дальнихъ странахъ по землѣ; 8) а 1348 и 49 гг. моръ на люди въ Полоцкѣ. То были предвѣстники грозной чумы по всей почти Россіи (пришла чрез Балтику) и у сосѣдей. 9) Въ 1350—53 гг. «хракнетъ человѣкъ кровію и въ 3 дни умираше». Моръ названъ черной смертью, по посмертнымъ пятнамъ. Извѣстія о страшномъ опустошеніи этою чумою занесены во всѣ наши лѣтописи. Въ Москвѣ вымерло царское семейство, митрополитъ и многія тысячи народа. Это была, почти вездѣ, не бубонная чума, а грудная, т. ск., ея форма, хотя кой-гдѣ попадались и съ железами. 10) 1353 г. люди имаша рыбу у берега руками. 11) Алексѣй митрополитъ 1357 г. призывается въ Орду для исцѣленія глазъ царицы Тайдулы. 12) Второй моръ въ Плесковѣ 1360 г., но уже железою и то едва-ли не первая въ Россіи бубонная чума. Это начало мора, что тянулся съ перерывами 1363—68 годы. 13) 1364 г. «бысть моръ великъ (съ Каспійскаго пебережья) въ Новгородѣ Нижнемъ и въ уѣздѣ его и на Сарѣ и на Кишѣ и по волостямъ хракаху людіе кровію, а иніи железою боляху... два дни или тріе, а иніи единъ день болѣвше умираху... Въ Переяславлѣ умирало до 100 душъ въ сутки. Болѣсть же бѣ сице: прежде яко рогатиною ударитъ за лопатку или подъ грудь или межъ крилъ и тако заболѣвся начнетъ человѣкъ кровію хракати и огнь зажжетъ и потомъ потъ, таже дрожъ и полежавъ единъ день или два и тако умираху, железа же... овому на шеѣ, а иному подъ скулою, а иному подъ пазухой, другому за лопаткою, прочимъ же на стегнахъ. Казнь сія пришла снизу отъ Бездежа и обошла всю сѣверо-восточную Россію. На другое лѣто тожъ, не успѣвали хоронить. 14) Въ 1365 г. меженина велика и моръ въ Ростовѣ, Твери, Псковѣ, Торжку, Москвѣ, на Волоцѣ, въ Литвѣ. Тогожъ лѣта бысть сухмень и зной великъ и воздухъ куряшеся и земля горяше и смертность отъ голоду великая. 15) 1367 князь Кашинскій повелѣ... раскопати могилы... перенесть церковь и бысть болѣзнь великая незнаемая, а въ Твери гладъ великъ. 16) 1369 г... а то розратье бысть съ Нѣмци про Жолчь... и по 5 лѣть... людямъ бяше... и болѣзньми и моромъ. 17) 1371 г. мглы велики по ряду съ два мѣсяца... жито повысохло и дорого. 18) 1373 г. знои велицы, а дождя сверху на едина капля

не бывала во все лѣто; а на кони и на овцы и на весь скотъ моръ великъ. Потомъ же пріиде на люди моръ великъ по всей землѣ русской... а у Мамая въ Ордѣ бысть моръ великъ. 19) 1375 г. моръ на люди и на скотъ въ Твери, Кіевѣ. 20) 1377 г. моръ и страшные морозы, 20 апрѣля ѣздили по льду, какъ на крещеніе. 21) 1387 въ Смоленскѣ моръ великъ и по волостямъ. Вышли лишь остальные 5 человѣкъ и заперли городъ. А во Псковѣ тоя же весны моръ железою. 22) 1388 въ Новгородѣ, Псковѣ и по волостямъ моръ бысть силенъ». 23) 1389 г. умиралъ Дмитрій Ивановичъ Донской (38 лѣтъ)... «и стенаніе пріиде въ сердци его яко и внутреннемъ его торзатися... 24) 1389 г. моръ железою въ Новгородѣ, Псковѣ (яко же и не бывалъ таковъ), Блудкинѣ городѣ и по всему залѣсью... гдѣ одному выкопали гробъ, тутъ десятеро головъ въ одинъ гробъ вложили. 25) 1390 г. осенью опять моръ железой въ Новгородѣ вельми силенъ Афанасьевскій. 26) 1393 страшный голодъ по всей землѣ русской и зима студена... изомроша множество. 27) 1402 моръ въ Смоленсце на люди и 1403 г. во Псковѣ железою, и пришелъ моръ отъ Нѣмецъ изъ Юрьева. 28) 1406 г. опять моръ железою во Псковѣ, пригородахъ и по волости, а 1407 г. онъ уже не престаненъ. 29) 1408 и 1409 гг. моръ каркотою по всей русской землѣ, а въ послѣднемъ году множество христіанъ изомроша отъ глада. Первый признакъ у больнаго руки и ноги прикорчитъ, шею скривитъ, зубы скрежещутъ, кости хрустятъ, всѣ суставы трещатъ, кричитъ, вопитъ и мысль измѣнится, умъ отнимется, иные одинъ день поболѣвши умирали, другіе полтора дня, нѣкоторые два дня, а иные поболѣвши 3—4 дня выздоравливали. 30) 1414 г. бѣ болѣзнь христіаномъ тяжка зело, костоломъ по всей землѣ рустей. 31) 1417 г. преставися посадникъ Ю. О., бывъ нѣмъ годъ и 3 мѣсяца. Въ тоже лѣто и зиму былъ моръ харкотою кровавой и железою по всей странѣ Новгородской, Псковской, Тверской и частію Московской... множество дворовъ и городовъ запустѣло... яко рогатиной ударитъ за лопатку или противу сердца... кто почнетъ кровію хракати и огнь ражжетъ... потъ, дрожъ... по всѣмъ суставамъ походитъ недугъ той; железа же... въ многихъ мѣстѣхъ тѣлесныхъ.. Зима студена вельми, многіе люди мразомъ мерли. 32) 1419 г. зимой моръ въ Кіеве и во всѣхъ станахъ тамо зело великъ и лѣтомъ нача проявлятися паки по всей землѣ рустей. Стоя же жатво на нивахъ... а въ 1420 г. некому убирать... люди померли и къ мору прибавился, т. об., смертный голодъ по всей Россіи. 33) 142, 1—24 мѣстами моръ, а голодъ 3 года сряду, мертвячину ѣли, множество мерло отъ него и отъ харкотной болѣзни. 34) 1424—1427 гг. моръ железой и

хракъ кровію въ Корѣльской землѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Твери, Москвѣ, за Волокомъ, по всей русской землѣ и въ Литвѣ, и въ Нѣмцахъ. А пришелъ отъ Нѣмецъ во Псковъ и оттоль чрезъ Новгородъ по всей русской землѣ. 35) 1427 г. опять возобновился моръ, но мерли прыщемъ во всей Россіи, мало осталося людей... Кому умереть ино прыщь синь и въ третей день умираше, а кому живу быти ино прыщь (по Соловьеву красенъ) черенъ, да долго лежитъ, дондеже выгніетъ; и послѣ того мору, какъ послѣ потопа толико люди не почали жити, но маловечніи и худі и щадушніи начаша быти. 36) 1431 мгла стояла 6 недѣль, солнца не видѣли и рыбы въ водѣ мерли, земля и боры и лесы горяху и человѣцы мряху. 37) 1436 г. голодъ по всей землѣ, мнози изыдоша въ нѣмцы. 38) 1441 г., преставися 22 сент. кн. Дмитрій Юрьевичъ Красный. Бысть же нѣчто дивно въ болѣзни его: прежде бо глухота бысть ему и болячка въ немъ движеся; и бысть болѣзнь тяжка ему зѣло, яко на многи дни ничтоже пріяти ему въ уста своя, ниже сна баваша ему, а 18 сент. кровь у него пустися изъ обою ноздрію, яко прудки течаху и много иде ея... отецъ его духовный Іосія заткну бумажкою ноздри его (кровь остановилась и князь заснулъ, но чрезъ нѣсколько часовъ застали его отходящимъ. Отчитали, одѣли, а ночью онъ скинулъ покровъ, запѣлъ и лежалъ живой въ забытьи еще два дни)... и положиша его въ колоду и осмоливше съ полстьми повезоша... (по Рихт. все это 1440). 39) 1442—43 моръ во Псковѣ великъ зѣло зелезою съ зимняго Николы до осенняго Дмитріева дни, а по пригородамъ и волостямъ мерли до Крещенія». Стало больше года. 40) 1443 г. бысть меженина по всей земли, скотъ померлъ, а люди мерли по улицамъ. 41) 1444 г. въ Новгородской землѣ и люди начаша болѣзновати вельми. 42) 1445 г. голодъ и дороговь по 10 лѣтъ, люди мерли, отдавались въ бесерменство, а кони падали. 43) 1448 г. моръ на кони да и люди мерли въ Новгородѣ, а на лѣто моръ на всякую животину и на люди былъ да не многъ. 44) 1462 г. князь вел. Василій Васильевичъ повелѣ у себѣ жещи, яко же есть обычай, трудъ на хребтѣ, болѣзни ради сухотныя, и съ тѣхъ ранъ разболѣся и преставися. 45) 1462 г. Рихтеръ, I, 144, говоритъ о повальной проказѣ (lepra) въ Россіи, ссылаясь на рукопись Моск. Арх. Мин. Инос. Д. № 7 (я долго искалъ ее, пока не нашелъ у Ундольскаго [1]), что она сгорѣла въ 1812 г.). Ни въ одной изъ лѣтописей нашихъ, ни писанныхъ, ни печатныхъ, этого ска-

[1]) Въ статьѣ «Отзывъ Патріарха Никона объ уложеніи» Русск. Арх. 886, VIII, стр. 607, гдѣ онъ говоритъ, что сгорѣла пергаментная троицкая лѣтопись, подлинное слово о полку Игоря въ Карамзинскомъ собраніи библіотеки Моск. Историч. Общества.

занія о проказѣ не повторяется. О всѣхъ этихъ болѣзняхъ смотри подробно, съ указаніемъ источниковъ, наши выписки изъ лѣтописей «Былое врачебное Россіи». Спб. 1890, 8°,

Т. об. на 150 лѣтъ мы имѣемъ 6 (№ 1, 17, 26, 37, 40, 42) разъ, моръ въ причинной связи съ голодомъ и частію съ падежами, а вѣроятнѣе всего то былъ голодный тифъ. Два раза (№ 5 и 43) такой моръ зависѣлъ прямо отъ падежей, если не оба они, т. е. падежъ и моръ, отъ одной общей причины, или отъ маляріи, либо слѣдствіе военныхъ передрягъ, стало тоже тифознаго характера. Падежъ самъ по себѣ безъ спутниковъ отмѣченъ всего (№ 10) разъ. Зато моръ безъ голода и падежа былъ 10 (№ 3, 4, 8, 15, 16, 18, 19, 20, 36, 41) разъ. Изучая ихъ, насколько теперь это возможно подробнѣе, невольно останавливаешься на мысли, что всѣ они были тифообразны и разны лишь въ зависимости отъ мѣстныхъ причинъ и разумѣется, скорѣе брюшные (какъ теперь зовемъ) тифы, а почасту съ оттѣнкомъ чумной заразы или прямо спутники ея, или въ промежуткахъ межъ двухъ чумныхъ повалокъ. Сама же чума за эти 150 лѣтъ является во всей своей ужасной красотѣ. Она отмѣчена 20 разъ и почти каждый разъ по нѣскольку лѣтъ къ ряду. Не смотря на неполноту описаній припадковъ, ее все же нельзя не узнать и не придти почти въ ужасъ. Чуть не каждый 4-й годъ чумной и съ такими страшными опустошеніями. Какова же должна была быть сила народнаго т. ск. организма, чтобы бороться съ этимъ бичемъ 100 лѣтъ (1351—1442) и не вымереть до послѣдняго?, постоянно напрягаясь при этомъ чрезъ всякую мѣру въ отстаиваніи своей внѣшней независимости. Одно могу сказать, что теперешній народъ не вынесъ бы и 30 лѣтъ такой жизни. Вполнѣ вѣрю лѣтописцу, что послѣ такой болѣзни народъ сталъ хилъ, худъ и не долговѣченъ. Какой послѣ этого грустной кажетъ замѣтка Троицкой лѣтописи № 17 (см. № 2 выше) о благорастворенномъ воздухѣ, тихомъ небѣ, отсутствіи заразъ на верховьяхъ Дона. А вѣдь начиная съ Прокопія Кесарійскаго, Марка Поля (1269) и многіе позднѣе всѣ прославляютъ крѣпость и силу тѣлесную славянъ. Извѣстная и раньше у насъ чума съ кровохарканіемъ появилась и теперь первой, но слѣдующая повалка была уже железой (наша первая бубонная чума 1360 г.). Съ однимъ кровохарканіемъ отмѣчено всего 3 (№ 9, 29 и 33) повалки. И то № 29 съ особымъ мозговымъ оттѣнкомъ—судорогами, умоизступленіемъ. Такіе припадки, сколько помнится, описаны въ одной древней итальянской чумѣ, а если не ошибаюсь, бывали случаи и въ Вѣтлянской чумѣ. Вообще, я считаю чуму съ кровохарканіемъ болѣе злокачественной въ общепаталогическомъ смыслѣ. Какъ на переходный внѣшній

обликъ, я смотрю на смѣшанныя повалки, когда мрутъ и отъ кровохарканія и отъ железы. Такихъ отмѣчено (№ 13, 14, 31, 32, 34) 5 разъ. Чисто бубонныхъ мора железой было (№ 12, 21, 22, 24, 25, 27, 28 и 39) 8, въ перемежку съ карготными повалками, хотя нельзя не замѣтить, что послѣднія постепенно какъ бы уступали мѣсто первымъ. Наконецъ, былъ одинъ моръ (№ 35) прыщемъ, который я принимаю за видъ железной чумы, не точно описанный. А можетъ статься, если то были больше пятна, чѣмъ опухоли железъ, что это особый видъ, т. ск. накожный видъ чумы болѣе близкій общепатологически къ карготѣ. На поднятый еще Рихтеромъ вопросъ, откуда къ намъ приходила чума, можемъ пока дать отвѣтъ, что въ сѣверную тогда лишь Русь по преимуществу съ запада. Хотя нельзя не замѣтить, что болѣе жестокія повалки, правда, рѣже, но шли съ востока. Впрочемъ, этотъ вопросъ едва ли не второстепенный, т. к. и всѣ пришедшія къ намъ съ запада шли съ востока же, но обойдя сначала Европу, т. к. самородной мѣстной чумы въ Европѣ наука пока не допускаетъ. Однако эта мысль невольно напрашивается при изученіи нашихъ повалокъ сейчасъ за первыми татарскими погромами. Кромѣ того, Россія въ это время пережила повальный костоломъ (№ 30) и повальную же будто проказу (№ 45).

Изъ пяти случайныхъ частныхъ, б. ч. у князей, болѣзней, (№ 11, 23, 31, 38, 44) глазная болѣзнь царицы Тайдулы было вѣроятно хроническое воспаленіе соединительной оболочки, а м. б. и роговицы съ язвами. У вел. кн. Дмитрія Ивановича Донскаго, нужно думать, былъ порокъ сердца съ обычными предсмертными тягостными припадками задушенія или м. б. ракъ желудка съ мучительными болями. Посадникъ онѣмѣлъ отъ частичнаго кровоизліянія въ мозговые центры рѣчи—ударъ. Болѣзнь кн. Дмитрія Краснаго объясняется существованіемъ мозговой опухоли или лучше нарыва, давившаго на слуховые нервы; а когда нагноеніе захватило и мѣсто обонянія, то вены не выдержали напора (будь артеріальное кровотеченіе, оно было бы тотчасъ смертельно) и вскрылись. А м. б. и самый нарывъ вскрылся (что менѣе вѣроятно) и гной за кровію не былъ замѣченъ. За опорожненіемъ естественное облегченіе и затыканіе бумажкой едва ли принесло пользу. Но болѣзнь дѣлала свое дѣло, и смерть послѣдовала отъ углубленія нарыва до важныхъ для жизни мѣстъ мозга. Смерть же вел. кн. Василія Темнаго никоимъ образомъ отъ жженыхъ ранокъ (вел. кн., предполагая у себя сухотки, по обычаю того времени, повелѣ трутъ у себя жещи на спинѣ и др. мѣстахъ—нынѣ мокса—но ранки разгноились) произойти не могла и есть лишь общественное мнѣніе окружающихъ князя.

Впрочемъ, нельзя отвергать здѣсь и сухотки, т. к. ни припадковъ, ни теченія болѣзни не знаемъ.

Въ это время Московскаго княженія сосѣди иноземцы еще не могли говорить про насъ, бывая совершенно случайно и очень рѣдко изъ за боязни татаръ.

Что же дѣлалось во врачебной наукѣ за взятое нами время у сосѣдей? Древнѣйшее греческое научное врачевство перешло къ Несторіанамъ въ Сирію, отъ нихъ къ арабамъ. Они одно время дали ему, хотя и заимствованный, блескъ. Греки же, какъ извѣстно, внесли науку и въ Римъ. Они же и въ Александріи создали мощную науку. Зато дома къ 14 вѣку почти не осталось ея; самостоятельная разработка замерла. И въ Римѣ съ Александріей тогда наука отжила свой вѣкъ. Про Гипократа забыли. Еще въ Испаніи да Италіи арабы подняли было науку основаніемъ древнихъ университетовъ, частію съ греками во главѣ. Салернскій одно время цвѣлъ; но греки передали дѣло арабамъ, тѣ итальянцамъ, отъ нихъ французы. У нихъ къ 14 вѣку сталъ обгонять Монпельярскій университетъ. Еще итальянцы взялись за анатомію (1300) хотя и на животныхъ пока; во Франціи же стала на ноги Хирургичеекая Коллегія и къ 15 вѣку имѣла уже Шольяка. Зародилось родовспомоганіе какъ наука (салернитанскія женщины); писали о минеральныхъ водахъ, очень много о лѣкарствахъ; вскрывали уже трупы для наученія и съ судебно-медицинской цѣлію (1348 Перуджинская школа). Въ Англіи едва начиналась научная и то лишь хирургія. Но все это какъ бы окутывала схоластика и движеніе впередъ было очень медленное. Да кромѣ того, загороженное нѣмцами и татарами, наше отечество могло и не слышать, что тамъ дѣлается. Отъ стараго греческаго мы отвыкли. Остались вначалѣ татары, какъ передатчики арабизма, но и тотъ сталъ вымирать, а потомъ Орда начала разваливаться. У ближайшихъ сосѣдей университеты лишь зарождались, Пражскій 1348, Вѣнскій 1380, а другіе много позднѣе. На сѣверѣ же наука и совсѣмъ была плоха. Сочиненіе 1460 г. Пфальспейнда, тевтонскаго рыцаря, прямо говоритъ за то. Это простой, плохонькій, хирургическій лѣчебникъ и кажется заимствованный. Тевтонецъ самъ лѣчилъ въ войнахъ (подъ Маріенбургомъ) съ Литвой. Потому и указываю на книгу, что заимствованіе тогда для насъ было бы мыслимо черезъ Литву. Вотъ и все, что могли предложить намъ.

Въ XV вѣкѣ развитіе, особенно хирургіи, зародясь въ Италіи, разцвѣтало во Франціи, гдѣ появились замѣтные писатели. Въ Италіи возродилось, какъ въ древнемъ Эпирѣ, 20 греческихъ, въ Калабріи, семей, сохранившихъ чуть не до насъ въ тайнѣ искуство пластическихъ операцій,

камне и грыжесѣченія, снятія бѣльма, передавая ихъ изъ рода въ родъ. За что ученые хирурги считали тогда постыднымъ браться. Эти бродячіе хирурги имѣютъ и къ намъ отношеніе еще съ кіевскихъ временъ. Появились имена и въ терапіи, зачались дѣтскія, глазныя болѣзни, даже психіатрія; но все это лишь выбивалось изъ схоластики. Даже способъ обученія, особенно въ Германіи, былъ бродячій, какъ практики врачи. Баасъ говоритъ, что у нѣмцевъ конца XV и начала XVI вѣка не было врачебной науки. Ученики и учителя почти постоянно переходили съ мѣста на мѣсто. Первые толпами, выпрашивая, а нерѣдко и воруя по дорогѣ ѣду. Еще духовенство ограничивало это, заводя свои школы, обезпечивая преподавателей, зато изгнало хирургію изъ своихъ школъ, хотя и узаконило кесарское сѣченіе. Даже самъ епископъ чуть-ли не впервые наживой дѣлалъ его. Такъ шло вплоть до книгопечатанія, когда вмѣстѣ съ духовными, прежде всего появились врачебныя книги. Большею однако частію выборки изъ прежнихъ, старыя погудки салернитянъ, все что теперь кажетъ народнымъ. Появились врачебныя степени (и у насъ въ предисловіи Тверской лѣтописецъ проситъ снисхожденія къ его писанію, т. к. «дохторскому искуству какъ писать повѣсти онъ не учился». Забѣл. Ист. рус. жизни. 1876, I, 503), права врачей начали узакониваться. Отношенія къ государству опредѣляются, попеченіе о больныхъ усилилось, начали заводить (нашихъ старыхъ, по Греціи, знакомыхъ) больницы, учреждать ордена милосердія и т. п., чему особенно способствовали еще крестовые походы. Во всемъ этомъ ясно чуялось возрожденіе, но оно туго подвигалось. У насъ же, отбивавшихся отъ татаръ, и того не было. Потому неудивительно, что когда мы покончили съ татарами, когда Западъ возрождался, до насъ докатились лишь старыя волны схоластики и быстро привились у насъ — мы отстали.

Глава 5. Русь московская государственная. Шестнадцатый вѣкъ.

По смыслу царствованія Ивана III мы съ него начинаемъ нашу повѣсть. А чтобы не прерывать хода впечатлѣнія, продолжимъ нашъ разсказъ о томъ, что дѣлалось у сосѣдей во врачебной наукѣ въ XVI вѣкѣ.

Онъ, какъ извѣстно, составляетъ по преимуществу вѣкъ возрожденія вездѣ, во всемъ и особенно во врачевствѣ. Что зарождалось раньше, теперь зацвѣло на всемъ просторѣ и притомъ разомъ. Беконъ, Коперникъ, реформація, множество университетовъ, ученыхъ обществъ, откры-

тіе Америки, пути въ Индію около мыса Доброй Надежды, стремленіе на западъ изъ падшаго Константинополя ученыхъ грековъ, обращеніе къ древнимъ классикамъ. Главнѣе же всего книгопечатаніе. Взялись за Плинія, Гипократа, Галена, Аретея, Павла Эгинскаго; явились Микель-Анджело, Рафаэль, Леонардо да-Винчи и принились изучать анатомію. Въ половинѣ вѣка Везалій уже пишетъ свою безсмертную книгу, гипократизмъ воцарился. Но и у Везалія были противники, стоявшіе за старое, а реформаторы спѣшили не по разуму и пропасть между ними разрасталась. Явились страстные гонители галенизма, арабизма; но въ свою очередь наука дала Парацельса. Сбросили арабизмъ, но впали, прибавлю, въ излишній эллинизмъ, не оживленный еще Гарвеемъ. Въ практическомъ врачевствѣ вернулись къ Гипократу, съ итальянцами впереди. Они дали много замѣтныхъ именъ, особенно въ описаніи бывшихъ тогда повальныхъ болѣзней, напр., Фракастори, впервые описавшій сыпной тифъ, сифилисъ въ стихахъ. Вообще начало точныхъ описаній повальныхъ болѣзней идетъ оттуда. Испанія, тогда богатая, дала тоже не мало знатныхъ врачей. Меньше ихъ было въ Нидерландахъ и Франціи. Въ Англіи же и Германіи совсѣмъ мало. Но всѣ эти самостоятельныя наблюденія должны были снова пережить потомъ, подъ вліяніемъ точныхъ знаній анатоміи, физіологіи, чтобы найти много позднѣе настоящую дорогу. Хирургія же шла много шире, съ французами въ челѣ; хотя до XVI вѣка научнообразованнаго хирурга можно было встрѣтить лишь въ Италіи. Тамъ не было строгаго дѣленія на врачей и хирурговъ, не было почти и ихъ взаимной вражды. Во Франціи же, а за ней въ Англіи и Германіи, благодаря временнымъ мѣстнымъ условіямъ, выдающимся заслугамъ въ чуму и на войнахъ хирурговъ, благодаря благоволенію двора, а за нимъ и высшаго сословія, благодаря, прибавлю, теперь мало понятной историку косности парижскаго факультета, это раздѣленіе проводилось строго, глубже и шире, т. ск., входило въ плоть и кровь и на долго, чуть не до нашихъ дней, тормозило дѣло науки. Мы, какъ и итальянцы, не дѣлившіе врачей, не смотря на старанія нѣмецкихъ учителей, и въ толкъ хорошенько не возьмемъ, отъ чего напр. стыдно дѣлать камнесѣченіе, хоть и не научно. Пожалуй не меньше развивалась хирургія и въ Испаніи, начиналась въ Германіи. Когда явилось (1300-тыхъ годахъ) огнестрѣльное оружіе, пришлось забывать о стрѣльныхъ ранахъ, но онѣ какъ и огнестрѣльныя раны считались ядовитыми, ихъ заливали кипящимъ масломъ, кровь останавливали каленымъ желѣзомъ, отнимали члены лишь при омертвѣніи. Благодаря заслугамъ Паре все это брошено, раны перестали

палить, кровоточащіе сосуды начали перевязывать, отнимали члены рано, закрывая ихъ лоскутами хоть кожи. Камни, грыжи стали переходить въ ученыя руки, а стало и совершенствоваться, съуженія начали рѣзать, вспомнили, хотя на время, о многихъ пластическихъ операціяхъ. Глазныя операціи, такъ хорошо разработанныя уже въ древности и высоко стоявшія у арабовъ, перешли было въ руки грубыхъ неучей, но въ XVI вѣкѣ за нихъ опять взялись ученые. Позднѣе всего отозвался этотъ научный подъемъ въ родовспомоганіи, но и тутъ Паре вспомнилъ поворотъ на ножки; ученіемъ о неправильныхъ тазахъ обосновано кесарское сѣченіе и пр. Еще меньше двигались дѣтскія болѣзни. Діэтетика, фармакологія, особенно ученіе о водахъ, всеже шли впередъ. Изъ психіатріи стали гнать колдовство и вообще суевѣрія отвсюду. Но это не помѣшало Вюрцбургскому медицинскому факультету въ 1749 году согласиться съ богословскимъ факультетомъ, присудившимъ одну вѣдьму сжечь.

Русь того времени представляется государствомъ военно-земледѣльческимъ съ зачатками крѣпостнаго труда. Она уже не вотчина. Покончивъ съ татарами и объединивъ почти всю сѣверную Россію постепеннымъ возсоединеніемъ удѣльныхъ княжествъ, Іоаннъ III по праву назвалъ себя царемъ. (Любопытно совпаденіе уничтоженія феодализма и на западѣ). И сталъ обставлять себя царской пышностію. Его дворъ сталъ точкой, куда все стремилось. Общество распадается на цѣлый рядъ обособленныхъ отдѣловъ съ своими особыми обязанностями (службами) и льготами. То чины—предтечи сословій. Боярство, дѣлясь по знатности на нѣсколько разрядовъ, пріобрѣтаетъ какъ бы наслѣдственное право помогать царю въ управленіи, въ Думѣ. Оно уже осѣло и становилось землевладѣльцемъ, вотчинникомъ. Младшіе изъ нихъ (дворяне, боярскіе дѣти) образуютъ служилый, по преимуществу военный чинъ и получаютъ за службу помѣстную землю, т. е. пока служатъ. Припомнимъ, что освобожденіемъ отъ татаръ число враговъ нашихъ, стало и войнъ съ ними и всякой тяготы чуть-ли не увеличилось. Дворцовая, главная служба подраздѣлилась на цѣлые ряды послѣдовательныхъ чиновъ отъ конюшаго и дворецкаго до стряпчаго, шатерничаго, бортника и жильца, со множествомъ судебныхъ и управляющихъ чиновъ по государевымъ волостямъ. Церковное управленіе (крупная землевладѣльческая единица) было снимкомъ съ дворцоваго съ своими такими же свѣтскими чинами. Хотя количество монастырей, какъ и въ предыдущее время, также быстро возрастало, развивая грамотность и образованіе, особенно замѣтно подвинувшееся въ черномъ духовенствѣ. Во главѣ его мы видимъ такихъ маститыхъ патріо-

товъ, какъ митрополиты Даніилъ, Макарій, Филиппъ, а къ концу вѣка и патріарховъ. Купечество дѣлилось на гостей (въ Москвѣ, Псковѣ, Новгородѣ), суконныя сотни—2-я статья (собственно купцы и частію промышленники), 3-я статья, кажется, ремесленники. Въ городахъ, средоточіи управленія, кромѣ служилыхъ людей, купцовъ, жили посадскіе люди 3-хъ статей и и часто черныя сотни, т. е. хлѣбопашцы, а въ осадное время и вотчинники съ населеніемъ уѣзда. Въ деревняхъ, будь то государскія, церковныя, дворцовыя, жили черные люди 3-хъ статей. Всѣ эти старшія, среднія и молодшія статьи дѣлились по имуществу. На частныхъ и помѣстныхъ земляхъ, кромѣ холопей, жили тѣ же черные люди, сироты; но уже не смерды, т. к. крестьянъ собственниковъ осталось очень мало, лишь на дальнемъ сѣверѣ. Холопство было трехъ статей, по степени крѣпости помѣщику: обѣльные, закупы и кабальные. Обработка земли, тѣми же орудіями и также плохо, безъ удобренія, не измѣнилась, но почти вездѣ перешла изъ подсѣчной-залоговой въ трехпольную. Всѣмъ этимъ я не хочу сказать, чтобы смыслъ и внѣшность быта, жизни народной много измѣнился. Всѣ отъ князя, боярина, до самаго послѣдняго крестьянина жили въ одинакихъ деревянныхъ жилищахъ, носили одинаковаго покроя одежду, ѣли одинаковую почти пищу, постясь постами, ѣздили также лишь верхомъ, развлекались одинаково скоморохами съ медвѣдями, кулачками, попойками. Короче всѣ стороны быта, нравовъ, обычаевъ, міровоззрѣній, суевѣрій были межъ всѣми одинаково распредѣлены. Разница была лишь количественная, баре одѣвались подороже, ѣли послаще, топили не по черному. Только боярыни съ боярышнями засѣли плотнѣе въ терему со времени татарщины. За границу ходили лишь походами. Впрочемъ, стали наѣзжать къ намъ послы, удивляться и писать о насъ небылицы. Мы пышно принимали ихъ, держа въ почетной темницѣ, и сами слали отвѣтныхъ посольскихъ дьяковъ. Промыслы, развившіеся въ татарщину, росли, какъ и торговля (по Контарини германскіе, польскіе, татарскіе, персидскіе купцы собирались въ Москвѣ. Въ Новгородѣ же и Псковѣ ужъ сотни лѣтъ велась торговля съ сосѣдями, потомъ нѣмцами, но лишь оптовая, не имѣвшая, однако, никакого вліянія на наше народное развитіе). Ремесла хотя и развились, но больше количественно. Художества хотя и шли впередъ, но Владимірскаго храма намъ ужъ было не построить, хотя напр., наша (миніатюра) т. наз. цвѣтная живописъ развилась роскошно, самобытно, бросивъ греческій пошибъ, стала пріобрѣтать прихотливый восточный оттѣнокъ, напоминая Персію, Индію. Въ творчествѣ слова мы могли лишь подражать, но не всегда удачно, древнему «Слову о полку».

Развивалась лишь духовная словесность по монастырямъ, по преимуществу жизнеописаніе, поученіе, богословскіе споры, благо существовали ереси. Но все это подъ вліяніемъ пришлаго, огреченнаго славянства, вмѣсто прежней безъискуственной простоты, стало напыщено, однообразно до скуки и, сказать правду, показывало не особенно глубокія знанія. А свѣтская словесность дальше заимствованія хронографовъ, да космографій не шла и то къ срединѣ вѣка, когда появились переводы и арабскіе и индійскіе. Но книга была въ рѣдкость. Даже свѣтское духовенство было малограмотно, не говоря о боярахъ и служилыхъ. Училищъ не было. Всякія познанія пріобрѣталисѣ отъ мастеровъ. Завели было печатню, хотя лишь для духовныхъ книгъ, но писцы ее разнесли. Лѣтописи, кромѣ Новгородскихъ и Псковскихъ, смолкали, съуживаясь въ безжизненный краткій перечень не любопытныхъ событій. Вотъ при такихъ-то условіяхъ приходилось зарождаться нашей врачебной словесности при могущественномъ конечно покровительствѣ единственно, почти, образованнаго чернаго духовенства. Постараемся, однако, разсказать событія лучше по царствованіямъ.

Іоаннъ III Васильевичъ (1463 † 1505).

Хотя б. ч. царствованія его прошла въ XV вѣкѣ, но смыслъ жизни и дѣятельности всецѣло относится къ XVI вѣку. Онъ былъ женатъ на гречанкѣ, а сынъ его Иванъ на молдаванкѣ. Оттуда м. б. южное вліяніе, а вмѣстѣ и пріютъ бездомныхъ тогда грековъ Италіи. По крайней мѣрѣ въ свѣтской литературѣ и знаніяхъ вообще, да частію въ міровоззрѣніяхъ. Изъ этого двойнаго влiянія, къ царствованію Алексѣя Михайловича, у насъ и образовалось двойное теченіе, ставшее во главу раздѣленія нашихъ представителей образованности — греческая партія, тогда застарѣвающая и латинская часть, передававшая болѣе свѣжее ученіе, которое однако въ Европѣ успѣло уже состарѣть. И потому, принимая его, мы все-таки отставали. Поставленные рокомъ въ сосѣдство съ нѣмецкимъ знаніемъ Лифляндіи, оттѣсняемые постоянно ими отъ всемірнаго знанія, а южнѣе, чрезъ Польшу, лишь только начавшую заводиться образованіемъ (XVI в. блескъ его), мы могли получить кой-что. Оттого въ срединѣ вѣка у насъ замѣтно сильное вліяніе польско-кіевское. Тѣмъ болѣе, что оно было православное, а нѣмцы сами получали все отъ Рима, особенно во врачебномъ дѣлѣ, т. к. своего у нихъ не было, и много еще позднѣе (Баасъ). Отученные татарщиной отъ всякихъ сношеній съ Европой, мы естественно стремились теперь вознаградить потерянное. И какъ врачевство у насъ отъ разныхъ

10

неблагопріятныхъ условій не успѣло сложиться въ опредѣленныя формы, то пришлось заимствовать у сосѣдей. Образованіе вообще тогда еще не обособилось въ отдѣльныя отрасли (спеціальности). Всякій начиналъ съ духовнаго чтенія, переходя затѣмъ къ близкимъ сюда свѣтскимъ хроникамъ, умильнымъ повѣстямъ и кстати къ врачевству. Оттого оно было знакомо большинству. Лишь практическое, преимущественно хирургическое дѣло пріобрѣталось отъ мастера за плату. Оттого м. б. врачебное сословіе у насъ не скоро обособилось или, лучше, его совсѣмъ тогда не было и исторія мало сохранила именъ врачебныхъ туземныхъ дѣятелей, коихъ несомнѣнно было не мало; хотя Иловайскій подъ 1490—94 годами предполагетъ, что при Иванѣ III въ нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ были уже и нѣмцы-врачи. Государство еще не принимало участія въ организаціи врачебнаго дѣла. Хотя Иванъ III допустилъ даже сына лѣчить иноземнаго врача и самъ, чрезъ Траханіота, просилъ эрцгерцога австрійскаго о присылкѣ ему врача (1490) внутреннихъ болѣзней и ранъ. Но его не пропустили. Ясно сознавая, что грубый, уже по внѣшности, туземный лѣчитель, съ замашками знахаря, самое большее вышедшій изъ дьяковъ (дьяки по Соловьеву, стр. 1182 С. 1894, вышли изъ купленныхъ холопей), или прямо изъ низшихъ дворцовыхъ слугъ, не могъ служить украшеніемъ все болѣе и болѣе пышнѣющаго двора, стремившагося еще тогда имѣть вокругъ себя все лучшее. Къ тому же, м. б. съ появленіемъ (1399) огнестрѣльнаго оружія, туземцы оказывались и несовсѣмъ подготовленными къ новымъ лѣчебнымъ пріемамъ. Можно, пожалуй, думать, что врачи изъ холопей, о которыхъ говорили еще въ прежнихъ главахъ, суть наслѣдство отъ татаръ. Т. к. ни одно славянское племя не знало несвободныхъ врачей. А въ Римѣ, наоборотъ, большинство было несвободныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такіе непатентованные лѣчители изъ низшихъ слугъ были, какъ и издавна, при каждомъ князѣ, какъ м. б. и у большинства бояръ, но при дворѣ они не имѣли никакого значенія, даже не числились по записямъ, не именовались. Не отвергаю, помимо свидѣтельства Руфа 1475 г. (Іоаннъ женился 1473), что и при Софіи могли быть врачи греки. Даже вѣроятно, что Василій Ивановичъ чрезъ нихъ добылъ себѣ грека Марка. Но при Иванѣ III врачи, особенно иновѣрцы, даже не числились при дворцѣ, не смотря на слова лѣтописи, что онъ ихъ «держалъ въ великой чести». И если допускались они къ дворцовой практикѣ, то лишь въ качествѣ частныхъ лицъ, при дворцѣ же сохранялись издавна и потомъ много позднѣе, чуть не до Петра, свои простые лѣчители. Также и извѣстные по лѣтописи наши иноземные врачи Антонъ (есть основаніе думать, что былъ

еврей Эренштейнъ) и привезенный Ралевыми жидовинъ Леонъ вовсе не были придворными на опредѣленномъ жалованіи врачами.

Заговоривъ о нихъ, я хотя и перерву хронологію моего общаго изложенія, но разскажу дальнѣйшую судьбу ихъ, такъ широко извѣстную повсюду, что иностранцы (да и наши историки Дерптцы) прямо начинаютъ нашу врачебную исторію съ этого, яко бы, варварскаго факта. Лѣтопись говоритъ, что 1485 (по Софійс. II лѣт. 235; другія 1483 г.) нѣмчинъ Онтонъ (почему г. Германъ думаетъ, что онъ выкрещенецъ лютеранинъ—не знаю, хотя извѣстно, что у насъ тогда было нельзя креститься ни въ одну вѣру, кромѣ нашей православной) лѣча по договору сына царевича Каракучи, царскаго любимца, «умори его напосмѣхъ». Царь присудилъ «выдать Онтона головой царевичу», т. е. на полную волю его на жизнь и смерть, какъ обычай при мѣстническихъ напр. спорахъ. Тутъ царскій приговоръ былъ актомъ правосудія безпристрастной власти, межъ двухъ одинаково иновѣрныхъ намъ сторонъ. Царь судилъ даже не по нашимъ законамъ (которыхъ кстати и не было еще), а по законамъ обязательно извѣстнымъ отвѣтчику (§ 6 стараго Лонгобардскаго закона). Это была уступка въ виду привлеченія иностранцевъ. Хотя, по моему, эта уступка была большой политической ошибкой, пріучившей иноземцевъ приходить въ нашъ монастырь съ своимъ уставомъ. Вѣдь не возмутились же они потомъ, когда Иванъ Грозный казнилъ, прямо самовластно, Бомелія безъ суда. Непозволеніе же выпустить на выкупъ Онтона было прямымъ поддержаніемъ достоинства суда высочайшей власти. Что это сдѣлано Онтономъ «на посмѣхъ», пожалуй, можно сомнѣваться. Но во всякомъ случаѣ это указываетъ на царившую тогда подозрительность. Нельзя не принять во вниманіе обстоятельствъ, времени и мѣста и при другомъ подобномъ случаѣ 1490 апрѣля 22-го (припомнимъ, что въ томъ же году царь просилъ прислать ему врача изъ Австріи). Въ томъ году былъ соборъ на еретиковъ (называемыхъ неточно жидовствующими), присудившій ихъ лишь къ заточенію (а жгли ихъ, по рѣшенію собора 1504 г., послѣ смерти Софіи 1503). Царь зналъ про ересь и одного изъ подозрѣваемыхъ ранѣе перевелъ изъ Новгорода протоіереемъ въ Московскій Успенскій соборъ, а своего дьяка Курицина—тоже участника—не тронулъ. При дворѣ даже была партія, имѣвшая съ ними сношенія (семья молодаго Ивана и его сына Дмитрія). Около того же время царь «возложи свой гнѣвъ на царицу Софію. . . и велѣ потопить бабъ» ея лѣкарокъ. Скоро потомъ была коронація внука Димитрія Ивановича наслѣдникомъ. Нельзя здѣсь не упомянуть и о томъ, что въ 1493 г. въ желѣзныхъ клѣткахъ были сожжены польскіе врачи Иванъ и

*

Матвей Лукомскіе (Фармація Неезе С. 1862) по подозрѣнію въ привозѣ ядовъ для отравы великаго князя (тогда въ Италіи отравы были въ большомъ ходу, что у насъ не могло не быть извѣстно). М. б. отъ этого литвина аптекаря Матвѣй Башкинъ и заимствовалъ ересь. См. 1553. Прямыхъ уликъ изъ всего этого вывести конечно нельзя, но ясно чувствуется какая-то связь нашего событія съ вѣяніемъ времени. И конечно не за участіе въ ереси пострадалъ Леонъ, какъ наивно думаетъ оправдать Германъ, а за связь той или другой дворцовой партій, бросившей тѣнь подозрѣнія. Не забудемъ кстати и вышеупомянутый Лонгобардскій законъ. Наши лѣтописи (Соф. I, Патр., Воскр., Никон.) согласно говорятъ, что дѣти Мануила Ралева, брата царицы Софіи, привезли съ собою въ числѣ другихъ мастеровъ изъ Венеціи лѣкаря жидовина, мастера Леона. Заболѣлъ подагрой царевичъ Иванъ Ивановичъ. «Лѣкарь-жидовинъ видѣлъ его... похваляясь излѣчить его,... а не излѣчу... вели казнити меня смертною казнію... И князь великій нявъ тому вѣру, велѣ лѣчити...» Царевичъ умеръ 7 марта; а Леону отсѣкли голову (Соф. II, царст. сп., Никн. лѣт.) 22 апрѣля на Болванкѣ. Что царь Иванъ чувствовалъ себя, какъ и современники, поступившимъ вполнѣ законно, доказывается призывомъ врачей изъ Австріи. Они и пріѣхали, но чрезъ Ливонію ихъ не пустили.

Странное заключеніе дѣлаетъ Рихтеръ (Ист. мед. въ Россіи I), что этими казнями поколеблено довѣріе подданныхъ къ этимъ врачамъ и медицинѣ вообще. Германъ же въ своей брошюрѣ старается оправдать жидовина Леона въ еврейской пропагандѣ и принадлежности къ сектѣ жидовствующихъ, забывая, что пропаганда, по всеобщей ненависти къ еврейству, была немыслима, а въ самой сектѣ, ошибочно называемой жидовствующей, не было ни іоты еврейства; не догадываясь, что Леонъ, да вѣроятно и Антонъ, по духу того времени, казнены за злонамѣренность и похвальбу: дескать, могли вылѣчить, да не хотѣли. Т. об. первые врачи-евреи не піонеры нашего искусства, какъ величаетъ ихъ Германъ.

Да едва ли правъ Рихтеръ и въ томъ, что эти казни устрашали иноземныхъ врачей и потому будто при Иванѣ III не было больше врачей. Въ томъ же 1490 году къ намъ ѣхалъ просимый у австрійцевъ врачъ, но лифляндцы, какъ видѣли, его не пропустили. Да лѣтопись могла и не сохранить всѣхъ именъ, какъ дѣлала это потомъ и со многими другими. Вѣрнѣе это объяснить характеромъ Ивана III, естественно не довѣрявшаго, послѣ смерти сына, иноземнымъ врачамъ и никогда у нихъ не лѣчившагося. Иноземцы лишь раздували это происшествіе намѣренно.

Повальныя болѣзни въ царствованіе Ивана III-го. Въ 1463 отъ сентября до Филипова заговѣнія (Воскр. лѣт. 150) отъ коросты люди мерли многіе. 1463—65 моръ въ Московскихъ областяхъ (Соловьевъ). 1466 (6974) поча мерети (желѣзою Соловьевъ) во Псковѣ и по волостѣмъ . . . 23 іюля изъ Юрьева и въ Новѣгородѣ вельми великъ (Семеновскій моръ) бысть съ Велика дня, а поча уиматися съ Филипова заговѣнія. Тогожъ лѣта снѣгъ палъ пяди 14 мая (морозъ 26 мая, 18 и 27 августа побилъ яри), а 6975 морозъ 2 іюня (Воскр. продолж. 151 и 152). 1467 умерло (желѣзою Новг. II лѣт. 1471 г.) 48000 въ Новѣгородѣ и по волостемъ. Былъ моръ и во Псковѣ. И постави церковь единаго дне Симеона богопріимца. 1472 . . . посла смертоносную язву на Татаръ (за Окой) начаша бо напрасно умирати мнози в полцехъ ихъ. 1487 моръ во Псковѣ (желѣзой Соловьевъ) по пригородамъ и по волостемъ. Преставися во Псковѣ въ моръ князь Ярославъ и сынъ его 4 окт. (т. е. 1488 г.).— Кромѣ единичнаго пока показанія Воскр. лѣт. (150 въ брошюрѣ Германа) о смертности отъ коросты, какъ видите, все моръ желѣзою. Кромѣ того были гладъ, брани и моръ, стало быть голодный или военный — сыпной тифъ въ 1468, 1472 и 1478 годахъ.

Случайныя болѣзни: Въ лѣто (6975) 1467 преставися великая княгиня Марья великаго князя Ивана Васильевича, тверитянка, отъ смертнаго зелія, за неже познаху потому, покровъ на ней положиша, ино много свисло его, потомъ же то тѣло разошлося (припомнимъ, что тогда хоронили въ день смерти), ино тотъ покровъ много не досталъ на тѣло. Соф. II лѣт. — Конечно, тутъ простое посмертное явленіе принято за отраву, но характерна для времени та подозрительность отравы. Ею сопровождалась долго потомъ чуть не всякая царственная смерть. Припомнимъ смерть Ивана Ивановича молодаго, Елены Ивановны, Василія Ивановича, Өедора Ивановича, Годунова, Стефана Баторія и мн. др. Послѣдній будто отравленъ своимъ врачемъ итальянцемъ (1586 Илов. III 549). Отрава, т. ск., висѣла въ воздухѣ вездѣ весь XVI вѣкъ. Въ 1474 г. . . . человѣкъ нѣкій во градѣ Москвѣ (Соф. II лѣт.) ходивъ по обычаю къ селу Скудельничу, иже имѣютъ граждане на погребеніе страннымъ, обычай же имяху въ четвергъ на 7 недѣлѣ ходить тамо... и загребаху старую яму, иже полну мертвыхъ накладену, а новую ископаху, ту же вси и копаютъ и засыпаютъ землею Бога ради..., споткнуся и паде на землю, внезапу оглохну и онѣмѣ и на многи дни. 1484 г. сент. 4 постави Богородицкаго протопопа Сергія архіепископомъ Новгороду и Пскова... (не хотѣлъ самъ вскрыть гробницу Моисея, называя его смердовичемъ)...

И абіе бысть отъ того времени изумленъ и черезъ 9 мѣсяцевъ свѣдоша его больна въ Троицко-Сергіевъ монастырь. Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, какъ гнѣвъ Божій, да и по важности лица, изумленіе (сумасшедствіе) обратило на себя такое вниманіе, что было занесено въ лѣтопись, но первое онѣмѣніе нѣкоего человѣка въ скудельницѣ пожалуй говоритъ за то, что тогда такія болѣзни были далеко не заурядное явленіе. Въ 1493 г. явися въ Польщи новая немощь (Густин. лѣт. 360), Франца, юже нѣкая жена, ходяще на отпусты, принесе зъ Риму до Кракова. О томъ же узнаемъ мы изъ письма царя Ивана III къ послу его Мамонову въ Вильну, чтобы онъ проѣздомъ освѣдомился о сей болѣзни въ Вязьмѣ и Смоленскѣ. А какъ приказъ этотъ помѣченъ 30-мъ маемъ 1499 г., то Рихтеръ (Ист. мед. въ Росс. I, 146) говоритъ уже положительно о появленіи у насъ сифилиса въ 1499 году, чего нельзя допустить ужъ потому, что никакая иная лѣтопись или другой документъ о томъ не промолвились ни единымъ словомъ. Коллинсъ, служившій у насъ врачъ, лишь подтверждаетъ, что сифилисъ занесенъ къ намъ изъ Польши во время частыхъ войнъ.

О школахъ не только врачебныхъ, но всеобщихъ или какихъ-либо учрежденій, напр., больницъ, со стороны государства еще рано было думать, при постоянныхъ почти войнахъ. О какихъ-либо узаконеніяхъ по части врачебной тоже пока ни слова. Единственный того времени законодательный памятникъ—Судебникъ (1497 г.) не оставилъ намъ никакихъ замѣтокъ. Слѣдовательно, учились по старому практически у мастера. Между которыми появились и сосѣди иноземцы. Оттого, кромѣ старыхъ лѣчебниковъ переводныхъ греческихъ, напр. Меѳодіевскаго, со временъ м. б. болгарскихъ заимствованій, могли появиться болѣе свѣжіе съ латинскаго переводы на нѣмецкій, но конечно лишь небольшихъ практическихъ т. ск. учебниковъ и б. ч. по хирургіи, т. к. и вся тогдашняя европейская врачебная наука была полна ими. Строго научная разработка была исключеніемъ и лишь зачиналась. Легко возможно, что у насъ тогда былъ извѣстенъ практическій трудъ, о коемъ говорено выше, сосѣда тевтонскаго рыцаря Ген. Пфольцшпейнда, служившаго за врача при осадѣ Маріенбурга, «Bündth-Ertzney», 1460—о перевязкѣ на полѣ ранъ и поврежденій и о лѣченіи нѣкоторыхъ внутреннихъ полевыхъ болѣзней. Тѣмъ болѣе, что въ этомъ сочиненіи не было ни оперативной, ни малой хирургіи, у насъ же были уже новгородскіе пищальники и тверской нарядъ, т. е. пушки. Въ собственной врачебной словесности кромѣ гигіеническо-календарной статьи въ Изборникѣ Святослава (1073 г.) у насъ уже имѣлся переводъ кой-чего изъ Галена.

Количество лѣкарствъ должно было увеличиться со стороны Европы, хотя бы и за счетъ восточнаго привоза. Москательный рядъ въ Москвѣ уже существовалъ, съ хозяевами-лѣкарями. Въ отношеніяхъ къ государству, въ бытѣ врачей еще не могло произойти большихъ измѣненій противъ прежняго, хотя нельзя отвергать, что свобода и всеобщее стремленіе къ развитію промышленности не остались безъ вліянія и на врачей. Тѣмъ не менѣе, все столѣтіе врачи (не холопы) были вольные, ничего не платящіе и лишь въ XVII вѣкѣ стали государственными. Потому отношенія ихъ къ больнымъ были свободныя, т. е. частный уговоръ, какъ и съ учителемъ. Плата б. ч. натурой, рѣдко деньгами. Иваномъ же царемъ разведенъ кругомъ Кремля (Александр. нынѣ) садъ и чуть ли не первый съ аптекарскими травами садъ въ Кремлѣ.

О царствованіи Ивана III изъ иностранцевъ могли говорить лишь тѣ же Барбаро, Контарини и австрійскій путешественникъ Попель 1486 г.

Замѣтимъ кстати, что при Иванѣ III уже существовали казенныя подворья, Рязанское, Тверское и пр., которыми потомъ царь Ѳедоръ Алексѣевичъ воспользовался для устройства временнаго военнаго госпиталя. (О немъ см. мою работку въ Военно-Медиц. журн. 1886 г.).

Василій Іоанновичъ (1505 † 1534)

еще ближе отца подвинулся къ Европѣ. При немъ придворная медицина пріобрѣла уже у насъ права гражданства. Исторія сохранила намъ имена трехъ врачей: грека Марка (1518), литовскаго плѣнника Ѳеофила и нѣмчина Николая Луева. Хотя самъ князь у нихъ, какъ и отецъ его, едва ли лѣчился, а о болѣзни дѣтей своихъ прямо писалъ великой княгинѣ «поспрошать боярынь». При самой смерти лѣчится у какого-то гетмана Яна Малаго (едва-ли не сынъ любимаго дьяка грека Георгія Малаго), исполняетъ совѣты Глинскаго. Нисколько не отдѣляясь отъ царившаго тогда (да, пожалуй, и до сихъ поръ) общественнаго мнѣнія, что наука могуча, да врачи-то или мало ее знаютъ или часто злоупотребляютъ «на посмѣхъ». У Феофила, кажется, былъ братъ, тоже врачъ, въ службѣ царской. Иловайскій относитъ сюда и русскаго доктора медицины Падуанскаго университета извѣстнаго у насъ Франциска Скорину, Полочанина будто родомъ, въ 1517 — 19 гг.

Но, во-первыхъ, Полоцкъ не былъ тогда русскимъ, имя врача не русское а послѣдующая его жизнь и дѣятельность по переводу и изданію въ Краковѣ и Вильнѣ священныхъ книгъ прошла внѣ Россіи какъ и внѣ

врачебной дѣятельности. Для которой, добавлю, тогда у насъ еще не сложились условія. Одинъ лишь царь могъ завести иноземныхъ врачей для великолѣпія двора, бояре же имѣли холопей-врачей. А для остальныхъ было еще грѣхомъ лѣчиться не только у иноземца, но и у иновѣрца. Скорину же звали Францискомъ, потому я не рѣшаюсь назвать Скорину русскимъ врачемъ. Съ такимъ же правомъ, какъ Скорину, мы могли бы назвать, напр., и Фирхова славянскимъ, а не нѣмецкимъ врачемъ. По происхожденію морава Верхова. Но онъ самъ зоветъ себя нѣмцемъ и вся его блестящая дѣятельность всецѣло принадлежитъ Германіи, которая справедливо гордится имъ.

О грекѣ Маркѣ мы знаемъ лишь по перепискѣ о немъ съ турецкимъ правительствомъ. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Николай Луевъ (Булевъ), какъ гласитъ лѣтопись, ученый любекскій врачъ. Максимъ грекъ обвинялъ его въ католической пропагандѣ (Илов. III 487). Третьимъ врачемъ былъ нѣмецъ прусскій подданный, какъ и Николай, нѣкто Феофилъ, врачъ, какъ обыкновенно думаютъ, тоже ученый. Но во всякомъ случаѣ они не были представителями совсѣмъ новаго направленія въ развивающейся тогда въ Европѣ самостоятельной наукѣ. Хотя Франческо да Колло (Padova 1603) бывшій 1518 въ австрійскомъ посольствѣ, и называетъ Луева профессоромъ всѣхъ наукъ, но сомнительно существованіе тогда въ Любекѣ медицинскаго факультета. Скорѣе они были представителями того переходнаго, въ началѣ возрожденія, состоянія наукъ, когда обратились къ изученію древнихъ классиковъ. На выборкахъ изъ нихъ и воспитывались Николай и Феофилъ. Лѣченіе ихъ предсмертной болѣзни царя, на основаніи чего Рихтеръ причисляетъ ихъ къ научнымъ врачамъ, прямо взято изъ подобныхъ заветшалыхъ лѣчебниковъ. Вмѣсто разрѣза они кладутъ медовую лепешку и печеный лукъ, что споконъ вѣку на Руси дѣлаетъ знахарка въ каждой деревнѣ. Самое ихъ прусское подданство говоритъ за то. Т. к. на сѣверѣ по исторіи не было еще тогда правильной науки. Основатель же прусскаго государства Альбертъ, бывшій гроссмейстеръ ордена меченосцевъ, заключивъ союзъ съ Василіемъ Ивановичемъ противъ своего леннаго владыки короля Польскаго, имѣлъ свои виды угодить союзнику, отпускомъ къ нему врачей. Василій же Ивановичъ, какъ извѣстно, такъ же ревностно, какъ и отецъ, старался о вызовѣ нужныхъ иноземныхъ мастеровъ даже изъ Чеховъ. Николай, насколько извѣстно, прибылъ въ Россію съ посланникомъ императора Максимиліана Диляторомъ, а Феофилъ взятъ будто Сабуровымъ въ Литвѣ въ плѣнъ. Этотъ фактъ, кажется, не совсѣмъ точно установленъ по нѣко-

торой неточности въ годахъ. Сабуровъ сдѣлалъ въ Литву два похода. Феофилъ, какъ предполагаютъ, остался въ Россіи.

Въ своей брошюрѣ «Врачебный бытъ допетровской Руси», Хар. 1891 г., Германъ поднялъ, затронутый въ началѣ нашего столѣтія, вопросъ о томъ, что Феофилъ, плѣнный нѣмчинъ Любчанинъ и переводчикъ нашего перваго Травника — одно и то же лицо, т. к. послѣдній тоже литовскій плѣнникъ и нѣмчинъ Любчанинъ. Германъ измыслилъ еще, что Феофилъ былъ крещеный еврей. Странная способность въ каждомъ врачѣ раскапывать еврея, притомъ безъ всякаго основанія. Травникъ переведенъ по повелѣнію митрополита Даніила, а въ то время православному духовному лицу, да еще митрополиту, зазорно было всякое сношеніе съ иновѣрцемъ, не только съ евреемъ, хотя бы и крещенымъ. Къ тому же царскому врачу митрополитъ не имѣлъ права повелѣть. Да и самаго неглубокаго изученія перевода достаточно, чтобы убѣдиться, что онъ сдѣланъ хорошимъ знатокомъ многихъ славянскихъ нарѣчій, обычаевъ и жизни. Даже предполагая, что русскій переводъ исправленъ самимъ Даніиломъ. Такихъ знаній ни нѣмчинъ, рожденный внѣ Россіи, а тѣмъ менѣе еврей, имѣть не могли. Что особенно ясно въ маломъ сокращенномъ переводѣ того же Травника, сдѣланномъ въ томъ же 1534 году. Наконецъ, Феофилъ, какъ образованный врачъ и нѣмецъ, не могъ сдѣлать такой грубой ошибки, переименовать фамилію Андерсъ въ отечество и сказать вмѣсто него «Андреева сына».

Митрополитъ (1522—1538) Даніилъ, рязанецъ родомъ, книголюбивый, по выраженію современника, былъ ученый, начитанный іерархъ, Іосифлянинъ по направленію. Онъ разрѣшилъ разводъ царя съ бездѣтной царицей Соломоніей дома Сабуровыхъ своею властію, не смотря на отказъ патріарховъ, аѳонскихъ старцевъ и неодобреніе ученаго нашего Максима грека. Даніилъ самъ постригъ Соломонію (она тоже лѣчилась отъ безплодія у многихъ знахарей и между прочимъ у какой-то жонки, рязанки Стефаниды, но кажется болѣе суевѣрными средствами, чѣмъ лѣкарствами) и самъ вѣнчалъ (1525) царя на Еленѣ Глинскихъ. Оттуда м. б. и вліяніе его. Естественное и политически вѣрное желаніе имѣть прямыхъ наслѣдниковъ, для перехода государства отъ отца къ сыну, заставило такъ поступить царя. Но и отъ новой любимой царицы дѣтей не было четыре года. Принимались не совсѣмъ разумно и другія мѣры — лѣченіе сильно возбуждающими, конечно, не у придворныхъ иноземныхъ врачей, отъ неплодородія, когда царю было уже за 50 лѣтъ. Если мы прибавимъ къ этому извѣстіе исторіи, что Елена часто страдала нервными болями

полуголовы и вѣроятно другими нервными страданіями, то получимъ ясныя данныя для патологической наслѣдственности у царя Грознаго.

Вѣроятнѣе всего самъ Даніилъ правилъ языкъ вышесказаннаго переводнаго травника, судя по языку его сочиненій, или имѣлъ возможность поручить это знатоку дѣла и непремѣнно врачу славянину. Стало быть одно изъ двухъ: либо Феофилъ былъ не нѣмецъ, а, скажемъ, чехъ (но не полякъ), или не онъ переводчикъ Травника. Увѣреніе же Германа, что мы тогда всѣхъ иноземцевъ звали нѣмцами неточно, т. к. звали такъ лишь опредѣленно нѣмцевъ, французовъ и англичанъ, и то различая: «нѣмецъ аглицкой земли». Для другихъ же были свои имена: свеи, римляне и т. п., даже почасту австрійцевъ звали шленцами. И потому едва-ли бы еврея назвали нѣмцемъ, а не жидовиномъ, хотя-бы и не еврейскаго исповѣдыванія.

О какихъ либо учрежденіяхъ, больницахъ, школахъ, врачебномъ законодательствѣ источники намъ не оставили слѣдовъ, если не считать распоряженія оцѣплять зачумленныя части города, напр., Новгорода и Пскова, да молчаливаго поощренія купаній больныхъ въ крещенской проруби. Герберштейнъ (1517) говоритъ, что раненыхъ на своей охотѣ царь приказывалъ лѣчить своимъ лѣкарямъ изъ царской казны. Онъ же говоритъ, что при встрѣчѣ его были и наемныя войска (т. е. съ своими лѣкарями, конечно, иноземцами, думаю я). У насъ же были уже, кромѣ московскихъ и новгородскихъ (1509), и смоленскіе (1513) пищальники, какъ постоянное войско. Изъ нихъ Грозный царь сдѣлалъ стрѣльцовъ, поселивъ ихъ слободами вокругъ Москвы и потомъ по городамъ, а нарядъ (пушки) уже подъ Смоленскомъ былъ значительный, съ иноземными прислужниками. Дѣло въ томъ для насъ, что стрѣльцы спозаранку имѣли своихъ дома ученыхъ военныхъ врачей. И чуть ли не обязаны были ихъ имѣть. Хотя Павелъ Іовій и говоритъ, что въ Россіи тогда лѣкаремъ назывался всякій, знавшій употребленіе нѣсколькихъ цѣлебныхъ травъ. (Германъ читаетъ это мѣсто такъ: «кто имѣлъ случай испытать дѣйствіе какихъ-либо неизвѣстныхъ травъ»).

На время царствованія Василія Ивановича падаетъ у насъ появленіе первой врачебной словесности на русскомъ языкѣ, что уже говоритъ за запросъ на нее. Есть намеки, что уже въ 1506 г., если не раньше, у насъ былъ какой-то травникъ съ рисунками мужскихъ и женскихъ цвѣтовъ. Не переводъ-ли французскаго травника короля Карла VII? Могъ быть извѣстенъ и вышесказанный лѣчебникъ Пфальцшпейндта. Наконецъ могъ существовать какой-либо лѣчебникъ, изъ котораго впослѣдствіи соста-

вился такъ называемый лѣчебникъ строгоновскихъ лѣкарствъ (о немъ скажемъ нѣсколько ниже). Я не говорю здѣсь о древнихъ, вѣроятно, существовавшихъ греческихъ и, пожалуй, болгарскихъ лѣчебникахъ. Изъ болѣе новыхъ, уже заимствованныхъ изъ Европы лѣчебниковъ, былъ вышесказанный травникъ: «Благопрохладный Вертоградъ». (См. подробно мои «Русскіе Врачебники»; указываю по Уваровскому списку, который считаю за старѣйшій Иноземцевскій списокъ). Эта рукопись въ листъ писана уставомъ на 400 почти листахъ, начинается перечисленіемъ именъ 45 древнихъ философовъ, изъ которыхъ составлена эта книга. Начиная съ Платона, Аристотеля, Серапіона, Авицена, Разеса, Діоскорида, Руфа, Альберта великаго и др., кончая евреемъ Филономъ (врачъ II в.) и Ипократомъ. Книга распадается на описаніе травъ, камней, потомъ ученія объ уринѣ и о кровопусканіи, съ нѣкоторыми придатками. Описаніе травъ (ихъ 542) по виду и пр. и камней (144) довольно полно по азбучному порядку латинскихъ названій (съ прибавленіемъ греческихъ, арабскихъ, нѣмецкихъ и русскихъ назв.), ихъ дѣйствіе и т. п., затѣмъ подъ каждымъ идутъ стихи (§) съ указаніемъ въ каждомъ той болѣзни, въ которой та, напр., трава помогаетъ и непремѣнно со ссылкой на стихъ и главу книги философа, у коего заимствовано, и по возможности его же словами. Изрѣдка приготовленіе и употребленіе. Сочиненіе безспорно научное для своего времени, съ исключительно практическимъ направленіемъ, не вдаваясь въ описаніе теченія, напр., и припадковъ болѣзней. Но, добавимъ, сочиненіе и для 1534 года уже отстававшее отъ современнаго научнаго движенія и чисто компилятивнаго характера. Ничего самостоятельнаго. Тѣмъ не менѣе намъ пришлось учиться по ней или даже по сокращенію изъ нея болѣе ста лѣтъ. Частію, впрочемъ, занеимѣніемъ болѣе новыхъ учебниковъ въ европейской врачебной словесности. Приведу для примѣра:

«Книга именованная Благопрохладный цвѣтникъ, вертоградъ здравію сотворенія. Глава 1. Артемизія, матеръ герборумъ, армозія, ампулята, британика, кампокарія, матрикарія, мемнозумъ—по латини. Зантесъ, таготесъ — по гречески. Лептафилось — по арабски, а по русски Чернобыль. Въ сторонѣ рисунокъ растенія, а дальнѣйшее, послѣ вида цвѣта и пр., изложеніе озаглавлено «Дѣяніе». Ависенъ и Діоскоридъ пишутъ о той травѣ и глаголютъ, что Чернобыль есть трава, растеніемъ подобна полыни... Или, изъ того же сокращеннаго травника, напр., о полыни: стихъ 1) о заключеніи утробы, 2) и 3) о томъ же, 4) о пропускѣ утробы, 5) о желтости тѣла, 6) о водяномъ отокѣ, 7) о селезени и печени, 8) о сто-

махѣ, 9) о глистахъ, 10) о умиранiи и исхожденiи глистъ, 11) о трясавицѣ, 12) о стомахѣ и черной немочи, 13) о гнитiи крови внутри человѣка, 14) чтобы мыши книги не ѣли, 15) о переломѣ костей, 16) о глухости, 17) отъ смердячаго духа изо рта, 18) о стомахѣ, 19) о тяжко дыхающихъ, 20) о селезни, 21) о очной немочи, 22) о печени, 23) о питьѣ хмѣльномъ, 24) о заключенiи менстрикове, 25) о селезни и о студени, 26) о власахъ. Въ Послѣсловiи читаемъ: «Здѣ скончася книга о травахъ, о бисерѣхъ и о уринахъ человѣческихъ, также и о кровопусканiи жильномъ и о рожечномъ и апостемахъ именованная Благопрохладный Вертоградъ здравiю, который до сихъ поръ закопанъ и запечатлѣнъ бысть, а ныне человѣкомъ ко угодiю явленъ и во свѣтъ откровенъ. А печатана была по приказу Стефана Андреева сына (владѣлецъ типографiи и издатель) праваго писца, живущаго въ царскомъ градѣ Любкѣ по Р. Хр. 1492 лѣта. Повелѣнiемъ же госп. преосв. Данила митрополита всей Руси, Божiю милостiю книга сiя преведена бысть съ нѣмецкаго языка на словенскiй, а перевелъ полонянинъ литовскiй, родомъ нѣмчинъ, Любчанинъ. И справедливый же чтецъ... не осуждай составившаго... и пр. и пр. А преведена сiя книга лѣта 7042 (1534) мая 29. Ныне же по Божiю попущенiю (тутъ пространно разсказано, какъ поляки въ 1612 г. разорили Кремль и пр.)... и сiю книгу до конца изъ корени исторгоша и возмнѣша, якобы закопати и въ забвенiе положити. Обаче же Божiю помощiю понудихся, азъ многогрѣшный Флоръ, москвитянинъ зовомый, отъ многаго расточенiя мало по малу собрахъ и совокупихъ... И повелѣхъ написати сiю книгу... Начата же бысть писати и совершена сiя книга въ лѣто 7134 (1616)». На спискѣ же Спб. Пуб. Биб. VI, 9, въ листъ, безъ начала на обор. 390 листа 2-й книги коротенькая надпись: «Сiе писано съ венецейскаго перевода и переведена бысть съ нѣмецкаго языка на словенскiй, а перевелъ полонянинъ литовскiй, нѣмчинъ Любчанинъ и справедливый же чтецъ... и пр.» Въ томъ же году тѣмъ же авторомъ сдѣланъ былъ изъ этого полнаго и потому утомительнаго травника сокращенный выборъ сотни самыхъ употребитетельныхъ травъ, будто растущихъ исключительно въ Россiи. Очевидно, это сокращенiе разсчитано для учебника. Языкъ и отдѣлка, если можно такъ выразиться, еще болѣе русскiе. Печатный подлинникъ этого травника, найденный мною, какъ латинскiй 1517, такъ и нѣмецкiй (либо нижне-нѣмецкаго говора, либо въ большой смѣси съ датскимъ или какимъ другимъ) съ такимъ заглавiемъ: «Dit is de genothlike Garde des Súndhert to latine Ortus Sanitatis edden Herbarium genömet». Печатанъ въ Любекѣ въ типографiи Steffen Anders 1520.

Повальныя болѣзни въ царствованіе Василія Ивановича свирѣпствовали не менѣе, чѣмъ при отцѣ его. Въ 1506 лѣта бысть моръ во Псковѣ золъ вельми... и по пригородамъ и по волостемъ; и тотъ моръ безымянный, мряху бо людей много. Это было возобновленіе чумы. О всѣхъ повальныхъ болѣзняхъ подробно, какъ сказано выше, смотри «Врачебныя сказанія изъ русскихъ лѣтописей въ Былое врачебной Россіи». Спб. 1890, кн. I.—1507 (7015) бысть моръ великъ въ Новѣгородѣ Великомъ железою; паде же людей безчисленно и то бысть моръ по три лѣта; въ последнюю же осень въ лѣто 7016 помре людей... (15396 ч.). Въ то же лѣто бяше моръ великій въ Краковѣ.—1521 лѣта бысть моръ во Псковѣ отъ Ильина дни... безъ мала вси не изомроша, а москвичамъ (переселеннымъ) то бысть посѣщеніе Божіе, моровое не обычно, кто примется у кого заживетъ и тотъ весь вымретъ. Перво почали мерети на Петровской улицѣ (у Юрія Тобула, у сведенаго)... и князь... велѣ улицу заперети съ обою концовъ. Лѣта 1522 (7030) бысть моръ во Псковѣ и много дворовъ вымерло и стояли пусты; и въ одну скудельницу положили 11500 ч. мертвыхъ. 1527 бысть въ Великомъ Новѣгородѣ моръ зело страшенъ въ Деревской пятинѣ, въ деревняхъ. 1530 На Колыванѣ моръ бысть. 1532 (7040) лѣта бысть моръ великъ... отъ іюля до Рождества, яко и воеводамъ и сановникамъ изъ града... страха ради смертнаго выѣхати... а 7041 тую всю осень во Псковѣ моръ бысть. 1533 (7041) тое же осени въ Новѣгородѣ октября нача являтися на человѣцѣхъ вредъ яко прыщь и тѣмъ начаша мнози человѣци умирати... Отъ того повѣтрія человѣкъ тысящи и болѣе въ Новѣгородѣ не ста... а во Псковѣ и окрестъ по селамъ отъ Успенія до 6 января бысть моръ зело великъ. Это чума заносимая изъ Германіи съ 1527—1534 гг. и все железою, хотя въ Новгородской и видимъ уже нѣкоторое уклоненіе отъ вида бубонной чумы. Къ этому прибавимъ, что въ 1523 г. на Троицу снѣгъ лежалъ въ Новгородѣ 4 дни, да много мерло живота, коней и коровъ и птицы по лѣсу мерли.

Случайныя болѣзни: Мехметъ-Аминь (1510—21), царь Казанскій, умирая, кишѣлъ гноемъ и червями. Призывалъ цѣлителей, волхвовъ и не бысть облегченія. 1529 (По суматохѣ въ Новгородѣ, что церковь разваливается, народъ бросился вонъ и передавилъ 80 женщинъ, да 4 мужчины, да болѣе 200 разнесли живыхъ). А не бысть на мертвыхъ ни ранъ, ни сокрушенія, но толико отъ гнѣтенія другъ отъ друга и толико сильно, яко изъ нутрь отъ сердца крови изходити, и посинѣли бяху и тѣмъ умираху. Сюда же отнесемъ описаніе болѣзни и смерти самого Василія Ивановича. Въ сентябрѣ послѣ Сергіева дни 1533 (7042) передъ Покровомъ

явися мала болячка на лѣвомъ стегнѣ на сгибѣ (близъ нужнаго мѣста— Царст. книга) съ булавочную головку, връху же у нея нѣсть, ни гною въ ней нѣсть же, а сама багрова... оттолѣ (съ 2 окт.) вкушающи мало на постелѣ, а къ Москвѣ пославъ вскорѣ по дохтуровъ своихъ по Миколая Булева, да по Феофила... пріѣхаша, нача прикладывати къ болячкѣ муку пшеничную съ медомъ прѣснымъ и лукъ печеный, оттого болячка нача рдѣтися; они же начаша болѣе прикладывати и учинися на болячкѣ аки прыщь малъ и появися въ немъ мало гною (черезъ двѣ недѣли понесли вел. князя изъ Колпи въ Волокъ на носилкахъ). А изъ болячки мало гною изсякаючи, връху же у нея нѣсть; рана же у нея аки иглою уткнута, а не прибудетъ ея, ни убудетъ. И повелѣ князь великій прикладывати мазть къ болячкѣ и нача изъ болячки идти гной помалу, и по елику больша, яко до полутазу и по тазу... И тогда же въ грудехъ ему бысть тягость и того ради взяша горощки и сѣмянники (горшки сѣмянники? Рихт. Ист. Мед. I, 278), и съ того пронесе ему на низъ, а болѣзнь его тяжка; и послѣ того порушися ему ѣства... И тогда же... выйде изъ болячки гною яко болѣ таза, и выйде изъ нее стержень болѣе полутора пяди, но еще не весь... князь же великій обвеселися, чая болѣзни своей облегченіе. И тогда же посла къ Москвѣ по Гетмана своего по Яна Малого; Янъ же вскорѣ пріѣде и нача прикладывати къ болячкѣ мазть обычную, отъ Яновой же мазти мало отокъ поляже... поѣха (15 нояб.)... въ каптанѣ и не исхождаше отъ постели ни мало... и бысть на Воробьевѣ (близъ Москвы) два дни вельми скорбяще и изнемогающе, болѣзни же своей не чуяше, а раны у него не пребываше, токмо духъ отъ нея тяжекъ. Идущи же изъ нея нежды смертныи и призва... и дохтуровъ своихъ Николая Булева и Феофила, чтобы прикладывати къ болячкѣ мазть, или бы нѣчто пустити въ рану, чтобы отъ нея духу не было. И нача ему говорити бояринъ его Мих. Юрьев. (Глинскій), тѣшичи государя: «Г. Вел. Кн., чтобы водки нарядити и въ рану пущати и выжимати; ино Г. вѣдячи тебя Г-ря такова истомна, чтобы Г. спустити съ день или съ два, чтобы было Г. мало болѣзни твоей облегченіе, ино бы тогда водки пущати». Кн. же вел. призва Никола Булева и нача ему говорити: Брате Миколае! видилъ еси... мочно ли тебѣ что сотворити, мазть или иное что, чтобы облегченіе болѣзни моей? Миколай же отвѣща: видѣлъ... аще бы мочно... но моя мысль не имѣтъ опричь Божіей помощи (а можно ли мнѣ мертваго жива сотворити? за неже мнѣ Г., Богомъ не быти. Царств. кн.) князь же вкуси единые миндальные каши мало... не нача языкомъ изглаголывати; и тогда рука его правая не начатъ подыматися... и преставися 4 декабря. Соф.

II, Никон., Воскр. прод., Царств. книга, Новг. II. Въ 1534 (7042) поиманъ бысть князь Мих. Львовичь Глинскій въ томъ, что давалъ вел. кн. Василію зеліе пити въ его болѣзни, съ того зелія великаго князя не стало. Воскр. лѣт. прод. 287. Конечно, отъ непринятыхъ раньше сильныхъ мѣръ, м. б. и по нежеланію самого царя, образовалось гнойное зараженіе, переносъ въ легкія, откуда пробка въ мозгъ и явился параличь, какъ послѣдняя картина жизни. Въ этомъ живомъ разсказѣ много любопытнаго, какъ отношенія къ врачу и степень знанія врача, и видимое недовѣріе къ нему лично. Но еще любопытнѣе эти отношенія проглядываютъ въ письмахъ этого царя Василія, къ царицѣ Еленѣ, по поводу болѣзни ребенка-сына, будущаго Грознаго царя, вередомъ (железой?) на шеѣ. «И со Княгинями бы и съ Боярынями поговорила, что такова у Ивана сына явилося и живетъ ли таково у дѣтей и бы ихъ выспросила, да и впредъ какъ чаютъ и что про то ихъ примыселъ, чтобъ мнѣ и о томъ было вѣдомо»... А въ тѣ поры его (Юрія Вас—ча) парили въ корытѣ проскурнякомъ...

Иноземцы, пріѣзжавшіе при Василіи Ивановичѣ, писали Герберштейнъ былъ два раза, 1517, 1526 и Павелъ Іовій, 1525; въ изданіи Іогана Фабри, 1525; у Михалона и у Матвѣя Мѣхова?

Царствованіе Ивана Васильевича IV, Грознаго (1534 † 1584).

Собственно говоря, 1547—1560 годы блестящаго царствованія важны для насъ. Потому какъ во время дѣтства царя, такъ и съ 1560 г., т. е. времени учрежденія опричины и Александровской слободы, ничего не могло идти правильнымъ путемъ, не только врачебное дѣло. Хоть къ этимъ позднѣйшимъ и относится появленіе большинства придворныхъ врачей. Но дѣло въ томъ, что первое появленіе ихъ совершенно случайно и самое отношеніе ихъ нѣсколько иное.

Ко временамъ дѣтства царя относится посольство 1537 г. Шлитте за мастерами, но нанятые имъ 4 врача были задержаны въ Ригѣ. Такая попытка болѣе не возобновлялась. Хотя Рихтеръ и думаетъ, что нѣкоторымъ изъ нихъ удалось пробраться въ Москву, но исторія о нихъ молчитъ. Старые отцовскіе врачи вѣроятно отставлены со смертіи державнаго больнаго, однако, Феофилъ еще посылается для освидѣтельствованія князя Андрея Ивановича Старицкаго, 1537 (7045) г.

Послѣ блестящаго покоренія Казани и Астрахани, когда случайно завязались торговыя связи съ Англіей, естественно было ими воспользоваться для увеличенія роскоши двора. И еще первый посланникъ къ коро-

левѣ англійской Маріи привезъ, въ 1557 году, съ собою 2 врачей англичанъ, доктора Стендиша и лѣкаря Ричарда Эльмеса. Вѣроятно первый не долго оставался, такъ какъ вскорѣ видимъ при дворѣ итальянца Арнольфа Лензея. Этотъ послѣдлій погибъ отъ пожара при разореніи Москвы татарами въ 1570 году. Однако, держа ихъ въ почетѣ, царь «обаче же лѣкарствъ отъ нихъ непріимаша никакихъ», какъ говоритъ Курбскій, и самъ царь въ отвѣтѣ Курбскому, говоря о своей болѣзни, какъ бы въ похвальбу себѣ добавляетъ, что «о какихъ-либо мірскихъ лѣкарствахъ и помину не было». Стало быть тогда лѣчиться лѣкарствами да еще иноземными было противно общественному мнѣнію. И выше приведенныя слова кажутъ оправданіемъ непринятаго обычая. Да вообще и раньше, и долго спустя позднѣе, до Алексѣя Михайловича, всѣ наши цари и семьи ихъ, съ народомъ вмѣстѣ, мало довѣряли иноземцамъ. О евреяхъ же Грозный прямо говорилъ: «сіи люди привозили къ намъ отраву тѣлесную и душевную, продавали у насъ смертоносныя зелія» (Карамз. VIII, 102). Врачи даже не жили при дворѣ въ Александровской слободѣ, а всегда въ Москвѣ. Напр. при убіеніи Ивана Молодаго, 1580, за ними послали въ Москву а царевичъ чуть-ли не ранѣе ихъ пріѣзда умеръ. Тогда к. въ тоже время свободно лѣчились у дома обученныхъ полузнатоковъ, а у духовныхъ, особенно монастырскихъ лицъ, за обычай. Съ одной стороны это легко объясняется тѣмъ, что больные стояли на одной почти высотѣ врачебныхъ пониманій, т. к. тогда все развитое читало и многіе лѣчили; небольшія знанія не могли еще открыто простотой и ясностью побороть предубѣжденія, а напускная важность полузнанія и тайна еще болѣе отталкивали (объ Арнольфѣ упоминаетъ Курбскій по поводу побой постельника князя Гвоздева, какъ будто у насъ такого князя не было). О хирургѣ Ричардѣ Эльмесѣ мало знаемъ, хотя можно думать, что онъ или не разъ бывалъ въ Россіи, или оставался по смерть Грознаго при немъ, прощенный въ 1583 г., и по обычаю тотчасъ же послѣ смерти царя отпущенъ съ Робертомъ Якобомъ и вдовой Бомелія въ Англію. Сейчасъ за смертію Лензея въ 1570 г. его мѣсто при царѣ занялъ вестфалецъ, кембриджскій воспитанникъ, Елисей Бомелій, котораго привезъ изъ Англіи, изъ тюрьмы, нашъ посланникъ Савинъ. Великій шарлатанъ, знатокъ астрологіи, онъ умѣлъ понравиться Грозному царю, составляя яды для намѣченныхъ жертвъ жестокости (или лучше — болѣзненныхъ идей преслѣдованія) его. За что правосудная судьба отплатила ему. Обвиняемый въ сношеніяхъ съ Польшей, онъ въ 1579 г. замученъ пытками и сожженъ въ Москвѣ. Про него-то говоритъ Псковская лѣтопись 1570 г.: «Къ царю нѣмци прислаша нѣмчина лютаго

волхва, нарицаемаго Елисея, для погубленія рода христіанскаго, и бысть ему (царю) любимъ и въ приближеніи». Какъ видно, современники, больше насъ его знавшіе, не считали его ни англичаниномъ, ни голландцемъ. Въ 1578 и 1582 гг. упоминается въ письмѣ Грознаго къ датскому королю о врачѣ Иванѣ (безъ фамиліи), едвали не любимцѣ царскомъ. Иностранцы обзывали его Ейловъ, Ловъ, Ильфъ. Кажется вѣрно въ одномъ перечнѣ плѣнныхъ взятыхъ въ началѣ 1577 г. въ Ливоніи значится лѣкарь Ульфъ (впослѣдствіи фамилія у насъ не рѣдкая). Не вѣрнѣе ли, что онъ былъ скорѣе аптекарь, чѣмъ врачъ и преемникъ Бомелія въ дѣлѣ отравъ, хоть царь и увѣряетъ, что «Іоганъ каждый день видитъ наши очи». Могло быть и такъ, но онъ больше торговалъ, чѣмъ врачевалъ, какъ и Эльмесъ; даже Р. Якобъ былъ небезгрѣшенъ въ торговлѣ. Оттого то Іогана послѣ смерти Грознаго и обвиняли въ отравленіи царя. Робертъ Якобъ (Романъ Елизаровъ нашихъ лѣтописей), англичанинъ, лейбъ-медикъ королевы Елисаветы, будто знатокъ женскихъ болѣзней, прибылъ 1581 и оставался до смерти Грознаго, потомъ въ 1586 его опять прислала королева къ царицѣ Иринѣ. Этотъ ученый врачъ врядъ ли много лѣчилъ, его занималъ царь по преимуществу дипломатическими переговорами, какъ и послѣ онъ ѣздилъ къ царю Ѳедору Ивановичу для переговоровъ съ Борисомъ Годуновымъ. Приводятся кой-кѣмъ и другіе врачи, но для насъ уже не важно число ихъ, т. к. они ничѣмъ не замѣчательны. Германъ говоритъ о Рейнольдѣ, Соломонъ Кальверъ, польскій еврей, еще какой-то Соломонъ, чуть ли не раввинъ, будто итальянецъ, какой-то Ричердъ (1569). Докторъ Рейнольдъ лишь пріѣзжалъ, а не служилъ, Соломонъ Кальверъ (Кривей—Рихтера) тотъ самый, на котораго указывалъ грозный государь какъ на торговца ядами, а Ричертъ — это старый нашъ знакомый Эльмесъ, пріѣхавшій въ другой разъ. Вообще едва ли будетъ строго историческимъ пріемъ совать въ исторію каждаго мелочнаго, а главное недостовѣрнаго лица, да еще и по иностраннымъ лишь, часто перевраннымъ, источникамъ. Развѣ показать свою начитанность, загромоздивъ безъ пользы науку такими выдумками, какъ Горсей и Флетчеровъ—мѣшокъ блохъ, коимъ скорѣе мѣсто въ анекдотахъ Балакирева. Полагаться на однихъ иноземныхъ писателей, не осмысливъ ихъ съ русской точки зрѣнія, большой историческій промахъ.

Къ числу врачей мы отнесемъ, какъ зовутъ ошибочно историки, и «самоучку» купца Строгонова. Онъ научился не однимъ чтеніемъ, а бывъ постояннымъ свидѣтелемъ составленія и дѣйствія лѣкарствъ, болѣзней, у служащихъ у него лѣкарей, какъ и отецъ его. Еще издавна извѣстно семейство новгородскаго купца Луки Строгонова. Онъ помогъ деньгами

выкупиться изъ татарскаго плѣна вел. князю, тогда наслѣднику, Василію Васильевичу Темному, который и далъ, конечно, имъ льготы по торговлѣ и промысла въ Перми или гдѣ. Съ тѣхъ поръ, естественно, Строгоновыхъ жаловали при дворѣ и потомки Василія Темнаго. На промыслахъ ихъ, конечно, былъ всякій сбродъ и нѣмцы и татары и литвины, солдаты и рабочіе, а съ ними завѣдомо и хирурги, м. б. и иноземцы. По сказаніямъ (Карамзинъ IX, 356 и Ханыковъ — Мед. Полиц. Ж. Мн. Вн. Д. 1851, т. 33, ст. 352 и др.) при смертельномъ, будто бы, раненіи сына Грозный царь избилъ, защищавшаго царевича, любимца Бориса Годунова въ 1582 г. Тотъ лѣчился у Строгонова «заворотами» (заволокой). Пришедшій царь осматривалъ самъ эти завороты, пожаловалъ Строгонову на Перми земли, позволилъ строить и заселять городки, варить соль, а что почетнѣе позволилъ ему писаться съ вичемъ. Не совсѣмъ точный разсказъ конечно для насъ врачей неваженъ. Но важно, что Строгоновъ врачевалъ. Съ его именемъ соединена, въ русской врачебной словесности, одна переводная врачебная книга подъ общимъ именемъ: «Лѣчебникъ Строгоновскихъ лѣкарствъ». Мнѣ кажется, что онъ созданъ ранѣе Грознаго, ближе къ дѣятельности митрополита Даніила, а м. б. даже и вызвалъ вышесказанный Травникъ. Въ подлинникѣ онъ не сохранился весь. Имѣемъ лишь два небольшіе отрывка (№ 2 нашихъ «Русскихъ Врачебниковъ»), изъ которыхъ можно лишь заключить, что то былъ собственно лѣчебникъ, т. е. перечисленіе и, главнѣе, составленіе да пріемъ лѣкарствъ противъ ряда болѣзней. Этотъ лѣчебникъ былъ, конечно, переводный съ англійскаго, а тотъ несомнѣнно выбранъ изъ старыхъ греческихъ. Сохранилось и имя переводчика-врача Кайбышева. Кстати припомнимъ здѣсь, что извѣстный «Домострой» 1556 предлагаетъ разные врачебные совѣты, для предохраненія, напр., слугъ и пр. Притомъ именно не въ той части его, которая приписывается Селивестру, а въ той, коя несомнѣнно составляетъ переводъ или выборъ изъ раннихъ, чуть ли не греческихъ и латинскихъ писаній.

Слѣдовательно, не смотря на подавляющее вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ, губительныхъ постоянныхъ войнъ, смертельныхъ заразъ, все же наше врачебное дѣло шло впередъ и помимо иноземныхъ врачей. Появились или лучше, сказались (т. к. они тамъ издавна были) врачи и по городамъ. Напр. въ томъ же году царь пишетъ въ Новгородъ своему воеводѣ и поручаетъ отдать израненнаго «доброму лѣкарю мастеру», конечно, не иноземцу (Акт. Истор. I, 156). Но все это, какъ видите, въ блестящее время царствованія.

Если теперь взглянемъ на научное достоинство иноземныхъ предста-

вителей, то встрѣтимъ и здѣсь немного больше науки, чѣмъ при Василіѣ Ивановичѣ, напр. Лензей, Якоби, пожалуй Стендишь—сами писатели, но главнѣе они умѣлые придворные практики, въ наукѣ же собственно они больше астрологи, которая тогда была въ модѣ. Врачебная же ихъ научность немного ушла отъ Феофила съ компаніей, но образованіе получили болѣе правильное, пожалуй, философское. Да, по правдѣ сказать, у насъ и не чувствовалось особой потребности въ немъ. Какъ видѣли, дѣльныхъ врачей занимали болѣе дипломатіей или торговлей. Ну, а врачи попроще или тоже торговали или пользовались расположеніемъ и приближеніемъ. Въ общемъ же смыслѣ, особенно въ практическомъ, было чуть не такое же отставаніе отъ науки, какъ у насъ и въ Германіи. Какъ знаемъ, заходъ къ намъ англичанъ былъ дѣломъ торговой случайности. Правда, у насъ съумѣли воспользоваться этимъ и стали выписывать оттуда, поддерживая дружественныя связи и торговлю, всевозможныхъ мастеровъ, а кстати и врачей. Такъ какъ въ нихъ пока не было надобности, какъ и долго спустя. Вліянія же на развитіе у насъ врачевства, сидя взаперти, они, конечно, никакого не имѣли. Какъ, естественно, во времена Ивана III, имѣвшаго сношенія лишь съ югомъ, были врачи изъ Италіи греки, какъ при Василіѣ Ивановичѣ, по чисто случайнымъ политическимъ событіямъ, у насъ были врачи пруссаки; такъ, при Иванѣ Васильевичѣ, также случайно, были англичане, а при Борисѣ, завязавшемъ торговыя связи съ Ганзой — наши врачи, по этому случаю, большинство нѣмцы, а впослѣдствіи при Романовыхъ (Никита Юрьевичъ—коломенскихъ помѣщикахъ. Ил. III), еще при Иванѣ III благоволившихъ къ соперникамъ англичанъ голландцамъ въ торговлѣ, у насъ врачи преимущественно голландскіе ученые. Говорятъ, будто врачевство всегда шло за торговлей. Также по счастливой случайности врачей брали именно изъ тѣхъ странъ, гдѣ врачебная наука шла впереди другихъ народовъ, хотя выборъ былъ и не перваго сорта, потому что мы искали практиковъ, а практика отставала отъ науки на сотню слишкомъ лѣтъ. Отсутствіе у насъ за все время выдающагося хирурга-иноземца легко объясняется, вопервыхъ, тѣмъ, что у насъ и своихъ толковыхъ хирурговъ было всегда достаточно, а во-вторыхъ, въ Европѣ ихъ считали много ниже врачей, а намъ пожалуйте непремѣнно либо воспитанника университета или знаменитаго прогремѣвшаго практика, вообще нашумѣвшаго. Потому нужны-то они были болѣе для показу. Потому они за 150 почти лѣтъ не ухитрились даже завести школу, уча, впрочемъ, кой-какихъ учениковъ частнымъ образомъ. Такъ что самому государству пришлось заводить ее. И, какъ кажется, сначала охотниковъ

учиться было немного. Дѣйствовало ли здѣсь предубѣжденіе на вѣроисповѣдной подкладкѣ или невысокій уровень учителей или другія неудобства, конечно, теперь трудно сказать. Но во всякомъ случаѣ то не была та громадная пропасть межъ новой и старой наукой, на одномъ краю которой не понималось, что говорилось на другомъ, какъ думали нѣкоторые. Что много позднѣе провело ту рѣзкую грань, за которой осталась, такъ некстати зовомая народной, медицина. Она просто старая остановившаяся наука. И народъ въ изобрѣтеніи ея ровно не причемъ.

Заговоривъ о законахъ, естественно остановиться на постановленіяхъ соборовъ и на стоглавѣ особенно. Еще въ 1550 г. присуждено при архіерейскихъ домахъ устроить школы, а по городамъ больницы, какъ въ кіевской еще Руси. Въ 17 главѣ стоглава (1556) читаемъ: «Царю, митрополиту и владыкамъ, достоитъ за всѣхъ старыхъ, за больныхъ по всѣмъ монастырямъ изъ своей казны вкладъ за нихъ давати» ... «да повелитъ царь всѣхъ больныхъ и престарѣлыхъ описать по всѣмъ городамъ, отдѣльно отъ здоровыхъ строевъ и въ каждомъ городѣ устроить богадѣльни мужскія и женскія, гдѣ больныхъ, престарѣлыхъ и неимущихъ куда голову подклонить довольствовать пищею и одеждою ... Чтобъ здоровые строи съ женами по богадѣльнамъ не жили» ... Эта-то послѣдняя строка и дала поводъ многимъ нашимъ историкамъ такъ настойчиво говорить о существованіи у насъ больницъ (Солов. VII, 375). Тогда какъ эти благочестивыя пожеланія, даже богадѣльни надолго еще остались одними лишь пожеланіями, а о школахъ иностранцы половины XVI и начала XVII в. прямо говорятъ, что ихъ и позднѣе совсѣмъ не было (Илов. III, 482). Съ другой стороны обычай больничнаго лѣченія не въ духѣ русскаго со временъ язычества, и больнаго стѣсняетъ и родныхъ обижаетъ. Здѣсь христіанское воззрѣніе совпало съ древне-языческимъ и потому особенно стойко держится и до сихъ поръ. Къ законоположеннымъ или лучше къ обычнымъ учрежденіямъ принадлежали убогіе дома, называемые прежде скудельницами, о которыхъ была рѣчь выше. Тамъ хоронились тѣла казненныхъ преступниковъ, людей умершихъ въ государевой опалѣ, также «который человѣкъ вина опьется, или удавится, или зарѣжется, или съ качелей убьется, или купаючись утонетъ, или самъ себя отравитъ, или какое дурно надъ собою учинитъ и тѣхъ при церкви Божіей не хоронити и надъ ними не отпѣвати, а велѣти класти ихъ въ убогихъ домѣхъ». (Опис. города Шуи, стр. 88). Описаніе сдѣлано во времена Грознаго. Къ числу такихъ же законоположеній, хотя временныхъ, принадлежатъ и мѣры, принимаемыя при чумѣ. Напр., въ 1568 г., какъ продолженіе

прежнихъ мѣръ, «а стражи тѣ поставлены стерещи отъ мору... а которые люди побѣгоша изъ града тѣхъ людей бѣглецовъ имаша и жгоша, а купцовъ и съ товарами» (Пск. и Новгр. лѣт.). Къ врачебной же полиціи отнесу и пресловутое, якобы первое судебно-врачебное, какъ его ославили, освидѣтельствованіе въ Россіи въ 1537 г. удѣльнаго князя Андрея Ивановича мастеромъ Феофиломъ. Конечно, въ собственномъ смыслѣ судебнаго акта здѣсь никакого не было, ничего не писалось и не осматривалось. при свидѣтеляхъ. Что сдѣлалъ Феофилъ—взглянуть и сказать—могъ сдѣлать любой бояринъ или архимандритъ, но тутъ сказалась ясно выраженная государственная надобность въ судебномъ врачѣ. Къ тому же подобныя посылки, далеко не впервые, бывали чуть не за обычай и при взрослыхъ царяхъ.

Наконецъ учрежденіе аптекъ. Издревле у насъ велась привозная торговля заморскими лѣкарствами, какъ у народа, обитавшаго на перепутьи межъ Азіей и Европой. Стало быть естественно были и особыя свѣдущія въ ней лица, т. к. были уже лѣчители. По мѣрѣ усложненія какъ лѣкарствъ, такъ и лѣченія, съ добавленіемъ туземныхъ, б. ч. растительныхъ и животныхъ средствъ, необходимо должны были увеличиваться и знанія продающихъ ихъ, а какъ наши лѣчители не составляли особаго замкнутаго сословія или части его, сами должны были готовить, тереть, варить и т. п. лѣкарства, то неминуемо послѣдовавшее сближеніе торговца съ цѣлителемъ, какъ представителей двухъ сторонъ одного дѣла, сдѣлалось такъ тѣсно, почти слилось, что люди не раздѣляли ихъ, величая общимъ именемъ лѣкарь. Ибо цѣлитель готовилъ лѣкарства, а торговецъ давалъ совѣты или лучше лѣчилъ мазями, мальханами, настойками своей работы, даже съ заговорами, а потомъ онъ же сталъ исключительно мастеромъ, т. е. учителемъ. Собственно аптека какъ собраніе приготовленныхъ уже, т. ск., вчернѣ лѣкарствъ, конечно, пришла къ намъ изъ Аравіи, мѣста своего рожденія, чрезъ Персію и Астрахань, гдѣ и доселѣ сохранился обликъ древняго аптекаря-москательщика-лѣкаря. Изъ Европы мы взяли лишь внѣшность. Поэтому у насъ издавна по необходимости былъ аптекарь, хотя лѣтописи начинаютъ говорить о нихъ съ XVI вѣка, когда упоминаютъ, по поводу ереси 1553 г., нѣкоего Башкина (антитринитаръ), литвина аптекаря Матюшку въ Москвѣ. Хотя онъ вовсе не игралъ никакой выдающейся роли, какую ему навязываетъ Германъ, въ ереси, а былъ простымъ отголоскомъ, общаго тогда намъ съ Литвой, вѣроисповѣднаго движенія. Кіевскій, напр., аптекарь переѣхалъ въ Варшаву еще въ X вѣкѣ. Конечно, много было тогда у насъ аптекарей и какъ торговцевъ, не оста-

вившихъ имя въ исторіи. Иностранные, напр., источники называютъ изъ пріѣзжихъ Ар. Клаузенда, Никол. Броуна, Беста, Ѳому Карьера 155⁷/₈ (ср. Соломонъ Кальверъ у Германа) и др. Первымъ же пріѣзжимъ основателемъ царской аптеки 1581 г. историки считаютъ Джемса Френчмана (Яковъ Остафичь), потому что сохранилась запись привезенныхъ имъ для царской аптеки лѣкарствъ. Это была частная царская недоступная, пожалуй, и не вполнѣ аптека, а скорѣе аптекарскій шкафъ, шкатула нѣкоторыхъ необходимѣйшихъ лѣкарствъ, хранителемъ которой былъ, какъ приказчикъ, Френчманъ. Къ тому же онъ скоро 1583 г. уѣхалъ, а полную, настоящую аптеку завелъ уже послѣ во второй свой пріѣздъ въ 1602 году.—Здѣсь же упомяну о новомъ, необходимомъ, впрочемъ, учрежденіи. Разъ завелось постоянное войско, стало сказываться неизбѣжно, какъ забота о немъ государства, и лѣченіе его. Такъ осажденныхъ во Псковѣ въ 1582 г. (Илов. III, 308) раненыхъ и больныхъ лѣчили на казенный счетъ, стало было кому. Лѣкарства можно было добыть въ самомъ Псковѣ.

Повальныя болѣзни. Подъ 1537 г. въ Новг. III лѣт. читаемъ: «Совершена была отъ мору (бубонная чума) церковь въ Дѣтинцѣ единемъ днемъ 15 октября. Въ 1543 (7051) г. бысть моръ великъ во градѣ Псковѣ и по волостѣмъ железою и въ годъ положиша въ скудельницахъ 25.000... мряху бо... младые, а старые Богъ соблюдаше». Это по словамъ Рихтера (Ист. Мед. I, 263), а въ Псков. I лѣт. отмѣченъ этотъ моръ 1553 (7061) г. съ новгородскимъ такъ: «1552 (7060) г. въ іюлѣ нача смертоносіе быти въ Вел. Новгородѣ и съ августа вельми сильнѣе; отъ Семена до Николина дни; особенно на священнический чинъ... 29 окт. 7061 умеръ архіеп. Серапіонъ, а умерло въ Новгородѣ съ волостями 279.594 человѣка (Новг. III лѣт.). — 1552 г. окт. 16 бысть въ Новѣгородѣ кличь о Псковичѣхъ, о гостѣхъ, чтобы всѣ они ѣхали вонъ, часа того и съ товаромъ съ какими нибуди; а поимутъ гостя псковитина на завтрѣе въ Новгородѣ съ товаромъ... ино его выведяше за городъ сжечи и съ товаромъ; а въ Новѣгородѣ вымутъ во дворѣ псковитина, ино дворника бити кнутомъ, а псковитина сжечи. И бысть застава на Псковской дорогѣ... И бысть во Псковѣ моръ великъ: и учася являтся въ тѣ поры въ Новѣгородѣ на Редятинѣ улицѣ и новгородцы того ради псковичь изъ Новгорода выслали вонъ и пристольцевъ» (Нов. II). А въ Пск. I, 308 разсказано, что выше подъ 1543 г. у Рихтера закончено: «и въ годъ положиша въ скудельницахъ 25.000, а по буямъ не вѣмъ колько числомъ». Никон. же лѣт. VII, умершихъ въ Новг. и въ пятинахъ опредѣляетъ въ 500.000. Тотъ же моръ 1553—54 (7061) г. когда не стало владыки Серапіона

Рихтеръ, взявъ изъ Царств. кн. 330, ставитъ подъ 1561—62 г. Въ 1552 (7060)... и по грѣхамъ пришла немочь великая (въ г. Свіягѣ) на государевы люди цынга и язва, многіи и померли и мрутъ и больны лежатъ ... (Никон. лѣт.). Въ 1552 г. при взятіи Казани (когда у осажденныхъ была перехвачена вода)... начаша воду копати и не обрѣтоша, но только малъ истокъ докопашеся смраденъ и до взятія взимаху воду съ нужею отъ тоѣ же воды болѣзнь бяще въ нихъ, пухли и умирали съ нея (Никон. лѣт.). Между обѣими записями очевидная связь. Мы въ Свіягу занесли моръ изъ Казани. У насъ о цынгѣ упоминается впервые, но нѣтъ сомнѣнія, что при тогдашнемъ способѣ осады городовъ, она господствовала часто просто подъ именемъ мора. Въ этомъ же столѣтіи къ нему часто присоединялись и чумные припадки, разносимые особенно удобно воинами съ добычей и пр. Такъ что чума сдѣлалась будто нашей мѣстной болѣзнію, т. е. часто свирѣпствовала, когда кругомъ было отъ нея чисто. Вообще воинство тогда нужно считать чуть ли не главнымъ разносителемъ ея. Въ 1558 году бысть гладъ по всѣмъ Московскимъ городамъ и по всей землѣ, а больше Заволжье все ... и зиму было студено. Много злѣ скончашеся (Никон.)... въ Крыму лютые морозы, сухое лѣто, выгорѣло сѣно, страшный падежъ, а на людей моровая язва — осталось 10.000 всадниковъ (Илов., Рус. Арх. 1889). Подъ 1558 годомъ отмѣчена въ Астрахани лепровая язва. Въ 1563 году за взятіемъ послѣ долгой осады, въ Полоцкѣ бысть моръ и много людей мерло (Пск. I лѣт.). Конечно, тифъ и пожалуй цынга. — 1566 г. Съ осени чума въ Полоцку много людей вымерло и былъ моръ до Николина дни до осенняго, да престалъ и на весну пріиде моръ въ Озерище городокъ и вымерло много, мало осталося; потомъ пріиде моръ на Луки и въ Торопецъ и Смоленскъ и по многимъ мѣстамъ гнѣвъ Божій былъ великъ (Пск. I). Въ 1567 г. былъ въ Вел. Новгородѣ отъ Госпожина заговѣнія до Николина осенняго дни и долѣе, такоже и по селамъ и въ Старой Руссѣ; а во Псковѣ начали мерети тое же осени ... а стражи тѣ поставлены (сент. 7076) стерещи отъ мору (Пск. I). Лѣта (7075) 1566 сент. въ 1 день въ Можайку, на Добрѣйскомъ яму явилось лихое повѣтріе, умирали люди знаменіемъ ... велѣлъ и заставу и сторожу кругомъ того мѣста учинити крѣпкую ... того-жъ лѣта въ тѣхъ мѣстахъ, то лихое повѣтріе утишилось ... Сентября 10 дня ... архіепископъ писалъ ко государю ... что въ Великомъ Новѣгородѣ появилось лихое повѣтріе на шестнадцати улицахъ, люди умираютъ знаменіемъ и бысть въ Новѣгородѣ и пятинахъ 8 мѣсяцевъ ... утишилось мая 1-го. Того-жъ сент. 15 день писали изъ Смоленска владыка Се-

мiонъ да бояринъ П. В. Морозовъ, что сент. появилось лихое повѣтрiе въ г. Смоленскѣ и на посадѣ многiе люди умираютъ знаменiемъ и въ уѣздѣ... и было то посѣщенiе съ сент. по мартъ служилыхъ же людей... по уѣзду Богъ... сохранилъ. Сiе же посѣщенiе Божiе напамятухи не помнятъ, что прежъ того задолго лѣтъ въ Смоленску не бывало (Рус. Ист. Биб. 1876, III, 282). 7080 (1572) окт. 29 въ Новгор. кои люди есть на нихъ знамя смертоносное у церкви погребати не велѣли, а велѣли ихъ выносити вонъ за городъ... по Волхову внизъ за шесть верстъ... и поставили по улицемъ заставу и сторожей: въ которой улицѣ умретъ человѣкъ знаменемъ и тѣ дворы зацирали и съ людьми и кормили тѣхъ людей улицей и отцамъ духовнымъ покаивати тѣхъ людей знаменныхъ не велѣли, а зачнетъ который священникъ тѣхъ людей каяти бояръ недоложа ино тѣхъ священниковъ велѣли жещи съ тѣми же людьми больными (Нов. II лѣт.). Какъ видно, въ лѣтописи заносились лишь выдающiяся повалки, чума, военные тифы и цынга, что не исключаетъ, конечно, существованiя обычныхъ огневокъ, кровавыхъ и дѣтскихъ поносовъ и т. п.

Частныя болѣзни начнемъ замѣткой Новгор. III лѣт. подъ 1542: И мѣсяца августа на Великой Варяжской улицѣ родися дѣтище о дву главахъ и о четырехъ ногахъ. Въ 1553... посѣти немощiю православнаго царя нашего прiиде огнь велiй, сирѣчь огневая болѣзнь (Царств. кн. М. 1769). Смерть нестараго еще царя Ивана Васильевича описывается въ общихъ чертахъ... «тѣло его заживо зача гнити и пухнути...» Это была послѣдняя картина страданiй печени и переносовъ въ другiе внутреннiе органы, если справедливо заключенiе Я. А. Чистовича, что державный больной издавна страдалъ психически на нервной подкладкѣ, усиливаемой невоздержанной жизнью. Историки говорятъ, что у царя былъ сифилисъ. Идеи преслѣдованiя изъ-за 300 лѣтъ ясно проглядываютъ. Въ 1573 г. въ Новг. II лѣт. отмѣченъ падежъ лошадей и рогатаго скота за знойнымъ (iюль) лѣтомъ.

Иноземцевъ, особенно англичанъ, писавшихъ о Грозномъ царѣ и о Россiи при немъ, было много. Потому что въ Россiи стало безопасно, главнѣе же оттого, что желая завязать полезныя связи, иноземцевъ ласково принимали, давали большiя льготы и пр. Изъ цѣлаго ряда укажу по времени лишь на Ченслера, Дженкинсона, Геклюйта, Гваньини (1560), Рандольфъ, Ульфельдъ, Кобенцель, Поссевинъ, Горсей (съ 1573 узнавшаго Россiю) и наконецъ пресловутаго Флетчера. Они-то и произвели цѣлую кучу недоброжелательныхъ сказокъ о Россiи, т. к. во-первыхъ, доступъ имъ былъ почти вездѣ далеко не легокъ, по несходству нравовъ, высокомѣрiю, вза-

имному незнанію языка, буквальному непониманію нашей жизни, отъ той почетной охраны, близкой къ тюрьмѣ, которою окружали напр. пословъ, наконецъ иновѣрецъ былъ для народа некресть, да еще притомъ въ большинствѣ ненавидящій Россію. Для яснаго пониманія нашихъ списатей взглянемъ вкратцѣ, что представляла тогда Англія, т. е. при королевахъ Маріи и Елисаветѣ. То былъ сильный разгаръ религіозныхъ столкновеній, не смотря на то, что образованность была выше русской, даже женщины изучали классиковъ. При Маріи жгли сотнями протестантовъ, Елисавета, со временъ Маріи Стюартъ, начинаетъ жестоко преслѣдовать католиковъ. За вѣроломное варварское избіеніе цѣлыхъ поселеній ирландцевъ Елисавета шлетъ почетную награду Эссексу, виновнику избіенія. Тѣмъ не менѣе пуританскіе проповѣдники продолжали кончать свою жизнь на кострѣ. Члены парламента мрутъ по тюрьмамъ. Для королевы все и вся забирается у торговцевъ чуть не даромъ, а въ то-же время изъ трехъ кораблей, привезшихъ впервые въ Европу негровъ-невольниковъ, два принадлежали королевѣ, у коей было въ ходу тысячи роскошнѣйшихъ костюмовъ; въ ея комнатахъ все падало ницъ, даже въ отсутствіи ея. Вѣра въ вѣдьмъ, за обычай часто сожигаемыхъ, вѣра въ злыхъ духовъ, въ волшебство, въ амулеты, камни, оборотней и всевозможныя суевѣрія были общимъ удѣломъ даже высшихъ сословій, не исключая Шекспира, Спенсера, Тусара и др. великихъ ученыхъ. Король Яковъ I написалъ даже обширную Демонологію. Астрологія и алхимія затѣняли всѣ науки. При королевѣ состоялъ любимецъ, знаменитый астрологъ докторъ Ди. Она его предлагала Годунову, а сынъ его, тоже Джонъ Ди, такой же астрологъ, былъ потомъ придворнымъ врачемъ Михаила Ѳедоровича. Въ 1569 судъ несостоятельныхъ, возставшихъ католиковъ, прямо рѣшилъ всѣхъ повѣсить, а у всѣхъ состоятельныхъ отписалъ все имущество въ пользу казны. Зачастую сѣкли, обрѣзывали уши, языки, выдергивали ноздри, клеймили каленымъ желѣзомъ, вѣшали и т. п.; пытали всѣхъ, начиная съ лордовъ. Положеніе заключенныхъ было невыносимо. Всеобщая бѣдность, страшная дороговизна, трактиры, кишащіе наемными, чуть ни за грошъ, убійцами, коихъ вѣшали каждодневно чуть не сотнями, вся торговля велась въ высшей степени нечестно. Крестьяне жили въ мазанкахъ, едва питаясь, а роскошь ихъ баръ росла до неслыханныхъ размѣровъ, хотя и не употребляли еще вилокъ за столомъ. Пьянство было въ большомъ ходу. На медвѣжьи бои съ людьми королева приглашала посланниковъ, какъ на изящное развлеченіе. Тиранство, жестокость и невѣжество учителей было всеобще. Языческіе празднества и обычаи господствовали, а отношенія къ ирланд-

цамъ породили въ нихъ ту вѣковую ненависть, коя не прекратилась и до сихъ поръ.— И вотъ изъ такой-то жизни и такихъ нравовъ были наши нравоописатели, надменные притомъ ко всѣмъ и всему своими побѣдами испанцевъ и всемірной торговлей. И они даже отдавали преимущество нашему правосудію. Не буду останавливаться на касающихся врачества описаніяхъ всѣхъ этихъ путешественниковъ, упомянувъ лишь о нѣкоторыхъ, т. к. всѣ-то они мало достовѣрны. Напр. собиратель сказокъ Гваньини, который увѣрялъ, что всякій русскій легко справляется въ рукопашную съ медвѣдемъ, поднимая его за уши вверхъ, и притомъ питаясь лишь ложкой толокна въ день. Онъ для насъ любопытенъ потому, что современный намъ врачъ-писатель увѣряетъ, что составитель одной нашей рукописи Троицко-Сергіевской лавры «Исторія Государства Россійскаго», внесъ въ нее дословно изъ Гваньини нѣсколько касающихся врачевства мѣстъ. До сихъ поръ обвиняли лишь Карамзина въ заимствованіяхъ изъ Флетчера, а теперь дошла очередь и до монаховъ. Лѣтопись же писана, кажется, на пергаментѣ; а не принятъ въ разсчетъ обратный, болѣе возможный случай. Какъ напр. достовѣрно извѣстно, что Павелъ Іовій писалъ со словъ Дмитрія Герасимова. Одерборнъ описалъ нѣкоторые припадки чумы, но по наблюденіямъ въ Польшѣ Дженкинса, видѣвшаго будто по всѣмъ дорогамъ чумные трупы и др. Къ болѣе толковымъ и болѣе обширнымъ нашимъ описателямъ относятся б. ч. путешественники, не заставшіе уже Грознаго въ живыхъ. Одинъ Еремѣй Горсей бывалъ въ Россіи съ 1573 г. посломъ по дѣламъ англійской торговой компаніи, а потомъ и служилъ въ Россіи при Ѳедорѣ Ивановичѣ. Но стоитъ только открыть главный трудъ этого плодовитаго о Россіи писателя, чтобы натолкнуться на полное незнаніе ни русской исторіи, даже что было на его глазахъ, множество невѣроятныхъ выдумокъ, и малограмотность (еще Юр. Толстой 1859 доказалъ это) и полное непониманіе того, что видѣлъ и слышалъ. Напр. Грозный, сынъ Василія Андреевича, женится 12 лѣтъ, коронуется послѣ покоренія Казани и Астрахани, при помощи татаръ отнимаетъ Полоцкъ, Смоленскъ? и др., съ татарами же устилаетъ трупами всю Ливонію, рѣжетъ всѣхъ въ русской Нарвѣ и до 700,000 въ Новгородѣ, Псковъ спасается лишь юродивымъ Николою. Межъ тѣмъ противъ царя тьма заговоровъ, а Чигалей-Мурза (т. е. Девлетъ Гирей-Крымскій) жжетъ Москву, страшно въ ней варварствуетъ; наше духовенство съ боярами замышляютъ убить царя, зато архіереевъ травятъ дикими звѣрями. Вымыслы и лживость его (слова не мои), возрастая по мѣрѣ приближенія къ концу царствованія Грознаго, достойно завершаются

немыслимой картиной послѣднихъ минутъ царя, полныхъ помимо лжи, несообразностей и страшнымъ самохвальствомъ. Во всемъ разсказѣ нѣтъ живаго слова. Тѣмъ не менѣе г. Германъ отъ души ему повѣрилъ и подарилъ русскаго читателя переводомъ этой чепухи. Болѣе толковый докторъ правъ Флетчеръ, бывшій въ Россіи въ 1588 г., составилъ, говорятъ, будто дѣльное описаніе Россіи, хорошо написанное, но и оно не безъ промаховъ, и притомъ на подкладкѣ недовольства пріемомъ, оскорбленнаго т. сказ. самолюбія. Главный же недостатокъ, что его работа писана со словъ или записокъ того же недостовѣрнаго Горсея, и потому не смотря на нѣкоторые научные пріемы, все-таки попадаются глупыя басни вродѣ приведенной Германомъ въ его брошюрѣ, что царю посовѣтовалъ кто-то лѣчиться укусами блохъ, онъ обложилъ какъ оброкомъ цѣлую волость этимъ сборомъ и за невзносъ взыскалъ 70,000 рублей. Не знаешь, чьему легковѣрію удивляться — Флетчера или Германа.

Царствованіе Өедора Ивановича (1584 † 1598).

Болѣзненный тѣломъ и духомъ, по историкамъ, царь, конечно, мало вмѣшивался въ дѣла, предоставляя править думѣ чисто въ мирномъ духѣ, осторожно воздерживаясь отъ политики приключеній, пока Россія изнеможденная отдыхала отъ бурь и напряженія прошлаго царствованія. Но у бояръ были партіи. И пока въ 2—3 года Годуновъ не одолѣлъ бояръ, управленіе конечно было неустойчивое. Государство собиралось съ силами. Такъ что и во врачебномъ дѣлѣ за всѣ 14 лѣтъ покойнаго царствованія, вѣроятно, мало что измѣнилось, т. к. источники чрезвычайно мало сохранили о томъ. Съ другой стороны, т. к. управленіе было въ рукахъ Годунова, то веденіе врачебнаго дѣла почти сливается въ направленіи съ царствованіемъ Бориса. Сначала, разумѣется, заботы о наслѣдникѣ Өедору будто заботятъ Бориса, хотя нѣкоторые подозрѣваютъ, что это было вовсе не въ его цѣляхъ. По смерти Грознаго врачи его, Якоби съ др. и аптек. Френчь распущены; взяли врачемъ итальянца Павла Читтадини. Когда и по чьей рекомендаціи взятъ онъ, не сохранилось свѣдѣній. Карамзинъ, т. X, стр. 461, даже составляетъ его фамилію отъ ситойенъ гор. Милана. Знаемъ лишь по письму французскаго короля 1595 г., просившаго отпустить его за 10-ти-лѣтнюю службу. Его не отпустили 1600 г. (въ бумагахъ Флорен. посол. Карамз. ibid. Сб. И. Р. И. Об. 1882, т. 38, 403) отговоркой, что онъ женился и старъ для дороги. Вѣроятно умеръ въ Россіи. Но вѣрно онъ не былъ силенъ въ своемъ искусствѣ въ данномъ случаѣ

(какъ врачъ женскихъ болѣзней), хотя Іохеръ и говоритъ, что онъ былъ профессоромъ въ Фрейбургѣ и называетъ всѣхъ 3 (Генриха и Антонія) братьевъ врачами. Пришлось обратиться въ Англію за ученой акушеркой; но королева прислала 1586 знакомаго уже Роберта Якоби, снабдивъ его и на этотъ разъ рекомендаціями, какъ отличнаго знатока женскихъ болѣзней, да въ придачу повивальную бабку. Якоби приняли съ почетомъ, но вѣроятно скоро отпустили этого больше дипломата, чѣмъ врача. Бабку же, продержавъ больше года въ Вологдѣ, отправили 1587 назадъ, не допустивъ до Москвы. Остались опять при Читтадини. Въ 1592 Годуновъ хвалится въ отвѣтѣ англійской королевѣ, предлагавшей врача, что царица, его сестра, родила дочь (скоро впрочемъ умершую), и объявляетъ, что всѣ прибывшіе врачи будутъ приняты милостиво. Запомнимъ кстати, что Дмитрій царевичъ убитъ 15 мая 1591 г. Дѣло въ томъ, что для защиты дѣлъ англійской торговой компаніи, королевѣ нужно было имѣть при русскомъ дворѣ вліятельное лицо. И вотъ подъ предлогомъ того же безплодія и будто со словъ купцовъ о желаніи имѣть англич. врача, королева шлетъ врача дипломата, своего лейбъ-медика, вышесказаннаго Марка Ридлея (1594 до смерти царя Ѳедора), учившагося въ Кембриджѣ. Онъ ничѣмъ врачебнымъ, кромѣ ходатайства за англійскихъ купцовъ себя не выказалъ, не составивъ даже описанія предсмертной болѣзни царя Ѳедора. Такъ что мы о ней ничего не знаемъ. Хотя достовѣрно знаемъ, что у иноземныхъ врачей царь Ѳедоръ Ивановичъ никогда не лѣчился, хотя и допускалъ ихъ для царицы, т. к. аптеки во дворцѣ за его время не было. Думаемъ, впрочемъ, что недугъ имѣлъ корень въ наслѣдственности, т. к. сравнительно необременяемый правленіемъ и походами этотъ хилый монахъ на престолѣ, по историку, хотя и былъ однажды на войнѣ, умеръ около 40 лишь лѣтъ.

Повальныя болѣзни. Рихтеръ (Ист. Мед. I, 318), ссылаясь на Никон. и Пск. I лѣтописи, отмѣчаетъ чуму за все царствованіе Ѳедора — 1584—98. Между прочимъ въ этихъ сказаніяхъ мы читаемъ подъ 1592 г.: «Бысть моръ во Псковѣ (и по засадамъ и на Иванѣ городѣ Пск. I, 321) великъ язвою и почало мереть съ весны и до осени... Пск. I, Снигирев. списокъ 345». По Никон. лѣт. VIII, 32: «Въ то же время (при Ѳедорѣ царѣ — безъ года) бысть во Псковѣ и вывангородѣ моръ велий едва не многіе люди осташася, потомъ же приведоша изыныхъ городовъ людей и наполниша Псковъ». Очевидно говорится объ одномъ и томъ же морѣ. Самъ Рихтеръ, тамъ же, стр. 149 (а не 143), указываетъ 1584 и 1598 г. Нужно думать, что и здѣсь онъ ошибся, т. е. годъ 1592, потому что къ 1592 году онъ относитъ и заставы въ Ржевѣ отъ мору, называя ихъ пер-

выми, что конечно не точно, т. к. мы ихъ видѣли на Добрѣйскомъ ямѣ у Можайска въ 1566 г. и потомъ во Псковѣ и Новгородѣ.

Изъ частныхъ случаевъ мы знаемъ, но и то болѣе въ судебно-врачебномъ отношеніи, лишь объ отравленіи въ Астрахани вѣдунами крымскаго царевича Мурадъ Гирея и разслѣдованіе причины смерти Дмитрія царевича. Въ первомъ (Ник. VII, 13 и Лѣт. о мятеж. 15) по Рихтеру, будто полное судебно-врачебное изслѣдованіе даже со врачемъ — нѣкимъ арабомъ, астраханскимъ практикомъ. Очень много въ дѣлѣ тогдашняго суевѣрія, будто изъ царевича и его женъ вѣдуны выпили всю кровь, пытаемые они выкинули всю кровь и показали, какая именно кровь царевича, гдѣ его женъ... Если же мы примемъ въ разсчетъ, что Мурадъ былъ старшій братъ (стало быть имѣвшій больше правъ на престолъ) нашего злѣйшаго врага крымскаго царя Казы Гирея, чего ради Мурада дружественно приняли и держали, какъ всегда готоваго претендента. Неудивительно, что вышесказанные вѣдуны и отравили его съ семьей. Только напрасно Германъ всѣ эти суевѣрія называетъ нашими. То были татары. Положимъ иноземцы въ родѣ Еремѣя Горсея увѣряли, что и Борисъ Годуновъ гадалъ у волхвовъ, и будто Ивану Грозному собрали чуть не всѣхъ лапландскихъ знахарей предъ смертію. Но все это, по моему, должно остаться на совѣсти сочинителей и легковѣрныхъ историковъ. У насъ вѣрили одному, что есть люди знакомые съ наукой о ядахъ — лихихъ зеліяхъ. И все изслѣдованіе о Мурадѣ напоминаетъ простой полицейскій розыскъ. Какъ равно и въ розыскѣ объ убіеніи Дмитрія царевича, при которомъ едва-ли и былъ врачъ, шелъ разговоръ о причинѣ или лучше о способѣ смерти, т. е. было ли убійство или самоубійство. Но онъ рѣшенъ свидѣтельскими показаніями, къ тому же м. б. пристрастными, а не точнымъ анатомическимъ изслѣдованіемъ, которое, прибавимъ, тогда было невозможно и въ Европѣ.

Однако, 14-лѣтній покой не могъ не отозваться и безъ всякихъ узаконеній на движеніи мысли, а стало и врачебной. У насъ появились или лучше обозначились старые лѣкаря-травщики. Изъ чего вывожу, что слово лѣкарь обозначало мастера, т. е. учителя въ отношеніи къ ученику. Кромѣ того, появился въ 1588 г. переводъ третьяго нашего лѣчебника, т. наз. Бутурлинскаго (о немъ смотри подробно въ моей особой работѣ «Русскіе Врачебники» 1896 г.). Какъ первый нашъ Травникъ (помимо Строгановскихъ лѣкарствъ) переведенъ съ нѣмецкаго перевода латинскаго подлинника, думаю, славяниномъ, именно чехомъ, и 1-е сокращеніе его въ 1534 году, такъ въ 1588 г. переведенъ съ польскаго сокращенія латинскаго подлинника, передѣланнаго и дополненнаго изъ другихъ. Очень м. б., что все

это сдѣлалъ Спичинскій, составитель извѣстнаго польскаго лѣчебника, а не русскій. Перевелъ же съ польскаго другой славянинъ, домашній врачъ Бутурлина, Станческій. Этотъ переводъ невольно наводитъ на сближеніе его съ тогдашнимъ духовнымъ міромъ. Какъ первый Травникъ переведенъ велѣніемъ митрополита Макарія, такъ и этотъ митрополита же (съ 1586 г.) Іова, будущаго 1-го патріарха (въ 1589 г.). За это говоритъ и возможность врачебныхъ совѣтовъ царю, который не довѣрялъ иноземцамъ, и чтобъ составить, т. ск., себѣ имя чѣмъ-либо выдающимся, чтобы легче вступить на патріаршій престолъ, какъ лицу, выдвинутому Годуновымъ. Бутурлинъ Ѳома тоже выдвинутъ Борисомъ. Отцу Бутурлина Афанасію, какъ стороннику Шуйскихъ, Иванъ Грозный 1545 г. приказалъ отрѣзать языкъ, послѣ чего ему и семьѣ покровительствовалъ Годуновъ, м. б. и изъ какихъ-либо разсчетовъ. Іову, узнавшему про Станческаго, какъ годнаго для перевода, не трудно было надоумить, а м. б. и помочь Ѳомѣ Бутурлину взяться за дѣло не своего ума. Патріархи же наши почти всѣ славились любовью и покровительствомъ врачевству. Гермогенъ, Никонъ, Адріанъ, Іоакимъ оставили даже писанныя тому доказательства. Конечно, я не могу доказать, но вполнѣ увѣренъ въ этой связи перевода съ вліяніемъ церкви. Въ жизни и отношеніяхъ врачебнаго сословія не могло произойти никакихъ крупныхъ измѣненій, а новыхъ узаконеній не было.

Объ иностранцахъ, писавшихъ о Россіи, по единству правящей тогда у насъ воли, буду говорить въ концѣ слѣдующаго царствованія, а здѣсь лишь укажу ихъ. Частію тѣ-же Флетчеръ, Горсей (единственно достовѣрное описаніе его — коронація царя Ѳедора), Давидъ, Петрей и др.

Царствованіе Бориса Ѳедоровича (1599 † 1606).

Так. об., мы видимъ, что научное во врачебномъ дѣлѣ движеніе, начавшись съ освобожденіемъ отъ татаръ, шло постепенно, вѣроятно, приравниваясь къ общему. За время опричины оно, конечно, остановилось, а съ Ѳедоромъ Ивановичемъ и въ началѣ царя Бориса, когда уже было Спасское училище, снова двинулось, но потомъ, разумѣется, опять остановилось уже вплоть до Романовыхъ. Съ большимъ вѣроятіемъ можно предполагать, что въ началѣ Борисова царствованія, кромѣ выше сказанныхъ травниковъ, появились переводы «Водника» Іеронима Брауншвейгскаго и Аристотелевы «Проблемата». О нихъ мы скажемъ подробно при обозрѣніи рукописныхъ врачебниковъ слѣдующаго вѣка. Здѣсь упомяну лишь, что они тогда были вполнѣ научны. Распространеніе ихъ могло быть задер-

;ано послѣдующими долгими смутами. Кстати, упомяну здѣсь и о первой усской ариѳметикѣ (Карамз. X, 435) съ греческаго, а по русски «цыирная счетная мудрость». Тамъ читаемъ о составѣ человѣческомъ... есть убо человѣкъ, яко же повѣдаютъ, на главѣ имѣя три швы и на глы составлены; женская же глава имѣетъ единъ шовъ, кругомъ обходя лаву: да по тому знаменію и въ гробѣхъ знаютъ, кая мужска, кая ли енска. Есть чело, еже аще велико есть, то знаменуетъ, яко премудръ азумъ имать» и пр. Утвердившись на престолѣ, Борисъ, покровительтво котораго наукамъ и иноземцамъ такъ прославляется, отпустилъ, коечно, врачей предыдущаго царствованія и послалъ себѣ за другими. За олгое правленіе онъ присмотрѣлся, что англійскіе врачи скорѣе диплоаты, голландцамъ, какъ видѣли, благоволилъ непріятный ему родъ Ромаовыхъ, къ тому же и торговыя выгоды съ Любекомъ такъ слагались, да нѣмцы были ближе. Вотъ и выписали изъ Любека да съ дороги туда. Iрежде же того всѣхъ выведенныхъ Грознымъ изъ Ливоніи плѣнныхъ, іежду которыми были, безъ сомнѣнія, и врачи, Борисъ одарилъ и пристроилъ. Нашлось мѣсто и врачамъ не славнымъ — была наемная иноемная гвардія. Кромѣ того, царь носился съ мыслію устроить въ Москвѣ университетъ съ иноземными, конечно, преподавателями, но духовенство общественное мнѣніе (Илов. III, 363) положительно все возстало противъ послѣднихъ, говоря «время еще не приспѣло». Между тѣмъ въ условіяхъ, на которыхъ предлагался, 5 лѣтъ спустя, престолъ, читаемъ: «о безпрепятственномъ выѣздѣ за границу для науки». Даже самъ Борисъ, не особенно, вѣроятно, довольный вывезенными или вообще трудностію вывоза, посылалъ 18 молодыхъ русскихъ дворянъ учиться. И не въ Грецію, какъ встарь, или Молдавію (Соловьевъ), и не въ Италію, какъ потомъ, а впервые «въ нѣмцы». На нихъ стала мода, какъ на польск. учителей и врачей при Алексѣѣ Михайловичѣ, хотя въ самой Польшѣ образованіе сто лѣтъ назадъ было ниже русскаго. Пять изъ нихъ въ Любекъ, а троихъ на службу въ Швецію. Соловьевъ (VIII, 39 и IX, 123, 186, 191) говоритъ, что въ Англіи двое перемѣнили вѣру, одинъ изъ нихъ сдѣлался попомъ, а другой секретаремъ у Карла въ Ирландіи, двое уѣхали въ Индію. Извѣстно, что одинъ былъ переводчикомъ у Делягарди. Стало быть вернулся. М. б. изъ любекскихъ и былъ врачебный ученикъ. Всѣ за одно съ Рихтеромъ увѣряютъ, что изъ нихъ никто не вернулся, потому что тамъ было лучше, чѣмъ у насъ. Забывая, что въ смутное время м. б. и всѣ вернулись, но потонули въ водоворотѣ событій, не оставивъ историческихъ слѣдовъ. Нужно быть совсѣмъ иноземцемъ, чтобы не замѣтить

основной черты русскаго — любовь къ дому. А какъ хорошо было тамъ — за границей — мы высказали выше при обзорѣ Англіи, по образованію шедшей впереди чуть не всѣхъ народовъ.

Прежде возвращенія Бекмана 1600 г., царь Борисъ перезвалъ къ себѣ венгерца врача отъ Лія, англійскаго посланника, 1601 г. Христофора Ритлингера, которому, по удостовѣренію Лія, и дохтурская грамота (дипломъ т. к. онъ не былъ д-ръ мед.) дана Борисомъ; потомъ Бекманъ привезъ изъ Любека Генриха Шредера и Іогана Гилькэ лифляндца. За ними пріѣхалъ изъ Риги же, предлагавшій себя 1601 г., прусакъ Каспаръ Фидлеръ съ аттестатами римскаго императора, французской королевы и герцога Курляндскаго (по Рихтеру, это лучшій изъ всѣхъ врачей Бориса); наконецъ послѣ долгихъ переговоровъ, справокъ 1603 г. прибылъ и знаменитый любекскій практикъ Давыдъ Іоганъ Васмеръ. Всѣ они нанялись на 7 лѣтъ, выторговали отличное содержаніе и свою церковь, т. к. сродичъ Бекманъ неустанно хлопоталъ за нихъ. Буссовъ, напр., насчитываетъ до 10 разныхъ лошадей каждому, на всемъ готовомъ съ экипажами, огромное содержаніе натурой, кромѣ суточныхъ столовыхъ денегъ и 200 р. жалованія, роскошныхъ подарковъ. И будто Борисъ всегда держалъ ихъ въ приближеніи, въ числѣ первыхъ своихъ совѣтниковъ. Конечно, тутъ кой-что и прибавлено, но не забудемъ, что по убіеніи Ѳеодора Борисовича народъ разграбилъ прежде всего иноземныхъ докторовъ. Дальнѣйшая участь стараго 30-лѣтняго практика Ритлингера неизвѣстна; Васмеръ оставался еще у царя Василія; Фидлеръ царемъ Василіемъ же былъ посланъ за деньги съ ядомъ отравить 2-го самозванца, но передался Болотникову, вытерпѣлъ осаду Тулы и сосланъ въ Сибирь; а Гилькэ и Шредера (не были д-ра) видимъ даже потомъ въ полкахъ Михаила Ѳеодоровича. Рихтеръ и Германъ распространяются о чести и учености этихъ врачей, увѣряя, что это были лучшіе люди своей страны, я же думаю, что болѣе компетентный историкъ Соловьевъ болѣе правъ, называя ихъ худшими, отбросами европейскаго общества. Ихъ то, вѣроятно, и посылалъ Борисъ и подъ Кромы (Илов. Сам. 32) въ лагерь съ лѣкарствами отъ дизентеріи, тифа и пр. и къ раненому воеводѣ Большаго полку у Новгородъ-Сѣверска боярину Мстиславскому (ib. 29).

Тѣмъ не менѣе, честя [1]) своихъ врачей, Борисъ ни отъ одного изъ нихъ не принималъ внутрь лѣкарства. Отсюда, впрочемъ, еще далеко до трепета за свое здоровье на каждомъ шагу, какъ узналъ гдѣ-то Германъ

[1]) Еще Котыревъ Ростовскій укорялъ Бориса за пристрастіе къ врачамъ (Илов. IV, 282).

про Бориса Θедоровича. Всѣ наши цари, да и все общество, позволяли лишь снаружи лѣчить себя, т. к. и врачи то больше были хирурги, а народъ, по сказаніямъ же иноземцевъ, избѣгалъ врачей иноземцевъ, лѣкарства ихъ внутреннія звалъ погаными, особенно изъ царства животныхъ, считая прямо грѣхомъ принимать ихъ. Можетъ быть, какъ не прирожденный царь, Борисъ и больше другихъ остерегался, за что говоритъ крестоцѣловальная ему запись... «надъ Государемъ лиха не учинить ни въ ѣдѣ, ни въ питьѣ, ни въ платьѣ, ни лихаго зелья и коренья, ни по вѣтру, слѣдовъ не вынимать» (Ил. III, 362); но и въ этомъ суевѣрномъ взглядѣ виноватъ вѣкъ. Да и снаружи Борисъ нерѣдко прибѣгалъ, помимо ихъ, къ своимъ туземныхъ врачамъ. Онъ, какъ извѣстно, страдалъ подагрой и въ одинъ изъ ея припадковъ велѣлъ даже кликнуть на базарахъ, не найдется ли кто полѣчить его. Кто-то вызвался и за облегченіе получилъ 100 р. награды (Карамз.). Буссовъ иноземецъ сдѣлалъ изъ всего этого громадную басню, а Германъ ей отъ души повѣрилъ и дополнилъ ею свою брошюру, собранную изъ такихъ же достовѣрныхъ разсказовъ. Онъ забылъ даже, что наградить боярина 18 душами было бы тогда обидой, а не наградой. Производить въ лѣкаря Борисъ едва-ли бы сталъ, хотя бы и за собственное излѣченіе — это право, а не почетъ, какъ докторскій дипломъ. Эразму Беноки (кандидатъ мед. изъ Праги—Бековъ), м. б. Борисъ и далъ докторскій дипломъ. Но не онъ ли и тотъ южнонѣмецъ, который помогъ царю отъ подагры и будто сдѣланъ врачемъ. Благо есть указанія въ нашихъ источникахъ, что вызвавшійся лѣчить царя былъ иноземецъ. Кромѣ вышесказанныхъ пріѣзжали многіе, но подозрительность мѣшала принять ихъ. Такъ, Томасъ Вильсъ (Тимофей Виллисъ) задержанъ и допрашиваемъ былъ дьякомъ Щелкаловымъ, благо при докторѣ не оказалось ни лѣкарствъ, ни книгъ: «Какъ ты болѣзни познаешь по жиламъ или по водѣ?» И не смотря на всѣ увѣренія, Тимофея отправили назадъ въ Англію. Конечно, во всемъ этомъ виновато чисто политическое соображеніе и подозрительность, до врачебнаго дѣла не касавшіяся. Упоминаю объ этомъ лишь для того, чтобы показать уровень врачебнаго пониманія тогдашнихъ образованныхъ людей, которые стало быть различали врачей уринаріевъ (искусство и къ намъ еще ранѣе завезенное, но плохо привилось нашему врачу полузнахарю), какъ звали ихъ встарь въ Европѣ, отъ другой, т. ск., школы врачей, кладущихъ въ основу пульсъ. Обѣ онѣ рѣзко въ Европѣ (никогда у насъ) различались и послѣднихъ считали болѣе научными.

Набравши врачей, царь Борисъ завелъ или поддерживалъ уже быв-

шую аптеку. Къ 1601 г. относится вторичный пріѣздъ (добровольный) и съ лѣкарствами Якова Остафьева Френшмана (Джемса Френча), бывшаго въ Россіи еще при Грозномъ. А съ аптекой занадобился и Приказъ. Въ существованіи его тогда, конечно, не въ томъ видѣ, какъ при Романовыхъ, убѣждаетъ запись въ Писцов. кн. Вяземскаго уѣзда (Лихачевъ Разрядн. дьяки XVI вѣка, 70). А Маржеретъ прямо называетъ Аптекарскимъ Бояриномъ при Борисѣ близкаго довѣреннаго человѣка Семена Годунова и ставитъ его по значенію сейчасъ за конюшимъ. Дѣйствительно, лицо близкое, исполнитель тайныхъ казней; только напрасно, напр., Германъ и др. считаютъ его и начальникомъ царскихъ врачей и потому будто виноватымъ въ смерти Іоанна Герцога Датскаго. Семенъ Годуновъ завѣдывалъ и распоряжался лишь аптекой, потому могъ подбросить въ кладовую Александра Романова мѣшокъ съ зельемъ, а врачи, да еще царскіе, какъ и впослѣдствіи, никогда не были настолько въ подчиненіи Аптекарскаго Приказа, который никакой государственной роли тогда не игралъ да и играть не могъ. Жалованіе и награды доктора получали изъ Приказа Большаго Дворца, а опредѣлялись и увольнялись въ Посольскомъ Приказѣ. Поэтому обвинять Семена Годунова, запретившаго будто царскимъ врачамъ навѣщать королевича Датскаго, не смотря на строгій наказъ царя, положительно историческій грѣхъ и такой же недомыселъ или легковѣріе къ иноземнымъ сказкамъ, въ родѣ мѣшка съ блохами, съ которымъ выступилъ въ исторію Германъ.

Вмѣсто, т. ск., догматическаго изложенія исторіи въ моихъ чтеніяхъ часто приходится возражать нашимъ врачебнымъ писателямъ, начиная съ Рихтера. Но во всѣхъ этихъ простыхъ компиляціяхъ лишь по Рихтеру, якобы по новымъ источникамъ (даже и не врачей), такъ много не додуманнаго, что поле исторіи вмѣсто очищенія лишь засоряется.

Повальныя болѣзни. Чума со временъ Ѳедора Ивановича почти не прекращалась, а съ 1601 г. къ ней присоединился страшный голодъ (живыхъ ѣли) съ послѣдующими, конечно, болѣзнями. Была по старому оцѣплена смоленская граница заставами, а когда вѣсти о самозванцѣ достигли Бориса, линія заставъ протянута до Брянска и далѣе, стража удвоена, досмотръ усиленъ. Въ этой болѣе политической, чѣмъ врачебной мѣрѣ, напр., Германъ усматриваетъ такое совершенство, что считаетъ себя въ правѣ, не насилуя будто правды, сказать: «съ появленіемъ иноземныхъ врачей у насъ начали принимать раціональныя мѣры отъ эпидемій, что понизило распространеніе и напряженность ихъ». И самъ же тутъ же приводитъ сказанія иноземцевъ о множествѣ суевѣрныхъ лѣ-

ченій, напр., лагерныхъ поволокъ. Забывая, что чуть не сто лѣтъ спустя указанія врачей были еще неисполнимы, даже въ столицѣ. Во время голода появилась огневка и мы впервые читаемъ слово холера, хотя оно, судя по припадкамъ и употреблено въ смыслѣ жгучаго жара. Смертность была громадна, будто въ одной Москвѣ нѣсколько сотъ тысячъ. Неудивительно, что на такой подкладкѣ, какъ чума и трехлѣтній голодъ, народный организмъ ослабѣлъ и каждая мѣстная, напр., лагерная огневка или кровавый поносъ принимали угрожающій характеръ. Только немного сомнительны увѣренія лѣтописи, что отъ присланныхъ Борисомъ лѣкарствъ (можжевеловое вино, уксусъ, будто лимоны и пр.) сейчасъ повалка подъ Кромами утихла. Къ тому-жъ мы знаемъ, что осаду вскорѣ пришлось снять.

Изъ болѣе выдающихся частныхъ болѣзней записана болѣзнь и смерть того же жениха Ксеніи Борисовны, брата датскаго короля Герцога Іоанна. То была гнѣздившаяся въ Москвѣ огневка, м. б. и близкая къ нынѣшнему брюшному тифу, на почвѣ излишествъ. Болѣзнь и смерть самого царя Бориса обыкновенно сопровождается подозрѣніемъ въ самоотравленіи. Первые припадки, скоропостижная (за угощеніемъ пословъ) кровавая рвота, кровотеченіе изъ носа, ушей (какъ у Скопина-Шуйскаго потомъ) какъ будто говорятъ за это; но мы вѣдь знаемъ, что Борисъ страдалъ часто подагрой, что у него была водяная (Илов.); да припомнимъ исполненную такими треволненіями жизнь и не удивимся такой еще ранней и, пожалуй, скорѣе естественной смерти его. Передъ разореніемъ во Псковѣ 1605 г. бысть много знаменія: роди корова теля о двухъ головахъ и дву туловахъ и двои ноги; роди жена отроча, тѣло едино, глава едина, хребты вмѣсто, руки двои и ноги двои. Пск. I, 322.

Какъ извѣстно, послѣ убіенія Годуновыхъ народъ разграбилъ царскихъ врачей, а при въѣздѣ Самозванца лѣтописи упоминаютъ московскихъ врачей Коста, Симона и др.

Иноземные писатели: Олеарій, Петрей, Бусовъ (у Трейбера), Маржеретъ и другіе.

Времена Самозванца.

Въ такое короткое, но бурное время всякому, конечно, было не до врачей и врачевства. Какъ видно, всѣ, бывшіе при Борисѣ Ѳеодоровичѣ, оставались на своихъ мѣстахъ, упоминаются и новые, напр., Коста, Симонъ. У Самозванца былъ лейбъ-медикъ Себастьянъ Петрицкій магистръ 1583 г., бывшій врачъ кардинала Мацеевича — будто краковскій про-

фессоръ. Къ тому же Марина должна была также имѣть при себѣ польскихъ врачей. Не забудемъ и того, что легенда гласила, будто Дмитрія царевича спасъ отъ убійства какой-то врачъ, нѣмецъ (Илов. 7, изъ жмудина Товянскаго 336), состоявшій при немъ въ Угличѣ, подмѣнивъ его другимъ ребенкомъ. Иноземцы же говорятъ, что Самозванецъ часто посѣщалъ общество? врачей и аптеки? Онъ же часто толковалъ о предполагаемомъ имъ къ открытію университетѣ. Послѣ кровавой московской заутрени врачи иноземцы снова были разграблены, а по Красной площади, заваленной три дня неубираемыми трупами поляковъ, всѣ три ночи, кромѣ собакъ, бродили площадные лѣкаря, вырѣзывая человѣчій жиръ и т. п. на лѣкарство (Ил. IV, 75).

Царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго (1607—1611)

прошло все въ смутахъ. Въ годъ перенесенія мощей царевича (тотчасъ по воцареніи) въ Новѣгородѣ бысть моръ великій. Никон. лѣт. Изъ частныхъ болѣзней знаемъ отравленіе и смерть Скопина. «Князь Вас. Мих. вниде въ тяжелъ недугъ и бысть болѣзнь его зла, безпрестанно бо идяше кровь изъ носа... и предаде духъ свой». Никон. VIII. При этомъ были жестокія боли живота, хотя кровотеченіе какъ и у Бориса указывало органическій ядъ, но воспаленіе брюшины ясно говоритъ за, излюбленный тогда для отравъ, мышьякъ.

Такъ какъ правленіе царя не могло идти правильно, то, конечно, и во врачебной жизни не могло быть никакого поступательнаго движенія. Постоянныя военныя смуты, нашествіе иноплеменныхъ шведовъ, поляковъ, своихъ казаковъ, шайки Болотникова, голодовки, болѣзни — все это поднимало необходимость во врачахъ и ихъ дѣйствительно было много, своихъ непризванныхъ, дома выученныхъ. По всему вѣроятію, число ихъ съ этихъ именно поръ и возросло. У стрѣльцовъ и казаковъ, какъ постоянныхъ военныхъ, немыслимо было обходиться безъ нихъ, поляки и шведы завѣдомо имѣли своихъ и многихъ оставили въ Россіи. Десять лѣтъ войны, захватывавшей чуть не все государство, постоянной практической школы, естественно, не могло остаться безъ вліянія на число и умѣлость по крайности врачей наружныхъ болѣзней, хотя и съ пониженіемъ, т. ск., общаго образованія ихъ. Всѣ площадные, т. ск. полупризнанные государствомъ, нашли дѣло и потому охотно брали учениковъ, кои тоже находили выгоды заняться изученіемъ врачевства. У бояръ были уже не въ рѣдкость холопи врачи, а иногда и иноземцы. Лѣчится стало не грѣхъ, сама церковь строила

больницы. Всѣ эти Ляпуновы, Пожарскіе и пр. у кого-нибудь лѣчились же отъ ранъ.

По нѣкоторымъ сказаніямъ, первымъ дѣломъ Шуйскаго было заковать докторовъ Давида, Христофора (всѣхъ 4), но потомъ они, кажется, всѣ, кромѣ Ритлинга, остались при царѣ или по крайности въ Россіи. Скопина-Шуйскаго лѣчатъ царскіе доктора съ врачами Делягарди. Вазмеръ прямо упоминается. О судьбѣ Каспара Фидлера, мы уже говорили—ссылка въ Сибирь и притомъ первая иноземцевъ и перваго врача (Илов. IV, 87, 90). Въ 1609 г. началась осада Троицкаго монастыря Сапѣгой. Она важна для насъ потому, что въ теченіи почти года выучила монаховъ устраивать больницу, ухаживать за ранеными, больными цынгой, огневками, такъ что потомъ въ 1611 г. они умѣло взялись за дѣло, при помощи м. б. площадныхъ врачей (да война и народила врачебныя знанія) и отлично провели его, настроивъ вокругъ монастыря и богадѣленъ и больницъ, и чуть-ли не впервые отдѣльно женскія. Говоря здѣсь о больницахъ, мы все же еще должны быть снисходительны. При тогдашнихъ средствахъ обитель могла дать лишь кровъ, пищу, уходъ и кой-какое общеизвѣстное лѣченіе. О діэтѣ и операціяхъ (кромѣ вниманія осколковъ костей) и помину не было. Но это первый примѣръ гуртовой благотворительной, т. ск. уже государственной лѣчбы.

Ко временамъ царя Василія относится составленіе нашего перваго «Воинскаго устава», какъ при Борисѣ первой ариѳметики. Вѣроятнѣе всего онъ былъ выборкой изъ устава какого-нибудь сосѣдняго государства. Въ немъ тоже, какъ увидимъ ниже, на подобіе присяги царю Борису, говорится не отравить, ни окормить зеліемъ, лиха не желать и т. п. Отъ 1610 же года сохранились двѣ бумаги: изъ Томска отъ воеводъ о дивномъ камнѣ, что дѣлаетъ морозъ и т. д., да изъ Верхотурья о напускной будто бы татарскими шаманами бѣсовой болѣзни. Не современная-ли намъ эта въ той мѣстности, описанная Н. И. Кашинымъ кажется впервые, болѣзнь, якутовъ и дауровъ, ольгинджа или омеряченіе—Chorea imitatoria? Пр. С. Рус. Вр. 867—68, 379. Она нервно-повальнаго происхожденія.

Самъ Василій Ивановичъ вѣроятно умеръ отъ какой-либо случайной острой болѣзни, въ родѣ воспаленія легкаго, на почвѣ всеобщаго и нервнаго истощенія въ плѣну, еще не совсѣмъ старымъ.

Семибоярщина (1611—1613).

Отъ нея мало осталось писанныхъ слѣдовъ. Тѣ же голодовки, тѣ же повалки военныя, осажденные поляки варятъ трупы на ѣду, избіеніе мо-

сквитянъ, такъ что на Красной площади опять по ночамъ площадные врачи вырѣзываютъ человѣчій жиръ. А въ государствѣ дѣйствуютъ разомъ пять, независимо другъ отъ друга, русскихъ главныхъ правительствъ. Патріархъ Гермогенъ въ посланіи къ городамъ вопіетъ: «Недостаетъ мнѣ словъ, болитъ моя душа, болѣзнуетъ мое сердце, всѣ внутренности мнѣ расторгаются и всѣ составы содрагаются».

Одна отрада: «начаша (1611 г.) строити козною монастырской (по сосѣднимъ съ Сергіевской Лаврой селамъ) домы многи... и больнымъ людемъ обрѣташеся врачеве и цѣляху многихъ и даны больницы на раненыхъ убогихъ людей». Житіе Діонисія преподобнаго 4°, 46.

Сказанія тѣхъ же, съ небольшимъ прибавкомъ, иноземцевъ.

Глава 6. Попытка очертить врачебное дѣло въ Россіи въ XVII вѣкѣ [1])

(до единодержавія Петра).

Источники.— Общее вступленіе.— Царствованіе Михаила Ѳеодоровича кратко.— Бытъ и сословія при Алексѣѣ Михайловичѣ. — Общее образованіе, школы. — Врачебная словесность вѣка.— Врачебная школа.— Ея выученики и частныхъ лицъ.— Иноземное вліяніе и врачи.— Знанія иноземныхъ и русскихъ лѣкарей. — Рядъ врачебныхъ чиновъ, его службы, рангъ, практика и жалованіе. — Доктора при дворѣ и лѣкаря въ полкахъ. — Одежда. — Плата. — Лѣкарства и аптекаря. — Сады. — Помясы. — Аптека. — Аптекарскій приказъ и волокита.— Аптекарская палата. — Архіатеръ. — Петровскія реформы приказа. — Монополіи аптекъ.— Судебная медицина и медицинская полиція. — Больницы. — Повальныя болѣзни. — Научно-врачебныя знанія а) въ Европѣ, б) въ Россіи иноземныхъ и русскихъ врачей. — Осмотры.— Краткое впечатлѣніе всего пройденнаго.—Связь съ предъидущимъ и послѣдующимъ вѣками.

Только народъ, любящій свое прошлое, достоинъ будущаго.

Вообще не легко историку возсоздать какую-нибудь, особенно старинную, эпоху при бѣдности источниковъ и необработанности ихъ. Наша же задача — очертить исторію врачебнаго дѣла въ Россіи въ XVII вѣкѣ, затрудняется еще самою сущностію предмета, какъ спеціальности не особенно важной въ ходѣ общей исторіи, какъ не интересовавшей, да и мало доступной обычному образованному наблюдателю, не врачу. Кромѣ того, послѣ такого перелома, какъ смутное время, когда старыя условія жизни падали, а новыя — съ началомъ новой всеобщей русской исторіи — еще не выработались, все неопредѣленно, перемѣнчиво, трудно иногда уловить руководящую нить того или другаго событія, а еще болѣе не легко опредѣлить его значеніе и часто взаимную связь. Наконецъ, дѣло нашей вра-

[1]) Оставлено безъ измѣненія въ томъ видѣ, какъ читано въ Императорской Военно-Медицинской Академіи и въ Обществѣ Русскихъ Врачей въ 1890 году.

чебной исторіи такъ ново, что мало и попытокъ къ обработкѣ матеріаловъ, не говоря о связномъ разсказѣ, о какомъ-либо, хоть небольшомъ, промежуткѣ времени. Поэтому недостаетъ, хоть сколько-нибудь выработаннаго, метода. Приходится снова все ставить, обработывать побочныя, но для пониманія дѣла важныя, отрасли въ иномъ, годномъ для насъ, направленіи. Примѣромъ можетъ служить статистика, говорящая м. б. много общему историку, а намъ ничего, безъ приспособленной отдѣлки. Къ неудобствамъ отнесу и то, что за источники брались не русскіе люди, естественно лишенные глубокаго пониманія нашей народной жизни, а источники межъ тѣмъ гибли и гибли.

Лѣтописныя сказанія къ началу нашего разсказа совсѣмъ почти прекращаются, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важно знакомство съ ними для пониманія многаго. Объ относительномъ достоинствѣ и достовѣрности ихъ можно читать въ курсахъ общей русской исторіи. Лѣтописи даютъ сухой, но болѣе нормированный, болѣе общій, ближе къ закону, матеріалъ, а «Матеріалы къ исторіи» даютъ казуистическій не обработанный, требующій б. ч. группировки и т. п., матеріалъ, зато онъ позволяетъ глубже проникнуть и живѣе рисуетъ жизнь. Рукописные остатки сборниковъ, того времени по нашей части, и статьи врачебнаго содержанія, разбросанныя не по врачебнымъ сборникамъ, коими богаты и Московская и Петербургская публичныя и Казанская академическая и др. библіотеки, будучи сведены мною («Русскіе Врачебники», Спб. 1896 г., смот. выше, стр. 89), даютъ связный цѣльный очеркъ тогдашней врачебной образованности, пріемовъ лѣченія и употреблявшихся лѣкарствъ. Дальше мы перечислимъ работы и кратко очертимъ ихъ. Архивы тоже почти не тронуты. Московскій мин-ва иностр. дѣлъ, казалось бы, исчерпанъ съ его внѣшней, по крайней мѣрѣ, стороны Рихтеромъ, но требуетъ основательнаго пересмотра. Спб-скій мин-ва внутр. дѣлъ почти исчерпанъ изданіемъ мин-ва «Матеріалы для исторія медицины въ Россіи» 4 выпуска, 8°, 1200 стран. Но военный архивъ (кромѣ Спб-скаго) — если не ошибаюсь въ Лефортовск. дворцѣ въ Москвѣ, какъ равно и Моск. мин-ва юстиціи совсѣмъ не тронуты. Въ послѣднемъ м. б. многое найдется для пополненія «Мат. для исторіи» (и въ Моск. дворцовомъ) за время, когда бумаги Аптекарскаго приказа были уничтожены пожаромъ 1642 года. Кромѣ того, можно тамъ почерпнуть свѣдѣнія о провинціальной медицинѣ. Наконецъ, свѣдѣній объ отравахъ и колдовствѣ нужно искать въ дѣлахъ Разбойнаго или Сыскнаго приказа (не въ Измайловскомъ ли въ Москвѣ дворцѣ или м. б. вмѣстѣ съ военнымъ въ Лефортов.). Множество отдѣльныхъ свѣ-

дѣній найдется въ общеисторическихъ статьяхъ и журналахъ и потому пересмотръ ихъ необходимъ. Скудныя свѣдѣнія находятся въ законахъ. Таковы: уложеніе царя Алексѣя Михайловича, изданія Максимовича, Юревича. Въ полномъ собраніи законовъ и наше врачебное собраніе — какъ дополненіе къ своду — составлено плохо врачемъ Ендржеемъ Петровымъ, до 1825 года. Тамъ помѣщенъ любопытный, хотя бы и по своей неточности, разсказъ, конечно, компилятивный, о медицинскихъ учрежденіяхъ. Необходимъ пересмотръ Литовскихъ Хроникъ, начиная съ статута, а частію и Польскихъ XVII вѣка.

Наконецъ, «Исторія медицины въ Россіи», изданная по нѣмецки въ 1813—17 въ 3 частяхъ (1 ч. перепечатана въ Ригѣ 1817), а русскій переводъ изданъ 1820 (ч. 1-я 1814). Любопытно, не въ смыслѣ исторіи, это похвальное жизнеописаніе иностранныхъ врачей и аптекарей въ Россіи, а по тѣмъ документамъ, къ нему приложеннымъ, кои въ подлинникѣ частію сгорѣли. Собственно исторіи въ этой исторіи нѣтъ, а койкакъ сшитое собраніе, б. ч. не особенно важнаго и совсѣмъ не обработаннаго, матеріала. Историческое значеніе этого труда несравненно ниже «Матер. для исторіи», гдѣ по крайности документальная сторона въ порядкѣ. Хотя и тутъ матеріалы не выиграли отъ сокращеній, пропусковъ и разноручной редакціи (и сполузимн. времян. вмѣсто исполу зимн. врем. № 1656; Уштына, вмѣсто у Штейна № 364). Исторія Рихтера — это національная ошибка — не только не избавляетъ, но, наоборотъ, своими неточностями (лѣка́рство, вмѣсто лѣкарство; горшки, вмѣсто горошки, «напримѣръ», — будто въ похвалу, путаница старыхъ съ новыми годами и множество др.), не говоря о толкованіяхъ автора, прямо обязываетъ произвести самый тщательный пересмотръ документовъ, бывшихъ у него въ рукахъ. Много историческихъ статей въ нашихъ врачебныхъ и общихъ изданіяхъ заимствованы у него и потому не важны. У него же взяты свѣдѣнія о русской медицинѣ и въ иностранные историческіе изданія. Въ разсказахъ Чистовича, хоть и XVIII вѣка, найдемъ нѣсколько данныхъ, если не прямо къ нашему разсказу относящихся, то проливающихъ свѣтъ на раннія событія. Чистовичъ писалъ свой классическій трудъ, опираясь часто на Рихтера, а мнѣ, говоря все новое, приходится лишь поправлять его.

Какъ за пословицей идетъ сказка, отъ коей переходъ къ роману, такъ и намъ, врачебнымъ историкамъ, приходится отъ отдѣльныхъ статеекъ переходить къ цѣлому вѣку, а затѣмъ ужъ къ общему, историческими законами связанному, разсказу. Вышло наоборотъ, сначала явилось систематическое изложеніе (Рих.), потомъ XVIII вѣкъ (Чист.), за нимъ

XVII в. (я). Похоже на метеніе лѣстницы снизу. Оттого систематическую нашу исторію нужно передѣлать съизнова, а Чистовичъ пропустилъ болѣе 50 лѣтъ нашей самостоятельной дѣятельности.

Изъ иностранныхъ путешественниковъ, писавшихъ о Россіи, для насъ не лишены интереса, прежде всего Олеарій (по франц.) и Коллинсъ, какъ врачъ, хотя и немного давшій намъ свѣдѣній (частію по русски). Можно читать Маржерета, Маскевича, кстати и Нефа, т. к. они всѣ по русски въ Сказ. о самазванцахъ. Петрей мало достовѣренъ, у Майербера и Карлейля (оба по франц.) немного, Рейтенфельсъ, Баттони, Таннеръ и частію Корбъ тоже мало даютъ.

И ко всей этой массѣ источниковъ разрабатывающая рука русскаго врача почти не прикасалась. Трудъ, какъ встарь говорили, великій, одному непосильный. Потому мы и не задаемся не только полнотой, но даже и окончательной разработкой отдѣльныхъ частей, будучи въ силахъ поставить, въ связномъ разсказѣ, лишь вѣхи, намѣтить пути, по коимъ бы будущій изслѣдовать могъ хоть сколько-нибудь освоиться съ дѣломъ.

Здѣсь укажу нѣсколько моихъ работъ, XVII вѣка касающихся.

Первый военно-временный госпиталь въ Россіи. Ист. Вѣст. 1885.

Нѣсколько словъ о нашихъ древнихъ спеціалистахъ. Мед. Обозр. 1886.

Первый врачебный дипломъ, выданный въ Россіи. Рус. Арх. 1887.

Первыя аптеки въ Россіи. Мед. Обозр. 1887.

Первая въ Россіи женщина врачъ. Ист. Вѣст. 1887.

Наши первые карантины. 1888.

Очеркъ врачебнаго дѣла въ Россіи въ XVII вѣкѣ. Прот. Спб. Рус. Вр. 1890.

Семнадцатое столѣтіе, по справедливости, можно назвать временемъ подготовительнымъ къ реформамъ Петра I. Вѣкъ начался смутой — борьбой классовъ за государственный порядокъ, въ которомъ не было равномѣрнаго разверстанія тяготы, какъ не было и обезпеченія частныхъ людей (Забѣлинъ, Ключевскій). Прекращеніе династіи, ускоривъ взрывъ, пошатнуло вѣковыя преданія, вѣковую связь съ царемъ, какъ личнымъ собственникомъ государства, какъ кормильцемъ однихъ, защитникомъ отъ этого кормленія другихъ и отъ боярскихъ привилегій третьихъ. А какъ интересы классовъ были непримиримы, то искусственное возстановленіе династіи (самозванцы) не удалось, а втянуло въ борьбу и послѣдній классъ— черныхъ людей. Подавлена жъ борьба лишь національно-религіозным движеніемъ всѣхъ.

Истинно смутная то была пора (1607—1613 гг.), пора «шатанія умовъ», по лѣтописцу, и единственное въ русской землѣ «лихолѣтье», добавлю; т. к. во всѣхъ предъидущихъ и послѣдующихъ невзгодахъ и ударахъ судьбы Россія вставала какъ одинъ человѣкъ, а тутъ «умы зашатались». Пора исполненная высокаго драматизма, когда утерявшая всякую вѣру въ житейскую правду, въ безысходной сердечной тоскѣ отъ душевнаго разлада и «во всемъ безъ вины виноватая (по историку) русская земля» стала рѣшать вопросъ, быть или не быть государственной идеѣ— идеѣ объединенія. Стихла внѣшняя смута, государство стало создаваться на новыхъ началахъ. Отсюда и намъ слѣдъ начинать нашъ очеркъ оффиціальной медицины, т. к. съ возрастаніемъ ея старое врачевство естественно падаетъ. Но юный царь Михаилъ Ѳедоровичъ не имѣлъ ни возможности, ни средствъ круто порвать съ старымъ, т. к. не улегшаяся еще смута внутренняя развивала громадную силу (нашими историками едва-ли вполнѣ цѣнимую) — силу пассивнаго противленія, порой взрываясь въ видѣ Ивашекъ и т. п. Она проходитъ замѣтной чертой чрезъ всю страничку исторіи былаго врачевства. Михаилу Ѳедоровичу не до врачей тогда было. Лишь при Алексѣѣ Михайловичѣ начинаетъ сказываться сознательная государственная мысль въ устройствѣ медицины, а до него и послѣ него то было отрывочное шатаніе изъ стороны въ сторону.

Что-жъ завѣщали старые вѣка? Царь Иванъ III отдаетъ врача на зарѣзаніе какъ овцу, а трехъ бабъ лѣкарокъ жены царицы приказываетъ утопить. Василій Ивановичъ въ своемъ предсмертномъ путешествіи, съ двумя врачами, лѣчится по совѣту своего дворецкаго боярина, а женѣ пишетъ: «поспрошай боярынь» о болѣзни сына. Иванъ Грозный держитъ при себѣ въ особой любви ученѣйшаго (по времени) доктора Лензея «обаче лѣкарствъ его никогда же пріемше» и пишетъ Курбскому «о человѣческихъ же лѣкарствахъ въ болѣзняхъ никогда и помыслу не было». Царь Борисъ, имѣя нѣсколько нѣмецкихъ докторовъ, честя ихъ наравнѣ съ боярами, кличетъ кличъ, не найдется-ли кто полѣчить его отъ подагры и даритъ за то село и 200 р. Церковь, призрѣвая больныхъ, учитъ, что жизни беречь не слѣдъ, а плоть измождать нужно; что познаніе (вѣдовство) получается лишь изъ черныхъ книгъ (сирѣчь при помощи чертей. «Врачи невѣжественные болваны, считая болѣзни происходящими отъ естественныхъ причинъ, а не отъ чорта», пишетъ Лютеръ); что врачеванье грѣхъ (больной, постригшійся въ монахи, 12 дней не смѣетъ принимать лѣкарства — Олеарій). Монахъ, съ бритой бородой въ свѣтскомъ платьѣ, громя астрологію и крѣпостничество, лишь порицая чародѣевъ и ворожей, запре-

щаетъ ѣсть и пить съ католиками какъ смертный грѣхъ. Попы церкви св. Николы на столпахъ разбираютъ кирху и просятъ выслать докторовъ даже съ Поганыхъ прудовъ. Государственная военная идея съ своей стороны поддерживаетъ древлеязыческую доблесть — пренебреженіе къ жизни.

А народъ? Народъ, празднуя купалу, роженицы, считаетъ всѣ болѣзни «отъ уроковъ», давитъ жабу въ горлѣ, лѣчится наговорной водой, баней; водитъ въ крестномъ ходу разряженную пятницу — лихорадку и задабриваетъ ее дарами (еще я засталъ въ Воронежской губ. обычай на Фрола и Лавра, окропивши домашній скотъ у церкви св. водой, перегонять его черезъ выкопанную въ аршинъ канаву, въ которой затѣмъ сейчасъ зарывались живыми кошка съ собакой — чума и др. болѣзни), опахиваетъ на раздѣтыхъ дѣвушкахъ села при эпидеміи, молился Дажбогу (Стрибогу), чтобъ дѣти были, и лѣсному и водяному и домовому, чтобы не насылали болѣзней, и вымираетъ цѣлыми городами [1]). Народъ считалъ д-ра Бомелія чортомъ, приставленнымъ къ Грозному, а когда умеръ царь Борисъ, прежде всего разграбилъ всѣхъ докторовъ. Тожъ и послѣ самозванца.

Каковъ былъ тогда, т. ск. государственный бытъ Россіи? Которая — не забудемъ — состояла тогда лишь изъ 5, 6 нынѣшнихъ губерній около Москвы, да изъ безлюдныхъ степей юго-востока и Сибири, да изъ болотъ новгородскихъ и архангельскихъ. Смоленскъ, Малороссія, Орелъ не были русскіе. За время Алексѣя Михайловича прибавились Витебская, Смоленская, Черниговская, Орловская, Кіевская, Полтавская, Харьковская, Херсонская. Вѣрная своей исторической судьбѣ подвигаться съ юго-запада на сѣверо-востокъ, ища мѣста, гдѣ бы образовать стойкое государство, Россія въ теченіи восьми вѣковъ продолжала пѣть—по историку—свою богатырскую пѣснь. Т. е. все сколько-нибудь сильное при первой невзгодѣ, при первомъ столкновеніи съ идеей прикрѣпленія выражало свой пассивный протестъ уходомъ въ степь — въ казаки (въ богатыри пѣсни), ища гдѣ лучше, добычи больше. Князь искалъ бóльшаго удѣла, дружина—добрѣйшаго князя, попъ—богаче прихода, монахъ—менѣе строгаго монастыря, купецъ—меньшихъ пошлинъ, посадскій человѣкъ—дикаго мѣста для промысла, крѣпостной — воли и черносотенный отъ тяготы да утѣсненій; а

[1]) Хоть Рихтеръ и увѣряетъ, что предки наши, живя не роскошно, такъ были здоровы, что не нуждались въ лѣченіи, но тутъ же приводитъ длинный рядъ эпидемій, обращавшихъ почасту цѣлыя области въ пустыни, а современники, какъ Блюментростъ, и путешественники встрѣчали такое развитіе цинги, что даже называли ее русскою болѣзнію. Да и обиліе словъ: боленъ, недуженъ, хворъ, немоченъ, нездоровъ, хилъ, скорбенъ, изсохъ неисцѣлимъ не говоритъ вовсе за особенное здоровье русскаго тогда человѣка.

всѣ вообще «избывая податей». Слѣдовательно, ничего опредѣленнаго, ничего постояннаго, ничего осѣдлаго, т. е. государство безъ будущности. Но разъ князь сѣлъ на мѣсто, сдѣлался крѣпокъ землѣ, заложивъ т. об. основы стойкаго государства, картина совершенно измѣняется. Начинается повсемѣстное прикрѣпленіе и тянется вѣками неуклонно. Ужъ не населеніе ищетъ князя для расправы, а князь ищетъ насельниковъ на свою землю, купцы, посадскіе расписаны въ тягла, земледѣльцы на сохи и тянутъ за круговой порукой; дружина, съ «испомѣщеніемъ» потерявъ право ухода, дѣлаетъ тоже, монастыри, бояре, сдѣлавшись землевладѣльцами, преслѣдуютъ ту же цѣль. Т. к. извѣчное дѣленіе на людей платящихъ подати и людей живущихъ лишь этими податями не исчезло, а напротивъ усилилось съ прекращеніемъ возможности жить военной добычей у сосѣда. Оттуда естественна всегдашняя, характерная Россіи, тяга людей «брести розно», а у правительства волей неволей, по жалобамъ сообщниковъ, какъ въ Римѣ, ловить, усаживать, прикрѣплять, чтобы было кому «тягло тянуть». Для чего всѣми силами поддерживается древнее самоуправленіе, власть міра, выборное тамъ начало. Но всѣ эти сословія, міры, помѣщики, даже бояре, не имѣя въ то время крѣпкой внутренней связи, а наоборотъ, глядя врозь, были такъ слабы, что при всякомъ недоумѣніи, за всякою малостію обращались къ центру, лѣзли къ царю, не умѣя сами управиться. О посылкѣ. напр., за 2 ведрами свероборинныхъ ягодъ докладывали царю. И потому при ослабленіи власти все «брело врозь», не находя управы надъ сосѣдомъ, защиты отъ угнетенія мелкой власти, усиливая ряды козачества (не тяглаго), которое, бывъ заперто окрѣпшими сосѣдями, воспользовалось этой слабостію, бросилось въ смуту, начатую сверху. Сосѣднія государства съ тою же цѣлію — прекратить намъ дорогу къ морю и поживиться чѣмъ-нибудь, конечно не преминули воспользоваться. И вотъ юному царю выпала тяжелая доля отбиваться отъ поляковъ, шведовъ, крымцевъ и отъ всеобщаго козачества—разбойниковъ внутри. (Страна такъ была опустошена, что путешественники, проѣзжая сотни верстъ, встрѣчали лишь испепеленныя жилья, а живыхъ лишь звѣрей да разбойниковъ. Менѣе пострадалъ дальній Нижегородскій край). Въ одолѣніи всѣхъ этихъ золъ и прошло все царствованіе Михаила Өедоровича. Для одолѣнія врага нужна была военная сила. Наши же рати, сильныя на востокѣ, были слабы противъ искуснаго запада. Приходилось заводить иноземный строй въ войскахъ, призывать для того иностранцевъ. Съ этимъ краеугольно измѣнялись экономическія отношенія войска. Полки изпомѣщенныхъ служилыхъ людей, отрываемые отъ работы лишь на время, имѣли свое оружіе, содер-

жаніе, а слѣдовательно своихъ лѣкарей и лѣкарства. При заведеніи же постояннаго войска, содержимаго конечно во всемъ на средства казны, а потомъ и полки тѣхъ же служилыхъ, обученные иноземному строю, съ офицерами иноземцами, должны были лѣчится на счетъ государства. Пришлось выписывать и лѣкарства и врачей. Такъ подъ Смоленскимъ 1633 г. платили четыремъ иноземцамъ лѣкарямъ по 60 ефимковъ (30 р.) на мѣсяцъ «и съ лѣкарствы».

Каковы же были эти пришлецы иноземцы? То были козаки (гулячій людъ — голудьба) Европы. Но не отъ «силушки» уходящіе — силы лучшихъ людей были нужны дома, чтобъ удержаться на мѣстѣ — а остатки, меньшій людъ, отбросы. Естественно, что они, какъ говоритъ историкъ (Соловьевъ), были «совершенные космополиты, равнодушные, если не враждебные, къ судьбамъ страны, самаго невысокаго нравственнаго уровня». И цѣлый рядъ историческихъ фактовъ подтверждаетъ этотъ выводъ. Пришлецъ былъ чужакъ, безъ языка передъ народомъ, а слѣдовательно безъ всякаго вліянія на него. И въ нашемъ врачебномъ дѣлѣ было тоже. Въ лучшемъ случаѣ иноземный врачъ, приходя лишь добыть копейку («zum profitiren seinen Gluck», какъ говорилось въ ихъ паспортахъ), оставаясь безучастнымъ зрителемъ событій, наровилъ какъ можно скорѣе удрать домой. Такова была б. ч. прибывшихъ докторовъ, не говоря о шарлатанахъ въ родѣ Бромберга, Дж. Антонія, Гейдена и съ десятокъ другихъ, навязывавшихся на даровые корма. Но были почасту и Давыды Берлау, добывшіе мѣсто въ исторіи безчестными доносами на боярина А. С. Матвѣева въ чернокнижіи и на Ив. Кир. Нарышкина. Немудрено поэтому, что при Алексѣѣ Михаиловичѣ, когда русскіе принципы стали выдвигаться, стали заводить все свое, послѣ неудачной попытки посылать заграницу своихъ трехъ тоже иноземцевъ, изъ коихъ Арензенъ не вернулся, а Бильса и Эльмстона, учившихся лѣтъ по 20 на русскія деньги, едва принявъ, тотчасъ же уволили. Немудрено, говорю, что сочли за лучшее своихъ давнихъ служилыхъ евреевъ цирульниковъ Гадена и Зоммера произвести въ дохтуры, по примѣру австрійскаго императора. Но эта кажущаяся нераціональность болѣе народна, чѣмъ позднѣйшія посылки русскихъ за иностранными дипломами.

Вслѣдствіе сказанныхъ причинъ, оффиціальная медицина при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, помимо его личнаго характера (сначала онъ долго не лѣчился у иноземныхъ врачей), была вся иноземная, при Алексѣѣ Михаиловичѣ старались сдѣлать всю русскую, а царствованіе Ѳедора Алексѣевича, до единодержавія Петра, было лишь развитіемъ основъ, заложенныхъ

Алексѣемъ Михаиловичемъ, хотя при Θедорѣ Алексѣевичѣ значеніе русскаго лѣкаря начинаетъ сводиться къ фельдшерскому. Поэтому очертивъ бѣгло врачебное дѣло при Михаилѣ Θедоровичѣ, мы остальныя царствованія сольемъ вмѣстѣ, такъ какъ по духу и причинности они были одного направленія. и о многомъ изъ временъ Михаила Θедоровича скажемъ тамъ же ради непрерывности и цѣльности впечатлѣнія.

Прибыли иноземцы врачи, привезены лѣкарства, нужно кому нибудь распорядиться ими. И въ ряду приказовъ появляется и Аптекарскій. Самое уже названіе говоритъ, что главная задача его дѣятельности—аптека, а потомъ ужъ врачи. Онъ не былъ основанъ вновь, какъ учитъ Рихтеръ и вѣрившіе ему (Воинск. уставъ царя Вас. Ив-ча Шуйскаго составленъ съ участіемъ Аптек. приказа. Считаю много раньше 1620 г.), а лишь возстановленъ, прекративъ свою дѣятельность за смутнымъ временемъ. Съ появленіемъ первыхъ лѣкарствъ, и даже однихъ косметиковъ при дворѣ, существовало мѣсто ихъ храненія — «Палата» и люди, хранившіе и готовившіе ихъ. Съ первымъ привозомъ лѣкарствъ и аптекаря, м. б. и въ XV в., а у Ивана III навѣрно, при обычной подозрительности за «свое Осударево здоровье» эта палата съ лѣкарствами и людьми была поручена, приказана — отъ того и приказъ — одному изъ ближайшихъ бояръ. Изстари введенный бояринъ, какъ приказчикъ, управлялъ отдѣльною отраслью хозяйства словесно, а при осложненіи дѣла занадобилась письменность, дали для нея боярину дьяка, явился приказъ и въ немъ бояринъ уже естественный распорядитель, судья, а не приказчикъ. Маржеретъ помѣщаетъ аптекарскаго боярина прямо за конюшимъ — первый, старшій придворный чинъ — ради сказанныхъ выше причинъ. Приказъ этотъ могъ существовать и не вѣдая врачей, какъ напр. Каменный приказъ 1471 г., когда въ Москвѣ былъ всего одинъ каменный домъ купца Таракана. Развитіе дѣятельности этого учрежденія шло постепенно, по надобности, а не разомъ. Первые два придворныхъ врача прибыли 1616 г., какъ и всѣ послѣдующіе, на извѣстный срокъ, какъ бы по контракту. Затѣмъ берутъ врачей, прежде бывшихъ у бояръ (1619) или изъ прежде [1]) служившихъ (1631). Въ 1631 же прибыли и первые иноземные лѣкаря, разумѣется, на время лишь войны, какъ и всегда потомъ. Такъ 1661 г. вызываются врачи изъ Аугсбурга; въ 70-ыхъ годахъ изъ Любека; въ 80-ыхъ, для 2-го, при Софіи, азовскаго похода (въ первомъ были свои) изъ Гамбурга; Петръ I для 1-го своего азовскаго похода выписалъ 51 врача, а во второмъ, кромѣ

[1]) Гилеке, Шредтеръ. При въѣздѣ самозванца въ Москву лѣтопись упоминаетъ врачей Коста, Симона, жившихъ дотолѣ въ Москвѣ.

казенныхъ, было 31 врачъ, поставленныхъ кумпанствами, строившими корабли — первые морскіе врачи у насъ. Сначала пробуютъ отдать врачей въ вѣдѣніе Посольскаго, Помѣстнаго приказовъ, какъ потомъ Иноземскаго и даже Пушкарскаго приказовъ; но нашли это непрактичнымъ и сдали ихъ въ Аптекарскій, который былъ тогда какъ бы отдѣленіемъ Дворцоваго приказа, откуда получалъ все до нитки, свѣчи и бумагу. Началомъ Аптекарскаго приказа, какъ отдѣльнаго учрежденія, я считаю [1]) 1631 годъ, когда получая лишь деньги изъ Дворцоваго приказа, Аптекарскій порываетъ всякія зависимыя отношенія отъ всѣхъ другихъ учрежденій и начинаетъ самостоятельно вѣдать всѣхъ служащихъ, аптеку, сады и пр. Хотя письмоводство въ немъ началось съ 1627 г., если не ранѣе, съ назначеніемъ подъячаго. Въ первомъ спискѣ жалованія видимъ 2 доктора, аптекарь, окулистъ, 3 лѣкаря, 2 переводчика, 4 помяса-травника, дьякъ съ подъячимъ и сторожъ. Всѣ они получали 905 р. Скоро къ нимъ же прибавился и часовыхъ дѣлъ мастеръ.

Посылая впервые (1633) врачей въ полкъ «съ лѣкарней и зельемъ», стоимость лѣкарствъ вычитали изъ содержанія, получаемаго ими въ полкахъ, а лѣкарства со включеніемъ совѣта продавалъ врачъ въ свою пользу, какъ изстари повелось на Руси. Оказалось неудобнымъ. Пробовали вычитать за лѣкарства изъ содержанія командировъ [2]), которые и продавали ихъ больнымъ чинамъ, а лѣкаря получали лишь кормовые изъ полка, жалованье же и подъемныя изъ Аптек. приказа (въ вѣдѣніе котораго перешли). Напр., 1663 въ походѣ давали по 30 р. въ мѣсяцъ и кормы, чтобы лѣчили своими лѣкарствами, лѣкарямъ, имѣвшимъ помѣстья, хотя обычное жалованіе было 5—10 р. Кончили тѣмъ, что врачи все содержаніе стали получать изъ Аптекарскаго приказа въ Москвѣ, а лѣкарства отпускались въ полки даромъ, т. к. иноземные полки и частію русскіе иноземнаго строя получали содержаніе отъ государства. И въ частной жизни сначала аптека была про Осударя, потомъ врачъ и лѣкарства давались безмездно лишь израненнымъ боярамъ (первому Кофтыреву-Ростовскому 1631), потомъ «лишь для милости Божіей», затѣмъ во вся-

---

[1]) См. мои «Первыя аптеки въ Россіи», Мед. Обозр., 1887, № 21, тамъ подробно объ Аптекар. приказѣ.

[2]) Вѣроятно по примѣру прошлаго столѣтія, когда было до 12.000 иностранныхъ солдатъ и при нихъ, вѣроятно, лѣкаря, какъ и въ русскихъ бывали свои, м. б. даже не патентованные врачи. По шведской границѣ были испомѣщены солдатскіе (пѣхот.) полки, а на югѣ «устроены вѣчнымъ житьемъ» драгуны. Тѣ и другіе — 63 полка, т. е. полъ арміи — обучены иноземному строю и командировъ имѣли по б. ч. иностранцевъ. Въ 1632 г. нанято 7.000 нѣмецкихъ волонтеровъ и при нихъ лѣкаря (60 эфимковъ въ мѣсяцъ съ лѣкарствомъ).

кихъ несчастныхъ случаяхъ, далѣе всѣмъ служащимъ «и не докладывая Осударя», а наконецъ открыта вольная продажа всѣмъ (Алексѣй Михайловичъ). Первыми покупателями долго были врачи въ своей вольной практикѣ и частныя больницы. Дальнѣйшій кругъ дѣятельности Аптекарскаго приказа и врачебнаго быта, сады и пр. разскажемъ ниже.

Здѣсь упомянемъ лишь о судебно-медицинской и медико-полицейской дѣятельности. Кромѣ извѣстнаго осмотра невѣсты царской — Хлоповой (1623), мы знаемъ осмотры больнаго (глиста) Гр. Горихвостова (1643), раненаго слуги датскаго королевича (1644), избитаго «разбойно» Хвостова (1647). Нужно полагать, что тогда же бывали осмотры и служилыхъ людей, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ передъ походомъ, что такъ часто дѣлалось при слѣдующихъ царяхъ; т. к. увольнялись лишь за дряхлостію и увѣчьями, а т. наз. смотренные списки и по городамъ велись тогда аккуратно. Изъ врачебныхъ законовъ этого времени знаемъ: Ратный Уставъ, изъ 163 указовъ царей Василія Шуйскаго и Михаила Ѳед-ча (1607—1621), гдѣ, на стр. 113, ч. I, читаемъ: «лѣчить безъ уговору и безъ могорца какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ». Запрещеніе казнить беременныхъ (1637) до 6 недѣль послѣ родовъ. Указъ о скотскихъ падежахъ (1640), т. к. ветеринары были съ 1626 (1666 нѣмчинъ Филиппъ Айдола) при конюшенномъ дворѣ, хотя и не вѣдались они въ Аптекарскомъ приказѣ. Были указы и о карантинахъ—«береженіи» [1]), но мѣры были слабы, ограничивались опросомъ на заставахъ. Объ убогихъ домахъ скажемъ ниже.

Къ царствованію же Михаила Ѳедоровича относится неудачная попытка поставить иноземныхъ врачей въ рядъ служилыхъ людей, дачей имъ помѣстій (Давидъ Кашперовъ и др., д-ръ Дій имѣлъ подмосковное помѣстье бывшее князя Хворостинина), подчиня Помѣстному приказу. Неудача объясняется лишь тѣмъ пассивнымъ противленіемъ, о которомъ говорено въ началѣ, недружелюбнымъ пріемомъ сосѣдей, народа и даже мѣстной власти изъ-за религіозныхъ убѣжденій.

Царствованіе Алексѣя Михайловича (1645 † 1672).

Вглядываясь въ философскій т. ск. смыслъ событій нашей исторіи XVII вѣка, мы замѣтимъ, послѣ смуты, окончательный перерывъ старыхъ преданій въ умахъ. Государь — оберегатель государственнаго союза. Онъ какъ-бы добровольно ограничиваетъ себя Думой и Соборами. Но и Дума уже не та, старое (аристократическое) боярство расплылось въ массѣ но-

[1]) См. мою статью «Первые карантины въ Россіи». Еженед. Клин. Газ., 1888 г., № 6.

ваго (средняго) дворянства, а при Θедорѣ Алексѣевичѣ пало и мѣстничество—послѣдній остатокъ удѣльчаго періода исторіи; пало тѣснимое не сверху. Вліяніе его было замѣтно и въ нашемъ врачебномъ быту. На верху правленія люди новые, законы тожъ — обычай замѣненъ писаннымъ закономъ (уложеніе). Когда улегся подъемъ народнаго духа, унявшій смуту, зиждущая власть встрѣтила страшное истощеніе экономическихъ силъ народа и его политическаго, т. ск., терпѣнія (безпрестанныя возстанія). Прибавьте къ этому все большее и большее осложненіе внѣшней политики, съ шведами за море, съ Польшей за Малороссію, да татары съ юга, и вамъ станетъ ясна необходимость еще большаго напряженія народныхъ силъ — увеличенія налоговъ. А чтобы человѣкъ «не избывалъ тягла», усилена централизація въ Москвѣ (приказы) и по городамъ (воеводы), отчего, конечно, земское самоуправленіе падало. Чтобы сдѣлать равномѣрнѣе налоги, пришлось перестроить сословную организацію. Изъ цѣлаго рода старыхъ мелкихъ (чиновъ) разрядовъ общества сдѣлано лишь нѣсколько крупныхъ общественныхъ единицъ — сословій, съ разными правами и обязанностями. Усиливая т. об. казенный доходъ, забыли усилить возможность платить его, т. е. производительность труда. Отъ того рядъ неудачныхъ мѣръ (монополіи, мѣдныя деньги и пр.), вызвавшихъ вообще недовольство, которое невольно искало, чего не доставало во внутренней политикѣ. Народилась критика всего, расшатавшая вѣру, приводившая къ сознанію недостатка техническихъ знаній для труда, а главное, для защиты. Это сознаніе вызвало иноземныхъ учителей, но хватили черезъ край, раньше фабрикъ и заводовъ явилась роскошь, раньше школы театръ и, наконецъ, вообще обезьянство иностранному. Проникнувъ въ сферы, гдѣ въ немъ не было никакой надобности, эта крайность западнаго вліянія вызвала реакцію, борьбу за старину. Тожъ сдѣлалъ увлеченный Никонъ своей неосторожной реформой. (Извѣчная черта русскаго характера, сидѣть сиднемъ 30 лѣтъ, а разъигрался, такъ и удержу нѣтъ. Проглядите всю русскую исторію и получите цѣлый рядъ скороспѣлыхъ реформъ — Грозный, Алексѣй, Петръ I, Екатерина II, Александръ I, II. Если ужъ перестраивать, то все разомъ). Пришлось народу отказываться отъ вѣками усвоеннаго обряда (какъ символа психическаго), отказаться отъ убѣжденія, что русская церковь единая благочестивая. На чемъ же утѣшительномъ могъ тогда остановиться русскій народный умъ? И вотъ онъ естественно всѣ эти церковныя и гражданскія новшества не призналъ, считая ихъ слѣдствіемъ католической пропаганды, измѣной національному духу и вѣрѣ. Вотъ вамъ и расколъ.

Подъ вліяніемъ этихъ историческихъ условій и создавался, т. ск., государственный характеръ въ высшей степени благочестиваго и симпатичнаго царя Алексѣя Михайловича, домовитаго хозяина государства. Бывъ рельефнымъ представителемъ православія и старинныхъ идей, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ думалъ, что не грѣхъ попользоваться нужнымъ отъ еретическаго запада, не отрѣшаясь тѣмъ отъ родной старины. До него это считалось измѣной, а послѣ него стали все старое ломать. Потому кладя каждый день по 2000 поклоновъ и благословляясь у разстриги Аввакума, Алексѣй Михайловичъ съ спокойной совѣстью лѣчился у иноземныхъ дохтуровъ, слушалъ музыку, театръ (прадѣдъ и дѣдъ его любили, отъѣзжая въ свои деревни, рядиться во французскіе кафтаны); но тотчасъ же заводилъ все это природное русское.

Образованіе. Подъ вліяніемъ тѣхъ же историческихъ условій выростало и развивалось общество и сообразно тому измѣнялся бытъ его, а слѣдовательно бытъ и отношенія врача, идя въ двухъ указанныхъ направленіяхъ или держась старыхъ устоевъ или обезьянствуя иноземному. Послѣднее могло взять верхъ лишь въ концѣ столѣтія, когда вымерло поколѣніе, державшееся постепенности и національности. Оттого Петру I и было такъ легко все ломать. Здѣсь умѣстно вспомнить книжное воспитаніе царей Алексѣя (1635) и Петра (1678), дающее намъ, т. об., вѣрную картину ученія всего почти вѣка. И тотъ и другой, съ 6 лѣтъ, подъ руководствомъ подъячаго Посольскаго приказа, проходили славянскій букварь, зубрили послѣдовательно Часословъ, Псалтирь, Дѣянія, затѣмъ письмо съ титлами и пѣніе по крюкамъ. Къ 11 годамъ курсъ конченъ. Такъ учились и всѣ. Оттого тогдашній юноша выходилъ въ жизнь нравственно безпомощнымъ, противъ всякихъ вліяній, ребенкомъ (на что такъ сѣтуетъ историкъ), пока эта самая жизнь общества не довоспитывала его до своего уровня. Сознавши разъ недостатокъ знаній, хоть бы и техническихъ,—къ коимъ тогда относили и врачевство,—боясь, однако, вышесказанной религіозной реакціи (пассивнаго противленія), старались брать хотя иноземныхъ, но единовѣрныхъ учителей. Оттуда вліяніе кіевское, а за нимъ и польское. «Бояре книги польскія читали всласть». Конечно, не могли остаться безъ вліянія и школы: Троицкая, гдѣ Діонисій (1627) собралъ кружокъ любознательныхъ людей и съ ними началъ учиться, а потомъ и учить грамматикѣ, риторикѣ и священной философіи; Чудовская, грека Арсенія (1630, а 1650 Е. Славинецкій—врачъ?—изъ Кіева), гдѣ кромѣ церковниковъ учили уже и подъячихъ; затѣмъ Ртищевъ (1648) вызвалъ изъ Кіева ученыхъ монаховъ (для насъ кромѣ Славинец-

каго важенъ А. Сатановскій, переводчикъ врачебный). Это ученое общество основало школу для молодыхъ подъячихъ и дворянъ, учились латинскому и греческому языку, грамматикѣ, риторикѣ, философіи, а лучшихъ Ртищевъ посылалъ въ Кіевъ заканчивать образованіе. Никонъ, вызвавши грековъ и кіевлянъ для исправленія книгъ, создалъ другое ученое общество въ своемъ Новомъ Іерусалимѣ. И тамъ учили и переводили, какъ и у Ртищева, грамматики, ариѳметики, космографіи и лѣчебники. С. Полоцкій (давшій по тогдашнему блестящее образованіе царю Ѳеодору Алексѣевичу и царевнѣ Софіѣ, кои говорили по латыни и по польски; послѣдній языкъ сдѣлался придворнымъ) завѣдывалъ (1660) школой для подъячихъ въ Спасскомъ монастырѣ по Никитской улицѣ. Учили цифери, граммат., реторикѣ, латинск. языку. Въ 1670 прихожане церкви Іоанна Богослова основали Школу словесной мудрости — Гимназіонъ. И наконецъ при Софіи открыта Славяно-греко-латинская академія правительствомъ. Еще въ XVI в. былъ отличный переводъ латинской грамматики Доната, извѣстное средневѣковое руководство, сдѣланный толмачемъ Дмитріемъ; а въ «Простословіи» Евдокима (жив. XVI в.) сдѣлана попытка свести всѣ русскія статьи по грамматикѣ. Готовъ былъ къ открытію при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ и госпиталь, гдѣ бы больныхъ лѣчить и врачей учить. Но этими всѣми школами пользовались, какъ видите, дьяки, частью дворяне и очень мало остатки боярства, а народъ обходился старинной школой церковнаго характера. Не думайте, впрочемъ, что грамотность совсѣмъ не была развита въ народѣ; напротивъ, старообрядцы б. ч. грамотны, купечество для своихъ дѣлъ тоже должно было быть знакомо хоть съ чиферью; не говоря про высшее и среднее (б. ч. монастырей) духовенство. Не смотря на скудость грамотности, вглядываясь въ дѣятельность какъ отдѣльныхъ сословныхъ единицъ, такъ и всего общества, нельзя не придти къ заключенію, что общее развитіе не было особенно низко, а, что важнѣе, оно было равномѣрнѣе, чѣмъ даже теперь, разлито межъ верхними и нижними слоями.

Какъ и самый бытъ классовъ мало разнился внутреннимъ смысломъ. Тѣ же повѣрья, та-жъ обрядность, сложеніе домашняго обихода, жилища, пища, обычаи, суевѣрія, тотъ же взглядъ на природу, убѣжденія. Какъ бояринъ въ парчѣ и соболяхъ, Никонъ въ патріаршей мантіи, такъ и черной сотни человѣкъ боялись наговоровъ, порчи (хотя, бывъ въ заточеніи, Никонъ самъ лѣчилъ не однѣми молитвами и залѣчивалъ до смерти — Солов. XIII, 245); какъ царевичей, такъ и купеческихъ младенцевъ умывали съ уголька. Оттуда взглядъ на лѣченіе, врача, изъ какого

бы онъ сословія ни вышелъ, отношеніе къ нему было почти одинаково во всѣхъ слояхъ, исключая м. б. духовенства (почти и до сихъ поръ наши верхніе слои убѣждены, что всѣ русскіе врачи не знаютъ ничего и нельзя ихъ пускать въ гостиную). Всеобщая боязнь отравъ и колдовства (Др. и Нов. Рос., 1878, № 9, стр. 65), доказанная множествомъ дѣлъ Сыскнаго приказа XVII и даже XVIII вѣка, не могла въ умахъ измѣнить стараго взгляда на нашего врача, какъ замѣстителя знахаря. Говоря въ этомъ очеркѣ лишь объ официальной медицинѣ, оставляю пока въ сторонѣ, и помимо скудости источниковъ, народныхъ — дома ученыхъ (представителей коихъ увидимъ даже при дворѣ) и захожихъ спеціалистовъ, существованіе коихъ внѣ всякаго сомнѣнія, какъ и обширной торговли лѣкарствами [1]). Если въ старомъ быту смотрѣли на попа, поповича, какъ на «послѣдняго (Солов. XIII, 194) раба», какъ жильцовъ на чужой счетъ, а большинство лѣчителей могло быть изъ поповичей, то теперь, когда все иноземное отрицалось, какъ еретическое, взглядъ этотъ не могъ улучшиться (У всѣхъ славянъ изстари званіе врача было почетно, его уважали какъ вѣщаго, какъ и до сихъ поръ у славянъ дунайскихъ. Вѣроятно, встарь тоже было и у русскихъ — какъ бы они тогда ни назывались — славянъ. Почему взглядъ такъ круто измѣнился, я, при теперешней разработкѣ источниковъ, не съумѣю сказать) и поколѣній два должны бы были вымереть прежде, чѣмъ врачъ получилъ бы, т. ск., право гражданства, сдѣлался бы членомъ общества. Неумѣренная реформа Петра отодвинула это событіе. Официальнаго врача, въ силу того пассивнаго противленія, игнорировали всѣ сословія, лѣчась по старому. Да и теперь, вплоть до земства, создатели народныхъ лѣчебниковъ заманиваютъ заглавіемъ «безъ доктора и аптеки». Нужны ли были раціональные врачи тогдашнему обществу, каждому сословію врозь, по его развитію? Съ сожалѣніемъ отвѣчу—они и теперь сознательно мало нужны, помимо моды. Нужны были тогда лишь военные, да и тѣхъ нѣсколько десятковъ за-глаза. Не забудемъ, что не бросили еще тогда лѣчиться у монаховъ, у шептушекъ и пр.

Для удовлетворенія вышесказанной потребности въ техническихъ знаніяхъ вызваны и врачи иноземные. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ они лѣчили лишь иноземцевъ (и при Алексѣѣ Михайловичѣ всегда старались разсылать ихъ въ полки иноземнаго строя), наши еще чуждались ихъ. Ко двору—въ качествѣ консультантовъ лишь—да въ судебно-медицинскихъ случаяхъ м. б. и звали ихъ; а учителями за малыми исключеніями и то

[1]) См. мои «Древніе спеціалисты» и «Первыя аптеки въ Россіи».

частно, они не м. б. уже по своей ничтожной численности и малыхъ сроковъ службы; съ народомъ же они и совсѣмъ не приходили въ соприкосновеніе. При Алексѣѣ Михайловичѣ (этомъ знаменитомъ государственномъ хозяинѣ, устраивавшемъ фабрики, заводы чугунноплавильные, пороховые, стеклянные, столярные и пр. и непремѣнно съ русскими учениками и рабочими) войны и чума заставили искать врачей. Хотя число непатентованныхъ врачей изъ русскихъ, обученныхъ иноземному врачеванію — какъ полки иноземному строю — значительно увеличилось, но ихъ было мало. Правительство начало набирать русскихъ учениковъ (1654 г. первые 30 чел., а 1660 они ужъ лѣкаря), которые сначала учились въ аптекѣ фармаціи, фармакологіи, анатоміи, патологіи, діагностикѣ, лѣченію внутреннихъ болѣзней у дохтуровъ въ амбулаторіи и латинскому языку особо. Затѣмъ на 3-й годъ ученики поступали къ иноземнымъ лѣкарямъ для изученія хирургической патологіи и практики, конечно, по преимуществу военной [1]). Ученіе считалось службой и оплачивалось содержаніемъ. Съ своими учителями ученики разсылались въ полки въ военное время, а по достаточномъ навыкѣ, пройдя весь 5 лѣтній курсъ, производились послѣ экзамена въ Аптекарскомъ приказѣ въ лѣкаря, для самостоятельной практики. Хотя порой они разсылались за лѣкарей еще бывши учениками. Частные же ученики лѣкарей — жившіе у нихъ по условію — получали отъ нихъ свидѣтельства. Одно изъ нихъ — первое я напечаталъ.

Откуда или изъ какого сословія набирались эти ученики? Тогда были всѣ почти кому-либо крѣпки: бояре и черные люди — землѣ, посадскіе — городу, холопи и крестьяне — владѣльцу [2]), монастырскіе крестьяне и попы — патріарху, даже стрѣлецкіе дѣти (стрѣльцы набирались съ воли) были крѣпки службѣ. Число свободныхъ, т. е. нигдѣ не крѣпкихъ (смердовъ встарь), или захребетниковъ быстро уменьшалось. Вотъ сынъ убитаго подъ Ригой стрѣльца просится въ награду «за кровь и смерть отца» принять его въ ученики, его берутъ; но какъ дошла до него очередь службы, Стрѣлецкій приказъ требуетъ его назадъ къ себѣ. Патріархъ отбиралъ изъ Аптекарскаго приказа поповичей (ловя ихъ на улицѣ) и отдавалъ учиться иконо-

[1]) Подробный ходъ образованія разсказанъ мною въ статьяхъ «Первый военно-временный госпиталь» и «Первая русская врачебная школа въ Россіи».

[2]) Было не мало врачей изъ крѣпостныхъ холопей, отдаваемыхъ на выучку дохтурамъ. Что дало поводъ Олеарію сочинить сказку, будто въ Россіи, если врачъ не вылѣчитъ боярина, то врача отдаютъ въ рабство. Для насъ это извѣстіе важно лишь хронологически, какъ доказательство, что въ то уже время (1647 г.) было много врачей крѣпостныхъ. Какъ еще у меня на глазахъ Павловская въ Москвѣ и Голицинская больницы учили десятками крѣпостныхъ фельдшеровъ.

писи. Приказные служители въ ученики не шли, какъ на дѣло малодоходное, да ихъ во всей Россіи не было больше одной тысячи, разсылаемыхъ какъ и воеводы на временное кормленіе. Берутъ на службу посадскаго и даже не въ ученики, а лѣкаря, но выученнаго не въ Аптекарскомъ лишь приказѣ, вольнаго практика (сынъ нижегородскаго солдата Салтыцкій) — его требуетъ городъ для отбыванія тягла, пока Государь не указываетъ сложить съ него тягло. Припомните, что для ученія нужны были, по крайности, грамотные люди. Были не тяглые поповичи, но имъ выходъ болѣе выгодный былъ въ подъячіе. Лишь съ отдѣленіемъ гражданской службы отъ военной, когда мелкое дворянство, избывая военной службы, пошло въ приказы, тогда лишь дѣти духовныхъ стали скопляться безъ дѣла; а съ другой стороны, когда возстановленный Монастырскій приказъ далъ имъ волю. Тогда поповичи дали Петру I и наслѣдникамъ его надолго годный и даже исключительный матеріалъ для врачебной школы [1]). Оставалось низшее служилое придворное, т. ск. крѣпостное, царское вѣдомство, да московскихъ черныхъ сотенъ безтяглые сироты, да дѣти оставшихся у насъ иноземцевъ или иноземцы «польской породы», да москательщики, искони лѣчившіе при продажѣ лѣкарствъ. Всѣхъ этихъ впослѣдствіи только и видимъ въ числѣ учениковъ, даже не было лѣкарскихъ дѣтей, потому дѣти остаются въ профессіи отцовъ лишь когда отцамъ въ ней хорошо, а наши лѣкаря получали меньше не только аптекарей, но и меньше чѣмъ иноземцы польской породы (такъ величали себя б. ч. цирюльниковъ изъ евреевъ). Не одному, впрочемъ, врачевству не везло въ дѣлѣ школы. Въ 1673 г. взяты къ комедійному (богомерзкому для староправославнаго) дѣлу 26 уче-

---

[1]) Методъ преподаванія, а главное, постоянный, столѣтіями неуклонный, какъ рокъ, методъ сортировки, съ выкидываніемъ, безъ всякой жалости, всего посредственнаго — методъ, будто заимствованный частію у іезуитовъ — были главной причиной того, что наше духовенство, какъ сословіе, связалось и окрѣпло раньше другихъ сословій (замѣтьте, безъ всякой внѣшней поддержки привиллегіями) Россіи и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ положительно вытѣсняло всѣ другія сословія, даже иноземцевъ, съ ихъ страшной дисциплиной и поддержкой сверху, стремившихся, въ прошломъ и началѣ нынѣшняго вѣка, вытѣснить всѣхъ и вся и даже евреевъ, вѣчно пытающихся снизу дѣлать то же. Напр. укажемъ учительское и лѣкарское дѣло. Едвали кто станетъ оспаривать вѣрность этого положенія уже потому, что иноземцы не могутъ удовлетворить всей массы потребностей государства ни числомъ, ни качествомъ, какъ пришлецы не умѣющіе, да и не желающіе приспособляться къ народнымъ потребностямъ массъ. И потому государство ставилось въ необходимость опираться на эти отбросы (?) (т. к. все лучшее сберегалось для духовнаго служенія) сословія, ибо другія сословія, не имѣя внутренней вязкости, ни поддержки сверху, подавляются духовнымъ элементомъ. Къ тому же Петръ I, выводя духовенство, изъ государства въ государствѣ, въ сословіе учрежденіемъ Монастырскаго приказа, отнявъ всѣхъ недуховныхъ прислужниковъ въ свою службу, управителей замѣнилъ приказными, тѣмъ сдѣлалъ залишекъ, который, избѣгая тягла и солдатчины, пошелъ и во врачи.

никовъ, ихъ могли найти лишь въ Мѣщанской слободѣ, недавно населенной сплошь бѣлоруссами. Сравненіе это считаю умѣстнымъ и потому, что зала для комедійнаго дѣла была помѣщена надъ аптекой въ Кремлѣ, гдѣ прежде былъ Аптекарскій приказъ, переведенный тогда на Спасскую башню, да и начальникъ обоихъ учрежденій былъ одинъ А. С. Матвѣевъ. Много позднѣе, когда Бидлоо началъ учить, на одномъ латинскомъ языкѣ, анатоміи на трупахъ, патріархъ возмутился за учениковъ изъ духовныхъ и послѣдствіемъ этого было Тверитиновское дѣло. И тамъ, и тамъ пассивное противленіе на религіозной подкладкѣ.

Таковъ былъ выборъ. Въ трудную для государства минуту, 1654 г., взяли учениковъ, по царскому указу, изъ стрѣлецкихъ дѣтей на службу, а впослѣдствіи, какъ видали, были и изъ другихъ сословій. Есть свои выгоды и свои неудобства въ этомъ выборѣ стрѣльцовъ. Какъ грамотные, торговые москвичи, они были болѣе развиты, а промышляя изстари врачевствомъ, какъ постоянно военные по необходимости знакомые съ хирургіей и нуждами воина, они давали подходящій матеріалъ. Съ другой стороны принадлежа къ низшему классу служилыхъ людей (хотя сами владѣли людьми, считаясь благородными), они не могли сообщить будущему врачебному сословію той вѣскости въ общественномъ положеніи, такъ необходимой для устойчивости и процвѣтанія сословія; а своимъ торговымъ характеромъ могли придать лишь меркантильно-утилитарную окраску сословію, не возвышая его идеей подвига и долга. Это было у насъ началомъ средняго сословія à la Европа, или точнѣе верха 2-го и низа 1-го.

Выученные лишь грамотѣ у церковниковъ или побывавъ въ вышесказанныхъ школахъ, ученики поступали въ Аптекарскій приказъ на службу, съ кормовымъ только довольствіемъ и платьемъ. Тамъ начинали учиться, какъ выше сказано, по переводнымъ травникамъ, учебникамъ и пр. Кстати упомянемъ здѣсь, что переписное ремесло тогда было сильно развито, составляя отдѣльный промыселъ. Переводили врачебныя книги монахи, вызванные Ртищевымъ, Никономъ, переводчики Посольскаго приказа у Ордина-Нащекина, наконецъ, особые переводчики при Аптекарскомъ приказѣ (Синардатскій, Васютинскій). Припомнимъ, что съ 1661 г. въ Посольскомъ приказѣ начали составляться ежегодные календари — «Мѣсячило», въ которыхъ не забыты указанія, напр., дней кровопусканія наиболѣе благопріятныхъ, взятые изъ «Планидника» и другія врачебныя замѣтки. А съ 1662 г. являются уже «Куранты», т. е. газеты.

По какимъ же руководствамъ учились въ этой школѣ? Вотъ краткій обзоръ тогдашней русской врачебной словесности, взятой за все

почти столѣтіе, т. е. съ половины царствованія Михаила Ѳедоровича, когда внутренній миръ далъ возможность почти всестороннему развитію, до единодержавія Петра I-го, когда въ основу положенъ иноземный ладъ, хотя и съ новой наукой въ идеѣ.

Держась принятаго нами въ Русскихъ Врачебникахъ дѣленія (на номера рукописей которой мы и будемъ ссылаться), въ I части (Вертограды) мы отмѣтимъ—кромѣ появившихся въ прошломъ столѣтіи «Благопрохладнаго Вертограда», переводнаго съ латинскаго или, лучше, съ тогдашняго любекскаго нарѣчія, о которомъ мы говорили уже выше, и его, т. ск., перваго сокращенія, Травника Бутурлинскаго (не говоря о рукописи 8-й нашей кн. Русс. Врачебн.)—два ряда сокращеній-передѣлокъ. Первый рядъ это второе сокращеніе (рук. 10 — 16 нашей кн.), гдѣ содержаніе первообраза сжато почти до формы конспекта, причемъ все внѣшне научное, какъ имена авторовъ, указаніе источниковъ, обширность изложенія и пр. отброшено, чтобы дать мѣсто привнесеніямъ изъ другихъ источниковъ, чего не доставало. Такъ напр. въ 10 рукописи, изъ 3-й рукоп. или ей подобной, взяты кратко растенія, камни, животныя, но къ нимъ уже прибавлены масла и воды; къ отдѣльнымъ краткимъ ученіямъ 3-й рук. какъ о кровопусканіи, мочесмотрѣніи прибавлено довольно существенное обновленіе, краткое ученіе о женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ, а закончена книга привнесеніемъ двухъ отдѣльныхъ краткихъ лѣчебниковъ, тоже сокращенныхъ, напр. изъ древняго эллинскаго. Т. об. книга получила совсѣмъ другой обликъ. Конечно, до такого вида она дошла не разомъ, и потомъ продолжала передѣлываться въ этомъ же духѣ, но все-таки этотъ типъ, не удовлетворяя общей потребности, не доразвился до полнаго общелюбимаго учебника. Потому что другой рядъ сокращеній, начавшій одновременно съ этимъ развиваться въ другомъ духѣ и направленіи, якобы болѣе научномъ, непрактическомъ, успѣлъ раньше достигнуть цѣли сдѣлаться учебникомъ. Это третье сокращеніе (3 рукописи) и будетъ общеизвѣстный «Прохладный Вертоградъ», гдѣ практическая сторона, какъ приготовленіе, назначеніе лѣкарствъ, діэта, гигіена почти игнорируется въ противуположность къ стремленіямъ перваго ряда. То же явленіе повторилось и въ то же время и въ новой наукѣ и едва-ли не на той же почвѣ презрѣнія ко всему практическому. Углубясь въ сдѣлавшееся моднымъ изученіе древнихъ классиковъ, въ комментаріи къ комментаріямъ на Ипократа и пр., представители новой науки дошли до презрѣнія чуть не всего практическаго. Камнесѣченіе, операціи грыжъ и многое другое считалось за стыдъ дѣлать ученому врачу, да и вся хирургія, какъ шарлатанство,

предоставлена врачамъ-эмпирикамъ. Такъ что бакалавръ, кончивъ университетъ, читалъ лекціи, комментировалъ древнихъ и въ то же время въ практикѣ настолько не смыслилъ, что долженъ былъ у стараго практика начинать съ азовъ. Прохладный Вертоградъ былъ чистымъ сокращеніемъ донельзя Благопрохладнаго Вертограда, хотя число средствъ и болѣзней было почти тоже, помимо добавленій изъ нововышедшихъ такихъ же комбинацій изъ древнихъ врачей. Такое голословное сокращеніе угодило врачебной публикѣ, начавшей тогда переживая отмирать, а слѣдовательно не стремиться къ новому (т. к. цѣли не было изъ-за новѣйшей науки), а сохранять только старое и то лишь болѣе формы, а не суть. И вотъ Вертоградъ сталъ учебникомъ, сталъ настольной книгой. Тутъ почти въ строго систематическомъ порядкѣ по царствамъ природы собраны средства, употребляемыя во врачевствѣ, и при каждомъ перечислены болѣзни, отъ которыхъ они помогаютъ. Въ концѣ же предметный указатель по болѣзнямъ значительно помогаетъ отыскиванію средствъ.

Во второй части (Рус. Врачеб.), кромѣ перевода съ латинскаго ученія о водахъ (не минеральныхъ, а травныхъ) Іеронима Брауншвейгскаго, который я отношу къ XVI-му в., у насъ явилось въ XVII в. много подражаній и, конечно, сокращеній этого труда, но главнѣе появились чисто фармацевтическіе переводы, представителемъ коихъ можетъ служить 75 и слѣд. рукописи нашей книги. Гдѣ, какъ въ фармакопеяхъ, разсказано приготовленіе различныхъ сироповъ (т. е. не самое приготовленіе, а число и вѣсъ нужныхъ для того простыхъ веществъ), электуаріевъ, пигулей, порошковъ, маслъ изъ травъ, пластырей, водокъ, спиртовъ (настоекъ), эссенцій, съ перечисленіемъ болѣзней, гдѣ они помогаютъ, а часто и особый списокъ болѣзней въ концѣ. Въ этой части много русской самодѣятельности, но не изученіе русскихъ средствъ, а лишь русскихъ составителей. Собственно аптечное приготовленіе у насъ пріурочено было, т. ск., ко внѣшней формѣ. Такъ, наборъ лѣкарствъ для походной врачебной шкагулки, ковчежца, реестра домовой аптеки. Въ каждой изъ нихъ послѣдовательно меньше и меньше средствъ, зато испытанныхъ, излюбленныхъ.

Въ третьей части, о лѣчебникахъ, уже чисто практическое направленіе — перечисленіе лишь болѣзней и средствъ отъ каждой, часто съ приготовленіемъ и мѣрой пріема. Здѣсь составныя средства носятъ еще древнія названія мальхановъ, мазутовъ, пороховъ, глотковъ, горошковъ (пилюлей) и пр. Древнѣйшимъ въ этомъ, излюбленномъ публикой, отдѣлѣ, за его практичность, былъ переводъ «Древлеэллинскаго лѣчебника», гдѣ довольно еще терпимая топографическая классификація болѣзней, напоминающая

чуть не нашу прошлаго по крайности вѣка, конечно, безъ всякаго указанія на причины и ходъ болѣзни, за то со множествомъ средствъ противъ каждой изъ нихъ. Въ этой части такъ много и усердно работала невѣжественная рука, заимствуя, сокращая, опуская, перевирая названія, что теперь даже первообразовъ трудно разобрать, откуда они заимствованы, кромѣ позднѣйшихъ переводовъ конца вѣка. Изъ этихъ лѣчебниковъ или, лучше, травниковъ, выбранныхъ изъ Діоскорида, переводъ котораго у насъ могъ тоже появиться въ XVI-мъ вѣкѣ, путемъ такого же сложнаго переиначиванія, заимствованія, подлаживанія ко вкусу потребителя, составились наши простонародные лѣчебники, гдѣ суевѣріе, символизмъ, близость къ заговорамъ на первомъ планѣ и о наукѣ уже ни малѣйшаго намека, а все построено на чудодѣйственной силѣ. Носи траву Адамову голову—чорта увидишь; разрывъ трава замки ломаетъ; нецѣломудренная дѣвушка не вынесетъ запаха такой-то травы, а помажь тѣмъ-то, все сонная разскажетъ, а такимъ-то саломъ натри, любить будетъ, и тьмы подобнаго. Но не подумайте, что до всего этого самъ русскій человѣкъ дошелъ. Нѣтъ. Все это заимствовано, переведено, какъ и самыя средства до жеванаго хлѣба, каши и печенаго лука включительно; и не самимъ народомъ, а грамотѣемъ, падкимъ до народнаго кармана. Есть такіе травники съ рисунками травъ, напр., такихъ, кои собирать долженъ зимой слѣпой, чуя траву по боли въ глазахъ, а зрячій, увидя ее, съума сойдетъ, т. к. ее разбрасываютъ по снѣгу черти, что являлись Лютеру. Этотъ отдѣлъ русской врачебной письменности самый богатый и самый разнообразный — до 60 видовъ. Многіе, впрочемъ, изъ нихъ есть суть ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Есть, конечно, и малороссійскаго и литовскаго пошиба и польскіе лѣчебники; но суть ихъ всѣхъ заимствована съ иностраннаго, б. ч. латинскаго, и лишь оттѣнена мѣстомъ да народностію переводчика или, лучше, составителя; польскіе же б. ч. чистые переводы. Источники заимствованія были для всѣхъ народовъ и языковъ одни и тѣ-же: или древніе классики или ранніе компиляціи ихъ, напр. Галена, арабовъ, а позднѣе салернитанской школы, пражскаго университета и т. п., помимо множества шарлатанскихъ произведеній европейскаго рынка. Перечисленіе всѣхъ видовъ лѣчебниковъ и краткаго содержанія ихъ читатель найдетъ въ моихъ «Русскихъ Врачебникахъ».

Въ четвертой у насъ части помѣщены сначала т. наз. чистые классики, особенность которыхъ — чистота языка, тщательная безъ ошибокъ переписка и полное отсутствіе какихъ бы то ни было передѣлокъ, вставокъ, пропусковъ; хотя большинство изъ нихъ я считаю переводами XVI-го

вѣка, не смотря на то, что сохранились они въ спискахъ XVII вѣка. Проблемы, напр., Аристотеля въ началѣ XVI в. уже были на славянскихъ языкахъ, какъ и Афоризмы Ипократа, а Галена отрывокъ, переведенный въ XV вѣкѣ, сохранился въ сборникахъ Кирило-Бѣлозерской библіотеки и Троицко-Лаврской. Проблемата въ вопросахъ и отвѣтахъ состоятъ изъ трехъ частей: 1) легкой анатоміи и физіологіи (главнѣе) всѣхъ частей тѣла, отправленія и значенія ихъ въ организмѣ; во 2) говорится преимущественно о пищевареніи, о родахъ полезной и вредной пищи; а въ 3) объ отношеніи извѣстнаго устройства членовъ тѣла къ характеру, болѣзненности человѣка — физіогномика своего рода. Примѣры изложенія въ части первой: «Чесо ради у чреватыя жены единъ сосецъ твердѣйшій»? Отв. Если правый сосецъ, то беременна сыномъ и пр.; во II ч. «Чесо ради у младыхъ болѣе и скорѣе въ желудкѣ травитъ»? въ III ч. «Брови на высоту поднесенныя являютъ человѣка гордаго, смѣлаго, грознаго, похвальливаго, праздныя чести желающаго: обаче таковый есть на все послушливый». Этотъ переводъ съ польскаго Кобылинскаго изданія, но позднѣе былъ и Виленскій прямо съ латинскаго. Ипократа Афоризмы у насъ—неоконченный переводъ съ греческаго. Въ XVII вѣкѣ сдѣланы у насъ переводы Анатоміи Везалія, О садѣ царскомъ Мефрета и др. Они не сохранились. Затѣмъ рядъ отрывковъ, разбросанныхъ въ не врачебныхъ сборникахъ, о рожденіи младенческомъ. Это переводы съ Кобылинскаго перевода — полная тогда наука родовспомоганія — «Коимъ обычаемъ младенецъ на свѣтъ Божій исходитъ», сопровождаемый женскими и младенческими болѣзнями. Отдѣльнаго полнаго перевода этой книги не сохранилось. Какъ равно мало сохранилось отдѣльныхъ списковъ другихъ, безъ всякаго сомнѣнія существовавшихъ, отдѣльныхъ статей, напр., ученіе о крови и кровопусканіи, наука Моисея (гигіена), о мочесмотрѣніи, о наукахъ знаменныхъ въ людскихъ немощахъ, въ ихъ цѣльномъ видѣ. Съ одной стороны, это могло зависѣть отъ того, что въ сокращенномъ видѣ они появились во многихъ сборникахъ, а съ другой — прямая надобность въ нихъ для наученія будущихъ врачей уже миновалась за появленіемъ офиціальной науки, а рыночный покупатель, да врачъ эмпирикъ мало по малу вымирали. Сохранились отдѣльными случайные переводы, напр., Михелота — какъ курьезъ — о малослучаемой утробной болѣзни или какъ употреблять минеральныя воды на Мадеви въ Остроготіи (Норвегіи) и мн. др. О нихъ подробно въ моихъ Врачебникахъ.

Такъ можно ли согласиться съ Рихтеромъ, что все это было писано для самолѣченія народа?

Кстати упомяну здѣсь и печатныя работы въ Россіи рожденныхъ иноземцевъ, сдѣланныя и изданныя за границей:

à Stelligwere Jac. — De curatione generali omnium morborum per revulsionem, derivationem et evacuationem. Diss. D. M. Lugd. Batav. 1628. Защищ. 8 октября. Посвящена царю Михаилу Өедоровичу, затѣмъ родному брату Арнольду и Годзенію, аптекарямъ московской придворной аптеки. — Это Як. Арензенъ, сынъ Захарія, московскаго аптекаря, посланный въ 1616 году на казенный счетъ за границу, откуда въ Россію заслуживать свое ученіе онъ не вернулся, какъ видѣли.

Рылѣевъ Романъ.—De asthmate и пр. Diss. D. M. Lugd. Batav. 1651.

Кириловъ Ст. — De genuino et simplicissimo dolores podagrici remedia. Diss. D. M. Hall. Magd., 1697.

Юрскій Вас. — De Glandulae pinealis. Diss. D. M. Bremen, 1697 (м. б. и не совсѣмъ русскій).

Здѣсь бы упомянуть диссертаціи и другихъ рожденныхъ въ Россіи Д. М., посыланныхъ нашимъ правительствомъ на его счетъ учиться за границу, В. Бильса, Эльмстона, М. Граммона, Кельдермана, но они или утерялись и неизвѣстны, а м. б. ихъ и не было. Какъ наши первые русскіе посланные въ Падуанскій университетъ Постниковъ 1693 и Волковъ 1698. Послѣдній не окончилъ, а Постниковъ написалъ на двѣ темы отвѣты и защищалъ ихъ. Въ Архивѣ Падуанскаго университета сохранилась запись этихъ двухъ сочиненій:

Ebbe a temi in 2. Physicorum ten 3. Tanquam natura sit principium aliquid; а другая S. a. pl. u-ti tract. 2, cap. 2. Significant febres putridines adventus causarum. 19 сентября 1694 года.

Здѣсь же приведу названіе диссертаціи Іогана Деодата Блюментроста сына (родивш. въ Россіи), защищенной 9 ноября 1700 въ Кенигсбергѣ. Посвящена она царю Петру I, на деньги коего онъ учился. Потомъ онъ былъ директоромъ Медицинской Канцеляріи. Exertitatio practica sistens medicum castrensem exertitui Moscovitarum praefectum, qüam и пр. Iohan Deodat Blumentrost Moscua Nascitur. Хотя все содержаніе — лагерныя въ походѣ болѣзни — и выбрано все сплошь изъ иностранныхъ писателей, безъ всякаго отношенія къ тому, что у насъ дѣлалось. Особенно курьезны какъ взгляды на чуму, такъ и лѣченіе ея, да подборъ средствъ (кала всевозможныхъ животныхъ).

По этимъ учебникамъ и записочкамъ изъ нихъ зубрили ученики, поступавшіе въ аптеку, гдѣ дневали по очереди и изучали фармацію практически по лѣкарствамъ, рисункамъ, въ садахъ и лѣсахъ подъ руковод-

ствомъ аптекарей. Въ то же время ходили къ латинскому учителю, зубрили анатомію (по рисункамъ и скелету) и соединенную съ нею физіологію подъ руководствомъ дохтура (знаю лишь Гадена). Затѣмъ переходили къ фармакологіи и терапіи, тогда тоже соединенныхъ, т. к. изстари на Руси врачъ и аптекарь было одно и тоже (какъ древніе нашъ костоправъ обратился въ хирурга, т. е. лѣкаря, а знахарь превратился во врача), оттого и нѣтъ особаго русскаго слова для обозначенія этого званія. Были помясы — травники, м. б. встарь они замѣняли это званіе, какъ знатоки въ собираніи травъ, цвѣтовъ, кореньевъ и т. п., но въ XVII вѣкѣ они едва-ли лѣчили. Когда ученики, «по сказкѣ аптекаря навыкали аптекарское дѣло», ихъ отдавали лѣкарямъ для изученія хирургической патологіи и техники, для чего они должны были, являясь каждодневно къ своему учителю на домъ, посѣщать съ нимъ его больныхъ или осматривать приходящихъ, готовить мази и пр. и помогали ему при операціяхъ, ѣздили съ нимъ въ полки; повязки накладывать учились другъ на другѣ. Навыкшихъ уже лѣкарь посылалъ къ своимъ больнымъ и безъ себя. Тогдашнія частыя войны ускоряли этотъ курсъ, давая богатый практическій матеріалъ. Къ докторамъ для обученія хирургіи учениковъ не отдавали, т. к. въ то время и не одинъ народъ, а и Аптекарскій приказъ строго отличалъ лѣкарей, какъ хирурговъ, отъ докторовъ, какъ лѣчителей исключительно внутреннихъ болѣзней (1796 г. Въ предисловіи къ своему переводу Анатоміи Пленка Ив. Двигубскій прямо говоритъ, что безъ анатоміи врачъ не распознаетъ причину болѣзни, а лѣкарь не сдѣлаетъ ни одной операціи). Въ документахъ не сохранилось ни одного случая такой отдачи. Почуявъ свои знанія, а чаще по идеѣ мѣстничества, ученикъ подавалъ челобитье, въ коемъ, перечисляя все, что онъ знаетъ, кого вылѣчилъ, всѣ свои походы, просилъ опредѣлить его лѣкаремъ. Царь приказывалъ «свидѣтельствовать его дохтурамъ, искусенъ ли онъ лѣкарскому дѣлу» или «будетъ ли его съ аптекарское дѣло». Послѣ довольно строгаго экзамена въ Аптек. приказѣ, ему «царь указывалъ быть въ лѣкаряхъ». Есть основаніе думать, что практику лѣченія внутреннихъ болѣзней, по крайности при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, ученики проходили у докторовъ, хотя амбулаторія была и раньше въ аптекѣ, гдѣ каждодневно доктора лѣчили придворно-служащихъ, а потомъ на Новомъ Арбатскомъ аптекарскомъ дворѣ — на Смоленской улицѣ, подлѣ Воздвиженскаго монастыря, гдѣ былъ первый военно-временной госпиталь и вѣроятно потомъ постоянная больница для дворцовыхъ служителей — клиника.

Вольные врачи-аптекаря и лѣкаря (а ихъ въ то время было не

мало—въ Нижнемъ, въ Казани, у новгородскаго воеводы Строгонова и др. документы сохранили имена) проходили едва ли не тотъ же курсъ и по тѣмъ же руководствамъ у лѣкарей, аптекарей или дохтуровъ по договору на года или за цѣну и начинали потомъ практиковать; къ концу царствованія Алексѣя Михайловича начинаютъ однако и они получать свидѣтельства отъ своихъ учителей, послѣ экзамена [1]) у нѣсколькихъ лѣкарей, аптекарей и докторовъ. Къ этому разряду принадлежатъ и всѣ крѣпостные врачи, которыхъ бояре отдавали доктору на выучку за деньги. Число ихъ вѣроятно равнялось числу некрѣпостныхъ товарищей ихъ.

Если помимо костоправовъ — самыхъ раннихъ нашихъ хирурговъ, коихъ замѣнили лѣкаря—прибавимъ сюда бродячихъ (pedionaphť'овъ какъ самъ Гипократъ) врачей иноземцевъ (б. ч. грековъ, персіанъ) и своихъ (ихъ выучениковъ) спеціалистовъ очныхъ, кильныхъ (грыжевыхъ), особенно камнесѣчцевъ, камчужныхъ (ломотныхъ), чечуйныхъ (геморойныхъ), пострѣльныхъ, отъ порчи (нервныхъ) и чепучинныхъ (сифилидологовъ), то вы будете имѣть полный составъ русской врачебной силы съ докторами при дворѣ и лѣкарями по полкамъ, которыхъ при Алексѣѣ Михайловичѣ однихъ выученныхъ иноземному строю было 63, половина всей арміи. Въ этой-то второй половинѣ арміи и дѣйствовали непатентованные, вольные костоправы-лѣкаря и врачи холопи частію, какъ изстари повелось. То были б. ч. выученики Гадена, какъ и большинство стрѣлецкихъ лѣкарей, учившихся и содержавшихся на свои или на средства Стрѣлецкихъ приказовъ безъ всякаго участія правительства.

У царя Василія Ивановича Шуйскаго лейбъ-медикомъ былъ д-ръ Васмеръ, пріѣхавшій при Борисѣ. При Михаилѣ Өедоровичѣ придворными докторами послѣдовательно (біографіи ихъ у Рихтера) были: Бильсъ (615—33) и Полиданусъ (616—21) голландцы, Дій (621—34) англійскій придворный врачъ, свободно говорившій по польски, кажется еврей, Венделинусъ Сибилистъ (633—45), Пау (638—43), Г. Граманъ (639—58) голландцы, Белау (643—52) мекленбуржецъ. Они получали 150—250 р. въ годъ жалованія и 40—60 р. кормовыхъ въ мѣсяцъ, кромѣ праздничныхъ кормовъ и подарковъ. Объ Арензенѣ, Эльмстонѣ и Бильсѣ сынѣ (644—45) мы упоминали выше; и человѣкъ 8 лѣкарей иноземцевъ.—При Алексѣѣ Михайловчѣ были: Энгельгардъ (656—66 и 676—82) изъ Любека, Личифинусъ (656—58), Коллинсъ (659—67) англійскій еврей (писалъ о Россіи), Томасъ Вильсонъ (666—68), М. Грам-

---

[1]) См. мою статью «Первый врачебный дипломъ въ Россіи» 1671 г. «Русск. Арх.» 1887.

іонъ (667—77) племянникъ Г. Гр., посыланъ учиться изъ Россіи, І. Костеръ ф. Розенбургъ (667—76) и сынъ его Б. ф. Розенбургъ (674—81) любчане, Л. Ал. Блюментростъ (668†705) изъ Мюльгаузена, Лаврентій Рингуберъ и Понтанусъ (675—77); Гаденъ (657†82) польскій еврей, изъ цирюльниковъ пожалованъ докторомъ — три раза мѣнялъ вѣру; и 4 лѣкаря иноземца. — При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ: Г. Келлерманъ русскій уроженецъ и выученикъ 678—83); Гутменшъ (669—83, изъ аптекарей — 679 г.) убитъ съ Гаденомъ; Зоммеръ (653—84) силезскій еврей, произведенъ д-ромъ 676 г.; и 5 лѣкарей иноземцевъ.—При Іоаннѣ и Петрѣ I: Карбонарій (689—714) нѣмчинъ, Пелярино (690—92), Комнинъ (691—95) греки, ф. д. Гульстъ (686—94) голландецъ и наконецъ нашъ Постниковъ, изъятый впрочемъ изъ медицинскаго вѣдомства. Еще былъ еврей Дрешеръ съ женой; и 12 лѣкарей иноземцевъ.

Какъ видѣли, сознанный недостатокъ техническихъ знаній заставилъ искать иноземныхъ учителей вообще, а съ ними и лѣкарскаго дѣла. Иноземное врачебное вліяніе не новость на Руси. Споконъ вѣковъ къ намъ захаживали врачи и часто оставляли русскихъ выучениковъ своего дѣла. Еще у скиѳовъ на устьяхъ Дона и Кубани были свои врачи, что доказываѐтся несомнѣнно найденной въ могилѣ чашей съ изображеніемъ перевязки раненаго и вырываніемъ зуба. Эти знанія могли быть занесены еще съ вершинъ Памира, или отъ малоазіатскихъ несторіанъ, съ 6 вѣка, когда въ Хозарскую столицу ѣзживали наши купцы съ «челядью на продажу» (гдѣ арабскій историкъ видѣлъ, что своихъ заразныхъ больныхъ славяне уединяли, а погребали сожиганіемъ). Чувствовалось вліяніе арабской медицины (Валеріана по гречески фу, говоритъ Коллинсъ, по латыни лихенисъ, по арабски бондріонъ — въ Россіи удержался болдырьянъ, — по нѣмецки трясовичное коренье, а по рязански кошачья трава. [Мат. № 1057]. Сатылбомъ по русски — сабина [ib. № 1073]), которая оставила и доселѣ слѣды въ финскихъ племенахъ, тогда поволжскихъ. Въ доисторическомъ Новгородѣ могли быть врачи съ запада или, правильнѣе, изъ Рима. Съ переходомъ центра въ Кіевъ, на большую водную дорогу изъ Балтійскаго въ Черное море, естественно появились и врачи южные: сиріане, армяне, несторіане и лѣкарства изъ Александріи, школа которой первенствовала въ началѣ христіанской эры. Съ христіанствомъ пришла къ намъ греческая медицина. Но все это расплывалось въ народѣ, русѣло, оставляя домашнихъ продолжателей. При каждомъ удѣльномъ князѣ (вначалѣ дробленія на волости) не новость врачъ. Духовенство и города имѣли больницы. Когда судьба потянула Россію въ Суздаль, образованіе, за

дробленіемъ и татарщиной, падало. Нашъ суздальскій врачъ, заимствуя лишь отъ лѣсной Чуди, да чрезъ татаръ заносимое арабство, конечно, одичалъ и сдѣлался бродячимъ — педіодефтомъ. Собирательницѣ Москвѣ пришлось уже властью вызывать врачебную науку изъ Константинополя и Италіи далекимъ и кружнымъ путемъ. Царь Грозный пробуетъ добывать врачей чрезъ Бѣлое море изъ Англіи, царь Борисъ изъ Ганзы. Когда торговое вліяніе англичанъ замѣнилось у насъ въ 17 вѣкѣ голландскимъ, большинство царскихъ врачей у насъ голландцы, какъ шедшіе во главѣ тогдашней медицины, которой мы дома учимся по переводамъ б. ч. съ польскаго и по польскимъ подлинникамъ почти полстолѣтія. Лишь оффиціальная медицина является у насъ европейской въ лицѣ голландскихъ учителей, и вѣрная преданію русѣтъ, начинаетъ захватывать все большее число русскихъ дѣятелей. Большая часть иноземныхъ лѣкарей, прибывшая при Михаилѣ Ѳедоровичѣ съ иностранными волонтерами для войны съ Польшей, скоро убываетъ (желающіе остаться крестились), являются иноземцы польской націи (б. ч. бѣлоруссы), а затѣмъ въ половинѣ арміи видимъ уже русскихъ лѣкарей съ русскими учениками. Придворные врачи, сначала сидѣвшіе, какъ въ теремѣ, не касаясь ни до кого, и даже послѣ, когда лѣчили знать «за милость Божію», имѣли ничтожное значеніе на судьбы врачебнаго дѣла въ Россіи; да и скоро уходя, не могли оставлять по себѣ слѣдъ. Иноземцы-лѣкаря, помимо учительства и службы въ полкахъ, тоже не привлекали къ себѣ; да еще при религіозной нетерпимости платящихъ классовъ, и практиковали развѣ въ Нѣмецкой слободѣ. Лишь обрусѣлые, какъ Гаденъ и Зоммеръ, собирали пожитки, да и то при могучей поддержкѣ царской милости — домами, лошадями, соболями. Напрасно Рихтеръ, вѣря иностраннымъ путешественникамъ, говоритъ о богатствѣ, пріобрѣтаемомъ практикой въ Москвѣ. Проходило безслѣдно вліяніе лѣкарей — тоже по выслугѣ срока уѣзжавшихъ — даже на учениковъ, до самаго конца столѣтія. Одни аптекаря усѣлись плотно и пустили крѣпкія корни въ Нѣмецкой слободѣ. Вначалѣ иностранцы (и даже врачи) стали появляться въ русскихъ костюмахъ, м. б. чтобы принять греческій законъ и скорѣе обрусѣть, какъ Басманная слобода. Въ Ивашкѣ Назаровѣ, Митькѣ Петровѣ — врачи — нельзя уже было откопать иноземца, да и сами они забывали про то. Но излишняя не въ мѣру ревность патріарха, снявъ съ нихъ русскую одежду, вернула ихъ въ Нѣмецкую слободу, гдѣ потихоньку росла страшная дисциплина національной особенности и личной — часто антинародной — эксплоатаціи. Петръ I далъ этой дисциплинѣ окрѣпнуть и вдохнулъ въ нее жизнь. Повѣяло сознающимъ свою силу, презрѣніемъ ко

всему русскому и властной жаждой подавлять все, что не преклонялось, уже не запасаясь даже учительскимъ превосходствомъ знаній.

Какая же разница была въ знаніяхъ нашихъ тогда и пришлыхъ лѣкарей? М. б., вы и сами ее замѣтили — въ знаніи латинскаго и, разумѣется, своего роднаго языка, да м. б. въ большей теоретической подготовкѣ. Въ практическомъ же смыслѣ по хирургіи и разнымъ спеціальностямъ наши если не превосходили, то и не уступали пришлымъ. Взгляните на судебно-врачебные осмотры, тамъ даже начала вырабатываться своя русская терминологія, въ которой, конечно, иноземцы ни сномъ, ни духомъ не виноваты. Такое же освѣженіе русской врачебной науки встрѣтите во время директорства Кондоиди и послѣ 12 года, при Виллье (оба не жаловали иностранцевъ) и въ началѣ позапрошлаго царствованія. Лучшимъ подтвержденіемъ практическаго превосходства (правда, дома и стѣны помогаютъ) нашихъ врачей служитъ забота пришлыхъ ограничить практику доморощенныхъ при помощи власти. Съ позаранку, едва водворившись — 1652 — аптекарь Гаазъ (?), потерявъ больнаго (аптекаря тогда лѣчили) и, кажется, Блюментростъ жалуются въ Аптек. приказѣ боярину Милославскому на спеціалиста грыжеваго, якобы не экзаменованнаго, увѣряя, что въ «ихнихъ нѣмецкихъ государствахъ такъ не повѣлось». Въ 1673 г. они частію добились этаго окольнымъ путемъ, когда, въ видахъ монополіи казенной аптеки, запрещено было продавать изъ москательныхъ лавокъ составныя лѣкарства и спирты. А безъ лѣкарствъ врачъ былъ тогда немыслимъ. Въ другой моей работѣ («Первыя аптеки въ Россіи») я сообщалъ, что законъ этотъ, не выдержавъ и десяти лѣтъ, вызвалъ поправку, ограничивавшую почти совсѣмъ ту аптечную монополію. Въ концѣ нашего очерка, говоря о движеніи врачебныхъ у насъ теорій, приведу примѣры уровня знаній нашихъ дохтуровъ, сравнительно съ европейскимъ; а теперь ограничусь замѣткой, что баластъ научныхъ знаній неособенно обременялъ ихъ, что вы сами можете видѣть по остаткамъ ихъ библіотекъ въ каталогѣ архива мин-ва иностр. дѣлъ въ Москвѣ. Зато ими предпочиталась житейская мудрость, а Дій и Коллинсъ — сколько-нибудь выдающіеся — оба мистики. Научныя свѣдѣнія русскихъ тогда лѣкарей, конечно, немногимъ превышали знанія теперешнихъ фельдшеровъ изъ школъ, зато дохтуры, сравнительно, не знали больше современнаго самаго зауряднаго врача. И, прибавлю, у обоихъ знанія со времени экзамена оставались на степени замерзанія на всю жизнь. Въ общемъ ходѣ врачебнаго тогда образованія, какъ и во всѣхъ дѣлахъ тишайшаго царя, легла гуманно народная, высокогосударственная и вполнѣ правильная идея по-

степенности — не ломая вѣками усвоеннаго обычая выучки, стоило по временамъ обновлять учительскій слой, замѣняя его также постепенно русскимъ, и мы скоро бы догнали западъ. И не пришлось бы, черезъ 200 лѣтъ, «работать лишь на западную науку», какъ справедливо выразился Долженковъ.

По службѣ наши лѣкаря не имѣли никакого отношенія ко Двору и представлялись царю, вмѣстѣ съ полуголовами стрѣльцовъ, на 4 день пасхи, послѣ царицыныхъ мастерицъ и дворовыхъ дѣловыхъ людей, кои являлись на 3 день. По рангу стояли тоже невысоко. За докторами и поддокторами («медицина») шли аптекаря, иноземцы лѣкаря, русскіе спеціалисты, дестилляторы, лѣкаря польской породы, наконецъ, русскіе лѣкаря, подъячіе, сторожа, помясы, истопники, костоправы и затѣмъ ученики (ихъ бывало по 40 и болѣе человѣкъ) по годамъ службы, хотя все же спеціальные и аптекарскіе ученики выше. По той же лѣстницѣ получались жалованіе и корма [1]). Черезъ нѣсколько лѣтъ службы, или за военныя заслуги, всѣ получали прибавки того и другаго, въ строго мѣстническомъ порядкѣ. Дали одному, сейчасъ всѣ сверстники бьютъ челомъ о томъ же. Оттого во всѣхъ экстренныхъ случаяхъ такъ часты выдачи «не въ примѣръ», а обычныя выдачи всегда «на примѣръ». (Рихтеръ, говоря о пріемѣ Розенбурга отца, въ простотѣ душевной отнесъ это «не въ примѣръ» къ личному почету). При посылкѣ въ походъ, — непремѣнно въ очередь, — выдавалась «подмога» на подъемъ и на лошадь; погорѣвшимъ или на обзаведеніе подмога и въ царскіе дни кормы,

[1]) Докторамъ	130—250	р.	годов.	жалов.	и	45—72	р.	въ	мѣс.	кормовыхъ.
Поддоктору	60	»	»	»	»	40	»	»	»	»
Аптекарь	50 — 60	»	»	»	»	8—28	»	»	»	»
Алхимистъ	40 — 50	»	»	»	»	5—12	»	»	»	»
Окулистъ	40	»	»	»	»	8	»	»	»	»
Иноземный лѣкарь	20 — 55	»	»	»	»	5—15	»	»	»	»
Лѣкарь польской породы	7 — 30	»	»	»	»					
Переводчикъ	20	»								
Аптекар. ученикъ	20 — 25	»	»	»	»	3 — 4	»	»	»	»
Чепучинный мастеръ	5 — 20	»	»	»	»	4	»	»	»	»
Толмачъ	7 — 10	»	»	»	»	$3^1/_2$	»	»	»	»
Русскій лѣкарь	5	»	»	»	»	2	»	»	»	»
Костоправъ	5	»	»	»	»	2	»	»	»	»
Чепучин. ученикъ	4	»	»	»	»	2	»	»	»	»
Старшій лекарск. ученикъ	2 — 3	»	»	»	»	$1^1/_2$—2	»	»	»	»

Вообще лѣкарскіе ученики не получали жалованія, а лишь поденный кормъ 3—10 денегъ на день. Тогдашній рубль относился къ теперешнему какъ 1 : 17. Содержаніе это выдавалось въ неопредѣленные сроки, иногда за 3 и болѣе мѣсяцевъ, часто половину мѣхами и всегда, чуть не до Петра, по особому царскому указу.

сукна и т. п. Иностранные лѣкаря всегда, кромѣ того, для походовъ имѣли лошадь со сбруей изъ царской конюшни и раціоны, а б. ч. и живя въ Москвѣ имѣли ее.

На мѣстѣ въ полку [1]) врачъ лѣчилъ самостоятельно приводимыхъ къ нему больныхъ (а бороды командиру, какъ при Петрѣ I, не брилъ), получая лишь мѣсячное отъ полка (жалованіе давалось въ Апт. приказѣ, иногда передъ походомъ даже нѣсколько впередъ), лѣчилъ всѣхъ чиновъ казенными лѣкарствами, но со своими инструментами. Бывалый изъ нихъ покупалъ въ Москвѣ и свои лѣкарства, на случай, такъ какъ безъ лѣкарствъ ничего бы не заработалъ, а «могорецъ» съ больнаго тогда уже не запрещался, кажется, какъ цѣна лѣкарствъ, а не совѣта. Убивали, иль умиралъ, иль брали врача въ плѣнъ, жена получала пансіонъ (съ 1633 г.), а въ отсутствіи мужа изъ Москвы получала тамъ его жалованіе. По возвращеніи изъ похода, врачъ получалъ, б. ч., или единовременную денежную награду или прибавку довольствія. Ученикамъ въ походахъ прибавлялся поденный кормъ. Живя въ Москвѣ, послѣ отдыха за походъ, иноземные лѣкаря принимались учить, иногда бывали въ посылкахъ (придворные врачи, число коихъ возрастало, съ увеличеніемъ царскаго семейства, никогда, никуда не посылались, кромѣ сопровожденія царевичей, царевенъ на богомоліе или въ деревню) и рѣдко призывались въ Аптекарскій приказъ, а русскіе лѣкаря, по очереди, являлись туда каждый день рано утромъ для осмотра (свидѣтельства), по указанію дьяка, раненыхъ ратныхъ людей или передъ походомъ увѣчныхъ, «а смотря говорили: излѣчить ихъ ни которыми дѣлы нельзя и Велик. Государя стрѣлецкая служба служить имъ не мочно» (офицеровъ часто смотрѣли доктора); кромѣ того, лѣчили служилыхъ и дворовыхъ людей на дому, а иногда занимались съ учениками въ отсутствіе учителей. Готовить лѣкарства въ аптекѣ ихъ едвали допускали, т. к. отвѣтственность была велика, въ Верхней аптекѣ никогда; а въ Нижней всегда было достаточно опытныхъ учениковъ для того. Часамъ къ 10 утра служба кончалась и лѣкаря, кромѣ дневальнаго, могли заниматься частной практикой и пр. Ученики утромъ учились, а затѣмъ дневали въ обоихъ аптекахъ по трое. Срокъ службы иноземныхъ лѣкарей опредѣлялся контрактомъ, а для русскихъ лѣкарей сначала былъ на всю жизнь или до увѣчья, какъ и у всѣхъ служилыхъ людей. При

[1]) Куда часто, а въ дальнія службы всегда, сами лѣкаря разверстывали кому куда ѣхать. Это выборное начало (и при другихъ случаяхъ) потому важно, что оно устанавливало общественное мнѣніе о врачѣ по его способности, знанію и дѣятельности, помимо чина, что естественно рождало благородное стремленіе быть чистымъ, знать больше и крѣпко держаться идей долга.

*

Ѳедорѣ Алексѣевичѣ уже начали отпускать «на свои хлѣба», т. е. въ отставку или лучше въ безсрочный отпускъ, т. к. при военной надобности ихъ опять брали въ службу. Такъ при устройствѣ Новой аптеки берутъ изъ отставныхъ доктора, аптекаря, лѣкаря и двухъ учениковъ. Оттого во многихъ городахъ, въ то время, были и дѣйствовали эти русскіе лѣкаря. Слѣдовательно, кромѣ прогрессивнаго развитія во врачебныхъ знаніяхъ, замѣчаемъ при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ и децентрализацію самой врачебной службы. Ибо многіе полковые, провинціальные воеводы сами лично принимали, оплачивали и увольняли вольныхъ, иногда и не патентованныхъ врачей, безъ вѣдома Аптекарскаго приказа. И немудрено, если возьмемъ въ разсчетъ, подписанный уже царемъ, проектъ федеративнаго раздѣленія Россіи на нѣсколько отдѣльныхъ княжествъ, съ знатнымъ наслѣдственнымъ бояриномъ во главѣ.

Не таково было служебное положеніе докторовъ (имѣвшихъ переводчиковъ). Вызывали докторовъ на сроки или увольняли чрезъ короткіе сроки. То были лейбъ-медики и придворные врачи въ полномъ смыслѣ. Сначала ихъ бывало по двое, старшій, по жалованію, для царя, другой для двора, а съ учрежденіемъ Новой аптеки и тамъ два, тоже съ разнымъ жалованіемъ. Ихъ обязанность была явиться каждодневно въ Аптекарскій приказъ «съ поклономъ къ боярину» и вопросомъ «нѣтъ ли дѣла»?— какъ разсказываетъ Олеарій. Дѣла были: изрѣдка судебные осмотры большихъ чиновъ, лѣченіе, по приказу царя (т. к., при вступленіи на службу, доктора давали присягу «никого не лѣчить безъ указу Государя»), какого либо боярина далеко не часто (обыкновенно одинъ визитъ и прописка лѣкарства на все время болѣзни разомъ), главное же дѣло было лѣченіе царской фамиліи. Но и то лѣченіе было чисто консультативное — «смотрѣли воду и говорили», а что видѣли и рѣшили заносилось въ особенный протоколъ Аптекарскаго приказа, подписывалось и хранилось, исполненіе же чинилъ, т. е. наблюдалъ за составленіемъ, пріемомъ лѣкарствъ и ходомъ болѣзни самъ бояринъ. Царь обыкновенно пробовалъ сначала — а царицы съ дѣтьми всегда — лѣчиться домашними средствами (такъ царь Иванъ Алексѣевичъ, больной глазами, лѣчился у поляка Гордея Силина—не врача—помимо дохтура), а призывали доктора лишь когда приходилось лечь и болѣзнь уже была б. ч. опредѣлена. Такъ Михаилъ Ѳедоровичъ «слегъ огневой», позвали доктора. Въ хирургическихъ случаяхъ призванный, по указанію доктора, иноземный лѣкарь «билъ у руки жилу соколомъ», т. е. пускалъ кровь «жильную иль рожковую». Впрочемъ, хирургическая практика въ царской семьѣ, есте-

ственно, была очень ограничена. При лѣченіи царскаго семейства, комнаты обыкновенно убирались роскошно, какъ и при родахъ царицъ (При родахъ Дмитрія царевича повивальной бабкой была ливонская плѣнница, дворянка Тизенгаузенъ). Обязанностію докторовъ, кромѣ того, было прописывать составъ мыла, духъ (спиртовая настойка. Оттуда у насъ слово духи), душистыя травы, куренія, порохи для «Осударевой мыльни»; ѣздить «въ походъ за царемъ» и членами его семьи, т. е. сопровождать его на богомолье и т. п. Къ царицѣ и царевнамъ лишь въ самыхъ трудныхъ случаяхъ призывали докторовъ, которые, однако, не видали самой больной, а слушали да разспрашивали мамокъ, боярынь и давали совѣты особымъ бабамъ (лѣкаркамъ), состоявшимъ при каждой царевнѣ съ жалованіемъ до 2 р. въ годъ (постельныя ихъ получали 4 р.), на всемъ конечно готовомъ. При царицѣ же была и бабка—акушерка. Лишь Наталья Кириловна начала въ болѣзняхъ допускать врача «на свои очи» и то б. ч. спеціалистовъ, какъ Ивашку Губина — гортаннаго мастера. При Ѳедорѣ же Алексѣевичѣ уже въ модѣ консиліумы (Мат. № 1673).

Почти въ такихъ же отношеніяхъ были иноземные лѣкаря къ боярскимъ семьямъ, или лучше къ однимъ мужскимъ ея членамъ, т. к. не знаемъ ни одного случая лѣченія боярыни у иноземца-лѣкаря, не говоря про боярышень. Олеарій говоритъ, что годовой врачъ обязанъ былъ «каждый день являться на дворъ съ поклономъ, спрашивать о здоровьѣ». Въ старыхъ документахъ нѣтъ прямыхъ указаній на рангъ докторовъ въ общей лѣстницѣ чиновъ. Лишь по наградамъ, которыя давались имъ противъ полковниковъ, а лѣкарямъ противъ ротмистровъ, да, напр., по дню пріема ихъ царемъ на Святой недѣлѣ (послѣ мастеровыхъ), да по существованію врачей холопей, мы можемъ нѣсколько судить объ ихъ общественномъ положеніи. Кромѣ жалованья доктора имѣли иногда помѣстья, какъ Дій (бывшее прежде за княземъ Хворостининымъ, гдѣ засѣвалось по 56 четвертей въ полѣ, т. е. теперешнихъ 200 десятинъ); или жаловались вотчинами, какъ Гаденъ (вѣроятно, какъ православный), имѣвшій и холопей. У остальныхъ прислуга была вольнонаемная, иноземная-жъ. Кромѣ того всѣмъ придворнымъ врачамъ давались дома или деньги на покупку ихъ и праздничные кормы, б. ч. 10 блюдъ съ массой напитковъ, а иногда деньгами за то.

Доктора и иноземцы-лѣкаря носили платье своего, иноземнаго, покроя, сколько можно судить по нѣкоторымъ картинамъ [1]) и по жалованію шелковъ и бархату на платье (со всѣмъ, конечно, прикладомъ до нитокъ).

[1]) Извѣстная картина «Лекція анатоміи» или Смерть Грозваго, не Маковскаго, а компов. Н. Гнѣдича.

То былъ костюмъ врачей тогда на западѣ, башмаки, чулки до колѣна, въ обтяжку панталоны и что-то въ родѣ куртки, по таліи плотно сидящей, съ короткими, въ ¹/₄ аршина, фалдами кругомъ, съ однимъ рядомъ блестящихъ пуговицъ по прямому борту на срединѣ до пояса. Въ рукавахъ и по шеѣ крахмаленныя бризжи, или откладные бѣлые, крахмаленные воротники. Сверху на плечи набрасывалось что то въ родѣ плаща, часто съ бобровымъ иль собольимъ воротникомъ, съ золотой цѣпочкой для застежки такъ, чтобы воротникъ не мялъ брызжей. Костюмъ иноземныхъ лѣкарей отличался лишь качествомъ матеріала, сохраняя тотъ же покрой. Русскіе лѣкари и иноземцы польской породы носили суконныя однорядки (судя по дачамъ) и высокіе сапоги.

Плата за лѣченіе или «могорецъ» — когда лѣченіе было обязательно — давалась натурой, къ празднику, присылали мѣха, лошадей, сѣно, овесъ, дрова, окорокъ ветчины, полть мяса, рыба, водка, яйца. (Этотъ давній обычай на столько былъ крѣпокъ и живучъ, что напр., въ 1840-хъ годахъ я самъ помню всѣ эти съѣстныя посылки врачамъ, за лѣченіе, даже отъ замѣтныхъ лицъ, какъ предводителей дворянства). Или платили по договору за вылѣчку, б. ч. спеціалистамъ, за радикальную, напр., операцію грыжи или за камнеизсѣченіе до 60 р. (тогда рубль стоилъ 17 нынѣшнихъ), а напр. раненіе всѣхъ пальцевъ ядромъ лѣчилось русскимъ лѣкаремъ за 4 руб. у небогатаго дворянина.

Характерны для того времени дуэли межъ врачами, какъ въ благородномъ сословіи, напр., Роланда (№ 565, Мат. для ист.) или Алексѣя Бѣдинскаго (ib., 1276). Но онѣ, какъ видно, не привились, на нихъ смотрѣли и жаловались, какъ на убійство.

Лѣкарства. До сихъ поръ мы преднамѣренно умалчивали объ аптекаряхъ, чтобы соединить рѣчь о нихъ съ разсказомъ объ аптекахъ. Но прежде посмотримъ, откуда добывались въ Россію лѣкарства. Еще въ XI вѣкѣ Новгородъ вывозилъ въ Европу аравійскія лѣкарства, получая ихъ съ устьевъ Волги отъ хозаръ (въ Астрахани и теперь большій привозъ смолъ, гуммъ, опія, корки и т. п); по овладѣніи Днѣпромъ—изъ Константинополя и генуэзскихъ колоній въ Крыму. За христіанствомъ и лѣкарями пришли въ Кіевъ и лѣкарства, а въ Москву и изъ Польши и по Бѣлому морю, даже съ китайской границы. Припомнивъ давнее существованіе у насъ народныхъ (собственно народными врачами въ Россіи можно назвать послѣдовательно бабокъ, знахарей, колдуновъ, даже помѣщиковъ, какъ Строгановъ и мн. др., священниковъ, замѣнявшихъ долго у насъ врачей, или лучше своей большой практикой дѣлавшихъ ихъ не нужными для

темныхъ массъ, а врачамъ для конкурренціи пришлось учиться уже толкомъ, по книгамъ) или лучше не патентованныхъ, но систематически обученныхъ врачей либо какой спеціальности, либо знакомыхъ съ аптекарскимъ дѣломъ, хотя бы ради торговли лѣкарствами; припомнивъ, что у народа всякій врачъ былъ вмѣстѣ и аптекарь, для названія коего не выработалось и слова, слѣдовательно не было и понятія; мы согласимся, что лѣкарствъ въ московскихъ зельныхъ (отъ зельникъ, а зелейной казной назывался порохъ), травныхъ и т. п. рядахъ было много. При Иванѣ III есть ужъ указанія о привозѣ заморскихъ лѣкарствъ. Къ Архангельской успенской ярмаркѣ привозились масла, гвоздика, а хинная корка изъ Кизилбашей и ревень чрезъ Казань. При Василіѣ Ивановичѣ наши купцы уже привозили мускусъ, камфору, ревень, гвоздику, цилибуху, миндальныя ядра. Торговля ревенемъ даже монополизирована въ пользу казны при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, вплоть до Екатерины II. Съ западной границы привозъ былъ чрезъ Полоцкъ, Новгородъ, Могилевъ (1654). Съ основаніемъ первой царской аптеки, 1581 г., изъ купленныхъ въ Англіи лѣкарствъ; у насъ этотъ привозъ докторами, пріѣзжавшими и выписывавшими ихъ потомъ, продолжается до 1644 г., когда впервые привезъ ихъ не врачъ, ибо доктора и склянки, даже бумагу, нитки выписывали, что намъ не было выгодно. Но этотъ привозъ былъ лишь для двора, слѣдовательно не стѣснялъ обычнаго хода торговли зельныхъ, москательныхъ и пр. рядовъ, а наоборотъ, царская аптека все болѣе и чаще пополнялась изъ этихъ же самыхъ рядовъ — «московскими маслами».

Сады. Кромѣ того, для лѣкарствъ же существовали царскіе лѣкарственные огороды (сады. Подробно о нихъ смотри мои «Первыя аптеки»). При Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москвѣ и ея ближайшихъ окрестностяхъ было больше 150 фруктовыхъ садовъ. Изъ нихъ перечислимъ въ хронологическомъ порядкѣ лишь врачебные. То были Кремлевскій, царя Ивана III; за Москвой-рѣкой противъ Кремля (1495); у кремлевской стѣны на устьяхъ Неглиной, съ лебяжьими прудами; 1634 г., вѣроятно, продолженіе его въ нынѣшнемъ Александровскомъ саду; за Мясницкими воротами, кажется, близъ теперешнихъ Чистыхъ прудовъ; въ Коломенскомъ, Покровскомъ и особенно Измайловскомъ царскихъ селахъ; за Сухаревой башней — нынѣ Университетскій; позднѣе Кудринскій—теперь Вдовій домъ; подъ Нѣмецкой слободой два, одинъ изъ нихъ, вѣроятно, изъ отписныхъ В. В. Голицына, м. б. онъ же или другой—теперь садъ московск. военнаго госпиталя.

Кромѣ этихъ садовъ и зельныхъ московскихъ рядовъ, не былъ забытъ исконный русскій способъ—собираніе по лѣсамъ и полямъ древними

Помясами. Ихъ, а потомъ и лѣкарей разсылали за лѣкарствами по всей тогдашней Россіи. Сборомъ же ягодъ, цвѣтовъ, напр. осокорныхъ, сосновыхъ шишекъ, для излюбленнаго тогда отъ цинги сосноваго спирта (1672 г. было послано его 200 ведръ, въ Астрахань, для служилыхъ людей), были обложены царскія села въ оброкъ. А изъ дальнихъ мѣстъ высылали травы воеводы, тоже въ родѣ оброка, напр. звѣробой, чечуйную траву изъ Сибири, солодковый корень изъ Коротояка (указаннаго, въ докладѣ Государю 1803 г., близъ Астрахани). Изстари въ Кіевской Руси помясы промышляли степными травами, цвѣтами, а въ Суздальской собирали лѣсныя корки, коренья, листья, побѣги, шишки, что и отразилось рельефно на мѣстномъ врачевствѣ.

Собственно аптека (см. «Первыя аптеки въ Россіи»), гдѣ приготовлялись сложныя лѣкарства лабораторнымъ путемъ, первая была у насъ при Грозномъ 1581 г. Послѣ смутнаго времени она возобновлена 1616 г. и существовала для личной царской потребности до 1673 года, когда увеличившійся спросъ заставилъ создать другую аптеку для вольной продажи. Она и стала называться Новой въ отличіе отъ старой въ Кремлѣ, которую стали писать Верхней (для «верховаго», т. е. дворцоваго отпуска — «въ Верхъ, въ Хоромы»). Но и этотъ переходъ отъ исключительно царскаго ко всеобщему пользованію лѣкарствами сдѣланъ не разомъ, а постепенно, по мѣрѣ наростанія потребности, прислушиваясь къ народному спросу, какъ и все, что дѣлалъ этотъ державный хозяинъ. Сначала устроилъ дóма стеклянный, для аптечной посуды, заводъ—Коэта (а къ концу его царствованія работаетъ уже другой обширный, въ Измайловѣ, казенный заводъ; позднѣе все-таки посуда и водка для аптеки доставлялась подрядомъ изъ Черкасъ, т. е. Малороссіи). Потомъ дѣлается складъ лѣкарствъ въ Старомъ гостинѣ дворѣ—на Варварскомъ крестцѣ. Немного спустя строится Орбацкій аптечный дворъ (1669) — впослѣдствіи тамъ и больница — на Смоленской улицѣ подлѣ Воздвиженскаго монастыря и когда, повидимому, ожиданія оправдались, составляется «Указная книга» (о цѣнахъ на разныя деньги); эта первая русская аптекарская такса (1672 г.) и устраивается (указъ 20 марта 1672 г.) Новая аптека, на Ильинкѣ, близъ Посольскаго (даже частію въ греческомъ) двора въ Новомъ гостинѣ дворѣ, что былъ фасадомъ по Ильинкѣ, а входъ въ аптеку съ проулка сейчасъ за угломъ; 18 же февр. 1673 г. «указалъ Великій Государь продавать изъ нея спирты, водки и всякія лѣкарства всякихъ чиновъ людямъ по указной книгѣ». Но въ томъ же указѣ объявлена и монополія, о которой скажемъ послѣ. Въ эту аптеку переводится и вся учебная часть и все другое, оставляя Верхнюю

исключительно для изготовленія лѣкарствъ «про Государя» съ семействомъ и больше ничего. Аптекарскій приказъ переведенъ на Спасскую башню, а верхъ аптеки, так. обр. освобожденный, обращается въ театръ. Въ Новую аптеку назначается новый штатъ съ подъячимъ и новая должность «цѣловальники у казны», выборные изъ московскихъ мѣщанскихъ слободъ. Это скопленіе администраціи и подало поводъ ошибочно считать, а первое время и писать Новый Аптекарскій приказъ или приказъ Новой аптеки (т. к. во главѣ стояло другое лицо, что еще болѣе подтверждаетъ старый взглядъ на приказъ, оттого м. б. и Блюментростъ, назначенный сюда, началъ писать себя архіатеромъ). Но тотчасъ же установилось, что Аптекарскій приказъ, какъ обшее завѣдующее мѣсто, одинъ — у Воскресенскихъ воротъ въ Кремлѣ на теперешней Спасской башнѣ, а старая и новая — лишь аптеки. Не буду подробно описывать внутреннее устройство аптекъ упомянувъ лишь, что снабжены онѣ были обильно, а блескъ и даже роскошь ихъ прямо поражали иностранцевъ (расписныя стѣны, потолки и шкафы, крытыя краснымъ сукномъ полки, разноцвѣтныя стекла въ окнахъ, бархатные ковры на подоконникахъ, золоченые пузырьки и фляги съ притертыми пробками, серебряныя чаши и кубки для царской потребы, роскошная инкрустированная шкатула съ лѣкарствами «для царскихъ походовъ», заморскіе часы, чучела павлиновъ, глобусы и пр. и пр.). Въ аптекѣ же продавался и лѣкарскій наборъ инструментовъ. Таннеръ—чехъ изъ Праги — указываетъ мѣсто еще одной аптеки: въ Бѣломъ городѣ, на берегу р. Неглиной у Поганыхъ прудовъ (?) литейный заводъ, а на другой сторонѣ рѣки вблизи царскія конюшни, аптека, да двѣ тюрмы. Послѣ Московскихъ аптекъ пробуютъ ихъ устроить въ Вологдѣ (1675) и въ Казани, но тамъ лѣкарства, доставляемыя изъ Астрахани, были дешевле.

Здѣсь бы слѣдовало сказать объ употреблявшихся тогда лѣкарствахъ, но для насъ они мало имѣютъ значенія, составляя лишь простой, слегка отставшій, сколокъ съ иностранныхъ фармакопей. Домашнія же средства найдете въ травникахъ—тогдашнихъ фармакологіяхъ и въ лѣчебникахъ. Впослѣдствіи мы приведемъ рядъ лѣкарствъ, рекомендуемыхъ свѣтилами тогдашней науки.

Бытъ иноземныхъ аптекарей мало отличался отъ быта иноземныхъ же лѣкарей. также жившихъ въ Нѣмецкой слободѣ, съ тѣми же льготами и пожалованіями, въ такомъ же костюмѣ, съ тѣмъ же отношеніемъ ко двору, по службѣ и къ народу по врачебной практикѣ. Рангъ ихъ мы видѣли выше. Да ихъ было и мало. Замѣтьте только, что между ними не было ни одного русскаго и во все столѣтіе мы не знаемъ ни одного само-

стоятельнаго русскаго аптекаря, хотя-бы межъ владѣльцами москательныхъ лавокъ, гдѣ однако уже было много лѣкарей изъ царской школы, а еще больше лѣкарей частной выучки. Изъ общаго числа 21 человѣка за все столѣтіе, до Ѳедора Алексѣевича, 4 англичанина, 6 голландцевъ, 2 француза, одинъ нѣмецъ (числа по Рихтеру) и всѣ они уѣхали во свояси; а послѣ Ѳедора Алексѣевича лишь 8 нѣмцевъ, изъ нихъ 7 остались навсегда въ Россіи. Послѣднее обстоятельство говоритъ за привольную ихъ жизнь въ Россіи.

Высшее учрежденіе, вѣдавшее всей врачебной частію въ государствѣ, былъ, какъ видѣли, Аптекарскій приказъ. По смыслу дѣятельности то скорѣе придворная канцелярія, передававшая указы царя, чѣмъ учрежденіе, самосостоятельно управлявшее спеціальною частію и блюдущее общественное здоровье, какъ наивно думалъ Рихтеръ. Иниціатива сколько-нибудь замѣтныхъ распоряженій никогда не принадлежала приказу, кромѣ хозяйственныхъ мелочей и администраціи, да и то надъ чинами не особенно важными. Выписка и даже увольненіе (часто) докторовъ, лѣкарей совершались почти помимо его. Доктора, призываемые лишь для исполненія чисто врачебныхъ дѣлъ, лѣченія, экзаменовъ, составленія описанія царской болѣзни, считали себя, да и въ самомъ дѣлѣ были почти внѣ всякой зависимости отъ приказа. Ни по какимъ дѣламъ врачебно-государственнымъ ихъ не спрашивали, а сами поднимать вопроса они права не имѣли, да и не могли, какъ не смыслившіе мѣстныхъ условій. Если желали за кого ходатайствовать, напр. опредѣлить родню лѣкаремъ, то дѣлали это стороной, чрезъ придворныхъ или чрезъ иностранныхъ агентовъ своихъ государей. По б. ч. и самъ приказъ не выходилъ никогда изъ рамокъ мелкой администраціи, ничего не думалъ, пока ему не говорили подумай. Что и естественно, т. к. управлялъ не врачъ, а совѣтники не могли понимать дѣла. Лѣкарства, чуть не до Ѳедора Алексѣевича, выписывали помимо приказа, который лишь принималъ ихъ. Правда, домашнія средства онъ собиралъ самъ, но непремѣнно чрезъ сношеніе съ другими приказами. И требованія его уважались тамъ, пока во главѣ его былъ близкій къ царю человѣкъ, а попробовали посадить дьяка Голосова и дѣло въ годъ стало, не смотря на энергію и знаніе. Была лишь одна и довольно важная дѣятельность приказа, оставившая ему добрую память, но и то не врачебная—то былъ судъ, расправа и защита своихъ подчиненныхъ. Это было очень важно въ то время, когда вся Россія подѣлена была межъ нѣсколькими вѣдомствами — владѣльцами, какъ бы въ крѣпость и потому никто не смѣй и тронуть моего, а чужаго я прежде всего на съѣзжую и

на цѣпь. Уходя «на свое пропитаніе», т. е. въ отставку, лѣкаря, а часто и подъячіе просили, какъ милости, оставить ихъ «судомъ» въ приказѣ. По этой отрасли чины приказа вѣдались и судились имъ по всѣмъ дѣламъ и гражданскимъ и уголовнымъ. По гражданскимъ же искамъ они даже и пошлинъ никакихъ не платили. Долженъ кому лѣкарь, сторожъ, съ нихъ ищутъ въ Аптек. приказѣ; долженъ кто аптекарю, онъ жалуется туда же. По уголовной почти тожъ. Оскорбилъ посадскій жену или дочь, даже работника д-ра Бильса—дѣло разбираетъ и вершитъ Аптек. приказъ; побьетъ кого лѣкарь, разбираетъ и кончаетъ дѣло тотъ-же приказъ, если лѣкарь русскій, а иноземца — вершить посылаетъ, почему то, въ Иноземскій приказъ. Но съ цѣпи освобождалъ, о пансіонѣ или подмогѣ хлопоталъ Аптекарскій приказъ всегда. Обидѣлъ, не далъ корма и т. п. лѣкарю его полковой воевода иль командиръ, мыкая изъ угла въ уголъ, а м. б. и побилъ (въ Нѣмецкой слободѣ то было не въ рѣдкость, какъ видимъ изъ дѣлъ Мат. стр. 526), на то и жалобъ не принималъ Апт. приказъ; Иноземскій же приказъ и Розрядъ отсылали челобитчика въ Апт. приказъ. Удавалось добиться чего развѣ когда бояринъ Апт. приказа былъ въ то же время судьею и въ Иноземск. приказѣ, что бывало по часту. И въ этомъ добромъ прошломъ приказа, какъ видите, на половину заслуга вѣскаго боярина, къ царю близкаго. О многихъ лѣкаряхъ не осталось и переписки въ Аптекарскомъ приказѣ; такъ мало значилъ онъ, что принимали, увольняли докторовъ, а часто и лѣкарей безъ вѣдома его. Вообще во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ приказъ не имѣлъ никакихъ правилъ, а руководствовался, т. ск., обычаемъ и мѣстническимъ взглядомъ, тотчасъ искалъ въ своихъ «указныхъ книгахъ» дѣла «на примѣръ», а если не находилъ, то лѣзъ съ каждой мелочью къ царю. Напр. забралъ кормовыя деньги за мѣсяцъ впередъ иноземный лѣкарь, а его за что-то уволили, помимо приказа. Приказъ становится въ тупикъ и велитъ взыскать съ выдавшаго, по распоряженію самого-же приказа; тотъ естественно бьетъ челомъ, приходится докладывать царю. Жалуется изобиженный монастырскій служка на своего настоятеля и, приплетая массу лицъ, пишетъ, что настоятель лѣчилъ того-то и отравилъ. Обвиняемаго (вмѣсто отравы) шлютъ въ Аптек. приказъ, который, не умѣя направить куда слѣдуетъ дѣло, переспрашиваетъ свидѣтелей по всему дѣлу, даетъ очныя ставки цѣлыя недѣли, пока архіерей не узнаетъ и не беретъ дѣла къ себѣ... Самое дѣлопроизводство снаружи казалось просто, а въ сущности было очень утомительно. Бьетъ челомъ, напр., лѣкарскій ученикъ, сторожъ ли «съ товарищи» о дачѣ имъ кормовыхъ за прошлый мѣсяцъ или «прибавить поденнаго сколько Государя о насъ Богъ извѣститъ»

(тогда на всякую получку жалованія нужно было подавать просьбу всѣмъ отъ лейбъ-медика до послѣдняго огородника, всѣ онѣ склеивались и закатывались въ столбцы по 40—60 аршинъ; потомъ ужъ разрѣшено всѣмъ лицамъ одного чина, напр., лѣкарямъ особо, огородникамъ особо, подавать челобитья отъ одного лица, упоминая лишь число лицъ, такъ «Ивашка Лукьяновъ съ товарыщи 13 человѣкъ»), челобитье принималъ самъ бояринъ въ приказѣ, гдѣ такой большой чинъ, какъ Матвѣевъ — въ родѣ I-го министра, конечно, бывалъ временами и разъ въ недѣлю, а проситель жди каждую недѣлю. Но вотъ просьба принята и сдана дьяку, тотъ подъячему, который въ очередь просматриваетъ, правильно ли написанъ титулъ и, безъ церемоніи, возвращаетъ неисправное челобитье, конечно, черезъ нѣсколько дней. Исправь значитъ и начинай сначала. Если все исправно, бумага подается дьяку для доклада боярину и, если нѣтъ причинъ для отказа, помѣчается со словъ боярина: «выписать». Въ этой выпискѣ дословно повторялось все челобитье, затѣмъ подробно выписывалось изъ расходныхъ столбцовъ, когда проситель сколько и какими деньгами получалъ, когда въ службу вступилъ, по чьему докладу верстанъ въ окладъ, затѣмъ прописываются всѣ его сверстники, получавшіе уже такіе кормы. Если-жъ дѣло шло о прибавкѣ, то справка идетъ лѣтъ за 10 и прописывается подробно вся служба просителя, а если просителей нѣсколько, то о каждомъ повторяется то-жъ все сначала. Затѣмъ идетъ длиннѣйшее «на примѣръ», гдѣ выписываются всѣ одного чина, когда-либо получившіе такую прибавку и по чьему докладу и за чьею приписью, повторяя, конечно, черезъ каждыя три строки, чуть не полный титулъ, затѣмъ соображеніе, сколько каждому отдѣльно «имѣтся будетъ». Другой подъячій, вѣроятно, старшій или архивный, провѣривъ по книгамъ, все ли выписано, подписывалъ: «справилъ Митька». Дѣло поступало къ судьямъ-боярамъ, кои рѣшали выдать, и дьякъ писалъ, въ присутствіи ихъ, на выпискѣ въ строку своей рукой, съ подписью лишь фамиліи безъ имя: «По указу (титулъ) бояре (полный титулъ съ именами) приказали выдать»; если же выдача превышала, кажется, рубль или встрѣчалось сомнѣніе, то писалось «доложить Государя» и сдавалось подъячему. Выписка исправлялась, т. е. съ заголовкомъ: «въ докладъ», повторясь еще отъ слова до слова, пришивалась къ дѣлу и въ такомъ видѣ восходила къ боярину, а имъ докладывалась царю. Послѣ чего дѣлалась по статьямъ надпись дьяка: «Государь сея выписки слушавъ указалъ, а бояре (полный титулъ ихъ) приговорили выдать столько-то и «спрежднимн имѣтся будетъ» столько-то, тогда-то, такими-то деньгами или мѣхами, и непремѣнно,

когда товарищи будутъ получать.—А при поступленіи на службу, кромѣ обычной процедуры, подавалось одобреніе общества о поведеніи, брались записи поручниковъ (часто) отъ каждаго особо, хотя они слово въ слово были одно и тоже; бралось нѣсколько подписокъ, часто выбирался попъ для присяги, переписка съ нимъ и все скоплялось, склеивалось въ одну массу. Затѣмъ писались исполнительныя бумаги, тоже подклеенныя и подписанныя по статьямъ подъячимъ, а по склейкамъ на оборотѣ уже сасамимъ дьякомъ, т. е. директоромъ канцеляріи и уже съ именемъ. Если бы не пожары 1607, 1642, 1701, 1743, 1812, то мы имѣли бы громаднѣйшій архивъ. При Михаилѣ Өедоровичѣ было проще: кн. Черкасскій съ подъячимъ Вялицей Потемкинымъ составляли весь приказъ. Такіе порядки пришли, особенно, съ назначеніемъ дьякомъ Виніуса, прибавившаго къ нашей неопредѣленности мертвую канцелярщину. Все это вмѣстѣ взятое не даетъ, по моему, приказу почти никакого государственнаго значенія. Сказать бы личный произволъ боярина, б. ч. близкаго къ царю человѣка, такъ и то нѣтъ. Малое знакомство съ канцелярской механикой порой, конечно, давало ловкому дьяку—какъ Виніусъ—большой вѣсъ, доходившій иногда до того, напр.: присылаютъ для осмотра отговаривающагося отъ службы, взглянетъ на него Виніусъ, напишутъ свидѣтельство и отпустятъ его, а завтра даютъ готовое подписать врачамъ и если больной случится здѣсь, такъ послѣ подписи покажутъ его осматривающимъ. Винить во всемъ этомъ, конечно, нельзя всемогущихъ бояръ, стоявшихъ во главѣ приказа. Вотъ списокъ именъ ихъ по времени службы: князь Ив. Борис. Черкасскій 1629—?; Өед. Ив. Шереметевъ 1643—45; Бор. Ив. Морозовъ 1645—54; Илья Дан. Милославскій 1654—69; Ив. Андр. Милославскій 1669—70; судья Аптекарской Палаты думный дьякъ Лук. Голосовъ съ дьякомъ Петр. Зыковымъ 1670—72; Арт. Серг. Матвѣевъ 1672 мартъ—76; Никита Ив. и Вас. Вас. кн. Одоевскіе 1676—?; 8-й №; Як. Никит. кн. Одоевскій 1697—714 былъ послѣднимъ. Вглядываясь въ эти почтенныя имена, замѣтимъ, что ни одного изъ нихъ (кромѣ развѣ Милославскаго, да и то не по дѣламъ нашего приказа) нельзя не только обвинить, но и заподозрѣть въ лицепріятіи или взяткѣ съ какой-нибудь мелкой сошки «холопишки, лѣкаришки». Зато не будемъ винить и во вниманіи—помимо царской особы—и въ пониманіи дѣла. Слѣдовательно, недостатокъ не въ лицахъ, а въ отсутствіи основъ учрежденія, задачъ его и какого-нибудь распорядка, а частію и отъ того, что у спеціалистовъ не было голоса. Все это и мѣшало прогрессировать учрежденію.

Аптекарская Палата. Здѣсь кстати я остановлюсь на томъ

времени (2 іюля 1670 г. по май 1672 г. Мат. № 428, 430), когда во главѣ Аптекарскаго приказа, называемаго тогда естественно не приказомъ, потому приказывать было некому, а Аптекарской Палатой, стоялъ думный дьякъ Лукіанъ Голосовъ съ дьякомъ П. Зыковымъ. Послѣдній могъ быть и не быть судьей, т. е. товарищемъ перваго, а лишь дѣлопроизводителемъ. Обыкновенно всѣ за Рихтеромъ, который, не осмысливъ русскихъ старыхъ словъ — палата и приказъ, увѣрялъ, что это было формальное переименованіе, т. е. реформа. Всѣ, говорю (начиная отъ автора доклада Императору Александру I, внесенному въ законъ, и кончая Чистовичемъ, по свойственной человѣку инерціи и малой охотѣ къ исторіи) считали это именованіе въ самомъ дѣлѣ за реформу, за фактъ, которому мѣсто въ исторіи. А дѣло было просто. Приняли Ив. Андр. Милославскаго. Мѣсто осталось не приказанное, потому что подыскивали лицо для него, вотъ и стали его писать по изстари усвоенному понятію — палатой. Въ 1654 — 1655 г. въ отсутствіи Ив. Данил. Милославскаго приказано вѣдать Аптекарскую Палату Ив. Андр. Милославскому (Мат. № 653). Въ тотъ вѣкъ личной службы (м. б. то древніе остатки одухотворенія, олицетворенія) не мѣсто красило человѣка, а человѣкъ мѣсто, мѣсто было не предъ лицомъ, а за лицомъ, т. ск., у него въ карманѣ, примите лицо — мѣсту грошъ цѣна. Такъ современники и поняли это дѣло, что именно имъ и доказывается самымъ блестящимъ образомъ. Какъ въ Большомъ, напр., полку, воеводѣ его безпрекословно подчинялись воеводы всѣхъ пяти полковъ. Но разъ воевода уѣзжалъ, товарища его, замѣстителя, такого же боярина остальные воеводы, считая равнымъ себѣ, неслушались и дѣйствовали самостоятельно, часто даже не сносясь. Едва стали посылать указы «Нашей (Мат. № 1144) Аптекарской полатѣ» (приказъ никогда не писался нашимъ, какъ учрежденіе общегосударственное), какъ другіе приказы не признали палаты равной себѣ, а низшей и вмѣсто, напр., обычной посылки туда для осмотра больныхъ, стали требовать для того врачей къ себѣ (Мат. № 469); авторитетность сразу пала, дѣла пошли тише, не смотря на энергію умѣлаго думнаго дьяка; что лишь увеличило письмоводство, ибо всякое требованіе приходилось повторять нѣсколько разъ, доводить дѣло до царя; наставительныя писанія какой-нибудь Костромской Чети были немыслимы при боярахъ. Можно бы, пожалуй, было подумать, что въ основѣ перемѣны этой лежала какая-нибудь зрѣлая мысль, напр., попытка замѣнить единоличное управленіе коллегіальнымъ, или замѣнить малосмыслящихъ механику дѣла бояръ дѣльцами—Голосовъ изъ опытныхъ дьяковъ Посольскаго при-

каза попалъ въ Думу. Благо почти въ то же время появились дьяки во главѣ и другихъ приказовъ — тоже на время — въ Устюжской Чети, Новой Чети, Розряда, Стрѣлецкаго приказа. И въ томъ и другомъ случаѣ замѣтно было бы тотчасъ измѣненіе, движеніе, улучшеніе хода дѣлъ. Случилось наоборотъ. Зыковъ же, по всей вѣроятности, и не былъ товарищемъ, потому они тогда не подписывали бумагъ, хоть и писалось «по приказу» обоихъ, а другаго-то дьяка—собственно правителя дѣлъ, не видимъ. Да и опытъ былъ настолько коротокъ, что не могъ дать никакихъ результатовъ. Скорѣе это назначеніе можно считать за какой либо дворцовый случай и если зависящій отъ какихъ либо вліяній, то никакъ ужъ въ существѣ дѣла не лежащихъ, а отдаленныхъ. Напр., Ординъ-Нащокинъ, какъ новаторъ, сильно допекалъ не въ мѣру глаголиваго Голосова (во время службы въ посольскомъ приказѣ). Царь женился на воспитанницѣ Матвѣева, а самъ онъ на сестрѣ ея послѣ. Вліяніе Милославскихъ падало, его и приняли изъ приказа, а Матвѣевъ пока не былъ еще свойственникомъ царскимъ, каковыми были его предшественники, а для Голосова пилюля позолочена, дана свобода полная отплачивать Ордину на всѣхъ перекресткахъ. Ушелъ Нащокинъ въ монастырь, Матвѣевъ женился, ему и даютъ Аптекарскій приказъ, а Голосова опять въ Посольскій.

Архіатеръ. Остановлюсь на другой исторической ошибкѣ, м. б. и непреднамѣренной, а все-таки требующей исправленія. Извѣстный собиратель матеріаловъ русской исторіи Миллеръ прочиталъ ли гдѣ у иностранцевъ, или своимъ умомъ дошелъ, не знаю — будто Аптекарскій приказъ состоялъ изъ нѣсколькихъ лейбъ-медиковъ царя, подъ предсѣдательствомъ одного изъ нихъ, называемаго архіатеромъ, а хозяинъ приказа — бояринъ былъ де, такъ сказать, почетнымъ предсѣдателемъ. Отъ Миллера это извѣстіе взято и въ докладъ Государю — объ исторіи медицинскихъ учрежденій въ Россіи — 1803 г. (въ этомъ докладѣ, вошедшемъ въ сводъ законовъ, есть и другіе перлы, доказывающіе высокое знаніе, достойное государственной важности дѣла. Напр., солодковый корень тогда привозили изъ г. Коротояка Астраханской(?) губерніи, а теперь между этими городами не больше-ль 1000 верстъ. Что если и остальныя историческія свѣдѣнія, представленныя Государю, также вѣрны?). Рихтеръ, прочитавъ, къ тому-жъ, Др. Вивл. XX, 278, прибавилъ и разукрасилъ, приписавъ приказу много похвальныхъ занятій, въ которыхъ тотъ ни сномъ, ни духомъ не былъ виноватъ: напр., заботы о предупрежденіи эпидемій, эпизоотій, законъ о неказни беременныхъ, попеченіе о раненыхъ воинахъ, устройство и перемѣщеніе полевыхъ аптекъ, которыхъ никогда не

было и т. п. Петровъ (Jęrży), въ своемъ сборникѣ законовъ, потщился, разумѣется, всѣмъ этимъ воспользоваться, опираясь на собраніе Максимовича, для красоты слога; даже Чистовичъ не чуждъ возвышенныхъ, но не совсѣмъ точныхъ понятій о значеніи Аптекарскаго приказа. Что съ 1643 — 1714 годъ никакого такого докторскаго, такъ сказать, приказа и никакого архіатера не было доказываютъ намъ прямо документы. Есть двѣ бумаги, гдѣ въ латинской подписи Блюментроста отца стоитъ — archiat., но они относятся къ тому времени, когда онъ былъ самымъ младшимъ съ 130 р. жалованія, а не съ 250 р., какъ другіе; да и многіе иноземные лѣкаря, напр., Зоммеръ, ставили за своей фамиліей нерѣдко Д. М. Развѣ допустимъ, что, съ назначеніемъ въ Орбацкій аптекарскій дворъ, Блюментростъ былъ тамъ учителемъ и надзирателемъ, или завѣдывалъ медицинской школой, т. е. учениками или директоромъ, т. сказ., клиники. Не забывайте при этомъ, что въ парадныхъ случаяхъ тогда бывали въ ходу почетные титулы, напр., всякій женихъ обзывался княземъ, не знатный (по роду) посолъ писался намѣстникомъ царскимъ какого-нибудь Серпухова и пр. Что же касается временъ Михаила Ѳедоровича (за нѣсколько лѣтъ царствованія котораго, 1634—1642 гг., документовъ не сохранилось); то прежде всего мы видимъ, что никогда больше двухъ докторовъ разомъ не было, стало ни о какихъ коллегіяхъ, да еще во главѣ съ архіатеромъ, и рѣчи быть не могло. Хотя одинъ изъ докторовъ былъ старшимъ по жалованію.

А происхожденіе, напр., закона о скотскихъ падежахъ и пр. объясняется просто. Заболѣлъ царь рожей, докторовъ заставляютъ (м. б. и изъ подозрѣнія къ ихъ знаніямъ) объяснить—записывая отвѣты—что за болѣзнь та, новая для всѣхъ, и отчего она и чѣмъ лѣчить. Явился мытъ «лихое повѣтріе» на царской конюшнѣ, повторяется тоже. И нужно правду сказать, объясненіе дано такое (Мат. № 153, въ 20 разъ лучше, чѣмъ давали его о людскихъ болѣзняхъ), что и теперь не стыдно его прочесть. И вотъ, увлекшись, издается указъ «о береженіи» отъ скотскихъ падежей. Законъ, доказывающій лишь благочестивыя помыслы, безъ сознанія даже, что были безъ всякихъ средствъ его исполнить. Потому что и до сихъ поръ онъ остается лишь добродѣтельнымъ пожеланіемъ, не переходя въ фактъ. И другой Михайловскій законъ на той же подкладкѣ — случайности, а не послѣдовательной государственной идеи. Одинъ изъ новаторовъ, справедливо возмущаемый ужасами казни мужеубійцъ (ихъ зарывали чуть не по шею въ землю и никто не смѣлъ даже отогнать собакъ, живьемъ поѣдавшихъ несчастную), вычитавъ, что въ другихъ странахъ

не дѣлаютъ такъ, при первомъ случаѣ — да еще къ счастію съ беременной — поднялъ говоръ въ городѣ, въ Думѣ и просили царя о помилованіи, хоть ради беременности, ссылаясь на докторовъ, какъ иностранцевъ, что де «въ иныхъ земляхъ того не дѣлаютъ». Спросили духовенство—изстари толковавшее власти о казни преступниковъ — смиловалось. У докторовъ справка: бываетъ?—отвѣтъ: нѣтъ. Издали законъ, вытекающій болѣе изъ мягкаго характера царя, чѣмъ изъ цѣлей государственныхъ, тогда единственно фискальныхъ. При чемъ же тутъ, скажите, доктора, какъ эксперты, при чемъ самъ приказъ? который тогда уже по одному принципу прикрѣпленія одному владѣльцу — Дворцу, не могъ, хотя бы и хотѣлъ, вмѣшиваться въ чужое, напр. городское или духовное вѣдомство. Да вообще и за прямымъ-то своимъ дѣломъ—наблюденіемъ за лѣкарственной торговлей, ни за гигіеной городовъ, тѣмъ болѣе провинціи, ни за скотомъ, ни за частной практикой врачей патентованныхъ, не говоря о вольныхъ, словомъ Аптекарскій приказъ ни зачѣмъ не смотрѣлъ, а воеводы, обязанные наблюдать, еще меньше.

Подчиняться Розряду Аптекарскій приказъ, какъ наивно думалъ Рихтеръ, уже потому не могъ, что начальники обоихъ были бояре, т. е. равные, да еще въ Аптекарскомъ по б. ч. ближній бояринъ, который по мѣстничеству, тогда всесильному, ни за чтобы не призналъ никакого подчиненія. М. б. въ этомъ и причина такой ничтожной доли власти у бояръ, кои обо всемъ почти «докладывали государя».

Посмотрите, до какого столпотворенія дошло это безосновное, а слѣдовательно и не живое (по Рихтеру же «благодѣтельное, существовавшее съ великой пользой чрезъ 200 лѣтъ») учрежденіе при Петрѣ, который, не найдя въ немъ подготовленной реформы (къ чему привыкъ въ другихъ болѣе важныхъ учрежденіяхъ), начинаетъ играть имъ какъ мячикомъ, изломавъ все, не построивъ ничего, заканчиваетъ по обычаю формой иностранной, въ которой и не могло быть содержанія. Прежде всего бояръ долой, дьяки впередъ; выдѣляется, за царемъ во 2-й азовскій походъ, Главная походная аптека съ думнымъ дьякомъ Власовымъ во главѣ, съ командой всѣмъ военнымъ (составлявшемъ $^{9}/_{10}$ всего) дѣломъ; а въ Москвѣ остается почти пустая Аптекарская палата, м. б. ради только того, что царь Иванъ еще живъ и лѣчится у знахарей; дьяка Виніуса, не отнимая у него Аптекарской палаты, дѣлаютъ почтъ-директоромъ, поставщикомъ и еще чѣмъ-то; въ 1700 г. видимъ во главѣ правленія Возницина, не надолго, впрочемъ, ибо въ 1703 г. проворовавшагося Виніуса опять прогоняютъ и приказъ отдаютъ князю Ромодановскому, начальнику Разбойнаго

приказа. Между же прочимъ продолжаетъ существовать (1697—1714 по Чистовичу) послѣдній начальникъ Аптекарскаго приказа бояринъ кн. Як. Никитичъ Одоевскій. Аптекарскій приказъ (какъ и встарь, передвигаясь съ царемъ, уносилъ съ собой всю правительственную суть) растворяется въ Канцелярію походной аптеки (1707). Чрезъ годъ слово «походная» долой, видимъ Аптекарскую канцелярію и часть ея засѣла плотно (1712) въ любезномъ Питерѣ, оставшаяся же часть сбрасываетъ новый мундиръ— видимъ Главную Аптеку. Наконецъ въ 1714 году является добрый человѣкъ — Арескинъ. Будь родной архіатеромъ и похерь всю предъидущую путаницу. Т. об. соединяется, въ однѣхъ рукахъ, учрежденіе «всего медицинскаго факультета» съ Канцеляріей главной аптеки. Но по представленію слѣдующаго же архіатера, сенатъ обращаетъ канцелярію въ Медицинскую коллегію (1721), а уже въ 1725 году, опять въ канцелярію, но уже Медицинскую. Т. об. въ 25 лѣтъ десять перекроекъ. Знакомый не вполнѣ съ архивами того времени, я взялъ эти свѣдѣнія у перечисленныхъ историковъ и не берусь пока распутать нить этого лабиринта, ни освятить исторически руководящей цѣли законодателя. Видна только совершенно случайная, вызываемая м. б. минутной надобностію улучшеній, безконечная, чтобы не сказать безцѣльная, ломка направо и налѣво, ломка машины, которая уже по этому самому не могла работать толкомъ. Можно только уловить одинъ важный моментъ. Въ этомъ шатаніи изъ угла въ уголъ наткнулись на новый принципъ — поставить во главѣ всего дѣла одно лицо, какъ и встарь, но уже лицо компетентное. Но какъ архіатеръ въ то же время не переставалъ быть и первымъ лейбъ-медикомъ, то такая благая основа ставилась въ зависимость отъ случайныхъ качествъ лица, естественно озабоченнаго болѣе своей крѣпостію при Дворѣ, чѣмъ дѣломъ, которое тогда становилось игрой въ формальность, не стоющей впрочемъ и свѣчей. Послѣдующая исторія доказала всю шаткость такого положенія. Дастъ случай хорошаго человѣка и дѣло закипитъ, заблещетъ, не узнать его въ десять лѣтъ, дѣйствительно храмъ науки, какъ при Кондоиди; а крѣпокъ при дворѣ самодуръ, какъ Бургавъ, машина стала на полвѣка. Вопросъ объ архіатерахъ, по важности принципа, стоитъ основательной разработки, но это относится уже къ слѣдующему столѣтію.

Не менѣе чревата событіями, изъ нея впослѣдствіи происшедшими, была другая реформа Петра въ нашемъ дѣлѣ—монополія аптекъ. Свободная торговля лѣкарствами (даже сложными, какъ мази, мальханы и проч.) была изстари въ Россіи. Мы не можемъ теперь доказать документально, была ли чѣмъ-либо ограничена торговля даже ядовитыми средствами. Что,

однако, a priori, внѣ всякаго сомнѣнія, при массѣ дѣлъ въ Разбойномъ приказѣ объ отравахъ. Впервые вводимыя, указомъ 28 февр. 1673, ограниченія (подробно «Первыя аптеки въ Россіи») свободной торговли имѣли характеръ чисто казенной регаліи — какъ торговля ревенемъ,—ясно видной въ концѣ самаго указа «а въ продажѣ изъ Новой аптеки Великаго Государя казнѣ (чтобы) порухи не было». Хотя здѣсь же пристегнуты и слова «чтобы отъ того людямъ никакаго дурна не была», но запрещаемыя тѣмъ указомъ лѣкарства, какъ «алексиры, масла коричное, анисное, сало барсучье» и др. и не могли «дѣлать дурна». Такъ именно отнеслись къ указу и наши народные да, вѣроятно, и патентованные лѣчители, какъ главные покупщики изъ аптеки, бывъ обязаны, по старому обычаю, вмѣстѣ съ совѣтомъ дать больному лѣкарство или чаще одно лѣкарство безъ всякаго совѣта. Они, не считая запрещенія медико-полицейскимъ ограниченіемъ, продолжали забирать въ рядахъ, гдѣ было дешевле—пассивное противленіе,—(До какой степени живучъ этотъ обычай въ народѣ, вотъ примѣръ. Въ 50-хъ годахъ, студентомъ, я квартировалъ у прикащика московской москательной лавки. Онъ каждый почти день давалъ мнѣ читать текущіе рецепты практикующихъ тогда врачей, по которымъ онъ отпускалъ развѣшанныя средства, конечно, въ отдѣльныхъ бумажкахъ, по буквѣ закона), не смотря на то, что Новая аптека доходами окупала содержаніе почти всего Аптекарскаго Приказа. Нужно думать, что запретительный указъ этотъ, такъ постепенно подготовленный, плохо исполнялся, за несвоевременностію его появленія; ибо черезъ десять лѣтъ пришлось его повторить и, сознавая эту рановременность, смягчить до полнаго, почти, уничтоженія монополіи. Въ 1686 г. позволено было лѣкарямъ, собственникамъ москательныхъ лавокъ (а ихъ было большинство), держать въ лавкахъ мази, мальханы и пр., «которыя они сами умѣютъ дѣлать, для того, что они больныхъ лѣчатъ». Т. об. ясно, что въ этой монополіи правительство преслѣдовало одну экономическую цѣль, не имѣя рѣшительно ни малѣйшаго намѣренія узаконить монополію въ собственномъ ея смыслѣ; т. к. въ государственныя идеи естественно не могъ входить налогъ на здоровье. Хотя въ попыткахъ и предложеніяхъ ограничить свободу торговли и свободу практики не было недостатка со стороны иноземныхъ аптекарей и дохтуровъ «а въ ихъ нѣмецкихъ государствахъ кто и гораздо ученъ, а безъ свидѣтельствъ давать людямъ лѣкарствъ нельзѣ». Если для аптечной монополіи, даже въ пользу государства, такъ мало сколько-нибудь сносныхъ основаній, то для монополіи въ пользу частныхъ лицъ ихъ не остается ужъ никакихъ. Но для Петра, воспитанника

нѣмецкой слободы, не охотника, какъ видѣли, вдаваться въ общія соображенія, оказалось все возможнымъ. И вотъ указомъ 22 ноября 1701 года узаконена полная замкнутая монополія въ пользу восьми иностранныхъ аптекарей — создается государство въ государствѣ. Прибавлю, нѣмецкое, т. к. безъ нѣмецкаго языка доступъ въ аптеку сталъ невозможенъ, а правительство перестало учить аптекарей въ своей школѣ. На всѣ неисчислимыя вредныя послѣдствія, для врачебнаго дѣла въ Россіи, этой антигосударственной, антинародной мѣры намъ придется, къ несчастію, безпрестанно наталкиваться при изученіи слѣдующаго столѣтія.

Судебная медицина. Говоря о службѣ, мы замѣтили, что на обязанности, б. ч. русскихъ лѣкарей, лежалъ осмотръ служилыхъ людей. Оттого и сохранились документы лишь военные, ибо матеріалъ-то былъ исключительно военный. Было, разумѣется, много дѣлъ и гражданскихъ (выше мы указывали осмотръ побитаго Горихвостова 1643 г.), особенно по отравленіямъ, но ихъ нужно искать въ Сыскномъ, Разбойномъ приказѣ. То были б. ч. травы и коренья, рѣдко порохи (коновалы Бобылевъ и Кабановъ лѣчили нашептываніями, 1689 г.). Антекарямъ и врачамъ Сыскной приказъ предлагалъ слѣдующіе вопросы: какая это трава, не лихая ли, холодитъ или горячитъ и отъ какого количества можетъ смерть причиниться? Впослѣдствіи, ближе къ Петру I, вопросы стали шире (дѣло Прокофьева 1686 — аптечная ошибка и Салтыкова 1699). Осмотры же бывали по двумъ причинамъ: или вызываемые въ походъ (1671) ссылались на болѣзни или раненые, послѣ похода (1661), осматривались для зачисленія въ увѣчные, а слѣд. и въ отставку или даже на государственные хлѣба— по монастырямъ.

По медицинской полиціи почти нечего сообщить. Убогіе дома (сказ. о самозв.) суть древнія скудельницы или общія могилы, зарываемыя чуть не разъ въ годъ, какъ видѣли. Подъ Москвою на Ваганьковѣ, въ четвергъ на 7-й недѣлѣ послѣ святой седмицы (весенняя родительская), благочестивые собирались зарывать старую и копать новую могилу для безродныхъ и странныхъ. То были скорѣе парижскій моргъ, гдѣ найденные полиціей трупы лежали для опознанія. Они бывали обычно за городомъ, въ Кіевѣ, Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ, и едва ли гдѣ больше. Это древнее учрежденіе едва ли имѣло какое отношеніе къ судебному врачу тогда и упоминается лишь путешественниками, а свои молчатъ, какъ о дѣлѣ обычномъ. Съ 1659 г. находимъ документы, указывающіе, что подъячій Стрѣлецкаго приказа (тогда и полиція) осматривалъ съ докторами иль лѣкарями больныхъ и умершихъ (№ 895 Мат.). И какъ видно постоянно одинъ

и тотъ же, долгое время, т. к. онъ искалъ какой-то награды черезъ Аптекарскій приказъ. Былъ позднѣе (1679) указъ о посылкѣ доктора въ Земскій приказъ для осмотра мертваго тѣла, но онъ вызванъ слишкомъ громкимъ случаемъ (патріаршій конюхъ засѣченъ) и едва ли не имѣлъ временнаго характера. 1680 г. іюня 8, Полн. Собр. II, ст, 825 у кого огневая оспа и др. доносить въ Розрядъ.—Подтвержд. 1722 г. декабря 10 ib. VI, 4130. Есть случаи разрѣшенія перевозки мертвыхъ тѣлъ (Мат. № 561). Еще въ 1441 г. у насъ перевозили тѣла князей въ колодѣ (т. е. долбленомъ гробѣ), засмоливши съ полстьми. Еще при Грозномъ запрещено было въ большихъ городахъ хоронить чумныхъ при церквахъ, а въ особо указанныхъ мѣстахъ, на извѣстной глубинѣ. Но это запрещеніе и долго послѣ едва ли исполнялось. Отъ чумы 1654 г. въ законахъ осталось, относительно, большое число указовъ (очищали огнемъ и морозомъ), но не такъ строгихъ, какъ въ 1521 г., когда (см. мою статейку «Нашипервые карантины») съ хозяиномъ дома, пустившаго къ себѣ больнаго, жгли и попа, исповѣдывавшаго больнаго, когда городъ въ сутки очищался отъ сомнительныхъ людей, а остался кто — жгли и съ товарами. Другое медико-полицейское законоположеніе относится къ одному лишь Дворцу. Указано 1686 г. никому, у кого въ домѣ заразительный больной, не являться во Дворецъ. Законъ понятно заимствованный. Но главнымъ поводомъ къ нему служила болѣзнь царя, которою и объясняется усиленная чуткость ко всякой скорой смерти (не оставлена безъ вниманія почти ни одна), боясь отравы или возможности заразиться, потому такъ часты въ это царствованіе осмотры.

Больницы—учрежденіе въ Россіи давнее. Только мы теперь гадательно лишь можемъ очертить кругъ ихъ дѣятельности. Какъ кіевскія, временъ князей, больницы при монастыряхъ, такъ и больницы, упоминаемыя въ соборномъ актѣ временъ Грознаго, послѣ взятія Казани, не оставили намъ никакихъ слѣдовъ, чтобы составить понятіе хоть бы о внѣшнемъ распорядкѣ ихъ. То были, вѣроятно, больше богадѣльни для хрониковъ, которые могли не оставаться тамъ безъ лѣченія бывалымъ монахомъ, а м. б. и врачемъ, если монахъ не былъ подготовленнымъ, т. е. учившимся врачевству. Внѣ монастырей больницъ тогда (XVI в.) не знаемъ. По моему это повсемѣстное отсутствіе исторической памяти о нихъ ясно говоритъ, что охоты къ больничному лѣченію—не дома—у русскаго народа не было совсѣмъ; и что больницъ было такъ мало, дѣятельность ихъ такъ незначительна, что и вспоминать было нечего. Первое, притомъ легендарное, извѣстіе о больницѣ у насъ сохранила скандинавская сага, воспѣвая

Ольгу, дочь русскаго князя Рюрика, устроившую больницу, въ которой лѣчили и ухаживали за больными женщины. — Припомнимъ, кстати, что по сосѣдству, въ Вильнѣ напр., гдѣ говорили тогда по-русски, при университетѣ, основанномъ 1578 г., находилось православное Братство больничныхъ дѣлъ, а въ Кіевѣ особый больничный монастырь, упоминаемый у насъ въ 1630 году. Конечно, дѣятельность сосѣдей православныхъ могла не остаться на насъ безъ вліянія.

Первымъ больничнымъ учрежденіемъ въ Россіи XVII вѣка будемъ естественно считать больницу для раненыхъ, построенную въ 1612 г., близъ Троицкой Лавры, гдѣ, какъ говорили выше, завѣдомо были врачи и не монахи, по крайней мѣрѣ хирурги. Котошихинъ (110) говоритъ, что тяжело раненыхъ разсылали по монастырямъ, гдѣ ихъ кормили и одѣвали обязательно, а лѣчили изъ благочестія, добавлю я. Престарѣлые служилые люди и постригались со льготою—безъ вклада. Соловьевъ (XIII, 63) говоритъ, что цари (Михаилъ и Алексѣй), кромѣ хожденія въ праздникъ по московскимъ монастырямъ, «ходили и по всѣмъ больницамъ». Не забывайте, что они тогда же заходили и къ юродивымъ и по тюрьмамъ. Въ 1626 г. патріархъ Филаретъ устроилъ отъ себя больничный монастырь Св. Ѳедора. Первой гражданской, правильно устроенной больницей въ Россіи я считаю частную больницу Ртищева, около 1650 года въ Москвѣ (теперь Андреевская мѣщанская богадѣльня у Нескушнаго сада). При ней былъ постоянный годовой врачъ и, кажись, не одинъ, да и дохтуры, ради близости хозяина къ царю, не могли туда не заглядывать, хоть въ качествѣ консультантовъ. Сохранились и рецепты (1670). Такія же больнички были у него и по другимъ мѣстамъ. Почти послѣ каждой войны онъ ихъ устраивалъ нѣсколько по городамъ для жертвъ войны, на время. Что наводитъ на мысль объ участіи въ этомъ дѣлѣ лично царской семьи, по крайности матеріально. Чуть ли не на такомъ же положеніи были больнички кн. Як. Черкасскаго, Матвѣева, Апраксина. По примѣру Ртищева, а м. б. и ранѣе Никонъ имѣлъ, въ своемъ Новоіерусалимѣ, больничку. Былъ ли тамъ постоянный врачъ, не знаю. Извѣстно впрочемъ, что и самъ Никонъ въ заточеніи лѣчилъ не однѣми молитвами. Свѣтлая голова того времени, Хранитель государственной печати и Великій оберегатель Государевыхъ посольскихъ дѣлъ, бояринъ Ординъ-Нащокинъ, 1672 года постригся въ Псковскомъ (какъ тамошній уроженецъ) монастырѣ и тотчасъ завелъ тамъ, на свои средства, больницу и конечно со врачемъ новоученнымъ, какъ самъ извѣстный новаторъ. Но то были все лѣчебницы частныхъ лицъ. Да тогда и царскіе пріемные покои — амбулаторіи у Спасскихъ воротъ, а

потомъ въ Орбацкомъ огородѣ — были также дѣломъ царскаго благочестія, какъ частнаго лица. Впрочемъ, съ открытіемъ Новой аптеки на Новомъ гостинѣ дворѣ, по всему вѣроятію, опорожненный Орбацкій огородъ сдѣлался постоянной больницей для придворно-служащихъ, т. к. Блюментростъ продолжаетъ тамъ жить и жалуется даже на переводчика, безъ котораго ему «не въ мочь съ больными». Я даже предполагаю (см. выше), что тутъ была и первая въ Россіи клиника.—Документально извѣстная правительственная больница была въ Москвѣ «Первый военно-временный госпиталь 1678 г.» (см. подробности въ моей статьѣ того-жъ имени), когда раненые подъ Чигириномъ были размѣщены отдѣльными полками по нѣсколькимъ подворьямъ — тогдашнимъ двухъэтажнымъ гостинницамъ, принадлежавшимъ казнѣ. «Великій Государь указалъ лѣчить, поить, кормить изъ Большаго Дворца и раненыхъ и лѣкаревъ (б. ч. русскихъ), покамѣстъ они ихъ лѣчить будутъ». А на Орбацкомъ дворѣ положили, изъ той же партіи, нераненыхъ больныхъ, а заразныхъ, т. к. Блюментросту съ Келерманомъ не велѣно все время ѣздить въ Верхнюю, т. е. царскую собственно, аптеку въ Кремлѣ. Наконецъ, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ указалъ строить на Гранатномъ дворѣ, близъ Никитской, домъ, «гдѣ бы больныхъ лѣчить и врачевъ учить». Назначилъ и людей завѣдывать имъ и деревни на содержаніе всего учрежденія. Указъ сохранился. Всѣ считаютъ его проектомъ, я же склоненъ думать, судя по счетамъ, напечатаннымъ у неутомимаго собирателя, историка нашего Забѣлина, и изъ переписки Монастырскаго приказа, что, по крайней мѣрѣ, первая часть указа—лѣчить, начала было приводиться въ исполненіе. Смуты остановили дѣло, которое потомъ Петръ I, какъ по указкѣ, исполнилъ, найдя дѣльнаго человѣка во главу дѣла — Бидлоо, давъ именно тѣ же деревни и тоже устройство, но «отъ прежняго съ убавкой». Какъ государственный актъ, б. ч. впрочемъ заимствованный, этотъ проектъ задуманъ широко, но едва ли съ хорошо обдуманнымъ знаніемъ дѣла.

Здѣсь бы слѣдъ разсказать о болѣзненности Россіи того времени, но свѣдѣнія о ней или скудны, или мало провѣрены, или мало вѣроятны. Напр. будущій архіатеръ рисуетъ (взявъ на вѣру у далеко недостовѣрнаго Петрея небылицу, будто русскіе военные такъ сильны, что медвѣдя одинъ на одинъ просто хватаютъ за уши и давятъ) солдатъ геркулесами, называя всѣхъ ловкими атлетами, забывая, а м. б. и не вѣдая, что служилый ѣхавши на 4 мѣсяца въ походъ самъ пять, умѣщалъ весь запасъ въ одну телѣгу съ порохомъ и оружіемъ, такъ что буквально питался одними сухарями иль толокномъ, а то дня три и совсѣмъ ничего,

каша про святъ день. Троицко-Семинарская рукопись № 17 (1308 г.) гов.: «ѣдятъ и овсяную муку ложки двѣ на блюдо налитое водой, а какъ лукъ или чеснокъ имѣютъ и ужъ ни о какихъ яствахъ не радѣютъ». Въ концѣ своего описанія авторъ самъ же зоветъ цингу всеобщей русской болѣзнію. Немного ниже увидимъ нѣсколько примѣровъ болѣзней, подавшихъ поводъ къ освидѣтельствованію.

Повальныя болѣзни извѣстныя въ этомъ вѣкѣ, кромѣ чумы 1654—1656 гг., которая составитъ предметъ особой статьи (Олеарій, Коллинсъ). Обѣщая разсказать о нихъ до Петра I, Рихтеръ, читавшій, по его словамъ, и погорѣвшіе въ 1812 году источники, упоминаетъ лишь ту же чуму. Хотя огневой (тифоидъ), рожей и свинкой и царь бывалъ боленъ, да и оспа была не въ рѣдкость. По лѣтописямъ знаемъ голодъ и ужасный отъ него моръ (голодный тифъ) 1601—1603 г., когда въ Москвѣ вымерло 127,000 человѣкъ, а въ Смоленскѣ тожъ въ 1602 г.; кровавый поносъ, 1605 г., въ войскахъ царя Бориса, осаждавшихъ г. Кромы (Ilmoni Schmidt's Jahrsbüch. т. 72, стр. 254); Новгородскій моръ 1606 г. частію, вѣроятно, какъ и московскій отъ голода, а м. б. тифъ, съ болотными лихорадками; затѣмъ 1605—1609 г., по Россіи и Сибири (Нарымъ) оспа; въ 1630 г. моръ въ Печерахъ; цинга въ Астрахани 1670 г. (послано 200 ведръ сосноваго вина, какъ предохраненіе, служилымъ); моръ въ Астрахани 1699 г. Это все краткія указанія, не имѣющія пока высокаго интереса, ибо научная сторона дѣла ихъ мало затронута, т. к. по документамъ плохо изучается даже распознаваніе. Описаніе припадковъ въ лѣтописныхъ сказаніяхъ прошлыхъ вѣковъ даже богаче, о лѣченіи же не получаемъ почти никакихъ указаній. Не говоря уже про то, что не было тогда компетентныхъ наблюдателей, возвысившихся сколько-нибудь изъ заурядной статистики. Эпидеміи же, по справедливости, зовутся пробнымъ камнемъ практической медицины, указывая уровень знаній представителей ея. Семнадцатый вѣкъ былъ, во всей Европѣ, вѣкомъ большихъ эпидемій. Въ Россіи къ тому же были и всѣ условія на лицо. Болота, суровый, мѣстами перемѣнчивый климатъ, низкій уровень благосостоянія, частый голодъ, падежи скота, страшное нравственное (поголовное) увлеченіе въ началѣ вѣка, не стихшее далеко за половину вѣка. Экономическое напряженіе, а съ нимъ и бѣдность должны были по необходимости все болѣе и болѣе увеличиваться для непрерываемаго почти ряда большихъ войнъ, не обезпеченныхъ ни провіантскимъ, ни интендантскимъ, вообще никакимъ довольствіемъ. Войнъ часто неудачныхъ и потому гнетущимъ образомъ дѣйствовавшихъ на духъ какъ военныхъ

акъ и народа. Оттого злѣе, за каждой войной, лагерныя эпидеміи, ядъ коихъ пока сокрытъ въ архивахъ. Укажу хоть на прилипчивыя боѣзни въ московской временной больницѣ на Арбатѣ 1678 г., упомяутой выше. Такъ что скудость врачебной помощи играла едва-ли заѣтную роль. А тѣмъ не меньше въ нашихъ эпидеміяхъ того вѣка нельзя е замѣтить ослабленія какъ въ силѣ, такъ, пожалуй, и въ злокачествености. Наконецъ, чѣмъ объяснимъ, что та же чума, опустошивъ Европу ъ 1665 г., оставила Россію въ покоѣ. Не прекращеніемъ же доступа ностранцамъ (съ одного лишь запада) и не карантинами, м. б., строгими а бумагѣ, но не исполнимыми тогда на дѣлѣ. Пока будемъ искать приины того въ непроходимости дорогъ, торговомъ застоѣ, малонаселенности, б. ч. въ лѣсахъ, и частію въ климатическихъ условіяхъ данной инуты и той вѣками доказанной переносливости русскаго организма.

Научныя свѣдѣнія. Переходя къ научной, такъ сказать, подотовкѣ тогдашнихъ врачей и массѣ ихъ знаній, по своему времени, озволю себѣ бросить краткій взглядъ на состояніе европейской врачебной ауки тогда.

Науки и искуства вообще, а) въ Европѣ развивались, ъ начала вѣка, въ Англіи, обладательницѣ морей, особенно философія Беконъ) и въ Голландскихъ Штатахъ, гдѣ больше цвѣли искуства, къ оимъ и врачебное тогда относилось. Естественныя науки, какъ физика, воздѣлывались въ Италіи (Галилей, Торричели и др.), затѣмъ ъ Англіи, Франціи. Но химія еще Парацельсомъ пахла — искали золота. [въ дѣлѣ анатоміи итальянецъ Сервето уже говорилъ о кровообраценіи, открытіе котораго въ 1628 г. Гарвеемъ, было дополнено (1622) ткрытіемъ млечныхъ сосудовъ (Азелли) и лимфатическихъ сосудовъ Рудбекъ, итальянскій студентъ 1653 г.), да капиллярнаго кровообращеія (Мальпиги 1661 г.). Вообще анатомія стояла уже высоко въ томъ ѣкѣ въ Италіи, потомъ Голландіи и частію въ Англіи. Узнали строеніе ускула, даже микроскопическое первичныхъ волоконъ, открыли протоки люнныхъ, подчелюстныхъ и поджелудочной железъ, изучили, хотя и не овсѣмъ точно, строеніе печени, кишечника, лимфатическихъ железъ, елезенки, почекъ и, наконецъ, везикулярное строеніе легкаго (Мальпиги); ъ строеніи мозга тоже много сдѣлано (Виллизи, Сильви), описаны пираиды, оливчатыя тѣла.

Но уже на физіологіи эти успѣхи анатоміи, говоря точнѣе — ткрытіе кровообращенія, отразилось далеко не вполнѣ. Ятрофизики бъясняли, напр., пищевареніе простой механической силой пере-

тиранія, а ятрохимики броженіемъ, какъ и образованіе крови; даже питаніе, по ихъ ученію, лишь броженіе, направляемое жизненнымъ духомъ (spiritus vitalis), по ученію же физиковъ питаніе зависѣло отъ давленія крови. Дыханіе, еще Галеномъ толково описанное, мало ушло впередъ. Химики видѣли какъ венная кровь мѣшалась съ селитрянною частію воздуха, которая дѣйствовала потомъ на сѣрнистыя части крови; но уже Маевъ замѣчалъ, что селитрянная часть воздуха также дѣйствуетъ и при горѣніи. Въ кровообращеніи Борелли опредѣлилъ значеніе пульса, силу работы сердца, открыта и почти точно опредѣлена роль кровяныхъ тѣлецъ (Левенгукъ). Въ физіологіи мозга еще царили Галеновскіе жизненные духи, только одни стали считать ихъ бѣлкообразными, а другіе эфирообразными; но уже Глиссонъ говоритъ о токахъ по нерву, принимая текущее за жидкое. Къ несчастію, Мальпиги, отыскавъ мозговые узлы, приписалъ всему мозгу железистое строеніе и потому жизненный духъ продолжалъ выходить парами изъ крови въ сердцѣ и разноситься нервами по тѣлу, а ненужные тамъ остатки его образовывали лимфу и чрезъ вены возвращались въ сердце. Въ физіологіи чувствъ сдѣланы блестящіе успѣхи, особенно глаза. Опредѣлено значеніе хрусталика (Кеплеръ), всего глаза, какъ камеробскуры (Декартъ), изучено преломленіе свѣта и и значеніе цвѣта (Ньютонъ). Затѣмъ Кассеріо описалъ слуховыя косточки и мускулы ихъ, а Перо (Perrault), впервые описавъ развѣтвленіе слуховаго нерва по спиральнымъ ходамъ улитки, указалъ тутъ мѣсто воспринятія звука. Органъ вкуса нашелся въ сосочкахъ языка (Беллини), а Мальпиги указалъ въ сосочкахъ кожи органъ осязанія. Потомъ движеніе живаго тѣла объяснено точно, механическими законами: сила—мускулъ прикрѣпляется къ костямъ, какъ къ рычагамъ (Борелли). Особенно обогатилось ученіе о развитіи зародыша. Доказано, что всѣ животныя производятъ яйца. Книга Гарвея «De generatione animalium» (1651 г.) едва-ли не такъ же важна, какъ и о кровообращеніи его же. Швамердамъ, Мальпиги, Граафъ, фанъ-Горнъ, Гамъ, Левенгукъ блестящимъ образомъ дополняли труды Фабриція и Гарвея.

Въ практической медицинѣ всѣ эти анатомо-физіологическіе успѣхи мало отразились, хотя, начиная съ Голландіи (Утрехтъ, Лейденъ), стали въ тотъ вѣкъ открываться клиники въ Англіи, къ концу вѣка въ Италіи, Франціи и Прагѣ. Представители физическаго направленія, понимая, что физіологическій методъ мало пригоденъ при постели больнаго, держались Гиппократа (Багливій), хотя и объясняли, напр., лихорадку усиленнымъ треніемъ крови о стѣнки сосудовъ (Питкернъ). Противники

:е ихъ, б. ч. въ Голландіи и Германіи, химисты съ своими «бродилами», гыскали мѣстныхъ, и даже злыхъ, археевъ съ однимъ общимъ надъ ними дѣятельностію ихъ, какъ оживленнымъ принципомъ крови («Latex sanuinis» — отдѣльное отъ души начало), коимъ и объясняли все (ф. Гельонтъ). Болѣзнь есть слѣдствіе грѣха, отъ котораго животная душа въ еловѣкѣ отдѣляется отъ божественной и становится самостоятельнымъ олѣзненнымъ началомъ, при участіи, конечно, архея. И такова вся паологія. Какъ видите, отъ Парацельса не далеко ушли. Другой голландецъ Сильви) училъ, что при пищевареніи — броженіи, «бродилами» служатъ люна, соки желудучный, поджелудочной железы, желчь и тонкое бродило, риготовляемое въ селезенкѣ; что дыханіе уменьшаетъ загниваніе крови, роисходящее отъ усиленной теплоты сердца и отъ примѣси желчи; а боѣзни всѣ происходятъ отъ неправильныхъ измѣненій вышесказанныхъ броилъ. Оттуда лихорадки были желчныя, лимфатическія, слюнныя, желуочныя, смотря по примѣси къ крови болѣзненно-измѣненнаго того или ругаго изъ тѣхъ «основныхъ соковъ». Задача терапіи, изучивъ причины тихъ измѣненій, удалить ихъ, умѣрить припадки и поддержать силы ольнаго. Такія теоретическія воззрѣнія на сущность болѣзней не могли іе вызвать реакціи. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей когорой былъ оксфордецъ Зиденгамъ. Главная, впрочемъ, его заслуга была іе въ теоріяхъ его, а въ томъ, что онъ оторвалъ вниманіе, ударившихся зъ мелочи, спорщиковъ отъ этихъ мелочей, указавъ болѣе общіе интересы въ смыслѣ гипократизма. Терапія — училъ онъ — не должна увлекаться «арканами», а при помощи наблюденія должна возсоздать «сущность» болѣзни; болѣзни не суть самостоятельныя начала въ организмѣ, а лишь видоизмѣненія тѣхъ же соковъ, слѣдующія той же законности, какъ и нормальныя. И потому, наблюдая болѣзни, ихъ слѣдуетъ описывать, какъ ботаникъ растенія. Зиденгамъ рѣзко отличалъ острыя болѣзни, производимыя вредными внѣшними вліяніями, отъ хроническихъ болѣзней, когда отъ погрѣшностей діэты измѣнились соки. Вліяніе временъ года, вредныя примѣси къ воздуху, водѣ и пр. привели его къ ученію о болѣзненныхъ конституціяхъ, которыя, какъ напр., эпидеміи, слѣдуютъ опредѣленнымъ законамъ. Главнѣйшія формы эпидемическихъ заболѣваній происходятъ отъ воспаленія крови и слизистаго ея свойства и пр. (Здѣсь кстати примѣтимъ, что Зиденгамовское лѣченіе сифилиса водкой практиковалось въ Россіи задолго до рожденія его).

Успѣхи хирургіи были еще того менѣе замѣтны, даже противъ предъидущаго вѣка, что частію зависѣло отъ малаго развитія самихъ хи

рурговъ—«barbieren» и «wundärzte» нѣмцевъ, «chirurgiens» французовъ. Рядъ незначительныхъ успѣховъ и здѣсь начался въ Голландіи, потомъ Англіи, Франціи и, наконецъ, въ Италіи. Нѣсколько упрощеній въ лѣченіи ранъ (меньше мазей и рѣдкая перевязка), нѣсколько улучшены ампутаціи (раньше стали ихъ дѣлать и по здоровой ткани), начали употреблять турникетъ; грыжи по старому рвутъ и рѣжутъ, но уже появились стальные бандажи и стали различать грыжи бедренныя, желудочныя, мочеваго пузыря, а предъ ущемленными грыжами все еще пасъ. Болье сдѣлалъ 4000 камнесѣченій и ввелъ боковое сѣченіе; вспомнили александрійско-арабское камнедробленіе (Кьюччи); часто трепанировали черепъ, даже отъ мигреня разъ по 17, какъ Филиппу Оранскому; вспомнили трахеотомію; Паре дѣлалъ операцію заднепроходнаго свища. Въ офталміатріи почти ничего.

Фармакологія Зиденгама опій, желѣзо, ртуть, ялаппа и другія сильно дѣйствующія, — пустяковъ нѣтъ — хина и у насъ.

Акушерство со второй половины лишь начало возрождаться во Франціи (Паре и Морисо написавшій первое акушерское руководство 1668 — а Кобылинъ ?), гдѣ основаны первыя школы повивальныхъ бабокъ. Моттъ создаетъ ученіе о поворотахъ и о съуженіяхъ таза. Кой-что сдѣлано и въ Голландіи, въ остальныхъ странахъ ничего. Дѣтскія болѣзни къ концу вѣка едва обозначились.

Вообще же должно замѣтить, что самые извѣстные практическіе врачи Европы отдавали несравненно болѣе времени придворнымъ интригамъ и успѣхамъ, нежели наукѣ.

б) Въ Россіи. Теперь обратимся къ врачебнымъ дѣятелямъ въ Россіи и начнемъ съ учителей. Выискивались они, какъ видѣли, сначала перепиской самихъ государей, то были придворные, съ извѣстнымъ именемъ, врачи изъ Англіи, затѣмъ Голландіи. Потомъ стали поручать приглашать ихъ посламъ; далѣе купцамъ, иностранцамъ русской службы (лишь Белау рекомендованъ Сибилистомъ), особенно лѣкарей. Наконецъ, забирали все, что само ѣхало. Участіе Аптекарскаго приказа въ выборѣ ограничивалось лишь простой формальной перепиской. Часто прямо присылали пріѣхавшаго въ приказъ и тогда только послѣдній узнавалъ о существованіи врача сего. А бывало приказъ скажетъ, что пріѣхавшій ничего не смыслитъ, шарлатанъ, а его все-таки велятъ назначить. Не спорю, м. б. нѣкоторыхъ, особенно лѣкарей, и указывали доктора, но не какъ члены приказа, а какъ частныя лица, чрезъ бояръ, своихъ знакомыхъ. Еще менѣе конечно могло быть выбора лѣкарей, которыхъ часто,

напр., при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, забирали въ Нѣмецкой слободѣ изъ наѣзжей вольной рати, въ буквальномъ смыслѣ, прямо солдата, иль кузнечнаго старосту, а цирульника и подавно, писали прямо въ лѣкаря, по заявленію его, что онъ лѣкарскому дѣлу навыченъ или по завѣренію какого-нибудь лѣкаря, аптекаря, что «де его съ лѣкарское дѣло будетъ».

О свѣдѣніяхъ Бильса старшаго, мы можемъ судить по опредѣленію болѣзни невѣсты царской — Хлоповой. Изъ желтизны глазъ и поноса, которой онъ вывелъ заключеніе о затвердѣніи селезенки. О Полиданусѣ не по чемъ судить. Оба пріѣхали стариками такими уже, что умерли въ Россіи въ первой трети вѣка, слѣдовательно по образованію принадлежали къ XVI вѣку. Дій, искатель философскаго камня, писатель, по времени вѣроятно недурно образованный врачъ, но не новаго направленія, по крайней мѣрѣ въ терапіи. Отъ него у насъ осталось очень дѣльное — по Зиденгаму? — описаніе рожи, жабы, лихова повѣтрія (этіологія почти современна намъ), но онъ же съ Белау пустили Михаилу Ѳедоровичу, страдавшему тогда рожей, больше фунта крови, и кажись не разъ... Голштинецъ В. Сибилистъ, врачебный писатель, оставилъ намъ лишь каждогодное кровопусканіе царю. Неудачникъ Пау не вылѣчилъ, будто, ни одного больнаго боярина. Г. Грамонъ съ Сибилистомъ, «смотря воду (мочу Михаила Ѳедоровича), говорили, что желудокъ, печень и селезенка природные теплоты — для слизу, которая въ нихъ копится — безсильны. Оттого кровь водянѣетъ и холодъ (т. е. знобъ) бываетъ, да оттого-жъ цинга и иныя мокроты родятся». Лѣчили ароматными, вяжущими, виномъ и слабительными. Черезъ мѣсяцъ они, замѣтя блѣдную мочу, говорили: «знать, что желудокъ, печень и селезенка безсильны отъ многаго сидѣнія, холодныхъ питей, меланхоліи (сирѣчь кручины) и отъ того печень и селезенка заперты и вѣтръ и колотье возле реберъ объявляетъ и какъ та болѣзнь продолжится, ноги будутъ пухнуть... пургацея воду и слизь отъ крови отведетъ и селезенку и печенку очиститъ... послѣ дѣйствія пургацеи мазати бальзамомъ подъ ложкой, принявъ сахаръ». Белау былъ профессоръ медицины, но шлетъ Алексѣю Михайловичу 7 драгоцѣнныхъ камней для предохраненія и лѣченія всевозможныхъ болѣзней, совѣтуя носить близъ почекъ отъ каменной болѣзни, къ затылку на ночь прикладывать при глазныхъ болѣзняхъ, на груди беременнымъ и отъ головныхъ болей, при родахъ же держать въ правой рукѣ; а кстати предлагаетъ купить инрогъ за 8000 руб. Тутъ-то и былъ знаменитый физіологическій опытъ кормленія голубей порошкомъ этого рога, описанный въ «Мат. для ист. Рос.» (№ 781 и 870). Изучалось предохранительное дѣйствіе, напр. отъ мышьяка. Всѣ эти врачи,

впрочемъ, не могли имѣть большаго вліянія, какъ учителя и даже какъ практики, т. к. не смѣли никого лѣчить безъ царскаго разрѣшенія, а объ ученіи тогда еще не заботились. Изъ врачей Алексѣя Михайловича Энгельгардтъ болѣе астрологъ, другой ученый англійскій анатомъ (лучше компиляторъ), Коллинсъ, написавшій къ тому-жъ книгу о Россіи, въ которой однако по врачебной части говоритъ больше о грибахъ. Будто при немъ отъ чумы умерло въ Россіи 800,000 человѣкъ. Онъ, «сказывая» о тучности царя Алексѣя Михайловича (Мат. 787), объяснялъ по Гипократу и первый въ Россіи заговорилъ объ «обученіи», т. е. гимнастикѣ. Замѣтки его о валеріанѣ и лопушникѣ (см. выше) мало отличаются отъ словъ нашихъ тогда лѣчебниковъ, на который (Діоскорида) онъ, впрочемъ, и указываетъ, а вотъ и рецептъ его: проскурнякъ, сѣмя дынное, мятное и тминное, мука ржаная на водѣ чернобыльной съ померанцевой мазью, сдѣлать пластырь, класть на часъ. Онъ же по одному жару «чаетъ огневую болѣзнь» и «отъ мокротъ въ головѣ больной безъ памяти». Розенбургъ, напечатавшій 4 посредственныя практическія работы, прописывалъ царямъ лишь свероборинный сахаръ, алтею, наборы для водокъ и порошки для куренія, да составныя мыла. Все это выученики первой половины вѣка, когда клиникъ еще не существовало и потому пропитанные теоріей, б. ч. прошлаго, т. е. XVI вѣка, кичились лишь предъ русскими своей ученостію, знаніемъ мудреныхъ словъ, или тѣмъ какъ мокрота изъ мозга заѣзжаетъ въ кости. И благо для Россіи, что они учили насъ лишь практикѣ, а не всему, что сами знали. Нельзя конечно много винить докторовъ въ ихъ отсталости, т. к. успѣхи анатоміи и физіологіи, поколебавъ лишь теоріи прошлыхъ вѣковъ, не дали еще прочной основы для практической медицины, а наоборотъ, разбили все учащее на два лагеря. Одни принимали на вѣру новыя недоношенныя идеи, а противники, отступившіе ради противорѣчія назадъ, дальше даже своихъ учителей, отвергали все новое, держась галленизма въ терапіи и фармакологіи, которая, особенно у насъ, замкнувшись въ рядъ алхимистовъ, конечно, не двинулась дальше Парацельса. Оттуда та смѣсь и разношерстность взглядовъ, прекратившаяся лишь въ слѣдующемъ столѣтіи.

Возмемъ въ хронологическомъ порядкѣ нѣсколько распознаваній, сдѣланныхъ при осмотрѣ больныхъ съ 1673 г. Эти выписки, кромѣ указанія на степень научности врача, дадутъ намъ нѣкоторое понятіе о болѣзняхъ тогда обычныхъ, укажутъ нѣсколько русскую врачебную терминологію, увидимъ, наконецъ, какая степень болѣзненности служила поводомъ къ отставкѣ. Кстати, эти осмотры, косвеннымъ образомъ, увеличи-

вали практику врачей. Напр., лица, ходившія въ «Верхъ», болѣзнь которыхъ заподозрѣна въ прилипчивости, естественно, спѣшили вылѣчиться. Вотъ эти осмотры, напр., по медицинѣ собственно: Блюментростъ и М. Грамманъ: «животомъ скорбенъ—заднимъ проходомъ не излѣчимъ; падучка; неизлѣчимъ, потому съ младенчества (Блюм. и Розенбургъ); черная немочь, жилы становыя трясутся, параличная болѣзнь ходитъ въ немъ, не излѣчимъ; внутри грыжа и цинга, а изнутри болѣзнь вселилась въ ноги—ломъ великій—чаетъ излѣчить (Блюм.); была огневая, оттого на рукѣ чирей и припалъ нырокъ и лихорадка нутряная, отъ нея бываютъ въ гортани кровяные провалы съ гноемъ по годню (Блюм.); отъ громоваго убою оморокъ находитъ, отъ того бываетъ падучая (Блюм. Зоммеръ, Кельдерманъ); отъ чечуя изъ проходу вышло мясо, на немъ двѣ дырки, сукровица течетъ, а залѣчить ни которыми дѣлы не мочно, а то умретъ; во всѣхъ костяхъ и суставахъ ломъ великій, оттого черева выходятъ въ исты; нутряная цинга—черева внутрѣ сволакиваетъ, подъ сердце подступаетъ, ноги пухнутъ; болѣзнь сухотная—удушье великое, внутрь черева сволокло и подъ сердце подступило; въ животѣ и въ суставахъ ломъ, оттого по тѣлу нечисть багряно-лазорево, изъ подъ нее пасока течетъ; опухоль внутри и ногахъ, оттого чирьи цинготные съ провалами и дыханіе замираетъ; въ животѣ нутряная грыжа и мокротная болѣзнь; отъ удара въ грудь въ животѣ мокрота и цинготная болѣзнь; отъ долговременной ломоты въ ногахъ, жилы сводитъ, ноги сохнутъ и ломъ проходитъ въ мозгъ; въ головѣ шумъ, оморокъ ошибаетъ, рвота кровью—чечуйная болѣзнь; въ суставахъ ломота цинготная, оттого рвота, икота; болѣзнь нутряная отъ опуха моча не держитъ, да прострѣленъ въ брюхо; ипохондрія подступаетъ подъ сердце и дыханіе занимаетъ; въ костяхъ и суставахъ цинга и мокрота соленая во всемъ и подступаетъ подъ очи; нутряная лихорадка, животъ приводитъ къ спинѣ и рѣзь въ немъ; въ животѣ въ желудкѣ рана отворилась, оттого черева въ исты опустились и руда заднимъ проходомъ да одышка; рана ноги гніючая, неизцѣльная, потому внутри цинга и грыжа; внутри чирей отъ него гортанью и низомъ руда съ гноемъ; внутри порча и рвота задавнѣла, гортанью и низомъ лягушки малыя шли, оттого черева и тайные уды сволокло внутрь и часа по три безъ памяти и иныя причинныя болѣзни изъ нутра отъ селезенки припадаютъ (Блюм., Гаденъ); ипохондрія—паръ отъ селезенки проходитъ и подступаетъ къ сердцу, головѣ, отъ того памяти нѣтъ, неузнаетъ людей и та болѣзнь бываетъ во снѣ 2—3 раза, кричитъ тогда; желудокъ отворился, рвота по вся дни, оттого удушье, ко-

лотье и не видитъ; въ гортани нечисть, язычекъ отвалился, небо провалилось въ носъ, а будетъ выходить на вѣтеръ, дыханіе будетъ занимать; паралежная болѣзнь, бокъ и руки отнялись, а къ ней припали иныя причинныя болѣзни». Сдѣлалось дурно боярину въ Думѣ, а дома — «малая рвота, лицо и ногти сини, холоденъ» — и скоро умеръ. Отъ чего? Блюментростъ съ Зоммеромъ сказали «изнеможеніе сердечное з внезапнаго захвату жильнаго къ сердцу належащаго, отсюда теплота и духъ животный угашенъ бысть. Болѣзнь зачалась отъ жестоты и колотья въ воздухѣ (въ легкихъ, Змѣевъ), колотье виною нынешняго возжженія воздушнаго». Кому случилось читать хоть, напр., травникъ переведенный нѣмцемъ любчаниномъ 1534 г., эти отмѣтки осмотра покажутся дословными изъ него выписками. Опять съ 1673 г. «По сказкѣ больнаго тараканы въ головѣ, отъ того глухъ и оморокъ (Гаденъ, Альбинусъ и Дляклеръ), неизлѣчимъ; сухотная болѣзнь, отъ нея въ костяхъ ломъ и жилы на ногахъ сохнутъ, неизлѣчимъ; внутри и въ ногахъ цинга, оттого ноги ослабли (Гад. Термонтъ); чечуй, есть фистула, рана залѣчить не можно, а то смерть; на лицѣ угри красные, ибо въ желудкѣ кровь горячая, по наслѣдію отъ отца, болѣзнь прилипчивая, въ «Верхъ» не ходитъ пока вылѣчится (Гаденъ); ѳрянки и во всемъ мокрота, оттого въ головѣ оморокъ (Гад. ф. д. Гульстъ); камни, въ почкахъ и пузырѣ, мочу задерживаютъ и въ ногахъ грыжа (Гад., Шхиндеръ); лихорадка повсядневная и чахотная болѣзнь, изсохъ (Зомм.); лихорадка повсядневная; болѣзнь нутряная, въ суставахъ и жилахъ цинга, отъ нея ноги распухли, по тѣлу пятна великія и суставы разслабли, а отъ нутряной болѣзни припадокъ — тоска великая; огневая съ пятнами, прилипчивая, а давалъ отъ нея потовый юлепъ, послѣ ударная болѣзнь приспѣла, отъ нея умеръ нечаянною болѣзнію (ф. д. Гульстъ); хипохондрика и меланхолія и оморокъ; болѣзнь нутряная, животъ весь высохъ, а грудь взнесло (Кельдер.)». Лѣкари. По осмотру аптекаря Эглера «умеръ отъ камня въ почкахъ; водяная жила онѣмѣла, ступить не даетъ, глазъ вышибенъ не видитъ и другой чаетъ скоро испортится (Термонтъ); мясо и жилы всѣ сохнутъ; ракъ, болѣзнь неизцѣльная (у больнаго губы и зубы на приступѣ вышибло камнемъ); съ убою ребро переломало и въ томъ мѣстѣ наросъ пузырь великій, вздохнуть не даетъ, а прорѣзать пузырь—смерть (Тобаровскій)».

По хирургіи: тайные уды прогрызло, черева выходятъ (Блюм. М. Грамм.); раны ногъ неизлѣчимы, потому откроются въ иныхъ мѣстахъ, а буде залѣчить учнется къ животу болѣзнь великая и жить долго не станетъ; пуля вошла въ локоть и жилу становую испортило, оттого

пальцами не владѣетъ; пуля въ немъ (подъ пробитой лопаткой) и та пуля опустилась внизъ, въ кость и рана разгноилась больше четь аршина и кнотъ идетъ великій, излѣчить не мочно, потому рука ушла въ кость; прострѣленъ въ черное мясо ниже колѣна; становая кость въ поясницѣ изъ мушкета вся избита и пуля вынята, а другую пулю ни которыми дѣлы вытравить не мочно; раненъ изъ пушки желѣзной усѣчкой и кости вышли изъ грудей вонъ и становая кость раздроблена; перстами тоя рука не владѣетъ, потому сволокло (Блюм., Розенб., Курціусъ); тайные уды прогрызло и черева виснутъ до колѣна, неизлѣчимъ, потому съ младенчества; пониже пупа черева выходятъ, застарѣлось, неизлѣчимъ (Зомм.); прострѣленъ въ бокъ, пуля въ немъ, кости выходятъ, а залѣчить то смерть (Понтанусъ и Фохтъ 1677); камень въ почкахъ когда выходитъ, больной бываетъ при смерти, отъ того ломъ въ головѣ, а отъ лому снатуги глаза слабы, а выходить на вѣтеръ ждать смерти (Понт. и Шартлингъ — очной мастеръ); въ лунѣ болѣзнь, кила прогрызла, черева выходятъ (Рингуберъ, Снедъ)». — Лѣкарей: «Изъ раны идутъ кости, оттого жилы свѣло и нога сохнетъ (Альбанусъ, Дляклеръ, Ульфъ); въ ногахъ мокротная болѣзнь, отъ того на берцѣ раны, лѣчить нельзя, опять будетъ; раны залѣчить не можно».

Отмѣтки однихъ русскихъ лѣкарей (въ большинствѣ вышесказанныхъ и они участвовали, но безъ авторитета конечно): «переломъ, свѣло, неизлѣчимъ; пострѣленъ въ правую ногу, подлѣ тайныхъ удъ, будетъ залѣчить, учинится смерть; пулька въ кости стоитъ и тое пульку вытравить немочно, а безъ того излѣчить ни которыми дѣлы нельзя; ноги обѣ озноблены и кости знать; убой въ лунѣ и тайный удъ — ядро припухло; пробитъ изъ карабина насквозь по самому животу; рука выше локтя переломана пополамъ и жилы перерваны, руку свѣло, излѣчить не мочно, потому застарѣлась, нога прострѣлена выше лодыжки, оттого берце и плюсна гніютъ; пулька въ рукѣ, межъ жилъ стоитъ, вырѣзать мочно, только-бъ было Ивашкѣ (больной) въ мочь; пострѣленъ изъ мушкета въ ладонь, сухія жилы перебиты, да въ спину навылетъ, да очная болѣзнь, служить немочно; пострѣленъ въ грудь на вылетъ, въ службу не будетъ; пострѣленъ подмышку, пулька въ суставѣ, кнотъ кладетъ, раны затворить нельзя покамѣстъ пуля начнетъ низится (года въ три); въ тайные уды пробитъ насквозь копьемъ; лѣвый глазъ меньше праваго и худо видитъ отъ того; туски великіе заросли; темная вода, неизлѣчимъ; бѣльмо». Послѣднихъ трехъ отмѣтокъ чрезвычайно много. Очной мастеръ Мальгорнъ при бѣльмахъ часто предсказываетъ полную слѣпость. Замѣчаете ли вы въ отмѣткахъ русскихъ лѣкарей ту простоту, краткость, ясность, ту

16

безъискуственность изложенія, отъ которой такъ легко читается; безъ мокротъ, безъ цинги, безъ всякихъ натяжекъ, игры въ ученость, а сколько названій старыхъ мы узнали. А вотъ лѣченіе и не патентованныхъ врачей, 1679 г.: Суховъ—«лѣчу чечуйныя болѣзни, а травы бѣру въ аптекѣ»; стрѣлецъ Гр. Донской лѣчитъ у кн. Щербатова прыщи по лицу и во рту, вшивой мазью, изъ турскаго купороса съ виномъ.

Кстати приведемъ небольшой списокъ средствъ, предлагаемыхъ ученымъ военно-походнымъ врачемъ, въ любопытной книжицѣ, 1700 г., посвященной Петру I: Dens Hippopotami, rasura cranii humani vera, mandibulum Lucii pisci, caput mortum vero; sanguis leporis agitati, sang. Cervi, Hirsini, spirit. sang. humani, sang. effluens siccati, axungi homini, secund. humani, человѣч. моча, какъ предохранительное средство отъ чумы; или stercus fellis, кормленой рѣчными раками — это специфич. при ракѣ, давать разведенное мочей больнаго; priapus Ceti, cervi, Tauri; testiculi Oestra; stercora et urina Porci, Asinum, Gallini, Pavonii, Suillum, ejusque succus in syrupi redacti; желчь виперъ и змѣй; Bufo violente accisus, vel vivo aut combusto fuligo et pulvis; lambricus terrestris. Что же передъ такой ученостію значатъ употребляемыя тогда нашими знахарями барсучье, волчье, козье и пр. сала? Не безъинтересны, въ лагерной то практикѣ, и lac Lunae, emplast. de grafia Dei, electuarium Catolicus или Zemth virginum impraegnatum singulare euporiston ist, а въ morbus Hungaricum cura magnetica.

Изъ вышесказаннаго перечня, я, по крайней мѣрѣ, заключаю, что учителя были не особенно мудры (главное ихъ достоинство въ томъ, что они еще не мѣшали развитію дѣла), т. к., питаясь сами знаніями XVI вѣка, хватали современные взгляды ради, такъ сказать, моды, не усваивая ихъ; а ученики были даровиты и обѣщали скоро догнать учителей. И догнали бы тогда же навѣрно, если-бы Петръ I не поставилъ точки на сто слишкомъ лѣтъ. Задатки этой точки проглядывали ужъ и тогда (1698) въ видѣ, напр. обязательнаго изученія, вмѣстѣ съ латинскимъ, на которомъ писалась медицина всей Европы, и нѣмецкаго, на которомъ нечего было читать до половины 18 вѣка, и б. ч. учителей не были нѣмцы, зато была Нѣмецкая слобода.

Пересмотримъ вкратцѣ, къ чему привело насъ изученіе состоянія врачевства въ Россіи въ XVII вѣкѣ.

Мы видѣли, что начавшееся, вслѣдъ за смутами, краеугольное измѣненіе государственнаго строя на новыхъ началахъ и сообразно тому новая группировка сословій, не улегшіяся еще послѣдствія смуты — без-

порядки и внѣшнія войны, не давали ни времени, ни подкладки для правильнаго развитія врачебнаго дѣла. При Михаилѣ Өедоровичѣ заботятся лишь о придворной медицинѣ и единственной аптекѣ, для которой лѣкарства привозятся, б. ч., изъ Англіи придворными же докторами, которые не имѣютъ даже права никого лѣчить безъ царскаго указа и, сидя, т. об., какъ дѣвицы въ теремахъ, никакого вліянія ни на общество, ни на развитіе врачебныхъ знаній не имѣютъ, но уже полагаютъ начала особности въ Нѣмецкой слободѣ. Зато видимъ заботы объ аптекарскихъ садахъ, о сборѣ лѣкарствъ по уѣздамъ старинными чинами—помясами. Всей аптекарской палатой (комнатой для храненія лѣкарствъ) и людьми при ней, кромѣ докторовъ, завѣдуетъ особое не новое учрежденіе — Аптекарскій приказъ (приказана, т. е. поручена), начавшій самостоятельно вѣдать и судить съ 1631 года. Народъ остается при своихъ костоправахъ и знахаряхъ. Служилое сословіе лѣчится частію завѣщаннымъ отцами способомъ или у непатентованныхъ, но обученныхъ (какъ и давно прежде) по травникамъ, лѣчебникамъ своихъ врачей-аптекарей, покупающихъ лѣкарства, привозимыя и съ востока, въ зельныхъ и другихъ рядахъ. Спеціалисты, напр., каменной, очныхъ болѣзней, грыжъ по старому захожіе греки, персіане и пр. или туземные ученики ихъ.

Но тѣ же войны заставляютъ государство призывать иноземныя войска, а свои обучать иноземному строю. При этомъ измѣняются экономическія отношенія служилыхъ людей къ государству, которому, т. об., занадобились врачи. Берутъ ихъ у бояръ и прежде служившихъ, а для иноземныхъ войскъ вербуютъ изъ иноземныхъ же солдатъ, плѣнныхъ цирульниковъ, литовскихъ лѣкарей. Не достало, а свои не знаютъ языковъ, тогда посылаютъ иноземца-купца нанять на срокъ по условію, иноземныхъ лѣкарей и съ лѣкарствами. Вѣдаетъ пріѣзжихъ Посольскій приказъ, а жалованіе они получаютъ въ полкахъ. Ни нравственныя качества, ни научное достоинство этихъ лѣкарей не могли быть высоки, такъ какъ то были тамошніе отбросы общества. Остающихся послѣ срока пробуютъ, изпомѣстя, обратить въ служилое сословіе и передать въ вѣдѣніе Помѣстнаго приказа, но это, за пассивнымъ противленіемъ, не удается. Посылая въ полки съ лѣкарями казенныя лѣкарства, пробуютъ продавать ихъ больнымъ чрезъ командировъ, потомъ чрезъ самихъ лѣкарей, наконецъ, лѣкарей вѣдаетъ Аптекарскій приказъ, а лѣкарства отпускаютъ въ полки даромъ. Но всѣхъ этихъ лѣкарей иноземцевъ и десятка нѣтъ. У нихъ, какъ и у докторовъ начинаютъ, появляться русскіе выученики (холопи и вольные), какъ встарь у захожихъ спеціалистовъ,

хотя о правильной школѣ и помину нѣтъ. Вообще лишь у Алексѣя Михаиловича является сознательная государственная мысль объ устройствѣ врачевства. А тогда лишь случайно нѣсколько судебно-медицинскихъ осмотровъ, благіе помыслы о падежахъ (кромѣ коноваловъ при Конюшенномъ приказѣ есть—1626—и ветеринаръ выписанный), слабыя карантинныя мѣры, законъ о неказненіи беременныхъ, ратный уставъ и старинные убогіе дома. Монастырскія больницы, гдѣ такія сохранились, продолжаютъ быть скорѣе богадѣльнями, куда по прежнему разсылаютъ тяжело раненыхъ.

При Алексѣѣ Михаиловичѣ, когда изъ множества мелкихъ, жившихъ обычаемъ, чиновъ, выработалось лишь нѣсколько крупныхъ сословныхъ единицъ, съ правами уже писанными, каждое изъ сословій старается закрѣпостить отдѣльную личность для тяги тягла, т. к. подати для войнъ все увеличивались, а мѣръ къ заработку ихъ не было дано. Оттуда недовольство, критика и сознаніе недостатка техническихъ знаній во всѣхъ отрасляхъ (и въ медицинѣ). Ищутъ ихъ за моремъ, но пассивное противленіе принуждаетъ взять сначала у единовѣрныхъ сосѣдей. Оттуда кіевское для верхнихъ классовъ, а потомъ и польское вліяніе. Являются школы, усиливается наплывъ иноземцевъ. Новые учителя колеблятъ старые авторитеты, потрясаютъ исконнонныя вѣрованія и убѣжденія, не давая пока взамѣнъ ничего. А ученики въ заимствованіяхъ, хватая черезъ край, дошли до обезьянства. Отсюда психически неизбѣжная реакція—расколъ, т. е. все иноземное стало однозначно еретическому. Бытъ сословій еще одинаковъ, суевѣрія тѣ же и потому взглядъ на врача, какъ выученика еретика, недружелюбный (попъ и врачъ послѣдніе рабы); да и не въ одномъ сословіи, врозь и вмѣстѣ, не чувствовалось большой надобности во врачѣ, даже какъ хирургѣ, а при внутреннихъ болѣзняхъ и подавно. Даже царей иноземные доктора лѣчатъ консультативно, а царицъ больныхъ и царевенъ имъ и не показывали. Но войны не прекращались, привозныхъ врачей, вмѣстѣ съ своими и плѣнными не хватало, а тутъ грянула со всѣми ужасами чума и заставила начать давно задуманное дѣло—завести у себя дома обученіе врачебному искусству. Мы видѣли, какъ въ 1654 году набрано 30 учениковъ въ Аптекарскій приказъ. Зная, что всѣ сословія съ трудомъ уступали своихъ членовъ, а народъ считалъ ученіе у иноземцевъ ересью, мы не удивились, что учениковъ взяли царскимъ указомъ изъ заевыхъ стрѣлецкихъ дѣтей и вообще брали изъ гулячихъ, т. е. не тяглыхъ людей, т. к. поповичи представляли тогда кадръ лишь подъяческаго чина. Знаемъ, по какимъ рукописнымъ анатоміи, трав-

никамъ, лѣчебникамъ и пр. зубрили въ аптекѣ ученики и учились составлять и давать лѣкарства во внутреннихъ болѣзняхъ, причемъ приходящіе больные служили отчасти терапевтической клиникой, т. к. тогда (вплоть до 1836 г.) и оффиціально отличали терапевтовъ отъ хирурговъ, а народъ аптекарскія и терапевтическія знанія сливалъ въ одномъ лицѣ— знахаря, а хирургическія въ лицѣ костоправа. Чрезъ 3 года этихъ учениковъ «младшей статьи» отдавали лѣкарямъ для изученія практической хирургіи. Что облегчалось войнами, куда они съ лѣкарями ѣздили учениками уже «старшей статьи». Черезъ 2, б. ч., года они, послѣ экзамена въ Аптекарскомъ приказѣ, производились въ лѣкаря. Служа ученики получали содержаніе и кормъ отъ казны. Оттого частію, м. б., и лѣкарями они получали менѣе иноземныхъ жалованія — за казенное ученіе. Такой же курсъ проходили и вольные, не приказные выученики (б. ч. холопи, москательщики, стрѣльцы) аптекарей, лѣкарей, бравшихъ ихъ на года по условію за плату и выдававшихъ имъ, по окончаніи ученія, свидѣтельства, по экзамену же. И здѣсь скажу, что въ ходѣ врачебнаго образованія, какъ и во всѣхъ дѣлахъ Тишайшаго царя, легла гуманнонародная, высокогосударственная и правильная идея: постепенно, не ломая вѣковаго обычая выучки, поставить обученіе на современную высоту. Далѣе мы видѣли лѣстницу врачебныхъ чиновъ: докторъ, поддокторъ (медицина), аптекарь, иноземный лѣкарь, спеціалисты, русскіе лѣкаря и ученики въ томъ же порядкѣ. Причемъ доктора, какъ придворные, честились наравнѣ съ полковниками, а лѣкаря противу капитановъ. Видѣли службу докторовъ — лѣчить царское семейство и частію высшія сословія. Знаемъ, какое большое (150 — 250 р. и по 50 р. корму на мѣсяцъ, дома, помѣстья, лошади) по времени (тогдашній рубль равенъ 17 теперешнимъ) было за то жалованіе, кормы праздничные, на выѣздъ и пріѣздъ подачки, или въ родѣ визитной платы, за пусканіе, напр., крови царю— кубки, бархаты, атласы, соболя, хотя отворялъ собственно жилу всегда лѣкарь. Знаемъ службу лѣкарей (иноземцы на условленный срокъ, а свои сначала на всю жизнь, при Ѳедорѣ же Алексѣевичѣ уже увольнялись на свои корма), б. ч., въ полку, въ аптекѣ и въ приказѣ осмотры, лѣченіе приходящихъ, иль посылались къ больнымъ. Оплачивалась она 20—50 р. жалованія и 5—15 р. мѣсячныхъ (русскіе получали 5 р. и 2 р. въ мѣс.) кормовъ; аптекаря получали еще больше. Видѣли лѣкарей въ частной практикѣ, кормившей русскихъ, и не обширной у иноземцевъ. Платили б. ч. съѣдобнымъ, мѣхами и чѣмъ Богъ послалъ а чаще по договору за вылѣчку. Видѣли отношеніе врачей ко двору, къ высшимъ классамъ обще-

ства (на поклонъ каждодневно), въ домашнемъ быту и костюмѣ (для иноземцевъ иностраннаго покроя). Пришлые (за все столѣтіе 30 докторовъ, 21 аптекарь, 40 лѣкарей) были б. ч. англичане, голландцы, къ концу лишь вѣка и нѣмцы, кои въ званіи аптекарей при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ преобладали и всѣ остались въ Россіи; а первые всѣ вернулись домой. Оттого они не имѣли никакого, даже научнаго вліянія и сначала, подъ давленіемъ народныхъ антипатій, русѣли живя въ крещенной слободѣ — нынѣ Басманной. Но вскорѣ, оставаясь въ Россіи, селились въ Нѣмецкой слободѣ и сплачивались, образуя кадры будущаго, совсѣмъ не полезнаго, иноземнаго вліянія. Затѣмъ, говоря объ аптекахъ, мы узнали, что лѣкарства еще съ VI вѣка привозились — индѣйскія, персидскія — съ устьевъ Волги; потомъ изъ Константинополя, Александріи; позднѣе по Бѣлому морю, чрезъ Новгородъ и Польшу европейскія, азіатскія же по Волгѣ же и даже изъ Китая. Начиная съ Грознаго, ихъ привозятъ съ собой доктора, аптекаря, при Алексѣѣ Михаиловичѣ посылаютъ за ними аптекарей, купцовъ или покупаютъ въ Архангельскѣ, въ московскихъ рядахъ; дома собираютъ ихъ по лѣсамъ, полямъ, въ провинціяхъ, садятъ въ аптекарскихъ огородахъ. Для посуды устраивается свой стеклянный заводъ. Мы изучили постепенное развитіе и значеніе аптекъ, сначала про «Осударя» лишь, а для народа Московскій зельный рядъ; затѣмъ открываютъ другую аптеку для «всякихъ чиновъ людей», приспособя ее къ школьному преподаванію и къ амбулянтному лѣченію; потомъ попытки устроить аптеки въ Вологдѣ и Казани. Знаемъ первую таксу—указную книгу. Съ открытіемъ Новой аптеки продажа сложныхъ лѣкарствъ монополизирована въ пользу казны съ ограниченіемъ торговли ими въ рядахъ. Мы также видѣли, что не смотря на доходы, покрывавшіе всѣ расходы Аптекарскаго приказа и даже заимствованія въ другія вѣдомства, монополія эта не выдержала и десяти лѣтъ. Пришлось ослабить ее почти до старой, свободной торговли. Познакомившись въ прошломъ царствованіи съ учрежденіемъ, вѣдавшимъ все врачебное дѣло — Аптекарскимъ приказомъ и продолжая изучать его отправленіе (функцію), узнали, что онъ далеко не игралъ роли, приписываемой ему нашими врачебными историками. Не имѣя права законодательнаго вчинанія, ни участія въ вызовѣ, ни въ отставкѣ иноземныхъ чиновъ, приказъ не наблюдалъ ни за торговлей лѣкарствами, ни за врачебной практикой, ни за народнымъ здравіемъ, не контролировалъ врачебныхъ осмотровъ, не заботился объ эпидеміяхъ, не вѣдалъ больницъ; а поглощался всецѣло мелкими административными дѣлами; даже доктора считали себя, да и въ самомъ дѣлѣ были, почти внѣ вліянія при-

аза. Дѣлопроизводство съ его подьяческими и совершенно лишними ногословіемъ и формальностями, съ указными книгами и безъисходными ыписками изъ нихъ «на примѣръ» было утомительно, усиливая лишь, ри отсутствіи голоса эксперта, значеніе дьяка въ ущербъ судьѣ — бояину, б. ч. царскому ближнему. Что мѣшало всякому поступательному азвитію учрежденія. Изъ всего этого намъ пришлось вывести, что, не мѣя никакихъ основныхъ правилъ, инструкцій, а руководясь лишь однимъ бычаемъ, съ оттѣнкомъ мѣстничества, не умѣя найтись, въ самыхъ устыхъ дѣлахъ приказъ обращался за разрѣшеніемъ къ царю. Приказъ, оворю, не могъ имѣть никакого государственнаго значенія, какъ самогоятельное учрежденіе, вѣдающее спеціальную отрасль государственной ѣятельности. Онъ скорѣе былъ частной дворцовой канцеляріей по врачебному дѣлу, для передачи приказаній царя. И сравненіе его Рихтеромъ ь Медицинской, напр., коллегіей не выдерживаетъ самой снисходительой критики; какъ и извѣстіе его же объ архіатерахъ, которыхъ, на дѣлѣ, е бывало вплоть до 1716 г., а равно и указаніе его же о переименованіи риказа въ палату, какъ на реформу, не вникнувъ толкомъ въ значеніе ıова. Какъ видѣли, то была естественная замѣна слова приказъ словомъ ıлата, т. к., за отсутствіемъ боярина, вѣдомство никому не было приıзано. И замѣна, прибавлю, не указанная сверху. Безцѣльныя переройки начались съ Петра I, когда въ теченіи лишь 23 лѣтъ приказъ отъ переносилъ десять разныхъ именъ.

Переходя къ законодательству, мы привели рядъ судебно-медицинсколицейскихъ осмотровъ для цѣлей вышеуказанныхъ и для опредѣленія ıаній врачебнаго персонала тогда; видѣли нѣсколько указовъ по поводу умы (очищеніе сожиганіемъ и вымораживаніемъ — предпринимаемымъ ервые въ Европѣ съ этою цѣлію), указъ о непріѣздѣ ко двору лицъ, у ого въ домѣ прилипчивыя болѣзни, объясняемый болѣзненностью царя эдора Алексѣевича. Изъ тѣхъ же осмотровъ мы получили нѣкоторое потіе о болѣзненности тогда вообще. А изучая эпидеміи, указали на ослабніе ихъ вообще и на зависимость ихъ какъ отъ условій климатическихъ олота, быстрая смѣна температуръ), бытовыхъ (скудость ѣды воина), къ историческихъ (страшная бѣдность отъ экономическаго напряженія я войнъ) и нравственныхъ (упадокъ духа отъ неудачныхъ часто войнъ общаго, т. ск., моральнаго потрясенія въ заново слагавшемся обществѣ, арыя вѣрованія и убѣжденія коего всколебаны до дна), при отсутствіи кой бы то ни было гигіены и даже заботы о провіантѣ.

Кромѣ больницъ при монастыряхъ, куда еще въ прошломъ столѣтіи

разсылали тяжело раненыхъ, бывшихъ скорѣе богадѣльнями, мы, припомнивъ Кіевскій больничный монастырь, Виленское больничное братство, указали Троицко-Лаврскія въ смутное время и частныя Черкасскаго, Ртищева, Матвѣева, Никона, Апраксина, Нащекина и др. и военно временной въ Москвѣ госпиталь въ 1678 году. Наконецъ, говорили о проэктѣ большаго госпиталя, съ врачебной школой при немъ, царя Ѳеодора Алексѣевича, осуществленномъ потомъ на тѣ же средства Петромъ — Московскій гофшпиталь, со школой Бидлоо, о которой подробно говорится у Я. Чистовича.

Затѣмъ въ сжатомъ разсказѣ о состояніи и успѣхахъ медицинскихъ наукъ въ XVII вѣкѣ въ Европѣ, мы замѣтили большіе успѣхи, послѣдовавшіе за открытіемъ Гарвея и методомъ Бекона, по преимуществу во всѣхъ отдѣлахъ анатоміи; немного слабѣе были успѣхи физіологіи, но и тѣ и другіе, къ сожалѣнію, мало отразились на практической медицинѣ. Господствовали два, противныхъ другъ другу, ученія. Физики все объясняли механикой, а ятрохимисты, коихъ было большинство, старались все вывести изъ химическихъ измѣненій основныхъ соковъ тѣла — броженія ихъ. Ученіе запутанное уже потому, что сама химія едва выходила изъ пеленокъ и не бросала еще исканія философскаго камня. Естественная противу всего того реакція, въ ученіи Зиденгама, важна именно тѣмъ, что отвлекла наблюдателей отъ мелочей, для изученія болѣе общихъ явленій, законовъ общихъ болѣзненныхъ процессовъ, да эпидемическихъ конституцій.

Затѣмъ мы перешли къ представителямъ врачебной науки въ Россіи и при помощи печатныхъ работъ, рецептовъ и выписокъ изъ вышесказанныхъ осмотровъ, какъ русскихъ, такъ и иноземныхъ врачей, пришли къ заключенію, что учителя, за небольшими изъятіями, были далеко не первой руки; ученики же, наоборотъ, были очень способны и обѣщали скоро догнать наставниковъ.

Такимъ образомъ видимъ, что на развалинахъ народной медицины стараются поставить научную, на основахъ народныхъ и притомъ съ характеромъ древнимъ, единственно въ Россіи возможнымъ — характеромъ благотворительности.

Попробуемъ теперь рядъ врачебныхъ событій, изучаемаго нами вѣка, ввести въ общую связь съ предъидущимъ и послѣдующимъ, чтобы лучш уяснить себѣ какъ относительное, такъ и повременное ихъ значеніе. В XVI вѣкѣ были тожъ и придворные врачи иноземцы, хотя лѣчиться у нихъ боялись даже цари, ихъ вызывавшіе; была аптека про царя и даже был

екарскій бояринъ, которому приказана была аптека. Но такъ какъ побность во всемъ этомъ была ничтожна, то ничего изъ этого и не развалось. Но вѣдь были болѣзни, слѣдовательно и лѣчители, и «лѣка», жете вы? Для удовлетворенія этой народной потребы лѣкарства искони давались въ московскихъ рядахъ, лѣчили по преданію знахари, часто давцы же травъ, а б. ч. особые, болѣе или менѣе систематически обуные, врачи своими лѣкарствами, т. к. врачевство изстари было отхомъ промысломъ. Наглядный примѣръ сохранился въ коновальствѣ, переаемомъ, тоже чуть не съ основанія Россіи, практической выучкой изъ а въ родъ. Т. к. государство не имѣло надобности въ усиленіи его для ихъ цѣлей, то оно и до сихъ поръ осталось въ томъ же, вѣками не нутомъ, видѣ. Изучая его порядки, легко возсоздать былую на Руси враную педагогію. Не отвергаю при этомъ возможности, что у иноземныхъ чей и тогда еще могли быть выученики въ Россіи, какъ то дѣлали авна захожіе спеціалисты — глазные, каменной болѣзни и пр. Продывая затѣмъ изученныя нами событія XVII вѣка, замѣтимъ главное ичіе тогдашней медицины отъ позднѣйшей въ томъ, что врачи не знали яйственной части, осмотры и всѣ распоряженія дѣлались не врачами, рачи лишь лѣчили, т. е. осматривали, говорили свое мнѣніе, назначали арства, давали хирургическую помощь и больше ничего. Невольно загимъ, хоть и много было еще неопредѣленнаго, постепенное, но настойзое развитіе всѣхъ отдѣльныхъ отраслей врачевства, неуклонное присобленіе ко времени. Видимъ осторожныя попытки улучшеній, не ывая съ старымъ, не упустить и хорошее новое, а главное — стараніе ивить все это дома, сдѣлать своими силами. Положимъ, многое объяснимъ нымъ характеромъ Алексѣя Михайловича, отличнаго государственнаго янина. Но мы издавна замѣчаемъ у нашихъ правителей недурное знаство съ современнымъ состояніемъ нашей науки, такъ какъ призывали чей именно изъ странъ, гдѣ наука выше. За итальянцами шли англие, потомъ голландцы и мы посылаемъ учиться въ Италію, Голландію лючительно. Появлялось въ Европѣ новое лѣкарство, мы тотчасъ вводи его, а напр. хинная корка у насъ едва ли нераньше появилась, ревень же ропа отъ насъ и получала. У насъ прислушивались къ иноземнымъ покамъ, а дома заводили свои. И потому м. б. у насъ дано было такое дающееся положеніе придворному направленію, что не было полезно ъ потому, что не давало высокаго научнаго уровня въ учителяхъ и невольно отставали, держась еще взглядовъ въ наукѣ, кои Европа уже идала. Царствованіе Ѳедора Алексѣевича было прямымъ продолженіемъ

развитія тѣхъ же началъ, хотя и съ ускореннымъ темпомъ. Клиническое преподаваніе, недавно начатое въ Европѣ, у насъ пробуется, проэктируется большая врачебная школа, гдѣ учителя будутъ свои русскіе. Волковъ и и Постниковъ для того и посланы за границу. Какъ видите, все подготовлено, все намѣчено и б. ч. испробовано. Но является не продолжатель, а самобытный патологически нервно раздражительный, нетерпѣливый, слишкомъ самоувѣренный, безъ прочной подкладки, реформаторъ скорѣе революціонеръ. И если характеръ тихаго хозяина Алексѣя Михайловича легъ въ основу прогрессивнаго развитія у насъ врачебныхъ учрежденій; если болѣзненность Ѳедора Алексѣевича не осталась безъ вліянія на ускореніе — самъ больной, царь вполнѣ понималъ значеніе больницъ; то характеръ Петра I-го неминуемо всецѣло отразился въ судьбахъ русской медицины. Неутомимый детальный работникъ, не углублявшійся въ общія руководящія мысли, онъ началъ съ того, что изъ больницы сдѣлалъ казарму; Волкову и Постникову далъ посольскую службу; посылая десятками насильно дворянъ учиться всему и ни одного, за все царствованіе, медицинѣ. Порываются всѣ связи съ прошлымъ, управленіе перекраивается на десять манеровъ (въ 23 года десять именъ), ни однимъ онъ не доволенъ и заканчиваетъ иностраннымъ образцомъ. Медицинская школа и госпиталь открыты, благо все было подготовлено. Благодаря случаю, попался хорошій человѣкъ — голландецъ Бидлоо, и дѣло не разсыпалось, при сильной поддержкѣ духовенства и при вѣчной войнѣ съ нѣмецкимъ бюрократизмомъ, легшимъ на сотню лѣтъ въ основу нашихъ учрежденій; но дало жалкіе результаты. Мы едва знаемъ нѣсколько выучениковъ этой школы. Аптечное дѣло монополизируется не въ пользу государства, а въ пользу частныхъ лицъ, чѣмъ создается государство въ государствѣ. Все зданіе достойно завершается регламентомъ, по которому полковой врачъ брѣетъ полковника, а младшіе баталіонныхъ командировъ, какъ въ нѣмецкой арміи цирульники. Конечно, нельзя винить государственнаго строителя, вѣчно занятаго болѣе крупными событіями, въ недостаткѣ болѣе глубокаго взгляда на такую невидную отрасль, какъ медицина. Тѣмъ болѣе, что и вся «храмина—Россія, построенная Петромъ, при его наслѣдникахъ разсыпалась». Но старыя основы, народныя потребности, русскія начинанія и люди такъ хорошо изгнаны, что прошло полтора вѣка прежде чѣмъ медицина начала быть русской въ Россіи. И если XVII вѣкъ, по справедливости, въ сравненіи съ предъидущимъ, назовемъ вѣкомъ разцвѣта у насъ врачебнаго дѣла (съ голландцами); то во весь XVIII вѣкъ дѣло стояло на точкѣ замерзанія (съ нѣмцами). Сравните

врачебную школу 1668 года — Годзеній (аптекарь), Грамманъ (клиникъ), Бальзиръ (хирургъ), Гаденъ (анатомъ) и тотъ же медицинскій факультетъ въ Москвѣ 1796 года — Фрезе, Пекенъ, Гильдебрандтъ, Мухинъ (тѣхъ же предметовъ) и ни человѣка больше. Петровскія реформы медицины создали у насъ и въ управленіи, помимо аптекъ, другое государство въ государствѣ, такъ что пріѣхавшіе изъ заграницы русскіе доктора медицины лишь по экзамену уравнивались съ кѣмъ? — съ иностранными докторами медицины. Вотъ почему позднѣе наши гуманисты, напр. Бахметевъ, Кожинъ и многіе другіе доктора медицины, считая то національной обидой, не экзаменовались и не служили, а слѣдовательно пропали безслѣдно для родной земли и науки.

Вдумываясь въ смыслъ реформъ Петра въ нашемъ врачебномъ дѣлѣ, невольно приходитъ въ голову изрѣченіе одной нашей лѣтописи:

«....бѣша дьяки мудры, а земля пуста».

ОШИБКИ.

Листъ.	Строка.		Напечатано:	Читай:
22	7	снизу	чта	что
24	11	сверху	приведентыхъ	приведенныхъ
41	3	—	восьма	весьма
55	5	снизу	Токсорисъ	Томсарисъ
59	15	сверху	вѣщица	вѣштица
79	30	—	слово.—	слово—1.
80	16	снизу	поздвонковыхъ	позвонковыхъ
111	10	—	сѣхъ	всѣхъ
136	3	—	142,1—24	1421—24